Боспорские исследования

Вып. XXI

BOSPOROS STUDIES

Vol. XXI

Симферополь - Керчь

2009

Simferopol - Kerch

ББК 63.3
М 34

Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского Национальной академии наук Украины

Центр археологических исследований БФ «Деметра»

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины

Редакционная коллегия:

А.И. Айбабин, д.и.н., проф. (главный редактор)
В.Н. Зинько, д.и.н. (зам. главного редактора)
М.Г. Крамаровский, д.и.н.
С.Д. Крыжицкий, чл.-корреспондент НАН Украины
А.А. Масленников, д.и.н., проф.
Л.В. Матвеева, д.и.н.
Е.А. Молев, д.и.н., проф.
В.А. Сидоренко, к.и.н.
Н.И. Храпунов, д.и.н., проф.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Протокол № 6 от 23.09.2003 г.)

Ответственный редактор: д.и.н. В.Н. Зинько

М 34 Боспорские исследования – Вып. XXI. – Сб./Отв. ред. В.Н. Зинько. – Симферополь–Керчь.–2009. – 576 стр. + 2 стр. вклейки.

В очередной том «Боспорских исследований» вошли статьи по античной и средневековой истории и археологии Боспора Киммерийского и прилегающих территорий Северного Причерноморья. Определенная часть публикаций подготовлена на основе докладов IX Боспорских чтений, прошедших в мае 2008 г. в г.Керчи.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, преподавателей и студентов, а также всех, кто интересуется археологией и историей юга Украины и России.

Свидетельство о гос.регистрации – серия КВ, № 8048, 23.10.2003 г.

© Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е.Крымского НАН Украины, 2009

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2009

ISBN 978-966-1538-08-4

СТАТЬИ

А.С. РУСЯЕВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «БОРИСФЕН»

В общем, несмотря на то, что самая величественная на территории Украины и многими воспетая река Борисфен (современный Днепр) играла чрезвычайно важную роль в жизни местных и пришлых племен и народов на протяжении тысячелетий, собственно, она как исторический феномен все еще нуждается в специальном многостороннем исследовании. Вместе с тем Борисфен занимал особое место в экономическом, политическом и культурном развитии Ольвии Понтийской в античную эпоху, что, следует надеяться, обратит на себя более пристальное внимание будущих антиковедов. Главной же задачей этой статьи является только краткое, преимущественно в историографическом аспекте, рассмотрение тоже еще недостаточно изученного и дискуссионного вопроса о происхождении названия «Борисфен», в соотношении с которым переселившиеся в Днепро-Бугский регион эллины создали различные по содержанию и значению, но сходные по форме и написанию наименования.

Действительно представляет большой интерес тот факт, что именно Борисфен, в отличие от всех других названий рек, впадающих в Черное море (Понт Евксинский), послужил возникновению и длительному существованию наибольшего количества разнообразных (как аналогичных, так и производных) географических, культовых и этнических номинаций: полуостров, а впоследствии остров (современный о-в Березань), речное божество, речные нимфы, вероятно, муза Аполлона, два полиса в Нижнем Побужье, а также этноним и демотиконы, заслуживающие как в общем, так и сами по себе в отдельности специального исследования. Очевидно, немногочисленность литературных и эпиграфических источников и их разноречивое толкование учеными повлекли за собой то, что до сих пор, в том числе и относительно вышеупомянутых производных от названия «Борисфен» терминов, остается немало дискуссионных вопросов. Это не значит, что здесь будет предпринята попытка их окончательного решения. В силу многих обстоятельств это вряд ли возможно, хотя в общем представляется нелишним еще раз обратить на них внимание с целью изучения в дальнейшем[1].

[1] Доклад автора «Борисфен: река, полис, божество» был прочитан 10 лет тому назад (Borysthenika. Тезисы юбилейных чтений (к 70-летию В.В. Лапина). Киев, 18 марта 1998 г.).

Естественно, ученые издавна с разных позиций так или иначе обсуждали в сочетании с другими темами отдельные «борисфеновские» номинации, чаще всего акцентируя внимание на их внутренней сути и происхождении или же аргументируя собственное понимание их упоминаний Геродотом – первым древнегреческим историком, благодаря которому в значительной степени и стали известны, хотя и не все, но немало различных названий (ср., например: Лапин, 1966, с. 148-153; Карышковский, 1967, с. 84-85; Виноградов, 1976, с. 75-84 = Vinogradov, 1997, S. 133-144; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982 – комментарий; Стрижак, 1988, с. 132-146). В наше время, исходя из сведений Геродота, уже безоговорочно признается отождествление Борисфена с Днепром при том, что еще в XIX в. некоторые историки безуспешно пытались сопоставить его с другими, менее значительными реками или Днепро-Бугским лиманом (например: Надеждин, 1844, с. 41-42; Struve, 1874, S. 69-70; ср.: Reichardt, 1889, S. 50-55; Жебелев, 1953, с. 291-298)[2].

Если этот вопрос относится к несомненно решенным, то совсем другая ситуация сложилась с изучением происхождения названия Borusqenhj – «Борисфен (Бористен, иногда Борюстен)». В научной литературе пока не сложилось его однозначного толкования. При этом обращает внимание, что аргументами нередко выступают не сугубо объективные и конкретно реальные данные, а на первый план выдвигается его связь с восстановлением древних языков, в частности скифского, в своей основе древнеиранского, а также индо-арийского, фракийского, местных племен без уточнения их этноса. В соответствии с этим прослеживается и закономерная приверженность ученых к собственной тематике.

Для примера можно привести три главные этимологические интерпретации названия реки Борисфен. Преимущественно исследователи следуют довольно давно высказанному мнению о том, что Borusqenhj происходит от иранского vouru]tana – «широкое место» [ср.: Müllenhoff, 1893, S. 122; Абаев, 1949, с. 183, 187; Vasmer, 1971, S. 161, 194; Гідронімія…, 1981, с. 15; Скржинская, 1991, с. 166]. Это толкование, по всей вероятности, лучше всего согласовывалось со скифским происхождением названия и являлось одним из важных источников, что кочевые скифы раньше, чем эллины, заняли земли Северного Причерноморья и именно от них они его заимствовали. Хотя С.Р. Тохта-

---

К сожалению, сборник статей, посвященных этому известному исследователю Борисфена (Березанского поселения), не был опубликован, а статья на данную тему вообще утеряна. Считаю своим долгом представленную здесь хотя и в сокращенном, но несколько обновленном варианте статью, как и раньше, посвятить доброй памяти В.В. Лапина. По разным причинам мне явно неизвестны все работы по рассматриваемому здесь вопросу, поэтому заранее прошу извинить за отсутствие соответствующих им сносок.

[2] К этому можно добавить, что эпиграфические источники все еще способствуют отождествлять упоминаемое в них название Борисфен в разных значениях с Днепро-Бугским лиманом (Жебелев, 1953, с. 291-298; Яйленко, 1980, с. 80).

сьев, вопреки объяснению В.И. Абаева [1949, с. 187], уверенно констатировал, что «скифская этимология гидронима неприемлема ни фонетически, ни семантически» [Тохтасьев, 1984, с. 138, прим. 16], по-прежнему считается, что скифы называли Днепр Борисфеном, а его сарматское название сохранилось в греческой форме Danaprij [см., например: Кулланда, 2008, с. 206].

Как бы там ни было, но несмотря на такую, казалось бы, признанную интерпретацию, она все-таки не воспринимается другими лингвистами. Так, известный знаток древних языков и их интерпретатор О.К. Трубачев склонен выводить название Борисфен из индо-арийских корней: bra-sthanâ (baru-sthâna) – «высокое место» [Трубачев, 1979, с. 37]. В свою очередь, не менее известный украинский филолог А.А. Белецкий резонно отмечал, что подобного типа ранее приведенные значения мало подходят для характеристики такой крупной реки, как Днепр, предложив объяснять его из догреческого названия на основании древнегреческого языка – от ионийского Boreaj, Borhj и sqenoj, что в словосочетании Borusqenhj значит «северный проток или пролив» (см. подробнее: Білецький, 1962, с. 55-61). Исходя из разного рода трактовок, А.А. Белецкий, в частности, также полагал, что «любая этимология в бытовом понимании слова оказывается в какой-то мере остроумной догадкой или вспышкой научной фантазии», но отнюдь не достоверным доказательством [Белецкий, 1972, с. 74-76].

Из приведенных толкований видно, что современные лингвисты, среди которых немало приверженцев иранских гидронимов, топонимов, этнонимов, засвидетельствованных в античной литературной традиции, нередко занимаются сравнительно-звуковыми, а не смысловыми значениями слов и фактически мало внимания уделяют вопросам хронологии, в частности определения хотя бы гипотетической даты появления того или иного названия, а тем более различным языковым сопоставлениям в исторической перспективе. Само собой разумеется, что в данном аспекте это всего лишь непрофессиональное суждение автора. Тем не менее, обращает внимание, что игнорируется тот язык, благодаря которому многие термины сохранились и могут теперь изучаться. Конкретно, что касается Борисфена, то не замечаются либо подвергаются сомнению сведения Гесихия и Стефана Византийского, явно почерпнутые ими из какого-то достаточно раннего литературного источника, не дошедшего до нашего времени. Эти авторы прямо указывали, что Геллеспонт (современный Дарданельский пролив) первоначально назывался Борисфеном (Hesych. s. v.; Steph. Byz. s. v.).

Для эллинов предколонизационного периода, когда они еще не заселили побережья Понта Евксинского, естественно было именовать его Борисфеном (скорее всего, в понимаемом ими значении «северного пролива», поскольку в те времена их географические представления и знания не простирались далее от него на север). Поэтому вполне вероятно, что возникновение названия Borusqenhj относится еще к крито-микенской эпохе, которое сохранялось

в неизменной либо слегка видоизмененной форме в говоре преимущественно местных мореплавателей. Но в период первичного открытия эллинскими мореходами новых морей и земель на всех понтийских побережьях название одного из проливов по своему смысловому значению уже не согласовывалось с его географическим расположением. Поэтому оно могло быть заменено на Геллеспонт, а прежнее название Борисфен перенесено на крупнейшую реку в Северном Причерноморье, поскольку она, по первым представлениям эллинов, еще не знавших ее величины, лучше всего отвечала такому названию[3]. Очевидно, что именно факт перенесения также может свидетельствовать в пользу понимания ее значения эллинами как северного пролива, а не прямого ее заимствования у степных скифов. Понятно, что тогда они еще не знали, что перед ними не пролив, а огромная река, у истоков которой даже во времена Геродота ни одному из эллинов не удалось побывать.

Что касается того, когда именно греческие мореходы переименовали Борисфен на Геллеспонт и перенесли его прежнее название на Днепр, никаких достоверных источников, к сожалению, не сохранилось, как не имеется и никаких данных о том, что кто-либо из древних авторов отметил бы его негреческое происхождение, хотя бы из любопытства к тому, в чем же заключается его смысловое значение[4]. Только сугубо гипотетически отдельные совре-

---

[3] В этой связи можно также вспомнить, что наименование узкого пролива Боспор (Фракийский) было использовано колонистами для современного Керченского пролива, получившего аналогичное название Боспор (Киммерийский). Иного мнения относительно Борисфена придерживается С.Р.Тохтасьев, которое заслуживает того, чтобы привести его полностью: «Некоторые исследователи отвергают местное происхождение имени Borusqenhj, ссылаясь на Hesych. и Steph. Byz., s. v. (как и в ряде других случаев, оба автора явно имели здесь общий источник), где Борисфен упомянут как другое (прежнее) название Геллеспонта. Каким образом гидроним мог перенестись на север Понта? Колонисты часто переносят топонимию метрополии на свою новую родину, но неизвестны и были бы решительно непонятны случаи, когда туда переносятся топонимы, собранные переселенцами по пути. Если бы это темное свидетельство заслуживало бы даже полного доверия, можно было бы предположить общий фракийский источник названия (ср. ВДИ, 1948, №4, с. 268, прим. 6)» [Тохтасьев, 1984, с. 138, прим. 16]. К сожалению, автор не развил свои взгляды более детально. Исходя из этой цитаты, как будто вызванной упоминанием точки зрения К.К.Марченко о появлении на Березани фракийцев почти синхронно с основателями греческого поселения, следует думать, что С.Р.Тохтасьев склонен относить к фракийскому происхождению и топоним Борисфен.

[4] В такой же мере ни один из древнегреческих авторов не отмечал, что собственно скифы или же местные племена дали такое название реке и что греческие переселенцы позаимствовали его не только для реки, но и для имени своего речного божества и названий основанных ими полисов. При этом, когда говорится о местном названии, не уточняется, какой именно этнос подразумевается под понятием «местный» в то время, как уже общепризнанно, что местное оседлое население в Днепро-Бугском регионе непосредственно перед колонизацией и в период освоения греками всей его территории отсутствовало. Очевидно, поскольку здесь не обитало исконно оседлое племя, а тем более в архаическое время не существовало и какое-либо этнополитическое образование, ни одно местное название реки так и не вошло в античную литературную традицию, хотя, например, ольвиополиты могли знать таковое и использовать его при общении с варварами в последующее время.

менные исследователи в хронологическом аспекте оперируют одним упоминанием о музе Аполлона по имени Борисфенида, воспетой поэтом Евмелом Коринфским, но не сохранившемся в оригинале [см., например, с литературой: Карышковский, 1967, с. 75; Блаватский, 1968, с. 120; Скржинская, 1991, с. 166].

Однако, время жизни этого поэта в последнее время определяется не однозначно и слишком противоречиво: от второй половины VIII до первой половины и даже середины VII в. до н. э. [см. с литературой: Блаватский, 1968, с. 119-122; West, 2002, p. 109-133; Иванчик 2005, с. 63, 83, 150]. Несмотря на первую, достаточно еще раннюю из вышеупомянутых дат, именно В.Д. Блаватский уверенно отождествлял «евмеловскую» музу Аполлона с нимфой северопонтийской реки Борисфен, главным образом, исходя из принятой в его время даты основания первых колоний на южном побережье Черного моря, в частности Синопы, а в соответствии с этим и ранним предколонизационном знакомстве эллинов с другими его регионами [Блаватский, 1968, с. 120].

Не касаясь этого мнения ученого, А.И. Иванчик, базируясь на данных зарубежных исследований, признавая историчность Евмела Коринфского и относя его акмэ к концу VIII – первой четверти VII вв. до н. э., все же как будто скептически и с сомнением относится к данному источнику [ср. Иванчик, 2005, с. 63, 83]. Будучи признанным знатоком многих древних языков, он в последнем фундаментальном труде не затронул вопрос о происхождении названия «Борисфен», хотя и высказал свое мнение о Борисфениде в сопоставлении с Евмелом: “Однако этим не исчерпываются проблемы, связанные с данным фрагментом (об основании Синопы – *А.Р.*). Независимо от его даты, аутентичность сообщения Евмела весьма сомнительна, как и аутентичность свидетельства о том, что он упоминал музу по имени Борисфенида, сохранившегося в схолиях Цеца к Гесиоду (fr. 17 Bernabè)… Однако даже если упоминание Борисфениды Евмелом аутентично, это еще не означает его знакомство с районом Днепра. Действительно, в нашем распоряжении имеется античная традиция, согласно которой Борисфеном называлась не только впадающая в Черное море река, но и Геллеспонт (Hesych. s. v.; Steph. Byz. s. v.). Упоминая Борисфениду, Евмел, таким образом, мог иметь в виду Геллеспонт» [Иванчик 2005, с. 83]. Действительно, и в первом, и в другом случае вряд сам Евмел путешествовал и лично видел как Геллеспонт, так и Борисфен, чтобы воспеть Аполлона и его музу Борисфениду.

Первые географические открытия эллинов и новые мифы не могли не отразиться на творчестве поэтов архаического времени, ибо, как известно, составляли их неотъемлемую часть. Мифологическая расцветка поэтических произведений, в том числе и знаменитых эпосов Гомера, не препятствует, как известно, использовать их в качестве наиболее древних письменных источников. Другое дело, что отдельные из них, в частности и поэма Κορινθιακά Евмела, в которой зафиксированы древнейшие сведения о Колхиде и интересующей нас музе Борисфениде, относятся к самым разным

датам, в том числе и времени, далеко отстоящем от реального освоения эллинами припонтийских областей[5].

Между тем пересмотр современными учеными времени жизни Евмела в аспекте связи этой музы Аполлона с нашим Борисфеном заслуживает особого внимания. Так, М. Уэст после тщательного изучения всех имеющихся по тематике поэмы Евмела сведений относит время его творчества почти к середине VII в. до н. э. [West, 2002, p. 109-110]. Если только такая датировка в определенной мере достоверна, то, исходя из нее, можно быть более уверенным в том, что греческие мореплаватели уже знали реку Днепр и могли называть ее Борисфеном.

Что же касается музы Борисфениды, то для усиления гипотезы о ее взаимосвязи с северопонтийским Борисфеном нелишне вспомнить достаточно раннее возникновение мифов о путешествиях Аполлона в северные края ойкумены и его ежегодные возвращения весной в Элладу, которые, вполне вероятно, соотносятся с началом разведочных плаваний греков, предшествующих милетско-понтийской колонизации под сакральной эгидой этого бога. Вряд ли случайно приобрел колоссальное значение культ этого бога в ипостаси Иетроса, Борея и Гиперборея в основанных Милетом полисах, в первую очередь в Днепро-Бугском регионе [см. с лит.: Русяева 1992, с. 29-50; она же 2005, с. 19-21, 221 сл.]. Вероятно, во время панэллинских календарно-религиозных праздников Аполлона на традиционных мусических агонах в песнях и гимнах упоминались и новые географические открытия эллинов, обычно приписывавшиеся покровительству этого бога как сакрального основателя полисов, откуда в благодарность в святилища поступали разнообразные дары. Имя музы Борисфениды, производное от названия реки Борисфен, могло стать известным в Дельфах, с которым Коринф, бывший одним из важных центров периода архаики, поддерживал наиболее тесные контакты, обращаясь за советом к оракулу Аполлона и считая этого бога своим покровителем с древнейших времен.

Однако, если эти суждения носят лишь предположительный характер, основывающийся на предложенной датировке М.Уэста, то в большей степени совпадает с ней время основания древнейшей в Северном Причерноморье ионийско-милетской апойкии Борисфен. Соответственно предколонизационной практике, преимущественно связанной с поисками пригодных для заселения земель, необитаемый полуостров, находившийся вблизи этой реки, явно поразившей эллинов своей величиной и полноводностью, получил такое же название. А то, что она действительно производила неизгладимое впечатление, особенно на тех, кто впервые видел такие большие реки, свидетельствует описание ее Геродотом, правда, уже намного позже – около

[5] В наше время более обоснованно отвергается основание Синопы и Трапезунта во второй половине VIII в. [см. с лит.: Ehrhardt, 1983, S. 49-51, 55-56; Иванчик, 2005, с. 143-152].

середины V в. до н. э.: «Борисфен – величайшая из рек после Истра… не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила… Из остальных Борисфен самый полноводный, он представляет прекраснейшие пастбища для домашнего скота. (В нем водится) множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли и водятся огромные бескостные рыбы…» [Herod. IV, 53; см. Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 118-119]. Столь полнозвучная, наполненная многими эпитетами в превосходной степени характеристика реки может свидетельствовать и о том, что она в период ее отрытия также восторженно воспринималась стремившимися больше узнать и увидеть впервые прибывшими сюда эллинами.

Благодаря уникальным качествам двух крупнейших рек в Северо-Западном Причерноморье древнейшие в данном регионе полисы, видимо, для лучшей ориентировки об их местонахождении и еще не полностью изученных местностях северной ойкумены получили одноименные с ними названия: Истр и Борисфен. В античной литературной традиции сведения об основании этих полисов, в частности Борисфена на десять лет позже – во втором году 33-ей Олимпиады (647/6 г. до н. э.), прошли через тысячелетия и сохранились до нашего времени в «Хронике» Евсевия Кессарийского (Euseb. Chron. can., p. 95 b Helm.). По археологическим материалам он единогласно отождествляется с Березанским поселением [см. с лит.: Болтенко, 1930; он же, 1960; Виноградов, 1976; он же, 1983; он же, 1989; Копейкина, 1979; Русяева, 1986; она же, 1986а; она же, 1998; Борисфен…, 2005; Буйских, 2005 и другие]. Почти синхронной с этой датой древнейшей, в основном восточногреческой керамики (хронология время от времени меняется), при раскопках памятника найдено не так и много [ср.: Копейкина, 1979, с. 106-107; Ильина, 2000, с. 201-203]. Тем не менее ее все же можно сопоставлять с возникновением первой эллинской апойкии в Северном Причерноморье.

Вопросами о роли Борисфена в милетско-понтийской колонизации Северного Причерноморья, его политическом статусе, этно-социальной структуре, характере связей с метрополией, древнегреческими центрами Эгеиды и Понта, Ольвией и варварским населением (кочевыми скифами и земледельческо-скотоводческими племенами Лесостепи, фракийцами, таврами) в той или иной степени занимались многие исследователи. Поскольку они выходят за рамки предложенной темы, следует все-таки сказать, что к самым дискуссионным относятся вопросы взаимоотношения с варварами, а в определенной зависимости от них и статус Борисфена: эмпорий или полис [см. с лит. и ср.: Буйских, 2005, с. 146-153, 164; Зубарь, Сон, 2007, с. 8-21]. Относительно последнего автор настоящей статьи, несмотря на ряд новых концепций, остается на прежних позициях. Как бы то ни было, но интенсивное освоение его численно небольшой гражданской общиной окружающей территории, создание

собственной аграрной и ремесленно-производственной базы, в том числе и в Нижнем Поднепровье, расширение торговых связей с крупными античными центрами и автохтонами Лесостепи, выпуск собственной монеты в виде стрелы – символа и атрибута главного полисного покровителя Аполлона Иетроса, наличие теменосов с храмами и алтарями[6], почитание многих божеств с четко определенными функциями, развитая система религиозных и погребальных ритуалов указывают в целом на то, что Борисфен представлял собой пусть и небольшой, по сравнению с Ольвией, полис с присущими для него элементами государственного (первоначально с ойкистом во главе) устройства, без которого невозможны единство гражданского коллектива, экономическое самообеспечение и самооборона в столь отдаленном от метрополии регионе. При этом не следует забывать, что на самом деле Борисфен был основан на полуострове, а не острове, каким сейчас является Березань, и как каждый полис имел земли и гавань, а, возможно, и другие пункты, где происходил торговый обмен – то есть эмпории.

Вообще же многообразие взглядов на вопросы внутри- и внешнеполитического развития Борисфена порождено не только отсутствием достоверных письменных источников, но и вследствие совершенно разной интерпретации его как памятника древнейшей цивилизации эллинов в Северном Причерноморье. Хотя уже опубликовано множество работ, касающихся в той или иной степени его истории и культуры (правда, главным образом, материальной), он все еще принадлежит к наименее исследованным полисам в данном регионе.

Кроме того, нельзя не отметить, что в антиковедении как будто уже сложилась традиция и относительно его современного названия, адекватного названию острова: Березань либо Березанское поселение, которое превалирует в большинстве работ (см., например, и ср. обширную библиографию: Материалы Березанской…, 2006, с. 195-222). Несмотря на то, что уже с начала публикации статьи М.Ф. Болтенко [1930] с убедительным доказательством, что данные Евсевия Кессарийского о дате основания Борисфена относятся к апойкии на о-ве Березань, а не Ольвии, которую, впрочем, так именовали на протяжении многих веков прочие греки, мы и сейчас являемся непосредственными авторами и свидетелями того, что в научной литературе, а тем более в обиходе, крайне редко употребляется его исконное наименование, созвучное с рекой и положившее начало обширному освоению ионийцами Северного Причерноморья. Однако, ничего подобного не наблюдается даже в отношении самых малых и намного менее известных апойкий на Боспоре и в других местностях греческого мира. Только древнейший полис в

[6] В этом аспекте требуют самого тщательного изучения на современном научном уровне археологические исследования Э.Р. фон Штерна, его дневниковые записи в сопоставлении с теменосами Ольвии.

Северном Причерноморье – настоящая жемчужина архаической культуры эллинов все еще не имеет своего постоянного названия, что, вне всякого сомнения, уже требует коренного пересмотра и замены превалирующего в науке Березанского поселения, происходящего от современного островного топонима Березань, на его исконное Борисфен.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. 1.
Білецький А.О. Борістенес – Данапріс – Дніпро // Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.
Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.
Блаватский В.Д. Βορυσθενίς // ВДИ. 1968. №4.
Болтенко М.Ф. До питання про час виникнення та назву давнішої йонійської оселі над Бористеном // Вісник Одеської комісії краєзнавства. Секція археологічна. Одеса, 1930. №4-5.
Болтенко М.Ф. Исторические судьбы о. Березань // ЗОАО (н. с.). 1960. I.
Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. СПб., 2005.
Буйских А.В. Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
Виноградов Ю.Г. О политическом единстве Березани и Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1.
Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. Київ, 1981.
Доватур А.И., Каллистов А.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М., Л., 1953.
Зубарь В.М., Сон Н.А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. Киев, 2007.
Иванчик А.И. Накануне колонизации. М., Берлин, 2005.
Ильина Ю.И. О новых находках восточногреческой керамики на острове Березань // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю.В.Андреева. СПб., 2000.
Карышковский П.О. Заметки об Ольвии и Борисфене // ЗОАО. 1967. Т. II (35).
Копейкина Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.
Кулланда С.В. Scythica obsoleta // ВДИ. 2008. № 1.
Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. СПб., 2006. Т. 1.
Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями // ЗООИД. 1844. I.
Русяева А.С. Милет-Дидимы – Борисфен-Ольвия. Проблема колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
Русяева А.С. Борисфен /Березанское поселение/ // Археология Украинской ССР. Киев, 1986а. Т. 2.
Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998. № 1.
Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.

Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991.
Стрижак О.С. Етнонімія Геродотової Скіфії. Київ, 1988.
Тохтасьев С.Р. Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 3.
Трубачев О.Н. Старая Скифия Геродота и славяне: лингвистический аспект // Вопросы языкознания. 1979. № 4.
Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main. Bern. New York, 1983.
Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1893. Bd. III.
Reichardt C. Landeskunde von Skythien nach Herodot. Halle, 1889.
Struve T. Pontische Briefe // Reinisches Museum für Philologie. Frankfurt am Main, 1874. XXIX.
Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. Berlin, 1971.
Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz, 1997.
West M.L. 'Eumelos': A Corinthian Epic Cycle? // JHS. 2002. 122.

A.S. Rusyayeva

TO THE QUESTION OF THE NAME «BORUSTHENES» ETYMOLOGY

Summary

Different scientific points of view about the etymology of the river Borusthenes and the ancient polis of the same name have been surveyed in the article. The polis is the most ancient one in the north Pontic area. Being the unique monuments and a real gem of archaic culture of the Hellenoi it has not got its constant name yet. Undoubtedly, it needs radical re-examine and substitution of the name Berezan settlement (= Berezan), which prevails in modern science, to the original name Borusthenes.

М.В. СКРЖИНСКАЯ

РЕАЛЬНЫЕ И МИФИЧЕСКИЕ НАРОДЫ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА ИЗ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (VI- IV вв. до н. э.)

Представители реальных и мифических народов постоянно привлекали внимание древнегреческих художников. Они чаще всего изображали эллинов или фольклорных героев, имеющих тот же облик. Гораздо реже объектами изображений становились иноземцы с их особыми чертами внешности и костюма, но именно о них пойдет речь в этой статье.

Среди интересующих нас персонажей на аттических вазах VI- IV вв. до н.э. есть люди, одетые в восточные костюмы и вооруженные луком и стрелами. Они появляются на росписях ваз, привезенных в Северное Причерноморье в конце VI – первой трети V вв. до н. э. (№ 1- 7)[1]. Традиционно этих воинов называют скифами, но в последнее время некоторые исследователи опровергают такое отождествление [Яценко 2000, с. 25; Иванчик 2002]. А.И. Иванчик утверждает, что ни аттические вазописцы, ни зрители данных росписей не считали их скифами и вообще не соотносили с каким- либо определенным этносом [Иванчик 2002, с. 41]. Сторонники этой точки зрения не отвечают на вопрос, почему между 520 и 480 гг. до н.э. аттические вазописцы детально изображали костюм и вооружение этих воинов, а позже многие реальные наблюдения были утрачены. В то же время М. Вос, рассмотрев более 600 подобных изображений, доказывала, что художники писали их с натуры, так как в названный промежуток времени скифские лучники служили наемниками в афинском войске и чаще всего имели дело с конями. Когда же афиняне перестали привлекать этих варваров на военную службу, изображения скифов и амазонок, одетых по-скифски, утратили многие этнографически точные детали, а их одежда превратилась в некий обобщенного вида восточный костюм [Vos, 1963, p. 40- 50; 80-81].

В задачи настоящего исследования не входит обсуждение вопроса, кто служил вазописцам реальным прототипом «скифских лучников». Я полагаю, что такие изображения у греков Северного Причерноморья ассоциировались с их соседями, скифами, так как других народов в подобных костюмах почти

[1] Здесь и далее в скобках указаны номера приложенного к статье каталога изображений реальных и мифических народов на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

Рис.1. Гоплиты, сражающиеся со скифом. Чернофигурная ойнохойя из Пантикапея. Конец VI в. до н.э.

никто из местных эллинов не видел. Однако они узнавали на рисунках не своих современников, с которыми приходилось сталкиваться в реальной жизни, а героев эпических поэм и фольклорных преданий. Так как иллюстрировались события давно минувшего времени, то не имело значения, если на росписях ваз были какие-то небольшие несоответствия с костюмом и вооружением соседей северных эллинских колоний.

В античной литературе уцелело лишь одно краткое упоминание о скифах в греческом эпосе. Страбон (XII, 3. 22), сославшись на утраченные теперь сочинения, упомянул предание об участии в Троянской войне кочевников, прибывших из-за Борисфена, и назвал это выдумкой позднейших времен. Действительно, скифы появились в Малой Азии спустя несколько столетий после знаменитой войны. Геродот (I, 104- 106) написал об их военных походах в VII в. до н.э. и господстве в Азии в течение 28 лет. Знакомство со скифами сначала в греческих малоазийских городах, а затем в колониях на берегах Понта дало возможность грекам узнать о воинственности этих племен и об их коннице. Наверное, практика привлечения скифов во вспомогательное войско своеобразно отразилась в одной из поэм Троянского цикла, о содержании которой можно судить лишь по вазовым рисункам. Скифы выступали там союзниками троянцев. На амфоре последней трети VI в. до н.э. нарисовано сражение Диомеда и Гектора над телом поверженного Скифа. Около всех трех фигур написаны их имена. Убитый воин одет в греческий хитон, но на голове у него восточная шапка, а у пояса горит. Это указывает, что Скиф не просто имя, но и национальность этого персонажа. Но в большинстве случаев скифы выделяются только своим костюмом и вооружением. Особенно выразителен рисунок на одной чернофигурной гидрии: на стенах Трои стоят несколько гоплитов и воин в восточном одеянии, а из ворот города выезжает боевая колесница и выходит гоплит вместе со скифским лучником [Vos, 1963, p. 34- 39].

Иллюстрации греческого эпического сказания об участии скифов в сражениях далекого прошлого нечасто встречаются на вазах из Северного Причерноморья. Такова роспись чернофигурной ойнохойи из Пантикапея (№ 5). Два воина в шлемах с опущенным забралом поражают копьями скифа в характерной остроконечной шапке и с горитом у пояса (рис. 1). Вышедшие к тому времени из употребления беотийские щиты гоплитов указывают зрителю, что это сцена из эпоса. Еще на двух чернофигурных вазах имеются подобные иллюстрации (№ 2, 7): на одной показано единоборство защищающегося беотийским щитом гоплита со стрелком в скифском костюме с горитом у пояса (рис. 2), на другой нарисован скиф в характерной одежде ря-

дом с греческим воином, прощающимся с женой. Труднее определить смысл рисунка на чернофигурном лекифе, где скиф представлен между двумя лошадьми (№ 3). К этой серии сюжетов относятся и обломки сосудов с частично уцелевшими фигурами в скифских шапках (№ 1, 4).

Рис. 2. Сражение гоплита со скифским лучником. Чернофигурный алабастр из Северного Причерноморья. 470 гг. до н. э.

Когда в VI в. до н.э. родилась легенда об объединении скифов с амазонками в один народ, вазописцы стали изображать воинственных женщин в скифском костюме и вооружении. На краснофигурных сосудах зачастую трудно отличить амазонок от молодых безбородых скифов. Мастера же чернофигурного стиля выделяли у женщин, в том числе и у амазонок, белым цветом лицо и незакрытые части рук и ног. Это позволяет считать ошибочным определение сюжета картины на чернофигурном лекифе в двух изданиях ваз Одесского музея (№ 6), где сказано, что там нарисованы два греческих всадника и пленная амазонка. Однако лица греков и «пленницы» одного цвета, поэтому это не амазонка, а молодой скиф, и он не пленник, а помощник воинов.

Аттические вазописцы тщательно рисовали вооружение скифов, в частности не употреблявшиеся эллинами составной лук и горит, представлявший футляр с двумя отделениями для лука и стрел. У греков же в колчане хранились только стрелы, и они пользовались этим оружием в основном на охоте, а не на войне. Горит имел характерное очертание, его украшали различными орнаментами, а к крышке прикрепляли хвост какого- нибудь пушистого зверя. Скифы носили горит обычно слева на перевязи, охватывающей шею и плечо, и дополнительно закрепляли его на поясе, греки же перебрасывали ремень колчана только через плечо [Vos, 1963, p. 50]. Это детально нарисовано на алабастре (рис. 3), хранящемся в Одесском музее (№ 15), на других же вазах из Северного Причерноморья горит изображен силуэтно, а на одном лекифе он обозначен у правого бока воина (№ 3).

Рис. 3. Подготовка к поединку грека и амазонки. Краснофигурный алабастр из Северного Причерноморья. Конец VI в. до н. э.

В отличие от греческого скифский лук был составным и имел выступ посередине [Черненко, 1981, с. 19- 21]. Он был на вооружении и у других восточных народов, но эллины с архаического периода называли такой лук скифским, о чем известно из ссылки Аммиана Марцелина (XXII, 8, 10) на Гекатея Милетского, сравнившего очертание Черного моря со скифским луком. На лекифе со сценой охоты из Пантикапея

Рис. 4. Охота на кабана ланей и грифонов. Прорисовка картины на лекифе из Пантикапея. 380 гг. до н. э.

(№ 9) изображены оба вида луков: греческий у охотника с эллинским именем Клитий и скифский у охотника в восточном костюме (рис. 4). Вазовые рисунки показывают разные моменты стрельбы из лука. Готовясь к бою, стрелок проверял прямизну стрелы (рис. 3), во время сражения скиф стрелял, сидя на коне, либо стоя или опустившись на колено. Даже стреляя, скиф умел держать в руке наготове несколько стрел, чтобы не тратить время на вынимание их из горита (рис. 2).

Костюм скифа состоял из облегающих шаровар и рубашки или куртки. Они запахивались крест накрест, образуя у шеи острый вырез. Их низ либо заправлялся в шаровары (№ 15), либо оставался поверх них (№ 3, 5). Дорогую одежду расшивали различными орнаментами, которые с особой тщательностью переданы в костюме амазонки на рисунке Псиакса (рис. 2). В VI – начале V вв. до н.э. изображались два вида жестких скифских шапок. Одни, которые не встречаются на более поздних памятниках искусства, имели стоячий острый выступ над макушкой (рис. 1), у других верх был округлый (рис. 3). Более редкая остроконечная шапка показана на двух вазах из Порфмия и Пантикапея (№ 3, 5), а на остальных рисунках уборы второго типа. Скифские шапки, сшитые из плотной ткани или кожи, имели уши, опускавшиеся на затылок и плечи. Такие шапки согревали в холодную погоду, а также защищали голову и шею от ударов легкого оружия.

Наверное, в классический период становятся непопулярными эпические поэмы и легенды с участием скифов, их иллюстрации уходят из репертуара художников. В IV в. до н.э. греческие ювелиры исполняли великолепные золотые и серебряные вазы и нашивные бляшки с реалистическими фигурами скифов. Они найдены в скифских курганах, но не обнаружены на греческих городищах и некрополях. Таким образом, можно думать, что эллинов Северного Причерноморья совсем не интересовали сюжеты с изображениями их соседей,

которых они хорошо знали в реальной жизни. Итак, на памятниках искусства из античных государств Северного Причерноморья скифы встречаются на произведениях архаического периода. Исключение, возможно, составляет известняковый рельеф эллинистического времени, найденный на Тамани. Представленную на нем сцену сражения одни исследователи интерпретируют как сражение между скифами, а другие как амазономахию. Но все согласны, что на рельефе реалистично изображен скифский костюм [Боспорский рельеф, 2001].

На аттических вазах из Северного Причерноморья эпизодически встречаются персы и фракийцы. Эллины хорошо знали их реальный облик, но не часто обращались к их изображениям. На лекифе афинского мастера Ксенофанта представлена охота с участием персов, греков и персонажей в восточных костюмах. Персов и греков определенно можно узнать по написанным рядом с ними именам: Аброком, Дарий, Кир, Артамис, Клитий и Эвриал (рис. 4). Не случайно у Клития в руках лук греческого типа, а у варвара – скифский. Характерный фракийский плащ нарисован на всаднике, изображенном на чернофигурном лекифе из Ольвии (№ 8). Единичные находки подобных изображений показывают, что они не играли сколько-нибудь заметной познавательной роли относительно персов и фракийцев.

У греков издавна существовали предания об амазонках, воинственных женщинах, живущих на краю ойкумены. В фольклорных и литературных произведениях рассказывалось, что они ненавидят мужчин, используют их в своем обществе лишь в роли рабов, либо вообще обходятся без них, встречаясь изредка с представителями противоположного пола для продолжения своего рода. После рождения детей амазонки оставляют в живых исключительно девочек и воспитывают их по своему подобию. В сочинениях античных авторов неоднократно упоминается о нападениях амазонок на греческие города и о сражениях с ними прославленных героев. Эти события относили к далекой древности. Тогда в битвах с амазонками побеждали Тесей и Геракл, а войско воинственных женщин, пришедшее на помощь троянцам, потерпело поражение, и Ахилл убил их царицу Пентесилею.

Эллины полагали, что одноглазые аримаспы, подобно амазонкам, обитали также на краю ойкумены; где-то в далекой стране они воевали со сказочными грифонами, сторожащими золото. Это описывалось в поэме Аристея Проконесского «Аримаспея», от которой уцелели к настоящему времени незначительные фрагменты. Возможно, в этом сочинении отразились полученные в конце VII-VI вв. до н.э. сведения о каком-то конкретном азиатском народе за Уралом, но уже в V в до н.э. рассказы об одноглазых людях воспринимались как мифологические (Her. III, 116).

Предания об амазонках и аримаспах имели одну общую черту, существенную для понимания их роли в сознании греков: они населяли крайние пределы известного мира, за которым простиралось потустороннее царство. Туда уходили души умерших, а на границе двух миров казались возможными всякие чудеса, в том числе существование полуфантастических людей и чудовищ

(в данном случае грифонов), не встречающихся в реальной жизни. Первоначально в греческих мифах область около реки Термодонт в Малой Азии называлась родиной амазонок, но после освоения южного побережья Понта и знакомства с его населением, где не было воинственных женщин, сложился новый миф об их переселении в малоизвестные степи Северного Причерноморья. Кроме того, эллины увидели там скифских и сарматских всадниц, владевших оружием, что согласовывалось с рассказами об амазонках.

Сейчас лучше всего известно предание, подробно записанное Геродотом (IV, 110-116). В нем рассказывалось, как эллины, одержав победу над амазонками на их родине, посадили пленниц на три корабля, направлявшиеся в Элладу. После того, как амазонкам удалось перебить всю команду судов, они, не умея править кораблями, были вынуждены отдаться воле ветров и пристали в гавани Кремны на северном берегу Меотиды (Азовского моря). Здесь амазонки продолжали привычный им образ жизни: похитили у скифов табун лошадей и стали совершать вооруженные нападения на соседей. Скифы не сразу признали в женщинах своих новых противников; обнаружив это, они решили не сражаться, а вступить с ними в связь, чтобы иметь воинственных детей. В результате военные лагеря амазонок и скифов объединились, но женщины заявили, что не желают жить вместе со скифянками, не умеющими скакать на конях, стрелять из лука, охотиться и воевать. Поэтому они предложили своим мужьям поселиться на новых землях за Танаисом. Так, по мнению греков, появился народ савроматов, которые говорят на «испорченном» скифском языке, а их женщины вместе с мужчинами участвуют в охоте и военных походах.

В V в. до н.э. существовали и другие рассказы об амазонках в Северном Причерноморье. Плутарх (Thes. 26) со ссылкой на Гелланика сообщил, что воинственные женщины отправились в поход на Афины из-за Боспора Киммерийского, а Геракл у Еврипида (Her. 408-419) добыл «златокованный пояс» царицы амазонок на берегах Меотиды.

Благодаря рисункам на вазах архаического времени с надписями имен изображенных персонажей можно заключить, что уже в VI в. до. н.э. существовали литературные произведения, в которых родиной амазонок считалось Северное Причерноморье. Из таких надписей известно более 70 имен амазонок [Bothmer 1957, p. 234]; это указывает на их литературное происхождение, потому что устные предания обходятся считанными именами главных героев. Большинство записанных на вазах имен греческие, среди них Токсис, Токсофила и другие произведены от слова стрела (τόξα), они указывают на характерное скифское, а не греческое вооружение амазонок, так как эллины использовали лук и стрелы преимущественно на охоте. Некоторые имена воинственных женщин заимствованы у скифов, например, Скилея на вазе Клития, напоминает известное по рассказу Геродота (IV, 76) имя скифского царя Скила.

В фольклорных и письменных источниках мало говорилось о внешнем виде героев, так что художникам, иллюстрировавшим эти произведения, приходилось

многое добавлять по собственному воображению. Наиболее ранние изображения амазонок лучше всего сохранились на аттических вазах, во множестве вывозившихся во все греческие города Северного Причерноморья. Здесь древнейший килик с амазономахией обнаружен в Пантикапее, он расписан в 570-560 гг. до н.э. (№ 10). Более поздние вазы с изображениями амазонок найдены при раскопках большинства крупных античных античных поселений на Понте Евксинском. Сначала вазописцы изображали амазонок в греческой одежде и вооружении (№ 10- 13). Лишь белая краска на лице и других открытых частях тела указывала, что это женщины, сражающиеся с эллинами в таких же высоких шлемах, коротких хитонах, с копьями и щитами в руках. Такая традиция изображать амазонок в греческом костюме навсегда укрепилась в монументальной скульптуре. Достаточно напомнить римские копии статуй раненых амазонок знаменитых греческих скульпторов Поликлета, Фидия и Кресилая [Виппер 1972, рис.199, 210, 211]. То же самое наблюдается и в Северном Причерноморье. Скульптуры амазонок в греческих хитонах украшали фронтон пантикапейского храма и рельеф из херсонесского театра эллинистического времени (№ 34, 35).

Аттические вазописцы живо откликнулись на новые рассказы об амазонках в Северном Причерноморье, начав рисовать их в скифских костюмах. Великолепный образец подобного рисунка представлен на сосуде для благовонного масла из Одесского музея (№ 15). Псиакс, один из лучших вазописцев конца VI в. до н. э., изобразил подготовку к единоборству грека и амазонки. Обнаженный греческий юноша имеет шлем, щит, поножи, то есть все атрибуты воина, готового вступить в сражение. Шлем находится в поднятом, а не в боевом положении; жест правой руки указывает на тренировку в движении при бросании копья. Амазонка проверяет прямизну стрелы, от чего зависит точность ее полета. Лук скифского типа висит на согнутой руке амазонки, а через плечо на перевязи прикреплен горит, футляр для лука и стрел, характерный именно для скифского боевого снаряжения. Одежда, расшитая разнообразными узорами, и шапка, украшенная цветком, указывают, что перед нами царица, а не рядовая амазонка (рис. 3). Поэтому в ее противнике надо видеть Ахилла или Тесея (но не Геракла, всегда выделявшегося характерными атрибутами), которые, согласно широко распространенным мифам, вступали в единоборство с царицами амазонок.

В VI-V вв. до н.э. сцены с амазонками по большей части украшали употреблявшиеся в повседневной жизни килики, скифосы, ойнохойи, ольпы, амфоры и алабастры. В изображениях битв и поединков с амазонками эллины видели иллюстрации к своей древней истории; недаром ораторы называли поражение амазонок в Аттике в числе реальных исторических побед афинян (Isocr. IV, 42; VII, 75, XII; 193; Dem. XI, 8), а составители «Паросской хроники» включили нападение амазонок на Афины в ряд достоверных исторических событий.

Поэтому есть все основания полагать, что греки в Северном Причерноморье считали достоверным фактом прибытие амазонок на берега Меотиды

Рис.5. Сражение греков и амазонок. Краснофигурная пелика из Ольвии. Конец IV в. до н.э.

и их браки со скифами, в результате чего появилось новое племя савроматов. Кроме этого предания здесь были известны и классические мифы об амазонках. Их знали из эпических поэм, а иллюстрации к ним украшали привозные аттические вазы. От них в основном уцелели лишь мелкие фрагменты, по которым затруднительно определить, сюжет какого именно мифа изображен художником (№ 10- 16, 20- 33). Определенно можно говорить лишь об иллюстрациях битвы Геракла с воинственными женщинами (№ 17- 19). Если на картинах не было подписей или характерных атрибутов героев, то в зависимости от своих знаний мифологии зрители могли отождествить рисунки с тем или иным сказанием об амазонках.

В первые десятилетия V в. до н.э. в городах Северного Причерноморья исчезает интерес к вазам с амазономахией, хотя афинские художники не отказываются от этого сюжета; однако теперь у них нет перед глазами живых моделей в виде скифов, и костюм амазонок становится все более схематичным.

В IV в. до н.э. вазы с амазонками в большом количестве вновь стали пользоваться большим спросом на северных берегах Понта, особенно на Боспоре. Сосуды с подобными сюжетами в незначительном числе найдены также в Элладе, Малой Азии и Южной Италии. Статистика находок дает основание сделать вывод, что такие вазы расписывались в аттических мастерских в основном для ввоза в Боспорское царство с учетом вкусов местного населения [Schefold 1934, S.1; Кобылина 1951, с.169]. Находки последних лет и публикации археологических материалов из фондов музеев показывают, что вазы с интересующими нас сюжетами встречаются в Тире, Ольвии и Херсонесе не эпизодически, как считалось прежде, а в достаточно заметном количестве (№ 21, 25, 28, 32, 37, 41, 43, 47, 48, 52, 60, 61).

Тогда же появляются и изображения аримаспов. Аристей, а вслед за ним Геродот (IV, 13) считали аримаспов нескифским племенем, живущим в Азии по соседству с исседонами, и называли аримаспов самым отдаленным народом, о котором имелись какие-то достоверные сведения. Рассказывали, что они воюют с грифонами, охраняющими золото, и что у этих почти сказочных людей всего один глаз. Для большинства эллинов северными народами, живущими на грани реального и потустороннего мира, были скифы и савроматы, поэтому аримаспов причислили к скифским племенам (Diod. Sic. II, 43, 5). Этим объясняется, почему вазописцы рисовали аримаспов в скифском костюме.

В IV в. до н.э. функции сосудов с подобными росписями становятся иными, чем прежде; их находят почти исключительно в некрополях, и эта

тематика их росписей связывается с погребальным ритуалом. В большинстве случаев это пелики, но есть также амфоры, гидрии, лекифы, кратеры и леканы (№ 28, 30, 31, 39, 40, 47, 51, 52, 54, 55). В III в. до н.э. боспорские вазописцы воспроизводили на так называемых акварельных пеликах сюжеты битв амазонок с греками, заимствуя композиции с более ранних аттических ваз (№ 33).

Рис.6. Сражение конной амазонки с греками. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Середина IV в. до н.э.

Амазонки и аримаспы стали не просто врагами, а представителями грозного потустороннего мира. Вероятно, борьба с ними воспринималась не как противостояние сильному противнику, как было в классических мифах, а как сражение с существами, несущими смерть [Schefold 1934, S. 150, 194; Шталь 1989, с. 147]. Аримаспов всегда изображали в скифском костюме (№ 62- 73), а амазонок иногда в греческих хитонах (№ 25; рис. 5). Вероятно, это можно объяснить тем, что в монументальном искусстве амазонки не меняли свой костюм на скифский, а вазописцы зачастую копировали картины и скульптуры.

Конные и пешие амазонки на таких вазовых рисунках представлены в различные моменты схваток с пешими воинами- греками. Одни изображены в процессе боя, другие лежат поверженные. О.В. Тугушева [2001 с. 227] детально проанализировала композиции подобных росписей IV в до н.э. и пришла к выводу, что амазонкам, как правило, отводится центральное место на картине, они чаще, чем их противники, выступают в роли нападающей и атакующей стороны, и по изображениям можно заключить, что они побеждают (рис. 6). Это резко отличается от картин на вазах VI- V вв. до н.э. и от изображений, выполненных скульпторами и ювелирами, работавшими одновременно с вазописцами IV в. до н.э. Например, на фалярах из кургана Большая Близница (рис. 7) безусловно прославляются победы греческих героев (№ 29).

Рис.7. Сражение греков с амазонками. Бронзовый фалар из кургана Большая Близница. Вторая половина IV в. до н.э.

Среди подобных ваз самая насыщенная фигурами композиция украшает большую пелику из Ялтинского музея (№ 24). Она, по всей вероятности, найдена при раскопках Боспора и относится к произведениям последней четверти IV в. до н.э. На лицевой стороне сосуда в центре нарисована амазонка на коне, вставшем на дыбы; всадница пригнулась к шее лошади и, обернувшись назад, угрожает копьем противнику, находящемуся за ее спиной, а он пытается поразить амазонку своим копьем, одновременно прикрываясь щитом от ее удара. Справа сражаются амазонка с боевым топориком

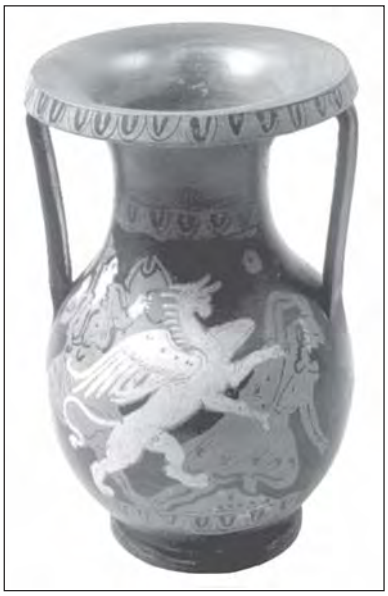


Рис. 8. Сражение амазонок с грифоном. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н. э.

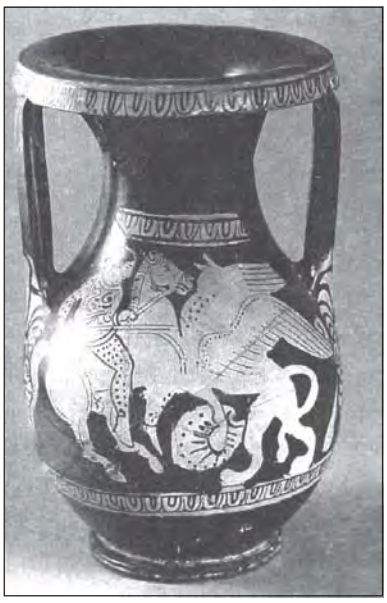


Рис. 9. Сражение конного аримаспа с грифоном. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Третья четверть IV в. до н. э.

и греческий гоплит. У ног ведущих бой находятся четверо раненых: слева амазонка и грек, бьющиеся, стоя на коленях, справа две силящиеся подняться амазонки, одна из которых пытается поразить мечом отступающего грека. На оборотной стороне пелики представлены всадница, сражающаяся с греком, пешая амазонка, отражающая удар противника, и лежащая поверженная амазонка.

Наряду с традиционными сражениями амазонок с греками художники IV в. до н.э ввели в свой репертуар новый сюжет, неизвестный сейчас в сохранившихся произведениях античных авторов: амазонки, подобно аримаспам, вступают в бой с грифонами (№ 36- 46). Их рисуют крылатыми существами с телом льва и орлиной головой на длинной шее с гребнем (рис. 8-11), реже с головой рогатого льва; иногда позолоченные шарики рядом с этими чудовищами напоминают предание о том, что они сторожили золото (Her. IV, 13); таков, например, рисунок на лекифе из Пантикапея (№ 39). В этом сюжете преимущество чаще на стороне грифонов.

Часто трудно решить, изображена ли на вазе битва грифонов с конными и пешими аримаспами или с амазонками, так как мастера краснофигурной вазописи в отличие от своих предшественников, рисовавших в чернофигурном стиле, редко пользовались белой краской для выделения открытых частей тела женщин, а выпуклость груди у амазонок вазописцы не рисовали. Например, одна пелика из Пантикапея украшена рисунком с редкой композицией: два грифона сражаются с возницей, управляющим боевой колесницей. К. Шефолд называет его аримаспом, а М.М. Кобылина – амазонкой (№ 44). Мне кажется предпочтительным последнее толкование, ведь на вазах IV в. до н.э. в битвах с греками амазонки иногда выступают на боевых колесницах (№ 27), а убедительных параллелей для подобного изображения аримаспов найти не удается.

С уверенностью можно определить амазонок, когда они, их лица, руки и ноги окраше-

ны белым цветом, например, на лекифе из Пантикапея лицо и рука противника грифона выделены белой краской, что позволяет признать здесь амазонку, а не аримаспа, как сказано в одной публикации этой вазы (№ 39). Аримаспы безусловно определяются, когда у них на голове нет шапки и видна короткая мужская прическа (рис. 9), как на пеликах из Нимфея и Пантикапея (№ 62, 66). В прочих случаях, возможно, амазонку от аримаспа отличали выбивающиеся из-под шапки пряди волос [Кобылина, с. 142; 143; рис. 6].

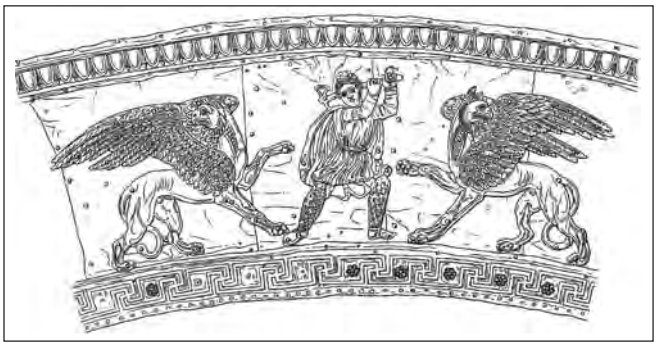


Рис. 10. Сражение амазонок с грифонами. Прорисовка рельефа на золотом калафе из кургана Большая Близница. 330- 300 гг. до н. э.

Рассказы о сражениях с грифонами пользовались столь большой популярностью на Боспоре, что их иллюстрации заказывали не только вазописцам. Золотой калаф жрицы, погребенной в конце IV в. до н.э. в кургане Большая Близница, украшен подобным сюжетом (№ 45). На рельефе этого головного убора противники грифонов определяются в научной литературе то как аримаспы, то как амазонки. На мой взгляд, это, несомненно, амазонки, так как одна фигура изображена в фас и имеет оба глаза (рис. 10), а отличительной чертой аримаспов было наличие одного глаза. На рельефном украшении бронзового таза, найденного в одном погребении на Тамани, изображен грифон, терзающий поверженную амазонку (№ 46). У нее длинные волосы, а хитон не закрывает женскую грудь, поэтому нет сомнений, что это не аримасп. В обеих композициях заметно, что преимущество на стороне грифонов.

Отсутствие в уцелевших письменных источниках сюжета о борьбе амазонок с грифонами до сих пор продолжает оказывать влияние на интерпретацию смысла некоторых произведений искусства. Например, на мраморном трофее с острова Родос представлена хорошо известная по вазописи группа: амазонка в греческом хитоне между двумя грифонами; однако в описании памятника сказано, что это аримасп [Ridgway 2002. p. 80], хотя лицо изображено в фас и имеет два глаза.

В мифах об аримаспах говорилось не только об их нападениях на грифонов, но и о том, что чудовище можно приручить, если поймать его детенышем (Ael. De nat. Anim. IV, 27). Вероятно, это предание было знакомо художнику, расписавшему пелику из Пантикапея с изображением аримаспа верхом на грифоне (№ 72).

В некрополях Боспора, Ольвии и Херсонеса нередко встречаются пелики и леканы, украшенные головами коня или грифона рядом с женской головой в греческом чепце, либо в скифской шапке (№ 47-61). Скорее всего, это амазонки

Рис.11. Голова амазонки и коня. Краснофигурная пелика из Пантикапея. Вторая половина IV в. до н.э.

[Schefold, 1934, S. 147-148], так как тип изображения голов сходен с рисунками амазонок на других вазах, а кони и грифоны присутствуют в сценах амазономахии (рис. 11). Изредка голова амазонки изображена рядом с ее оружием – секирой (№ 47). Обычно же рядом с ней либо одна голова коня (№ 48- 50) или грифона (№ 53), есть росписи, где показаны сразу амазонки, грифоны и кони (№ 56- 60), или композицию из трех голов представляет амазонка в центре между грифонами (№ 61), а на крышках лекан рядом с головой амазонки бывает помещен лежащий грифон (№ 52).

В период эллинизма в Северном Причерноморье не забывали и традиционные мифы о сражениях амазонок с греками. Это подтверждается рядом археологических находок, не относящихся исключительно к погребальному обряду. Например, одна пелика с подобным сюжетом обнаружена при раскопках ольвийского святилища (№ 25), а на Боспоре такие изображения украшали ткань одежды (№ 23) и фалары на конской узде (№ 29). Последние отличаются тонкой работой мастеров, работавших, по-видимому, в Южной Италии [Трейстер, 2001, с. 252], и входят в число предметов роскоши, привозившихся на Боспор. Ювелиры детально воспроизвели сложные композиции, поместившиеся на небольшом круглом поле изделия (рис. 7). На одной группе фаларов обнаженный грек стаскивает амазонку с коня, а у его ног лежат поверженные греческий воин и амазонка, на другой серии пеший воин в мускульной кирасе атакует амазонку мечом, а вторая раненая лежит у его ног, третья серия фаларов близка ко второй, но воин обнажен, и его щит и меч повернуты иначе [Трейстер, 2001, с. 244, рис. 1-3]. Такие издавна известные сцены амазономахии украшали предметы, использовавшиеся на войне: панцири, кирасы, узду коней [Трейстер, 2001, с. 253- 258]; сюжет напоминал о давних победах эллинов и призывал повторить их подвиги.

Итак, в литературе и искусстве отразились два комплекса мифов об амазонках в Северном Причерноморье. Один из них возник на рубеже VII-VI вв. до н.э. в период освоения греками северных берегов Понта, куда переместилась родина воинственных женщин. Их фантастические образы переплелись с реальными наблюдениями быта кочевых племен, у которых в отличие от греков женщины владели оружием и искусством верховой езды. Неслучайно археологи постоянно находят в скифских погребениях наконечники стрел, а иногда мечи, копья и боевые пояса [Черненко, 1981, с. 125]. Изображения амазонок в скифском костюме на аттических чернофигурных и краснофигурных вазах

напоминали обладателям ваз во всех частях греческой ойкумены о том, что где-то в степях за Танаисом обитают воинственные героини мифов и легенд.

Второй круг мифов имел более позднее происхождение и пользовался особенной популярностью на Боспоре. В IV в. до н.э. художники обратились к изображению аримаспов, ранее упоминавшихся в немногих литературных произведениях. Аримаспы и амазонки стали знаменовать грозные потусторонние силы, с которыми встречается душа человека при переходе в загробный мир. Вазы с такими сюжетами в основном использовались при погребальных обрядах. Часто видно, что рисунки на них выполнены быстро и довольно обобщенно и небрежно.

Включение амазонок в образы, связанные со смертью, было свойственно эллинам не только в Северном Причерноморье; достаточно напомнить сцены амазономахии на знаменитом галикарнасском мавзолее. В середине IV в. до н.э. прославленные скульпторы Скопас, Бриксиад, Леохар и Тимофей изваяли на четырех сторонах погребального памятника правителя Карии Мавсола рельефы со сценами битвы эллинов и амазонок [Виппер, с. 244-245, рис.263-266]; женщины одеты в греческие хитоны, и лишь восточные шапки напоминают об их происхождении из полумифической страны. Упомянутый выше мраморный трофей, служивший надгробным памятником на острове Родосе, показывает, что и в эпоху позднего эллинизма сохранялось воспоминание о мифе, повествовавшем о сражении амазонок с грифонами на границе с потусторонним миром.

Из устных легенд и эпических поэм колонисты в Северном Причерноморье с древнейших времен имели сведения о двух африканских народах эфиопах и пигмеях. Действие популярного в среде боспорян мифа о сражениях пигмеев с журавлями разворачивалось в почти неизвестных южных областях Ливии. Многие античные авторы локализовали низкорослое племя пигмеев на южной окраине ойкумены где-то у истоков Нила, куда на зиму прилетают журавли (Her. II, 22, Aristot. Hist. anim. VIII, 12, 597). Согласно греческим преданиям, журавли ежегодно опустошали хлебные пашни пигмеев, а те уничтожали яйца журавлей и вступали с ними в битвы. Подробного изложения мифа не сохранилось, хотя ему была посвящена даже целая поэма «Гераномахия». Гомер в «Илиаде» (II, 2- 7) сравнил возгласы наступающих троянцев с криками журавлей, нападающих на пигмеев. Это свидетельствует о популярности мифа, так как в сравнениях использовались хорошо знакомые образы. Поэтому у нас есть основания думать, что греки в Северном Причерноморье, как и прочие эллины, детально знавшие гомеровские поэмы, издавна имели представление о том, что где-то на юге Ливии обитают пигмеи. Их бои с журавлями уже в VI в. до н.э. стали сюжетами картин на вазах. Древнейший образец такой росписи в Северном Причерноморье найден в Пантикапее и относится ко второй четверти V в. до н.э. (№74). Большинство более поздних ваз с этим сюжетом также обнаружено в некрополях Пантикапея (№ 83- 86)

Рис.12. Сражение пигмеев с журавлями. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 380- 370 гг. до н.э.

и других городов Боспора (№ 75- 77), но редко за его пределами, например, на рельефе мегарской чашки из Ольвии (№ 80).

Для жителей Северного Причерноморья сюжет мифа обладал особой притягательностью, потому что сюда и в соседнюю Скифию журавли прилетали на лето из страны пигмеев. Аристотель в «Истории животных» (VIII, 12, 597 a, b) писал о перелетах журавлей из скифских равнин в Египет к неизведанным верховьям Нила. Как и всякому эллину, ему при этом припомнилось знаменитое сказание, о чем он вскользь упомянул: «Там, как говорят, журавли сражаются с пигмеями». Аристотель также выделил важную для понимания мифа уверенность греков, что из всех птиц именно журавли перелетают от одного края ойкумены к другому, а путь остальных перелетных птиц более короткий. Таким образом, журавли имели возможность заглянуть за пределы реального мира на его северных и южных границах.

Этот миф на Боспоре уже в IV в. до н.э. ассоциировался с представлением о пути души умершего в загробный мир. На пути покойного у границ с потусторонним царством происходят бои полумифических существ амазонок с грифонами и пигмеев – с журавлями. Такие образы существовали в среде боспорян не одно столетие, что подтверждается картиной сражения пигмеев с журавлями на исполненной местным художником фреске в пантикапейском склепе II- I вв. до н.э. (№ 81; рис. 14).

Вазы IV в. до н.э. с картинами битв пигмеев с журавлями обнаружены исключительно в некрополях. Это пелики, расписанные аттическими мастерами специально для вывоза на Боспор (№ 75- 79). Самая сложная композиция из числа подобных рисунков включает трех журавлей и четырех пигмеев (№ 75). Двое из них имеют негритянские черты лица, что намекает на действие мифа на юге Ливии. Венки на головах пигмеев указывают на их превосходство в сражении (рис. 12). На прочих вазах обычно три фигуры: два пигмея и один журавль или два журавля и пигмей (рис. 13).

Пигмеев рисовали одного размера с птицами, а иногда и уступающими им в росте. В этом, по всей вероятности, отразились какие-то сведения о низкорослых племенах, действительно обитавших в Африке; их упоминали в своих сочинениях Геродот (IV, 43), Аристотель (Hist. Anim. VIII, 12, 2), Страбон (VII, 2, 1) и др. В мотиве сражения журавлей с пигмеями отразилось представление греков о воинственном характере этих птиц (Aristot. Hist. Anim. 13, 3). Недаром поэты часто сравнивали крики наступающих воинов с жу-

равлиными (Hom. Il. II, 459, III, 1- 7, Nonn. Dion. XIV, 331, Verg. Aen. X, 264, Val. Flac. Argon. III, 359).

О далекой Ливии, и в первую очередь о живших там египтянах, колонисты с давних пор имели некоторые известия. Трудно сказать, были ли в Северном Причерноморье в VI- V вв. до н.э. образованные люди, читавшие сочинения Гекатея и Геродота, подробно описавших Египет и всё, что тогда было известно о Ливии. Но несомненно выходцы из Милета имели сведения о Навкратисе, милетской колонии, основанной в устье Нила еще до освоения земель на северных берегах Понта Евксинского. В архаический период милетские купцы привозили в Ольвию и на Боспор изделия из алебастра и стекловидной массы, называемой египетским фаянсом, изготовленные египтянами, а также греками по египетским образцам в мастерских Навкратиса. Это были разнообразные небольшие сосуды для парфюмерии, бусы, подвески и амулеты [Фармаковский 1914, с. 18; Пиотровский 1958, с. 23- 26; Алексеева 1972]. Среди последних особо стоит выделить жуков-скарабеев. Греки заимствовали у египтян веру в магическую силу скарабеев, олицетворявших, по древним верованиям, бессмертие. Одна сторона амулета была выпуклой и воспроизводила спинку жука, а на другой, плоской и гладкой вырезали фигурки людей и животных или иероглифические надписи, так что эту сторону владелец мог использовать в качестве печати. После завоевания Египта персами в 525 г. до н.э. импорт из Навкратиса прекратился, но находки в некрополях показывают, что предметами из Северной Африки пользовались еще в начале V в. до н.э. [Большаков, Ильина 1988, с. 65- 67].

Рис.13. Журавли, нападающие на пигмея. Краснофигурная пелика из Пантикапея. 320- 300 гг. до н. э.

Купцы из Милета и некоторых других ионийских городов постоянно посещали греческие колонии как на юге, так и на севере освоенных эллинами земель. По их рассказам, жители Северного Причерноморья в архаический период знали о жизни своих соотечественников в Навкратисе и о нравах и обычаях их соседей египтян. Иероглифы на скарабеях давали представление о непривычном для греков виде письма. Те же купцы могли не только сообщить о чернокожем населении Африки, но иногда иллюстрировать свои рассказы на предметах изобразительного искусства. К таким образцам относится голова негра на печати VI в. до н.э., найденной на Березани (№ 82).

В античности чернокожих людей называли эфиопами (Hom. Od. IV, 84). Древнейшие упоминания о них содержались в эпических поэмах. Гомер представлял эфиопов счастливым племенем, живущим на краю земли, куда время

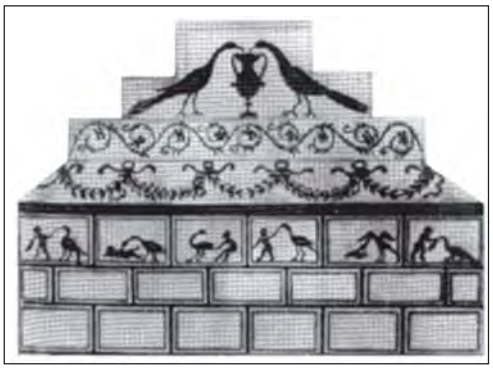


Рис.14. Сражение пигмеев с журавлями. Роспись пантикапейского склепа II-I вв. до н. э.

от времени отправляются сами боги (Hom. Il. I, 423, Od. I, 23). Войска эфиопов во главе с их царем Мемноном, сыном богини Эос, помогали троянцам. Об этом повествовала поэма «Эфиопида», посвященная описанию заключительного этапа Троянской войны. Эллины в Северном Причерноморье знали эпические поэмы, так как Гомера учили в школах всех греческих государств, а «Эфиопида» была сочинением Арктина, уроженца Милета. Иллюстрируя эпизоды из эпоса, аттические вазописцы не раз изображали негров из войска Мемнона, но самого царя рисовали таким же, как прочих героев Троянской войны. Хороший пример этого дают две чернофигурные вазы, расписанные выдающимся художником Эксекием в третьей четверти VI в. до н.э. На одной амфоре мы видим негра, сопровождающего Мемнона, который убивает Антилоха [Boardman, 1985, № 99], друга Ахилла, а на второй нарисован Менелай, наносящий смертельный удар негру из войска Мемнона [Frank, 1993, p. 45, fig. 7].

В начале V в. до н.э. в Ольвию и на Боспор стали привозить терракотовые статуэтки (№ 88) и аттические вазы с изображением эфиопов. В их числе были сосуды в виде фигур или голов негров и негритянок, исполненные на рубеже архаической и классической эпох (№ 84, 85), позже в городах Северного Причерноморья подобные сосуды встречаются уже в римское время (№ 93, 94). Картины с участием эфиопов украшают два алабастра и канфар из Пантикапея (№ 86, 87). Перечисленные сосуды предназначались для разных целей: фигурными пользовались при исполнении ритуалов в различных религиозных и особенно в заупокойных церемониях, алабастры служили вместилищем душистых масел, которыми натирали тело, а канфары были кубками для питья и для возлияний богам.

На чернофигурных алабастрах негры с характерными для них чертами лица нарисованы воинами, а стоящая рядом с одним из них пальма указывает на их происхождение из южных стран (рис. 15). Вазописцы не знали национальной одежды и вооружения своих героев, поэтому изображали негров в известных грекам варварских костюмах и снабжали соответствующим оружием. На алабастрах из Северного Причерноморья негры представлены в скифском вооружении с топориком, луком и колчаном, а на канфаре эфиопа одели во фракийский костюм с особым плащом и мягкой шапкой с ушами. Вооруженные негры на расписных вазах архаического периода, скорее всего, представляют воинов из войска Мемнона или из какого-то неизвестного нам сказания; ведь тогда мифы служили главным источником сюжетов росписей

ваз. Такое толкование подтверждается иллюстрациями и надписями на двух упомянутых амфорах мастера Эксекия.

На произведениях прикладного искусства из Северного Причерноморья эллинистического времени негры появляются на золотых подвесках и ожерельях из Пантикапея (№89, 90), на рельефах, украшающих кубок и на фигурном сосуде из Ольвии (№ 91, 92). В основном это декоративные головы негров, а сосуд из Ольвии изображает заснувшего слугу, ожидающего хозяина после ночной пирушки (№ 88).

Рис.15. Вооруженный эфиоп. Чернофигурный алабастр из Пантикапея. Первая четверть V в. до н. э.

В эллинистический период сведения о населении Северной Ливии становятся гораздо более обширными и определенными благодаря прямым контактам жителей Северного Причерноморья с Египтом. Там после распада державы Александра Македонского образовалось Египетское царство, которым сначала правил полководец Александра Птолемей Лаг (305- 283 г. до н.э.), прозванный Сотером (спасителем), а затем его наследники, носившие те же имена, но иные эпитеты. Расцвет могущества этого царства приходится на III в. до н.э., и именно к этому времени относится большинство наших источников о связях государств Северного Причерноморья с Египтом.

Во время правления династии Птолемеев официальным языком был греческий. Поэтому приезжие из Египта могли свободно общаться с жителями Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора и рассказывать о своей родине. Доказательством таких контактов являются найденные в этих городах несколько надписей и граффити, а также перстни «птолемеевского типа». Многие из них украшены изображениями обожествленных египетских царей и цариц: среди них Птолемей II Филадельф (285- 246 гг. до н.э.) и его жена Арсиноя, Птолемей III Эвергет (246-221гг. до н.э.) и его жена Береника, а также Арсиноя, жена Птолемея IV Филопатора (221- 203 гг. до н.э.). Все эти перстни бронзовые (№ 95- 101; 104- 106), за исключением одного костяного, найденного в Ольвии (№ 102). По весьма вероятному предположению О.Я. Неверова [1974 с. 114], эти перстни принадлежали мореплавателям. Видимо, не случайно большинство упомянутых перстней украшены портретами двух Арсиной, потому что обожествленные царицы считались покровительницами мореплавания. Вот как писал об этом Посидипп, поэт III в. до н.э.

В храм Филадельфовой славной жены Арсинои – Киприды
Морем и сушей нести жертвы спешите свои.

Эту святыню, царящую здесь, на высоком прибрежье
Зефиреиды, воздвиг первый наварх Калликрат,
Добрый молящимся путь посылает богиня и море
Делает тихим для них даже в средине зимы.

Перевод Л. Блуменау

Возможно, некоторые боспоряне, часто отправлявшиеся в морские поездки, восприняли веру в покровительство обожествленных египетских цариц, так как в боспорских некрополях найдено наибольшее в Северном Причерноморье количество перстней с их изображениями. Кроме того, есть предположение, что такие перстни принадлежали местным жителям, служившим наемниками в египетском войске [Литвиненко, 1991, с. 23].

Приезжие из Египта доставили в Северное Причерноморье самые ранние для этого региона изображения Сераписа и Исиды. К числу древнейших памятников такого рода принадлежит найденная в Пантикапее голова статуи из черного базальта, исполненная в середине III в. до н.э. (№ 103). Она представляет Арсиною, жену Птолемея Филадельфа в образе богини Исиды; возможно, статуя была подарком египетского царя [Виноградов, Золотарев, 2000, с.286].

Во многих греческих городах Серапис (в надписях из Северного Причерноморья его имя пишется Сарапис) стал одним из весьма популярных богов эллинистического времени. Его культ появился в Египте в результате деятельности Птолемеев, стремившихся сблизить веру местного населения и прибывших сюда греков. Серапис имел общие черты с несколькими греческими богами, и в первую очередь с Зевсом, а также с египетским Осирисом, поэтому почитание Сераписа сочеталось с культом Исиды, жены и сестры Осириса. Она считалась покровительницей мореплавания и морской торговли, богиней плодородия и владычицей душ умерших. В ее образе греки видели общие черты с Деметрой (Her. II, 59, 156) и с Афродитой в ипостаси покровительницы мореплавания, хорошо известной в античных городах Северного Причерноморья [Русяева 2005, с. 308].

Под влиянием связей с Египтом и распространившейся в эллинистический период общегреческой тендеции включать в свой пантеон восточных богов жители Северного Причерноморья начали поклоняться египетским богам [Иванчик, Самойлова, 2007, с.150]. Сначала их почитали частные лица, а затем эти боги вошли в число государственных культов. Об этом свидетельствуют найденные в Херсонесе посвятительные граффити эллинистического времени [Соломоник 1976, с. 136, рис. 13] и мраморная плита середины III в. до н.э., по-видимому, принадлежавшая алтарю, поставленному херсоситом. Надпись гласит: «Хармипп, сын Притана (посвятил) по велению божьему Сарапису, Исиде, Анубису» [Виноградов, Золотарев, с. 284]. О том же говорят находки из Тиры: терракота местной работы, изображающая

Сераписа [Клейман, 1970, с. 26, табл. 2, 2], и две надписи II- I вв. до н.э. [Иванчик, Самойлова 2007, с.152-153; IPE I² № 5] о благодарственном приношении Серапису, Исиде и чтимым вместе с ними богам, то есть Гарпократу и Анубису. Найденная в Ольвии серебряная статуэтка Сераписа, исполненная в III в. до н.э. [Алексеев, 2007, с. 45], является древнейшим памятником, указывающим на знакомство ольвиополитов с египетскими культами.

Свидетельства об общении боспорян с жителями Египта по количеству и разнообразию занимают первое место среди государств Северного Причерноморья. Только о боспорянах можно с уверенностью сказать, что они посещали Египет, о чем известно по письменным источникам III в. до н.э. В надписи из Фаюма, относящейся ко времени правления Птолемея I, в числе греческих военных наемников названы два боспорянина Филоних и Мольпагор. По мнению Ю.Г. Виноградова, они были противниками царя Евмела и после его победы стали политическими беженцами, отправившимися служить в Египет [Виноградов, Золотарев, 2000, с.286]. В папирусе из архива Зенона, датированном 1 сентября 254 г. до н. э., содержится запись о послах, прибывших от царя Перисада II к Птолемею Филадельфу [Skeat, 1974].

В письме Аполлония своему помощнику Зенону говорится о том, чтобы он позаботился о предоставлении транспорта для поездки боспорских и аргосских послов к храму Арсенои. Возможно, там проходил большой праздник, который хотели показать этим послам. Таким образом, боспоряне видели в Египте не только Александрию, но и достаточно удаленные от нее места, так как для поездки потребовались наряду с экипажами вьючные мулы. Цель посольства в документе не названа; одни ученые определяют задачу переговоров как стремление разграничить сферы влияния в хлебной торговле [Гайдукевич, 1949, с. 77; Шургая, 1974, с. 51], другие полагают, что в это время Боспор уже не мог экспортировать много зерна, и послы договаривались о наемниках. В.П. Яйленко считает, что египеткий корабль «Исида», изображенный на стене нимфейского святилища, привез опытных наемников для боспорского войска, нуждавшегося в помощи в борьбе с варварами [Яйленко, 1990, с. 303]. Есть мнение, что, наоборот, наемников для египетского войска вербовали на Боспоре для пополнения очень большой армии Птолемея [Литвиненко, 1991, с. 25].

Каковы бы ни были цели визитов послов от Перисада в Египет и корабля «Исида» в Северное Причерноморье, можно с уверенностью говорить, что некоторые боспоряне могли рассказать о населении Египта по собственным впечатлениям, а многие жители Боспора общались с приезжими из Ливии. Последние по своему этническому происхождению могли быть эллинами, македонцами и египтянами, а может быть, на наиболее тяжелых работах на кораблях использовали негров. Однако все они говорили по-гречески, так как этот язык был официальным и объединяющим все группы населения в птолемеевском Египте. Таким образом, между приезжими и местным населением не существовало языкового барьера.

Гавани античных городов Северного Причерноморья заполняли сравнительно небольшие торговые и военные суда. Их вид можно представить по рисункам на стене упомянутого нимфейского святилища и по другим изображениям в античных городах Северного Причерноморья [Петерс, 1982, с. 133-146]. Прибытие на Боспор огромного корабля из Египта было экстраординарным событием, которое, безусловно, обсуждали все местные жители. Греки всегда отличались повышенным интересом ко всему необычному. Аристотель (fr. 83 Rose) высмеивал множество зевак, которые, узнав о появлении в гавани корабля из дальних стран, сбегались в порт послушать рассказы мореходов. Конечно, боспоряне стремились рассмотреть редкостное судно и пообщаться с его командой. Об этом сейчас стало известно из раскопок нимфейского святилища богов, покровительствовавших мореплаванию. Здание и рисунки на его стене синхронны времени правления Перисада II, отправившего своих послов в Египет; имя этого царя есть среди граффити на стене святилища.

Уцелевшая часть штукатурки имеет множество надписей и рисунков, прочерченных посетителями святилища. Среди рисунков больше всего изображений кораблей: более 30 небольших парусных судов и огромный корабль с написанным на его борту наименованием ΙΣΙΣ (Исида). Рисунок египетского корабля сделан явно с натуры, и его автор хорошо знал морское дело, хотя и не обладал выдающимися художественными способностями. Он детально изобразил военную триеру, названную именем самой почитаемой богини птолемеевского Египта. Триера была снабжена двумя таранами, имела длину не менее шестидесяти метров и могла идти под парусом и на веслах. Гребцы располагались на каждой стороне в три яруса, и в каждом сидело по 27 человек [Грач 1984, с. 81- 88]. Это дает представление о необычайной величине судна и о его многочисленной команде. Последнее указывает на то, что многие боспоряне имели возможность пообщаться с приезжими из Египта.

Анализ памятников изобразительного искусства дает возможность придти к следующим выводам. Художники зримо воплощали облик персонажей, неизвестных из окружающей действительности. Рассмотренные изображения показывают, как жители северной окраины греческой ойкумены представляли внешний вид реальных и мифических народов, о которых знали по рассказам приезжих из разных концов ойкумены и по известным с детства устным преданиям и эпическим поэмам. Иноземцы в основном включены в сцены, иллюстрирующие литературные и фольклорные произведения. Там они были персонажами, некогда воевавшими с эллинами, либо их современниками, обитавшими на краю земли. К первым относились скифы, эфиопы и амазонки, ко вторым – аримаспы, амазонки и пигмеи. В сознании жителей античных государств Северного Причерноморья реально существовавшие, но не встречавшиеся им представители народов, например, негры, находились в одном ряду с вымышленными амазонками или пигмеями, имевшими

немного общего с низкорослыми африканскими племенами. Художники мало обращались к изображениям хорошо известных варваров, таковы редкие фигуры персов и фракийцев. В этот ряд надо поставить и скифов, которых изображали преимущественно в архаический период, когда было популярно сказание об их участии в Троянской войне. Но и тогда вазы с такими сюжетами не имели широкого распространения в Северном Причерноморье. Позже греческие мастера стали реалистически представлять скифов на ювелирных изделиях. Они предназначались для отправки в Скифию, а в античных государствах предметы с такой тематикой не пользовались спросом.

В особую группу следует выделить памятники с изображением жителей Ливии. Они, действительно, играли познавательную роль, являясь для большей части населения Северного Причерноморья одним из немногих источников знаний об Африке. Изображения негров давали представление о внешнем виде эфиопов из известных с детства эпических поэм и из рассказов приезжих купцов, а привозные печати- скарабеи знакомили с особой письменностью египтян. Рисунок на стене в святилище Нимфея напоминал о визите египетского корабля «Исида» и его многочисленной команде. Изображения египетских царей и цариц давали представление о конкретных людях из далекой Ливии.

КАТАЛОГ ИЗОБРАЖЕНИЙ РЕАЛЬНЫХ И МИФИЧЕСКИХ НАРОДОВ

СКИФЫ

1. Скиф. Медальон чернофигурного килика. 520 гг. до н. э. Ольвия. Горбунова, 1970. С. 573- 574.
2. Скиф в сцене прощания воина. Чернофигурная ольпа. 510- 500 гг до н. э. Ольвия. АНО. С. 102. № 151, 2.
3. Скиф с лошадьми. Чернофигурный лекиф. 510- 500 гг до н. э. Порфмий. Вахтина, 2007. С. 55- 67. Рис. 1-3.
4. Голова всадника в скифской шапке. Обломок чернофигурного сосуда. Конец VI в. до н.э. Ольвия. Леви, 1964. С. 160. Рис. 28, 1.
5. Два воина, поражающие скифа копьями. Чернофигурная ойнохоя. Рубеж VI –V вв. до н.э. Пантикапей. АМ. № 21.
6. Скиф и два греческих всадника. Чернофигурный лекиф. Рубеж VI –V вв. до н. э. Ольвия. ОАМ. № 65. GCA. № 28.
7. Единоборство гоплита и скифа. Чернофигурный алабастр. 470 гг. до н. э. Северное Причерноморье. Горбунова, 1979. С. 37. Рис. 1; ARV. P. 268. 1641.

ФРАКИЙЦЫ И ПЕРСЫ

8. Всадник в фракийском плаще. Обломок чернофигурного сосуда. VI в. до н. э. Хора Ольвии. Рабичкин, 1951. С. 123. Рис. 28, 1.
9. Персы в сцене охоты. Лекиф с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. 380 гг. до н.э. Пантикапей. ДБК. Табл. 45; Передольская, 1945. С. 47- 67; Скржинская, 1999. С. 121- 130.

АМАЗОНКИ

Сражения с греками

10. Поверженная амазонка. Обломок стенки чернофигурного килика. 570- 560 гг. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992.. С. 218. Рис. 10 а.
11. Вооруженные амазонки рядом с конями. Фрагмент чернофигурного килика. Вторая половина VI в. до н. э. Ольвия. Леви, 1964. С. 159. Рис. 27.
12. Сражение амазонки и греческого воина. Фрагмент чернофигурного килика. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. Шауб, 1979. С. 64. Рис. 2, 5.
13. Амазонка в полном греческом вооружении. Чернофигурная ольпа. Последняя четверть VI в. до н. э. Ольвия. GCA. № 21.
14. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина, 1990. С. 130- 134; GCA. № 45.
15. Подготовка к бою амазонки с греческим героем. Краснофигурный алабастр Псиакса и Гилена. Конец VI в. до н. э. Северное Причерноморье. АП. № 5-6.
16. Сражающиеся амазонки. Фрагменты чернофигурных сосудов. Конец VI- начало V вв. до н. э. Пантикапей. Сидорова, 1992. С. 198, 209, 220. Рис. 15 а, 16, 5, 42.
17. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный мастоид. Конец VI в. до н. э. Березань. ОАМ. № 48; GCA. № 27.
18. Геракл, убивающий амазонку. Чернофигурная амфора. VI в. до н. э. Березань. Vogel, 1908. № 59.
19. Битва Геракла с амазонками. Чернофигурный лекиф. Первая четверть V в. до н. э. Нимфей. ДГН. № 42.

20. Конная амазонка. Фрагмент краснофигурного килика. 460 гг. Фанагория. Кобылина. 1969. С. 101.
21. Сражение двух конных амазонок и грека. Фрагмент краснофигурного кратера. Первая половина IV в. до н. э. Керкинитида. Кутайсов, 1992. С. 128.
22. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная пелика. 360-350 гг. до н. э. Нимфей. UKV. № 374.
23. Сражающаяся амазонка. Кусок ткани женского одеяния. Середина IV в. до н.э. Павловский курган близ Пантикапея. Герцигер, 1973. С. 80. Рис. 10.
24. Сражение греков с амазонками. Краснофигурная пелика. Последняя четверть IV в. до н.э. Боспор. Тугушева, 2001. С. 222.
25. Битва амазонки с двумя греками и поверженные амазонка и грек. Две аналогичные краснофигурные пелики. Конец IV в. до н. э. Ольвия. АМ. № 52; Козуб 2001. С. 32.
26. Сражение амазонок с греками. Восемь краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ДБК. Табл. 59; ПБП. Рис. 3, 10, 14; UKV № № 372, 373, 375, 376, 377, 378, 449; Тугушева, 2001. Рис. 2- 6; На краю ойкумены, 2002. № 39.
27. Амазонка на биге, сражающаяся с пешим греком. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ОАК, 1906. С. 88.
28. Сражение амазонок с греками. Краснофигурный кратер. Кошарское городище. Середина IV в. до н. э. Левина, 1990. С. 130- 134; GCA. № 45.
29. Сражение пеших амазонок и греков. Рельефы на двадцати бронзовых фалерах. Вторая половина IV в. до н. э. Курган Большая Близница (Тамань).Трейстер, 2001. С. 241- 263.
30. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная амфора. 335-330 гг. до н. э. Зеленский курган (Тамань). ИАК. № 60. С. 23. Рис. 5; UKV № 1.
31. Сражение амазонок с греками. Краснофигурная гидрия. Пантикапей. IV в. до н. э. ДБК. Табл. 51.
32. Обороняющаяся пешая амазонка. Обломок краснофигурного сосуда. IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова, 1983. С. 156. Рис. 3, 3.
33. Бой грека и амазонки. Полихромная пелика местного производства. Конец IV- III вв. до н. э. Фанагория. Кобылина, 1956. С. 51. Рис. 16; АП. № 98.
34. Сражение амазонок с греками. Фрагмент известнякового рельефа. III в. до н. э. Херсонес. Домбровский, 1997. С. 35- 42.
35. Поверженная амазонка. Мраморная статуя, украшавшая фронтон здания. III- II вв. до н. э. Пантикапей. Античная скульптура, 2004. № 70.

Сражения амазонок с грифонами

36. Поединок амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Начало IV в. до н.э. Горгиппия. Кругликова, 1971. С. 95. Рис. 4; Цветаева, 1986. С 85. Рис. 7.
37. Амазонки, сражающиеся с грифонами. Краснофигурная пелика. Середина IV в. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1000.
38. Поединок амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Северное Причерноморье. Кобылина, 1947. С. 141. Рис. 3, 1; С. 153., Рис. 10, 4.
39. Поединок амазонки и грифона, сторожащего золото. Краснофигурный лекиф. Вторая четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ГЗ. С. 159. Рис. 49.
40. Поединок конной амазонки и грифона. Фрагмент краснофигурного кратера. Третья четверть IV в. до н.э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 178. Рис. 6; Вдовиченко, 2003. С. 452. № 199.

41. Конная амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330-320 гг. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 550.
42. Сражение двух амазонок с грифоном. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 157. Рис. 11,1; 12, 2; На краю ойкумены, 2002. С. 29. № 40.
43. Пешая амазонка, сражающаяся с грифоном. Фрагменты двух краснофигурных пелик. Конец IV в. до н. э. Херсонес. Вдовиченко, 2003. С. 468. № 566, 571.
44. Сражение амазонки на биге с двумя грифонами. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144; UKV № 453.
45. Сражение амазонок с грифонами. Золотой калаф. 330- 300 гг. до н. э. Курган Большая Близница на Тамани. ГЗ. № 203.
46. Грифон и поверженная амазонка. Рельефное украшение бронзового таза. Тамань. Эллинистический период. Анфимов, 1966. С. 19.

Протомы амазонок, коней и грифонов.

47. Голова амазонки и секира. Краснофигурный лекиф. IV в. до н. э. Ольвия. ИАК № 8. С. 28; Козуб, 1974. С. 98.
48. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. IV в. до н. э. Ольвия. Харалдина, Новичихина, 1994. С. 301.
49. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н. э. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 446. № 56; Шталь, 2000. С. 78. № 142.
50. Головы амазонки и коня. Краснофигурная пелика. Конец IV в. до н. э. Горгиппия. Цветаева, 1980. С. 86. Рис. 8.
51. Голова амазонки и грифон. Две крышки краснофигурных лекан. Середина IV в. до н. э. Тиритака. Шталь, 2004. № 64, 67.
52. Голова амазонки и лежащий грифон. Крышка краснофигурной леканы. Вторая четверть IV в. до н. э. Херсонес. Шталь, 2004. № 66.
53. Головы амазонки и грифона. Три краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н.э. Пантикапей. ПБП. С. 153. Рис. 10, 3, 5; С. 144. Рис. 6, 1.
54. Две головы амазонок и две головы грифонов. Крышка краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Пантикапей. АМ. № 51.
55. Головы амазонки и грифона. Обломок крышки краснофигурной леканы. IV в. до н. э. Поселение на м. Зюк (Боспор). Шталь, 2004. № 63.
56. Головы амазонок, грифона и коня. 16 краснофигурных пелик. Середина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 139. Рис. 2, 2; С. 158. Рис. 11. АРК. № 52; Вдовиченко, 2003. С. 445- 448. № 31- 40, 78, 81, 87, 91.
57. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика 350- 325. Нимфей. Силантьева, 1959. С. 47. Рис. 22; ДГН. № 72; UKV. № 464.
58. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н. э. Мирмекий. Вдовиченко, 2003. С. 446. № 63.
59. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н. э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 487. № 960.
60. Головы амазонки, грифона и коня. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н. э. Ольвия. Вдовиченко, 2003. С.492. № 1030.
61. Голова амазонки между обращенных к ней в профиль грифонов. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н. э. Херсонес. Шталь, 2000. С. 67. № 106.

АРИМАСПЫ.

62. Грифон, нападающий на конного аримаспа. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Нимфей. ДГН. № 75.
63. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Одиннадцать краснофигурных пелик. Третья четверть IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 143. Рис. 4; АРК. № 51; UKV. № 411, 456, 545; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 15- 22, 101.
64. Пеший аримасп, сражающийся с грифоном. Четыре краснофигурных пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. ПБП. С. 144. Рис. 6, 4. UKV № 420- 423.
65. Три аримаспа, сражающиеся с грифоном. Краснофигурная пелика. 350- 330 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1002.
66. Пеший аримасп без шапки, сражающийся с грифоном. Фрагмент краснофигурной пелики. 330- 320 гг. до н. э. Тира. Вдовиченко, 2003. С. 490. № 1001.
67. Конный аримасп, сражающийся с грифоном. Краснофигурная пелика. 330- 320 гг. до н.э. Феодосия. Вдовиченко, 2003. С. 488. № 965.
68. Два грифона, нападающие на конного аримаспа. Три краснофигурные пелики. 330-320 гг. до н. э.. Пантикапей. Вдовиченко, 2003. С. 444. № 8-10.
69. Грифон, обороняющийся от нападения двух пеших аримаспов. Три краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 408, 539; Вдовиченко, 2003. С. 445. № 25.
70. Грифон, обороняющийся от нападения двух аримаспов. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Горгиппия. UKV. № 455.
71. Два аримаспа, убегающие от львиноголового грифона. Две краснофигурные пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. UKV. № 360, 381; Шталь, 1989. С. 145.
72. Аримасп верхом на грифоне. Краснофигурная пелика. Вторая половина IV в. до н. э. Пантикапей. Ашик, 1849. Т. 3. № 18; ОАК 1861. Табл. 2.
73. Аримасп, сражающийся с грифоном. Обломок краснофигурной пелики. Вторая половина IV в. до н. э. Тира. Буравчук, Самойлова. 1983. С 156. Рис. 3, 1.

ПИГМЕИ

74. Пигмей, упавший на спину. Фрагмент краснофигурного ритона. 460 гг. до н. э. Пантикапей. Лосева, 1962. С. 172. Рис. 3, 3; CVA Russia, 2001. P. 41. Tab. 37, 4.
75. Битва четырех пигмеев с тремя журавлями. Краснофигурная пелика. 380- 370 гг. до н.э. Пантикапей. ДБК. Табл. 55; UKV. № 383; Шталь, 1989. С. 87.
76. Два пигмея, сражающиеся с журавлем. Краснофигурная пелика. 370- 360 гг. до н. э. Пантикапей. Шталь, 2000. № 98.
77. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 360- 350 гг. до н.э. Пантикапей. UKV. № 450.
78. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 330-320 гг. до н.э. Мирмекий. Шталь, 2000. № 101.
79. Пигмей, сражающийся с двумя журавлями. Краснофигурная пелика. 320 гг. до н. э. Феодосия. Шталь, 2000. № 100; Вдовиченко, 2003. С. 488. № 972.
80. Журавль, сражающийся с пигмеем. Мегарская чашка. Эллинистический период. Ольвия. Zahn, 1908. S. 74-76.
81. Битва пигмеев с журавлями. Фреска в склепе некрополя Пантикапея. II- I вв. до н. э. АДЖ. № 145.

НЕГРЫ

82. Голова негра. Египетская печать- скарабеоид. VI в. до н. э. Березань. Борисфен- Березань, 2005. № 205.
83. Сидящий негр. Два фигурных сосуда. Начало V в. до н. э. Ольвия. Худяк, 1940. С. 95. Рис. 76.
84. Голова негра. Фигурный сосуд. Начало V в. до н. э. Ольвия. Хора Ольвии. Крыжицкий, Буйских и др., 1989. С. 134.
85. Голова негритянки. Фигурная ойнохоя. Начало V в. до н. э. Нимфей. Горбунова, 1962. С. 39.
106. Сражающийся негр в фракийском костюме. Краснофигурный канфар. Начало V в. до н. э. Пантикапей. CVA Russia. 2001. P. 42-43. Tab. 37.5.
87. Негры со скифским оружием. Два чернофигурных лекифа. Первая четверть V в. до н.э. Пантикапей. Горбунова, 1979. С. 37-39. Рис. 1 и 3.
88. Спящий негр. Терракота. Первая половина V в. до н. э. Ольвия. GCA. № 66.
89. Голова негра. Золотые подвески к ожерелью, исполненные боспорским мастером. Середина IV до н. э. Копейкина, 1986. С. 61.
90. Голова негра. Подвеска к золотому ожерелью, сделанная из граната. IV- III вв до н. э. Пантикапей. На краю ойкумены…2002. С. 55. № 173.
91. Рельефные головки негров на ручках керамического кубка. III в. до н. э. Ольвия. ИАК. №. 8. С. 38. Рис. 30.
92. Слуга- негр, сидящий около амфоры. Фигурный сероглиняный сосуд. II- I вв. до н. э. Ольвия. Круглов, 2004. С. 104- 108. Рис. 1.
93. Голова мальчика негра. Четыре фигурных сосуда. I в. н. э. Ольвия. Пантикапей. Герцигер, 1976. С. 86. Рис. 1, 1- 4.
94. Голова негра. Два фигурных сосуда. II- III вв. н. э. Ольвия. Герцигер, 1976. С. 91. Рис. 2, 3- 4.

ПОРТРЕТЫ ЕГИПЕТСКИХ ЦАРЕЙ И ЦАРИЦ III в. до н. э.

95. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 108.
96. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень. Фанагория. Неверов, 1974. С. 108.
97. Птолемей II Филадельф. Бронзовый перстень.Херсонес. Неверов, 1974. С. 108.
98. Птолемей III Эвергет. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов, 1974. С. 109.
99. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Горгиппия. Неверов, 1974. С. 109.
100. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Ольвия. Неверов, 1974. С. 109.
101. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Бронзовый перстень. Херсонес. Неверов, 1974. С. 110.
102. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа. Костяной перстень. Ольвия. Неверов, 1974. С. 109.
103. Арсиноя II, жена Птолемея II Филадельфа в образе Исиды. Голова статуи из черного базальта. Середина III в. до н. э. Пантикапей. Виноградов, Золотарев, 2000. С. 286.
104. Береника, жена Птолемея III Эвергета. Бронзовый перстень. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 110.
105. Арсиноя III, жена Птолемея IV Филопатера. Семь бронзовых перстней. Пантикапей. Неверов, 1974. С. 111.
106. Арсиноя III, жена Птолемея IV Филопатера. Бронзовый перстень. Нимфей. Неверов, 1974. С. 111.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2007.
Алексеева Е.М. Предметы из египетского фаянса VI- IV вв. до н. э. в Северном Причерноморье // КСИА. 1972. № 130.
Античная расписная керамика из собрания Гос. Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1985 (АРК)
Античная скульптура. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Киев, 2004. (АС)
Анфимов Н.В. Комплекс бронзовых предметов из кургана близ станицы Темижбекской // Культура античного мира. М., 1966.
Ашик А. Боспорское царство. Ч. 3. Сено, 1849.
Большаков А.О., Ильина Ю.И. Египетские скарабеи с острова Березань // ВДИ. 1988. № 3.
Борисфен — Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже. СПб., 2005.
Боспорский рельеф со сценой сражения (амазономахия?). Ред. Е.А Савостина. М., СПб. 2001.
Буравчук Н.П., Самойлова Т.Л. Краснофигурная керамика Тиры // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983.
Вахтина М.Ю. Фрагмент чернофигурного аттического лекифа с изображением «скифского лучника» из раскопок Порфмия // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9- 10.
Вдовиченко И.И. Керченские вазы // Боспорские исследования. Симферополь, 2003. Т. 3.
Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Божественная египетская триада в Херсонесе Таврическом.// Сиссития. Сборник статей памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2000.
Виппер Б.Р. Искусство древней Греции. М., 1972.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. (БЦ)
Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973.
Горбунова К.С. Аттические вазы в форме человеческих голов из собрания Эрмитажа // Труды Гос. Эрмитажа. 1962. Т. 7.
Горбунова К.С. Килик Олтоса из раскопок Ольвии в 1968 г. // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. 1970. № 19.
Горбунова К.С. Аттические алабастры, найденные в некрополях Северного Причерноморья // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1979. С. 37-48.
Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
Домбровский О.И. Об одном из декоративных рельефов Херсонесского античного театра // Археология Крыма. 1997.
Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999. (ДГН)
Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854. (ДБК)
Иванчик А.И. Кем были «скифские лучники» на аттических вазах эпохи архаики // ВДИ. 2002. № 3. С. 33- 55; № 4.
Иванчик А.И., Самойлова Т.Л. Синкретические культы греко- египетских богов в Тире // Боспорский феномен. СПб., 2007. Ч. 2.
Клейман И.Б. Статуэтки из Тиры // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.
Кобылина М.М. Краснофигурная пелика Ялтинского музея // КСИИМК. 1947. № 14.
Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики // МИА. № 19. 1951.
Кобылина М.М. Фанагория. // МИА № 57. М., 1956.
Козуб Ю. І. Некрополь Ольвії V- IV ст. до н. е. Київ, 1974.
Козуб Ю.И. Культовый комплекс западной окрестности Ольвии // Боспорский феномен. СПб., 2001.
Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль- Оба // Античная торевтика. Л., 1986.
Круглов А.В. Необычные античные вазы // Боспорский феномен. СПб., 2004.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
Кутайсов В.А. Керкинитида. Симферополь, 1992.
Леви Е.И. Материалы Ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора. М-Л., 1964.
Левина Е.А. Кратер керченского стиля из Кошарского поселения // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. 1991. № 1.
Лосева Н.М. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945-1958 гг. // МИА, 1962. № 103.
Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915.
На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки. М., 2002.
Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней из собрания Эрмитажа // ВДИ. 1974. № 1.
Передольская А.А. Вазы Ксенофанта// Труды Отдела истории искусств и античного мира Гос. Эрмитажа. Вып. 1. Л., 1945.
Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. 1958. № 1.
Рабичкин Б.М. Поселение у Широкой Балки // КСИИМК. 1951. № 4.
Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев, 2005.
Сидорова Н.А. Чернофигурная сенофон из раскопок Пантикапея // Сообщения ГМИИ, 1992. № 10.
Скржинская М.В. Афинский мастер сенофонт. //ВДИ, 1999. № 3.
Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. (АНО)
Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
Соломоник Э.И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса //ВДИ. 1976. № 3.
Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в до н. э. //ВДИ 1985. № 1.
Трейстер М.Ю. Тема амазономахии в торевтике поздней классики //Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.
Тугушева О.В. Сцены амазономахии на боспорских пеликах //Боспорский рельеф со сценой сражения. М., 2001.
Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи У-IУ вв. до н.э. СПб., 1995. (ГЗ)
Фармаковский Б.В. Архаический период в России // Материалы по археологии России. № 34. 1914.
Харалдина З.Е., Новичихина А.М. Античные коллекции Анапского музея // ВДИ. 1994. № 2.
Худяк М.М. Терракоты // Ольвия. Л., 1940.
Цветаева Г.А. Расписная керамика из Горгиппии // Горгиппия. Т.I. Краснодар, 1980.
Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
Шауб И.Ю. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов //КСИА. 1979. № 159.
Шталь И.В. Эпические предания древней Греции. М., 1989.
Шталь И.В. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. (Пелики IV в. до н.э. Керченский стиль). М., 2000.
Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977.
Шургая И.Г. Вопрос боспоро- египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. 1974. № 138.
Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм. Экономика, политика, культура. М., 1990.
Яценко С.А. Костюм Скифии в архаическое и классическое время: к вопросу об этнических изменениях // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7- го археологического семинара. Краснодар. 2000.

Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
Bothmer D. Amazones in Greek Art. Oxford, 1957.
Corpus vasorum antiqorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996.
Frank K.M., Snowden J. Ancient views of Nubians //Expedition. V. 35. 2. 1993.
Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001. (GCA)
Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture III. The Styles of 100-31 B.C. London, 2002.
Skeat T. C. Zenon Archive. № 1973 // Greek Papyri in British Museum. T.7. London, 1974.
Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen // Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig, 1934. Bd. 4. (UKV)
Vogell A. Griechische Altertümer südrussischen Fundorts aus dem Besitze A.Vogell. Karlsruhe, Kassel, 1908.
Vos M.F. Scythian Archers in Archaic Vase- Painting. Groningen, 1963.
Zahn R. Hellenistische Reliefgefässe aus Südrussland // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin, 1908. № 23.

M.V. Skrzhinskaya

REAL AND MYTHICAL PEOPLES IN REPRESENTATIONS ON ART MONUMENTS FROM ANCIENT NORTH PONTIC AREA CITIES (the 6th-the 4th century BC)

Summary

Foreigners on the antique monuments from the north Pontic area cities are included in the scenes illustrating literature and folklore creations. They were the characters who fought against Hellenoi or their contemporaries dwelling at the world's end in the old days. Scythians, Ethiopians and Amazons belonged to the first; Arymaspians, Amazons and pygmies belonged to the second ones. Citizens of the North Pontic area states ranked unknown nations, e.g. Negroes, with imaginary Amazons and pygmies. There are almost no representations of well known barbarians; figures of Persians and Thracians are rare; images of Scythians are not numerous. The latter appeared in archaic period predominantly, when the legend of their participation in the Trojan War was popular. Representations of Libya people can be singled out in a separate group. They played a cognitive role for the majority of the north Pontic area population being one of a few knowledge sources about Africa.

Т.Н. СМЕКАЛОВА

КУРГАНЫ В ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

I. Предгорный Крым[1].

Тысячи курганов возвышаются в степях Северного Причерноморья. Они нарушают визуальную монотонность степных пространств и создают ощущение монументальности ландшафта, являясь его гармоничным дополнением. Курганы неотделимы от степного пояса нашего континента. Можно сказать, что они порождены степью, вернее, степными, в основном, кочевыми, народами. Рассмотрим кратко природные особенности степей, составляющие их своеобразие и определяющие образ жизни и занятий древних людей, их населявших.

Степи – зональное явление, они есть на всех континентах, кроме Антарктиды. Степи формируются во внутренних частях континентов, и размеры степных площадей прямо пропорциональны размерам материков (рис. 1). Степная ландшафтная зона – устойчивый во времени и в пространстве комплекс. Современные границы степной зоны на Русской равнине установились в начале послеледниковья и с тех пор почти не изменились [Чибилёв, 1990, с. 18].

Еще в 1807 г. русский географ Е.Ф. Зябловский верно отмечал, что степь является господствующим ландшафтом равнин юга России на всем их протяжении, от низовьев Днестра, через Буг, Днепр, Дон и далее на восток за Волгу и Урал [Зябловский, 1831]. Степь неразлучно связана с континентальным климатом. Зимой, вследствие сильного охлаждения материка, над территорией Монголии и Сибири формируется устойчивый мировой максимум атмосферного давления, который в географическом центре Азии, в Туве достигает (более 1036 гПа) [Чибилёв, 1990, с. 48]. Зимой через всю Евразию проходит полоса высокого давления, которая простирается через Казахстан до причерноморских степей и далее на запад по линии Монголия – Кызыл – Уральск – Саратов – Харьков – Кишинев – Южная Франция. Центральная линия этой полосы называется большой осью материка, или осью Воейкова. В зимние месяцы эта ось является важнейшим ветроразделом: к северу от нее дуют ветры западные и юго-западные, влажные и относительно теплые, к югу, то есть в степях, преобладают сухие и холодные восточные и севе-

[1] Работы проводятся при финансовой поддержке гранта РФФИ 08-06-00374-а «Комплексное исследование курганов в культурно-историческом ландшафте Северного Причерноморья».

ро-восточные. Летом ось Воейкова в менее активном состоянии продолжает сохраняться. В целом главные климатические особенности степей определяются сибирским антициклоном, который В.Г. Мордкович назвал «прожектором, выбрасывающим степной луч на запад» [Мордкович, 1982]. Естественно, что действие этого луча к западу постепенно ослабевает. Так, средняя температура января в причерноморских степях -6 град., сумма осадков 330 мм, средняя годовая амплитуда температур 27 град. Те же показатели для Тувы - -39 град, 98 мм и 53 град. В степной зоне Евразии в течение года наблюдается пять типов климатического режима: зимой – арктический, в начале весны – режим тундры, сменяющийся режимом лесной зоны, летом – свой степной режим, во время суховеев наблюдается пятый режим – пустынный. Взаимодействие различных типов климатического режима приводит к частой смене экологических ситуаций в степи [Чибилёв, 1990, с. 50].

Несмотря на некоторые локальные различия, для степей характерны присущие только им общие природные условия. Вся степная зона характеризуется сухим континентальным климатом, безлесием водоразделов, господством травянистой, преимущественно, злаковой растительности на черноземах, темно-каштановых и каштановых почвах. Своеобразие степных природных условий определило и тип степного образа жизни, хозяйственного уклада, культуры народов, обитающих здесь.

Одна из характернейших черт степной зоны – ее безлесье. Со времен экспедиций П.С. Палласа (1768-1774 гг.) широко распространилось мнение о вторичности безлесия степей, согласно которому леса в степях были уничтожены человеком. В настоящее время это явление, скорее, объясняется комплексом природных факторов, и, прежде всего, неблагоприятным сухим климатом, засоленностью почв, конкуренцией мощного степного травостоя, равнинностью рельефа, обуславливающей недостаточный дренаж местности. Но, безусловно, многие островки лесной и кустарниковой растительности в степях еще в древности исчезли из-за хозяйственной деятельности людей.

Происхождение общеиндоевропейского термина «степь» до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Некоторые исследователи сближают это восточнославянское слово с иранским tapan – «плоский». Наряду со словом «степь» употребляется множество других терминов. Приведем здесь только пример тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских названий, для которых обычен топоним «дала», «тала», например, пустыня Бетпакдала, урочище Карадала и т.д. [Чибилёв, 1990, с. 22]. Семейство тюркских степных топонимов продолжает термин «алан» и близкие ему «аланг», «ялам», «чалан», например, на одном из чувашских диалектов «ялан» - «степь», в Хакассии «чалан» - «равнина», «степь». С тюркским «алан» связаны русские «ялань» и «елань» - «безлесное степное место». Вероятно, аланы – народность кавказских и причерноморских степей и предгорий римского времени, получили свое название от термина «алан», обозначающего «степь».

Материалы исследований четвертичного периода показывают, что в степях люди жили намного раньше, чем в лесной зоне. Возможности для жизни как древнего человека, так и животных сложились здесь около миллиона лет назад. В степи стало возможным одомашнивание ценнейших копытных животных, появились такие изобретения, как колесо и телега, что явилось основой подвижного скотоводства.

Помимо номадо-скотоводческого, в степи существовал также и земледельческий вид природопользования. Земледелие и скотоводство были известны уже в V тыс. до н.э. племенам трипольской культуры. Носители ямной и катакомбной культур в III тыс. до н.э. также осваивают скотоводство и земледелие. Степь, таким образом, являлась универсальным источником пищевых ресурсов с древнейших времен. Известный географ А.Н. Бекетов называет южнорусскую степь также «пшеничною страною», выделяя чисто степной южный пояс, доходящий до Крымских гор и предгорий Кавказа, находящийся в зоне преобладания восточных ветров и климата, имеющего «азиатский характер» [Бекетов, 1896].

Реки образуют своеобразные «зеленые коридоры» через знойные степные ландшафты. Особенно выделяется Днепр, пойма которого называлась до сооружения плотин и искусственных морей во второй половине XX в. «Великим лугом». Недаром Геродот называл Днепр величайшей рекой после Истра и самой полноводной после Нила. Он писал, что долина Днепра представляет собой прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота, а также плодородные пахотные угодья (Herod., IV, 53). Вдоль Днепра располагались основные памятники оседлости скифов [Гаврилюк, 1999, с. 68-85]. Добавим, что и другие реки были чрезвычайно важны для древних обитателей степей, такие, например, как Ингул и его притоки Ингулец и Висунь. Именно вдоль этой водной системы находится великое множество курганов, в том числе и крупнейшие, «царского» ранга, о чем пойдет речь ниже.

Чернозем, один из самых плодородных видов степной почвы, дал начало земледелию. Особенностью растительности степей является низкий травянистый покров с преобладанием узколистенных дерновинных злаков, имеющий мощную корневую систему. Степи обладают способностью к быстрым трансформациям: накоплению питательных веществ, и к разложению их до минеральных составляющих. И.К. Пачоский остроумно назвал степи «лесом кверх ногами» [Пачоский, 1907, 1917]. Корневая система в 10-20 раз превосходит по массе надземные органы. Степные растения на 90-95% расположены в верхнем полуметровом слое почвы.

Возникновение черноземных почв объясняется широким развитием лугово-степной и степной травянистой растительности. Э.А. Эверсманн выделил признак плодоносных степей – два вида ковылей: перистый и тырсу. Он писал: «где только растет ковыль, должен уродиться и хлеб» [Эверсманн, 1840]. Вероятно, древние люди тоже хорошо знали эту особенность.

Неотъемлемой частью евразийских степей на всем их протяжении являются курганы. Несмотря на то, что курганы относятся к самым различным эпохам, отличаются величиной, взаимным расположением, количеством погребений внутри них и другими параметрами, имеются определенные закономерности их расположения в ландшафте, которые были продиктованы природными или историческими условиями.

Сооружение курганов

Одинаково загадочными кажутся причины, которые обусловили начало и конец практики возведения курганов. Появление первых курганов соответствовало созданию новой концепции окружающего пространства и особым представлениям о загробном мире. Более поздние курганы, возможно, отчасти имитировали курганы прошлого.

Первые курганы в Северном Причерноморье возникают в эпоху развитого и среднего энеолита, когда здесь произошел переход от охоты и собирательства к активно влияющему на природу скотоводству и земледелию [Подгородецкий, Щепинский, Шумская, 1983, с. 62]. Большинство исследователей склонно датировать массовый переход к кочевническому скотоводству рубежом II-I тыс. до н.э. и началом I тыс. до н.э., хотя в отдельных районах евразийских степей этот переход мог произойти раньше или позже указанного срока [Хазанов, 1975, с. 23]. В это время, вероятно, возникает и первая социально-экономическая дифференциация общества. Возможно, что именно занятие отгонным скотоводством послужило причиной возникновения культуры насыпания курганов. Неспроста курганы характерны, в основном, только для степей, так как единственная возможность сделать видимыми могилы предков в условиях однообразного степного ландшафта – воздвигнуть курган над погребением. При миграциях населения в пределах значительных территорий, курганы, изначально сугубо погребальные памятники, сразу же становились заметными точками в пространстве, лишенном каких-либо ориентиров, играя роль монументального знака, маркера.

Сооружение кургана требует существенной коллективной затраты труда, поэтому и возникновение первых курганов могло соответствовать только той стадии развития общества, когда уже сложились достаточно большие коллективы родственников или соплеменников, которых можно было организовать на подобные работы. Работа по сооружению курганов могла быть тем связующим звеном, который объединял весь коллектив. Эти коллективы появляются при переходе от присваивающего типа хозяйствования к производящему тогда, когда возникает необходимость в трудоемких сельскохозяйственных работах. В это время появляется и первый прибавочный продукт, а, следовательно, и возможность затрат усилий коллектива на непроизводящие, но чрезвычайно важные, с точки зрения древних сообществ, виды деятельности, в том числе, на сооружение курганов.

С помощью простейших землеройных орудий эпохи энеолита даже небольшой курган высотой 0,5-1 м, диаметром 8-20 м, объемом 45-50 м³ мог быть насыпан из грунта коллективом численностью не менее 20-25 чел. в течение 1-2-х дней [Белов, Ляшко, 1991, с. 29; Семенов, Коробкова, 1983, с. 84-88]. В случаях сооружений курганов высотой 3-4 м с каменными или деревянными конструкциями, безусловно, требовались гораздо большие затраты труда, и, соответственно, привлечение более многочисленных коллективов. Однако масштабы этих работ несопоставимы с поистине грандиозным размахом строительства крупнейших скифских курганов IV в. до н.э., где, по подсчетам разных авторов, одновременно работали 1000-1500 человек в течение одной-двух недель [Мозолевский, Полин, 2005, с. 252-253; Грязнов, 1950, с. 13-15; Руденко, 1952, с. 56; 1960, с. 30-32; 328-329; Мозолевский, 1979, с. 167]. Объем насыпи одного из двух самых крупных скифских курганов, Чертомлыка и Огуза, составлял от 82 до 117 тыс. кв.м (рис. 2), это уже не дома для мертвых, а, скорее, дворцы для них, наполненные умерщвленными слугами, конями, престижной утварью [Болтрик, 2004, с. 85].

Безусловно, размеры скифских курганов и особенности подкурганых сооружений говорят о социальной структуре общества и статусе погребенного, а также отражают эволюцию и произошедшее расслоение общества. Если в архаический период погребения скифов были предельно простыми и они впускались в курганы эпохи бронзы, то в V-IV вв. до н.э. происходит процесс усложнения погребального ритуала. Наибольшая дифференциация подкурганных погребений наблюдается для второй половины IV в. до н.э., когда появляются целые погребальные комплексы со сложными планировочными схемами.

Размеры насыпи в сочетании с другими признаками захоронений, безусловно, отражали социальный статус погребенного [Болтрик, 2004, с. 85]. В качестве ранжирующего признака разные исследователи предлагают несколько критериев оценки курганов: их размеры и уровень престижности сопутствующего инвентаря [Мозолевський, 1979; Бунятян, 1985], трудоемкость погребальных сооружений, наличие и количество погребенных зависимых лиц, число конских жертвоприношений, количество изделий из драгоценных металлов [Курочкин, 1980, с. 106; 1991, с. 19]. Однако на практике ими пользоваться трудно, главным образом из-за ограбленности большинства курганов. Все исследователи единодушно признают размер кургана одним из наиболее важных критериев, так как он реально отражает затраты труда на сооружение кургана. Поэтому наиболее адекватным является, вероятно, критерий объема насыпи, предложенный Ю.В. Болтриком [Болтрик, 2004, с. 86]. Согласно этому критерию все скифские курганы Нижнего Днепра можно разбить на шесть категорий («цари» Скифии, члены царской семьи, родственники царя, «колпаконосцы» первого и второго уровней, простые скифы) (там же, с. 88). Таким образом, раскрывается многоуровневая структура, ключ к интерпретации которой можно найти в известной новелле Лукиана (Скиф или гость, 1), где говорится, что

некто Токсарис происходил не из царского рода и не из колпаконосцев, а из толпы простых скифов, так называемых «восьминогих», т.е. владельцев пары быков и одной повозки. Возможно, что этими категориями не исчерпывается вся структура скифского общества. Так, еще Геродот говорил о номархах, которые раз в год собирают скифов из своего нома и угощают тех, которые убили врагов, вином из кратера (Herod., IV, 66). Можно ли идентифицировать номархов с колпаконосцами, или они составляют две разные социальные категории, остается пока неизвестным. По крайней мере, по схеме деления скифского общества в IV в. до н.э., предложенной Ю.В. Болтриком, социальных категорий оказывается больше, чем только те, которые нам известны из письменных источников. Мне представляется, что у оседлой части скифского населения мог быть несколько иной характер социального расслоения, и темпы его могли быть другими, что связано с различиями в характере и процессе накопления прибавочного продукта за счет земледельческого труда по сравнению с кочевым.

У кочевых племен основные признаки классового общества и государства, такие, как централизованный аппарат эксплуатации и управления, четкая классовая иерархия, собственность на землю, своды законов, письменность, имели несколько аморфный, незаконченный характер или отсутствовали вовсе. Необходимость и возможность возникновения государственных форм предполагают также наличие товарного хозяйства и финансов, которые в скифском обществе существовали в зачаточном состоянии [Ельницкий, 1977, с. 197], и, возможно, начали развиваться в IV в. до н.э. только под воздействием греческих центров в связи с выращиванием зерна оседлыми племенами, подвластными скифам-кочевникам для торговли. Хотя во времена Геродота Аттика еще не жила за счет черноморского хлеба, древний историк уже рассказывает о скифах-земледельцах, производящих зерно не для собственного употребления, а для продажи (Herod., IV, 17). Скифские царские племена облагали данью не только соседские кочевые и оседлые племена, но и греческие города, что способствовало дальнейшей социальной стратификации скифского общества.

Скифская культура на всем протяжении ее истории оставалась бесписьменной. Вероятно, законы передавались устно, так как это делали агафирсы, родственные скифам, которые, по свидетельству Аристотеля (Problem., 19, 28), «пели» свои законы.

У кочевников основным прибавочным продуктом был скот, в меньшей степени сокровища (драгоценные металлы). Прочность и стабильность процесса классообразования находилась в прямой зависимости от прочности и неотчуждаемости предметов накопления. В результате природных катастроф (особенно снежных заносов и гололеда), а также удачных военных набегов вражеских племен богатство кочевников могло быть полностью потеряно и не могло быть восстановлено в один год. Поэтому процесс классообразования у кочевников оказался чрезвычайно растянутым, а формы его нечеткими [Черников, 1978, с. 78].

На первых порах процесс классообразования протекал, вероятно, без коренной ломки родовых отношений, формы государственности еще не имели законченных очертаний. Так, например, благодаря организации, напоминающей государственную, и в результате удачно организованной тремя «царями» - племенными вождями обороны, а также беспрекословного подчинения им всего населения огромной территории, несмотря на межплеменные разногласия, скифы успешно справились с вторжением в свою страну войск Дария [Черников, 1978, с. 79].

Одним из внешних признаков обществ, обладавших более или менее развитыми государственными структурами, является, как известно, наличие памятников монументальной архитектуры, таких, как храмов, дворцов или сложных погребальных комплексов [Болтрик, 2004, с. 85]. Практически, единственными сооружениями, оставленными кочевым скифским обществом, являются курганы, как рядовые, так и гигантские, со сложнейшими подземными гробницами. Поэтому изучение особенностей монументальных курганных могильников может помочь в решении вопроса о степени развития государственности в скифском обществе, а анализ территориального их размещения - о государственном делении Скифии. Пионером в этом вопросе является Б.Н. Мозолевский, который провел скрупулезную и очень интересную работу по изучению распределения крупнейших курганов в степях Северного Причерноморья с помощью детальных карт и последующих археологических разведок. На всей территории Скифии он выявил по крайней мере 36 скифских курганов «царского ранга» высотой от 8 до 15 м[2], которые группируются в три ареала, причем оказалось, что, помимо давно известного сосредоточения памятников скифской аристократии вокруг каменко-никопольской переправы (предполагаемый Геррос), существуют еще два компактных могильника этого типа. Один из них расположен на р. Висунь (Николаевская обл.), второй – к северу от Белогорска (урочища Беш-Оба и Ак-Кая в Крыму)[3]. Наличие в степях Северного Причерноморья трех, и только трех, курганных могильников позволило автору сопоставить этот факт с сообщением Геродота о делении Скифии на три царства, и на основании этого разработать оригинальную концепцию по этногеографии и политическому устройству Скифии IV в. до н.э. [Мозолевский, 1986, 1990, с. 134-138, Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 179-222; Мозолевский, Полин, 2007, с. 46]. Необходимо подчеркнуть, что именно Б.Н. Мозолевским был впервые определен статус Белогорского курганного поля как могильника высшей скифской знати.

---

[2] К 1990 г. за всю историю археологически было исследовано 13 «царских» курганов. Б.Н. Мозолевским было выявлено еще 60 крупнейших курганов, но в ходе осмотра было установлено, что 23 из них являются скифскими.

[3] Оба эти могильника будут рассматриваться более детально далее.

Курганы возводились из наиболее органичного и живого из всех земных материалов – непосредственно из самой земли, из ее наиболее плодородной части – верхнего гумусного слоя. Насыпи большинства скифских курганов, по многочисленным полевым наблюдениям археологов, складывались из пластин дерна [Древности, 1846, с. 6; Спицын, 1910, с. 72-73; Макаренко, 1916, с. 267-269; Лесков, 1974, с. 52-54; 1981, с. 157-158; Чередниченко, 1976, с. 404; Фридман, 1987, с. 159; Евдокимов, Фридман, 1987, с. 85; 1991, с. 75, 81; Мозолевский, Полин, 2005, с. 247]. Поверхность вновь сооруженного кургана сразу же после его постройки «оживала», оправляясь от ран и шрамов, нанесенных во время нарезки дерновых блоков и включалась в общий процесс почвенного развития. Это делало курганы неразрывной частью природного ландшафта и одновременно обеспечивало их практически вечную сохранность, стабильность и стойкость, наилучшую из всех известных рукотворных сооружений. Повредить курган мог только сам человек, никакими природными силами, такими, как землетрясения, ливни, деятельность животного и растительного мира, его нельзя было разрушить.

Для того, чтобы соорудить крупнейшие скифские курганы, необходимо было снять почвенный слой на довольно значительной площади. Так, знаменитый курган Чертомлык сложен из пластин дерна размером 15 х 25 х 20 см; по разным подсчетам для сооружения его насыпи был снят верхний гумусный слой на площади от 35 до 75 га [Мурзін, Ролле, 1989, с. 93; 1991, с. 171; Кламм, Фиброк, Мейер, 1991, с. 306]. Неудивительно поэтому, что древние общины оседлых племен более «экономно» относились к ресурсам плодородной почвы в округе поселений. Курганные группы выносятся, как правило, на неудобные для пахоты участки, каждое погребальное сооружение используется для многократных подхоронений. Размеры курганов невелики, что, впрочем, определялось, скорее, не столько желанием уберечь почвенный покров, сколько трудовыми ресурсами относительно небольших семейных или родовых коллективов.

Более ранние курганы, эпохи энеолита и бронзы, а также некоторые скифские курганы, например, Мелитопольский, могли сооружаться из грунта, глиняных вальков или примитивных сырцовых кирпичей [Тереножкин, 1955, с. 30], то есть из блоков, сформованных из предварительно замешанного грунта [Мозолевский, Полин, 2005, с. 249]. По наблюдениям, сделанным в июле 2007 г., насыпи крупнейших длинных курганов могильника Мамай-Гора, могли сохранить значительную крутизну своих склонов только благодаря тому, что они сооружались из плотного глинистого грунта (рис. 3) [Андрух, Тощев, 1999; Андрух, 2001; Андрух, Тощев, 2004; Смекалова, 2008]. Наиболее крутые северные склоны имеют восточный и западный длинные курганы Мамай-Горы – не менее 47-50° при высоте курганов 4-5 м и длине 80-86 м (отмечены цифрами 1 и 3 на рис. 3). Крутизна остальных их склонов 20-25°. На мой взгляд, удивительную крутизну северных склонов длинных курганов можно объяснить только тем, что для постройки их насыпей использовалась глина, а не дерновые блоки.

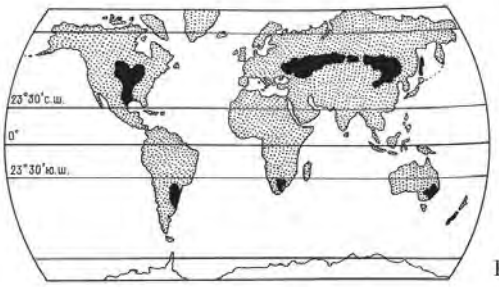


Рис. 1.

Рис. 2.

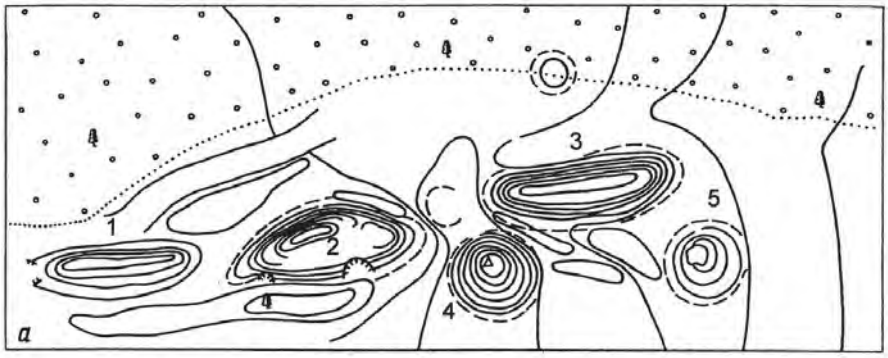


Рис. 3.

Рис. 1. Степные ландшафты на карте мира [Чебелёв, 1990, с. 8].

Рис. 2. Раскопки Н.И. Веселовского кургана Огуз в 1893 г. ФА ИИМК, Q404-22.

Рис. 3. Топографический план могильника на Мамай Горе [Болтрик, 1990, с. 37].

Глина, вероятно, бралась тут же, у подножья воздвигаемых курганов, так как она является здесь материковой породой, в результате чего и образовались рвы и западины, окружающие курганы, хорошо видимые и сейчас в рельефе местности. Данное наблюдение говорит о том, что, вероятно, в более раннее время курганные насыпи делались и из материкового грунта тоже. В отличие от длинных курганов, крутизна северного склона большого круглого кургана (отмечен цифрой 4 на рис. 3) из могильника Мамай Гора составляет всего 30° (остальные склоны имеют крутизну от 20 до 25°). Выбросы из многочисленных нор грызунов на поверхности этого кургана имеют цвет и структуру чернозема, что позволяет предположить, что он сооружен из брикетов дерна, как и многие скифские курганы.

Асимметрия курганов, по мнению многих исследователей, к которому и я присоединяюсь, определялась технологическими приемами их создания (Веселовский, 1911, с. 104; Тощев, 1990, с. 63). Вероятно, материал для сооружения насыпей курганов, например, на Мамай-Горе, подвозился на телегах по южным, западным и восточным склонам, которые оставались более пологими, в то время как северные склоны в процессе укладки грунта приобретали большую крутизну. Явную асимметрию имеют крупнейшие Ак-Кайские и Беш-Обинские курганы в Центральном Крыму, близ г. Белогорска. У каждого из них наиболее длинными и пологими являются восточные и южные склоны, а наиболее крутыми – западные и, особенно, северные стороны. По данным магниторазведки трех крупнейших курганов в урочище Беш-Оба и раскопок одного из них (кургана IV), в восточных склонах располагаются дромосы, ведущие в центральную гробницу [Колтухов, 2006, с. 232-233, 245; Смекалова и др., 1999; Smekalova et al. 2005].

Там, где почвенный слой был недостаточно мощным, курганная насыпь могла сооружаться из камней мелкого и среднего размеров. Такие полностью каменные курганы можно наблюдать на Тарханкуте, особенно, на его южном берегу, а также в районе Джарылгацкого озера. Подобные же курганы, насыпанные над каменными гробницами в виде каменных ящиков, распространены были в Керченском Приазовье [Масленников, 1995].

Курганы в ландшафте

Сейчас уже общепринятым является мнение, что курганы, располагающиеся длинными цепочками в степи, отмечают древние дороги и сухопутные тракты [Болтрик и Фиалко, 1987, Болтрик, 1990][4]. Мне бы хотелось уточнить, что как цепочки, так и вытянутые на огромные расстояния, иногда несколько разветвленные, непрерывные группы курганов, идущие преимущественно

[4] Необходимо сделать одно замечание в связи с реконструкцией Ю.В. Болтриком сухопутного пути из Крыма на Каменское городище через Арабатскую стрелку [Болтрик, 1990, с. 39-40].

в меридиональном направлении, вероятно, маркируют традиционные пути сезонных миграций того или иного кочевого племени или группы племен, которые проходили через места с наиболее богатыми пастбищами и водоемами. Поэтому курганы в таких группах несут двоякую нагрузку, являясь, с одной стороны, путевыми ориентирами, а с другой, знаками племенной собственности на пастбища. Они являются растянутыми на многие километры родовыми кладбищами, поэтому мы вправе ожидать, что типы погребений в таких гигантских могильниках будут сходными. Выделенные нами кочевья территориально близки локальным группам погребальных памятников, по В.С. Ольховскому, который отмечал неравномерность расположения курганов в Приднепровье, что нельзя объяснить только недостаточной изученностью, а также тяготение курганных групп к рекам [Ольховский, 1991, с. 96, 97]. Ареалы предполагаемых сезонных кочевий имеют территориальную протяженность преимущественно в меридиональном направлении, часто вдоль главных рек: Днестра, Буга, Ингульца-Висуни, и, конечно, Днепра. Вдоль Днепра и Ингульца очень четко видны небольшие группки мелких курганов, которые, возможно, оставлены оседлым населением, поэтому мы вправе ожидать нахождения поселений рядом с каждой такой группкой.

Внутри вытянутых протяженных групп курганов должна была обеспечиваться перекрестная видимость так, чтобы от одного кургана был виден другой. В степных условиях, при отсутствии каких-либо других ориентиров, курганы являлись своего рода «дорожными знаками», обеспечивающими безопасное движение по традиционным кочевым трактам. При передвижении масс населения и скота на большие расстояния, следование по определенному маршруту, проходящему через места с хорошими пастбищами и водопоями, было жизненно важным. Цепочки курганов должны были маркировать такие маршруты, так как отклонение от них могло быть губительным для целого племени.

Родовые пастбища зорко охранялись от чужаков, поэтому каждый скиф-кочевник был одновременно и конным воином-лучником. Цепочки курганов отчасти несли предупредительно-охранную функцию, свидетельствуя о собственности на пастбища данного племени или племенного союза со времен захороненных здесь предков.

У кочевников экстенсивное скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства, не исключавшей, конечно, ни примитивного земледелия (которым занимались оседлые племена), ни ремесел. Но вся жизнь кочевников была подчинена главной задаче – наивыгоднейшему перегону стад с пастбища на пастбище. Одна из важнейших функций главы племени, наряду с ведением побе-

---

Арабатская стрелка как таковая является довольно молодым геологическим образованием, она появилась только в раннем средневековье [Стащук, Супрычев, Хитрая, 1964], поэтому в античные времена этой дороги не существовало. На портоланах ее еще нет.

доносной борьбы с врагами, были именно прокладка наилучшего маршрута перекочевок и умелое руководство в их прохождении. Умерший во время перекочевки вождь мог быть захоронен в той области, где его застигла смерть. Курган над его захоронением воздвигался из расчета на то, чтобы он был максимально заметным, на высоком месте с хорошим обзором, насыпь кургана делалась по возможности наиболее значительной. Таким образом, даже после своей смерти вождь указывал путь к пастбищам своего племени. Недаром в знаменитых памятниках письменности Авесте и Ригведе, отражающих всю систему мировоззрения ираноязычных народов, огромную роль играет культ предков. Первый человек – он же первый царь иранцев Йима (Ясна, XXX, 3) имеет параллель в Ригведе – Яму (X, 10). Йима и Яма после смерти стали царями загробного царства и служат проводниками умерших на верхнее небо, на вечные пастбища, где обитают предки [Кузьмина, 1976, с. 56].

Умершие соплеменники захоранивались поблизости от своего вождя, тем самым приобщаясь к нему[5]. Курганы образовывали цепочки, которые со временем становились путеводными знаками для последующих сезонных кочевок. Возможно, что именно с цикличностью экстенсивного скотоводства связан обычай поминовения предков раз в году, когда все племя оказывалось на том же месте, проделывая свой ежегодный маршрут по тем же пастбищам, где они были за год до этого и где почил один из соплеменников.

Как известно, все без исключения кочевые государства возникают на племенной основе [Черников, 1978, с. 74]. Возможно, что скифские области (΄αρχηίαι), перечисленные у Геродота, соответствовали не территориальному, а скорее родо-племенному делению, учитывая, что четко закрепленных территориальных границ в Скифии не существовало, а были лишь пространства более или менее устоявшихся скифских кочевий [Ельницкий, 1977, с. 196]. Возможно, что именно поэтому среди ученых до сих пор не устоялось мнение о границах той или иной скифской области по Геродоту. В этой связи хочется еще раз подчеркнуть, какое большое значение представляет изучение курганных групп, тянущихся на большие расстояния, как знаков племенной собственности на пастбища, что может дать ценные сведения о племенной структуре древнего общества. Курганные группы, содержащие наиболее грандиозные насыпи, отражали главенствующее положение того или иного племени по отношению к остальным. Размеры курганов внутри курганных групп свидетельствуют о различиях во внутриплеменной позиции отдельных членов общества.

Одна из таких, наиболее длинных и прямолинейых цепочек курганов прослеживается от морского берега Джарылгацкого залива по направлению к Днепру в районе Каховки (рис. 4), причем ее появление трудно объяснить

[5] На нечто подобное обратил внимание еще Б.Н. Граков, который отметил, что курганы приуральско-поволжских скифов тянутся цепочками от захоронений матерей-жриц, подчеркивая этим свое стремление к посмертному приобщению к матроне-родоначальнице и жрице [Граков, с. 116].

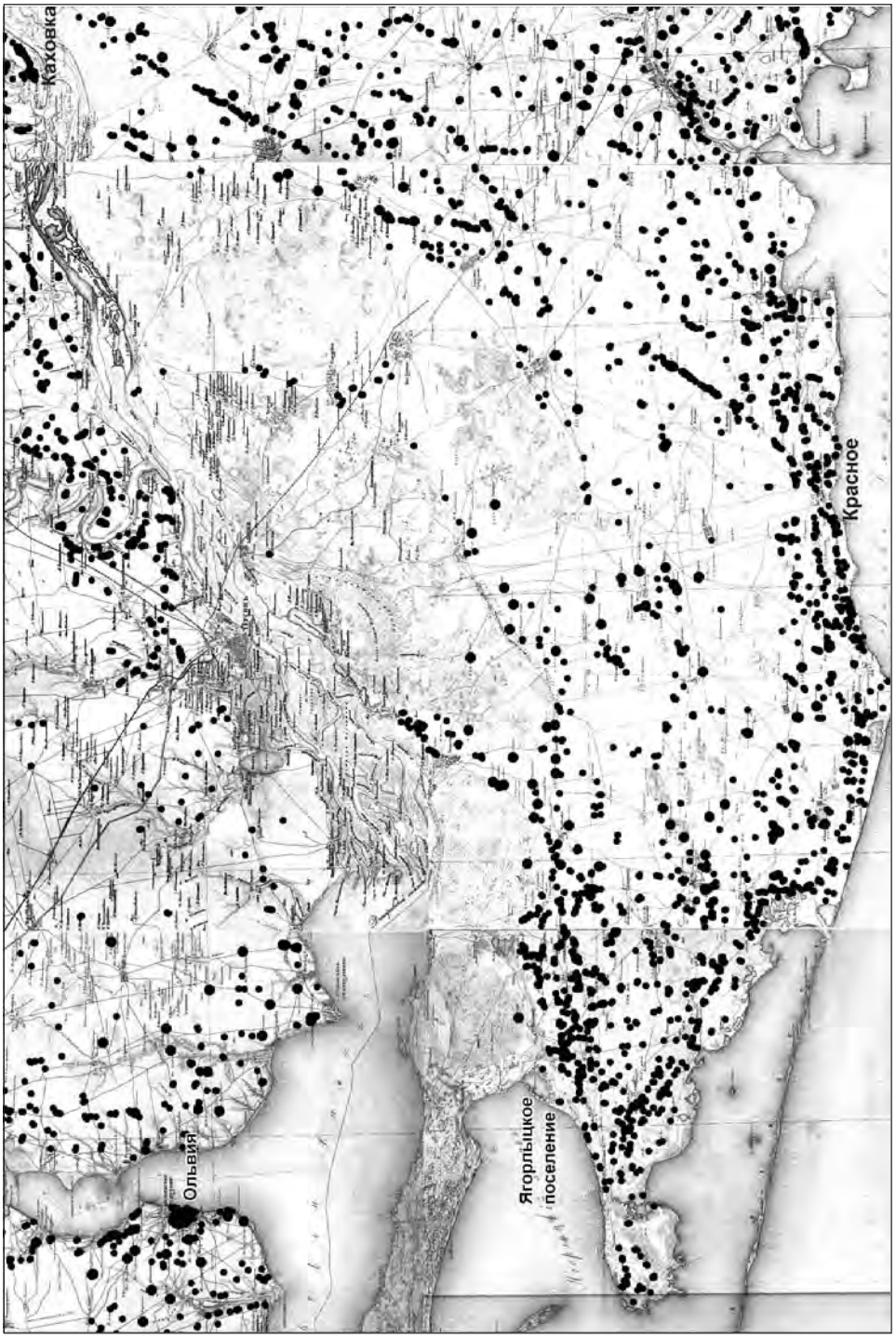


Рис. 4. Часть трехверстной карты конца XIX в. северной части Таврической губернии. Выделена цепочка курганов, идущая от берега Джарылгацкого залива в районе п. Красное до Каховки. Кружками показаны курганы.

особенностями рельефа местности, так как порой данный маршрут проходит по абсолютно ровной поверхности, лишенной каких-либо возвышенностей. Путь этот исключительно удобен, так как он не пересекает ни одной водной или иной преграды и проходит по местам, богатым пастбищами и водопоями. Недаром на карте конца XIX в. вдоль по этому пути помечено множество скотных дворов и колодцев.

Помимо важности данного пути с точки зрения кочевого хозяйства, не исключено также, что эта цепочка курганов маркирует дорогу от Днепра к каким-то другим, важным для скифов, объектам. Например, возможно, что она ведет к некой (пока неизвестной) гавани в Джарылгацком заливе или к общеплеменному святилищу, расположенному на его берегу. Возможно также, что именно здесь проходил один из известных «соляных трактов», который использовался как в древности, так и в половецкое и древнерусское время [Болтрик, 1990, с. 39].

Если предположить, что данная цепочка курганов является свидетельством традиционных сезонных перекочевок какой-то отдельной группы скифов из Поднепровья в южном меридиональном направлении, то мы вправе ожидать, что вдоль него будут располагаться курганы с погребениями сходного типа, даже если такие курганные могильники будут иметь протяженность в сотни километров. И действительно, курганы, слагающие данный «тракт», относятся к Ягорлыцко-Каланчакской (на юге) и Поднепровской (на севере) группам по В.С. Ольховскому, которые являются родственными между собой [Ольховский, 1991, с. 135].

Многие из курганов, принадлежащие данной цепочке, были раскопаны в связи со строительством Северо-Крымского оросительного канала[6]. Так, из 26 курганов, раскопанных в Каховском районе, принадлежащих северной части данной «цепочки», половина насыпана в скифское время, а всего скифских

[6] В ходе изучения данной цепочки курганов было сделано одно интересное и, на первый взгляд, неожиданное наблюдение. Дело в том, что трасса Северо-Крымского канала, начинающаяся от Каховки, прошла почти точно вдоль изучаемой цепочки курганов, по низинной территории, к п. Красное в Скадовском районе. Далее к западу ирригационную систему продолжает Краснознаменский канал. Он также следует вдоль полосы наибольшей концентрации курганов в западном направлении вплоть до побережья Ягорлыцкого залива. Подобное совпадение зафиксировано для цепочек курганов, идущих в широтном направлении в степной части Крыма (см. ниже). Думается, что эти два совершенно разнородных явления (сооружение курганов и современных каналов), тем не менее, в какой-то степени связаны между собой. Действительно, цепочки и концентрации курганов отражают неоднократные или длительные пребывания здесь древнего населения и являются свидетельством использования ими наилучших пастбищ и земельных угодий. Современное строительство канала также было задумано для того, чтобы привести днепровскую воду землям, наиболее перспективным для сельского хозяйства. Кроме этого, древними кочевниками в результате традиционных сезонных миграций был в конце-концов выбран оптимальный путь, который проходил через места, наиболее богатые водопоями и пастбищами, то есть там, где грунтовые воды подходят близко к поверхности. На карте

захоронений насчитывается 28. Большое количество курганов бронзового века именно в северной части рассматриваемой «цепочки» говорит о том, что район левобережья Днепра был освоен древним человеком издревле. По мере продвижения на юг, доля скифских курганов в данном тракте быстро растет. Особенно впечатляет огромное количество скифских курганов возле с. Широкое, приблизительно в 15 км от морского побережья. Здесь уже 65 из 80 раскопанных курганов были скифскими [Черненко, Бессонова, Болтрик, и др. 1986, с. 33-41].

Не исключено также, что данная «цепочка» курганов имеет продолжение далее на запад, к Ягорлыцкому ремесленному центру у с. Ивановка Голопристанского района Херсонской области. На карте-полуверстке конца XIX в. весь путь до Ягорлыцкого поселения отмечен огромным количеством курганов и курганных групп, тянущихся цепочками, в основном, в широтном направлении. К сожалению, в настоящее время, после строительства Краснознаменского канала, очень многие курганы оказались в пределах оросительной системы и, вероятно, разрушены. Тем более ценным источником по изучению пространственного распространения курганов являются детальные карты конца XIX в., на которых все данные курганы еще присутствуют.

Как известно, на территории Ягорлыцкого ремесленного центра обнаружено огромное количество остатков бронзолитейного производства. Здесь найдены сотни незаконченных наконечников архаических стрел, это больше, чем на всех остальных поселениях и городищах Северного Причерноморья вместе взятых [Островерхов, 1973; Черненко, 1981, с. 100; Ольговський, 1992]. Это поселение и ремесленный центр существовали со второй половины VII до первой половины VI вв. до н.э. [Рубан, 1980]. Не отрицая того, что курганы в первую очередь маркируют пути сезонных миграций в связи с необходимостью поиска наилучших пастбищ, можно высказать предположение, что курганы архаического времени, возможно, немногочисленные, оставлены здесь именно в связи с существованием данного ремесленного центра. Действительно, пополнение арсенала вооружения, и прежде всего, стрел играло большую роль в жизни кочевников, каждый из которых был воином-стрелком. Поэтому не удивительно, что в районе самого Ягорлыцкого поселения фиксируется одна из наибольших концентраций курганов в Северном Причерноморье. Подобные концентрации курганов, вероятно, могут отмечаться также и возле других ремесленных центров, в том числе и в античных городах, где изготавливались сложные в технологическом отношении и парадные предметы вооружения [Черненко, 1981, с. 100; Яковенко, 1976, с. 129-130].

конца XIX в. вдоль по этому пути отмечены многочисленные скотные дворы и колодцы. Очевидно, что геологические, геоморфологические и, особенно, гидрогеологические условия учитывались также и строителями оросительной системы. Таким образом, оказывается, что в южной части Левобережья современная магистральная оросительная система фактически следовала теми же маршрутами, что и пути предполагаемых сезонных миграций скифов.

«Цепочки» курганов, подобные рассмотренной, тянущиеся на сотни километров, зафиксированы как на правобережье, так и на левобережье Днепра. По максимальной совокупной концентрации таких длинных курганных трактов, вероятно, может быть выделен весь ареал скифских кочевий, что должно помочь в решении вопроса о территории собственно Скифии.

Курганы должны были быть хорошо видимыми живыми обитателями земель. И наоборот, погребенные в курганах обожествляемые предки должны были, по мнению своих соплеменников, охранять их владения. Следовательно, с курганов должен был быть максимально полный обзор всей территории, занимаемой или используемой тем или иным социумом.

Общеизвестно, что большинство курганов располагаются таким образом, чтобы они наилучшим образом обозревались со всех, или с определенных, сторон, то есть по краям водоразделов, на господствующих вершинах, любых возвышенностях. Они являются своего рода ландшафтными знаками и ориентирами, создающими визуальную сеть, организующую пространство, которая может служить различным целям. На некоторых курганах, видимых с большого расстояния, могли быть установлены пограничные сигнальные посты, возможно, в более позднее, чем сооружение курганов, время для подачи знаков с кургана на курган во время военной угрозы[7].

Несмотря на то, что курганы неизменно привлекали и привлекают к себе внимание исследователей уже на протяжении нескольких столетий, до настоящего времени не проводилось обобщающего исследования, посвященного пространственно-хронологическим закономерностям их расположения в степном ландшафте на обширной территории Северного Причерноморья.

Стремительное уничтожение и исчезновение с поверхности ландшафта курганов - наиболее массового для данного региона вида археологических памятников - лишает исследователей научной базы, а, соответственно, и возможности делать правильные выводы относительно жизнедеятельности древних этносов, проживавших здесь.

Изучение пространственного распространения курганов по детальным картам

В данной статье предполагается сделать попытку взглянуть на курганы «с высоты птичьего полета», причем в ретроспективе, используя ценнейшие данные, зафиксированные на старинных картах и архивных аэрофотографиях. Эту задачу предполагается решать с помощью комплекса методов дистанционного зондирования Земли, изучения картографических материалов, геофизических методов, натурных археологических обследований.

[7] Строителям древних курганов отчасти приходилось решать задачу, сходную с задачами современной коммуникационной, в том числе и мобильной, сети. Недаром компьютерная программа, широко использующаяся археологами для определения радиуса обзора той или иной вершины, была первоначально создана для проектирования антенн для сотовых телефонов.

В настоящее время появились новые возможности для анализа расположения курганов в культурно-историческом пространстве в связи с качественно и количественно изменившейся базой источников.

Прежде всего, для охвата действительно больших территорий сейчас широко используются космические снимки высокого разрешения и карты сканирования земной поверхности. Более доступными стали также аэрофотоснимки прежних лет, хранящиеся в архивах аэрофотодокументов ИА РАН в Москве[8], а также в других научных и производственных учреждениях. Современная портативная аппаратура позволяет копировать их в виде компьютерных файлов с последующей обработкой и изучением с помощью специальных программ, что значительно повышает качество анализа аэрофотоматериалов.

Кроме этого, открывается возможность изучать подробные топографические карты, как старые, так и детальные новые, хранящиеся в архивах, так как данная категория материалов в настоящее время в большом объеме рассекречена.

Еще в 1971 г. была сформулирована задача об использовании картографических материалов как источника для изучения курганов, причем отдельно была подчеркнута важность материалов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в г. Москве, а также карты Межевого ведомства, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [Ратнер, 1971]. Однако, в силу ряда причин организационного характера, связанного с отошедшим в прошлое режимом секретности, только сейчас можно в полной мере использовать эти ценнейшие архивные материалы для изучения курганов в Северном Причерноморье.

Необходимость анализа крупномасштабных топографических карт для изучения распределения курганов в степях Северного Причерноморья прекрасно понимал Б.Н. Мозолевский. Как уже упоминалось, он провел тщательное выявление по картам ареала крупнейших курганов от р. Молочной на востоке до р. Южный Буг на западе и до крымских предгорий на юге [Мозолевский, 1986, 1990, с. 134-138, Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 179-222; Мозолевский, Полин, 2007, с. 46]. В результате изучения карт и последующих археологических разведок Б.Н. Мозолевским, в частности, впервые был особо выделен крупнейший в Крыму Белогорский курганный могильник высшей скифской знати, находящийся в урочище Ак-Кая и Беш-Оба к северу от г. Белогорска, в котором насчитывается восемь курганов высотой от 8 до 11 м, три – высотой от 4 до 5,5 м и несколько десятков

[8] В этой связи хочу высказать свою искреннюю благодарность заведующему архивом аэрофотографий ИА РАН И.И. Попову, заместителю начальника отдела информационного обеспечения и публикации документов РГВИА Т.Ю. Бурмистровой, научному сотруднику ГАРФ В.П.Наумову, сотрудникам ИИМК РАН Е.В. Грицик и Т.А. Ершовой за неизменную помощь в подборе и сканировании материалов.

более мелких. Ниже будут более подробно освещены исследования Белогорского могильника.

Курганы Крыма на карте полуверстового масштаба конца XIX в.

В данной работе представлены результаты выявления курганов по детальным картам Крыма. Предварим эти результаты небольшим историческим обзором карт, выпущенных в России в XIX-XX вв.

В 1836-38 годах силами Корпуса военных топографов под руководством Ф.Ф. Шуберта и Д.Д. Оберга были выполнены работы по триангуляции Крыма. Результатом этих работ явились карты, созданные на основе топографических съемок полковника Бетева. На карте 1837 г. наглядно показаны рельеф местности, основные и малые дороги, многочисленные поселения. Кроме этого, на нее впервые нанесены источники воды и колодцы, а также показаны уже в довольно большом количестве курганы. Пропорции полуострова практически точно совпадают с данными на современных картах. Рекогносцировка карт Крыма 1865 г. по основе 1837 г. явилась результатом широкомасштабных работ 1845 – 1870 гг., когда в верстовом масштабе были сняты вся Польша и 22 губернии центральной и южной России, включая Таврическую губернию. На карте Крыма 1865 г. показано больше дорог, населенных пунктов, курганов, колодцев. В основе трехверстовой карты, выпущенной в этом же, 1865 г., также лежали съемки полковника Бетева [Смекалова, 2007а].

С начала 1870-х годов съемки во внутренних губерниях России почти прекращаются и проводятся только в пограничных районах, включая Крым, но зато в полуверстовом масштабе (1:21000). На полуверстовой военно-топографической карте Крыма, выпущенной в конце XIX – начале XX вв., нанесено огромное количество курганов, показанных внемасштабными знаками с обозначением высот крупнейших насыпей. Курганам уделено столь большое внимание в связи с тем, что эти объекты являются военными стратегическими пунктами. Кроме этого, детально прорисованы источники воды и колодцы, показаны дороги и тропы, в том числе и заброшенные. Рельеф местности изображался горизонталями через 2 сажени (прим. 4,3 м). Эта карта Крыма, имеющаяся у автора в полном объеме, является богатейшим источником для изучения пространственного распространения курганов, следов античного размежевания земель, систем расселения, расположения древних валов и рвов. Ее пропорции точно соответствуют современным представлениям о форме Крыма, поэтому выявленные на ней объекты легко переносятся на новые карты и на аэро- и космические снимки, что необходимо для сопоставления результатов дешифровки различных категорий источников.

Количество информации, имеющееся на полуверстовой карте[9], сопоставимо с данными, приведенными на другой подробной карте масштаба 1:25000,

[9] Здесь и далее я буду для краткости называть «полуверстовой картой» военно-топографическую карту Крыма конца XIX – начала XX вв. полуверстового масштаба.

рекогносцировка которой проводилась в 1950-е гг., с уточнениями 1980-х гг. по результатам аэрофотосъемки. Горизонтали на этой карте проведены через 5 метров. На ней также нанесены курганы, но их количество меньше, чем на полуверстовой карте. Указаны высоты крупнейших курганов [Смекалова, 2007 а].

То, что мы видим на картах – это курганы, относящиеся ко всем историческим эпохам, то есть мы получаем совокупную информацию о распределении всех курганов, насыпанных когда-либо древними людьми в Крыму. Точное представление о том, какие из них относятся к тому или иному периоду, дают только раскопки курганов. Начало исследования курганных насыпей в степях Северного Причерноморья принято относить к 1821-1830 гг., когда в ходе добычи камня в керченских курганах Патиниоти и Куль-Оба были обнаружены богатые погребения скифской знати. В конце XIX в. члены Таврической ученой архивной комиссии и Императорской археологической комиссии предпринимают раскопки десятков курганов, в основном, в Восточном и Предгорном Крыму. Следующая волна исследования курганов относится уже к советскому времени. Поистине широкомасштабные раскопки курганов в левобережной Украине и Крыму были предприняты в связи с проектированием и строительством системы Северо-Крымского канала [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 9-11]. Сводки этих новостроечных работ в большой степени опубликованы и продолжают публиковаться в настоящее время в ряде монографий [Черненко, Бессонова, Болтрик, и др. 1986; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994; Колтухов, Тощев, 1998; Колотухин, Тощев, 2000; Колотухин, Колтухов, 2007].

Основным источником для составления карты распространения курганов мною была выбрана полуверстовая карта Крыма конца XIX в., поскольку на ней наиболее полно представлена эта категория археологических памятников. Несмотря на то, что некоторые, в основном, малые, курганы на ней не показаны, их процент по отношению к изображенным на карте невелик и, можно надеяться, одинаков по всей территории Крыма. Поэтому данная карта подходит для сравнительного анализа распределения курганов всего Крыма.

Сосканированные листы полуверстовой карты были собраны вместе с помощью программы Mapinfo. Курганы на этой карте помечались в специальном слое кружками различной величины, в зависимости от размеров курганов. На полуверстовой карте рядом с курганами высотой более 1 сажени (1 сажень = 2,1336 м) нанесена их примерная высота (в саженях). Крупные курганы (более 2-х сажень) помечались мною кружками большего размера, в то время как мелкие курганы, не имеющие рядом с собой обозначения высот, наносились в «курганном» слое в виде маленьких кружков. Последних курганов гораздо больше. Всего по полуверстовой карте Крыма удалось выявить более 15750 курганов. Они представлены на основе полуверстовой карты (рис. 5), а также на карте рельефа местности (рис. 6).

Как видно из построенных карт, курганы в Крыму распределены очень неравномерно. На фоне весьма немногочисленных курганов в центральной

степной части Крыма очень четко выделяются три основных крупнейших концентрации курганов: в восточной части Керченского полуострова, на полуострове Тарханкут и в районе крымских предгорий. Концентрация курганов в этих районах во много раз превосходит концентрацию курганов в остальной, срединной части Крыма.

Предметом данной статьи является рассмотрение курганного скопления в предгорном Крыму. Курганы в Западном и Восточном Крыму будут рассмотрены в специальной публикации, готовящейся в рамках международного Джарылгачского проекта. Позволим себе лишь очень кратко сформулировать главный вывод относительно этих двух частей Крыма. Огромное количество курганов здесь обусловлено тем, что они оставлены как скифами-кочевниками (довольно крупные курганы по вершинам водоразделов, следующие на большие расстояния вдоль магистральных путей сезонных перекочевок), так и оседлым населением. На основании изучения курганов и поселений в Западном Крыму и сравнения полученных результатов с теми материалами и выводами, которые опубликованы в ряде работ по Восточному Крыму [Масленников, 1995; Смекалова, 2007б] мною было сделано следующее предположение. Мелкие курганные группы, которые иногда слагаются в крупные курганные могильники и которые содержат каменные «ящики» и склепы с асинхронными захоронениями, соответствуют оседлому земледельческому населению. Это население по всем доступным нам для изучения признакам материальной культуры (как погребальных памятников, так и поселений) в большой степени идентично как для территории Тарханкута, так и Керченского Приазовья. Но на Тарханкуте, по крайней мере, насколько это известно при нынешнем состоянии источников, представителей этого оседлого населения было гораздо больше. Каждой курганной группке соответствует неукрепленное поселение, селище, которые представляют собой несколько жилых и хозяйственных комплексов, обязательно включающих хозяйственные (зерновые?) ямы. Комплексы расположены свободно, на некотором расстоянии один от другого и соответствуют хозяйствам одной семьи. Каждая деревня является, вероятно, родовой общиной, владеющей земельными угодьями поблизости от поселений. Курганные группы маркируют родовую собственность на эти земли. Характернейшей чертой районов, занятых этим оседлым населением, являются видимые следы землепользования в виде «длинных полей», идущих преимущественно вдоль протяжения склонов. Следы этих полей повсеместно прослеживаются как на Тарханкуте, так и в Керченсом Приазовье на аэро- и космических снимках, а также на магнитных картах, полученных автором в обоих районах [Смекалова, 2007б, Бильде и др. 2007]. Какова этническая принадлежность этого населения пока сказать довольно трудно, но можно высказать предположение, что им были представители местных племен, носителей кизил-кобинской культуры, которые, возможно, были подчинены скифами-кочевниками и вытеснены (или переселены) последними из зоны предгорий

на Тарханкут и в Керченское Приазовье. О том, что данные племена привыкли обитать в холмистой местности, говорит топография самих находок курганных групп и соответствующих поселений. Последние, как правило, находятся на мысах и на берегах балок на склонах холмистых гряд. Более подробно эти вопросы будут освещены в следующих публикациях автора.

Курганы в Предгорном Крыму

Особую картину представляет собой концентрация курганов в Предгорном Крыму: весь район предгорий оказывается чрезвычайно насыщенным курганами. Первое, что бросается в глаза, это практически полное совпадение района наибольшего скопления курганов и распространения укрепленных поселений и убежищ, объединенных в литературе под названием «позднескифские городища» (рис. 5). Как это видно из данной карты, только некоторые позднескифские укрепления, как правило, самые южные, находящиеся в глубоких предгорьях (Алексеевское, Саблы, Развилки, Карагач), выходят за пределы этого общего ареала.

Вероятно, такое совпадение не случайно, и, возможно, оно говорит о том, что, во-первых, так называемые «позднескифские городища» появились на местах, до этого хорошо известных древнему человеку, и, во-вторых, что городища могут содержать более ранние слои IV в. до н.э., соответствующие первоначальным поселениям на данных участках. Особенно это может касаться такой категории памятников, как укрепления, расположенные на обрывах куэст Крымских гор. Этот вид поселений был уже специально выделен И.Н. Храпуновым в отдельный тип в силу природных особенностей [Храпунов, 1987, с.22-27]. Действительно, данные защищенные места, открытые и легкодоступные со стороны степи, имеют обрывистые склоны. Они могли быть селищами людей, имеющих большие стада, так как обрывистые мысы удобны не только для расположения здесь поселений при защите от врагов, но и являются прекрасными загонами для табунов лошадей или отар овец. В более ранние периоды эти природные «ловушки» могли служить, вероятно, для загонной охоты. Таким образом, обрывы куэсты могли служить вначале, скорее, «хозяйственно-скотоводческим» целям, а не целям защиты населения от военной угрозы. Подтверждением существования первоначальных ранних поселений служат раннеэллинистические находки и культурные слои, которые есть почти на всех позднескифских городищах в Центральном Крыму [Храпунов, 2004, с. 82-84].

По схеме распространения курганов в Предгорном Крыму (рис. 6), построенной на основании полуверстовой карты конца XIX в., можно выделись четыре района наибольших их концентраций: к северу от Симферополя (1), к северу от Белогорска (2), в юго-восточной части Крыма (3) и на границе Предгорного Крыма и Керченского полуострова, вдоль реки Чурук-Су (4). Кроме этого, необходимо отметить, что в степной части Центрального Крыма выделяются две очень длинные цепочки курганов, пересекающие весь полуостров

в широтном направлении (5). Относительно небольшая концентрация курганов есть также и в Нижнегорском районе (6).

Рис. 7. Н.И. Веселовский (сидит внизу) на раскопках кургана в Шульговке. ФА ИИМК РАН.

Район к северу от Симферополя

Рассмотрим вначале первый район, к северу от Симферополя. Многие из курганов здесь были раскопаны в 1890-е годы Н.И. Веселовским (рис. 7), и описание результатов можно найти в рукописном и фотоархивах ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге, а также в публикациях ОАК и ИТУАК за соответствующие годы.

Особенно интенсивно в 1890-е годы исследовалась территория к северу от Симферополя вдоль р. Салгир, где на площади примерно17 км в длину и 6,4 в ширину на землях М.Д. Талаевой, И.О. Пастака, А.А. Нестроева, С.А. Крыма, С.У. Черкеса, С.И. Генкеля, Э. Б. Бобовича, П.В. Давыдова, к востоку от р. Салгир, было раскопано в 1890-1895 гг. 30 курганов, и только порядка пяти в 1895 г., по словам А.О. Кашпара, еще осталось неисследованными [Кашпар, 1896, с. 149]. В действительности это не совсем так, нераскопанных курганов было больше, что видно хотя бы из схемы расположения курганов, выявленных по полуверстовой карте (рис. 8). И тем не менее, вплоть до наших дней этот район концентрации курганов остается одним из наиболее детально исследованных профессиональными археологами, по сравнению с другими территориями Крыма. По другую сторону железной дороги, на противоположной возвышенности правого берега Салгира было раскопано 9 курганов [Кашпар, 1896, с. 149]. Основной целью раскопок была добыча ценных экспонатов для Эрмитажа, но научную важность раскопок всех, по возможности, курганов на исследуемой территории признавал уже в конце XIX в. А.О. Кашпар, хотя и с извиняющейся интонацией писал, что широкомасштабные (19 курганов) «раскопки истекшего (1895 г.) нельзя считать бесплодными», несмотря на то, что они дали только разграбленные могилы или почти безынвентарные погребения. Разнообразие погребальных памятников, встреченных при раскопках курганов на данной территории, дает представление о типах подкурганных сооружений, погребальном обряде, культурной и хронологической принадлежности захоронений [Кашпар, 1896, с. 149].

Раскопки проводил проф. Н.И. Веселовский при участии и содействии А.Х. Стевена и А.О. Кашпара. Даже губернатор П.М. Лазарев посещал раскопки

Рис. 8. Результат локализации раскопанных курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в районе к северу от Симферополя. Красными кружками показаны крупные (более 4-х м высотой) и мелкие курганы. Синими звездочками отмечены «коллективные» захоронения. Желтым ромбом помечен «Золотой» курган.

и наблюдал за их ходом [РА ИИМК, ф. 1, д. 48, 1890 г., л. 35]. Землевладельцы охотно предоставляли свои земли для археологического обследования, за что Мария Даниловна Талаева и Алексей Алексеевич Нестроев, на землях которых находились богатые «Талаевский» и «Золотой» курганы, даже получили официальные письма благодарности от Императорской археологической комиссии [РА ИИМК, ф. 1, д. 48, 1890 г., л. 31, 34]. Из подобного же письма, копия которого хранится в архиве ИИМК (там же, л.3), мы узнаем о помощи также со стороны Измаила Михайловича Сочеватова со станции Курман Лозово-Севастопольской железной дороги. Таким образом, в результате большой научной заинтересованности Археологической комиссии во главе с гр. А. Бобринским, энтузиазма археологов и содействия местных помещиков и чиновников был фактически проведен уникальный эксперимент по изучению курганов методом тотальных раскопок на большой территории. Территория эта имеет первостепенную важность для изучения истории Крымской Скифии, так как она со стороны степи примыкает к ее центральному району, вероятно, столице, Неаполю Скифскому.

Благодаря проведенным более 100 лет назад работам мы сейчас можем ознакомиться с результатами этого масштабного эксперимента. Первое обобщение полученных материалов было проведено Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1951]. Появившиеся недавно статьи С.Г. Колтухова посвящены анализу опубликованных и архивных данных для локализации «наиболее ярких и интересных скифских курганов» («Золотого», т.н. курганов Пастака и Талаевского), а также рассмотрению подкурганных коллективных погребений [Колтухов, 2008, 2001, 1999]. В данной статье я делаю попытку собрать вместе разрозненные сведения о раскопках курганов на этой территории для того, чтобы провести сравнительный их анализ, что может пролить свет на причины столь плотной концентрации здесь курганов и помочь в хронологических определениях. Для этого архивные и опубликованные данные собраны в Приложении.

Прежде всего, необходимо было локализовать раскопанные курганы по карте. Для этого внимательно прорабатывались архивные отчеты Н.И. Веселовского, а также опубликованные данные в ОАК и ИТУАК. В качестве основы для локализации курганов использовалась карта-полуверстка конца XIX в., которая, как уже говорилась, является наиболее полным источником для выявления курганов на местности. Дополнительно необходимо было привлечь межевые планы с обозначением границ владений того или иного помещика. Особенно это актуально было в случае с локализацией курганов на землях А.А. Нестроева («Золотой курган») и Э.Б. Бобовича, поскольку в словесных описаниях, приведенных в отчетах о раскопках, назывались ориентиры, связанные с границами частных владений. Межевые планы изучались в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА).

Кроме этого, большую помощь в локализации курганов оказала еще одна карта, полковника Бетева, созданная в 1838 г. и рекогносцированная

Рис. 9. Фрагмент верстовой карты 1837 г. с рекогносцировкой 1865 г. на район к северу от Симферополя. Показаны имения А.А. Нестроева, М.Д. Талаевой, С.И. Генкеля.

в 1865 г. В военно-историческом архиве в Москве (РГВИА) удалось отыскать оригинал карты, на которой исправления 1865 г. помечены поверх старой топографической основы красным суриком. На ней обозначены фамилии новых (на 1865 г.) владельцев господских домов, экономий и хуторов (рис. 9).

На основании совокупного рассмотрения этих материалов проведена локализация раскопанных курганов по карте-полуверстке (см. рис. 8 и Приложение).

Не все приведенные более ста лет назад сведения поддаются анализу с целью определения культурной принадлежности и датировки погребений. Но все же при рассмотрении собранных данных удается определить, что из 39 раскопанных курганов к северу от Симферополя 28, то есть три четверти от всех исследованных насыпано в эпоху бронзы, и только 9 (или четвертая часть от всех) – в скифское время. В курганах содержится не менее 22 скифских впускных или основных погребений, а в реальности их, вероятно, больше, так как недостаточное документирование найденных вещей и недоисследованность курганов, большинство из которых раскопано траншеей с юга, не позволяют точно выявить все погребения скифского времени.

Возможно, что в восьми курганах (из 39 раскопанных) имелись «коллективные» захоронения – основные или впущенные. Как это видно на карте, они группируются вокруг позднескифского городища Кермен-Кыр (см. рис. 8) и, возможно, связаны с ним. Курганы с «коллективными» захоронениями расположены на расстоянии от 2,1 км до 4 км от городища, что вполне допускает их взаимосвязь, особенно если учесть, что с запада и севера к городищу примыкали неукрепленные поселения, и поэтому расстояние до курганов следует, очевидно, отсчитывать от границ последних.

Таким образом, можно сделать заключение, что данный район был освоен древними людьми, оставившими курганы, еще в эпоху бронзы, так как большинство курганов насыпано здесь именно в это время. Во многие курганы были впоследствии впущены скифские погребения. В V-IV вв. до н.э. было насыпано довольно много курганов для захоронений скифских воинов-кочевников. Неспроста только кочевнические курганы в Крыму содержат предметы, украшенные в «зверином» стиле, ведь было показано, что они находятся только в достаточно богатых захоронениях воинов-конников и никогда – в курганах оседлого населения [Хазанов, Шкурко, 1978, с. 41, сл.; Яковенко, 1978]. Оседлые племена, также оставившие курганные могильники, но другого типа, находились в подчинении у кочевников. В позднескифское время в некоторых курганах, содержащих как скифские могилы IV в. до н.э., так и более ранние погребения бронзового века, находящихся недалеко от городищ, устраиваются «коллективные захоронения». Подобные захоронения встречены также и на территориях к югу от Симферополя, и опять повсюду «коллективные захоронения» находились неподалеку от «позднескифских» городищ. Так, тавельские курганы находятся на расстоянии 700 м – 2,3 км от границ городища Доброе (рис. 10). При расчете расстояния до городища необходимо

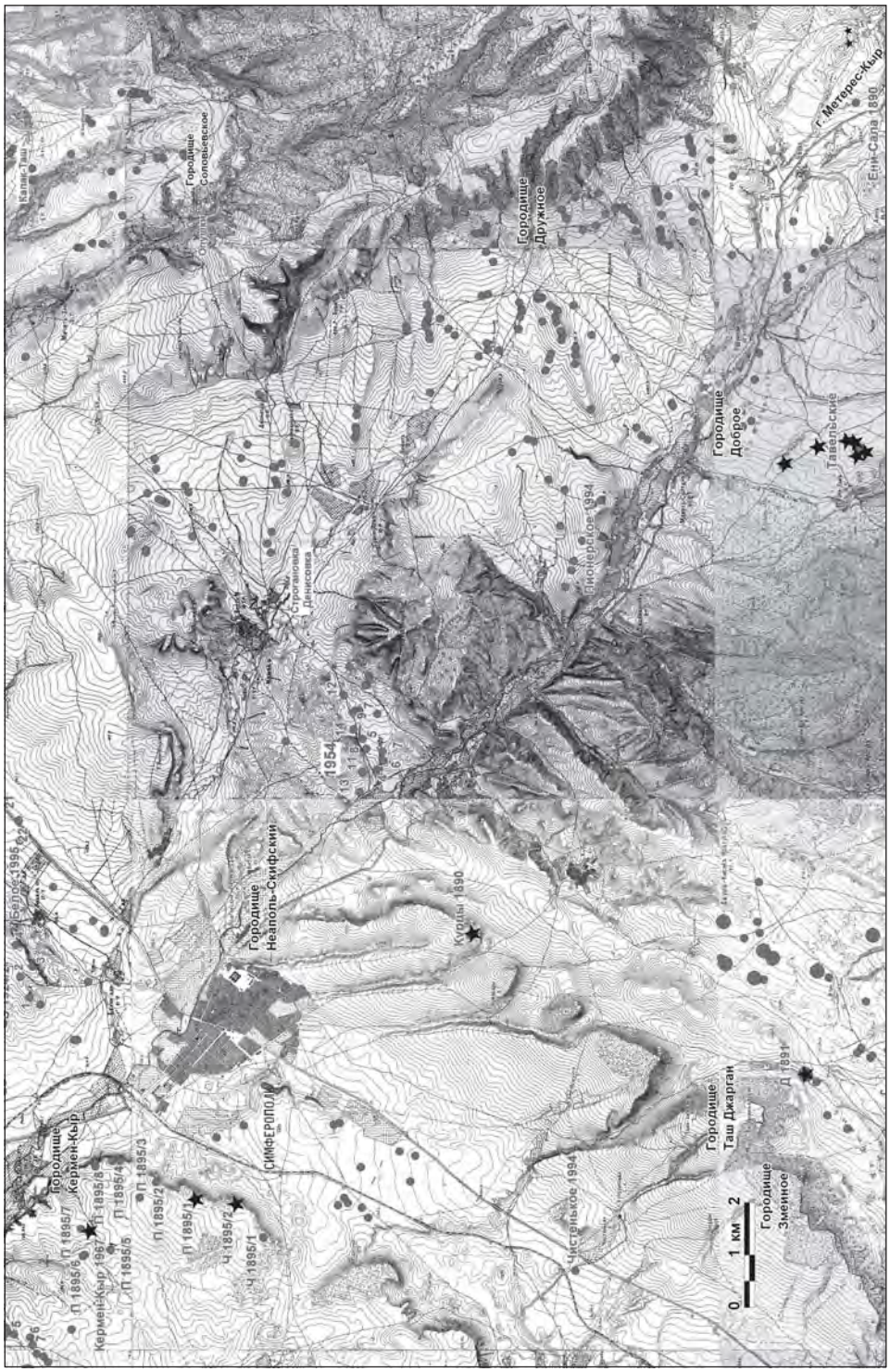


Рис. 10. Результат локализации раскопанных курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в районе к югу от Симферополя.

учитывать, что возле городища существовало селище площадью 0,85 га, то есть расстояние от курганов до границ селища было меньше. Курган в имении Давыдова у д. Саблы находится на расстоянии 1,3 км от городища Таш-Джарган и 2 км от городища Змеиное (рис. 10). Курган у дороги на Курцы – в 3,5 км. к югу от стен Неаполя Скифского. Курганы с «коллективными» захоронениями, располагающиеся к северу от Симферополя, как уже говорилось, находятся на расстоянии от 2,1 до 4 км от границ городища Кермен-Кыр. Курган Беш-Оба IV-2 с «коллективным» захоронением, раскопанный С.Г. Колтуховым в 1996 г., находится почти в 4 км от городища Вишенное, но гораздо ближе к последнему есть еще много нераскопанных курганов, которые, не исключено, также содержат «коллективные захоронения». Курганы, исследованные Е.А. Катюшиным в районе г. Сары-Кая, содержащие «коллективные» захоронения, находятся в непосредственной близости от городища Сары-Кая. Недавно были опубликованны раскопки двух «коллективных захоронений» в курганах у с. Кринички недалеко от Старого Крыма [Гаврилов, Крамаровский, 2001; Кропотов, Лесков, 2006]. Нам пока неизвестно ни одного «позднескифского» городища, находящегося поблизости, но здесь имеется селище Кринички 1, открытое А.В. Гавриловым в 1994 г. Здесь обнаружены несколько золистых пятен, соответствующие, по-видимому, жилым и хозяйственным комплексам, фрагменты амфор и клейм, чернолаковой керамики, монеты и др. [Гаврилов, 2004, с. 165, рис. 44-48].

Сравнивая две различные области концентрации курганов, первую, к северу от Симферополя и вторую, в Западном Крыму, следует отметить их серьезные различия. Почти все «симферопольские» курганы занимают главенствующее положение в ландшафте – на вершинах главных водоразделов, по краям куэстовых поднятий, на отдельных холмах. Скоплений мелких курганов, как в Западном Крыму [Смекалова, 2008], здесь почти не наблюдается. На территории к востоку и югу от Симферополя, в предгорьях зачастую курганы или курганные группы соседствуют и даже входят в состав могильников в виде каменных ящиков вполне «таврского» вида. В качестве примеров назовем могильник Капак-Таш [Пуздровский, 2007, с.25-27], на горе Метерес-Кыр (в бывш. имении Гротена Ени-Сала, см. Приложение), а также крупный курганный могильник, содержащий очень интересную длинную курганную насыпь, между Строгановкой и Денисовкой (в настоящее время, к сожалению, полностью размежеванную под раздачу на частные участки). Здесь каменные ящики являются как самостоятельными погребальными сооружениями, так и впускными захоронениями в верхнюю часть курганов.

Особенностью захоронений, исследованных в районе к северу от Симферополя, является то, что здесь пока неизвестны подкурганные скифские асинхронные погребения в склепах и ящиках с несколькими костяками (до 4-5), в то время как в Северо-Западном Крыму они часто встречаются в курганных группах, состоящих из небольших курганов, и соответствуют оседлому

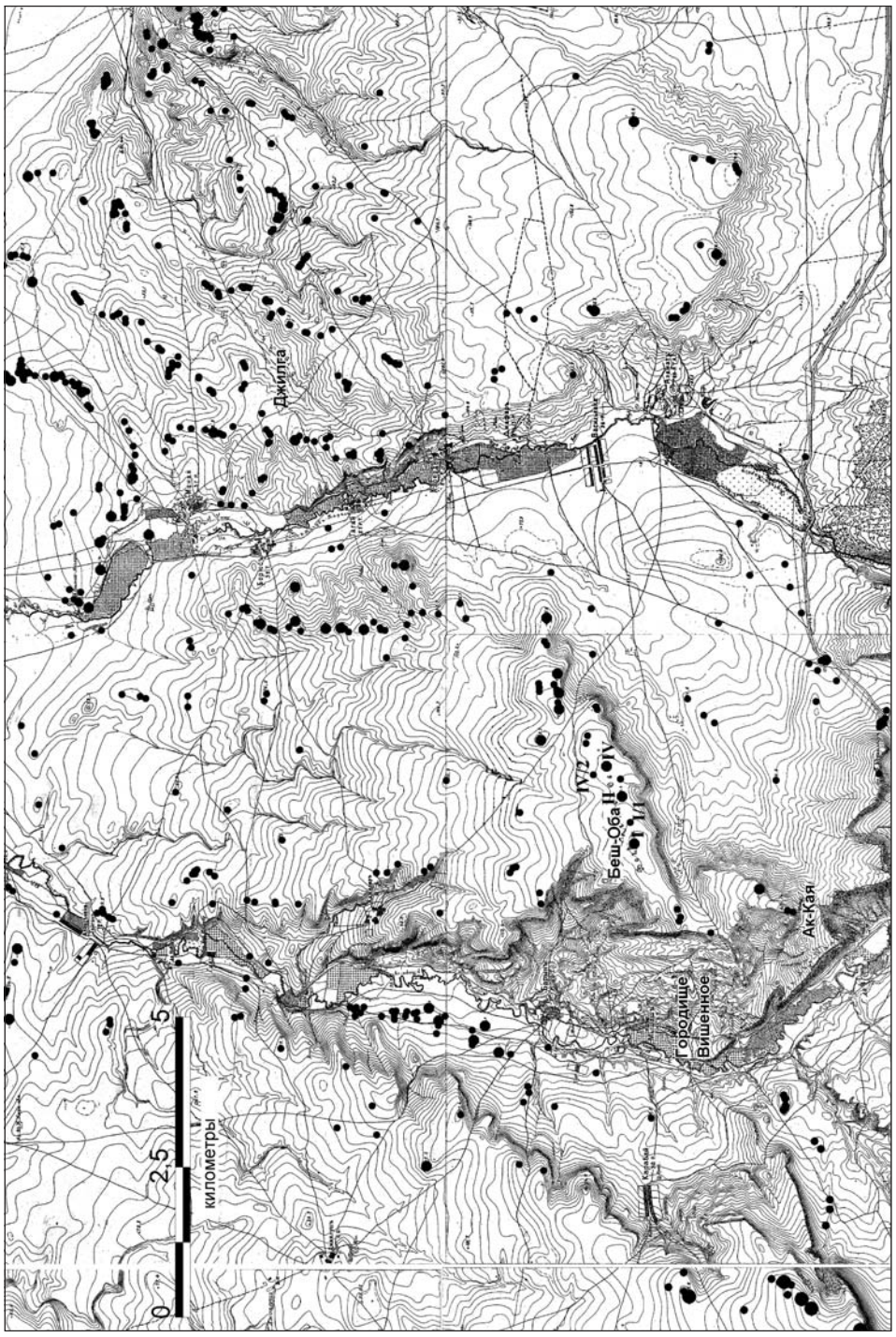


Рис. 11. Расположение курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в урочищах Ак-Кая, Беш-Оба и Джилга и в районах вокруг них к северу от Белогорска.

населению [Смекалова, 2008а, б]. Этот факт говорит о том, что процессы освоения этих двух районов шли разными путями. Для того, чтобы прояснить данный вопрос, нужны более детальные целенаправленные исследования как в Северо-Западном Крыму, так и в предгорьях, включая разведки, геофизические съемки и раскопки курганов и поселений.

Район к северу от Белогорска

Второй по счету, но, вероятно, не по значимости район концентрации курганов находится к северу от Белогорска и охватывает урочища Ак-Кая, Беш-Оба, Джилга, то есть районы, окружающие междуречье рек Биюк-Карасу и Кучук-Карасу (рис. 11).

Этот район давно и справедливо привлекал к себе внимание исследователей. Здесь находятся наиболее крупные курганы в Крыму из ранга «царских» (8-11 м высотой). Наиболее грандиозными являются курганные насыпи, находящиеся в урочищах Ак-Кая и Беш-Оба [Троицкая, 1951; Мозолевський, 1991]. Чудо природы, белоснежные скалы Ак-Каи, отвесно поднимающиеся над живописной и плодородной долиной реки Биюк-Карасу, не могли не привлечь внимание степняков, более привыкших к бесконечным и однообразным иссушенным равнинам. На склонах Беш-Обы находятся обильные родники хорошей по качеству воды и прекрасные пастбища. Эти места, безусловно, были обитаемы с древнейших времен. Так, на одной из архивных аэрофотографий ясно «читаются» террасы – следы землепользования на западном склоне Беш-Обинского урочища, в том месте, где находятся самые мощные родники (рис. 12). Не случайно скифы «обожествили» эти места, расположив здесь наиболее крупный в Крыму курганный могильник царского ранга. Скалы Ак-Каи просматриваются издалека с очень многих весьма удаленных точек предгорья – от Аргинского городища и других, тяготеющих к долине реки Сурук-Су, с возвышенных мест вдоль долин рек Бурульча, Зуя и даже Бештерек. Прекрасно видна Ак-Кая и от позднескифского Алексеевского городища, находящегося уже в глубоких предгорьях, к югу от Белогорска.

Могильник Ак-Кая – Беш-Оба, вероятно, рассчитан на обзор со стороны равнины междуречья Биюк-Карасу и Кучук-Карасу. По крайней мере именно отсюда открывается наиболее впечатляющая картина на курганную гряду с четким ритмом, о котором писала еще Т.Н. Троицкая (1951). Невольно приходит мысль об особом «архитектурном» замысле создателей этого могильника, который должен был восприниматься современниками как монументальное и гармоничное дополнение к впечатляющему природному ландшафту. Вполне логичным было бы предположить, что здесь находился и религиозный центр, связанный с культом предков.

Белогорский курганный могильник охватывает, на мой взгляд, намного большую территорию, чем только урочища Ак-Кая и Беш-Оба. На полуверстовой карте

Рис. 12. Аэрофотоснимок 1974 г. района урочища Беш-Оба. Показаны крупный курган Беш-Оба I и небольшой курган I/1. Хорошо заметны следы террасированных полей на западных склонах возвышенности в районе, богатом родниками.

прекрасно видны детально прорисованные курганные группы, которые идут как на запад, так и на восток от центрального района. Приведем далее их описания, основывающиеся на анализе картографического материала.

На западе от урочища Беш-Оба, вдоль по долине левого берега р. Биюк-Карасу, к северу от дер. Мышаш и Барын (совр. д. Забаштановка) на полуверстке показана длинная цепочка крупных курганов, состоящая из не менее, чем пяти курганов высотами от 2,5 до 5 м, и более 25 мелких курганов, высотой менее 2 м (рис. 11). Интересно довольно необычное положение этой

курганной группы – вдоль середины склона речной долины. Они, вероятнее всего, следуют направлению древней дороги. Наиболее крупные курганы, принадлежащие этой группе, еще присутствуют на карте масштаба 1:25000, съемки 1955 г., но на карте, обновленной в 1988 г., показаны только два кургана. К настоящему времени данная курганная группа, вероятно, почти полностью разрушена в результате строительства спрямленной шоссейной дороги, ведущей в Нижнегорский район, распашки полей к западу от шоссе и посадки садов по всей долине реки.

Еще одно крупное скопление курганов находится на продолговатой возвышенности в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу, к северу от Беш-Обы (рис. 11). Здесь насчитывается примерно такое же количество крупных курганов (7) высотой от 2,1 до 3 м и мелких курганов (25), как и в только что рассмотренной группе на левом берегу Биюк-Карасу. Курганы данной группы, однако, расположены в ландшафте иначе – по краю возвышенности, господствующей над левым берегом Кучук-Карасу. Могильник ориентирован, таким образом, на тех, кто проживал или проезжал по долине этой реки. Эта курганная группа является как бы двойником главной, Беш-Обинской, группы, расположение курганов здесь подчинено примерно такому же ритму. Несмотря на то, что курганы здесь пониже, в результате умелого использования особенностей рельефа, они кажутся почти такими же монументальными, как и на Беш-Обе.

Далее к востоку, на правом возвышенном берегу р. Кучук-Карасу, находится целая холмистая страна – урочище Джилга (рис. 11). По геоморфологическим признакам эта складчатая область очень сходна с таковой, находящейся к северо-востоку от Симферополя, но там курганов гораздо меньше. В урочище Джилга курганные цепочки тянутся на расстоянии более 5-7 км вдоль по вершинам длинных холмистых гряд, причем в каждой насчитывается не менее 25-30 курганов средних и мелких размеров. Некоторые курганные группы в глубине извилистой балочной системы состоят из едва заметных насыпей. Наиболее крупные курганы находятся во внешних частях урочища. Это, во-первых, курганы на обрывистом возвышенном правобережье Кучук-Карасу, ориентированные на наблюдателя, находящегося в долине реки. Во-вторых, крупные курганы на южных обрывах куэстового поднятия, рассчитанные на обзор со стороны обширной долины, простирающейся с юга у его подножья. В третьих, курганная группа, следующая вдоль по изогнутому всхолмлению, завершающему с севера урочище Джилга. Эта группа разбивается на две цепочки. В восточной находится не менее 4 курганов высотой от 2 до 3 м, и 26 мелких курганов. Вторая группа примерно такая же: пять крупных курганов высотой от 2 до 3 м и 25 мелких (рис. 11).

Бросается в глаза постоянство примерных размеров и структуры курганных групп в урочище Джилга, которые обычно состоят из 5-7 курганов высотой от 2 до 3 м и не менее 25 мелких курганов. Любопытно, что на самой Ак-Кае и на Беш-Обе структура схожая, всего здесь насчитывается 76 курганов

Рис. 13. Аэрофотоснимок 1974 г. городища Вишенное.

[Колтухов, 2006, с. 229], но здесь 5 курганов высотой от 8 до 12 м сопровождаются курганами высотой поменьше (4-6 м), а также многочисленными насыпями до 2 м высотой. Вероятно, ранг погребений на Ак-Кае и, особенно, Беш-Обе был на ступень или две выше, чем погребения в окружающих перечисленных могильниках. Здесь были погребены скифские правители следующего за царским ранга, окруженные могилами ближайших родственников и сподвижников рангом чуть ниже, а также и приближенных конных воинов [Болтрик, 2004; Колтухов, 2006].

Огромные размеры могильника (если рассматривать не только Ак-Каю и Беш-Обу, но и окружающие курганные группы) не оставляют сомнения в том, что именно здесь находилась в течение длительного времени ставка верховного скифского правителя Крыма. В этой связи нельзя не упомянуть о новейших открытиях, сделанных в 2007-2008 гг. на городище Вишенное экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством Ю.П. Зайцева [Зайцев, 2008].

На этом, одном из крупнейших крымских городищ скифов выявлены ранние слои и оборонительная стена, которая может датироваться IV до н.э. Данное городище находится на мысу самой нижней части главного куэстового поднятия, которое в своей высокой восточной части и представляет собой знаменитые скалы Ак-Каи. На аэрофотоснимке 1959 г. очень четко видны стена и ров с изломами, отгораживающие мысовую и обрывистую часть городища от степи (рис. 13). Не исключено, что обнаруженные на городище материалы IV в. до н.э. имеют отношение к крупнейшим курганам этого же времени. Возможно также открытие в будущем в этом районе и других городищ и поселений IV в. до н.э., например, на западных склонах Беш-Обы и обрывистых восточных склонах р. Кучук-Карасу.

Положение данного могильника примечательно – в самом «сердце» Крымской Скифии, почти в геометрическом центре Крыма (150 км по прямой до оконечности Керченского полуострова и 165 – до Тарханкута), с некоторым смещением на восток, к Боспору. Однако, если отсчитывать расстояние до границ Боспроского царства, оказывается, что Ак-Кая находится гораздо ближе к Боспору, чем к Западному Крыму. По мысли Ю.П. Зайцева, на городище Вишенное у Ак-Каи какое-то время, начиная с IV-III вв. до н.э., могла находиться столица скифского царства в Крыму, которая во II в. до н.э. была перенесена в Неаполь Скифский [Зайцев, 2008]. Возможно, что именно опасная близость к Боспорскому царству могло послужить причиной перенесения столицы далее к западу, не исключены также внутренние причины, например, династические распри между скифскими правителями.

Данный район, несмотря на всю его очевидную важность в истории Скифии, исследовался, однако, с большими перерывами и непланомерно. В 1947 г. был раскопан т.н. Белогорский курган, содержащий каменный склеп [Троицкая, 1951, с. 102-103]. К сожалению, описание раскопок этого кургана не содержит каких-либо указаний на географическую привязку, поэтому в настоящее время очень трудно судить о его местонахождении. Могильник Ак-Кая и Беш-Оба, обнаруженный и описанный П.Н. Шульцем и Е.В. Веймарном в 1947 г., вначале посещался только археологами, которые оставили свои описания и даже зарисовки [Троицкая, 1951, с. 88]. Как уже упоминалось выше, Б.Н. Мозолевским был использован картографический материал для определения роли этого могильника в истории Скифии [Мозолевський, 1990]. В 1990-е гг. археологической экспедицией КФ ИА НАНУ (руководитель С.Г. Колтухов) были предприняты раскопки крупнейших курганов – Аккайского № X и нескольких курганов в урочище Беш-Оба, включая один из самых крупных в могильнике (№ IV), высотой 9 м. К сожалению, ни те, ни другие раскопки не были доведены до конца, а X-й Аккайский курган, только начатый раскапываться археологами, был подвергнут в 2001 г. варварскому разграблению и разрушению с использованием землеройной техники, в ходе которого погибла погребальная камера с частично сохранившимся бревенчатым перекрытием.

Курган IV в урочище Беш-Оба также остался недоисследованным. В 1996 г., до начала раскопок этого кургана, на нем и еще на двух крупнейших курганах (№№ I и II), находящихся поблизости, автором данной статьи была проведена магнитная разведка, которая оказалась очень эффективной (рис.14 а, б, в). Все три кургана, судя по магнитным картам, имели сходную структуру – мощную круговую каменную стену, сдерживающую насыпь, в которой имеется разрыв для дромоса с восточной стороны, ведущим в центральную заглубленную гробницу – каменный склеп [Смекалова и др. 1999, Smekalova et al, 2005, Смекалова, Восс, Мельников, 2007, с. 32-33]. Принимая во внимание данные магнитной разведки, раскопки кургана IV были начаты траншеей, проведенной с востока на запад для того, чтобы проникнуть в центральное погребение через дромос. Результаты раскопок недавно опубликованы С.Г. Колтуховым [Колтухов, 2006]. Был раскопан также находящийся неподалеку небольшой курган IV/2 [Колтухов, 2001].

В связи с тем, что курган IV был полностью ограблен, по всей видимости, еще в древности, вещей здесь было найдено очень немного. Полы кургана остались нераскопанными, несмотря на то, что на карте магнитного поля можно различить аномалии, соответствующие возможным впускным захоронениям. В настоящее время оба недоисследованных кургана Ак-Кая X и Беш-Оба IV представляют собой фантастическое зрелище бесформенных гор земли и камней. Но еще более зловещими представляются новые разграбления, которым подверглись оставшиеся три крупнейших кургана в урочище Беш-Оба в 2003-2004 гг. При посещении могильника весной 2004 г. были замечены свежие раскопы у самой вершины каждого из них, которые при ближайшем рассмотрении оказались вертикальными шахтами размерами примерно 1.2 х 1.2 м, глубиной более 8-12 м, которые внизу переходят в горизонтальные ходы. Разграбления проводились с помощью специальной техники и лестниц, грунт вывозился в лощину неподалеку, поэтому на курганах нет следов выбросов земли. До сих пор эти колодцы оставляют самое жуткое и горькое впечатление. Важнейший курганный могильник Крымской Скифии фактически отдан в руки грабителей.

Центральное погребение кургана Беш-Оба IV можно интерпретировать как погребение представителя высшей скифской аристократии, стоявшей на один или два ранга ниже скифских царей [Колтухов, 2006, с. 240]. Хочется добавить, что это погребение можно, вероятно, интерпретировать как погребение номарха в связи с тем, что в нем был найден большой чернолаковый кратер, который, по наблюдениям Е.Е. Фиалко, можно считать символом номарха, управителя одной из областей Скифии [Фиалко, 2004].

В кургане IV/2 высотой 1,5 м, находящимся рядом с курганом IV, было обнаружено «коллективное» захоронение с хорошо выраженной ярусностью, опубликованное С.Г. Колтуховым [Колтухов, 1999, с. 65-70]. Автор считает, что первоначальное захоронение в этом склепе середины – вто-

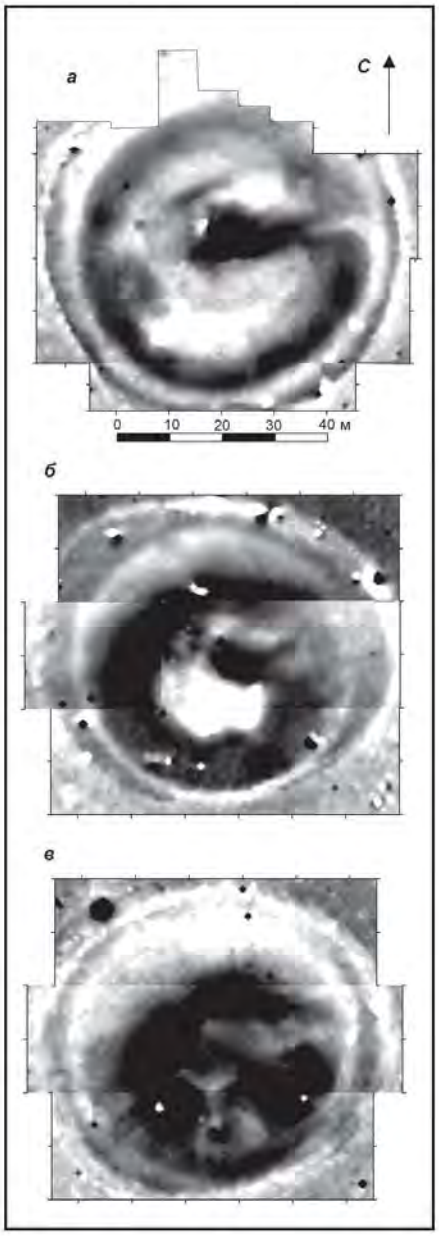
рой половины IV в. до н.э. – синхронно большинству скифских погребений Ак-Кайского – Беш-Обинского курганного могильника. Более позднее «коллективное» захоронение было совершено в этом же склепе в период III-II вв. до н.э. [Колтухов, 1999, с. 60-61]. Автор, по всей видимости, прав, считая, что географически и хронологически «коллективное погребение» соотносится с городищем Вишенное, хотя расстояние до него составляет не менее 4 км.

Таким образом, к северу от Белогорска, в урочищах Ак-Кая, Беш-Оба, Джилга и вокруг них, находится один из важнейших курганных могильников, который, вероятно, нужно связать со ставкой верховных крымских правителей, существовавшей здесь с IV в. до н.э. до приблизительно II в. до н.э.

Интересно провести сравнение топографии этого могильника с другим могильником «царского» ранга, обнаруженного Б.Н. Мозолевским в междуречие рек Ингула и Ингульца в ходе анализа детальных карт и разведок. Здесь, на высоком правом берегу притока Ингульца, речки Висунь, там, где ее течение идет почти в широтном направлении, исследователем выделено шесть курганов высотой от 8 до 12 метров, из которых, по его мнению, пять первых, если считать с запада, принадлежат, бесспорно, скифам. Еще два кургана такого же самого типа и высоты находятся в 15 км к югу, поблизости от с. Сергиевка, еще один – в 8 км к югу, и, наконец, последний, находится примерно в 12 км к западу от Сергиевки [Мозолевський, 1990, с. 129-130]. Ни один из перечисленных курганов не исследовался раскопками.

Помимо этих, крупнейших, курганов вдоль по течению р. Ингулец и его притоков, начиная от его нижнего течения и места впадения в Днепр, находится огромное количество курганов (более 1900), слагающих цепочки и группы, вытянутые в меридиональном направлении. Они были выявлены нами по трехверстовой карте 1862 г. (рис. 15). Вместе они слагают неразрывный курганный массив, тяготеющий к реке и ее притокам, который, вероятно, можно интерпретировать как единый могильник в широком смысле этого слова, маркирующий территорию сезонных перекочевок одного племени или группы родственных племен. Курганы, находящиеся на данной территории, выделены В.С. Ольховским в единую Ингулецкую локальную группу, что отчасти, возможно, подтверждает правильность нашего предположения о принадлежности курганов одному и тому же племенному образованию. Вся территория по обоим берегам Ингульца с притоками представляет собой прекрасные пастбища, о чем свидетельствуют очень многочисленные скотные дворы, деревни, хутора и колодцы, отмеченные на арте конца XIX в.

Количество находящихся в Ингулецко-Висуньской группе крупнейших курганов примерно равно такому же их количеству в Белогорской курганной группе. Общее же число тяготеющих к ним средних и мелких курганов также сопоставимо, однако, следует иметь в виду, что характер перекочевок на правобережье Днепра и в Крыму, очевидно, был различен. Если для Ингулецко-Висуньской области мы вправе ожидать направление сезонных перекочевок



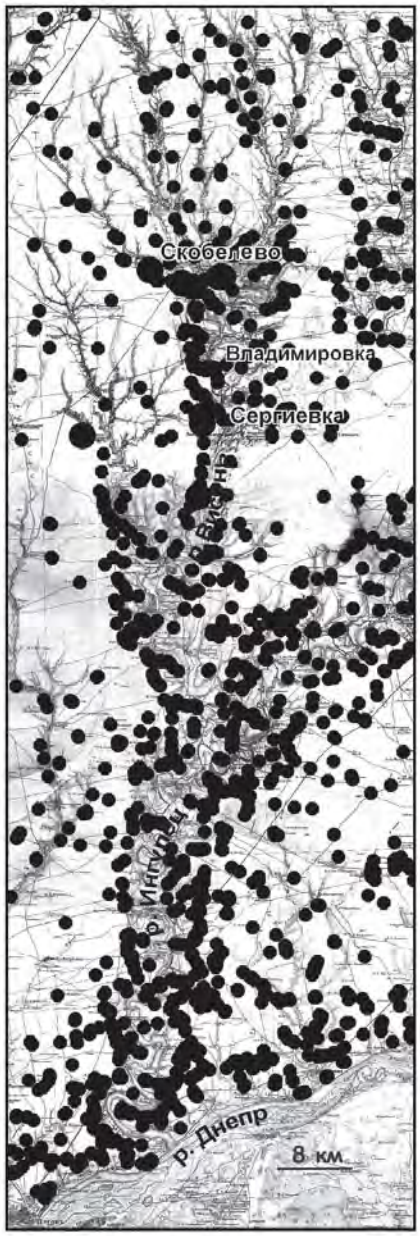


Рис. 14. **Рис. 15.**

Рис. 14. Карта магнитного поля трех крупнейших курганов IV, II и I в урочище Беш-Оба.

Рис. 15. Карта распределения курганов в районе р. Ингулец и его притока р. Висунь, построенная на основе трехверстовой карты 1862 г. Херсонской губернии.

с севера (лето) на юг (зима), то для Крыма более вероятны перекочевки либо в широтном направлении, о чем могут свидетельствовать тянущиеся с запада на восток цепочки курганов, либо из степей в предгорья.

На берегах рек Висунь, Ингулец и Днепр, в районе впадения в него Ингульца, скифы, кочующие на этой территории, приходили в соприкосновение с жившими здесь оседлыми земледельческими племенами, вероятно, находившимися в зависимости от номадов. Не исключено, что они имели тесные связи и с Ольвией, которая находится от Висуньского могильника примерно на таком же расстоянии, как и Белогорский могильник от Пантикапея.

В Крыму, где оседлые земледельческие племена населяли Керченский полуостров и Тарханкут, а также и некоторые глубинные степные территории, «царские» скифы кочевали по степной части Крыма с целью получения дани с подвластных им земледельческих племен и греческих городов.

Таким образом, проведенные параллели показывают, что как Белогорский, так и Висуньский могильник могут быть признаны могильниками высшей скифской знати, в подчинении которой находились крупные части скифского мира, которые можно назвать Крымской и Западной Скифиями соответственно. Вероятно, правители этих областей находились в подчинении у верховных скифских «царей», могилы которых находятся вокруг Каменско-Никопольской переправы.

Эти выводы носят предварительный характер, так как оба «царских» могильника, Белогорский и Висуньский, нуждаются в дальнейших исследованиях.

Широтные цепочки курганов в степном Крыму

Необходимо хотя бы кратко остановиться на рассмотрении широтно направленных вытянутых курганных групп в северной части степного Крыма. На карте распространения курганов в Крыму отчетливо выделяются по крайней мере две цепочки курганов, тянущиеся в широтном направлении, начиная от Тарханкута, через весь Крым до берегов Сиваша (рис. 5). Они следуют особенностям рельефа местности и располагаются на вершинах широтно вытянутых холмистых гряд. Южная цепочка курганов в восточной части следует вдоль реки Салгир до Нижнегорского района, где фиксируется довольно крупная концентрация курганов, и далее на Керченский п-ов[10].

Недавно были опубликованы материалы раскопок 1972 г. скифского курганного могильника у с. Братское Первомайского района Крымской области [Колотухин, Колтухов, 2007]. Этот могильник, вероятно, можно отождествить с курганной группой, находящейся к югу от д. Биюк-Конрат на полуверстовой карте конца XIX в., входящей в состав одной из рассматриваемых широтных «цепочек». Благодаря раскопкам 1972 г. мы сейчас можем судить о том,

[10] Подчас эти цепочки идут параллельно системе Северо-Крымского канала. Об этом явлении уже писалось выше, см. прим. 6.

что представляли собой 12 курганов данной группы. Авторы раскопок считают, что данный курганный могильник рядового скифского населения возник в IV в. до н.э. вокруг кургана эпохи бронзы. Некрополь, вероятно, отражает переход от одиночных захоронений к асинхронным захоронениям в склепах, специально предназначенных для погребений членов одной семьи. Он использовался на протяжении длительности жизни не более чем двух поколений одной малой или неразделенной семьи [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 107-108; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 72]. Таким образом, материалы этого могильника показывают, что он оставлен населением, переходящим или перешедшим к оседлому образу жизни.

От этой цепочки курганов отходит другая, опускающаяся к югу по реке Биюк Карасу и следующая далее на Керченский полуостров. От вышеупомянутой широтной цепочки идут вытянутые курганные группы вдоль по долинам рек.

Вероятно, рассмотренные курганные цепочки, тянущиеся в степном Крыму в широтном направлении, маркируют кратчайшие пути для передвижения скифов из Восточного Крыма в Западный. Они оставлены, вероятно, как кочевым, так и оседлым населением. Данные вытянутые курганные группы подчеркивают ландшафтные особенности северной части Крыма – широтно ориентированную складчатость рельефа. Курганы располагаются на вершинах вытянутых холмистых гряд. Точно такую же картину мы наблюдаем в Западном Крыму, где курганы кочевников занимают вершины увалов, следуя по ним цепочками.

О причинах кризиса III в. до н.э. и конца практики насыпания курганов в Северном Причерноморье

Наиболее загадочным является вопрос о причинах прекращения практики насыпания курганов в III в. до н.э. и о дальнейших судьбах древних племен, прежде насыпавших курганы. В Западном так же, как и в Восточном Крыму в III в. до н.э. фиксируется запустение сельскохозяйственных территорий и многочисленных сельских поселений предыдущего периода.

Одно из возможных объяснений этому явлению может быть связано с резким ухудшением экологической обстановки в III в. до н.э. Идея эта не нова, она впервые была выдвинута С.В. Полиным, но им, в основном, рассматривался вопрос об ухудшении природно-климататических условий [Полин, 1992]. Действительно, хорошо известны пагубные последствия джута (бескормицы вследствие снежных заносов и гололеда) для кочевников, когда, например, в 68 г. до н.э. у хунну от джута, как отмечает китайская летопись, погибло 6/10 народа и скота [Черников, 1978, с. 77].

Мне кажется, однако, что более верной является точка зрения Н.Г. Гаврилюк, которая считает, что причины кризиса III в. до н.э. имеют комплексный характер и включают в себя как внутренние социально-экономические изменения, так и внешние, связанные, однако, не с ухудшением природных условий,

а с истощением природных ресурсов. Действительно, природные ресурсы степи небезграничны, и они определяют особенности и размах кочевого скотоводческого хозяйства. Недаром как в древности, так и в средние века типы кочевания остаются прежними. Для всех времен не заметно особых различий в видовом и процентном составе стада, в количестве скота, приходящегося в целом на душу населения, и в численности самого населения [Хазанов, 1975, с. 23].

Мне бы хотелось рассмотреть еще один аспект «экологической» гипотезы, а именно: истощение природных ресурсов степного Крыма, произошедшее под воздействием распашки больших территорий и неумеренного выпаса скота. Здесь интересно было бы провести параллель с катастрофической засухой 1891-1892 гг. в южно-русских степях. Основную ее причину В.В. Докучаев видел в их чрезмерной распаханности, неумелой обработке черноземных почв. Сравнивая водный режим прежних и современных степей, ученый отмечал, что в девственной степи ранней весной не было больших потоков воды, снег покрывал степные равнины равномерным слоем, а талые воды поглощались мощным войлоком и накапливались в многочисленных водораздельных западинах. На старопахотных же угодьях водные потоки бегут по всем направлениям, шумят, пенятся и размывают землю. «Таким именно путем, — писал он, — сносится с пашни огромное количество плодородного черноземного тука и кладется начало сети промоин и оврагов. Зато девственная степь использует почти всю атмосферную влагу, и горизонт почвенных вод ее стоит выше, источники многочисленнее и лучше обеспечены, а поэтому и растительность здесь, даже в исключительно сухие годы, когда кругом все пожигается солнцем, бывает несравненно лучше».

К таким же выводам о водном режиме девственной степи пришел сподвижник В. В. Докучаева — А. А. Измаильский. По его мнению, степь, покрытая безбрежным морем ковылей, непроходимыми зарослями бобовника, ракитника, дерезы, степной вишни, универсально использует все виды атмосферных осадков. Современная же степь, сбитая скотом, с жалкой растительностью, не в состоянии впитать большого количества влаги, быстрее покрывается бурными потоками воды, которая, стекая без пользы в низины, уносит с собой огромное количество плодородного слоя почвы.

С распашкой и уничтожением девственных степей росло количество оврагов и увеличивались их размеры. Развитие овражно-балочной сети способствовало чрезвычайно быстрому сбеганию весенних вод с поверхности почвы, которая становилась почти сухой. Изменился характер весеннего половодья на малых степных реках: раньше спокойное, растянутое по времени, оно было бурным и кратковременным.

Главной причиной высыхания степей А. А. Измаильский считал агрикультурную деятельность человека. Человек лишил степь «гигантской растительности, — писал он, — и уничтожил тот толстый войлок из отмерших растительных остатков, который, как губка, всасывал воду и прекрасно защищал почву от иссушающего действия палящих солнечных лучей и неимоверной силы ветров.

Лишив степь веками накопленного войлока, он лишил растительность главнейшего орудия в борьбе с неблагоприятными условиями местного климата. Степь утратила возможность задерживать на своей поверхности снег, который теперь легко сносился с нее малейшим ветром, оставляя поверхность совершенно лишенной снежного покрова, благодаря чему весною почва высыхала нередко раньше, чем успевала оттаять на полную глубину» [Измаильский, 1893]. Уменьшение количества атмосферной влаги, всасываемой почвой, по его мнению, равносильно уменьшению количества атмосферных осадков, ибо в конечном счете для рациональной организации полевого хозяйства степей важно не то количество влаги, которое выпадает в виде дождя или снега, а лишь то, которое всасывается и в последующем может быть использовано растениями.

Оседлые скотоводы и земледельцы степей XIX в. долгое время были заинтересованы в скорейшем подавлении стихийных сил природы. Дикая высокотравная степь доставляла крестьянину массу неудобств. Как писал А.А. Измаильский, «...в ее гигантской растительности трудно было наблюдать за животными, а эти последние в старых зарослях ковыля с трудом добирались до мягкого нежного травянистого подседа, наконец, обработка такой степи требовала больших усилий от хозяина, а полезные свойства этих первобытных степей хозяином не сознавались; поэтому немудрено, что хозяин как бы торопился освободиться от столь неудобных пространств; он палил степь, выбивал ее скотом, а затем распахивал, снявши несколько урожаев, вновь оставлял ее зарастать дикой растительностью, которую выбивал своим скотом, не давши достаточно окрепнуть».

Освоение степей (первые годы вспашки) сопровождается довольно высокими урожаями, резким изменением круговорота веществ, разрушением дернины и снижением содержания гумуса, азота, фосфора и калия, ухудшением физических свойств и водного режима. Выпахивание происходит тогда, когда в пашню не вносится достаточное количество органических удобрений. Оно сопровождается резким снижением содержания запасов органики, ухудшением морфологических признаков, уплотнением и усадкой почвы, вначале резким уменьшением урожаев, а затем их стабилизацией на довольно низких уровнях. В подобных случаях принято говорить о деградации черноземных почв [Чибилев, 1990, с. 143].

Большое воздействие на жизнь степи оказывали степные ежегодные осенние и весенние пожары, устраиваемые кочевыми и оседлыми народами. С помощью палов уничтожались сухая трава и стебли, оставшиеся с осени. По мнению кочевников, сухая ветошь не давала пробиться молодой траве и мешала скоту достать зелень. Образующаяся во время пожаров зола служила прекрасным удобрением для почвы. Но очевиден был и вред палов для кустарниковой растительности, которая выгорала до корня, чем и в большой степени объясняется сокращение лесистости степей.

Долгое время преобладающим видом скота в степи не только у кочевников были лошади и овцы. Табунное коневодство степных народов почти не меняло облика степи, разве что у водопоев, в песках, где могло идти разве-

вание грунта. Лошади быстро передвигаются по степи, и обширные степные участки, лежащие вдали от водопоев, использовались либо случайно, либо при прогоне стад от одного водопоя к другому.

Особенно большую роль в опустынивании степей играет выпас отар овец и коз, при котором разрушение целинного травостоя и верхнего горизонта почвы происходит быстрее, чем при выпасе крупного рогатого скота. Очень любопытен пример, который приводит В.Г. Мордкович [1982 г.]. Он высчитал, что давление маленьких копыт овцы на почву составляет 1 кг на 1 кв. см (для сравнения, давление гусениц танка в два раза меньше). Овца, проходящая в день до 10 км, оставляет за собой 40 тыс. следов, обстукивая, как кувалдочками, 200 кв. м. Отара овец в 50 голов, потоптавшись в течение дня на 1 га, давит на каждый кв. см силой в 2 кг. Это равносильно тому, как если бы колонна из 30 танков плотным строем проутюжила бы степь четыре раза туда и обратно! [Чибилёв, 1990, с. 42].

Таким образом, появление оседлых земледельческих племен, которое фиксируется по археологическим данным в Восточном и Западном Крыму, начиная с конца V – IV вв. до н.э., было связано с коренными изменениями в типе хозяйствования, что могло привести к истощению природных ресурсов, особенно, если это сопровождалось иссушением и потеплением климата.

Как мне кажется, необходимо рассмотреть также и внешнюю возможную причину кризиса III в. до н.э. Как известно, в это время резко снижается боспорская торговля зерном. Что это – последствие запустения хоры? Или, может быть, наоборот, невостребованность на внешнем рынке товарного зерна привела к запустению сельскохозяйственных территорий? Скорее все же первопричиной экономического кризиса, в том числе резкого падения торговли зерном, следует считать изменения, произошедшие в степях Причерноморья, но в силу каких причин – остается пока загадкой.

Помимо ухудшения природных условий и ресурсов, в обезлюдении степи сыграли, вероятно, определенную роль набеги вражеских племен кочевников. Пока скифы оставались номадами, им не страшны были нашествия врага, так как они не имели «ни городов, ни заселенной земли, из-за которых поспешили бы драться из боязни, чтобы они не были взяты и опустошены» (Геродот, IV, 128). Оседлый образ жизни у племен, подвластных скифам, что фиксируется с конца V-IV вв. до н.э., сделал их уязвимыми для воинственных пришельцев. То, что в конце VI в. до н.э. не смог сделать Дарий I со своей огромной армией [Черненко, 1984], оказалось под силу более поздним врагам. Возможно, именно об этом периоде красноречиво повествуется в «Библиотеке» Диодора Сицилийского [II, 43, 7- Латышев, 1893, с. 459], где говорится о савроматах, которые «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Гипотезы о сарматском нашествии придерживались М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов. Отсутствие археологических памятников III в. до н.э. в степях Приднепровья и в Крыму, которое фиксируется многими археологами [Кругликова, 1975, с. 93, 203;

Былкова, 2007, с. 126, 128; Полин, 1992, с.122, Пуздровский, 2007, с. 87 и др.] на деле может оказаться просто скудностью материальных следов пребывания нового пришлого кочевого населения. По К. Ф. Смирнову, «завоевательный» период мог продолжаться около 150 лет, когда основная часть сарматов могла находиться за Доном, а отдельные отряды разоряли и грабили скифские владения [Смирнов, 1964; 1984, с. 115-123]. Возможно, что одним из объектов грабежа могли быть богатые скифские курганы. Вероятно, неслучайно присутствие в рассказе Геродота пассажа о вызове Дарию I, который скифы бросили ему. Вызов заключался в том, чтобы персы разыскали могилы предков скифов и разорили их, тогда только скифы будут воевать в открытом бою с войсками Дария I. Не исключено, что позднее грабителями «царских» скифских курганов могли быть сарматы.

Возможно, что часть уцелевшего оседлого и населения из степей переместилась в район крымских предгорий и в прибрежные районы Западного Крыма. Здесь, как известно, находятся так называемые позднескифские городища (рис. 5). При возникновении военной угрозы людям пришлось покинуть неукрепленные селища и укрываться под защитой стен городищ. При такой резкой смене образа жизни, изменилась и социальная структура общества, и, как следствие, трансформировался и погребальный обряд. Не исключено, что появление «коллективных» захоронений связано именно с необходимостью жизни скученно большими коллективами на ограниченных территориях убежищ или примыкающих к ним селищ, прежде всего для организации обороны.

После того, как сарматы заняли опустошенную территорию, они, вероятно, вели какое-то время кочевой образ жизни, который археологически фиксируется с большим трудом, тем более, что новые номады не сооружали курганов, но хоронили в них. Отметим, что материальные проявления этого периода все же имеются, например, некоторые постройки конца III- II вв. до н.э. на месте будущих городищ на правом берегу Днепра [Гаврилюк, 1999, с. 313-315], одно из захоронений на могильнике Ак-Таш (третья четверть III в. до н.э.), захоронения в Керченском Приазовье [Масленников, 1993, с. 64-65; 1995]. Очень любопытен в этой связи курган в Чистеньком, поблизости от Симферополя, раскопанный в 1994 г. Северо-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ под руководством С.Г. Колтухова, в котором было обнаружено катакомбное воинское захоронение с боевым конем, уникальное по набору предметов и обрядовым признакам [Колтухов, Тощев, 1998, с. 40-51, 174; Зайцев, Колтухов, 2004]. Авторы последней публикации делают вывод о том, что комплекс из Чистенького может быть атрибутирован как захоронение легковооруженного воина-всадника высокого социального ранга – представителя варварской группировки, господствовавшей в Северном Причерноморье в середине-второй половине II в. до н.э. И.Н. Храпунов считает возможным датировать его более ранним временем: III в. до н.э. [Храпунов, 2004, с. 102].

Возможно, археологические памятники III в. до н.э. в будущем все же будут найдены или выделены среди уже обнаруженного материала, что по-

зволит дописать недостающую страницу в истории народов, сооружавших курганы в Причерноморских степях.

О причинах прекращения практики насыпания курганов в степях Северного Причерноморья

Мне представляется, что одной из главных причин прекращения обычая создавать курганные насыпи над захоронениями в III в. до н.э. является коренное изменение в хозяйственно-экономическом укладе и переход скифов от кочевого образа жизни к оседлому. Как мы видели, курганы возникли, вероятно, в кочевнической среде и характерны прежде всего для нее. Одной из главных идей насыпания курганов, вероятно, можно назвать желание сделать могилы предков видимыми в бескрайних степях.

Процесс прекращения сооружения курганов был «растянут» во времени и пережил, возможно, несколько стадий. Первая стадия трансформации курганного обряда была малозаметна, она связана с периодом начальной оседлости, признаки которой фиксируются в Восточном, Западном, а также, отчасти, и в Центральном степном Крыму. В связи с переходом к оседлому образу жизни на первое место выступает забота об устройстве жилища и необходимых сопутствующих хозяйственных постройках, и хотя сооружение погребальных памятников продолжает играть огромную роль, крупные курганы возле поселений больше не насыпаются. Небольшие родственные коллективы не обладали соответствующими трудовыми ресурсами для сооружения монументальных курганов. Курганы теряют свое значение как путевые ориентиры в степном пространстве. Для жителей того или иного поселения совсем необязательно было маркировать могильник своих сородичей огромными курганами, они и так превосходно знали местность, в которой постоянно обитали. Скорее, курганы служили пограничными знаками для чужаков, и обозначали границы владений того или иного рода.

На Тарханкуте могильные каменные насыпи, группирующиеся в кластеры и располагающиеся рядом с соответствующими поселениями, обычно небольшие и примерно одинаковые по величине, что может говорить о социальном равенстве общинников. Погребальные сооружения рассчитаны на многократные подзахоронения, вероятно, членов одной семьи.

На наш взгляд, небольшие курганы с каменными склепами и ящиками с многократными асинхронными захоронениями могли являться неким промежуточным звеном между «классическими» одиночными и «коллективными» подкурганными погребениями с множеством костяков. Обычай использовать подкурганную гробницу для нескольких подхоронений родился, очевидно, именно в связи с оседлым образом жизни. В более позднюю эпоху использование каменных гробниц под курганной насыпью для множественных «коллективных» погребений говорит о том, что представления о загробном мире все еще оставались прежними как в IV в. до н.э., так и в III-II вв. до н.э.

Очень важными для изучения перехода от нескольких к множеству захороне-

ний в каменных подкурганных гробницах являются погребения, детально исследованные А.А. Масленниковым в Керченском Приазовье [Масленников, 1995]. Им было доказано, что имеется генетическая преемственность между каменными ящиками, стоящими на поверхности с единичными костяками, каменными ящиками, заглубленными в землю с небольшим количеством костяков, и подкурганными склепами, содержащими несколько десятков костяков. По мнению А.А. Масленникова, по крайней мере два последних типа погребений оставлены оседлым земледельческим населением, жившим вначале на селищах, а затем перебравшимся под защиту стен крепости Золотое-Восточное. На мой взгляд, происхождение «коллективных захоронений» под курганными насыпями, известных в других частях Крыма, вероятно, также можно возводить к оседлым земледельческим племенам, в более ранние эпохи оставившим гробницы в виде каменных ящиков, стоящих на поверхности, или заглубленных в землю.

В свою очередь «коллективные захоронения» в курганах, вероятно, являются переходным звеном к бескурганным склепам с многочисленными захоронениями, как, например, те, которые известны на Восточном некрополе Неаполя Скифского [Сымонович, 1983]. Подкурганные «коллективные захоронения», возможно, являются последними проявлениями использования курганного обряда.

«Коллективные захоронения» - специфически крымское явление. Они отражают особую структуру общества. Это уже не отдельные семьи, а большие родственные коллективы, роды. Здесь мы как будто бы наблюдаем эволюционный «шаг назад», от семейной структуры общества обратно к родовой. Вероятно, подобные регрессивные перемены могут быть следствием тех резких изменений, которые произошли в условиях жизни и в социальной организации общества. Не исключено, что эти изменения произошли в связи с военной угрозой и необходимостью селиться на ограниченных территориях под защитой крепостных стен. Ранее, возможно, предки людей, оставивших «коллективные захоронения», свободно проживали отдельными семьями в домах-усадьбах, составляющих селища, причем каждая деревня владела небольшими земельными угодьями. Теперь, в силу изменившихся условий, они вынуждены были создавать большие коллективы и селиться вместе под защитой стен крепостей для того, чтобы обладать реальной силой и возможностью при необходимости защитить свои земли от врагов. Не исключено, что большие «коллективные» погребения отражают военизированную родовую структуру общества, когда члены одного рода входили одновременно и в одно военное подразделение. Скорее всего, это были пешие воины, бедняки [Граков, 1971, с. 39]. Возможно, «коллективные захоронения» характерны для периода существования постоянной военной угрозы тогда, когда необходимо было иметь постоянное ополчение.

Многие из высказанных положений в данной статье требуют дальнейшей проверки в ходе раскопок и полевых наблюдений. Автор надеется на продолжение исследований и публикацию в ближайшем будущем статей, посвященных курганам Западного и Восточного Крыма, а также Приднепровья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание и попытка локализации курганов, раскопанных в окрестностях Симферополя по архивным и опубликованным данным

I. Курганы к северу от Симферополя

Рассмотрим курганы, раскопанные проф. Н.И. Веселовским в 1890-1895 гг., по территориальному признаку, т.е. по нахождению их в пределах отдельных землевладений, что облегчает их локализацию по архивным данным и детальным старым и современным картам. Интересующий район принадлежал нескольким помещикам.

Курганы на землях М.Д. Талаевой.

В имении М.Д. Талаевой в 1890-95 гг. Н.И. Веселовским было раскопано несколько курганов. Поиску расположения одного из них недавно посвятил свою статью С.Г. Колтухов [Колтухов, 2008, 21-22]. В отчете Н.И. Веселовского за 1892 г. дан глазомерный план, составленный учителем математики Симферопольской гимназии, членом ТУАК Х.А. Монастырлы, который озаглавлен «План курганов на землях г-жи Талаевой и г. Пастака. 1892 г.» (рис. 16). Южная часть этого чертежа успешно используется С.Г. Колтуховым для локализации курганов на землях Пастака [Колтухов, 2008, 21-22]. В северной его части, относящейся к талаевским курганам, приведена четкая схема расположения пяти курганов в землях Талаевой с указанием расстояния между ними и до ближайшего пастаковского кургана в шагах. Курганы обозначены прописными буквами «а»-«е». Раскопаны были курганы «е» (1891 г.), «а», «в», «д» (1892 г.), возможно, курган «с» (1895 г.). Этот план прекрасно согласуется с курганами, показанными на карте-

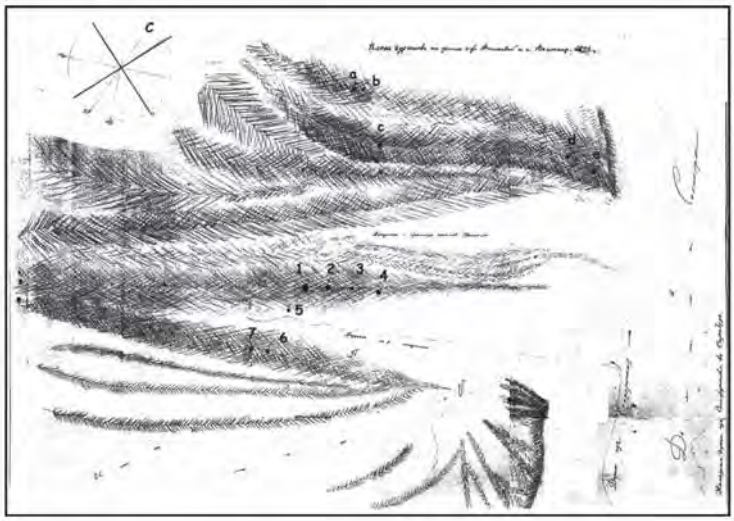


Рис. 16. Глазомерный план, составленный учителем математики Симферопольской гимназии, членом ТУАК Х.А. Монастырлы, который озаглавлен «План курганов на землях г-жи Талаевой и г. Пастака. 1892 г.». РА ИИМК РАН ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 13, л. 29.

Надпись на плане:
между курганами 1 и 2 разстояние = 200 шагам
между курганами 2 и 3 разстояние = 200 шагам
между курганами 3 и 4 разстояние = 240 шагам
между курганами 1 и 5 разстояние = 240 шагам
между курганами 5 и 6 разстояние = 400 шагам
между курганами 6 и 7 разстояние = 170 шагам
между курганами a и b разстояние = 60 шагам
между курганами b и c разстояние = 570 шагам
между курганами 4 и c разстояние = 1260 шагам

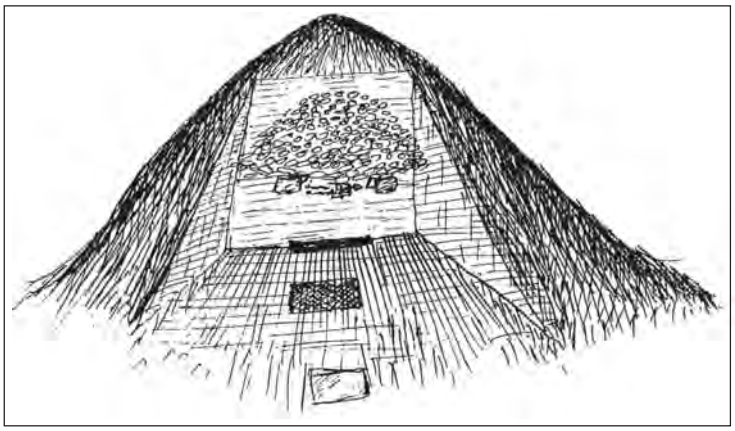


Рис. 17. Раскопки второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 35об.

полуверстке конца XIX в (рис. 8), а также на карте 1955 г. масштаба 1:25000.

Итак, два кургана в землях М.Д. Талаевой были раскопаны в 1890 г., еще четыре, среди которых самый известный, вошедший в науку под названием «талаевский», - в 1891 г., и три кургана - в 1892, один – в 1895 гг. Всего, таким образом, раскопано 10 курганов. Мы попытались локализовать все эти курганы и дать их описание на основании изучения, в первую очередь, материалов рукописного и фото–архивов ИИМК РАН, а также публикаций в ОАК и ИТУАК.

В 1890 г. в имении Талаевой были раскопаны два кургана, находящиеся за полотном железной дороги, к востоку от нее (рис. 2, курганы Т 1890/1 и Т 1890/2). Большой курган (Т 1890/1), высотой почти 7 м, был раскопан большой траншеей с юга; он дал несколько погребений, из которых первоначальным, вероятно, было скорченное безынвентарное погребение. Над ним, на высоте 1 саж. от материка находилось впускное погребение с бревенчатым перекрытием и куполообразной каменной насыпью (рис. 17). В этом погребении скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. При нем были кремневый наконечник копья и черный глиняный горшок, у северной стены гробницы найдены были угли. Кроме этого в кургане находились сложенная на материке из плит и плитами закрытая гробница, в которой лежали кости вола, а также, в материке, безынвентарное погребение со скелетом головой на восток с разведенными в коленях и сомкнутыми в ступнях ногами. В этой могиле встречены кусочки угля. В насыпи кургана найден детский проволочный серебряный браслет [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890, л. 35, 35об.; ОАК 1890, с. 8].

Второй курган 1890 г. (Т 1890/2) находился примерно в 1-м км к северу от предыдущего кургана, раскопанного в этом же году (рис. 8, курган Т 1890/2). В нем вскрыто «коллективное» захоронение, которое было впущено в курган поверх основного, скифского, захоронения, вероятно, IV в. до н.э. «Коллективное» захоронение совершено в большой яме (2,1 м длины с востока на запад, 1,42 ширины), впущенной в материк (1,8 м). В ней находилось 8 скелетов, кости которых были в беспорядке; 4 черепа лежали рядом. Все они были обращены на запад [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890, л. 35об.-36; ОАК 1890, с. 8]. Погребение было разграблено. При разборе найдены черепки глиняных сосудов, разбитая глиняная патера, 2 бронзовых проволочных браслета, бронзовое кольцо, мелкие желтые и зеленые бусы и бронзовое зеркало с железной ручкой. По мнению автора раскопок, эти вещи попали в верхнее погребение из разоренного основного, находящегося ниже. Под костяками находились небольшие плитки известняка.

С западной стороны были обнаружены две большие известняковые плиты, по-видимому,

перекрывавшие яму основного захоронения. Оно представляло собой большую прямоугольную, впущенную в материк яму размерами 2,84 м х 1,42 м, глубиной 1,66 м. Две других плиты перекрытия рухнули вниз. Могила была ограблена, человеческих костей в ней было не много. Из вещей найдены 2 амфоры, одна из них с клеймом. Т.Н. Троицкая определила эту амфору как гераклейскую второй половины IV в. до н.э. с нечитаемым энглифическим клеймом на горле [Троицкая, 1957, с. 178-179, рис. 4 б]. Кроме этого здесь были найдены 3 глиняных горшка, из которых один приземистый лепной лощеный кувшинчик (там же, с. 179, рис. 2б), второй, вероятно, чернолаковый канфар высотой 9 см (см. рис. 18), другой желтой глины высотой 15 см (рис. 19). Кроме этого здесь находились цветная бусина в виде птицы, черная бусина с человеческим лицом (см. рис. № 4 и № 5 в ОАК за 1890 г. с. 10). Таким образом, мы имеем дело, вероятно, с коллективным позднескифским захоронением, впущенным в курган с основным захоронением второй половины IV в. до н.э. (амфора и канфар). Подобная практика была довольно широко распространена в районе крымских предгорий, так как известно уже довольно много аналогичных примеров [Колтухов, 2001, с. 61].

Рис. 18. Канфар из раскопок второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 72, № 62.

Рис. 19. Горшочек желтой глины из раскопок второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 72, № 61.

В 1891 г. Н.И. Веселовским был раскопан курган (Т 1891/1) (вошедший в научную литературу под названием «Талаевский»), находящийся на обрывистом берегу у спуска к р. Салгир (см. рис. 8, карту на рис.16, курган «е»). Имеется некоторое несоответствие в высотах кургана, указанных Н.И. Веселовским (1½ саж. = 3,2 м) и на карте-полуверстке (2,2 саж. = 4,7 м), которое можно, вероятно, объяснить тем, что высота измерялась относительно разных уровней поверхности с восточной или западной стороны кургана.

При раскопках, проводившихся с юга прямоугольной траншеи (рис. 7, а), прежде всего показалась стена (в ОАК написано «круглая стена», но в отчете Н.А. Веселовского слово «круглая» отсутствует), сложенная из больших камней в один ряд (ОАК, с. 76, Отчет, л. 24). Далее показался слой белой материковой глины и навал камней размером в диаметре 5,3 м, высотой 3,2 м, покрывающих гробницу сплошным куполом, образующих как бы особый каменный курган, покрытый сверху земляной насыпью (рис. 7, б). Гробница, вырытая в материке, имела деревянное перекрытие, которое, сгнив, не выдержала вес камней, рухнувших поэтому внутрь. Она имела четырехугольную форму (3,9 м х 1,8 м) глубиной в 2,1 м, стенки были тщательно выложены камнями в один ряд и оштукатуренные. Всего в кургане было обнаружено пять амфор. В насыпи над гробницей,

на 1,42 м под вершиной и столько же от материка, была найдена амфора с надписью на горлышке внутрь, но она по неосторожности была разбита. Из всех амфор, обнаруженных в кургане, только одна, синопская, хранится в Симферопольском историко-краеведческом музее. Она была опубликована Т.Н. Троицкой [1957, с. 177-178, рис. 4, 1].

Внутри гробницы находились еще три амфоры – по всем углам, за исключением юго-западного, где была устроена каменная полочка, на которой лежали кости задней части быка и железный нож с костяной ручкой. У южной стенки гробницы находились чернолаковая раздавленная «вазочка» (канфар ?) и желтоглиняный кувшинчик. Здесь же найдены железные гаечки для ремней и три железные бусины – ворворки. Положение костяка было вытянутое на спине, головой на запад. В ногах находился ритон, сделанный из оленьего рога с серебряной обкладкой, раздавленный камнями. Ритон вместе с другими найденными вещами был опубликован А.П. Манцевич и датирован ею второй четвертью IV в. до н.э. (1957). Здесь же был раздавленный округлый бронзовый предмет, предположительно, шлем с остатками кожи с внутренней стороны, справа от покойного лежали пять копий, остриями к голове, а круглыми наконечниками к ногам (рис. 21). Острия имели вид: одно - тонкого стержня, два – в форме казацкой пики и два в форме дротика (рис. 22). У пояса справа находился железный топорик-секира длиной 35 см с деревянной истлевшей ручкой, просунутой под тело (рис. 22, в центре; рис. 23). Ручка была обвита золотой лентой, закрепленной золотым гвоздиком к древку [Манцевич, 1957, с. 159, рис. 4]. Здесь же находился точильный брусок с рукоятью, оправленной в золотую фольгу с выбитым изящным орнаментом со следами эмали (рис. 24) [см. также рис. 57 в ОАК за 1891 г., с. 78; Манцевич, 1957, с. 159, рис. 3]. Бронзовый чешуйчатый наборный пояс имел такое же украшение, раздавленное камнями. Слева от покойного лежали бронзовые трехгранные толстые наконечники стрел. На правой руке было надето кольцо в виде змейки, на левой – серебряное со щитком [Манцевич, 1957, с. 159, рис. 7б, 7а]. На шее была золотая гривна с львиными дутыми орнаментированными головками на концах (рис. 25) [см. также рис. 58 в ОАК за 1891 г., с. 78; Манцевич, 1957, с. 159, рис. 6]. Это основное погребение можно датировать третьей четвертью IV в. до н.э. и интерпретировать его как захоронение «дружинника» [Колтухов, 2008, с. 22] или даже «колпаконосца», так как в могиле присутствовал бронзовый шлем.

Западная пола этого кургана была доследована Н.И. Веселовским в следующем, 1892 г. [РА ИИМК, ф.1, 1892 г., д. 13, л. 21об.]. Здесь им была найдена впускная гробница[1], не доходившая до материка 0,9 м, длиной 1 м. Детский скелет лежал головой на юг. В изголовье находился кувшин желтоватой глины. На груди скелета лежало бронзовое зеркало, с дырочкой посредине и с отломанным краем. На шее были сердоликовые и иные бусы, в середине которых была серебряная пластинка в форме полумесяца. На руке были мелкие, а на поясе крупные черные бусы. Возможно, это погребение связано с основным погребением воина. Других гробниц в кургане не обнаружено.

Кроме того, Н.И. Веселовским в 1891 г. раскопаны еще три небольших кургана, по правую сторону от (железной) дороги на возвышенности у большого кургана, раскопанного в 1890 г. (рис. 8) [РА ИИМК, ф.1, д. 22, 1890, л. 26]. Из них самый маленький (Т 1891/2), едва заметный курган заключал в себя гробницу в виде узкого ящика, ориентированного

[1] В тексте архивного отчета указано «женская гробница» [РА ИИМК, ф.1, 1892 г., д. 13, л. 21об.], хотя дальше идет речь о детском костяке. Небольшие размеры гробницы позволяют предположить, что это все-таки было детское погребение.

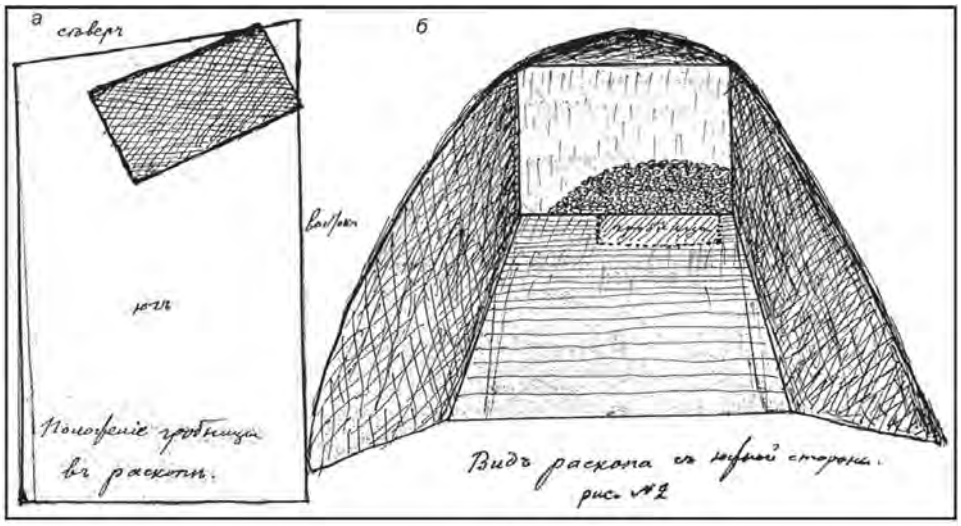


Рис. 20

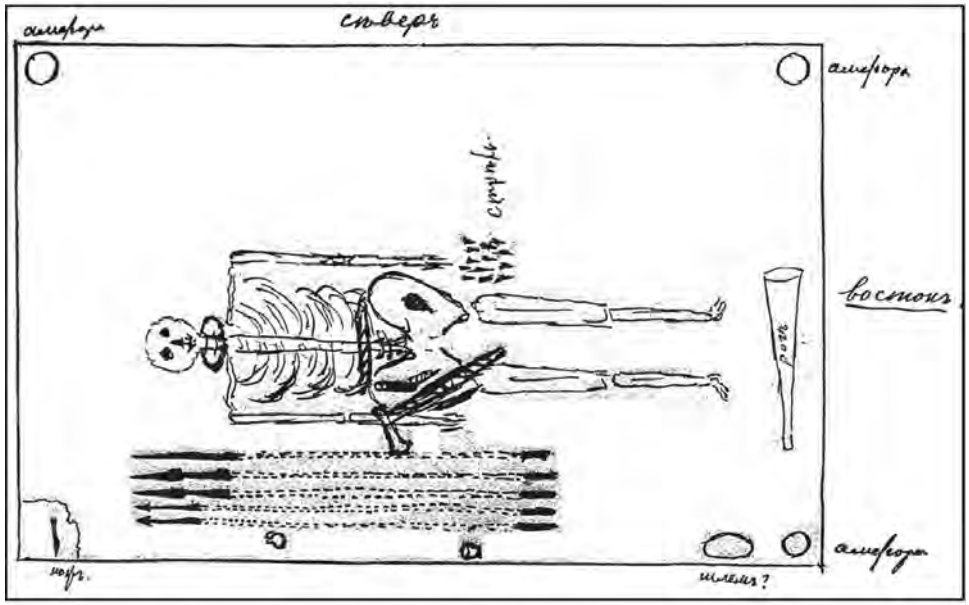


Рис. 21

Рис. 20. Раскопки «Талаевского» кургана 1891 г. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 24.

Рис. 21. Схема расположения костяка и вещей в «Талаевском» кургане 1891 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 25.

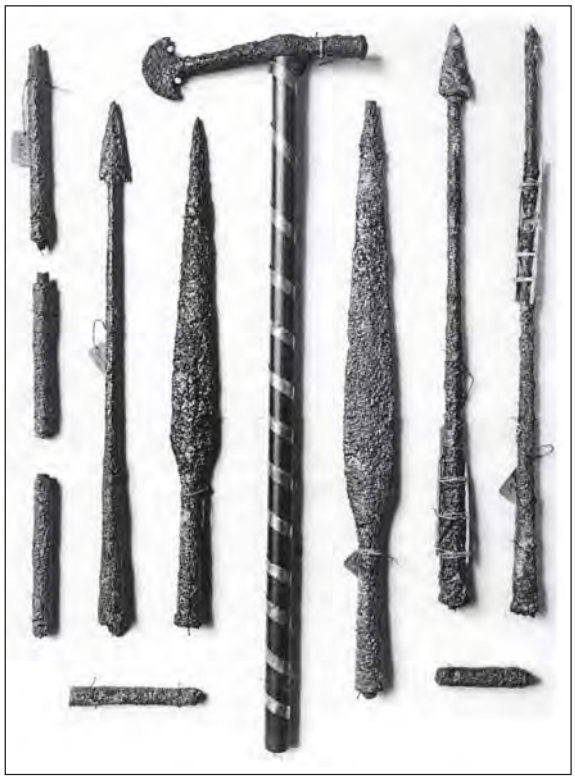
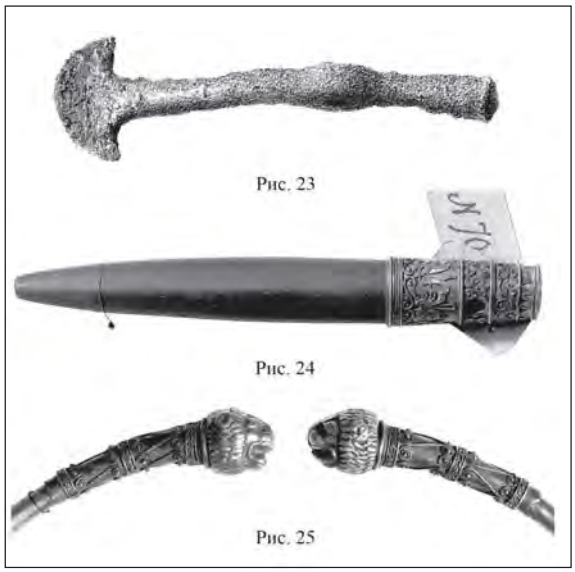


Рис. 22. Фотография пяти наконечников копий и секиры из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-214.



с востока на запад, длиной 2,13 м, шириной 0,9 м. В нем помещался деревянный совершенно сгнивший гроб, от которого сохранились железные скобы (пластины, согнутые под прямым углом) и другие железные детали. Скелет лежал головой на восток, на спине. В юго-восточном углу находился большой кувшин с поперечными рубчиками, с одной ручкой. В другом, северо-восточном углу, находились баранья бедренная кость и астрагал, с левой стороны – витая серебряная серьга, у пояса – кусок истлевшей кожи с бронзовым кружком. По сторонам найдено несколько железных наконечников копий. В ногах с южной стороны – медный котелок с железной круглой ручкой, наконечник от древка, железные принадлежности от ящика, железная пряжка и железные удила.

Два других небольших кургана (Т 1891/3 и 4) не дали почти ничего. В одном могила имела форму сегмента круга (1,8 м х 1 м) и внизу расширялась подбоем. Скелет лежал головой на восток в согнутом положении. В другом кургане скелет был выкинут из могилы, а в самом кургане ничего не оказалось.

В 1892 г. Н.И. Веселовский раскопал курган «а» (Т 1892/1) (рис. 8, 16), находящийся в «степи», по размерам больше других (3,2 м высотой). Во впускной могиле с южной стороны кургана был обнаружен

Рис. 23. Рисунок секиры из «Талаевского» кургана 1891 г. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 53.

Рис. 24. Фотография точильного бруска с рукоятью, оправленной в золотую фольгу с выбитым изящным орнаментом со следами эмали из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

Рис. 25. Фотография золотой гривны с львиными дутыми орнаментированными головками на концах в виде львиных головок из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

костяк ярко красного цвета. Эта могила была перерезана другой впускной могилой, находящейся в самом центре кургана, к которой, очевидно, относились кости в беспорядке, железный чешуйчатый панцирь и бронзовые треугольные наконечники стрел. В нее, в свою очередь, очевидно, была впущена еще одна могила, потревожившая первое центральное впускное захоронение. Этот новый покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на запад. В головах стояла глиняная амфора без клейма. Вероятно, она относилась к первому покойнику. К нему же, возможно, относились и другие находки: серебряная накладка от поясной пряжки, золотая пластинка с медными гвоздиками, большие тонкие серебряные полосы с серебряными гвоздиками, железные обломки от наконечников копий (?) и маленький глиняный узорчатый сосуд. Основное погребение этого кургана было совершено в прямоугольной яме, имеющей форму ящика, ориентированного с севера на юг (1 м х 0,5 м, глубиной 0,5 м). Покойник лежал с согнутыми ногами, головой на юг. В насыпи кургана были выявлены также две ямки, заполненные человеческими костями [РА ИИМК, ф. 1, д. 13, 1892, л. 20 об.].

Из двух небольших курганов, находящихся неподалеку от предыдущего, Н.И. Веселовский раскопал восточный (Т 1892/2), высотой ок. 1,4 м (курган «б» на рис. 8, 16). В нем оказались две могилы, вырытые в материке, параллельно друг другу, в направлении восток-запад. В северной могиле скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, ноги согнуты в коленях, кости окрашены в красный цвет. В другой могиле костяк лежал вытянуто головой на восток, ноги согнуты в коленях. Этот курган ямного времени.

Третий курган, раскопанный Н.И. Веселовским в 1892 г. (Т 1892/3), находился по соседству с богатым курганом, раскопанным в 1891 и доследованным в 1892 гг. Здесь можно было, казалось, ожидать погребения, подобного соседнему, но на деле оказалось, что курган этот совершенно иной. В самом центре находилась впускная могила, не доходившая до материка на 0,7 м, заваленная камнями, с множеством человеческих и бараньих костей, лежащих в беспорядке («коллективное захоронение» ?) [РА ИИМК, ф. 1, д. 13, 1892, л. 21]. Здесь же найдено 30 бронзовых трехгранных наконечников стрел, просверленный клык (амулет ?) и астрагал. Под этой могилой обнаружена впускная детская гробница, слегка впущенная в материк и заваленная речными голышами. В головах найдены два горшка грубой работы, с закругленным дном. Далее к центру оказалась круглая могила, заполненная золой, углями и пережженными костями. Прямо под ней было, вероятно, основное захоронение в виде каменного ящика (1,4 м х 1 м), ориентированного с севера на юг. Скелет в нем лежал на правом боку лицом на запад, у головы находился брусок охры. Ноги слегка подогнуты, руки вытянуты прямо к коленям.

И, наконец, в 1895 г был раскопан еще один курган (Т 1895) в имении М.Д. Талаевой [РА ИИМК, ф.1, д. 93, 1895, лл. 39об.-40, ИТУАК, с. 146-147]. В этом году проводились широкомасштабные раскопки курганов на всей территории возвышенного плато к западу от Салгира и к северу от железной дороги. Ввиду важности глазомерного плана, составленного Н.И. Веселовским для локализации раскопанных курганов, приводим здесь обе его версии: первоначальную архивную и адаптированную для публикации в ИТУАКе (рис. 26, 27) [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43; ОАК 1895, с.14-15; ИТУАК 24, 1896, с. 144]. Судя по описанию местоположения кургана, раскопанного на земле М.Д. Талаевой: «более двух верст на север от курганов, раскопанных на землях г. Крыма» [ИТУАК, 24, с. 146] это, вероятно, был курган «с», находящийся недалеко от раскопанных Н.И. Веселовским в 1892 г. курганов «а» и «б» (см. рис. 8). Его высота была 1,4 м, окружность – 53 м. Раскопан колодцем «на выкид». Основное погребение было ямного времени. Оно было вырыто в материке (2,1 м х 1,4 м, глубиной 1,2 м). Костяк, лежащий на спине на слое пепла с поджатыми ногами и втянутыми руками, и вся могила были выкрашены охрой,

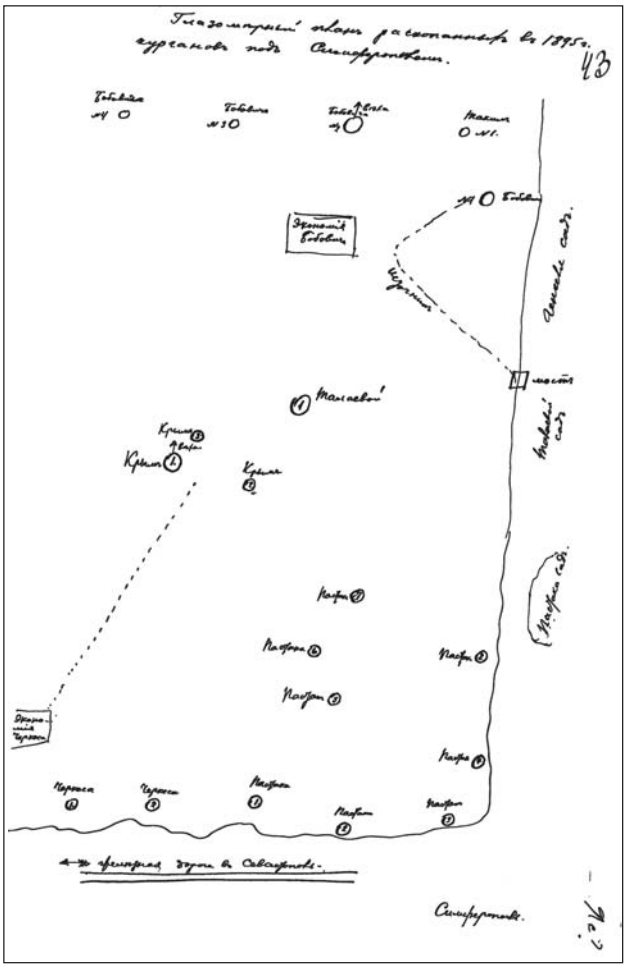


Рис. 26. Глазомерный план раскопанных в 1895 г. курганов под Симферополем [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43].

большие куски которой были также найдены в могиле. Здесь находился медный стержень.

Первое впускное захоронение представляло собой каменную гробницу (2,1 м х 1,15 м) из больших нетесаных плит, стоящих на ребре, впущенную в северную часть кургана на глубину 0,7 м от материка. В гробнице находились два скелета в вытянутом положении головами на запад. У головы одного из них был найден горшок черной глины с тонкими стенками, рассыпавшийся на воздухе. У левого колена другого костяка был медный наконечник стрелы, а на левой руке – медный браслет. Под головами были несколько стеклянных бус.

За этой могилой дальше к северу находилась еще одна, впущенная в материк (длиной 2,1 м, шириной 1 м, глубиной 0,35 м). В ней находился скелет на спине, головой на запад, с согнутыми ногами. У головы был чернолощеный горшок с нарезным орнаментом: пояски из нескольких штрихов образуют ромбы по всей его поверхности. Он хранится в Симферопольском историко-краеведческом музее [Троицкая, 1957, с. 176, рис. 2 а]. Под скелетом был железный панцирь из четырехугольных бляшек с дырочками. С правой стороны скелета найдено медное украшение, поперек ног лежал меч 0,7 м длиной, 4,5 см шириной. У левой ноги найдены куски кожаного колчана и 33 медных наконечников стрел с остатками древков в них, две медные трубочки (ворворки), медная пряжка, куски ножа [ИТУАК, 24, 1896, с. 146., 147].

Таким образом, из 10 раскопанных в землях М.Д. Талаевой курганов только два, или, может быть, три (курганы Т 1890/2, 1891/1 и, возможно, 1891/2) были насыпаны в скифское, остальные – в более ранее время (эпоха бронзы). Здесь обнаружен один, или, возможно, два кургана с коллективными захоронениями.

Курганы на землях И.О. Пастака

На соседних к югу землях И.О. Пастака (имение Сарайлы-Кият) раскопки проводились в 1892 и 1895 гг.

В 1892 г. Н.И. Веселовским проводились раскопки семи курганов (П 1892/1-7), находящихся на земле И.О. Пастака в урочище Дорт-Оба (см. курганы 1-7 на рис. 8). С.Г. Колтухов успешно локализовал эти курганы на картах конца XIX и середины XX вв. [Колтухов, 2008]. Он же приводит краткую характеристику этих погребений. Могильник появился еще в ямное время, сооружение курганов 2 и 3 может быть отнесено к скифскому времени.

К довольно подробному описанию раскопанных курганов, приведенному в публикации [ОАК за 1892 г., с. 6-13], а также к оценке погребений, данных С.Г. Колтуховым [Колтухов, 2008, с. 20-21] мало что можно добавить из отчета Н.И. Веселовского, хранящегося в РА ИИМК. Хочется только привести фотографию момента раскопок наиболее известного кургана № 2 (т.н. «Пастака») (рис. 28) и дать более подробное описание кургана с возможным «коллективным захоронением» (курган № 3), основное погребение которого относится к скифскому времени.

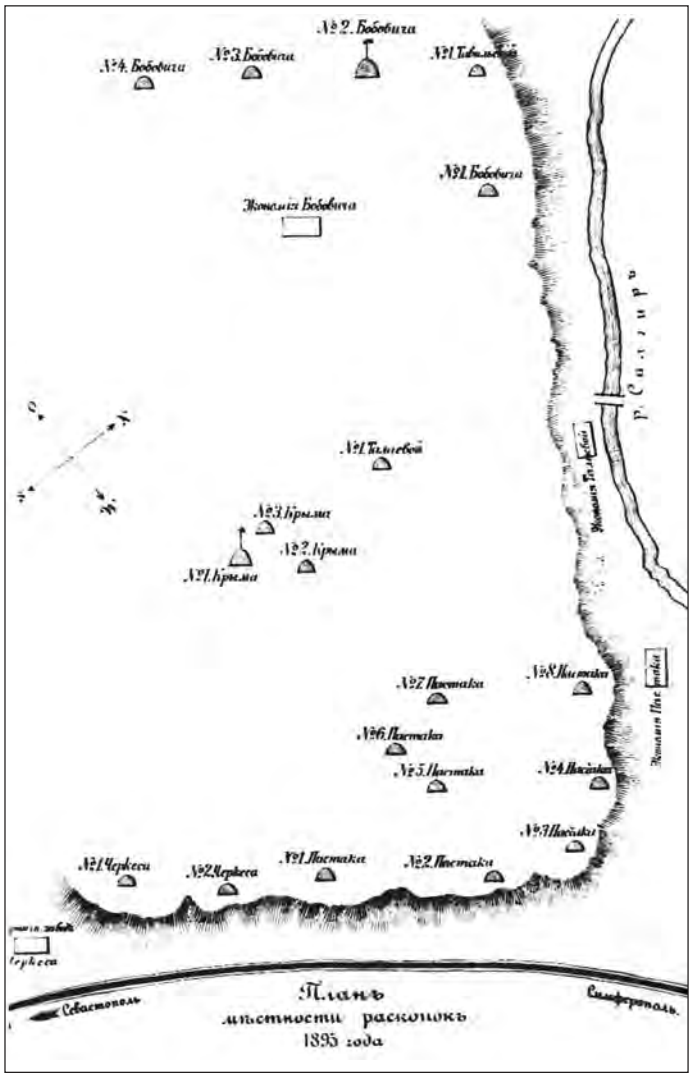


Рис. 27. План местности раскопок 1895 г. [ИТУАК 24, 1896, с. 144]

При раскопках кургана № 3 было отмечено большое количество камней. По рассказам работников, «в нем очень много камня, так что пахать его трудно». Под каменным завалом оказалось очень большое количество человеческих костяков (несколько десятков), сверху заваленных огромными камнями. Скелеты эти не доходили до материка. Вещей при них не найдено никаких [РА ИИМК, ф. 1., д. 13, л. 23 об.].

Основное погребение находилось ниже и представляло собой четырехугольный ящик, ориентированный с запада на восток. Оно представляет собой богатое женское захоронение, датирующееся IV в. до н.э., имеющее отношение к захоронению «колпаконосца» (по определению С.Г. Колтухова) в соседнем кургане № 2. В насыпи найдены разбитая амфора и разбитый «полированный» (чернолаковый ? или лощеный ?) горшочек.

Гробница была выложена камнем в виде плиток, положенных плашмя (рис. 29, а), всего

Рис. 28. Раскопки Н.И. Веселовского кургана № 2 («Пастака») в 1892 г. ФА ИИМК РАН, Q404-6

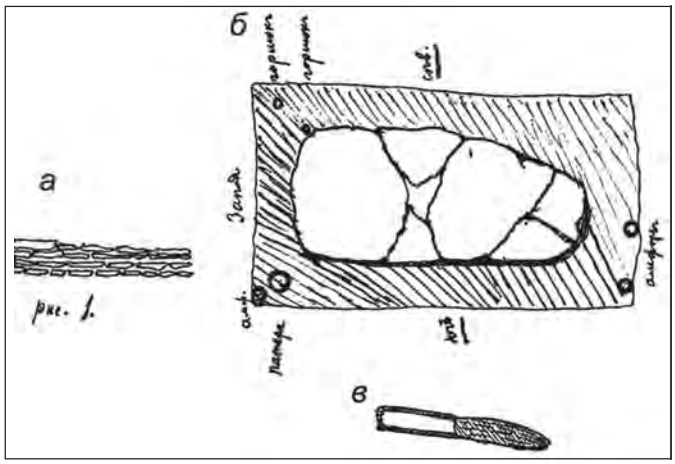


Рис. 29. Курган № 3 1892 г. в имении И.О. Пастака. Основное женское погребение. а) – кладка стенки гробницы; б) – помост из необработанных, больших плит на дне четырехугольной могилы; в) – железный нож из могилы.

в 15 рядов. В верхних рядах сохранились сгнившие бревна, положенные поперек, очень близко друг к другу. Вверху были заплечики. Женский скелет находился в сидячем положении на помосте из необработанных, больших плит, не закрывавших все дно четырехугольной могилы, ориентированной с востока на запад (рис. 29, б). В могиле найдены три амфоры, патера из красной глины, баранья кость с железным ножом (рис. 29, в), два сосуда – чернолаковый (?) и черноглиняный (см. расположение вещей на рис. 29, б).

На покойной были богатые одежды, расшитые золотыми бляшками, и золотые серьги, аналогичные найденным в 1868 г. в Эльтигене, другие драгоценные украшения [ОАК 1892 г., с. 11]. Расположение предметов и устройство гробницы напоминает таковые в «Талаевском» кургане Т 1891/1, а также в кургане Т 1890/2 (см. выше).

Для нас важно отметить, что так же, как и в кургане Т 1890/2, более позднее, возможно, коллективное захоронение впущено в курган IV в. до н.э.

В 1895 г. Н.И. Веселовским раскопано еще 8 курганов в землях И.О. Пастака. Их локализация возможна на основе плана, приведенного как в архивном деле, так и в публикации в ИТУАК (рис. 26 и 27), но не очень определена в силу отсутствия точных ориентиров или ярких примет курганов.

Первый курган (П 1895/1), раскопанный в 1895 г. на землях И.О. Пастака, находился в лесу, по соседству с землей г. Черкеса (рис. 8). Раскопан траншеей, проведенной с южной стороны. Его высота была 4,2 м, диаметр 32 м. В нем находилось одно основное, ямное безынвентарное погребение, совершенное в овальной яме, вырытой в материке, с окрашенным охрой костяком. Второе, впускное, коллективное, представляющее собой квадратную (со стороной 2,6 м) гробницу над материком, обложенную огромными каменными,

плохо обработанными плитами. Найдены были более 100 черепов и следующие предметы: точильный камень, фрагменты амфор и другой керамики, 2 бронзовых круглых зеркала, различные бусы, серьги из тонкой бронзовой проволоки с нанизанными на них бусами, бронзовый браслет, 2 бронзовых наконечника стрел, серебряная серьга и глиняная патера. Кроме этих захоронений в этом, самом большом из исследованных в 1895 г. кургане на землях И.О. Пастака, было раскопано еще три впускных ограбленных захоронений, о которых трудно судить в силу их значительных разрушений.

Во втором кургане (П 1895/2), 1,4 м высотой, раскопанном траншеей с западной стороны, вероятно, находилось захоронение скифского (?) воина, хотя данных для его датировки недостаточно [РА ИИМК, ф.1, 1895 г., д. 93, л. 35об.; ИТУАК, 24, с. 141; ОАК, 1895, с. 11].

В третьем кургане (П 1895/3), высотой 1 м, покрытом камнями, раскрыты три грунтовых могилы. Основная могила (1,9 м х 0,7 м, глубина 0,5 м) была ориентирована с запада на восток, костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Перпендикулярно этой гробнице была другая, в которой скелет лежал головой на юг. Третья могила была детская – в восточной части кургана. В ней находился горшочек черной глины. В насыпи найдены бронзовый наконечник стрелы, бронзовая шишечка, бронзовая бляшка, обломок кремневой «пилы» и маленькая сердоликовая бусина.

Четвертый курган (П 1895/4) высотой 1 м содержал детское погребение в каменной гробнице, аккуратно сложенной из четырех и накрытой пятой плитой. В головах, с восточной стороны, стояли три горшочка из черной глины. Кроме этого в могиле были только куски красной охры. В середине кургана была открыта вторая, грунтовая могила, содержащая скелет в вытянутом положении головой на запад, заваленный деревом и камнями. При нем найдены железные вещи: 4 наконечника копий, 3 стержня, шашка с тремя кольцами от ножен и пряжка. В насыпи кургана найдены горшок из черной глины, кремни, куски железа, обломки стеклянной посуды и белый алебастровый кружок (РА ф. 1, д. 93, 1895, л. 36 об.; ОАК, 1895, с. 11).

Далее раскопки были перенесены на запад, в степь, где три кургана образуют группу (ИТУАК, 24 1896, с. 142) (рис. 8). Курган (П 1895/5), самый большой в этой группе, высотой в 2,2 м был покрыт камнями, он раскопан траншеей, проведенной с южной стороны, и содержал, вероятно, средневековое погребение человека с лошадью, расположенное террасами. Скелет лошади был неполный, только голова и ноги. Найдены железные стремена и удила. Человеческий скелет лежал уступом ниже, при нем находились железная шашка, 4 железных наконечника копий, железная пряжка, костяная пластинка с отверстиями, железный нож у пояса. Во впускной гробнице в южной части кургана находился костяк головой на запад, обставленный стоячими камнями, с бронзовыми наконечниками стрел у левой руки и железным ножом у правой. Основное погребение этого кургана совершено в небольшой материковой гробнице с золистым заполнением, оно относится к ямному времени.

Шестой курган (П 1895/6) высотой 1,7 м, раскопанный траншеей с юга, также дал впускное погребение с лошадью, весьма похожее на только что описанное. Основное погребение, возможно, было предназначено для урны и не содержало костяка [РА ИИМК, ф. 1. 1895, д. 93, с. 38; ОАК 1895, с. 13].

В седьмом кургане (П 1895/7) ок. 2 м высотою, раскопанном «на выкид», снова оказалось впускное погребение с лошадью. Основное погребение этого кургана, очевидно, можно отнести к скифскому времени. Оно находилось в центре кургана и было крыто деревом. При человеческих костях скелета были найдены бронзовые наконечники стрел, разные бусы, 3 бронзовых проволочных браслета и железный меч. Для точной датировки описания находок недостаточно [РА ИИМК, ф. 1. 1895, д. 93, с. 38; ОАК 1895, с. 13].

Восьмой курган (П 1895/8), высотой примерно 1,5 м, дал только одно основное погребение, относящееся к ямной культуре. Он раскопан в центре «на выкид».

Итак, всего на земле И.О. Пастака было раскопано в 1892 и 1895 гг. 15 курганов, из которых, вероятно, только пять были насыпаны в скифское время, остальные в эпоху бронзы. Два кургана, П 1892/3 и П 1895/1, содержали впускные коллективные захоронения, так же, как и один (или два ?) «Талаевских» кургана, Т 1890/2 (и Т 1892/3).

Курганы на землях С.И. Черкеса

В 1895 г. раскопки проф. Н.И. Веселовского проводились «на возвышенности, идущей с правой стороны полотна железной дороги от Симферополя к Севастополю, приблизительно против второй железнодорожной будки, в лесу, над кирпичным заводом г. Черкеса» [Кашпар, 1896, с. 138]. В архивном деле можно найти еще указание на то, что работы начались «над обрывом, у поворота железной дороги, против второй железнодорожной будки» [РА ИИМК, ф. 1., 1895, д. 93, л. 34]. Вероятное положение этих курганов показаны на рис. 8.

Первый курган (Ч 1895/1) был высотой 4,2 м, диаметром 30 м. Раскопан глухой траншеей с юга. В 13 м от края полы кургана в его центре оказалась гробница, покрытая хорошо обработанной каменной плитой (1,8 м. х 1 м). Края этой плиты выходили за стенки гробницы, впущенной в материк, образованной четырьмя плитами. Ориентировка гробницы с северо-запада на юго-восток. Стенки гробницы были изнутри оштукатурены тонким слоем, покрыты черной краской и расписаны косой клеткой, состоящей из белых и красных линий (рис. 30). Земля не проникла в каменный ящик, так как щель между покровной плитой и стенами была замазана белой местной глиной. У южной стенки находились два скелета в сидячем положении, ногами на запад. Сопровождающий инвентарь представлен глиняным горшочком, каменным курантом для растирания красок, каменным полированным топором, кусками кремня [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л. 34-34об.; ОАК, 1895, с. 8-9].

Второй курган (Ч 1895/2) был ниже, 1,8 м высотой. По свидетельству Н.И. Веселовского, он расположен над оврагом между первой и второй железнодорожными будками [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л. 34 об.]. С южной стороны в кургане заметна была грабительская яма, здесь же были разбросаны плиты из гробницы. Раскоп был начат с западной стороны. На расстоянии 8,5 м от края и в 1 м сверху оказалась потревоженная квадратная гробница (со стороной 3,65 м), сложенная из плохо обработанных плит известняка, скрепленных глиняным раствором. Верхние камни были уже сняты, таким образом, высота гробницы равнялась 0,85 м. Эта гробница была наполнена грудами человеческих костей. Собрано было 173 черепа разных размеров, начиная с детских. В завале костей найдены бусины разных размеров и из различных материалов

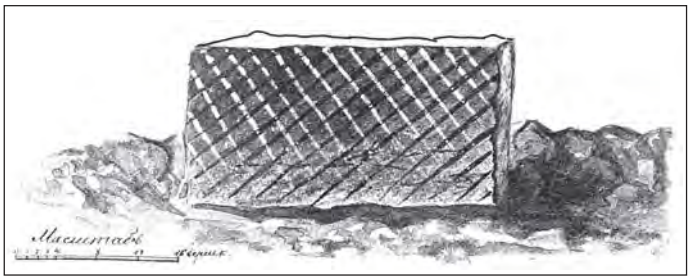


Рис. 30. Курган № 1 в имении С.И. Черкеса 1895 г. Стенка гробницы, оштукатуренная тонким слоем, покрытая черной краской и расписанная косой клеткой, состоящей из белых и красных линий. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л.34 об.].

(медные, бронзовые, глиняные, стеклянные, мозаичные, янтарные, лигнитовые и др.), круглые костяшки, две глиняные чашечки и глиняный бальзамарий, два донышка от чернолаковых сосудов, горлышко из черной глины, кувшин без ручек с толстыми стенками с дырочками в горлышке для шнурка, наполненный точильными камнями и большими глиняными бусами. Найдено много обломков амфор, чашек, горшков красной и черной глины, с узорами и поливой. Много было найдено бронзовых вещей: булавка, 9 браслетов, 13 наконечников стрел, перстень, обломок перстня, колечки, одно со стеклянной привеской, подвески, поломанное зеркало, бусы-ворворки. Найдены также были 9 серебряных колечек, два железных и одно проволочное золотое. Некоторые из керамических сосудов опубликованы Т.Н. Троицкой [1957, с. 180-183]. Чернолаковая чашка датируется ею серединой III в. до н.э., флакон – III в. до н.э., крупный одноручный сероглиняный кувшин близок таковым из Прикубанья, датируемых IV-III вв. до н.э., курильница может быть отнесена ко II-I вв. до н.э. [Троицкая, 1957, с. 181-182]. Возможно, что первоначальное погребение IV в. до н.э. было затем потревожено при подхоронениях, которые происходили в III-II вв. до н.э. [Колтухов, 2001, с. 63].

После зачистки этой гробницы, под ней оказалась плита ромбовидной формы длиной 0,9 м и шириной 0,7 м. Под ней была пустая круглая яма, 0,45 м в диаметре. Н.И. Веселовский предположил, что здесь была урна, взятая грабителями через южный подкоп.

Коллективное захоронение в кургане Ч 1895/2 вполне аналогично захоронению в соседнем кургане П 1895/1, расположенном на землях И.О. Пастака.

Таким образом, из двух раскопанных курганов в имении С.И. Черкеса один был насыпан в бронзовом веке, другой – в IV в. до н.э. Последний содержал также впускное «коллективное захоронение».

Курганы на землях С.А. Крыма

На той же возвышенности, что и предыдущие курганы, были раскопаны еще три, находящиеся во владениях С.А. Крыма (см. схему на рис. 27, а также рис. 8). Описание этих погребений можно найти в [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д. 93, л. 38 об.-39 об.; ОАК 1895, с. 13-14; ИТУАК 24, с. 144-145].

На первом кургане (К 1895/1), самом большом, находился триангуляционный знак, что служит для нас верной приметой и ориентиром при локализации этих курганов.

Его высота 4,5 м, длина окружности 126 м, раскопан траншеей с юга. Курган облицован толстым слоем камня. Его основное погребение было ямного времени. В южную полу было впущено другое погребение, находящееся на высоте 1 м от материка, длиной 2,1 м шириной 1,6 м, глуб. 1,24 м. Могила была ограблена. Внутри могилы находились человеческие кости, кости лошади, железные удила с прямой дужкой (средневековое погребение ?). В насыпи были найдены многочисленные вещи (золотая проволочная серьга, бусы, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовая обивка колчана, железные чешуйки от панциря, горшок из черной глины, две бронзовых ворворки, бронзовая поясная пряжка в виде львиной головы, круглая бронзовая бляха), судя по которым, можно предположить, что это в кургане было также разграбленное погребение скифского времени.

Второй курган (К 1895/2) был также ямного времени. В него была впущена каменная гробница, сверху заваленная камнем, размером 5,6 м х 3,7 м. Восточная стена ее было пробита, и через это отверстие грабители добрались до погребения. В насыпи были найдены разные бусы, в том числе стеклянные в виде пирамидок, бронзовый браслет,

бронзовые наконечники стрел, бронзовое спиральное кольцо, каменное точило с отверстием, каменное ядро, пара железных стремян, железные удила, части железного копья и обломки железного предмета в виде чашки. Данное погребение было совершено в эллинистическое время [Дашевская, 1991, с. 53].

Третий курган ((К 1895/3) также был насыпан в ямное время. Впускная гробница была устроена в материке подбоем длиной 2,1 м, шириной 3,2 м м. глубиной 2,1 м и содержала 5 скелетов, из которых два были детскими. У крайнего с южной стороны скелета были найдены несколько мелких бус, кусочек красных румян, железная пряжка, 2 бусы, обломок бронзового кольца и бронзовая поясная пряжка.

Таким образом, все три раскопанных кургана были насыпаны в ямное время, в двух из них были впускные скифские погребения.

Курганы на землях Э. Б. Бобовича

Всего в 1895 г. на землях Э.Б. Бобовича на 16-й версте (примерно 17 км) от Симферополя было раскопано 4 кургана; еще один, принадлежащий татарскому обществу д. Такиль, находящийся на самой границе земель Э.Б. Бобовича, также был раскопан в 1895 г.

Первый курган находился «почти на прямой линии между экономией Бобовича и д. Сарабузы» (совр. Соловьевка). Его локализации помог архивный чертеж, сделанный от руки, на котором пунктирной линией показана дорога от моста через Салгир в имении Талаевой по направлению к Евпатории, до родника. Затем указана дорога, сворачивающая у родника и экономии Бобовича на восток, к первому из раскопанных курганов (рис. 26) [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43]. На рисунке, несколько измененном для публикации в ИТУАК, эта пунктирная линия-дорога отсутствует (см. рис. 12 [ИТУАК 24, 1896, с. 144]), однако именно она помогла локализовать курганы на землях Бобовича (рис. 8). Кроме этого, в РГАДА изучались межевые планы имений Бобовичей [ф. 1354, оп. 479, дд. Ф126, Т47, Т55, Т32], что позволило локализовать раскопанные в 1895 г. курганы так, как это показано на рис. 8.

Высота первого кургана была 6,3 м, длина окружности – около 150 м. Как выяснилось в ходе раскопок, к первоначальному кургану были сделаны две присыпки, так что он состоял как бы из трех, соединенных вместе земляной насыпью. Первоначальный курган был обнесен каменными плитами. Во впускной могиле, находящейся с северо-западной стороны кургана, на глубине 2,1 м было обнаружено захоронение всадника с лошадью. Инвентарь этого разрушенного захоронения состоял из разбитого «черного горшка с узорами», железных удил, пряжки и наконечника копья.

Еще одно впускное захоронение обнаружено ближе к северной кромке кургана, оно представляло собой выдолбленное из большого ствола корыто. Здесь был найден кремневый скребок.

Основное безынвентарное захоронение этого кургана, относящееся к ямному времени, находилось в овальной могильной яме (2,1 м х 1,3 м, глубиной 0,7 м), впущенной в материк. Скелет с окрашенными охрой костями лежал головой на восток с поджатыми ногами.

В восточной части насыпи на глубине 1,8 м от поверхности кургана было раскопано еще одно впускное захоронение без камней, перекрытое деревом. Скелет лежал головой на запад в вытянутом положении. У головы с правой стороны находился прекрасно обработанный нефритовый молоток длиной 14 см. У ног найден точильный брусок без дырочки.

Под этой могилой находилась еще одна, обложенная деревянными четырехугольными бревнами и перекрытая брусьями. На брусья были навалены камни в виде купола,

который был возведен на четырехугольном основании из больших известняковых камней. В ней находились два окрашенных охрой скелета, головами обращенные на юго-запад. Скелеты лежали на материке и были засыпаны мелкой речной галькой. В гальке найден кремневый нож на 3 ската. У западной стенки против тазовых костей было найдено плоское бронзовое копье 7 см длиной. В том же кургане, в западной части в материке оказалась могила овальной формы (2.1 м х 1,9 м), глубиной 0,7 м. Окрашенный охрой скелет длиной 1,8 м лежал головой на север [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 40 об.-41; ИТУАК, 24, 1896, с. 147; ОАК, 1895, с. 16].

В двух верстах (2,1 км) от этого кургана по пути к Евпатории в этом же имении находились еще четыре кургана, расположенные близко друг к другу и почти по прямой линии (рис. 8).

Вначале был раскопан один из них, принадлежащий татарской общине д. Такиль. Его окружность доходила до 105 м, диаметр – 26 м. В северо-западной его части на глубине 0,7 м от поверхности находилась впускная могила, состоящая из больших плит длиной 2 м, шириной 0,7 м, толщиной 0,35 м. Сверху она была завалена камнями и оказалась уже разграбленной, в ней обнаружены только осколки горшка черной глины

Возле этой могилы, далее к северу, была другая впускная могила, также полностью ограбленная. Под этими двумя впускными могилами находились две могилы, соединенные между собой, впущенные в материк. Одна из них, длиной 2,1 м, ориентирована с запада на восток, другая, находившаяся на 0,5 м ниже – с юга на север. В первой из них найден скелет в вытянутом положении, головой на запад. У головы стоял горшок с орнаментом вокруг венчика, рядом находилось много угля. Слева от костяка лежали меч 0,35 м длиной, 8 медных наконечников стрел, две сердоликовые бусины, одна из мела и еще одна из желтой массы, нож, морская камка, бычья лопаточная и бедренная кости, кости птицы. Можно предположить, основываясь на ориентировке костяка и перечне найденных предметов, что это захоронение скифского воина, хотя приведенных данных недостаточно для точной датировки. Во второй могильной яме 1,4 м х 0,85 м находился костяк головой на восток, без сопутствующих вещей.

На восточной стороне кургана раскопана еще одна могила, впущенная в материк, 2,1 м х 1,4 м, глубиной 1,4 м, по-видимому, основное погребение кургана. Окрашенный костяк лежал головой на восток, с поджатыми ногами, без инвентаря [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 43-43 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148; ОАК, 1895, с. 16].

Можно высказать осторожное предположение, что первая раскопанная каменная плитовая гробница, заваленная камнями, в этом кургане могла являться коллективным захоронением, по крайней мере, ее расположение над могилой, возможно, скифского воина, не противоречит этой гипотезе. Однако, полное отсутствие в отчете упоминания о костных остатках говорит, скорее, против данного предположения.

Курган № 2, находящийся поблизости от описанного выше, самый большой на землях Бобовича, длиной окружности в 165 м, диаметром 50 м, несколько разочаровал раскопщиков. Сверху, с южной стороны находилась разграбленная впускная могила, судя по найденным в насыпи вещам (части амфоры, железное копье 23 см длиной, часть оселка, медные наконечники стрел, кинжал с костяной ручкой с медными заклепками, обломок каменного топора), античного времени. Раскопки на этом были прекращены «в виду показавшихся признаков могилы с красными костями» [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 41-41 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148-149; ОАК, 1895, с. 16].

Курган № 3, высотой 2 м, окружностью в 70 м, располагался на расстоянии около 200 м к западу от второго кургана, раскопан «на выкид». Впускная плитовая могила находилась

на глубине 0,7 м от поверхности, ближе к северной его стороне. Размеры плит 3 м х 0,7-1 м, толщина 27 см. В насыпи найдены фрагменты «красной посуды» и железной спицы, оселок и бронзовая фигурная палочка. Под этой могилой располагалась другая, основная, могила с окрашенным скелетом, головой на запад, у ног найдено более 100 наконечников медных стрел [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 41-41 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148-149; ОАК, 1895, с. 16].

Курган № 4 был раскопан широкой траншеей с юга. Основное материковое погребение эпохи бронзы 2,1 м х 1,5 м, глубиной 0,6 м, содержало окрашенный охрой костяк без инвентаря. В западной части кургана, на глубине 0,7 м находилась разграбленная впускная гробница. В ней остались только черный разбитый горшок, медная стрела и железное шило (скифское погребение ?).

Таким образом, все рассмотренные пять курганов были сооружены, вероятно, в эпоху бронзы. По крайней мере, четыре кургана содержали впускные могилы скифского времени.

Курганы на землях А. А. Нестроева

В 1890 г. Н.И. Веселовский провел раскопки курганов в имении А.А. Нестроева (Сарчи-Кият) по правую сторону от р. Салгир верстах в 5 (примерно 5,2 км от Симферополя по дороге в Сарабуз).

Прежде всего, им был раскопан знаменитый «Золотой» курган, который, несмотря на довольно скромные размеры (3,2 м высотой и 96 м окружностью), выделялся среди остальных своим положением на отдельной возвышенности, от которой открывался обширный вид на долину Салгира. Это самый южный курган из других, находившихся во владении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. Расстояние от него до почтовой дороги, идущей в Евпаторию – 1 верста (1,07 км).

Локализовать этот курган помогла карта 1837 г. с рекогносцировкой 1865 г., на которой нанесены господские дома, хутора и сады с указанием имен владельцев (рис. 9). В описании кургана в отчете Н.И. Веселовского значится, что «Золотой» курган был самым южным в имении А.А. Нестроева. Для того, чтобы прояснить, где проходила южная граница его владений, потребовалось рассмотреть межевой план имения Сарчи-Кият (рис. 31), хранящийся в РГАДА в г. Москве [РГАДА, ф. 1354, оп. 479, д. С52]. На 22 октября 1852 г., когда был составлен межевой план, имение числилось за г-жой Добролюбской. Однако на рекогносцированной карте 1865 г. ее имя зачеркнуто и написано имя Нестроева (рис. 10). Благодаря сопоставлению этой карты и межевого плана, удалось с большой вероятностью локализовать знаменитый «Золотой» курган и два других, раскопанных в его имении (см. рис. 8).

Я не могу полностью согласиться с локализацией кургана, приведенного в работе С.Г. Колтухова [Колтухов, 1999, с.8]. На мой взгляд, курган должен находиться несколько южнее. Там, где он показан на карте в статье С.Г.Колтухова, в конце XIX в. находились земли М.Д. Талаевой.

Золотой курган как выдающийся памятник, относящийся к степной скифской знати раннего периода, не раз привлекал внимание исследователей [Ростовцев, 1925, с. 397, 400, 410, 412; Троицкая, 1951, с. 90; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 103, 109]. Наиболее полно и детально раскопки этого кургана были рассмотрены относительно недавно С.Г. Колтуховым [Колтухов, 1999].

«Золотой» курган раскопан был глухой траншеей, проведенной с юго-восточной стороны, а также тремя небольшими минами (рис. 32). Два других кургана, раскопанные в имении А.А. Нестроева, располагались по направлению на север (или северо-

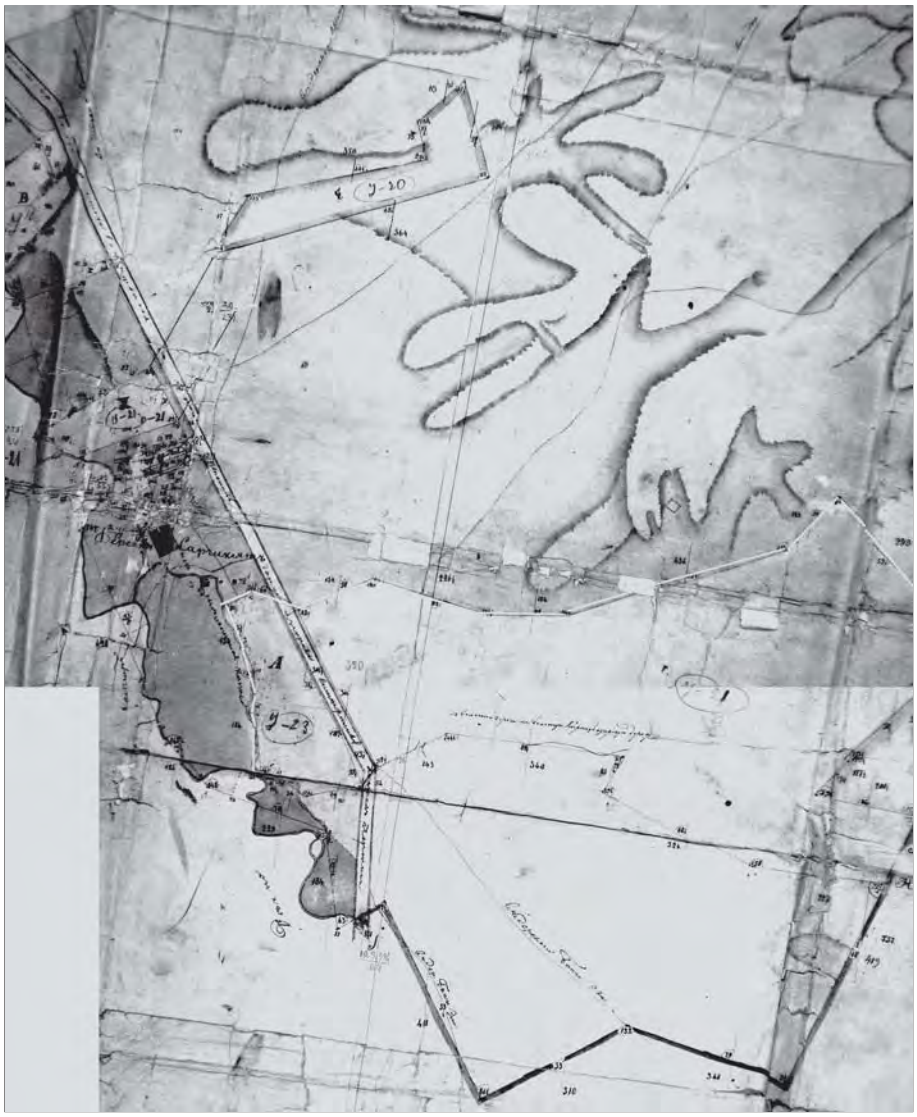


Рис. 31. Фрагмент межевого плана имения Сарчи-Кият, хранящийся в РГАДА в г. Москве от 22 октября 1852 г. [РГАДА, ф. 1354, оп. 479, д. С52]. Красной линией выделена южная граница имения.

запад), через балку, на расстоянии 1 км один от другого (рис. 8). Они также раскопаны траншеями, идущими с юга, для доследования насыпей делались мины.

Первый нестроевский курган («Золотой») оправдал свое название. Здесь были раскопаны четыре могилы: одна впускная, немного впущенная в материк, две углубленные в материк и еще одна на уровне материка. Описание раскопок дано в [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл.24-26, ОАК, 1890, с. 4-7, ИТУАК, 11, 1890, с. 146-150].

Впускная могила, находящаяся в 2 м от центра кургана (рис. 32, 1), представляла собой яму с покатым ложем (превышение головы над ногами – 0,7 м). Скелет мужчины в вытянутом положении, головой на запад, лежал на железном щите или панцире, ноги на досках. На шее было массивное золотое гладкое ожерелье в виде обруча толщиной 0,5 см, диам. 17,5 см, не спаянное. На груди лежала лопаточная кость лошади. В области таза находились золотые пуговицы: одна с зернью 2,5 см диам., 2 гладких 1,5 см. диам. и 22 маленьких в 2 мм. Тут же были 39 медных орнаментированных пуговиц разной величины и две медные застежки, каждая состоящая из двух частей: одна в виде орла и вторая – орнаментально вырезанная в виде головы фантастического животного (рис. 33) [ОАК, 1890, с. 5].

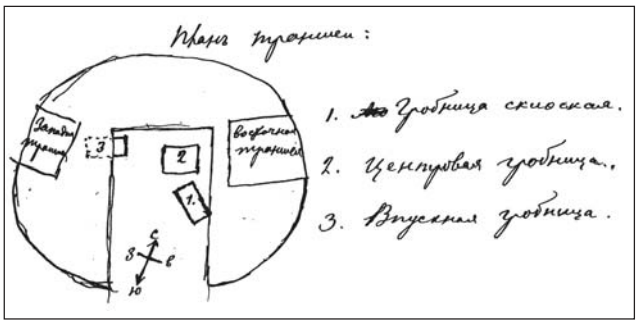


Рис. 32. Схема раскопа «Золотого» кургана в имении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, л.26].

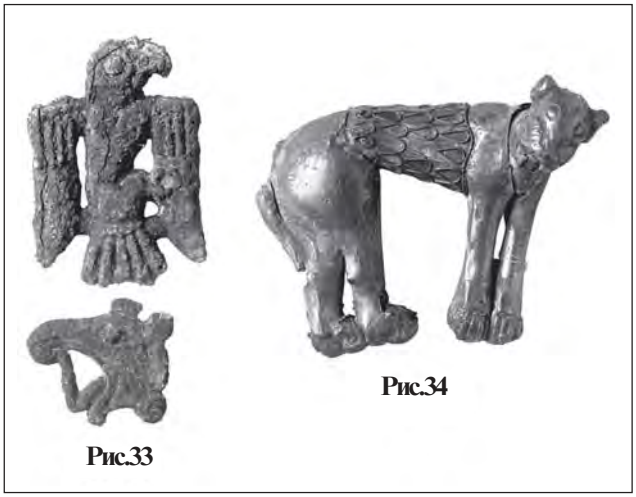


Рис.33

Рис.34

Рис. 33. Две медные застежки, каждая состоящая из двух частей: одна в виде орла и вторая – орнаментально вырезанная в виде головы фантастического животного. Из «Золотого кургана». ФА ИИМК РАН, негатив № II-13154.

Рис. 34. Навершие колчана в виде львицы, сделанной из бронзы, покрытой золотым листом. Их раскопок «Золотого» кургана в имении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

Между бедряными костями лежал короткий меч в ножнах, обтянутых кожей с золотым наконечником прекрасной работы с эмалевыми вставками, совершенно разрушившимися, с тонким кантиком по краю. Рукоятка меча состояла из толстых железных колец. У меча же оказались бронзовые трубочки, возможно, от кистей.

У левого колена находился колчан с навершием в виде львицы, сделанной из бронзы, покрытой золотым листом. Посредине туловища был такой же эмалевый орнамент, что и у ножен меча (рис. 34). Колчан был сделан из дерева и обтянут кожей, украшен серебряной бляхой. В нем находилось 180 бронзовых наконечников стрел и, вероятно, лук. Здесь же были 5 медных трубочек по 3 см длиной, в форме усеченных пирамидок и конусов. В ногах, на которых были кожаные сапоги, стоял красноглиняный кувшин с шарообразным туловом и одной ручкой.

По мнению А.Х. Стевена, покойник лежал на овальном щите размерами: 1,25 м х 0,7 м, который состоял из массивных железных пластинок, набитых на дерево. Здесь же были найдены остатки кожи и истлевшей одежды. Однако Н.И. Веселовский полагал, что

под костяком находился не щит, а панцирь. К этому же мнению склоняется и С.Г. Колтухов [Колтухов, 1999, с. 11]. В ногах стоял целый кувшин красной глины.

В целом, данное погребение интерпретируют как захоронение предводителя военного формирования Степной Скифии рубежа VI-V вв. до.э. [Колтухов, 1999, с. 17].

Как пишет Н.И. Веселовский, курган когда-то пробовали разрывать сверху, и грабительская яма прошла чуть более, чем в полуметре от этого захоронения, не задев его.

В насыпи встречались многочисленные камни, но, по мнению Н.И.Веселовского, они относились к другим, более древним гробницам, находящимся ниже.

На север от описанной выше гробницы находилось вырытое в материке основное захоронение (рис. 32, 2), перекрытое деревом, впоследствии обрушившимся, в котором находился окрашенный охрой костяк в скорченном положении. У кисти правой руки находился большой оселок. Размеры этой гробницы длина внизу 2,1 м, ширина вверху 1,65 м, внизу 1,35 м.

С левой стороны траншеи оказалась впущенная могила, вырытая в насыпи, только доходившая до материка (рис. 32, 3) такого же характера, что и предыдущая. Окрашенный охрой скелет лежал на досках, был обращен головой на восток, согнутыми ногами на запад. У руки находился большой точильный брусок. Вероятно, к этой могиле относились дикарные камни, встретившиеся в насыпи.

Для более полного исследования этого кургана были прорыты еще две траншеи, с востока и с запада (рис. 32). В восточной не оказалось гробницы, а в западной, исследованной преподавателем мужской гимназии А.О. Кашпаром в присутствии профессора Бреславльского университета Гремилера, открыта была детская гробница, имевшая форму круглого колодца, вырытого в материке, 1 м диаметром, глубиной 1,2 м. Скелет находился в скорченном положении.

В 1973 г. Северо-Крымская экспедиция (исследователь В.А. Колотухин, руководитель экспедиции А.А. Щепинский) завершила раскопки «Золотого кургана», разобрав остатки насыпи на снос. Были обнаружены погребения эпохи бронзы, находок скифского времени больше не было [Колтухов, 1999, с. 9].

Второй из исследованных в землях А.А. Нестроева курган находился на севере от предыдущего через балку, был высотой 2,1 м (рис. 8). Ширина раскопочной траншеи, проведенной с юга, составила 4,2 м шириной и 12,6 м вглубь кургана. В насыпи встречено много дикарных камней и громадных известняковых плит, частью уже разбитых и лежащих в беспорядке, что свидетельствовало о неоднократных разграблениях кургана. В насыпи встречено 3 бронзовых наконечника стрел, а ближе к центру кургана слой человеческих костей, находившихся в беспорядке, и черепа. Под ними недалеко от поверхности оказалась неглубокая впускная могила прямо на материке, вероятно, средневекового времени. При скелете найдены железные предметы: длинный меч-сабля, ручка которого находилась у правого плеча покойного, при сабле были две круглые железные пряжки, у верхней пряжки находилась орнаментированный костяной предмет. В головах и ногах находились наконечники копий со втулками и остатками древков, а также наконечники пяти меньших копий. Сохранились волосы покойного – рыжего цвета. На север от него была положена лошадь, обращенная к покойному спинным хребтом. При ней оказались железные стремена, удила и бронзовый бубенчик. В насыпи был найден точильный брусок, который, по мнению Н.И. Веселовского, мог относиться и к другому погребению, так как насыпь была перемешана в результате грабительских ям.

В материке оказалось две гробницы. Первая, на расстоянии 4,2 м от начала траншеи, представляла собой квадратную яму со стороной 2,3 м, глубиной 1,5 м. Она

была устроена в уже готовом кургане, что было отмечено В.И. Веселовским, по отвалу белого материкового грунта, лежащего на насыпи толщиной до 0,35 м. В могиле находились 6 окрашенных костяков, составлявших две группы по 3 костяка, в сильно скорченном положении, головами на восток. В головах у третьего скелета северной группы и у первого скелета южной группы оказалось по бронзовому наконечнику копий. Найден также кусок кремня [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 26 об., ОАК, 1890, с. 7-8, ИТУАК, 11, 1890, с. 150].

Вторая могила в виде ямы с оштукатуренными стенами, размерами 1,8 м х 1,2, глубиной 1,25 м, находящаяся в 4,2 м к северу от предыдущей, имела первоначально бревенчатое перекрытие. Она содержала окрашенный костяк в скорченном положении, головой на восток. У головы находилось бронзовое копье.

В восточной поле кургана находилась, по-видимому, еще одна гробница, составленная из громадных плит из местного известняка, которые лежали здесь в беспорядке. Проведенные раскопки показали, что гробница полностью разграблена и разрушена.

Таким образом, в этом кургане, сооруженном еще в эпоху бронзы, были впускные погребения, и одно из них, по мнению С.Г. Колтухова [Колтухов, 2001, с. 62], с которым следует согласиться, могло быть «коллективной» плитовой гробницей. Здесь найдены огромные каменные необработанные плиты, масса костей, бронзовые наконечники стрел.

Третий курган, в 2,1 км к северо-западу от предыдущего, высотой 3,5 м, был раскопан глухой траншеей с юга. На расстоянии 8,5 м от края насыпи показалась впущенная на глубину 1,5 м детская могила, при которой были найдены бронзовые проволочная серьга, небольшой четырехгранный стержень, круглый лепной круглодонный горшочек черной глины и 19 астрагалов. Костяк лежал с подогнутыми ногами.

Под этой могилой в материке находилась другая, тоже детская, костяк с подогнутыми ногами. Могила длиной 1 м, шириной 0,7 м обложена камнями и перекрыта деревянными балками.

К западу от предыдущей могилы находилась третья, тоже детская. Скелет лежал на каменной плите, в головах находились куски красной краски и комочек белой. Здесь же был раздавленный горшок черной глины.

В кургане находились еще другие погребения. Следы полностью разрушенной впускной гробницы стали попадаться при приближению к центру кургана в виде огромных вывороченных плит, и между ними остатки каменной скульптуры (рис. 35), слоя человеческих костей. Возможно, это остатки «коллективного» погребения.

В насыпи была обнаружена громадная плита, под которой находился скелет, лежащий на утрамбованной лежанке, головой на запад, на спине, в вытянутом положении, сверху перекрыт деревом. Слева находился железный наконечник копья со втулкой.

Основное погребение было обнаружено в левой части траншеи с помощью мины. Когда стали пробивать мину, с правой стороны ее оказался череп, причем рабочий зацепил маленькую золотую спираль, собранную из золотых и медных пластинок (медь совсем рассыпалась). Могила представляла собой овальную яму длиной 1,8 м, глубиной 1,35 м. На дне ямы было прямоугольное углубление 1,3 м х 0,6, глубиной 12 см, в которой лежал скелет с загнутыми назад ногами, головой обращенный на восток. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл.27об- 28, ОАК, 1890, с. 10-11, ИТУАК, 11, 1890, с. 151].

Можно заключить, что данный курган был насыпан в эпоху бронзы, в нем имелись впускные захоронения скифской эпохи и, возможно, «коллективное» захоронение позднескифского времени.

Курган на землях С. И. Генкеля

В соседнем с талаевским имении С.И. Генкеля (см. рис. 9) в 1890 г. был частично раскопан громадный курган более, чем 10-метровой высоты, находящийся в долине (рис. 8). Он был самым крупным в окрестностях. Этот курган отмечен был и на карте 1955 г. как очень высокий, имеющий высоту 7 м. Курган был исследован Н.И. Веселовским траншеей с юга. В нем были найдены две впускные могилы. Первая представляла собой крытую деревом яму (1,5 м х 0,7 м, глубиной 0,7 м) с окрашенным охрой скелетом, лежащим на боку, с согнутыми в коленях ногами. У пояса найдены бронзовая пряжка, три зуба с дырочками, костяная палочка с двумя шариками на одном конце, каменный скребок.

Вторая впускная могила находилась от первой на 4,2 м к востоку. Она была детской, имела овальную форму (1,9 м х 1,8 м, глубиной 0,2 м), далее продолжалась прямоугольным ящиком длиной 1,2 м х 0,7 м. Дно могилы было покрыто тонким слоем краски, которая встречалась вместе с белой краской и в кусках. Окрашенный охрой скелет лежал головой на восток с согнутыми ногами. Под головой был найден фрагмент гвоздеобразного бронзового предмета длиной 4-6 см, скорее всего, головной булавки. В насыпи кургана найдены обломки сосуда из черной глины с орнаментом, сделанным ногтем. Раскопки здесь были в 1890 г. на этом закончены, но полное исследование кургана осталось, конечно, не завершено, так как по замечанию А. Стевена, «громадная величина этого кургана, раскопанного еще в незначительной части, дает основание надеяться, что в нем может быть найдено большое число могил» [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 36- 36 об., ОАК, 1890, с. 10-11, ИТУАК, 11, 1890, с. 152-3].

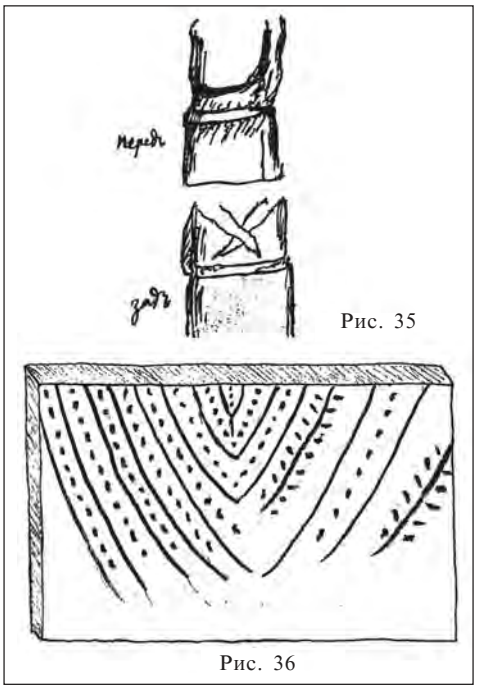


Рис. 35

Рис. 36

Рис. 35. Обломки «каменной бабы», обнаруженной в кургане № 3 в имении А.А. Нестроева. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, л. 27 об.].

Рис. 36. Плита из каменного ящика, расписанная черной и красной красками из кургана № 1 1890-1891 г. в имении С.И. Генкеля. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1891, д. 22, л. 22].

Раскопки этого кургана были продолжены в следующем, 1891 г. При продолжении южного раскопа здесь была вскрыта впущенная на 3,2 м вглубь насыпи гробница в виде прямоугольного ящика из четырех расписанных черной и красной красками притесанных плит (рис. 35), покрытых сверху громадной пятой необработанной и неокрашенной плитой. Боковые плиты сделаны из мягкого белого известняка. Размеры гробницы внутри: 1,5 м х 0,9 м, глубина 0,75 м. Ориентировка гробницы с севера на юг. Внутри было безынвентарное погребение, костяк находился в сидячем или скорченном положении.

Перед этой гробницей оказалось другая, впущенная до материка, перекрытая сверху толстыми бревнами, в которой находились три окрашенных охрой скелета в скорченном положении: два скелета сверху, один внизу, под ними.

Дальнейшие работы на этом были прекращены [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1891, д.22, лл. 22-22 об.].

Таким образом, этот курган, насыпанный в эпоху бронзы, содержал несколько впущенных погребений той же эпохи. Он остался недоисследованным.

В 1967 г. Т.Н. Высотская раскопала курган неподалеку от городища Кермен-Кыр [1968, с. 116-117]. Курган, возведенный еще в эпоху бронзы, содержал пять впускных грунтовых склепов со ступенчатыми входными ямами, забитыми камнями и плитами. Склепы имели овальную или почти круглую форму и содержали от 4 до 8 погребенных. Суммарная дата погребений II-I вв. до н.э.

II. Курганы к северо-востоку от Симферополя

В 1924-25 гг. Н.Л. Эрнст проводил разведки и раскопки курганов неподалеку от Симферополя на гряде, тянущейся над шоссе, ведущим в Белогорск. Им составлена очень точная схема расположения этих курганов [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 107, л.5], построенная на основе полуверстовой карты конца XIX в., поэтому локализация курганов, о которых идет речь, не составляет труда. В 1924 г. им осмотрено здесь около 30 курганов, из которых большая часть разрыта кладоискателями или добытчиками камня. Только невысокие курганы оказались нетронутыми. Из этой группы Н.Л. Эрнстом намечены к раскопкам следующие: 2-9, 11-13, 18, 19, 26 (см. карту на рис. 8). В 1924 г. были раскопаны три кургана №№ 2, 5 и 6. Все курганы были невелики (до 1 м высотой). Раскопки проводились с помощью учеников Симферопольской опытно-показательной школы. Все курганы раскапывались с помощью траншеи, проходящей поперек их с юга на север.

Курган 2, высотой 1 м, окружностью 47 м. При предварительном прощупывании в юго-восточном секторе кургана найдена была лежавшая на глубине 25-30 см, в 6 м от вершины, каменная четырехугольная плита размерами 107х70х15 см (она опубликована в 1958 г. А.А. Формозовым [Формозов, 1958]. На верхней ее поверхности оказались высеченные углубленные изображения: две примитивные фигуры (один с растопыренными пальцами обеих рук, другой идущий), шесть изображений топориков различной формы и несколько фигур непонятного значения. Боковые грани тоже обработаны. На задней стороне плиты имеется изображение топорика и несколько прямых борозд. Такие же борозды есть и на одной из длинных боковых граней. На одной короткой боковой грани имеются два ряда углублений, впрочем, они могут быть и естественными. На одной из боковых граней никаких изображений нет. Вероятно, данная плита первоначально стояла в виде памятника на одной из коротких граней [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 109, л. 4 об.-5].

Плита в кургане прикрывала яму 70х45 см, глубиной 40 см, на дне которой стояли два небольших горшочка красноватой глины. Больше ничего в данном углублении не было.

В центре кургана на дне погребальной ямы глубиной в 1,52 м под поверхностью кургана и 0,85 м над уровнем дневной поверхности обнаружены два погребения; одно из них, основное, было нарушено другим, впускным. Позднее впускное погребение находилось в обширной яме размерами 2,48 х 1,35 м, ориентировано на северо-восток. Мужчина лет 25-30, слабого сложения, небольшого роста (1,54 м), лежит головой на северо-восток. У левой руки сабля длиной 1,25 м, на животе костяная пряжка, треугольная с дырочками и другая костяная пряжка в виде челнока. Рядом с юго-востока погребен конь. Погребены лишь голова лошади, ноги и хвост. Основного скелета нет. В пасти – железные удила,

на ноге – стремя. Тут же лежат железное колечко и стерженек. Отмечены следы деревянной балки, которая, возможно, поддерживала шатер над покойным. Н.Н. Эрнст относит это погребение к позднекочевническим, после X-XI вв.

Более древняя, основная гробница этого кургана представляет собой безынвентарное погребение. Костяк лежал в вытянутом положении на боку, головой на запад, лицом к югу. Датировать его, по мнению Н.Л. Эрнста, не представляется возможным.

Второй раскопанный курган (№6 на карте на рис. 8) расположен у края обрыва над д. Абдал-Старый. Высота его 0,7 м, окружность 58 м. Он был распахан; содержал только одно погребение, которое было совершено в большой яме размерами 3,1х2 м, ориентированной с юго-запада на северо-восток на глубине 1,65 м от верхней точки кургана и 0,95 м от дневной поверхности. Скелет в вытянутом положении лежал головой на юго-запад. Под колени и под кисть правой руки были подложены большие плоские камни. У правой руки лежал пучок бронзовых трехгранных наконечников стрел с обратными шипами. Здесь же находился низкий чернолаковый килик с загнутыми вверх ручками, возможно, херсонесского происхождения. Лак сосуда не чисто черный, а с зеленовато-бурым оттенком. Сверху весь килик покрыт лаком, только на донышке оставлено несколько концентрических кружков и процарапана буква «дельта». Рядом с киликом стоял большой лепной шарообразный горшок без ручек из черной глины. Направо от головы на плоском камне лежали два больших железных наконечника копий (50 и 35 см длиной) в виде плоского расширенного острия со втулками для древка. У правой ноги лежал тупой трубчатый железный наконечник, по-видимому, для конца одного из древков копий. У ног лежали крупные кости быка или лошади. Покойник был мужчиной лет 30-ти, среднего роста (162 см). Вся могильная яма была заполнена крупными камнями-плитняками местной породы. Вероятно, здесь был погребен скифский воин эллинистической эпохи, скорее всего, IV в. до н.э.

Третий из раскопанных курганов высотой 0,8 м содержал основное погребение в яме, ориентированной с востока на запад, размерами 2,07 х 1,52 м, глубиной в 1,57 м от поверхности кургана и 0,75 м от дневной поверхности. На дне ее, усыпанном мелкой речной галькой, находился скелет, на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Перед грудью лежали два наконечника стрел – бронзовый трехгранный с канальцем и кремневый, треугольный. Тут же находился лепной сосуд из грубой глины, с коническим донышком и одной ручкой. Между сосудом и скелетом лежали несколько костей барана. У южной стенки лежали более крупные кости быка. Покойник был очень высокого роста (1,78-1,8 м). Н.Л. Эрнст относил это погребение к концу бронзового – началу железного века.

Рядом с этой могильной ямой, к югу от нее находилась яма размерами 1,67 х 1,5, глубиной 0,9 м, совершенно пустая.

Точно под вершиной кургана и точно над основным погребением было впускное более позднее захоронение на глубине 0,7 м под поверхностью кургана среди камней, насыпанных над основным погребением. Скелет лежал на камнях, в вытянутом положении на спине, головой точно на восток. У левого локтя стоял простой лепной горшок черной глины. Между левым локтем и ребрами лежал каменный оселок с ушком для подвешивания длиной 18 см. Между ногами – песчаниковая пластинка в форме треугольника со срезанными углами высотой 7 см, толщиной 0,5 см. Внутри черепа обнаружена одна бусина из тонкой желтой египетской пасты, подобно бусам из неаполисского склепа. К востоку от черепа лежали 4 ручных каменных жерновов - курантов диаметром 7-8 см, высотой 3,5-4 см. Скелет принадлежал мужчине лет 40-ка. Н.Л. Эрнст считает его погребением бедного крестьянина поздескифской эпохи, т.е. римского времени. Т.Н. Троицкая опубликовала

некоторые вещи из этого кургана [Троицкая, 1957, с. 175]. Она считает, что это погребение следует отнести к ранне-скифской эпохе.

Все захоронения совершены в простых грунтовых ямах [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 109, л. 4 об.-7].

На следующий, 1925 год раскопки в данном районе продолжались. Курганы дали только окрашенные скорченные костяки, то есть они относились к бронзовой эпохе [ИТОИАЭ, т. IV, с. 80].

Таким образом, в районе Бахчи-Эли курганы, расположенные по краю обрывов плато, были сооружены в эпоху бронзы (примерно ¾ из исследованных) и в скифскую эпоху. В одном из курганов погребен скифский воин IV в. до н.э., еще в одном – погребение, относящееся к поздескифской эпохе.

В 1995 г. был частично раскопан курганный могильник у с. Белое, который географически примыкает к курганам у Бахчи-Эли [Колтухов, Тощев, 1998, с. 27- 40]. Все три раскопанных кургана были сооружены еще в эпоху бронзы, и только один курган содержал впускное скифское захоронение [там же, с. 31-33].

III. Курганы в Симферополе

Симферопольский курган у дороги на Курцы

Курган, расположенный почти на обрыве в юго-восточной части возвышенности над Симферополем, на которой в северной части находится Неаполь Скифский, был раскопан в 1890 г. А.Х. Стевеном, А.И. Маркевичем и А.О. Кашпаром. Расстояние от южной границы Неаполя до этого кургана составляет около 3,5 км. Его локализация не составляет труда, так как это единственный курган, отмеченный на карте-полуверстке конца XIX в. Дополнительное указание на то, что курган находится вблизи дороги на д. Курцы только вносит дополнительную уверенность в локализации кургана на местности. На карте масштаба 1:50000 съемки 1955-62 гг. с рекогносцировкой по аэрофотоснимкам 1986 г. на этом кургане помечен триангуляционный знак и стоит отметка абсолютной высоты 464,0 м.

Данный курган неоднократно рассматривался исследователями [ИТУАК 10, 1890, 1890, с. 107-110; Троицкая, 1951, с. 97; Дашевская, 1991, с. 52,53; Колтухов, 2001, с. 62; Пуздровский, 2007, с. 21, 92]. Высота кургана около 2 м. В нем находился каменный склеп, составленный из известняковых плит, сверху перекрытых круглой плитой из «гранита», к которой примыкали еще три плиты из такого же камня в виде сегментов кольца, четвертая плита была отодвинута, что и открыло доступ в гробницу. Любопытно, что особый вид горной породы «гранит», по словам А. Маркевича [ИТУАК 10, 1890, с. 108], который применен для плиты перекрытия кургана, имеется в районе д. Курцы (совр. Украинка), а также несколько к северу от нее, в д. Джиен-Софу (совр. Петропавловка).

При разграблении могилы рабочими в 1889 г. было найдено множество костей, не менее 20 человеческих черепов. При расчистке склепа в 1890 г. найдены еще 6 черепов, обломки амфоры, других черепков, кремня, точильный брусок, четыре золотых и три простых бусины, речная раковина (Unio Steveniana), часть фибулы, более 200 чешуек железного панциря, две маленьких тарелочки черной глины и бычья кость.

Вероятнее всего, склеп был сооружен в IV-III вв. до н.э. и затем использовался для «коллективного» погребения в поздескифскую эпоху.

Курган Неаполя Скифского, 1949 г.

Этот курган находился под полотном дороги от городища к алуштинскому шоссе. Он исследовался в 1949 г., а затем в 1956-57 гг. [Бабенчиков, 1957, с. 118-141; Сымонович, 1983, с. 13-14; Черненко, 1968, с. 116, 117]. По мнению исследователей, курган состоял из двух насыпей, высота насыпи 1 м, наибольшая длина 25 м. Курган был обнесен каменной крепидой. Первоначально курган был сооружен над каменным склепом IV в. до н.э., затем в курган были впущены две гробницы в виде грунтовых ям с многочисленными подхоронениями позднескифского времени. Захоронения в кургане более ранние, чем на восточном грунтовом некрополе Неаполя Скифского.

IV. Курганы к югу от Симферополя

Тавельские курганы в имении Ю.П. Попова

В 1897 г. в имении Ю.П. Попова «Тавель» Ю.А. Кулаковским были раскопаны четыре кургана. Два из них содержали «коллективные» захоронения, которые уже неоднократно упоминались в научной литературе [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1897 г., д. 88, л. 41 об.-42 об.; Кашпар, ИТУАК 28, 1897, с. 200-202; Троицкая, 1951, с. 95; Колтухов, 2001, с. 63-64; Пуздровский, 2005, с. 22-24]. В первом из них, расположенном на возвышенности высотой 2 м, была вскрыта каменная гробница почти круглой формы диаметром 3,5 м [ИТУАК, 28, 1897, с. 201] (по другой версии – овальной 3,5 х 6 м [ОАК, 187, с. 37]), свод над ней также был сделан из длинных плит, вся могила была засыпана слоем камней в 0,7 м толщиной. В склеп вел дромос с южной стороны длиной 3,55 м, шириной 0,57 м. В могиле было найдено множество костяков, большинство из которых были обращены головами на север. Ю.А. Кулаковский насчитал более 50 черепов. Среди костяков были найдены скифская лепная битая посуда, а также несколько целых тарелочек, множество разнообразных по цвету и материалу бус. Преобладали бронзовые вещи: браслеты, кольца, серьги, фибулы. Железные вещи плохо сохранились и не описываются подробно Ю.А. Кулаковским. Из золотых вещей оказалась только маленькая нашивная бляшка с тисненным орнаментом, найдено было несколько серебряных колечек и серег.

Около 1 км к югу от этого кургана находились еще три кургана, расположенных треугольником. Они все были раскопаны Ю.А. Кулаковским в этом же году.

Первый из этой группы курган, высотой 1,5 м, имел насыпь, почти целиком состоящую из камней, как и предыдущий описанный курган. Вероятно, это объясняется геологической особенностью, а именно: каменистой поверхностью местности. В центре кургана находилась квадратная гробница со стороной 4 м, глубиной 1,65 м. С южной стороны в гробницу вел дромос, заложенный большими плитами. По дну гробницы костяки лежали в четыре яруса – один над другими, завалившие их камни передавили и перемешали кости. Среди вещей, которые, по мнению Ю.А. Кулаковского, близки к вещам из некрополя Неаполя Скифского, были найдены три бронзовых монеты-подвески, которые, по мнению автора раскопок, могли быть боспорскими по размеру кружков, а на одной, как ему кажется, читается «лицо Савромата» [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1897 г., д. 88, л.42 об.]. Эти монеты позднее были определены как ольвийская III в. до н.э., вторая – как херсонесская [Мосберг, 1946, с.114; Дашевская, 1991, с. 52]. Это погребение датируется II-I вв. до н.э. [Колтухов, 2001, с. 64].

Многие из найденных вещей хранятся в Симферопольском историко-краеведческом музее и опубликованы Т.Н. Троицкой [1957, с. 184-189].

Рядом с предыдущим был раскопан еще один курган, в котором находилась каменная четырехугольная гробница, окруженная большими плитами и покрытая такими же плитами.

Она была полностью разграблена, костяк был только один, кости были разбросаны, а черепа не было. Из вещей остались только несколько разных бус и черепок тарелочки из черной глины [ИТУАК, 28, с. 201-202].

Наконец, четвертый из раскопанных в 1897 г. оказался разграбленным, но в нем тоже была похожая гробница из каменных плит. Возможно, что два последних кургана также содержали коллективные захоронения, но ввиду полного разграбления курганов, об этом можно судить только предположительно [ИТУАК, 28, с. 202].

Еще один курган из этой группы раскапывался Ю.П. Зайцевым и В.И. Мордвинцевой в 2002-2003 гг. Насыпь была возведена еще в эпоху бронзы, курган содержал впускные погребения эпохи бронзы и средневековья. В центре кургана находился впускной каменный прямоугольный склеп (5,5 м х 3,83 м), содержащий более 50 погребенных [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 174, 175]. Датировка «коллективного» погребения I в. до н.э. – I в. н.э.

Локализация этих курганов может быть проведена довольно однозначно, так как в окрестностях Краснолесья (б. Тавель) вообще курганов немного (рис. 10).

Курган на землях П. В. Давыдова

В 1891 г. Н.И. Веселовский раскопал курган близ д. Саблы в имении П.В. Давыдова. Недавно были опубликованы материалы этого кургана, а также дана характеристика погребениям, в нем сделанным [Журавлев, Фирсов, 2001; Колтухов, 2001, с. 62]. В кургане раскопано разграбленное «коллективное» захоронение, которое датируют по- разному: от III-II в. до н.э. [Хазанов, 1960, с. 29, 34] до I-II в. н.э. [Дашевская, 1991, с. 53].

Отметим только кратко, что локализация этого кургана на карте затруднительна, так как ни в архивных данных, ни в публикации нет необходимых упоминаний для обнаружении его на местности. В отчете Н.И. Веселовского есть только самые общие сведения, что курган находится в имении П.В. Давыдова в Саблах, в 15 верстах (примерно 16 км) к югу от Симферополя. Единственное, что можно использовать для локализации, это указание на высоту кургана «в сажень с небольшим». Таких курганов в указанной местности на карте-полуверстке конца XIX в. всего три (рис. 10). Ближайший к имению находится на хребте Белый, в цепочке с другими курганами. Над ними располагаются сразу два позднескифских укрепления: городище и селище Змеиное, которое датируется III-II вв. до н.э. – III в. н.э., и городище-убежище с селищем Таш-Джарган, находящееся на более раннем таврском поселении. Вероятно, данное «коллективное» захоронение относится к одному из городищ.

В имении Давыдова в следующем, 1892 г. был раскопан еще один небольшой курган эпохи бронзы высотой 1,7 м, в котором оказалось четыре гробницы с костяками в скорченном положении и окрашенными охрой [РА ИИМК, ф. 1., оп. 1, д. 13, 1892, л. 26 об., ОАК, 1892, с. 13].

Курганы на землях Н. Н. Гротена

В имении Н.Н. Гротена, в верховьях Салгира, в местности Ени-Сала находятся захоронения в каменных ящиках под небольшими каменными курганами. Особенно их много на краях возвышенного плато, называемого Метерес-Кыр. Это плато помечено на межевом плане, хранящемся в РГАДА (ф. 1354, оп. 478, д. Е4) – см. рис. 37. В 1890 г. Н.И. Веселовским проводились раскопки нескольких курганов, под каменными насыпями которых находились плитовые ящики, а в них – скорченные костяки. Вокруг них возведены были четырехугольные оградки из камней. Эти оградки во времена Гротена активно разбирались на хозяйственные нужды.

Н.Н. Гротен предпринимал попытки раскапывать находящееся здесь же некое укрепление правильной восьмиугольной формы (крепость помечена на межевом плане, см. рис. 37),

Рис. 37. Фрагмент межевого плана 1876 г. имения Нестора Нестеровича и Максимилиана Нестеровича Гротенов Ени-Сала, хранящегося в РГАДА, ф. 1354, оп. 478, д. Е4. Показаны гора Метерес Сыр (1) и восьмиугольное укрепление (2) на ней.

а к востоку от него – курган, который шел под распашку. Н.И. Веселовский предпринял доследование кургана, в котором он обнаружил большую каменную плиту, а рядом еще 6 меньших плит. Заложенный раскоп составил 7,5 м х 6,3 м. Здесь под слоем камней была обнаружена шестигранная тумба, сужающаяся к одному концу, высотой 0,35 м. Далее находились три гробницы, две земляные и одна каменная, а затем еще семь гробниц, окружавших центральную. Основная гробница, длиной 2,1 м, была составлена из плит и обложена камнем, среди которого найдено 3 железных наконечника копий. В гробнице обнаружен деревянный гроб с медным крестом наверху. Под крестом находились остатки кожи. Костяк лежал на спине, головой на запад. На нем находились пряжка у пояса и бронзовые пуговицы. Все скелеты в прочих могилах лежали головами на запад, в некоторых могилах было по два и по три скелета, в одной было три детских черепа [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 36 об. - 37, ОАК, 1890, с. 11-12]. Погребение, очевидно, средневековое.

В 1994 г. Крымской охранной экспедицией под руководством С.Г. Колтухова был раскопан курган на северной окраине с. Чистенькое в 7 км к югу от Симферополя, между железной дорогой и шоссе Симферополь-Севастополь [Колтухов, Тощев, 1998, с. 40-51; Зайцев, Колтухов, 2004]. Высота кургана 3,5 м. Основное погребение эпохи бронзы. Одно из впускных захоронений является воинским погребением, которое датируется по разному: III в. до н.э. [Храпунов, 2004, с. 102], вторая половина или вторая-третья четверть II в. до н.э. [Зайцев, 1999, с. 141, 144], конец II в. до н.э. – начало I в. до н.э. [Колтухов, 1997, с. 155]. Еще одно захоронение, полностью разграбленное, содержало кости человека и лошади.

ЛИТЕРАТУРА

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I – Запорожье. 1999

Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. Книга II. – Запорожье. 2001.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга III. – Запорожье, 2004.

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя-Скифского. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 91-118.

Белов А.Ф., Ляшко С.Н. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. 1991.

Бекетов А.Н. География растений: Очерк учения о распространении и распределении растительности на земной поверхности с особым прибавлением о Европейской России. СПб.: Типография В. Демакова, 1896.

Бильде П. Гульдагер, П. Аттема, С.Б. Ланцов, Т.Н. Смекалова, В.Ф. Столба, Т. де Хаас, С. Хандберг, К. Винтер Якобсен. Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 г. // «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок». Санкт-Петербург. 2007. Материалы международной научной конференции. С. 107-118.

Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра). СА. 1990. № 4, с. 30-44.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. К вопросу о локализации гавани Кремны. Скифы Северного Причерноморья. Киев: «Наукова Думка», 1987. С. 40-48

Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии в IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Ksiega poswiecona pamieci profesora Tadeusza Sulimirskego. Krakow, 2004. с. 85-91.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. К. 1985.

Бунятян Е.П. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практтика археологічних досліжень. К. «Наукова Думка», 1994.

Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Издательство ХГУ. 2007.

Веселовский Н.И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок. // Труды XIV Археологического съезда, 1911.

Высоцкая Т.Н. Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр. Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, «Наукова думка», 1968. с. 113-114.

Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. Вып. 1. Симферополь, 2001.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. К. 1999.

Граков Б.Н. Скифы. М. 1971.

Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов. М. 1930. т. 5.

Граков Б.Н. Γυναικοκρατουμενοι. (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ. 1947, № 3, с. 100-121.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. 1950.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников (САИ) Д1-7. М., 1991 г.

Докучаев В.В. Русский чернозем. СПб., 1883.

Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892.

Древности, изданные временною Комиссиею для разборки древних актов. К. 1846.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. К. 1987.

Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. К. 1991.

Ельницкий Л.А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.

Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму. Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ, вып. 118, М. 2001. с. 223-229.

Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности. Труды Москоского археологического общества. М. 1865, т. 1.

Зайцев Ю.П. The ceramic complex of the Scythian fortress Ak-Kaja 4th to 1st century BC. Доклад 29.11.08. на семинаре «Pottery, People and Places: Study and Interpretation of Late Hellenitic Pottery», 27-30 November, 2008, Aarhus-Sandbjerg.

Зайцев Ю.П. Скилур и его царство. (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. №2, с. 127-147.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.П. Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004, с. 174-204.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина у с. Чистенькое. Боспорские исследования, т. VII, с. 242-259.

Зубарь В.Н., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь-Керчь. 2006.

Зябловский Е.Ф. География Российской империи, СПб., 1831

Измаильский А.А. Как высохла наша степь. Полтава. 1893.

Измаильский А.А. Влажность почвы и грунтовая вода в связи с рельефом местности и культурным состоянием поверхности почвы, Полтава, 1894

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия. VII-IV вв. до н.э. Киев: «Наукова думка», 1983 г.

Кашпар А.О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. ИТУАК 24, 1896.

Кламм М., Фиброк Г., Мейер Б. Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К. 1991.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы степного Крыма. Симферополь. 2000.

Колотухин В.А., Тощев Г.Н. Курганные древности Крыма. Ч. III, Запорожье, 2000.

Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Скифский курганный могильник у с. Братское в степном Крыму. Старожитності степового Причерномор'я і Криму. XIV, Запоріжжя. 2007, с. 94-109

Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И. Два кургана в междуречье Альмы и Качи. Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1, 1997, с. 4-24.

Колтухов С.Г. «Золотой» Симферопольский курган. Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999, с. 7-20.

Колтухов С.Г. О крымских курганах с «коллективными погребениями». Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ, вып. 118, М. 2001. с. 59-70

Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника. Древности Боспора, № 9, с. 228-259.

Краснов А.Н. Травяные степи северного полушария. М., 1893.

Кропотов В.В., А.М. Лесков. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. 2006. N84. С. 25-39

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М. «Наука». 1975.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 52-65.

Курочкин Г.И. Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов). Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 105-117.

Курочкин Г.И. «Царские» курганы европейский и азиатской Скифии (сравнительный анализ и возможность исторических реконструкций). Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991, с. 18-22.

Кутайсов В.А. Караджинское городище в северо-западном Крыму. Историческое наследие Крыма. № 5, с. 5-15.
Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. 1893, т. 1.
Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. К., 1974.
Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981.
Макаренко Н.Е. Первый Мордвиновский курган. 1916.
Манцевич А.П. Ритон из Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957, с. 155-173.
Марченко И.Д. Поздеархаическая мастерская ремесленника в Пантикапее. СА, 1971. № 2, с. 153-154, рис. 2,*4*.
Масленников А.А. Скифы на Боспоре в III-I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск 1993, с. 58-68
Масленников А.А. Древние греки в Крымском Приазовье. ВДИ, 1994. № 2 с. 78-93.
Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. н.э.). Боспорский сборник, № 8. М., 1995.
Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. М. 1998.
Мозолевський Б.Н. Товста Могила. К. 1979.
Мозолевский Б.Н. К вопросу о Скифском Герросе // СА. 1986. №2.
Мозолевський Б.Н. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія, 1990. №1, с. 122-138.
Мозолевский Б.Н., Полин С.В., Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. К.: Издательство «Стилос». 2005.
Молев Е.А. К вопросу об уплате боспорскими царями дани варварам // Античная гражданская община. Л. 1986, с. 176-189.
Мордкович В.Г. Степные экосистемы. Новосибирск. 1982.
Мосберг Г.И. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА 1946, № 8.
Мурзін В.Ю., Ролле Р. Основні підсумки сучасного досліжения кургану Чортомлик // Археологія, 1989. №1.
Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К.: «Наукова думка». 1990.
Ольговський С.Я. Обробка міді І бронзи у нижньому побужжі та лесостеповій Скіфії в VI-V ст. до н.е. Стародавнее виробництво на території України. Київпв. 1992. С. 72-78.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII — III вв. до н.э.). М. 1991.
Ольховский В.С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: «Наука». 2005.
Островерхов А.С. К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов. ВДИ, 1973, с. 115-126.
Пачоский И.К. Причерноморские степи (ботанико-географический очерк) // Записки общества сельского хозяйства Южной России, № 7—9. 1908.
Пачоский И.К. Описание растительности Херсонской губернии. Т.П. Херсон, 1917.
Подгородецкий П.Д., Щепинский А.А., Шумская А.Л. Природа Крыма и ее освоение в эпоху энеолита (опыт историко-ландшафтного анализа). Физическая география и геоморфология. Вып. 30. Киев. Из-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 1983. С. 57- 65.
Подгородецкий П.Д., Щепинский А.А., Шумская А.Л. Природа Крыма и ее освоение в эпоху бронзы (опыт историко-ландшафтного анализа). Физическая география и геоморфология. Вып. 31. Киев. Из-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 1984. С. 95-102.
Подгородецкий П.Д. Северо-Западный Крым. Симферополь: «Таврия». 1979.

Полин С.В. От Скифии к Сарматии. К. 1992.
Пуздровский А.Е. Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ». 2007.
Ратнер І.Д. Картографічні матеріали як джерело для обліку курганів. Археологія, 1971, № 4, с. 99-100.
Рогов Е.Я. Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алтейя, 2005, с. 170-180.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 1925.
Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев. 1980. С. 104-114.
Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л. 1952.
Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л. 1960.
Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., Технология древнейших производств. Мезолит-энеолит. Л. 1983.
Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л., Мыц В.Л., Колтухов С.Г. Магнитометрия курганов греко-варварской и скифской знати в Крыму. В кн.: Археологические исследования на Украине в 1997-1998. К., 1999, с. 177-182.
Смекалова Т.Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров). Древности Боспора. № 10. Москва, 2006, с. 389-415
Смекалова Т.Н. Русские топографические карты XVIII-XX веков как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма. Боспорские исследования, № 17, Керчь, 2007а, с. 78-111.
Смекалова Т.Н. Организация земледельческих пространств в Керченском Приазовье. Древности Боспора. № 11. Москва, 2007б, с. 292-319.
Смекалова Т.Н., О. Восс, Мельников А.В. Магнитная разведка в археологии. СПб, Из-во Политехнического университета. 2007.
Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. Постановка задачи. Древности Боспора. № 12. Москва 2008а. с. 230-256.
Смекалова Т.Н. Курганы в Западном Крыму. Боспорские чтения, № IX, Керчь, 2008б, с. 290-299.
Смирнов К.Ф. Савроматы. М. 1964.
Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: «Наука». 1984.
Соломоник Э.И. Два античных письма из Крыма // ВДИ, 1987, №3, с. 114-131.
Спицын А.А. Археологические раскопки. СПб. 1910.
Стащук М.Ф., Супрычев В.Л., Хитрая М.С. Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. Киев. 1964.
Столяр А.Д., Щепинский А.А. Археологические памятники Симферопольского водохранилища. Часть I // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980 г., с. 81-93.
Столяр А.Д., Щепинский А.А. Курганы у Симферопольского водохранилища. Часть II // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981 г., с. 34-50.
Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства. Киев. 1983.
Тереножкин А.И. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. К. 1955, №5.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К. 1988.
Тохтасьев С.Р. Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 3.
Тохтасьев С.Р. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
Тощев Г.Н., Самар В.А. Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине // Древности Степного Причерноморья и Крыма. I. Запорожье. 1990.
Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма. Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 1, 1951, с. 85-112.

Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957, с. 174-189.

Фиалко Е.Е. Аттический кратер как символ скифского номарха // Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Ksiega poswiecona pamieci profesora Tadeusza Sulimirskego. Krakow, 2004. ñ. 149-160.

Формозов А.А. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР. СА, 1958, № 2, с. 137-142.

Фридман М.И. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине. // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К. 1987.

Хазанов А.М. Скифские коллективные погребения в Крыму. // Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М. 1960, с. 28-36.

Хазанов А.М. Эпоха древних кочевников в евразийских степях. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1975, с. 23-25.

Хазанов А.М., Шкурко А.И. Социальные и религиозные основы скифского искусства. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976. С. 40-51.

Храпунов И.Н. Поздние скифы на Днепре и в Крыму. Диссертация …. канд. ист. наук. М. 1987. 189 с.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования. Т. VI. Керчь, 2004.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев. 1968.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев. 1986 г.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. К.: «Наукова думка». 1984.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, «Наукова думка». 1981.

Черников С.С. К вопросу о классообразовании у кочевников. Проблемы советской археологии. М. 1978. с. 73-80.

Эверсманн Э.А. Естественная история Оренбургского края. Оренбург. 1840 г., часть 1. (Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губ. или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы). - Оренбург. (Пер. с нем. В. Даля).

Яковенко Э. В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976. С. 128-137.

Smekalova T., O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmak and Crimea. Geoarchaeology. 2005. Vol. 20, No. 5, p. 461-482.

T.N. Smekalova

TUMULI IN THE NORTH PONTIC AREA LANDSCAPE
I. Piedmont Crimea

Summary

The article is devoted to the problem of appropriateness of territorial and chronological spreading of tumuli in the steppes of the north Pontic area. The main scientific method revealed tumuli on detailed maps, on a half verst scale military map of the close of the 19th century.

Natural peculiarities of steppes determining way of life and occupation of the peoples who lived in steppes are observed. Common questions concerning the reasons of creating of tumuli, the process of building them, natural materials that were used, dimensions of barrow mounds, labour resources spent for constructing are touched upon.

The map of over 15,750 tumuli in the Crimea has been made for the first time in the Crimea. Three regions are notable for their higher concentration of tumuli if to be compared to the other regions of the peninsula. These are the regions of (1) the Kerch Peninsula, (2) Tarkhankut and (3) piedmont Crimea. High concentration of tumuli in first two regions can be explained. They were left by settled Scythians for the most part. That process was influenced by Greek centres. Burial constructions are crypts and boxes with repeated nonsynchronous burials.

Combined analysis of the map of allocation of tumuli in the Crimea, archive and published archaeological and cartographical materials, observation on location give grounds to conclude the processes of settling of the Scythians in eastern, north-western and piedmont Crimea followed different paths. Most probably the area of piedmont Crimea was the territory where nomadic «Kingly» Scythians roamed.

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

БРОНЗОВЫЙ НАГРУДНИК ПАНЦЫРЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОЛОВЫ МЕДУЗЫ ИЗ КУРГАНА № 6/1914-1915 У СТ. ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ В ПРИКУБАНЬЕ

При раскопках кургана № 6 у ст. Елизаветинской Н. И. Веселовским в 1914 г. была выявлена грабительская яма с уступами. Внутри нее оказались каменные блоки от разрушенного склепа, бронзовые пластинки от панцыря и бронзовый панцырный нагрудник с рельефным изображением головы Медузы (рис. 1-2)[1]. В следующем году была выявлена большая квадратной формы могильная яма, в центре которой был сооружен каменный склеп размерами 5,0 х 5,0 м из тщательно отесанных плит белого известняка, от которого сохранилось лишь четыре ряда фундамента, полностью ограбленный, на уступах грабительской воронки были найдены три золотые бляшки с изображением Ники (Архив ИИМК, д. 1914/61, л. 16; д. 1915/39, л. 5-7; ОАК за 1913-1915 гг., с. 155-157, рис. 236). Л.К. Галанина датирует найденные в Елизаветинском кургане № 6 золотые бляшки прямоугольной формы с изображением Ники в рамках второй половины IV в. до н.э. [Галанина 2003, с. 93, рис. II; с. 98, № 38]. Помимо при-

Рис. 1. Бронзовый панцырный нагрудник из кургана № 6 у ст. Елизаветинской. Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, инв. Ку 1914 1/8. Фото М. Трейстера.

[1] В. 43, 5 см, макс. Шир. макс (один край утрачен) 42.7 см (первоначальная ширина пластины в этой части 47 см). По линии нижних углов вырезов – шир. 37 см. По левому вырезу на равномерных расстояниях – сохранилось шесть гвоздиков дм. 0,4 мм в сечении, концы которых загнуты под почти прямым углом – места загиба дают толщину порядка 3-4 мм, предположительно, кожаной основы, на которую они были набиты. По правому вырезу в центре - заклепка с прямоугольной шляпкой с внутренней стороны (0,40 х 0,52 см); расстояние между головкой заклепки и основой – 0,4 см. По нижнему краю завитков волос Медузы – аккуратно исполненные заклепки с головками полусферической формы. Основу ожерелья составляют круглые выпуклые бляшки, между которыми находятся элементы в виде двойных цветков лотоса. Зерновидные вертикально каннелированные подвески с шариками на концах. В. подвесок ожерелья 2,30–2,35 см; дм. бляшек 0,81–0,82 см. Серьги без щитков в виде перевернутой пирамидки украшены в верхней части полукружьями и круглыми умбоновидными выступами на каждой из граней. В. серег с дужками 5,63 см; в. пирамидок 3,78 см. Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, инв. Ку 1914. 8/1.

веденных ею параллелей среди находок из Старшего Трехбратнего кургана и Курджипского кургана, укажем также на контурные бляшки с изображением Ники с опущенными крыльями: из погребения второй половины IV в. до н.э. в Лампсаке [Körpe, Treister 2002, p. 442–443, No. 7, fig. 13]. По сути, указанные бляшки являются на сегодняшний день единственным основанием для датировки погребения в каменном склепе.

Рис. 2. То же. Оборотная сторона. Фото М. Трейстера.

Найденный в кургане бронзовый нагрудник панцыря неоднократно привлекал внимание исследователей, которые датировали его в довольно широком диапазоне: от конца VI – начала V до IV вв. до н.э.[2]. Очевидная проблема с датировкой панцыря заключается в том, что большинство из исследователей работали с ним по фотографиям или не занимались специально его анализом, ограничиваясь общими наблюдениями о стиле горгонейона, которые и приводили к столь противоречивым результатам. В своей работе о матрицах и технике штамповки и выколотки в греческой и римской торевтике я также, не имея возможности работать с памятником в оригинале, ограничился попыткой датировки нагрудника по деталям украшений, представленных на Медузе, пытаясь сопоставить изображенное в деталях ожерелье с реальными археологическими находками, и пришел к выводу о датировке нагрудника в рамках последней четверти V – начала IV вв. до н.э. [Treister 2001, p. 115-117]. По тому же пути пошел недавно и Ю.А. Виноградов, посвятивший специальную работу панцырю из Елизаветинской и проанализировавший декор в виде ожерелья и серег Медузы [Виноградов 2005, с. 264-271]. На основании довольно беглого анализа украшений Медузы, с очевидностью основанного также на фотографиях панцыря, исследователь пришел к выводу о датировке его позднеархаическим временем, что дало автору основание для различных гипотез о путях его попадания в гробницу, датируемую IV в. до н.э. Совершенно

[2] Н. И. Веселовский (1918, 8) датировал его концом V – началом IV вв. до н.э. Й. Флорен [Floren 1977, S. 101, k,] относил горгонейон на панцыре к средней группе позднеархаического периода. По мнению И. Краускопф [Krauskopf 1988, No. 74], пластина пацыря датируется началом V в. до н.э., М. И. Артамонов [Artamonow 1970, Taf. 144] и Ю. Вокотопулу [Vokotopoulou 1997, pl. 204] датировали ее концом V столетия; М. И. Ростовцев [Rostovtzeff 1922, 54] относил панцырь к первой половине IV в. до н.э.; Л. К. Галанина – к IV в. до н.э. [Galanina, Grach 1986, fig. 218; Cat. Hamburg 1993, Nr. 69]. Д. Вильямс [Williams 1989, 543-544] вкратце охарактеризовал пластину панцыря как «архаизирующую работу конца V или начала IV вв. до н.э. Автор же новейшего исследования по греческим панцырям Е. Ярва [Jarva 1995, 27-28], отметил лишь, что она вряд ли раньше середины VI в. до н.э.

очевидно, что назрела необходимость изучения этого уникального доспеха *de visu*, что мне и удалось сделать в декабре 2007 г. благодаря любезной помощи Л. К. Галаниной и А.Ю. Алексеева.

Несмотря на распространение горгонейонов в декоре доспеха архаического времени, известны многочисленные примеры использования этого мотива в декоре панцырей V, IV вв. до н.э., эллинистического времени и первых веков н.э., известные, как по реальным археологическим находкам (4-й Семибратний курган: Minns 1913, p. 210, fig. 114; Веселовский 1918, с. 3, рис. 1; Filow 1934, S. 216-217, Abb. 223; Голямата могила, Дуванли: Filow 1934, S. 216-217, Taf. IX, 1; Маразов 1980, с. 81, рис. 61; Cat. Saint Louis 1998, 42, fig. 8), а так же по изображениям на вазах (см., например, краснофигурную амфору вазописца Ахилла, ок. 450 г. до н.э., в собрании Ватиканского музея: Born 1990, p. 192-193, fig. 17), рельефах (известняковое надгробие в форме трофея в панцыре с птеригами из Сиракуз конца IV – начала III вв.до н.э.: Cat. Venice 1996, p. 751, No. 386), в скульптуре и мозаике [Laube 2006, S. 161, Taf. 72, 4]. Я не буду останавливаться на эволюции греческого доспеха и на месте панцырной пластины из Елизаветинской в ряду других памятников, а также на образцах защитного вооружения, украшенных рельефными изображениями, в том числе масками Медузы, – эти проблемы уже рассматривались в литературе [Jarva 1995; Laube 2006, S. 161], в том числе в работе Ю.А. Виноградова [2005, с. 264-271], а сосредоточусь на анализе украшений Медузы, позволяющих решить проблему датировки панцырной пластины.

О том, что украшения, часто довольно детально передаваемые в изображениях на монетах и украшениях, как правило, воспроизводили современные типы, находившиеся в обращении в данном регионе, сомневаться не приходится – этому имеется множество примеров[3]. Отметим, кстати, что в ушах Афины Парфенос на куль-обских подвесках представлены серьги в виде круглых щитков со свисающими с них пирамидками [Galanina, Grach 1986, fig. 134; Schiltz 1994, S. 378, Abb. 294; Кат. Ст. Петербург 1995, с. 144–145, № 87; Schwarzmaier 1996, S. 129, Abb. 17; Kat. Bonn 1997, S. 166–167, Nr. 72]. Подобного же типа серьги, пусть и отличающиеся в деталях оформления щитка и подвески, изображены в ушах Деметры [Artamonow 1970, Abb. 146; Кат. Ст. Петербург 1995, с. 194-195, № 127; Cat. Malibu 2007, p. 278, No. 166] и Персефоны [Artamonow 1970, Abb. 145; Кат. Ст. Петербург 1995, с. 194-195, № 128; Cat. Malibu 2007, p. 278, No. 167] на бляшках из Большой Близницы, а также на южноиталийских терракотовых антефиксах: например, из Тарента, начала IV в. до н.э. [Cat. Cologne 1998, S. 219, Nr. 164]. С другой стороны, на изображениях

[3] См., например, сопоставление спиралевидной серьги, изображенной на ликийском статере середины V в. до н.э., с реальными археологическими находками: Кат. Ст. Петербург 1995, с. 34, рис. 30. См. также переданные в деталях изображения серёг, например, на монетах Сиракуз: Cat. Trieste 2002, p. 162-165, figs. 4-7.

Медузы, датируемых различным временем и происходящих из различных регионов, представлены самые разнообразные по формам ювелирные украшения (ср. например, бусину с подвеской-горгонейоном из Куриона середины V в. до н.э.: в правом ухе архаического по иконографии изображения – серьга в виде проволочного колечка: Кат. Ст. Петербург, 1995, с. 247, № 183).

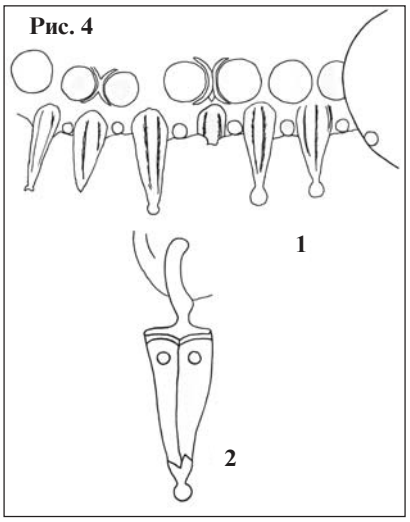


Рис. 3. То же. Деталь. Серьга. Фото М. Трейстера.
Рис. 4. Ожерелье и серьги, изображенные на панцыре. Прорисовки М. Трейстера.

В ушах Медузы, изображенной на панцыре, – серьги в виде перевернутых пирамидок, без щитков (рис. 3; 4, 2) – именно пирамидок, а не конусов [ср. Виноградов 2005, с. 269]. Непонятно, на каком основании они были отнесены Ю. А. Виноградовым к «трансильванскому» типу и датированы эпохой поздней архаики. Бронзовые серьги без щитков в форме перевернутых пирамидок известны по находкам в Олинфе [Robinson 1941, p. 79-81, Nos. 264-76, 278 (type I), pls. XVII-XVIII; Pfrommer 1990, S. 223, Abb. 41, b], а золотые серьги такого типа происходят из погребений некрополей Амфиполя второй половины IV – начала III вв. до н.э. (могилы № 70: Cat. Thessaloniki 1978, No. 381; Cat. Washington, 1980, No. 89, pl. 12; и № 42: Cat. Hannover, 1994, Nr. 294-295) и Аканфа последней четверти IV в. до н.э. [Cat. New York, 2004, p. 126, No. 7]. Подвески пирамидальной формы украшали различные серьги сложной конструкции, имевшие щитки и дополнительные боковые подвески, получившие распространение в Малой Азии и Северной Греции во второй половине IV в. до н.э. [Pfrommer, 1990, S. 223-235, Abb. 41; Williams, 1996, p. 119-121]. Однако, наибольшую близость к серьгам, изображенным в ушах Медузы, обнаруживают находки из Фракии, представленные как серьгами без щитков оформленными в виде пирамидок (из Бояна в районе Софии: Cat. Cologne, 1979, S. 175, Nr. 349; из коллекции Арес: Cat. Bonn, 2004, S. 307, Nr. 289b), так и с круглыми щитками и пирамидальной формы подвесками, подобные находке в Могиланском кургане в районе Врацы, которая датируется второй четвертью IV в. до н.э. [Antonov, Torbov 2002, p. 578, fig. 13B]. Интересно, что детально проработанные серьги пирамидальной формы изображены в ушах Афины, протомы которой украшают бронзовые поножи из гробницы фракийского царя Севта III в кургане Голямата косматка в районе Шипки (рис. 5) – их датируют второй половиной IV в. до н.э. [Kitov, 2005, fig. 11; Cat. Paris, 2006, No. 63]; в ушах Ауге

Рис. 5. Бронзовая поножь из гробницы фракийского царя Севта III в кургане Голямата косматка. Деталь (по: Cat. Paris, 2006).

Рис. 6. Серебряная с позолотой фиала из Рогозенского клада. Деталь (по: Cat. Saint Louis, 1998).

(рис. 6), изображенной на фиале из Рогозенского клада [Fol et al. 1989, No. 4; Shefton, 1989, p. 82-90, pl. 14: начало IV в. до н.э.; Fol 1990, S. 195-196: ранее середины IV в. до н.э., судя по надписи; Sparkes, 1996, p. 149, 152, fig. VI, 11: начало IV в. до н.э.; Schwarzmaier, 1997, S. 21-22, 48, 55, 93, 169-170: начало III в. до н.э., судя по стилистическим параллелям сюжету и орнаменту; Cat. Saint Louis, 1998, p. 176-177, No. 107; Cat. Bonn, 2004, S. 141-142, Nr. 186], которая датируется различными исследователями по-разному в рамках начала IV – III вв. до н.э., а также на позолоченном медальоне с профильным изображением головы Афродиты на серебряной фиале из Могиланского кургана [Cat. Cologne, 1979, S. 149-150, Nr. 297; Маразов, 1980, с. 67, рис. 50; Antonov, Torbov, 2002, p. 578, fig. 13A; Cat. Bonn, 2004, S. 151, Nr. 206j: фиала датирована началом IV в. до н.э.].

По мнению Ю. А. Виноградова, близкой аналогией ожерелью на шее Медузы (рис. 4, 1; 7) является ожерелье из Семибратнего кургана № 2 [Artamonow, 1970, Abb. 41; Кат. Ст. Петербург, 1995, № 71; Cat. Malibu, 2007, p. 216-217, No. 116]. Исследователь отмечает: «Этот курган датируется 450–425 гг. до н.э., но ожерелье, имеющее следы изношенности, было изготовлено явно раньше этого времени. Может быть, этот тип украшения возник уже во время поздней архаики» [Виноградов, 2005, с. 268]. Проблема заключается в том, что ожерелье из 2-го Семибратнего кургана относится к совершенно другому типу – ожерелий из чередующихся бус и подвесок, тогда как ожерелье на шее Медузы состоит из чередующихся полусферических бляшек и элементов в виде двойных цветков лотоса.

Ожерелье с аналогичной структурой (чередующиеся круглые полусферические элементы и элементы в виде двойных цветков лотоса), правда, не с зерновидными подвесками, а с подвесками в виде буковых орешков (рис. 8), было найдено в погребении т. наз. «карийской принцессы» в Галикарнассе в 1989 г., датирующимся

серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. [Özet, 1994, p. 94, No. 6b, pl. 14; Özgen, Öztürk, 1996, p. 58, fig. 131; Meriçboyu, 2001, p. 121, fig. 3]. О том, что около середины IV в. до н.э. подвески обоих типов могли сосуществовать, свидетельствует находка в этом же погребении ожерелья с пронизями-подвесками зерновидной формы [Özet, 1994, p. 92–93, No. 4, fig. 11; Özgen, Öztürk, 1996, p. 58, fig. 130; Meriçboyu, 2001, p. 121, fig. 2].

Находки аналогичных по структуре ожерелий известны также в Фессалии (Омолион) и Южной Италии (Тарент). Ожерелье из гробницы А в Омолионе украшают амфоровидные подвески [Miller, 1979, p. 10-12, pl. 4; Despini, 1996, p. 154, fig. 140; Cat. Berlin, 2002, S. 566, Nr. 426]; погребение датируется в рамках последней трети IV в. до н.э., ювелирные изделия, найденные в нем: второй – третьей четвертью IV в. до н.э. [Miller, 1979, p. 24]. Хранящееся в Британском музее ожерелье, украшенное двумя типами подвесок в виде женских головок и зерновидными подвесками, происходит, предположительно, из Тарента и датируется 350–330 гг. до н.э. [Кат. Ст. Петербург, 1995, № 135; Despini, 1996, p. 152-153, figs. 138-139].

Ожерелья подобной структуры, в которых круглые бляшки украшены розеттами, известны и по находкам из Северного Причерноморья. К ним относятся:

1) ожерелье с подвесками двух типов: маленькими гладкими зерновидными и крупными – в виде желудей, найденное в женском погребении № 4, раскопанном на некрополе Нимфея в декабре 1868 г. Ф. Биллером [Vickers, 1979, p. 10, pl. XI, a-b; Deppert-Lippitz, 1985, S. 145, Abb. 93; Vickers, 2002, p. 36-37 с библиографией pl. 12], вместе с серебряным киликом позднего V в. до н.э. [Vickers, 1979, p. 10, pl. XIII, a; Vickers, 2002, p. 42-43 с библиографией pl. 15]; ожерелье датируют около 400 г. до н.э. [Кат. Ст. Петербург, 1995, с. 153);

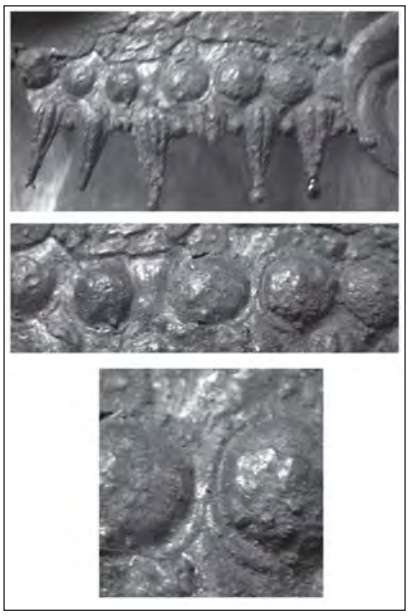


Рис. 7. Бронзовый панцырный нагрудник из кургана № 6 у ст. Елизаветинской. Деталь. Ожерелье. Фото М. Трейстера.

Рис. 8. Золотое ожерелье из погребения т. наз. «карийской принцессы» в Галикарнассе (по: Meriçboyu, 2001).

2) ожерелье с подвесками двух типов: маленькими в виде буковых орешков и крупными – в виде желудей, найденное в женском погребении № 83/1870 на Темир-Горе [Яковенко, 1977, с. 142, рис. 2, 1; Miller, 1979, p. 11, pl. 5,a; Кат. Ст. Петербург, 1995, с. 153]; Э. В. Яковенко [1977, с. 143] датирует комплекс концом V в. до н.э.; по мнению Д. Вильямса и Д. Огдена, ожерелье из кургана на Темир-Горе датируется второй четвертью IV в. до н.э. [Кат. Ст. Петербург, 1995, с. 153];

3) ожерелье с подвесками двух типов: зерновидными и в виде масок Ахелоя: из каменной гробницы, открытой в Керчи в 1854 г. [Miller, 1979, p. 11, pl. 5c; Кат. Ст. Петербург, 1995, № 94: 400-380 гг. до н.э.; Cat. Amsterdam, 2004, p. 42; Cat. Malibu, 2007, p. 150-151, No. 57: начало IV в. до н.э.];

4) ожерелье с зерновидными подвесками из женского (бокового) погребения Большого Рыжановского кургана (кургана № 4) [Онайко, 1970, с. 117, № 792, табл. XXXVII; Chochorowski et al. 1996, p. 246, fig. 5, 9; Скорый, 1998, с. 123, № III.2; см. также реконструкцию: Клочко, 1998, с. 139–150, рис. 7]. Большой Рыжановский курган датируется в пределах первой четверти III в. до н.э., при этом анализ показывает, что большинство находок из погребений кургана укладывается в рамки второй половины – конца IV в. до н.э. [см., например, Скорый, 1998, с. 132].

Зерновидные подвески ожерелья Медузы, украшенные сплошными вертикальными ребрами (без перьевого орнамента в верхней части, характерного для зерновидных подвесок более поздних ожерелий в виде тесьмы), находят ближайшие параллели среди подвесок ожерелья из керченской гробницы, открытой в 1854 г.

Таким образом, ожерелье, представленное на шее Медузы, относится к типу украшений, засвидетельствованных по находкам как из Малой Азии, так и Северного Причерноморья, и может датироваться в широких рамках конца V – второй половины IV вв. до н.э. С наибольшей вероятностью, оно может относиться ко второй – третьей четверти IV в. до н.э. Интересно, что в этих же рамках датируется и серебряный кубок из клада в Пандерме на северо-западе Малой Азии, край которого украшен орнаментом из чередующихся кружков и двойных цветков лотоса [Miller, 1993, p. 126, pl. 29.1; Platz-Horster, 2005, S. 299-300, Abb. 9-10; Cat. Speyer, 2006, S. 183]. Отсутствие характерных элементов декора пирамидальных серег затрудняет их отнесение к какому-то конкретному варианту, вместе с тем отсутствие щитков и дополнительных боковых подвесок позволяет, скорее, сопоставлять их с серьгами, получившими распространение до середины IV в. до н.э. в Македонии и во Фракии (terminus ante quem находок из Олинфа – 348 г. до н.э.). В целом, анализ представленных с этнографической точностью украшений свидетельствует, с наибольшей вероятностью, о датировке бронзового панцыря в рамках первой половины, вероятнее всего, второй четверти IV в. до н.э.

Сложность датировки панцыря исключительно по стилистическим признакам объясняется тем, что, с точки зрения иконографии, изображение Медузы,

представленное на панцыре, выполнено в традициях искусства эпохи архаики. Для архаических изображений Медузы Горгоны характерны подобные завитки прически надо лбом, вертикальные пряди волос, украшенные косыми насечками, крупные выпуклые глаза, а также клыки, вертикально торчащие по углам рта. Подобные изображения широко известны, например, в бронзовой пластике первой половины – середины VI в. до н.э. Часто такие маски Медузы оформляли атташи бронзовых сосудов[4], архитектурную терракоту (см. например, раскрашенный рельеф из Сиракуз: Cat. Venice 1996, p. 673, No. 56; Cat. Cologne 1998, Nr. 26). Известны подобные изображения и на доспехе, например, на конском прометопидии конца VI в. до н.э. из Руво в Апулии (Cat. Naples 1996, p. 124, No. 1045, col. pl. on p. 243; см. подробнее ниже). Я не буду подробно рассматривать проблемы иконографии архаических горгонейонов – им посвящена специальная литература, выделяются локальные варианты (лаконский, коринфский, аттический и хронологические группы: Rolley 1982, p. 63-66; Stibbe 2000, p. 61-64; 72-74; 107; Rolley 2003, p. 134-137, fig. 92).

О том, что иконография архаической Горгоны, по крайней мере, в Северном Причерноморье и, в частности, на Боспоре, используется еще во второй четверти – середине V в. до н.э. свидетельствуют золотые бляшки с подобными изображениями[5].

Вместе с тем очевидно, что в данном случае мы имеем дело не с произведением архаического, но архаизирующего стиля. Для изображений Медузы архаического стиля нехарактерна такая деталь, как изображение цветка лотоса, вырастающего из головы Медузы и переплетающегося со змеями. Ближайшую параллель этому элементу изображения мы находим на золотом налобнике из Большой Цимбалки с изображением т. наз. змееногой богини, из нижней части тулова которой произрастают подобный цветок лотоса и извивающиеся змеи [Artamonow, 1970, Abb. 186; Маразов, 1980, с. 75, рис. 57; Galanina, Grach, 1986, fig. 144; Cat. Hamburg, 1993, Nr. 52; Boardman, 1994, p. 209, fig. 6, 32; Jacobson, 1995, p. 272-273, fig. 142; Michel, 1995, S. 171-173, K 10, Abb. S. 224; Kull, 1997, S. 386-387, Abb. 90, 2; Ustinova, 1999, p. 94-95, pl. 6, 1, 6]. Упомянем также сопоставимые

---

[4] Например, гидрий из Требениште, гробница III [Filow 1927, S. 54-57, Nr. 70, Taf. IX; Маразов 1980, с. 79, рис. 60; Rolley 1982, p. 51, pl. XXXIX, fig. 181; Stibbe 2000, p. 72-74, fig. 45]; из Нови Пазар [Popoviæ et al. 1969, p. 73-74, No. 42; Mano-Zisi, Popoviæ 1969, s. 78, No. 3, pl. III; IIIa, c, f; Mano-Zisi, Popoviæ 1971, S. 195, Nr. 1, Taf. 48; Rolley 1982, p. 64, note 155, 88-89, pl. XXXIX, figs. 184-185] и Пидны [Vokotopoulou 1997, p. 117-119, pls. 105-108; pp. 246-247; Stibbe 2000, p. 102-111, figs. 63-64]; кратеров из Викса [Rolley 1982, pl. XL, fig. 186; Rolley 2003, p. 77-143, pls. 77a, 98, 99a,b]; и Требениште [Popoviæet al. 1969, p. 71, No. 33, Маразов 1980, с. 73, рис. 55; Rolley 1982, p. 49, pl. XL, fig. 187]; цисты из Сала Консилина (Салерно) (Cat. Trieste 2002, p. 224-226, No. 51.7).

[5] Из Семибратнего кургана № 2 [Artamonow 1970, S. 27, Abb. 45; Кат. Ст. Петербург 1995, с. 131, № 74; Cat. Bonn 1997, S. 87, Nr. 14; Cat. Malibu 2007, p. 215, No. 114], а также нимфейских курганов № 17/1876 [Силантьева 1959, с. 74, рис. 38, 5-6; Artamonow 1970, Taf. 103-104] и 24/1876 [Силантьева 1959, с. 56, рис. 24, 5; Artamonow 1970, S. 23, Abb. 35; Кат. Ст. Петербург 1999, с. 91, № 220].

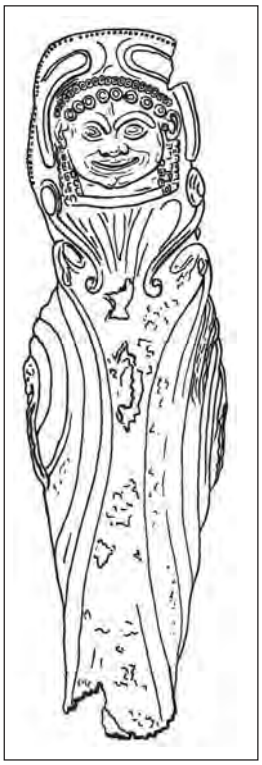


Рис. 9. Бронзовая поножь с изображением головы Медузы из кургана, раскопанного А.Б. Ашиком в 1838 г. (по: ДБК 1854).

композиции на золотой фиале из Куль-Обы [Artamonow, 1970, S. 70, Taf. 207, 210; Galanina, Grach, 1986, figs. 164–165; Cat. Zürich, 1993, S. 80–81, Nr. 34; Cat. Hamburg, 1993, S. 118–121, Nr. 59; Schiltz, 1994, S. 146–147, Abb. 109; Jacobson, 1995, p. 215–216, VI.F.2, fig. 94; Cat. Bonn, 1997, Nr. 70; Cat. Malibu, 2007, p. 240-241, No. 139]. Наконец, отметим и золотые бляшки – украшения конской сбруи – из Чмыревой Могилы с изображениями горгонейонов, увенчанных пальметтами [Онайко, 1970, с. 102, № 428; 127, табл. XXIV, в].

Находки, подобные публикуемой, панцырных пластин неизвестны не только в Северном Причерноморье, но и в Греции или Малой Азии. Сравнительно широкое распространение ожерелий типа, украшающего Медузу на панцыре из Елизаветинского кургана № 6, не дает оснований для предположений о месте изготовления доспеха, хотя ближайшая параллель неорнаментированным бляшкам в составе ожерелий имеется на находке из Галикарнасса в Малой Азии, а неорнаментированные серьги в виде перевернутых пирамидок получают широкое распространение в Северной Греции, Македонии и Фракии. Сопоставление такого необычного элемента композиции, как цветок лотоса, произрастающий из головы Медузы, с изображениями на памятниках торевтики т. наз. греко-скифского стиля позволяет, однако, предположительно рассматривать севернопричерноморскую (боспорскую) мастерскую в качестве возможного места изготовления доспеха.

В этой связи следует, безусловно, остановиться на находке бронзовых поножей с изображением головы Медузы (рис. 9) в кургане, раскопанном А.Б. Ашиком в 1838 г. [ДБК 1854, с. 182, 196, табл. XXVIII, 7; Блаватский, 1954, с. 82, рис. 36, 2; Галанина, 1965, с. 12, 17-18, № 3; Haynes, 1962, p. 804; Kunze, 1991, S. 47-48, Taf. 37; 115, Nr. III, l/m: ошибочно как происходящий из кургана Кекуватского; Jarva 1995, p. 94; Kull, 1997, S. 291-292, Abb. 46, 6; Виноградов, 2004a, с. 33, рис. 8, 3; 38-39; Виноградов, 2004b, с. 52, рис. 1, 2; с. 53-54]. По датировке Ю.А. Виноградова, «курган Ашика» был сооружен в конце первой четверти IV в. до н.э. [Виноградов, 2004b, с. 51], при этом поножи, для которых исследователь отмечает близкое сходство в изображении головы Горгоны с панцырем из Елизаветинского кургана [Виноградов 2005, с. 269], датируются им по стилистическим соображениям второй половиной VI в. до н.э. [Виноградов, 2004a, с. 38-39; Виноградов, 2004b, с. 54; Виноградов, 2005, с. 269]. Действительно, иконография головы Медузы на керченских поножах характерна для архаического типа изображений Медузы и в чем-то близка изображению головы Медузы на панцыре из Елизаветинской.

Изображения головы Медузы известны на наколенных частях некоторых бронзовых поножей из Южной Италии, которых датируют позднеархаическим временем[6]. Подобное же изображение имеется на ноге всадника бронзовой колоссальной статуи из Великой Греции, так наз. Piot bronze (рис. 10) в собрании Британского музея, которую датируют второй четвертью V в. до н.э. [Haynes, 1962, p. 803-807, fig. 2; Williams, 1989, 533, figs. 5-6; 543-544; ср. Kunze, 1991, S. 75; McCahn 2000, p. 101, fig. 3]. К сожалению, все эти памятники датируются по стилистическим признакам.

Рис. 10. Нога всадника бронзовой колоссальной статуи из Великой Греции, так наз. Piot bronze. Британский музей (по: Williams, 1989).

Завитки под наколенной частью, а также волюты, украшающие выпуклости, соответствующие икроножным мышцам на керченских поножах, находят точное параллели на серии бронзовых поножей из Олимпии позднеархаического времени группы С, по классификации Э. Кунце [Kunze, 1991, S. 103-104, Nr. III,18, 20, Taf. 25-26; S. 105, Nr. III.28-29, Taf. 31-34], и из Руво. Эти поножи отличаются от поножей классического времени «анатомической» формы, получивших распространение преимущественно в IV в. до н.э. (к ним относится подавляющее большинство бронзовых поножей из Северного Причерноморья: [Галанина, 1965]). Контекст находок некоторых поножей из Олимпии с подобными S-видными завитками и волютами датируется позднеархаическим временем; изображения подобных поножей в скульптуре и вазописи позволяют относить их к первым десятилетиям V в. до н.э. [Kunze, 1991, 75, 105]. Подобная поножь из Руво, найденная в 1840 г., датируется издателями V в. до н.э. [Kunze, 1991, S. 114, Nr. III.i; Cat. Naples 1996, p. 126, No. 10.53]. Особенно близки керченским поножи неизвестного происхождения, хранящиеся в Балтиморе,

[6] Из Канозы или Руво, Карлсруэ, инв. F 443-444 (Jurgeit 1999, Nr. 182-183: последняя четверть VI в. до н.э.); из Руво, Британский музей, инв. 249 (Walters 1899, No. 249, pl. 48; Kunze, 1991, S. 114-115, Nr. III.j/k); коллекция Ш. Уайт и Л. Леви: Cat. New York, 1990, No. 91: VI – V вв. до н.э.

Рис. 11. Бронзовые поножи неизвестного происхождения. Балтимор, Галерея Уолтерса (по: Kunze 1991).

наколенная часть которых украшена львиными масками (рис. 11) [Kunze, 1991, S. 116, Nr. IIIp, Taf. 37].

Также и изображения на краснофигурных вазах [Kunze, 1991, S. 73-74, Anm. 150; например: CVA Genève 1, Suisse 1, pl. 14, 3; CVA Bologna 4, Italia XXVII, pl. 74, 9] свидетельствуют о распространении подобных поножей не ранее последних десятилетий VI в. до н.э. и не позднее середины V в. до н.э. S-видные завитки под наколенной частью имеет и поножь с головой Медузы, представленная на упомянутой выше бронзовой скульптуре всадника, Piot bronze, датируемой второй четвертью V в. до н.э. Таким образом, керченские поножи не могут датироваться позднее середины V в. до н.э. и, учитывая датировку погребения, в котором они были найдены, находились в употреблении не менее 50-70 лет. Э. Кунце отмечает, что образцы архаического доспеха еще долго хранились в святилищах и, по крайней мере, до середины V в. до н.э. могли передаваться по наследству и находиться, таким образом, в обращении, однако, как он отмечает, постепенно такие предметы доспеха изымались из святилищ и пропадали из обихода и уже во второй половине V в. до н.э. не оставили какого-либо отражения в изобразительных памятниках [Kunze, 1991, S. 75]. Вместе с тем, по крайней мере, на периферии греческого мира, они могли сохраниться вплоть до IV в. до н.э. Это косвенно подтверждается не только находкой поножей первой половины V в. до н.э. в керченском погребении первой четверти IV в. до н.э., но и находками серебряных, частично позолоченных поножей в Аджиголе [Cat. Frankfurt, 1994, S. 162-163, Nr. 49.2-3] и Враце [Маразов, 1980, с. 33-66; Cat. Saint Louis, 1998, p. 159, No. 89], в декоре которых прослеживается безусловная связь с поножами, наколенные части которых украшены масками Медузы.

Таким образом, на Боспоре вплоть до начала IV в. до н.э. находились в употреблении предметы парадного доспеха позднеархаического – раннеклассического времени, в том числе украшенные горгонейонами ранних типов, которые могли послужить прототипами для оружейников, работавших в конце V – первой четверти IV вв. до н.э. Не исключено, что к их изделиям можно относить и выполненный в архаизирующем стиле панцырь из Елизаветинской.

К сожалению, поскольку, панцырная пластина была найдена не *in situ*, а в грабительской яме, а само погребение в склепе было полностью разграблено, у нас нет никаких данных ни для уточнения датировки контекста, ни для размышлений на тему, кому мог принадлежать этот уникальный доспех. В любом случае, в погребение воина в Елизаветинском кургане № 6 был положен не антикварный панцырь позднеархаического времени, как полагает Ю. А. Виноградов [2005, с. 270], не вещь, которая могла из поколения в поколение передаваться по наследству боспорскими тиранами или очень долго храниться в одной из храмовых сокровищниц, а более-менее одновременный (в рамках одного, максимум, двух поколений) предмет, имеющий, безусловно, не только парадную, но и практическую функцию доспеха. О последней говорят и различные типы сохранившихся гвоздей и заклепок для его крепления к основе (рис. 12), свидетельствующие о замене основы и переделке панцыря.

Рис. 12. Бронзовый панцырный нагрудник из кургана № 6 у ст. Елизаветинской. Оборотная сторона. Детали. Фото М. Трейстера.

ЛИТЕРАТУРА

Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Веселовский Н. И. Бронзовый нагрудный панцырь с изображением головы Медузы // ИАК. 1918. 65. С. 1–8.

Виноградов Ю. А. «Там закололся Митридат…». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. Ст. Петербург, Москва, 2004.

Виноградов Ю. А. О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2004. С. 49–56.

Виноградов Ю. А. Бронзовый панцырь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. Ст. Петербург, 2005. С. 264–271.

Галанина Л. К. Греческие поножи Северного Причерноморья // АСГЭ. 1965. Вып. 7. С. 5–27.

Галанина Л. К. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСГЭ. 2003. 36. С. 89–99.

Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.

Кат. Ст. Петербург. Вильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ст. Петербург, 1995.

Кат. Ст. Петербург. С. П. Борисковская (ред.). Древний город Нимфей. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. Ст. Петербург, 1999.

Клочко Л. С. Реконструкция костюма женщины из боковой могилы Большого Рыжановского кургана // Materia³y i sprawozdania Rzeszowskiego Oœrodka Archeologicznego. 1998. 19. С. 139–150.

Маразов И. Наколенникът от Враца. София, 1980.

Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ, Д1-27. М., 1970.

Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // МИА. Вып. 69. М., Л., 1959. С. 5–107.

Скорый С. А. Основы археологического датирования Большого Рыжановского кургана // Materia³y i sprawozdania Rzeszowskiego Oœrodka Archeologicznego. 1998. 19. С. 119–137.

Яковенко Э. В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140–145.

Antonov D., Torbov N. Bronze Tools with Human Effigies found in Northwestern Bulgaria // A.Giumlia-Mair (ed.), I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi. Instrumentum Monographies 21. Montagnac. 2002. P. 571–580.

Artamonow M. I. Goldschatz der Skythen. Prag, 1970.

Boardman J. The Diffusion of Classical Art in Antiquity. London, 1994.

Born H. Patinated and Painted Bronzes: Exotic Technique or Ancient Tradition // M. True, J. Podanyi (eds.), Small Bronze Sculptures from the Ancient World. Malibu, 1990. P. 179–196.

Cat. Amsterdam. Kalashnik Yu. Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 2004.

Cat. Berlin. F. Zimmer (Hrsg.), *Die griechische Klassik. Idee oder Wirklichkeit.* Mainz, 2002.

Cat. Bonn. L. Barkova, Ju. Kalašnik (Hrsg.), Zwei Gesichter der Eremitage. Die Skythen und ihr Gold. Bonn, 1997.

Cat. Cologne. Die neue Welt der Griechen. Antike Kunst aus Unteritalien und Sizilien. Köln, 1998.

Cat. Frankfurt. B. Deppert-Lippitz, W. Meier-Arendt (Hrsg.), Goldhelm. Schwert und Silberschätze. Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit. Frankfurt, 1994.

Cat. Hamburg. Gold der Skythen. Schätze aus der Staatlichen Eremitage St. Petersburg. Neumünster, 1993.

Cat. Hannover. Makedonen die Griechen des Nordens. Forum des Landesmuseum Hannover. Athen, 1994.

Cat. Malibu. A. Trofimova (ed.), Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2007.

Cat. Naples. I Greci in Occidente: La Magna Graecia nelle collezioni del Museo Archeologico di Napoli. Naples, 1996.

Cat. New York . D. von Bothmer (ed.), Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. The Metropolitan Museum of Art. New York, 1990.

Cat. New York . D. Pandermalis (ed.), Alexander the Great. Treasures from an Epic Era of Hellenism. New York, 2004.

Cat. Paris. V. Fol (ed.), L'or des Thraces. Trésors de Bulgarie. Musée Jacquemart-André. Paris, 2006.

Cat. Saint Louis. I. Marazov (ed.), Ancient Gold: The Wealth of the Thracians. Treasures from the Republic of Bulgaria. New York, 1998.

Cat. Speyer. Historisches Museum der Pfalz Speyer (ed.), Pracht und Prunk der Grosskönige. Das persische Weltreich. Stuttgart, 2006.

Cat. Thessaloniki. Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue. Thessaloniki, 1978.

Cat. Trieste. A. Giumlia-Mair, M. Rubinich (eds.), Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia. Trieste, 2002.

Cat. Venice. The Western Greeks. Venezia, 1996.

Cat. Washington. The Search for Alexander. Washington, 1980.

Cat. Zurich. M. Karabelnik (Hrsg.), Aus den Schatzkammern Eurasiens. Zürich, 1993.

Chochorowski et al. Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj, S. Badanie wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ry¿anowskiego w Ry¿anówce na Ukrainie // Materia³y i sprawozdania Rzeszowskiego Oœrodka Archeologicznego. 1996. 17. s. 239–259.

CVA Bologna 4, Italia XXVII. Montanari G. B. Museo civico di Bologna. Bologna, 1957.
CVA Genève 1, Suisse 1. Bruckner A. Genève, Musée d'art et d, histoire. Berne, 1962.
Despini A. Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens 1996.
Filow B. Die archaische Nekropole von Trebenischte am Ochrida-See. Berlin, Leipzig, 1927.
Filow B. Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien. Sofia, 1927.
Floren J. Studien zur Typologie des Gorgoneion. Münster, 1977.
Fol A. Der Schatzfund von Rogozen. Zum Hellenismus in Südosteuropa // Akten des XIII. Intern. Kongresses für klassische Archäologie Berlin 1988. Mainz, 1990. S. 195 – 205.
Fol A., Tsvetkov B., Mihailov G., Venedikov I., Marazov I. The Rogozen Treasure. Sofia, 1989.
Galanina L., Grach, N. Scythian Art. Leningrad, 1986.
Jacobson E. The Art of the Scythians. The Interpretation of Cultures at the Edge of the Hellenic World (Handbuch der Orientalistik, 8. 2). Leiden, New York, Köln 1995.
Jarva E. Archaiologia on Archaic Greek Body Armour. Rovaniemi, 1995.
Jurgeit F. Die etruskischen und italischen Bronzen sowie Gegenstände aus Eisen, Blei und Leder im Badeischen Landesmuseum Karlsruhe (Terra Italia, 5). Pisa, Rome, 1999.
Haynes D. Some Observations of Early Greek Bronze Casting // Archäologicher Anzeiger. 1962. Sp. 803–807.
Kitov G. The Newly Discovered Tomb of the Thracian Ruler Seutes III // Archaeologia Bulgarica. 2005. 2. P. 23–37.
Körpe R., Treister M. Rescue Excavations in the Necropolis of Lampsacus, 1996 // Studia Troica. 2002. 12. P. 429–450.
Krauskopf I. Gorgo, Gorgones // LIMC. IV. P. 285–330.
Kull B. Tod und Apopheose. Ikonographie in Grab und Kunst der jüngeren Eisenzeit an der unteren Donau und ihrer Bedeutung für die Interpretation von «Prunkgräbern» // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. 1997. 78. S. 197 – 466.
Kunze E. Beinschienen (Olympische Forschungen, XXI). Berlin, New York, 1991.
Laube I. Thorakophoroi: Gestalt und Semantik des Brustpanzers in der Darstellung des 4. bis 1. Jhs. v. Chr. (Tübinger archäologische Forschungen, 1). Rahden/Westf., 2006.
Mano-Zisi Đ., Popoviæ Lj. B. Novi Pazar. Ilirsko-grèki nalaz. Beograd, 1969.
McCahn A. M. The Riace Bronzes: Gelon and Hieron I of Syracuse I // C. C. Mattusch, A. Brauer, S. E. Knudsen (eds.), From the Parts to the Whole: Vol. 1. Acta of the 13th International Bronze Congress held at Cambridge, Massachusetts, May 28-June 1, 1996 (Journal of Roman Archaeology Supplement Series 39). Portsmouth, 2000. P. 97–105.
Meriçboyu Y.A. Antikçað' de Anadolu takilari. Istanbul, 2001.
Michel S. Der Fisch in der skythischen Kunst (Europäische Hochschulschriften, Archäologie, 52). Frankfurt am Main, 1995.
Miller M. C. Adoption and Adaptation of Achaemenid Metalware Forms in Attic-Black-Gloss Ware of the Fifth Century // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 1993. 26. S. 109–146.
Miller S. Two Groups of Thessalian Gold. Berkeley, Los Angeles, 1979.
Özet M. Y. The Tomb of a Noble Woman from the Hekatomid Period // Hekatomid Caria and the Ionian Renaissance. Acts of the Intern. Symposium at the Dept. of Greek and Roman Studies, Odense University, 28-29 Nov. 1991. Halicarnassian Studies I. Odense 1994. P. 88–96.
Özgen I., Öztürk, J. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. Istanbul, 1996.
Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh-und hochhellenistischen Goldschmucks. Istanbuler Forschungen 37. Tübingen, 1990.
Platz-Horster, G. Die Silberfunde von Panderma in der Antikensammlung Berlin // T. Ganschow, M. Steinhart (Hrsg.), Otium. Festschrift für Volker Michael Strocka. Remshalden, 2005. S. 295–303.
Popoviè L.B., Mano-Zisi D., Velièkoviè M., Jelièiè B. Greek, Roman and Early-Christian Bronzes in Yugoslavia. Belgrade, 1969.
Robinson D. M. Metal and Minor Miscellaneous Finds. Excavations at Olynthus 10. Baltimore, 1941.
Rolley C. Les vases de bronze de l'archïsme récent en Grand Grèce. Naples, 1982.
C. Rolley (ed.), La tombe princière de Vix. Paris, 2003.

Rostovtzeff M. I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.
Schiltz V. Die Skythen und andere Steppenvölker. München, 1994.
Schwarzmaier A. Die Gräber in der Großen Blizniza und ihre Datierung // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. 1996. 111. S. 105–137.
Schwarzmaier A. Griechische Klappspiegel (Athenische Mitteilungen Beih. 18). Berlin, 1997.
Shefton B. The Auge Bowl // B. F. Cook (ed.), The Rogozen Treasure. Papers of the Anglo-Bulgarian Conference, 12 March 1987. London, 1989. P. 82–90.
Sparkes B. A. The Red and the Black. Studies in Greek Pottery. London, New York, 1996.
Stibbe C. The Sons of Haphaistos. Aspects of the Archaic Greek Bronze Industry. Rome, 2000.
Treister M. Y. Hammering Techniques in Greek and Roman Jewellery and Toreutics (Colloquia Pontica, 8). Leiden, Köln, Boston, 2001.
Ustinova Ju. B. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom: Celestial Aphrodite and the Most High God (Religions in the Graeco-Roman World, 135). Leiden, 1999.
Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 1979.
Vickers M. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 2002.
Vokotopoulou I. Ελληνική τέχνη. Αργυρα και χάλκινα έργα τέχνης στην αρχαιότητα. Athens, 1997.
Walters H. B. Catalogue of the Bronzes, Greek, Roman and Etruscan, in the Department of Greek and Roman Antiquities in the British Museum. London, 1899.
Williams D. Knight Rider. The Piot Bronze // Archäologischer Anzeiger. 1989. S. 529–551.
Williams D. The Kyme Treasure // A. Calinescu (ed.), Ancient Jewelry & Archaeology. Bloomington, Indianapolis, 1996. P. 117–129.

M.Y. Treister

BRONZE COAT OF MAIL BREASTPLATE REPRESENTING THE HEAD OF MEDUSA FROM THE TUMULUS 6\1914-1915 NEAR ELIZAVETINSKAYA IN THE KUBAN REGION

Summary

In 1914, during archaeological digs of the tumulus no.6 near Elizavetinskaya place N.I. Veselovsky found a plunder's pit with ledges. There were stone slabs of a destroyed crypt, small bronze coat of mail plates and a bronze coat of mail breastplate representing the head of Medusa in relief. The author considers the elements of ceremonial armour of late archaic – early classic period together with the one decorated with gorgoneions of early types, which could be the prototypes for armourers of the end of the 5th – the first quarter of the 4th century BC, were in use right up to the beginning of the 4th century BC. It is not improbable that the coat of mail from Elizavetinskaya, which is made in archaic style, can be related to their production. Unfortunately, the breastplate was found not *in situ* but in the plunder's pit. The burial was robbed completely and there are no any data either for dating specification of the context or for the ideas on the subject of attribute of this unique armour.

Н.В. БЫКОВСКАЯ

ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА ИЗ ЖЕНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ IV В. ДО Н.Э. ИЗ СТАРШЕГО КУРГАНА КУРГАННОЙ ГРЯДЫ «ТРИ БРАТА»

Одним из интереснейших археологических комплексов, хранящихся в фондах Керченского историко-культурного заповедника, являются находки из женского захоронения IV в. до н.э., открытого в Старшем кургане курганной гряды «Три брата», охранные раскопки которого производились в 1965 г. Д.С. Кирилин, под руководством которого работала экспедиция, ограничился предварительной публикацией обнаруженных в 1965 г. вещей [Кирилин, 1967]. Позже исследователи не раз обращались к интерпретации надгробного рельефа, найденного в насыпи кургана [Античная скульптура. Т.1, кат.12, с.54-55], а в 2001 г. на юбилейной конференции Керченского заповедника сотрудники Музея исторических драгоценностей, в который летом 1968 года были отправлены предметы из драгоценных металлов, представили реконструкцию костюма и ювелирных украшений из этого захоронения [Клочко, Березова, с.105-108]. Полная публикация гарнитура украшений принадлежит М.Ю. Трейстеру [Трейстер, 2006]. В 2008 г. в сборнике научных работ Керченского заповедника были опубликованы полевой дневник и отчеты Д.С. Кирилина о раскопках у д. Огоньки 1964-1965 гг. [Кирилин, 2008].

Первая попытка научной публикации комплекса, хранящегося в Керченском историко-культурном заповеднике, была предпринята в 2008 г. [Трейстер, 2008]. Благодаря этой работе в научный оборот введена большая часть хранящихся здесь вещей. Между тем, помещенная в указанном выше издании информация о некоторых из предметов не может считаться полной. Цель статьи – восполнить информационные лакуны, касающиеся изделий из стекла, найденных в захоронении.

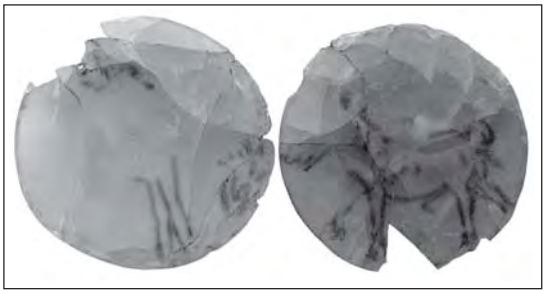


Рис. 1. Стеклянные медальоны. Фонды КИКЗ, Б-2316.

Речь идет, прежде всего, о двух стеклянных медальонах, включенных в каталог как «вставки стеклянные» [Трейстер, 2008, кат. 42 с. 30] (рис.1). Оба медальона – круглой формы, плоские с одной

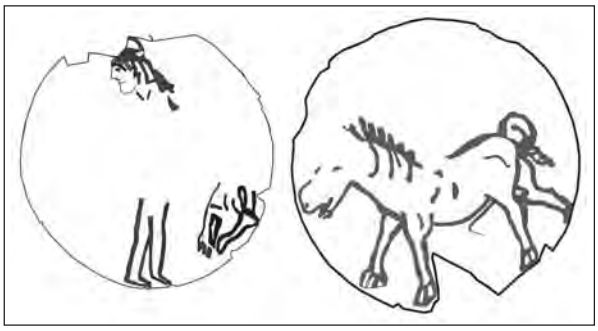


Рис. 2. Прорисовки изображений на стеклянных медальонах. Выполнены Р.Г. Синенко.

стороны и выпуклые с другой, имеют в диаметре – 3,1 см. Они выполнены из прозрачного, слегка желтоватого стекла, с очень мелкими пузырьками, видными при увеличении. Оба медальона сильно повреждены: каждый склеен из нескольких частей и имеет глубокие сквозные трещины и утраты. Уникальность медальонов заключается в том, что на плоскую сторону обеих нанесен слабо видный и местами утраченный, но вместе с тем достаточно отчетливый линейный рисунок. Рисунок нанесен темным пигментом по тончайшему слою светлого грунта, который фрагментарно сохранился в многочисленных неглубоких кавернах. На одном медальоне отчетливо читается изображение коня, на другом – человеческой фигуры (рис.2).

Конь, иноходец (?), изображен в движении, влево. Голова коня с открытой пастью, небольшими ушами и короткой гривой и мощная шея по отношению к тулову непропорционально велики, что, возможно, объясняется неопытностью рисовальщика, который изначально не справился с задачей распределения пространства медальона. Вместе с тем, рисунок коня достаточно динамичен и реалистичен. Автор рисунка попытался передать движение животного положением ног, развевающимся изогнутым хвостом. Рисовальщик, конечно же, был знаком с изображениями коней, встречающимися на краснофигурных сосудах, и, возможно, попытался скопировать одно из них. Обращает на себя внимание то, что на медальоне и на известном культовом рельефе, найденном в насыпи этого же кургана, судя по всему, изображены кони одной породы.

На плоской стороне другого медальона – изображение человеческой фигуры в полный рост. На голове с длинными волосами, развернутой в профиль влево, головной убор с круглым верхом и длинными концами (к сожалению, часть медальона с изображением головного убора утрачена); отчетливо виден крупный нос, дугообразная бровь, глаз, гладкий подбородок и прямая линия рта. Тулово персонажа отсутствует, видны только длинные ноги, ступни которых развернуты вправо. Внизу в правой части медальона – еще одно неясное изображение, возможно, куст, который, вероятно, должен был продемонстрировать, что фигура стоит на земле. Известно, что на геммах этого и более позднего времени поверхность почвы часто обозначали с помощью прямой линии. В нашем случае ввиду того, что ступни стоящего человека опираются практически на кромку медальона, рисовальщик мог ввести в композицию изображение пейзажа.

Аналогичные медальоны известны по публикациям Н.З. Куниной [Кунина, 1997, кат.65, 66, 67; с.76,77, 260; Кунина, 2000]. Ею впервые были описа-

ны два круглых и один овальный медальон, хранящиеся в коллекции стеклянных изделий Эрмитажа. Все три происходят из раскопок пантикапейского некрополя. Круглые медальоны были найдены на г. Митридат в одной детской земляной могиле в 1878 г., а овальный – в 1873 г. также в земляной могиле. На одном из круглых эрмитажных медальонов – изображение прядущей женщины, на другом – женский бюст, причем каждый рисунок носит самостоятельный характер; на овальном медальоне – голова юноши. С медальонами из коллекции Керченского заповедника их сближает не только целый ряд технологических особенностей, но и размеры – круглые имеют в диаметре 3,3 см, единая датировка - IV в. до н.э., а также то, что все они были использованы в погребальном обряде.

Если в случае с эрмитажными медальонами не возникает сомнений в том, что на каждом медальоне - самостоятельное изображение, то в случае с медальонами из Керченского заповедника столь однозначный вывод вряд ли возможен. Конечно, каждый из рисунков мог играть и самостоятельную роль, но обращает на себя внимание следующее обстоятельство. На сохранившейся в целости центральной части медальона с изображением человеческой фигуры тулово не прорисовано, судя по всему, сознательно. Фотографическая съемка обоих медальонов в ультрафиолетом и инфракрасном спектрах не позволила выявить дополнительное изображение в этой части, что, возможно, объясняется его изначальным отсутствием.

Вполне вероятно, что на каждый из двух медальонов была нанесена половина изображения, а композиция – единая – складывалась при их совмещении. Несмотря на то, что пигмент рисунка в его нынешнем состоянии в значительной степени угас, при совмещении медальонов, общее изображение сквозь толщу стекла вполне различимо.

Д.С. Кирилин, учитывая, вероятно, положение медальонов в момент открытия склепа, полагал, что полное изображение дает совмещение двух частей. С его точки зрения, на двух половинках медальона следует видеть амазонку на коне. Это предположение было выдвинуто им в научно-популярных публикациях, отклик на которые сохранился в архиве заповедника [Архив КИКЗ, оп.5, ед. хр. 73, л.20].

Изображение амазонки на коне часто встречается в сюжетных композициях, прежде всего в сценах сражений, на сосудах так называемого «керченского стиля». Мужеподобность амазонок, а также то, что очень часто их изображали в мужском костюме, вполне объясняют подобное предположение. Хочется отметить, что в некоторых случаях иконография персонажей столь суммарна, что бывает затруднительно определить, кто является участником битвы – всадник или всадница. Не поддается однозначному толкованию, например, пол персонажа, сражающегося с пешим воином в сцене, украшающей пелику, найденную в этом же комплексе [Трейстер, 2008, кат. 28 с. 25].

Несмотря на то, что у фигуры, изображенной на медальоне из Старшего кургана, отсутствует тулово, представляется более предпочтительным трактовка этого изображения как мужского. При всей очевидной связи персонажа с конем его вряд ли можно трактовать как всадника. Человек не просто стоит на земле, он движется в направлении, противоположном движению коня. В любом случае оба изображения сюжетно связаны между собой.

О том, что означает сюжет рисунка, можно только догадываться. Исследователи единодушны в том, что погребенная в склепе женщина была представительницей местной эллинизированной знати, а если это так, то варианты толкований следует искать в мифо-эпических сказаниях аборигенных варварских этнических групп, населявших Боспорское царство и прилегающие к нему территории. Этому посылу не противоречат и возможные трактовки изображений на эрмитажных медальонах. В прядущей женщине явно прослеживается сходство с Афродитой [Кунина, 2000, с.187], а женский бюст иконографически очень близок изображениям Деметры.

Изображение коня встречается на целом ряде предметов декоративно-прикладного искусства, найденных в скифских курганах. Известно, что у ираноязычных народов конь был атрибутом и воплощением ряда хтонических божеств. В греческой мифологии он традиционно связывался с Дионисом - Сабазием. Одним из таких божеств считался и спутник Анахиты Сиявуш, культ которого во многом перекликался с культом Диониса. Религиям многих ираноязычных народов был свойственен дуализм, что проявлялось в наличии в пантеоне связанных между собой пар богов, где женское начало было представлено хтонической богиней, ответственной за плодородие, а мужское - умирающим и воскресающим богом: Кибела – Аттис, Изида – Осирис, Анахита – Сиявуш. Аналогичные функции в греческой мифологии были возложены на Деметру и Диониса.

Учитывая контекст находки, можно предположить, что на медальоне (медальонах) из женского захоронения Старшего кургана изображен персонаж, связанный с культом женского хтонического божества, возможно, спутник богини.

Большая часть исследователей считает, что погребенная не просто занимала высокую ступень в современном ей обществе, а была жрицей. В вопросе о том, какому божеству она служила, единства нет. Е.А. Зинько, например, придерживается мнения о том, что погребенная была жрицей Деметры [Зинько, 1999, с.190-191]; С.С. Бессонова и Д.С. Кирилин не столь категоричны и допускают возможность ее причастности к культу местного женского божества, близкого к Деметре [Бессонова, Кирилин, 1977, с.135-136; Кирилин, 2008, 285]. «Необычность» принадлежности представительницы местной «скифской аристократии» к культу Деметры отмечала и Э.В. Яковенко, допуская, впрочем, такую возможность ввиду близости культа Деметры некоторым божествам скифского пантеона [Архив КИКЗ, оп. ед.хр.93 с.339.].

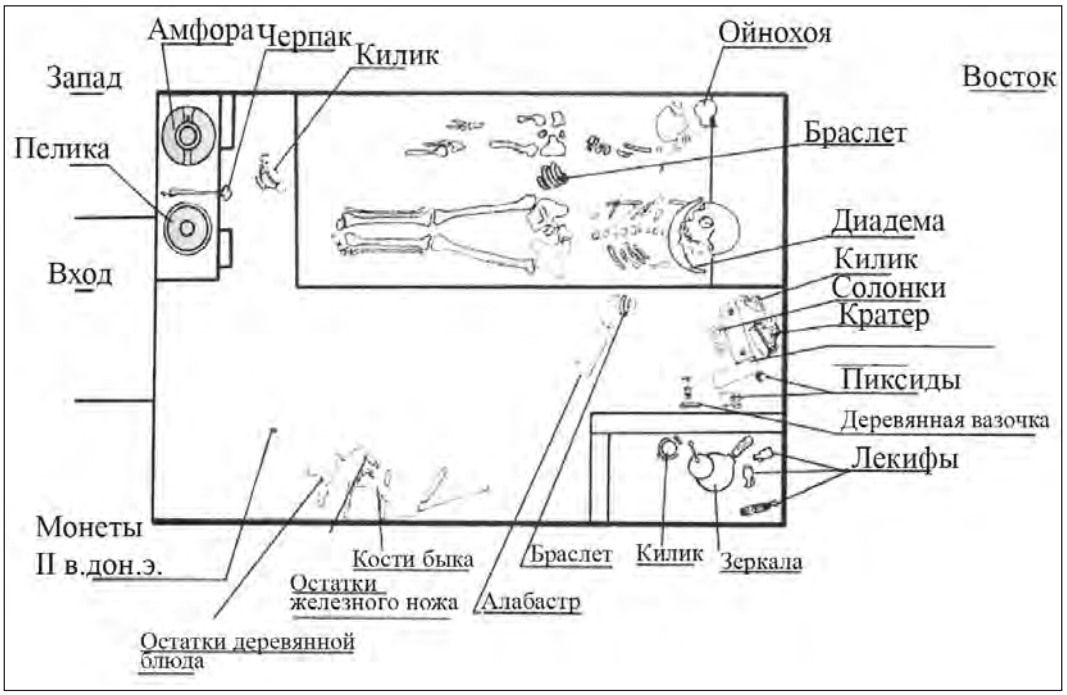


Рис. 3. Схема расположения предметов в склепе.

Вопрос о взаимодействии местных варварских и привнесенных эллинских культов чрезвычайно сложен и выходит за рамки данной статьи. Вероятнее, в непосредственной близости от греческих полисов на основе более древних местных религий могли формироваться синкретические культы, в которых сочетались черты тождественных божеств. Жрицей такого культа хтонического женского божества, ответственного за плодородие почвы, и могла быть погребенная женщина.

Более точное суждение, на мой взгляд, возможно после выявления и детального исследования культовых сооружений этого региона. В современных представлениях о них «остается много неясного, подчас даже основное предназначение каждого такого объекта находится в области туманных гипотез» [Зинько, 2008, с.11]. Но в случае, если женщина из Старшего кургана и не была жрицей, она, тем не менее, вследствие своего высокого социального статус была посвящена и исполняла определенные обряды сакрального характера.

Интересен вопрос о назначении стеклянных медальонов. Еще Н.З. Кунина выразила сомнение в возможности того, что они могли использоваться в качестве вставок, поскольку стеклянные вставки, украшавшие мебель, саркофаги и пр., «обращены выпуклой стороной к зрителю, и, кроме того, они значительно более выпуклые» [Кунина, 2000, с.189-190]. Невозможность

Рис. 4. Погребальная камера склепа. Остатки шкатулки и другие предметы.

гипотетических предположений относительно назначения эрмитажных медальонов объясняется отсутствием точных данных о контексте находок.

О медальоне из женского захоронении Старшего кургана известно, что он был найден рядом с лежанкой у восточной стены (рис.3), где вместе с остатками деревянной шкатулки были обнаружены две пиксиды, три чернолаковые т. наз. солонки (одна с графитти К), краснофигурный кратериск, килик, четыре костяных кружка, которые «могли служить украшением шкатулки», а также костяной миниатюрный гребень (рис.4).

Д.С. Кирилин, по первым впечатлениям, в полевом дневнике предположил, что найденные между лежанкой и каменной загородкой обработанные доски могли быть как шкатулкой, так и небольшим столиком [Кирилин, 2008, с.296]. Впоследствии, вероятно, благодаря Н.И. Сокольскому, который в процессе сбора материалов для монографии познакомился с коллекцией Керченского музея, сохранившиеся фрагменты были определены как остатки « ларца типа прямоугольного греческого сундучка» [Сокольский, 1971, с.127, 283]. Хранящаяся в фондах Керченского заповедника доска от этого ларца покрыта сверху темным коричневым лаком (?), она декорирована в технике интарсии тонкой полоской дерева с более светлой древесиной (рис.5). Тыльная сторона доски не обработана. У края доски сохранилась круглая выемка, диаметр которой составляет – 2,7 см, что меньше размера медальонов, а, значит, и использование их в качестве вставок невозможно.

Рис. 5. Фрагмент доски шкатулки. Фонды КИКЗ,КД-208.

В ареале этих же вещей, в районе шкатулки, было найдено еще одно изделие из стекла, возможно, вставка - овальной формы, с одной выпуклой и другой слегка вогнутой сторонами [Трейстер, 2008, кат.43,

Рис. 6. Стеклянная вставка. Фонды КИКЗ, Б-2317.

Рис. 7. Погребальная камера склепа. Фрагменты деревянных изделий у края загородки.

с.30]. Стекло вставки – прозрачное, слегка желтоватое. Примечательно, что на выпуклой стороне вставки процарапано плохо видное из-за иризации графитти в виде ветви или дерева (рис.6). Во втором случае его можно интерпретировать как изображение древа жизни, с которым соотносились идеи изобилия как высшей степени плодородия, а также идея рождения жизни как некоего начала.

Прежде чем высказать возможные предположения о назначении медальонов и вставки, хотелось бы отметить еще один момент, связанный с местом находки медальонов и вставки. Множество гипотез вызывает то обстоятельство, что вещи в восточной части камеры склепа были сосредоточены в двух местах. Часть их была найдена между лежанкой и небольшой загородкой из камней, а часть внутри последней. Хочется обратить внимание на одну деталь, описанную Д.С. Кирилиным в полевом дневнике и нигде более не повторяющуюся. В момент открытия склепа в восточной части обращало на себя внимание «обилие обломков дерева – от мелких кусочков до больших кусков со следами обработки» [Кирилин, 2008, с.296]. На одной из сохранившихся фотографий, запечатлевших ситуацию in citu, хорошо видны несколько крупных кусков у самого края камней загородки (рис.7). На другом снимке у северной стены склепа прослеживается даже ровная граница древесного тлена у самой стены. Все это позволяет предположить, что, возможно, первоначально все вещи, или большая их часть в восточной части склепа стояли либо на столешнице, либо просто на обработанных досках, опиравшихся на камни загородки. Во всяком случае совершенно ясно, что кроме шкатулки, пиксид и курильницы здесь находились и другие предметы из дерева.

Расположение стеклянных медальонов среди вещей, хранившихся в шкатулке, где, по крайней мере, два предмета неоспоримо могли использоваться в культовых целях – миниатюрный костяной гребень, украшенный циркульным орнаментом и красной краской, и деревянная курильница,

позволили Д.С. Кирилину интерпретировать медальоны с изображением коня и человеческой фигуры как «талисман» [Кирилин, 2008, с. 281].

Использование медальонов в качестве амулетов-оберегов, или талисманов, обеспечивавших покровительство изображенных на них богов или героев, представляется вполне вероятным. Символика графитти на овальной вставке также укладывается в религиозные верования античного времени. Возможно, что вместе с остальными предметами, найденными вместе со шкатулкой, все три вещи использовались также и в культовых обрядах.

Учитывая, что оба круглых медальона, по сути, являются линзами, представляется возможным, что они могли служить в качестве элементов каких-то неизвестных нам оптических систем. И если о назначении медальонов можно судить только предположительно, то бесспорно одно – в женском захоронении Старшего кургана были найдены уникальные произведения искусства IV в. до н.э., которые будут способствовать более глубокому пониманию погребальных культов туземного населения Боспора и прилегавших к нему территорий.

ЛИТЕРАТУРА

Бессонова С.С., Кирилин Д.С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана // Скифы и сарматы Сб. ст. Киев, 1977. с.128-139.

Зинько В.Н. Сельские святилища Нимфейского полиса //Боспорские исследования. - Вып.XIX.- Симферополь-Керчь, 2008.

Зинько Е.А. Сакральная скульптура сельской округи Нимфея.//Боспорский феномен.- СПб., 1999.с.188-194.

Кирилин Д.С. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Сб. статей к столетию со дня рождения акад.- С.А. Жебелева, 1867-1967 гг / АН СССР. ИА. Л.:Наука, 1968 г. С.178-188.

Кирилин Д.С. Археологические раскопки Керченского историко-археологического музея у д. Огоньки в 1964-1965 гг.// Научный сборник Керченского заповедника. Вып.2. Керчь. 2008. с.247-311.

Клочко Л.С., Березова С.А. Костюм боспорських жінок//175 лет Керченскому музею древностей. Сборник тезисов. Керчь, 2001. с.105-108.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов. // Скифы и сарматы. Сб. ст. Киев, 1977. с.96-119.

Кунина Н.З. Стеклянные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея. // Античное Причерноморье. Сб. ст. С.-Пб., 2000. с.186-191.

Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. Гос. Эрмитаж. Издательство «АРС», 1997.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. // МИА, № 178, М. 1971.

Трейстер М.Ю. Гарнитур украшений из погребения №1 Старшего Трехбратнего кургана.// Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII-I вв. до н.э.СПб. 2006. с.164-190.

Трехбратние курганы. Под ред. В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстера// Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Т.3. Симферополь-Бонн. 2008.

Античная скульптура. Т.1. Киев, 2004.

Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре (Греко-скифские отношения в VII -III вв. до н.э. Диссертация на соискание степени доктора исторических наук. 1985.Архив КИКЗ, оп.5, ед.хр.93.

N.V. Bikovskaya

GLASS WARE FROM FEMALE BURIAL DATED BACK TO THE 4TH CENTURY BC FROM STARSHY KURGAN OF «THREE BROTHERS» RIDGE

Summary

In 1965, in the outskirts of Kerch an intact female burial dated back to the 4th century BC was found in Starshy kurgan of «Three brothers» ridge. A representative of local nobility was buried in the crypt. She was presumably a priestess of a goddess connected with the fertility of soil. A magnificent set of jewelry, which was found on the buried lady, is stored in the museum of historic valuable (Kyiv). The rest part of the funeral complex is kept in the Kerch Historical and Cultural Reserve. Unique samples of ancient arts – glass medallions with drawings, which might have been used either as amulets or in cult rituals, occupy a significant place among these items from the crypt.

А.Н. ШАМРАЙ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ УЗЛОВОГО НАВИГАЦИОННОГО ПУНКТА АЗИАТСКОГО БОСПОРА – КОРОКОНДАМЫ *

За полтора последних десятилетия в решении проблем научной локализации «потерянных» городов Азиатского Боспора, к которым относилась и Корокондама, прослеживались два подхода. Первый можно условно называть классическим. Его сторонники в своих палеогеографических реконструкциях расширяли источниковедческую базу и на этой основе уточняли традиционную схему географических привязок [Паромов, 1992, с. 109 – 172; Абрамов - Паромов, 1993, с. 25 – 98; Завойкин, 1997, с. 130 – 137; 1998, с. 134 - 145; 1999, с. 220 – 236; 2000, с. 47 – 62; Сударев, 1998, с. 237 – 252; Шестаков, 2002, с. 37 – 39]. Второй подход – более радикальный или «романтический» – выражен в работах Ю. Горлова [1996, с. 60 – 76] и В. Зубарева [1999, с. 123 – 145].

Ю. Горлов, основываясь на отдельных второстепенных и неоднозначных определениях из текста «Географии» Страбона, опуская весь основной массив информации письменного источника о географическом объекте, предлагал считать южным пределом Боспора Киммерийского по его азиатской стороне мыс Бугаз на Таманском полуострове, который удалён от пролива на 18 км к востоку. Здесь, по его мнению, и располагалась Корокондама, а «выше» (в трактовке Ю. Горлова – ниже), в 10 стадиях от неё, Корокондамский залив (современный Кизилташский лиман) впадал в море, т.е. в Понт Эвксинский [Горлов, 1996, с. 64]. Данная идея не нова, а её критика наиболее полно обоснована еще в 1891 г. М. Поночевным [Поночевный, 1891, с. 15 – 19].

Полярно противоположное мнение о локализации Корокондамы предлагалось В. Зубаревым [1999, с. 131 – 132]. Приспосабливая реконструкцию координатной системы Птолемея для Азиатского Боспора, автор принимает за Корокондаму обширное городище в станице Тамань, известное как Гермонасса – Самкерц – Матрега – Тмутаракань. Таким образом, автор смещает поселение в глубь залива и относительно его ориентирует традиционную схему расположения прибрежных селений и городов Азиатского Боспора, т.е. фактически её разрушает.

---

* В основу данной работы положены тезисы доклада, представленного автором на конференции в г. Керчи в 2004 г. «V Боспорские чтения». [Шамрай, 2004 , с. 397 – 407] Работа расширена включением в неё источниковедческого и палеогеографического аспектов вопроса.

Работы как первого, так и второго автора противоречат не только совокупным данным всех известных на сегодня письменных источников, но и современным археологическим фактам. Стоит отметить, что в этих работах наиболее ценным для нас моментом является то, что оба автора в своих разработках использовали селение Корокондама как опорный географический ориентир, другими словами, точку отсчёта, тем самым показали её центральное географическое значение, по крайней мере, для Азиатского Боспора.

На наш взгляд, возникновение «романтического» направления научной мысли в основном базируется на двух источниковедческих и, по крайней мере, одной методологической проблемах. Первая – связана с логической двойственностью перевода пассажа Страбона о расположении городов Азиатского Боспора «при въезде в Корокондамитское озеро» (*Strabo* XI. 2, 10). Вторая – это путаница и неопределённость в источниках, описывающих населённые пункты за ближайшими пределами Боспора Киммерийского (*Strabo* XI. 2, 4; *Ps. Arr* 64, 76).

И третья – отсутствие системной методологии отсчёта морских расстояний между прибрежными античными географическими пунктами. В этой связи локализация данного поселения может оказаться ключом к разрешению отмеченных выше палеогеографических проблем.

По мнению большинства исследователей, селение Корокондама располагалось где-то у мыса Тузла (Таманский полуостров), но до начала текущего столетия убедительных археологических признаков его точного расположения не было выявлено. В конце 60-х гг. прошлого столетия краткий итог многолетних дебатов по этому вопросу был подведён Н. Сорокиной в монографии «Тузлинский некрополь» [Сорокина, 1957, с. 48 – 50], где автор наметила основные принципы системного подхода в будущих поисках Корокондамы как самого раннего поселения Боспора Киммерийского. В нашем понимании, эти принципы определяют три направления научных изысканий:

1. Осмысление источников письменной традиции, свидетельствующих о Корокондаме;
2. Учет географических изменений, произошедших за 2,5 тыс. лет;
3. Поиск археологических признаков поселения.

В решении этих вопросов мы предлагаем на первом этапе с помощью источников античной письменной традиции определить место поселения в общей палеогеографической системе Боспора Киммерийского, а в графической модели этой системы показать селение как один из узловых навигационных пунктов античного Боспора. Для этого нами использованы три основных источника, которые наиболее полно отражают суть поставленного вопроса – это «География ...» Страбона (по Латышеву, ВДИ 1947, № 4, с. 236 – 300 , пер. П.И. Прозорова); хрестоматия к «Географии» Страбона неизвестного византийского автора II-III в. н.э. ([по Латышеву, ВДИ 1947, № 4, с. 300 – 306) и «Перипл Понта Эвксинского…» Псевдо Арриана (по Латышеву, ВДИ 1948, № 4, с. 657 – 669, пер. Э.Н. Штерна). Сведений, имеющихся

в перечисленных источниках достаточно, чтобы создать сводный информационный блок об античном поселении Корокондаме как о навигационном пункте Азиатского Боспора (см. таблица 1).

В разработке навигационных моделей этого пункта мы исходим из двух фундаментальных палеогеографических принципов:

1. Все источники античной письменной традиции, описывающие побережье Северного Причерноморья, в своей основе периплы («объезды»), т.е. древние лоции – руководства для мореплавания. [Стратановский, 2004, с. 590, *сн.* 27]. Вследствие этого все прибрежные географические пункты, указанные в периплах, использовались как навигационные ориентиры, а большинство из них и как места отсчёта параметров корабельного пути. Но только немногие имели значение *узловых*, т.е. тех, которым давались географические определения, от них велись наблюдения в разных направлениях, указывались маршруты и время плавания по ним, отсчитывались расстояния. *Точками отсчёта* в данных измерениях и наблюдениях, по навигационному контексту письменных источников, являлись места якорных стоянок судов в *гавани* или *рейдовые якорные стоянки*.

2. Повышение уровня моря за прошедшие два с половиной тысячелетия привело к географическим изменениям берегового ландшафта. Для Азиатского Боспора с его пологим долинным рельефом эти изменения коснулись полосы берега шириной около полукилометра. Поэтому все «потерянные» прибрежные населённые пункты необходимо искать в пределах современного шельфа пролива, до глубин 4,5 м. [Агбунов, 1987, с. 19 – 20], а их территориальные элементы (пристани, гавани и рейдовые стоянки), связанные с античными морскими коммуникациями, – на глубинах от 4,5 до 9 м.

Модели, предложенные нами в картографическом (навигационном) варианте (*см*. рис. 1, 2, 3), отражают географические концепции каждого из вышеназванных античных авторов и в то же время компактно, образно и наглядно представляют историко-географическую ситуацию на Киммерийском Боспоре в первые века н.э. Кроме того, модели со всей очевидностью показывают, что сведения всех трёх письменных источников дополняют друг друга, и характеризует само поселение как один из узловых навигационных пунктов Боспора (см. таблицу смысловых навигационных определений – 1). В этом качестве селение определено Страбоном как южный «предел … Киммерийского Боспора» по его азиатской стороне, а составителем хрестоматии его «Географии» как «юго-восточное устье Боспора» (*см*. табл. – 1, п. 2). В одном из вариантов этимологических разработок варварских топонимов Северного Причерноморья селение Корокондама означало «место у пролива» [Трубачёв, 1977, с. 19 – 20].

Во всей системе многочисленных навигационных определений Корокондамы, на наш взгляд, имеются два смысловых ключа, которые могут приоткрыть завесу над загадкой местонахождения поселения.

Первый ключ - это «линейная координатная составляющая» расположения Корокондамы (*см.* табл. – 1, п. 3). Страбон упоминает лежащую «против неё (К о р о к о н д а м ы – моя разрядка, А. Ш.), в Пантикапейской земле», деревеньку «по имени Акра», отделённую от последней «семьюдесятью стадиями водного пути» (*Strabo.* XI. 2, 8). У античных авторов эти два селения отмечали южную границу Киммерийского Боспора, куда доходил ледяной покров пролива. Второй источник, «Перипл …» Псевдо Арриана, уточняет расположение деревеньки Акра относительно городища Нимфей, надёжно локализованного в наше время, « …; от Нимфея до деревушки Акры 65 стадиев,…». (*Ps. Arr.* 76)

В 1983 г. у села Заветное (Керченский полуостров) эта «деревенька» была обнаружена на глубине от 0 до 3,5 м вдоль косы мелководного солёного озера Яныш [Шилик, 1987, с. 271 – 281]. Кроме самого поселения, прямо напротив него к востоку, в пределах 300 - 500 м от современной береговой линии открыта и точно локализована его гавань, а несколько далее и рейдовая якорная стоянка [Шамрай, 1993, с. 29 – 41]

Основываясь на предложенной нами идее считать гавани и якорные стоянки точками отсчёта морских расстояний в античное время [Шамрай, 2003, с. 279], попытаемся использовать гавань Акры в качестве такой точки отсчёта, тем более что оба морских маршрута от Акры до Нимфея и предполагаемой Корокондамы являются прямыми. В первую очередь уточним расстояние до Нимфея. Для объективности оценки предлагаемой нами методики, расчёты проведены по двум значениям стадия, известным из «Географии … » Страбона (*Strabo.* VII. 7, 4). В измерениях расстояний, проведённых на современной карте Керченского пролива № 35130 от 12.02.2000 г. (масштаб 1: 50 000), эти значения, соответственно, равны: для стадия Полибия в 178 м - 11,57 км, для стадия Страбона в 185 м – 12 км. Разница фактически небольшая и оба значения стадия приводят нас к Нимфею. Но для принципиальной оценки наших расчётов показательно то, что в первом случае расстояние несколько не дотягивает до предполагаемого места локализации гавани Нимфея [по Агбунову, 1987, с. 104], а во втором – конечная точка маршрута ложится прямо на ее центральную зону. В данном варианте замеров, когда отрезок морского пути короткий и фактически прямой, а точки начала и конца морского пути расположены в створе с населёнными пунктами (линия поселение - гавань - якорная стоянка перпендикулярна линии корабельного пути), мы имеем идеальный случай проверить величину стадия Арриана, которая, по нашим измерениям, соответствовала стадию Страбона.[1] Таким образом, у нас нет никаких серьёзных оснований сомневаться в том,

[1] Мы принимаем аргументацию М. Агбунова по проверке величины стадия Арриана для каждого конкретного случая [*см*. Агбунов, 1987, с. 15], но не систему расчётов, предложенную этим автором [*см.* Агбунов, 1985, с. 52 – 54], так как в данной системе не определены и не локализованы точки отсчёта морских расстояний.

что у с. Заветное открыто селение Акра, и мы можем использовать его гавань в дальнейших измерениях как «точку» отсчёта.

Место гавани и якорной стоянки древних судов у мыса Тузла – района предполагаемого местонахождения Корокондамы, нами также определено [Шамрай, 2003, с. 284]. Расположение точек отсчёта на участке морского пути между Акрой и мысом Тузла несколько отличается от предыдущего маршрута. Здесь они лежат на линии корабельного пути, которая параллельна или совпадает с линией расположения поселений. А это значит, что со стороны гавани Акры до древней береговой линии в «Пантикапейской области» ещё оставалось морское пространство шириной около 0,3 км или 1,6 стадия, а со стороны гавани у мыса Тузла почти на порядок больше, около 0,5 км или 2,8 стадия. Значительная разность в данных отрезках объясняется тем, что рельеф дна у таманского берега пролива пологий, вследствие этого глубины здесь возрастают постепенно. Поэтому в античное время место в проливе с глубинами в 1 – 2,5 м, где сформировалась античная гавань, было удалено от древней линии берега в два раза дальше, чем у крымского берега, где рельеф дна круче, а нарастание глубин резче. Такое пространственное различие мест расположения точек отсчёта показывает, что истинное расстояние между географическими ориентирами (в данном случае поселениями) будет значительно больше отрезка водного пути в 70 стадий, указанного Страбоном.

Проведённые по той же методике расчёты показывают, что расстояние между гаванью Акры и гаванью у мыса Тузла для стадия Полибия равно 77,2 ст., а для стадия Страбона – 74,3 ст. Здесь нам представлена, на первый взгляд, парадоксальная ситуация - даже между гаванями, длина водного пути намного больше, чем указывал Страбон, с учётом округления она равна 75 ст. Положение приходит в соответствие письменному источнику, если за точки отсчета принять рейдовые якорные стоянки поселений, которые были удалены от берегов ещё дальше, чем гавани. На этом основании мы склонны думать, что источник Страбона, проводивший измерения водного пути между Корокондамой и Акрой, осуществлял это с грузового судна, которое не могло войти в мелководные гавани данных поселений, поэтому Страбон вполне определённо и указывал на величину именно «водного пути» между поселениями, а не на ширину пролива, как это трактуется во всех изданиях перевода «Географии…», по Г. Стратановскому [Стратановский, 2004, с. 297]. Истинная же ширина пролива между древними берегами на линии мыс Тузла – Акра равнялась, примерно, 80 стадиям или 14,8 км, это расстояние между современными изобатами глубин 4 - 5 м – предположительно древними береговыми уступами. Между современными береговыми уступами пролив имеет ширину уже 15,5 км или 84 стадия. Как следует из простых расчётов, ширина прибрежной акватории пролива между античной рейдовой якорной стоянкой у мыса Тузла и современным берегом составляет около 1,5 км. В этой полосе на линии рифа открыта гавань, но признаков самого поселения, даже на поглощённой морем части мыса, не выявлено.

Таким образом, «линейный координатный ключ» не приводит нас к конкретному местоположению Корокондамы, но максимально приближает наши поиски к предполагаемому району её расположения в юго-восточной части пролива - мысу Тузла. Действительно, если попытаться использовать упомянутый ключ в поиске Корокондамы в других местах западного побережья Таманского полуострова, то можно выйти на античные якорные стоянки у хутора Кротки (4 км к югу от мыса Тузла) или у мыса Панагия (8 км к югу от мыса Тузла), которые тяготеют к античным безымянным селениям, расположенным на берегу [Кастанаян, 1959, с. 290 – 295; Коровина, 1962, с. 301 – 319; Абрамов, Паромов, 1993, с. 25 – 98; Кондрашов, 1995, с. 55 – 67]. Но в этом случае нам необходимо будет признать, что величина водного пути между крайними точками отсчёта (рейдовыми якорными стоянками Акры и указанными выше пунктами) будет увеличиваться в первом случае до 75 стадий, во втором до 85 стадий, так как линия берега на этом участке постепенно отклоняется к юго-востоку.

Кроме того, даже гипотетическая локализация Корокондамы в этих местах противоречит основному массиву информации о памятнике как узловом навигационном пункте Боспора. В этом районе мы не найдём места, за исключением мыса Тузла, где бы поблизости лежало довольно большое озеро, которое по имени поселения называлось Корокондамским и которое в 10 стадиях выше деревни соединялось с морским проливом (*Strabo* XI. 2, 9). В свою очередь Псевдо Арриан называл это озеро очень большим заливом в 530 стадиев по окружности. А самым, пожалуй, веским аргументом является то, что в юго-восточном углу Керченского пролива, кроме мыса Тузла, нет нигде признаков песчаного перешейка или узкой полосы между озером-заливом и морем-проливом, где, по Арриану, лежало селение Корокондама (*Ps. Arr.* 64). Здесь, на наш взгляд, мы подошли к «географическому ключу», который достаточно определённо указывает на месторасположение «потерянного» поселения.

Некоторые исследователи склонны думать, что этот географический объект – узкая полоса суши (коса) – находился на месте современного Тузлинского рифа. Данное предположение было впервые высказано Д. Беренбеймом. Но если этот автор допускал расположение у предполагаемой косы только удобной гавани [Беренбейм, 1959, с. 46], то современные исследователи помещают на ней уже само поселение – Корокондаму [Агбунов, 1987, с. 84; Куликов, 1994, с. 98; Федосеев, 1999, с. 88 и рис. 8; Кондрашов, 2000, с. 160]. Но, как мы уже упоминали выше, в полосе подводного рифа не обнаружено никаких археологических признаков античного поселения. Вдоль самого Тузлинского рифа, до глубин в 4 м, отмечались только относительно редкие окатанные фрагменты керамики [Шилик, 1982, с. 13] и надгробные стелы [Кондрашов, 2001, с. 73]. Далее по линии рифа на современной глубине 5 – 7 м определено место гавани [Шамрай, 2003, с. 277 – 288], а в пределах 0,5 – 0,8 км от её предполагаемого центра к северо-западу,

на глубине 7,5 – 9 м, открыты признаки рейдовой якорной стоянки античных грузовых судов [Шамрай, 2003, с. 289 – 290].

Кроме того, сама природа образования под водой обширных, вытянутых в широтных направлениях каменных гряд у западного побережья Таманского полуострова, связана с длительным и относительно постоянным процессом абразии этого участка дна и берега на протяжении всего периода голоцена. Морем разрушаются неустойчивые к размыву материковые слои, залегающие выше гребней мшанковых известняков верхнесарматского геологического яруса. Перемещение материкового материала от разрушаемого морем участка побережья между мысами Тузла и Панагия происходило и происходит в сторону бывшей косы Тузла (ныне остров Тузла) [Шнюков и др., 1981, рис. 56]. Образование песчаных кос – это повсеместное и закономерное геоморфологическое явление, которое приводит к постепенному отгораживанию подтопленных прибрежных долин от моря. Обусловлено это повышением уровня моря, а также действием господствующих ветров, определяющих характер волнового воздействия и режимы течений. Характерно, что косы-стрелки с самого начала формируются на выходе долины к морю, в местах встречных потоков наносов и в сторону преобладающих течений, вдоль основной линии берега. У мыса Тузла этот процесс наложен на глубинные тектонические разломы, разнонаправленные подвижки которых и определяют географическое положение, происхождение и развитие озера Тузла, а вместе с ним и песчаной косы, отделяющей его от пролива [Шнюков и др., 1981, с. 124, рис. 84; рис. 8, с. 137]. По нашему мнению, именно с таким комплексом геологических и геоморфологических явлений необходимо связывать образование песчаной косы - «*перешейка или узкой полосы между озером и морем*» где, согласно Арриану (*Ps. Arr.* 64), и стояла Корокондама. Такое место в юго-восточной части Боспора могло быть только одно – это район современной пересыпи, лежащей к северо-востоку от мыса Тузла, между мелководным озером Тузла и проливом (рис. 4).

В середине первого тысячелетия до н. э. этот приморский район выглядел совершенно иначе. В настоящее время среди специалистов утвердилось устойчивое мнение, что уровень пролива был на 4,5 – 5 м ниже современного [Блаватский, 1985, с. 224; Горлов, 2004, с. 121; Шамрай, 2005]. На этом основании можно допустить, что древняя береговая линия у мыса проходила в пределах современной изобаты глубин 4,5 – 5 м. В подтверждение этого в 1981 г. при подводных археологических разведках Тузлинского рифа на расстоянии 450 м от современного берега на одной из подводных скал были обнаружены строительные остатки эллинистического периода. Развал обработанных прямоугольных блоков и обломки амфор вокруг них залегали на восточном склоне подводной скалы, на глубине от 3 до 4 м [Шамрай, 2003, рис. 2.2]. Данный объект, вполне может служить ориентиром, указывающим на примерную ширину прибрежной полосы, поглощённой морем за 2,5 тыс. лет.

Мы считаем, что именно до этого места доходил материк, а береговой обрыв здесь имел оплывший склон и был на треть ниже современного, возможно, около 8 - 10 м, поэтому данное место можно условно принять за крайнюю западную точку древнего мыса в V – IV вв. до н.э.

«Тузлинский риф» на последней стадии отступления моря в VI в. до н.э. (стабилизации Фанагорийской регрессии) представлял собой цепочку обнажённых скальных образований, поднятых над древним уровнем пролива на высоту до 3,5 м. Среди этих прибрежных скал, уходящих полосой в пролив, на расстоянии 350 – 450 м от древней линии берега, где глубина моря соответствовала 1 – 2 метрам, постепенно сформировалась гавань античного поселения. Одновременно с гаванью, в 500 – 900 м к северо-западу от последней, определилось и место рейдовой стоянки судов большого водоизмещения. Оно располагалось вокруг выступавшей из воды вершины одиночной подводной скалы [Шамрай, 03, рис.1.3]. Здесь глубина пролива в конце VI – начале V вв. до н.э. доходила до 2,5 – 4 м.

К северу и северо-востоку от древнего мыса, так же, как и в наши дни, материковый склон переходил в пологую низкую террасу, от которой в том же направлении и лежала древняя песчаная коса. В настоящее время её остатки скрыты водами пролива. Между косой и склоном материка существовала более глубоководная, чем сегодня, лагуна, которая, собственно, представляла собой юго-западный угол Корокондамского озера-залива. Можно предполагать, что, в античное время лагуна ещё не была отделена от озера внутренними поперечными песчано-илистыми валами-барами и представляла собой открытую к озеру водную акваторию. Вполне может быть, что линия берега современной пересыпи со стороны пролива являлась внутренней береговой линией древней косы. Сегодня здесь на небольшом расстоянии параллельно берегу залегают узкие однослойные гряды из глыб ломанного рифового известняка. Под некоторыми из камней находят обломки эллинистической керамики, не окатанные морем. Не исключено, что эти гряды были созданы в античное время как берегоукрепительные сооружения вдоль внутренней к лагуне стороне косы. На основании изложенного материала мы склонны думать, что в письменных источниках удостоверен бесспорный факт существования именно этой «узкой полосы» между Корокондамским озером и морем. Сравнительный анализ данных Страбона и Псевдо-Арриана относительно места расположения Короконда-мы недвусмысленно показывает, что примерная её длина была 10 стадий, или 1,85 км (табл. 1, п. 3.1), а за ней находился вход в Корокондамское озеро – залив, которое здесь же изливалось в море-пролив. С геоморфологической точки зрения эта коса-стрелка отмечала начальную стадию формирования обширной современной песчаной косы, названную на русских картах XVIII – XIX вв. Южной косой, в XX в. – Средней косой, а сегодня косой (островом) Тузла.

Геоморфологические наблюдения, проведенные нами в этих местах, в общих чертах подтверждают предлагаемую здесь реконструкцию. В частности,

при строительстве дамбы к острову Тузла в 2003 г. по одному из песчаных баров солёного озера Тузла была проложена гравийная дорога. Вдоль неё в нескольких местах образовались котлованы глубиной до 1 м, в них наблюдалось чередование песчано-илистых слоёв с раковинными отложениями лагунного вида, толщиной до 0,5 м.

Что же касается древнего селения, располагавшегося на этой косе, то его археологические признаки выявлялись в течение длительного времени. При первом знакомстве с побережьем мыса Тузла в 1981г. мы обратили внимание на рассказ местного рыбака о частых находках обломков античных сосудов, выброшенных морем на пляж косы. И уже в 1982 г. аквалангисты БПАО* у этой косы на глубине около 2 м собрали множество глиняных обломков толстостенных сосудов, большинство из которых были не окатанными [Шилик, Шамрай, 1982, с. 10]. Основной массив керамики располагался к югу от двух участков нагромождений камней, растянутых в виде гряд перпендикулярно линии берега косы. В том же сезоне к югу от территории рыболовецкого причала в обвале склона невысокого прибрежного обрыва обнажилась западная стена шахты колодца высотой около 2,5 м. Колодец был сложен «в перехват» из камней известняка местной породы, носивших следы обработки. К лету 1983 г. колодец был полностью разрушен абразией берега.

В 1984 г. нами составлен схематический план части береговой линии косы оз. Тузла [Шилик, 1984, рис. 80]. На плане отмечены все известные на то время археологические объекты, расположенные под водой вдоль песчаной косы солёного озера. При подводных археологических разведках, проведённых у косы на грядах, в завалах камней выявлены большое количество окатанной античной керамики и каменные блоки со следами обработки. Найти россыпи обломков керамики, обнаруженные здесь в 1982 г. не удалось, очевидно, они были скрыты песчаными наносами. В полосе пляжа напротив каменной гряды собран подъёмный материал, среди которого находились: обломок верхней части горла синопской амфоры, обломок пантикапейской черепицы и рыболовные грузила из гальки. Все предметы были окатанными [Шилик, 1984, с. 13].

Только к 1986 г. слой наносов к югу от каменной гряды был частично смыт, и здесь были найдены две совершенно неокатанные горловины хиосских амфор (рис. 6) второй половины V в. до н.э. [по Монахову, 1999, табл. 51]. На самой гряде в очередной раз отмечались находки обработанных каменных блоков [Шилик, 1988, с. 193]. Среди случайных находок из моря необходимо отметить целую синопскую амфору IV в. до н.э. (рис. 7). Она была найдена в 1986 г. аквалангистом - собирателем раковин рапаны из села Заветное (Крым) к северу от мыса Тузла, напротив пляжа озера Тузла,

* БПАО ЛОИА АН СССР - Боспорский подводно-археологический отряд Ленинградского Отделения Института Археологии Академии Наук СССР. Организован в 1982 г. Руководитель К.К. Шилик – геоморфолог, кандидат географических наук, научный сотрудник ЛОИА.

на глубине 4,5 - 5 м. Приведённые выше факты, в сопоставлении с данными аэрофотосъёмки этого района пролива, позволили К. Шилику высказать мнение о расположении у косы озера довольно крупного поселения размером 300 на 400 метров, которое он отождествил с Корокондамой [Шилик, 1988, с. 191–193; 1991, с. 429 -434]. К сожалению, научного отзыва и дальнейшего развития это предположение не получило, очевидно, по причине отсутствия достаточного археологического обоснования.

Из краеведческих источников известно, что в 1991 г. у косы озера Тузла подводные разведки проводились Краснодарским клубом аквалангистов под эгидой неизвестных нам специалистов. Здесь были обнаружены: амфоры, зернотёрка, остатки стен строений, крепостные башни [Куковякин, 1991]. Деятельность клуба не имела продолжения, и нам не удалось найти какой-нибудь отчётной документации этой экспедиции, поэтому мы склонны думать, что эти работы носили случайный любительский характер.

С 1992 по 1998 гг. у мыса Тузла подводные археологические разведки проводились совместной экспедицией Краснодарского музея-заповедника и Волгоградского клуба подводников под руководством А. Кондрашова. Основное внимание уделялось изучению якорных стоянок античных судов у Тузлинского рифа.* Разведки под водой вдоль песчаной косы озера Тузла практически не проводились, но всё же А. В. Кондрашов отмечает наличие в 400 м севернее мыса «в волноприбойной зоне следов искусственной каменной гряды, вытянутой на протяжении нескольких десятков метров в направлении север-юг, и возвышающейся над уровнем дна более чем на 1 метр. Среди камней обнаружена неокатанная красноглиняная керамика IV – II вв. до н.э., в том числе фрагменты чернолаковой чаши и фасосской амфоры. Глубина находок составляет 2,2 – 2,5 м» [Кондрашов, 2000, с. 160]. Автор считал, что эти следы поселения преждевременно отождествлять с потерянной Корокондамой в связи с их полной неизученностью. В другой своей работе А. Кондрашов снова упоминает отмеченный выше объект и уже допускает возможность расположения здесь Корокондамы - как одного из самых ранних поселений Боспора [Кондрашов, 2001, с. 74].

Приведённый выше краткий историографический обзор накопления сведений об археологических объектах под водой у песчаной косы озера Тузла показывает, что здесь, очевидно, выявлены следы античного поселения, изучение которых до настоящего времени не носило системного характера.

С 2000 по 2003 гг. в рамках краеведческих наблюдений за процессом разрушения морем античных памятников вдоль побережья Таманского полуострова

---

* Якорные стоянки у мысов Тузла и Панагия открыты керченскими аквалангистами – краеведами [Лаврухин, 1978; Шамрай, 1979; Кислый, Шамрай, 1981; Шамрай, 1981] и предварительно исследовались подводной археологической экспедицией ЛОИА АН СССР с 1982 по 1986 гг. [Шилик, 1982 - 85 гг.]

нами собрана дополнительная информация об этом поселении. В первую очередь мы ознакомились с материалами аэрофотосъёмки прибрежной акватории южной части косы озера Тузла, проведёной с вертолёта, с высоты в 180 м. Съёмки показали, что на фоне светлой поверхности моря визуально определяются две параллельные друг другу группы тёмных, очевидно, каменистых образований, залегающих перпендикулярно береговой линии. Первая, самая обширная юго-западная группа «подводных объектов» находится в 600 метрах от мыса Тузла, вторая примерно в 300 м к северу от первой, на расстоянии 100 - 250 м от берега. Подобные обособленные образования залегают и далее к северо-востоку, на протяжении 600 м вдоль всей косы, но здесь они в основном направлены параллельно берегу. Длина всего участка, где прослеживаются «подводные объекты», составляет около 1 км (рис. 4). Осмотры под водой юго-западной группы этих «объектов» показали, что они не являются естественными геологическими выходами известняков, а имеют признаки строительных остатков сооружений, большинство из которых линейно направлены. Вместе с тем, все они, без исключения, более чем на половину сложены из привозных окатанных «экзотических» пород камня. Строительные остатки из аналогичных пород камня отмечены на многих памятниках Азиатского Боспора в основном в архаических слоях [Миллер, 1936, с. 29; Кобылина, 1956, с. 15,17; Петрунь, 1967, с. 144 – 150; Щеглов, Селиванова, 1993, с. 48; Коровина, 2002, с. 32 и сл.]. Нам представляется, что самая монументальная и обширная юго-западная группа остатков сооружений вполне могла иметь оборонительное назначение. В её центре, на расстоянии 36 м друг от друга, расположены развалы двух округлых башнеобразных оснований диаметром около 18 метров. Склоны этих образований завалены окатанными валунами из базальта и диорита. Одно из этих сооружений - восточное, по всей видимости, имело продолжение в виде стены. Её остатки прослеживаются почти до самого берега.

Среди этих подводных нагромождений камней, и в непосредственной близости от них, местные и приезжие ныряльщики часто находят обломки амфор и других античных сосудов. В течение трёх лет мы занимались сбором сведений о таких находках. Большинство из них удалось описать и зарисовать. В общем количестве обнаруженных у южной гряды археологических предметов преобладали профилированные не окатанные обломки амфорной тары конца VI – III вв. до н.э. Они залегали непосредственно в камнях гряды или рядом с ней в слое прибрежно-морских отложений, не участвующих в современных процессах перемещения обломочного материала. Такие условия залегания в донных отложениях археологических предметов без следов длительного гидродинамического воздействия окружающей среды свидетельствуют о наличии на морском дне сохранившегося культурного слоя. В определённых природных условиях закрытых или полузакрытых прибрежных морских лагун, а также в зонах аккумуляции наносов формирование подводного археологического памятника, к примеру, затопленной или поглощённой части по-

селения, может происходить с частичным сохранением культурного слоя. Это явление можно считать распространённым, так как оно отмечено на всех археологических памятниках Таманского залива, где в последние годы ведутся подводные разведки или раскопки: Фанагории, Патрее, Береговом - 4. Очевидно, это наблюдается и у косы озера Тузла.

На берегу вдоль всей косы, напротив подводных строительных остатков, нами собрана довольно обширная коллекция античной керамики и остеологического материала, выброшенного морем во время сильных зимних штормов западных направлений. Многие обломки керамики были слабо или совсем не окатанными, а костные остатки носили следы минерализации от длительного пребывания в культурном слое под водой. Наибольшая плотность подъёмного материала приходится на участки 2 – 4 (рис. 4), это, вместе с основным массивом строительных остатков под водой, может указывать на примерные границы центральной части поселения. Собранная керамика представляет многие известные виды посуды и транспортной тары, употреблявшейся на Боспоре в эпохи ранней античности, поздней классики и эллинизма. 23 профилированных обломка амфор и отдельные образцы столовой посуды надёжно датируются в довольно узких хронологических рамках.

Эпоха ранней античности (VI – V вв. до н.э.) представлена обломками «ионийской» расписной чаши и амфоры, фрагментами кольцевых поддонов и профилированных частей амфор Клазомены, эолийских центров, Хиоса, Менды. Для времени поздней классики и эллинизма (IV – начало I вв. до н.э.) характерны профилированные части амфор из производственных центров Гераклеи и Синопы.

В части археологии приведённые краеведческие наблюдения в целом были подтверждены подводными археологическими разведками Краснодарского историко-археологического музея-заповедника в 2005 г.*

Историография вопроса вместе с представленным материалом позволяют сделать предварительные обобщения.

Вдоль современной косы мелководного солёного озера Тузла, в 600 м к северо-востоку от одноимённого мыса, на глубине от 1 до 2,8 м находятся культурные остатки обширного античного поселения. Культурный слой поселения, в определённой части, хорошо сохранился и залегает под слоем морских отложений незначительной толщины, не участвующих в современной динамике переноса грунта. Но при определённых и довольно редких гидрологических условиях верхний пласт культурного слоя обнажается от наносов, и из него формируется массив керамики, выброшенный на берег косы.

* Подводная археологическая экспедиция Краснодарского историко-археологического музея-заповедника под руководством А. Кондрашова проводила предварительные исследования поселения в августе 2005 г. Автор данной статьи являлся научным сотрудником экспедиции и непосредственным исполнителем подводных работ.

Строительный материал поселения, среди которого заметное место занимают привозные «экзотические» породы камня, при штормовом воздействии не перемещается. В редких случаях на берег выносит гальку и небольшие валуны диоритовых пород. Среди выброшенного штормом на берег известнякового галечника довольно часто встречаются рыболовные грузила. Все грузила типа «галька со смещённым отверстием» найдены на участке 0, остальные на участках 1 и 2. Наибольшая плотность выносимого на пляж косы строительного и керамического материала приходится на участки 2 – 4 (рис.4). Общая длина этих трёх участков около 800 м. Именно здесь отмечается наибольшее количество керамики различного назначения и остеологического материала. Вполне может быть, что этим определяются общие границы поселения.

Одним из территориальных элементов поселения являлся его некрополь. Он располагался на мысу и в той его части, которая в настоящее время разрушена морем [Сорокина, 1957; Кондрашов, 2001]. Через некрополь по верхнему материковому плато из Гермонассы к поселению подходила древняя дорога. В настоящее время её следы обрываются на разрушаемом морем мысе Тузла [Паромов, 98, рис. 2]. В античное время дорога могла проходить по северо-западному склону разрушенной части мыса, затем спускаться к косе и далее пролегать через поселение к конечному пункту переправы из «пантикапейской области» [Шестаков, 2002, с. 38]. У самого поселения со стороны древнего мыса дорога, вероятно, была защищена двумя сторожевыми башнями, остатки которых отмечены на участке 2. Эта дорога, возможно, являлась осевой линией самого поселения. Другим элементом поселения, несомненно, была его «Морская коммуникационная зона»**, куда входили гавань и якорная (рейдовая) стоянка судов. Как отмечалось выше, эти два памятника находились в полосе Тузлинского рифа.

На основании изложенного мы считаем, что у мыса Тузла находится археологически достоверный пространственный комплекс обширного приморского античного поселения, в структуру которого гармонично вписываются все его территориальные элементы. Косвенным, но веским аргументом, подтверждающим этот вывод, может служить сочетание местных особенностей погребального обряда, характерных только для жителей данного поселения и его ближайшей округи. В обустройстве погребений Тузлинского некрополя на протяжении почти шести веков отмечается доминирующее применение природных материалов, прямо указывающих на среду обитания усопшего -

** «Морская коммуникационная зона» - совокупность морских территориальных элементов прибрежного античного поселения или города. К морским территориальным элементам поселения или города следует относить причал или пирс, место (или места) якорной стоянки в гавани, место рейдовой якорной стоянки судов большого водоизмещения и судоходные пути, подходящие к населённому пункту.

морской песок, раковины устриц и морская трава-камка [Сорокина, 1957, с. 8, 12, 14, 15, 18, 25, 29, 36]. Все эти материалы в изобилии имелись в окружавшем человека при жизни пространстве, где и находилось его жилище. По всей видимости, присутствие этих материалов в погребении имело не только сугубо утилитарное назначение, но и сакральный смысл как символов среды обитания. Морской песок мог олицетворять центральное место жизни, т.е. берег моря (песчаную косу); устрица - окружающую среду жизни с юга : море и подводный риф; морская трава (камка) – среду жизни с севера (озеро – залив).

Подводя итог нашим изысканиям, можно констатировать, что селение Корокондама как узловой навигационный пункт Боспора располагалось именно в юго-восточном углу пролива у современного мыса Тузла. Само селение, как и указывал Псевдо Арриан, лежало на узком перешейке – песчаной косе между одноимённым селению озером-заливом и морем -проливом. В настоящее время древняя коса вместе с остатками поселения находится на дне пролива вдоль песчаной пересыпи озера Тузла. Поэтому мы поддерживаем мнение К. Шилика о том, что остатки именно этого поселения являются Корокондамой.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. - 2. – М., 1993.
Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. - М., 1985
Агбунов М.В. Античная лоция Чёрного моря. М., 1987
Блаватский В.Д. Подводные археологические работы в северной части Чёрного моря // Античная археология и история. - М., 1985
Беренбейм Д.Я. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Чёрного моря // СА. -№ 4.- 1959
Горлов Ю.В. Палеогеография Азиатского Боспора // 20 лет музея М.Ю. Лермонтова в Тамани. Тамань археологическая (II раздел). - ст. Тамань, 1996
Завойкин А.А. Киммерида – полис на Киммерийском Боспоре //ПИФК.- 4. –М.,1997
Завойкин А.А. Синдская гавань (Синдик) – Горгиппия //ВДИ. - №3. - 1998
Завойкин А.А. Проблема локализации Киммериды //ДГ – 1996 – 1997. – М., 1999
Завойкин А.А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo.XI.2,7) //ДБ.- Т.2.- М., 1999
Зубарев В.Г. Азиатский Боспор (Таманский полуостров) по данным античной письменной традиции //ДБ.- Т. 2. – М., 1999
Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи Боспорских городов VI – IV вв.до н.э. и местные их особенности // МИА. - № 69.- М., 1959.
Кобылина М.М. Фанагория //МИА. - № 57.- М., 1956
Кондрашов А.В. Подводные исследования у мыса Панагия // Изучение памятников морской археологии. - Вып. 2 – СПб.,1995
Кондрашов А.В. Корабельная стоянка у мыса Тузла в Керченском проливе // Таманская старина. 3. - СПб., 2000
Кондрашов А.В. Спасательные раскопки Тузлинского некрополя (1995 – 1999) // Музейный вестник (к 25- летию музея-заповедника). - Краснодар, 2001.
Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагия //АИБ. -Т. II.- Симферополь, 1962.
Коровина А.К. Гермонасса. (Античный город на Таманском полуострове). - М., 2002.
Куковякин В. Потерянный город //Газета «Керченский рабочий», 28.12.1991, Керчь.

Куликов А. В. К реконструкции природных условий Керченско – Таманского района в античную эпоху //Проблемы истории, филологии, культуры.- Вып. 2.- М. – Магнитогорск, 1995.
Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК //Сообщения ГАИМК.- № 1. – М., 1931
Монахов С.Ю. Динамика форм и стандартов синопских амфор //Греческие амфоры. - Саратов, 1992.
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII - II вв. до н.э. - Саратов, 1999.
Паромов Я.М. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // БС.1. - М., 1992.
Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время //ДБ.- Т.1. -М.,1998
Петрунь В.Ф. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья //КСИА. -Вып.109.- М., 1967.
Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь.- М., 1957.
Стратановский Г.А. Страбон. География. – М., 2004.
Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея //ДБ.- Т. 1.- М., 1998.
Трубачёв О.Н. TEMARENDUM «MATREM MARIS». К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья //Славянское и Балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. - М., 1977.
Шамрай А.Н. Гавань и якорная стоянка античной Корокондамы //Материалы IV боспорских чтений. – Керчь, 2003.
Шестаков С.А. Специфика устройства переправ через Боспор Киммерийский и их функционирование // Материалы международной конференции «175 лет Керченскому музею древностей». – Керчь, 2001.
Шилик К.К. Ещё один город на дне Керченского пролива // Человек, море, техника. - Вып.5. - Л., 1988.
Шилик К.К. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива //Тракия Понтика IV. София, 1991.
Шилик К.К., Шамрай А.Н. Отчёт о работе Боспорского подводно-археологического отряда в 1982 г. – Архив КГИКЗ, 1983, Оп.2, Ед. хран. №768.
Шилик К.К. Отчёт о работе у села Заветное Ленинского района Крымской области и у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1984 г. - Архив ИА РАН, Р-1, № 13312.- 1985 г.
Щеглов А.Н., Селиванова Н.Б. Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменых амфор IV – III вв. до н. э. // Греческие амфоры. - Саратов, 1992.

A.N. Shamrai

LOCALIZATION OF MAIN NAVIGATION POINT OF ASIAN BOSPORUS – KOROKONDAMA

Summary

On the grounds of the analysis of all sources the author considers there is archaeologically authentic spatial complex of a vast ancient coastal settlement near Tuzla Cape. All territorial elements of the settlement fit in it harmoniously. One can state that the settlement Korokondama served as the main navigation point of the Bosporus and was situated just in the south-eastern corner of the strait near present-day Tuzla Cape. Pseudo Arryan pointed out the settlement lay on a narrow isthmus – a sand spit between the lake of the same name and the sea – the strait. Today the ancient spit together with remains of the settlement is located on the seabed in the strait along a sand bank of the Lake Tuzla.

Таблица 1. Письменные источники о Корокондаме – навигационном пункте

Навигационное понятие	В «Географии…» Страбона	В христоматии из «Географии»	В «Перипле…» Псевдо Арриана.
1. Протяжённость географического объекта и направления на его отдельные пункты.	Киммерийский Боспор тянется от «узкого места у Ахиллова селения и Мирмекия … до **Корокондамы** и лежащей против неё, в Пантикапейской земле, деревеньки по имени Акра».	«Длина Боспора – 70 стадиев».	
2. Определение географического пункта.	**Корокондама** южный «предел …… Киммерийского Боспора» по его азиатской стороне.	«Юго – восточное устье Боспора - **Корокондама**».	
3. Направления и расстояния между географическими пунктами.	**Корокондама** отделена «семьюдесятью стадиями водного пути» от лежащей против неё деревеньки Акра.	«Юго – западное (устье Боспора) - некая деревенька в Пантикапейской области, по имени Акра».	« От Нимфея до деревушки Акра 65 стад …».
3.1 То же	«Выше **Корокондамы** лежит … большое озеро, которое по её имени называют Корокондамским; в 10 стадиях от деревни оно соединяется с морем».		За **Корокондамой** «находится Корокондамкое озеро, ныне Описас, образующее очень большой залив в 530 стад …».
3.2 То же.	«Сейчас за **Корокондамой** морской путь идёт на восток. В 180 стадиях от неё находится Синдский порт и город …»		« За Синдской гаванью …. селение, … **Корокондама**, лежащее на перешейке или узкой полосе между озером и морем …».
3.3 То же.	Недалеко от памятника Сатиру «находится селение Патрей, от которого 130 стадий до **Корокондамы**».		
4. Направление от географического пункта.	«Вступившему (от **Корокондамы**) в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Гермонаса и Апатур, святилище Афродиты».		«Если въехать (от **Корокондамы**) в самое озеро и плыть вдоль берега в город Гермонасу, то будет 440 стад …».
5. Зона переправ.	Киммерийский Боспор «…начинается ... с довольно значительной ширины, именно около 70 стадиев; где и переправляются из окрестностей Пантикапея [По водному пути Гермесий – **Корокондама -** Моя вставка] в ближайший азиатский город Фанагорию, а оканчивается более узким проливом».	«У Пантикапея пролив, т.е. ширина Боспора, имеет 70 стадий, а у Парфения, где самое узкое место пролива, - 20 стадиев».	

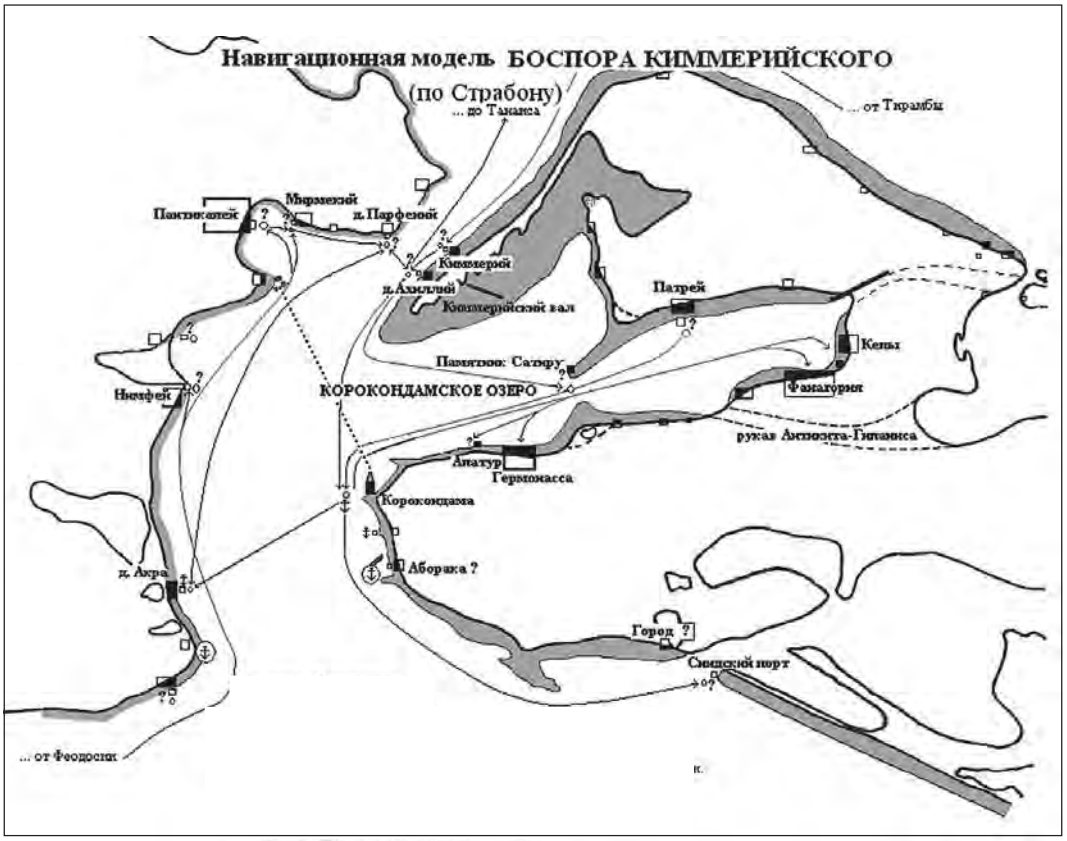


Рис. 1. Навигационная модель Боспора Киммерийского (по Страбону)

Условные обозначения:

- Затопленная полоса берега.
- Античные города и поселения, частично затопленные.
- Античные города и поселения, затопленные полностью.
- Предполагаемые города, поселения, их гавани и рейдовые стоянки.
- ⚓ Локализованные гавани и рейдовые стоянки.
- → Направление корабельного пути.
- •••• Линия переправы из окрестности Пантикапея ...

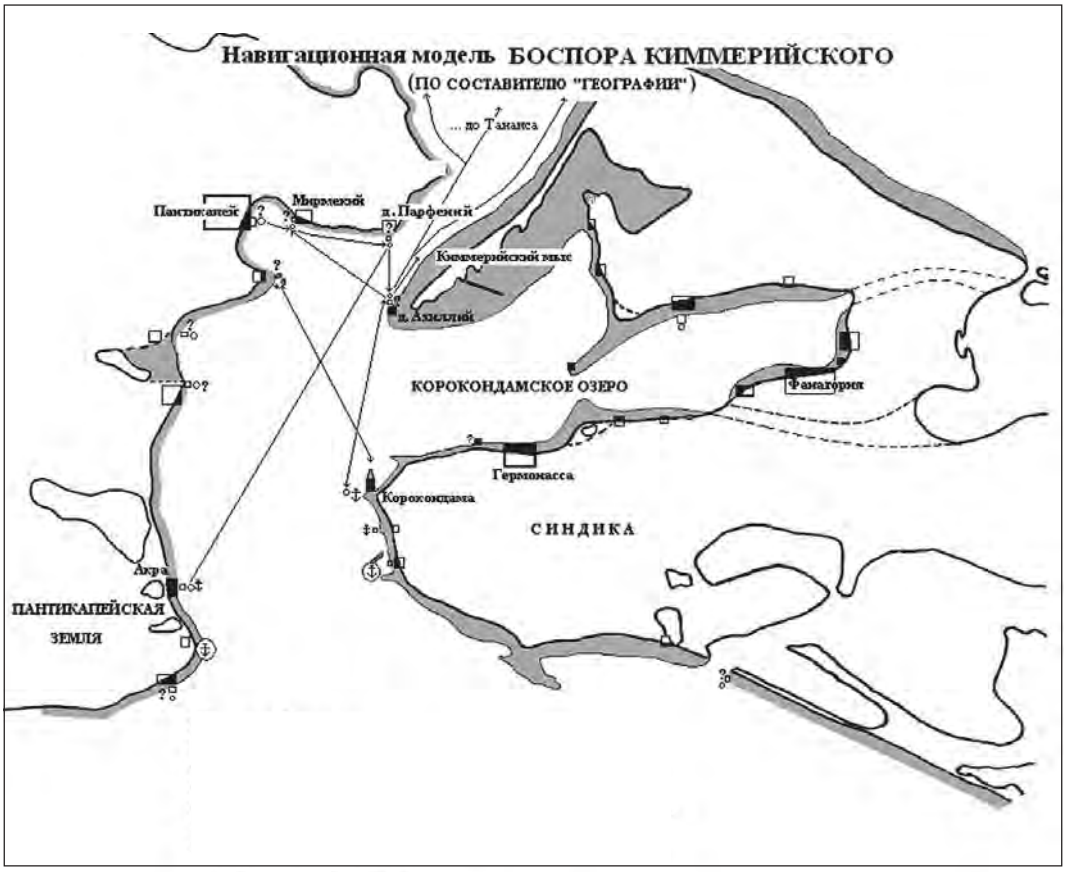


Рис. 2. Навигационная модель Боспора Киммерийского (по составителю «Географии»)

Условные обозначения:

- Затопленная полоса берега.
- Частично затопленные античные города и поселения.
- Затопленные античные города и поселения.
- Предполагаемые города, поселения, их гавани и рейдовые стоянки.
- ⚓ Локализованные гавани и рейдовые стоянки.
- → Направление корабельного пути.

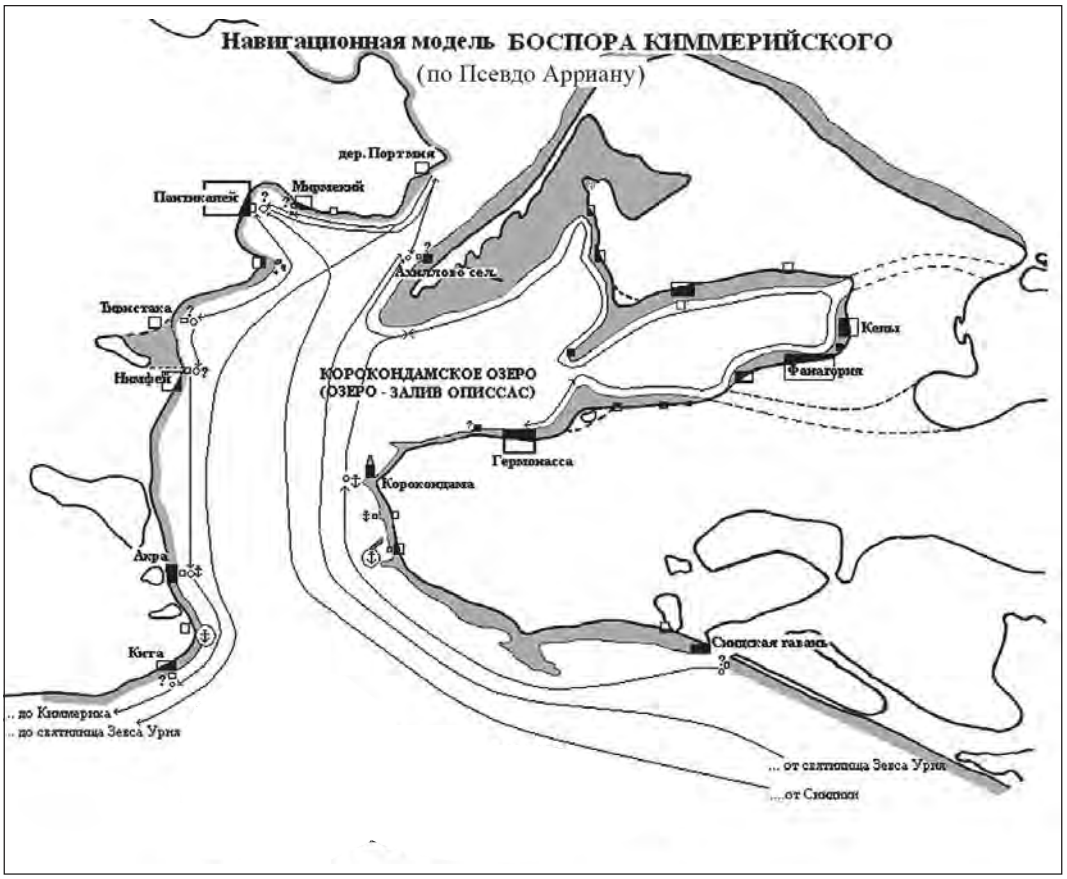
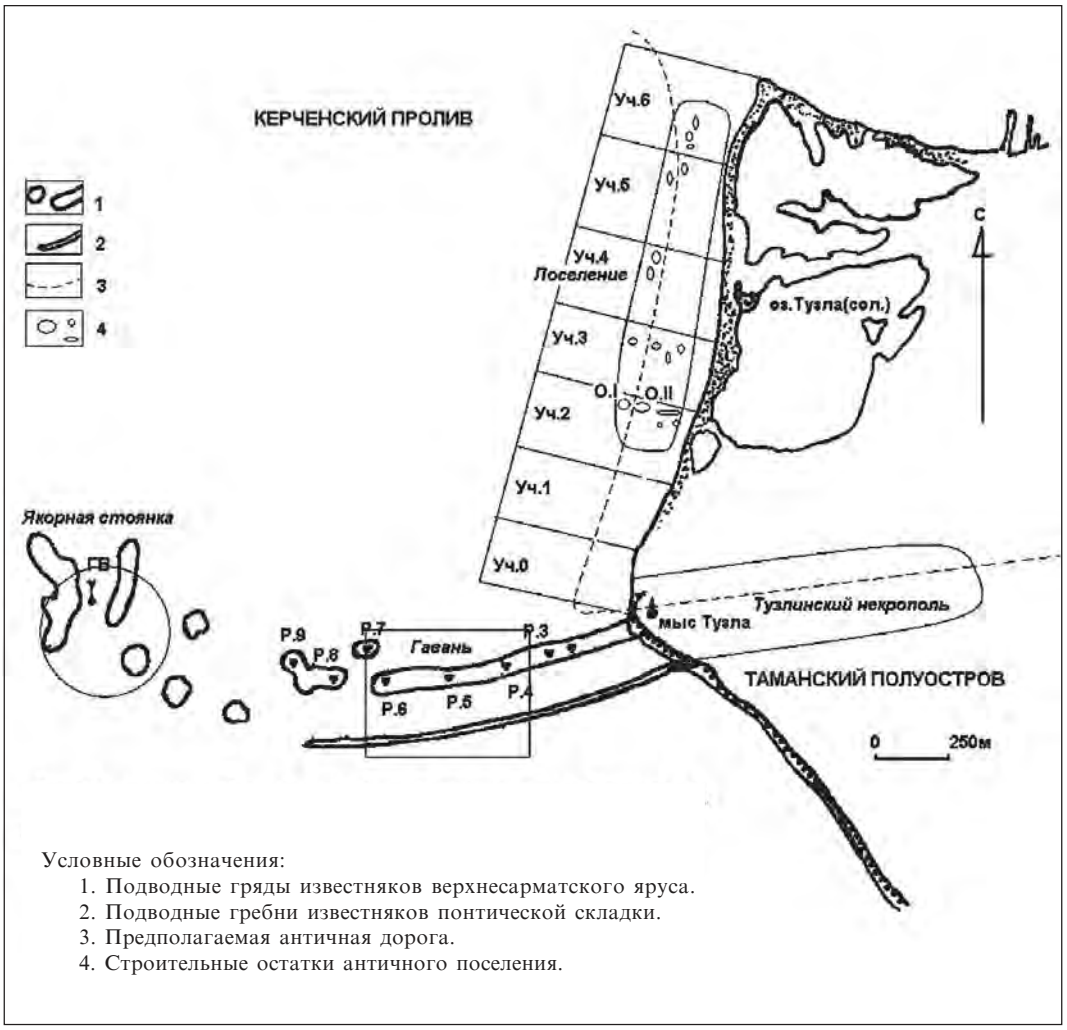


Рис. 3. Навигационная модель Боспора Киммерийского (по Псевдо Арриану)

Условные обозначения:

- Затопленная полоса берега.
- Частично затопленные античные города и поселения.
- Затопленные античные города и поселения.
- Предполагаемые города, поселения, их гавани и рейдовые стоянки.
- ⚓ Локализованные гавани и рейдовые стоянки.
- → Направление корабельного пути.



Условные обозначения:
1. Подводные гряды известняков верхнесарматского яруса.
2. Подводные гребни известняков понтической складки.
3. Предполагаемая античная дорога.
4. Строительные остатки античного поселения.

Рис. 4. Корокондама. Схематический план территориальной структуры.

А.Е. ТЕРЕЩЕНКО

СИТУАЦИЯ НА ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В КОНЦЕ IV – III ВВ. ДО Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОНЕТНЫХ НАХОДОК)

Наше знание истории Киммерийского Боспора конца IV – III вв. до н.э., вследствие почти полного отсутствия письменных свидетельств об этом периоде, до сих пор находится на уровне интерпретаций археологического материала. В этом случае, как представляется, лучшему пониманию политической и экономической обстановки в различных областях Боспорского царства может помочь картографирование нумизматического материала [1].

Перейдём к конкретным примерам. В частности, согласно сведениям А.В. Гаврилова, приведённым в его монографии «Округа античной Феодосии», пик монетного обращения на территории, простиравшейся от Крымских гор до Сиваша, приходится на серию, в которую входят два типа монет: «голова бородатого сатира вправо – протома орлиноголового грифона влево, осётр, ΠΑΝ» и «голова безбородого сатира вправо – протома пегаса вправо, ΠΑΝ» (рис. 1). На 29-ти археологических памятниках обнаружено 173 монеты указанных типов, 85 шт. с протомой грифона и 88 шт. – пегаса [Гаврилов, 2004. С. 189-204]. Эта серия датируется 330-315 гг. до н.э. [Шелов, 1956. С. 216, № 56], 314-310 или 320-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 140, № 112; 1999. С. 67, рис. 15, 7,8].

Необходимо отметить, что находки монет предшествующих выпусков, зафиксированные уважаемым исследователем, весьма и весьма немногочисленны. Например – «голова бородатого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝΤΙ». Эта серия датируется 330-315 гг. до н.э. [Шелов, 1956. С. 216, № 54], 314-310 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 140, № 110] или 320-310 гг. до н.э. [Анохин, 1999. С. 66, рис. 15, 6][2]. К сегодняшнему дню на четырёх

---

[1] Предлагаемая заметка практически полностью основана на данных, которые собрал А.В. Гаврилов [Гаврилов. 2004], причём большая часть их, что характерно, происходит из материалов частных коллекций. Это ещё раз показывает всю важность и необходимость тесного сотрудничества с коллекционерами и собирателями. Предотвратить самостоятельные поиски любителей старины государство на сегодняшний день не в состоянии, поэтому необходимо сделать всё возможное, чтобы материал, находящийся в частных руках, хотя бы в минимальной степени был введён в научный оборот.

[2] Хотя выпуск этих монет определяется тем же периодом, что и серия с изображениями протом грифона и пегаса, тем не менее, и Д.Б. Шелов, и В.А. Анохин в своих хронологических схемах ставят на первое место именно тип «голова бородатого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо. ΠΑΝΤΙ».

памятниках обнаружено всего лишь пять подобных экземпляров [Гаврилов, 2004. С. 189-204]. Таким образом, исходя из предложенных данных, вполне очевидно, что в последней трети IV в. до н.э. произошло активное вовлечение западных областей Восточного Крыма в сферу товарно-денежных отношений.

Следующий этап представлен находками монет типа «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ». Время их выхода определяется 315-300 гг. до н.э. [Шелов, 1956. С. 216, № 61, таб. V, 61], 294-284 или 293 -283 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 125, таб. 4, 125; 1999. С. 76, рис. 17, 9]. Известно о 110 экземплярах, выявленных на 26 памятниках (рис. 2). Кроме того, зафиксирован один клад с поселения «Лесопитомник», состоящий из 32 (?)[3] подобных монет [Гаврилов, 2004. С. 86].

Третий этап характеризуется обращением монет предыдущего типа «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ», но снабжённых надчеканками ”звезда”-”горит”. Датируются они началом III в. до н.э. [Шелов, 1956. С. 216, № 62], 284-275 или 275-265 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 130; 1999. С. 82, рис. 18, 3]. На это же время, вероятно, приходится и выход монет типа «голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾ влево, ΠΑΝ» [Шелов, 1956. С. 216, № 63,64; Анохин, 1986. С. 141, № 132; 1999. С. 82, рис. 18, 5]. Судя по схеме (рис. 3), в этот период область функционирования боспорской чеканки несколько сокращается, сдвигаясь к востоку. Находки монет рассматриваемых типов, 101 шт. для первого и 52 шт. для второго, фиксируются уже только на 21 памятнике [Гаврилов, 2004. С. 198-204]. Вместе с тем, увеличивается число кладов. К сегодняшнему дню твёрдо известно о существовании на этой территории, по крайней мере, трёх кладов, включающих (в подавляющем большинстве) монеты с надчеканками ”звезда”-”горит”. Это комплексы с поселений: I) Разъезд 107-й км. – 29 шт. [Гаврилов, 2004. С. 23, С.196, № 127]; II) Софиевка – 24 шт. [Гаврилов, 2001. С. 189; 2004. С. 23, 86, С. 190, № 23]; III) Северный округ Феодосии – 136 шт. [«Провинция», № 40 (477), 16/10, 2005; http // www.museum-of-money.org].

Место тезаврации ещё одного (четвёртого) клада, состоящего из 367 монет, находится под вопросом. Дело в том, что первоначально он был опубликован как найденный в районе поселения Генеральское Западное [Зинько, Куликов, 2002. С. 399; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С. 31]. Однако, согласно недавно появившимся сведениям, указанный комплекс был открыт на селище Абрикосовка, а затем продан в Керчи под вымышленной легендой [Гаврилов, Шонов, 2007. С. 348, прим. 152]. В данном случае, на мой взгляд, следует довериться информации А.В. Гаврилова и И.В. Шонова. Дело в том, что обнаружение подобного клада, при учёте местоположения кладов монет этого типа на Европейском

[3] В разделе «приложение 3» А.В. Гаврилов указывает 40 экземпляров [Гаврилов, 2004. С. 193].

Боспоре в целом (рис. 7), более вероятно на землях дальней хоры Феодосии или в окрестностях Пантикапея, нежели в Крымском Приазовье.

На четвертом этапе появляются монеты типа «голова сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», изготовленные либо на новых, достаточно крупных, заготовках, либо перечеканенные из монет предыдущих типов. Именно на этот период приходится весьма заметное сокращение числа поселений, на которых были выявлены экземпляры данного типа, к настоящему времени их насчитывается только 15 (рис. 4). Вместе с тем, количество случайных монетных находок – 100 единиц [Гаврилов, 2004. С. 191-203] даёт основания предполагать, что эта серия стала, вероятно, последней крупной партией пантикапейской монеты, поступившей на западные рубежи государства. Время её выпуска определяется первой половиной III в. до н.э. [Шелов, 1956, С. 217, № 65], 275-245 или 265-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 133; 1999. С. 82].

Обратимся теперь к событиям политической истории. Благодаря археологическим исследованиям, хорошо известно, что многие сельские поселения в Восточном Крыму пострадали от военных нападений и были покинуты населением во второй четверти - середине III в. до н.э. Вероятнее всего, это было связано с давлением скифов на Боспорское царство [Масленников, 1998. С. 88; 2001. С. 92; Гаврилов, 2004. С. 23; Виноградов, 2005. С. 283; Зинько, 2005. С. 61; Зубарь, Зинько, 2006. С. 95]. Отсюда можно предположить, что монеты типа «голова сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», изготовленные на новых (крупных) монетных кружках, либо перечеканенные из монет предыдущих типов, стали выпускаться непосредственно перед скифо-боспорским конфликтом. На западные территории Боспора эта серия, по всей видимости, попала в канун военных действий. Подтверждением этому, как представляется, выступает клад из Абрикосовки (?), в котором уже присутствует один экземпляр этого типа.

В дальнейшем, если судить по монетным находкам, связь Феодосии с Пантикапеем прерывается. Теперь на поселениях уцелевшей хоры обращаются только монеты собственно феодосийской чеканки: «голова Афины вправо; горит и палица, ΘΕΥ» (рис.5). Они датируются началом 60-х – концом 50-х гг. III в. до н.э. [Гаврилов, Шонов, 2007. С. 352], третьей четвертью III в. до н.э. [Шелов, 1956. С. 221, № 110], 240-230 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 137, таб. 4,137], последней четвертью III в. до н.э. [Мельников, 2000. С. 217, № 14]. Необходимо отметить, что выпуск монет этого типа был чрезвычайно обильным – с одиннадцати поселений происходит 114 подобных экземпляров [Гаврилов, 2001. С. 201; 2004. С. 192-202; Гаврилов, Шонов, 2007. С. 349][4].

[4] Кроме того, по данным И.В. Шонова, несколько монет этого типа обнаружены на памятниках Крымского Приазовья, 2 шт. – Золотое и 1 шт. – поселение в 3-х км. к востоку от с. Курортное [Шонов, 2003. С. 355, таб. 1, №№ 25,26 и № 32].

Конечно, представленная здесь картина отнюдь не претендует на полную объективность. Тем не менее, она достаточно ярко демонстрирует характер общего хода, а также наличие определённых тенденций в процессе развития денежного обращения на западных рубежах Боспорского царства в конце IV- первой половине III вв. до н.э. Отсюда можно предположить, что:

Во-первых. Начало монетного кризиса, явные признаки которого на первом этапе проявились в нанесении надчеканок ”звезда”-”горит” на монеты типа «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ», а также на монеты предыдущих типов, как можно видеть, не связано напрямую со скифской агрессией [Демьянчук, 1997. С. 250], хотя к этому времени и происходит некоторое сокращение западной хоры Боспора (рис. 1-3). Тем не менее, создаётся впечатление, что резкое возрастание числа кладов, содержавших монеты с такими надчеканками, вызвано непосредственно общей тревожностью политической обстановки.

С другой стороны, четыре, из восьми известных тезаврированных монетных комплексов Европейского Боспора, были обнаружены в восточной его части – в окрестностях Пантикапея, а также в Нимфее и Мирмекии (рис.7)[5]. Более того, два комплекса с западной границы Боспора найдены на поселениях, которые продолжили своё существование и после крушения большей части феодосийской хоры. Это уже упоминавшиеся клады из северного округа Феодосии и Абрикосовки[6]. Соответственно, только два клада действительно оказались сокрытыми в зоне будущих боевых действий.

Чрезвычайно интересной представляется ситуация с кладами, содержащими монеты с надчеканкой ”звезда”-”горит”, и на Азиатском Боспоре (рис.8)[7]. Как видно из их картографирования, большая часть комплексов сосредоточена на северо-восточной окраине царства, что, в принципе, может быть объяснено вторжением сарматских племён. В то же время два комплекса из шести (семи?) были обнаружены сравнительно недалеко от столицы Азиатского Боспора – Фанагории. В результате – мы имеем достаточно близкое повторение положения, создавшегося в Восточном Крыму, где клады также группируются на пограничных территориях, и вокруг главного полиса – Пантикапея.

В чём кроется причина такого распределения? Не исключено, что внутренние „промежуточные” территории не были в достаточной степени освоены в плане денежного обращения. Таким образом, у нас всё-таки нет достаточных оснований, чтобы увязывать создание этих накоплений (во всяком случае, на территории Европейского Боспора) исключительно с тяжёлыми

---

[5] Описание кладов Европейского Боспора представлено в разделе «Приложение 1».

[6] Согласно последним сведениям, на селище Абрикосовка были найдены монеты типа «голова Афины вправо; горит и палица, ΘΕΥ» [Гаврилов, Шонов, 2007. С.350], что подтверждает непрерывность функционирования поселения в III в. до н.э.

[7] Описание кладов Азиатского Боспора представлено в разделе «Приложение 2».

внешнеполитическими обстоятельствами. Здесь, на мой взгляд, наиболее важно не само сокрытие кладов, поскольку это был самый распространённый способ хранения наличности среди рядового населения, а то, что они не были изъяты владельцами. Одно дело, когда монетный комплекс обнаруживается на землях, оказавшихся в зоне боевых действий, и другое – когда денежные накопления выявлены на «спокойных» территориях. В последнем случае их невостребованность могла быть обусловлена самыми разными причинами.

Со своей стороны, рискну предположить, что невостребованность кладов рассматриваемого типа могла быть следствием какой-нибудь эпидемии, впрочем, я не настаиваю на этой версии.

Во-вторых. Выпуск серии типа «голова сатира в плющевом венке влево – лук со стрелой вправо, под ними надпись ΠΑΝ», несомненно, представлял собой попытку исправить финансовое положение, нарушенное засильем надчеканенной монеты. К сожалению, скифская агрессия не только не позволила этого сделать, но ещё больше усугубила кризис, что привело к массовому выбросу на рынок стремительно деградирующей и обесценивающейся меди со схожими изображениями.

В третьих. Как уже говорилось, материалы археологических исследований показывают, что сельские поселения западных областей Боспорского царства подверглись военным нападениям уже во второй четверти III в. до н.э. Поэтому, следует признать наиболее адекватной первоначальную датировку В.А. Анохина, предложенную им для серии «голова сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ»: 275-245 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 133]. Во всяком случае, монеты этого типа стали выпускаться, скорее всего, с рубежа первой-второй – начала второй четверти III в. до н.э. Ухудшение их качества происходит, вероятно, в начале 60-х гг. этого столетия.

В четвёртых. До недавнего времени предполагалось, что феодосийская эмиссия представляла собой:

1) Одну из попыток Левкона II вывести государство из денежного кризиса [Молев, 1994. С. 72].

2) Этот выпуск был инспирирован самим Левконом II для финансирования «…предполагаемых экстраординарных мероприятий этого правителя» [Анохин, 1986. С. 58].

3) Право на чеканку Феодосией своей монеты было предоставлено Левконом II, для повышения её обороноспособности, в связи с возрастающей внешней угрозой [Гаврилов, 2001. С. 190].

Сейчас уже практически нет сомнений, что Феодосия, воспользовавшись, удачной для неё, политической конъюнктурой, обрела некоторую автономию. Кстати, по мнению А.В. Гаврилова и И.В.Шонова, она вообще полностью отложилась от Пантикапея [Гаврилов, Шонов, 2007. С. 349]. Свидетельством этому служит именно монетная чеканка. Ещё Д.Б. Шелов видел в ней попытку

«вернуть себе независимость или хотя бы автономию по отношению к спартокидовскому Боспору» [Шелов, 1956. С. 143]. К сожалению, малое число типов и незначительное количество, известных на тот момент, монет Феодосии, датируемых III в. до н.э., не давало возможности «придавать ей какого-либо серьёзного значения в истории экономической жизни Боспора» [Шелов, 1956. С. 173]. Однако благодаря последним исследованиям стало известно, что, помимо достаточно многочисленной меди, в Феодосии чеканились и серебряные монеты трёх номиналов. Это драхмы: л.с. – голова бородатого Геракла влево; о.с. – палица горизонтально вправо, внизу – ΘΕΥΔΟ. Диоболы: л.с. – голова Деметры влево; о.с. – колос горизонтально влево, внизу – ΘΕΥΔΟ. Уникальный серебряный тетробол: л.с. – голова Аполлона в лавровом венке влево; о.с. – букраний, между рогов которого расположена легенда «ΘΕΥΔΟ» [Гаврилов, Шонов, 2007. С. 351, рис. 2, 2-6].

В данном случае не имеет никакого значения тот факт, что серебро феодосийских монет было невысокого качества [Гаврилов, Шонов, 2007. С. 349]. Пантикапей, в указанное время, не мог себе позволить и такого! Всё это, вполне однозначно, указывает на полную независимость феодосийской эмиссии от общего состояния монетного дела в Боспорском царстве.

Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что Феодосия довольно быстро приспособилась к изменившейся ситуации. Не исключено, что феодосийцы могли даже вступить в контакт со скифами с целью обезопасить свои границы и извлечь выгоду из создавшегося положения. В целом, наверно, не будет большой натяжкой предположить, что в конце второй четверти III в. до н.э. Феодосия предприняла попытку (и, вполне вероятно, достаточно успешную) обрести свой первоначальный статус – независимый и самостоятельный полис.

На этом фоне довольно любопытным выглядит тот факт, что самыми первыми представителями боспорской чеканки, появившейся после перерыва на землях Феодосии, стали монеты царского выпуска Левкона II. Известно о находках пяти экземпляров типа «Голова Геракла вправо – палица влево и лук тетивой вверх, ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» и пяти – «Голова Афины в коринфском шлеме вправо – молния, ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» [Шонов, 2003. С. 355, таб. 1, № 10-17; Гаврилов, 2004. С. 195, № 113, С. 196, № 142]. Время их выпуска определяется началом третьей четверти III в. до н.э. [Голенко, 1972. С. 152; Шелов, 1981. С. 32,40] или 240-230 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 141, № 134,135, таб. 4, 134,135].

Вместе с тем, монеты собственно городской пантикапейской чеканки, которые были отчеканены после середины III св. до н.э., представлены немногочисленными экземплярами типа «голова Аполлона вправо – лук и стрела вправо, ΠΑΝ». На шести памятниках обнаружено всего семь подобных монет [Гаврилов, 2004. С. 194,197,198,202]. Следует обратить внимание, что этот тип датируется более поздним временем: 220-210 гг.

до н.э. [Анохин, 1986. С. 142, № 146, таб. 5, 146] или первой половиной - серединой II в. до н.э. [Шелов, 1956. С. 219, № 96, таб. VIII, 96][8].

Необходимо отметить, что монеты левконовской серии были найдены пока только на трёх памятниках, которые расположены в непосредственной близости от Феодосии (рис.6). Кстати сказать, И.В. Шонов, рассматривая данную ситуацию, предположил, что она могла быть вызвана значительным сокращением феодосийской хоры в 262-261 гг. до н.э., при Левконе II [Шонов, 2003. С. 361].

Однако, как представляется, здесь необходимо принять во внимание следующие моменты. Практически все отечественные исследователи предполагали в выпуске царских монет Левконом II некий „специальный" характер, подразумевавший, что:

I) Левкон II таким образом пропагандировал свой статус царя, который был связан с его победой над кочевниками [Шонов, 2003. С. 361].

II) Эта серия представляла собой один из способов, с помощью которого была предпринята попытка преодоления кризисного состояния боспорского денежного рынка [Зограф, 1951. С. 182; Шелов, 1956. С. 143, 153-154; Карышковский, 1960. С. 114; Молев. 1994. С. 71; Голенко, 1972. С. 150].

III) Помимо функций, указанных в предыдущем пункте, этим выпуском, вероятно, могли оплачиваться и какие-то военные расходы [Зограф, 1951. С. 183; Шелов, 1953. С. 35-36; Анохин, 1986. С. 57; Куликов, 2002. С. 42; 2003. С. 226; Мельников, 2006. с. 217].

Как видим, преобладает мнение о военном предназначении этой серии. Отсюда можно предположить, что крайне ограниченное число пунктов, на которых зафиксированы находки левконовской меди, могло быть обусловлено тем обстоятельством, что именно в них располагались части боспорского войска.

В то же время появление на землях феодосийской хоры монет боспорской чеканки вовсе не подразумевает, что здесь произошло прекращение, или сокращение собственно феодосийской эмиссии. Скорее всего, монеты Феодосии продолжали обращаться вплоть до конца III в. до н.э.

---

[8] Правда, в действительности самой ранней пантикапейской монетой, для рассматриваемого периода, является экземпляр типа «крыло – треножник, ΠΑΝ» [Гаврилов, 2004. С. 191, № 40]. Время выпуска – конец III в. до н.э. [Шелов, 1956. С. 218, № 84, таб. VII, 84], 230-220 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С. 142, № 142, таб. 4, 142]. Однако единичность данной находки заставляет считать её действительно «случайным» экземпляром, в отличие от монет с изображением головы Аполлона.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Описание кладов Европейского Боспора, содержащих монеты типа: «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”».

1) 1877 г., Керчь (по дороге в крепость). Не менее 500 экземпляров типа: «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”» [Прушевская, 1945. С.23; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31].

2) 1954 г., Нимфей, 31 экземпляр [Голенко, 1974. С.32; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. В кладе присутствуют монеты следующих типов:

I. «Голова бородатого сатира вправо – протома орлиноголового грифона влево, осётр, ΠΑΝ», 1 экз.

II. «Голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾ ΠΑΝ», 1 экз.

III. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 29 экз.

3) 1951 г., Нимфей [Голенко, 1974. С.72; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. Обнаружено 5 экземпляров двух типов:

I. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 4 экз.

II. «Голова сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», 1 экз. Перечеканка из монет типа «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”».

4) 1960 г., Мирмекий. Найдено было 32 экземпляра, 4 разрушились в ходе реставрации [Брабич, 1964. С. 193-194; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. В кладе присутствуют монеты двух типов:

I. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 12 экз.

II. «Голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾ ΠΑΝ», 16 экз.

5) В 2005 г. в северном округе Феодосии был обнаружен клад из 136 монет типа: «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда” - ”горит”» («Провинция», №40 (477). 16/ 10.2005). Приобретены Феодосийским музеем денег [http: // www.museum-of-money. org].

6) Разъезд 107-й км. (округа Феодосии). Зафиксировано 29 монет типа: «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда” - ”горит”». [Гаврилов, 2004. С.23, С.196, №127]. Датировка – начало III в. до н.э. [Шелов, 1956. С.216, №62], или 284-275 гг. до н.э. [Анохин, 1986. С.141, №130].

7) Клад с поселения Софиевка. В нём зафиксированы 24 монеты (вероятно, было больше) типа: «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда” - ”горит”» [Гаврилов, 2001. С.189; Он же, 2004. С.23,86, С.190, №23].

8) Клад 1999 г., 367 экземпляров. Опубликован как найденный в районе поселения Генеральское Западное, [Зинько, Куликов, 2002. С.399; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С. 31]. Однако, по сведениям А.В. Гаврилова и И.В. Шонова,

данный клад был обнаружен на селище Абрикосовка. Впоследствии под вымышленной легендой он поступил в Керчь, где и был приобретён В.Н. Зинько и А.В. Куликовым [Гаврилов, Шонов. 2006, С. 348, прим.152].

В кладе присутствуют монеты двух типов:

I. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 366 экз.

II. «Голова сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ПАN». Монета изготовлена на новом полноценном монетном кружке, 1 экз. [Зинько, Куликов, 2002. С.399; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Описание кладов Азиатского Боспора, содержащих монеты типа: «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”».

1) 1985 г., пос. Приморский (Темрюкский р-н), 3238 экземпляров [Аптекарев, 1993. С.77-78; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. В кладе присутствовали следующие типы монет:

I. «Голова безбородого сатира вправо, по окружности точечный ободок – горит вправо, ПАN-ТI», 8 экз.

II. «Голова безбородого сатира вправо – протома пегаса вправо, ПАN», 767 экз.

III. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 2экз.

IV. «Голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾ ,ПАN», 2461 экз.

По оценке А.З. Аптекарева, до момента обнаружения клад мог содержать не менее 5 тыс. экземпляров [Аптекарев, 1993. С.77-78].

2) 1941 г., ст. Старонижнестеблиевская. 55 экземпляров типа: «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”» [Анфимов, 1949. С.64; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31].

3) 1985 г., юго-восточная окраина г. Славянск-на-Кубани. В Славянский краеведческий музей поступило 50 монет, но общий объём клада остался неизвестным [Анфимов, 1988. С.138; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. Из доставшихся музею один экземпляр принадлежит серии – «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN». 49 шт. – «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”».

4) 1941 г. (?), район пос. Кубрисострой, западнее ст. Ивановской. Из клада в Краснодарский музей поступило всего четыре монеты [Анфимов, 1988. С.139; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31]. Тип: «голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ПАN. Надчеканки ”звезда”-”горит”».

5) 1986 г., ст. Старонижнестеблиевская, 1203 экземпляра[1] двух типов [Анфимов, 1988. С.139-140].

[1] В монографии «Античные клады» отмечено 1209 монет [Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина, 2006. С.31].

I. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда”-”горит”», 1119 экз.

II. «Голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾, ΠΑΝ», 4 экз.

6) 1973 г. Экспедицией Н.И.Сокольского в ходе раскопок Таманского толоса и резиденции Хрисалиска в фундаменте северного дома перистильного двора был обнаружен клад, включавший 21 монету четырёх типов [Сокольский, 1976. С.120].

I. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда” - ”горит”», 1 экз.

II. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», 3 экз. Перечеканены из монет типа: «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ».

III. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», 11 экз. Перечеканены из монет типа: «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – голова льва, осётр влево, ΠΑΝ. Надчеканки ”звезда” - ”горит”».

IV. «Голова безбородого сатира в плющевом венке влево – лук и стрела вправо, ΠΑΝ», 6 экз. Отчеканены на новых (крупных) монетных кружках, без следов литников.

Необходимо отметить, что в одной из статей И.Н. Анфимова имеется краткое сообщение ещё об одном „азиатском” кладе, обнаруженном в окрестностях ст. Староджерелиевской Красноармейского р-на в 60-х гг. прошлого столетия. А именно: „При взятии земли с курганообразной насыпи были найдены медные монеты, маленький лепной сосудик…и сероглиняная чашечка (сосуды и 11 монет были переданы в школу, но к настоящему времени не сохранились)” [Анфимов, 1991. С.75]. Таким образом, какие-либо сведения о характере монетной части клада отсутствуют. Датирование же монет этого комплекса концом IV – первой половиной III вв. до н.э. известно только со слов уважаемого исследователя [Анфимов, 1991. С. 73-75, С.71, рис. 1].

Тем не менее, у нас есть возможность говорить (хотя и предположительно) о существовании на азиатской части Боспорского царства уже семи монетных кладов рассматриваемого периода.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н., Иванина О.А. Клады античных монет. Киев. Т.I. 2006.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев. 1986.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев. 1999.

Анисимов И.Н. Клад пантикапейских медных монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья // ВДИ. 1. 1991.

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский //Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб. 2005.

Гаврилов А.В. Новые находки античных монет в юго-восточном Крыму // БИ. I. 2001.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь. 2004.

Гаврилов А.В., Шонов И.В. Поздняя чеканка Феодосии и пантеон Феодосийского полиса (по нумизматическим материалам одной усадьбы) // БФ. Ч.2. 2007.

Голенко К.В. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н.э. // ВДИ. 3. 1972.

Демьянчук С.Г. Некоторые вопросы хронологии боспорских монет III в. до н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. 1997.

Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского в III-II вв. до н.э. // БИ. X. 2005.
Зинько В.Н., Куликов А.В. Клад медных боспорских монет III в до н.э. из Крымского Приазовья // МАИЭТ. IX. 2002.
Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху // БИ. XII. 2006.
Куликов А.В. Монетная чеканка царя Левкона и кризис денежного обращения на Боспоре в середине III века до нашей эры // III Боспорские чтения. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2002.
Куликов А.В. Монетные комплексы второй половины III в. до н.э. // БИ. III. 2003.
Мельников О.Н. Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. VII. 2000.
Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М. 1998.
Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора // БИ. 1. 2001.
Молев Е.А. Боспор в эпоху эллинизма. Нижний Новгород. 1994.
Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 3. 1969.
Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М. 1956.
Шонов И.В. Боспорские монетные выпуски с 280 по 253 гг. до Р.Х. (по материалам находок монет на хоре Феодосии) // БИ. III. 2003.

A.E. Tereshchenko

SITUATION ON THE WESTERN BORDERS OF THE BOSPORUS KINGDOM IN THE END OF THE 4TH – 3RD CENTURY BC ACCORDING TO THE NUMISMATIC FINDS

Summary

The political situation on the land of the remote chora of Theodossia in the end of the 4th- the first half of the 3rd century BC is examined in the article. Several stages can be singled out after mapping of Bosporus coins found on this territory by chance. Each monetary type has its area of circulation.

The peak of currency falls at the series including two types of coins: «the head of a bearded satyr to the right – the protoma of an eagle headed gryphon to the left, sturgeon, ΠΑΝ» and «the head of a beardless satyr to the right – the protoma of Pegasus to the right, ΠΑΝ». These artifacts have been found on 29 city sites. In future in every following series there is gradual decrease of the quantity of the monuments where the finds have been made. Drastic reduction of the quantity of settlements where Bosporus money circulated falls at the series «the head of a satyr in the ivy diadem to the left – a bow and an arrow to the right, ΠΑΝ». The finds of this series coins have been recorded on 15 monuments only.

Consequently, there is good reason to believe this series might have become the last lot of Panticapaeum money that appeared on the western borders of the Bosporus Kingdom. One can suppose the coins of the type ««the head of a satyr in the ivy diadem to the left – a bow and an arrow to the right, ΠΑΝ» were minted direct before the conflict between Scythia and the Bosporus. In all probability this series got to the western territories of the Bosporus on the eve of military operations. Later on judging at coin finds, the relations between Theodossia and Panticapaeum were broken off. Only Theodossia coining money: «the head of Athena to the right; a gorytos and a bludgeon, ΘΕΥ» circulated in the settlements of the chora which had escaped destruction.

Рис. 1

• – Места случайных находок монет типа «голова бородатого сатира вправо; протома грифона влево, ΠΑΝ» и «голова безбородого сатира вправо; протома пегаса вправо, ΠΑΝ».

1 – Тепе Оба; **2** – Насыпное; **3** – Узун Сырт; **4** – Ближнее 4; **5** – Ближнее 3; **6** – Ближнее 1; **7** – Дачи; **8** – Лесопитомник; **9** – Береговое 3; **10** – Тамбовка IV; **11** – Разъезд 107 км.; **12** – Новопокровка 3; **13** – Новопокровка 1; **14** – Кринички I; **15** – Айвазовское; **16** – Бабенково; **17** – Приветное 1; **18** – Партизаны 1; **19** – Партизаны 2; **20** – Абрикосовка; **21** – Надежда; **22** – Шубино 1; **23** – Софиевка; **24** – Ореховка 1; **25** – Алмазное; **26** – Тарасовка 2; **27** – Тарасовка 1; **28** – Старый Крым; **29** – село Перевалловка (Судакский район).

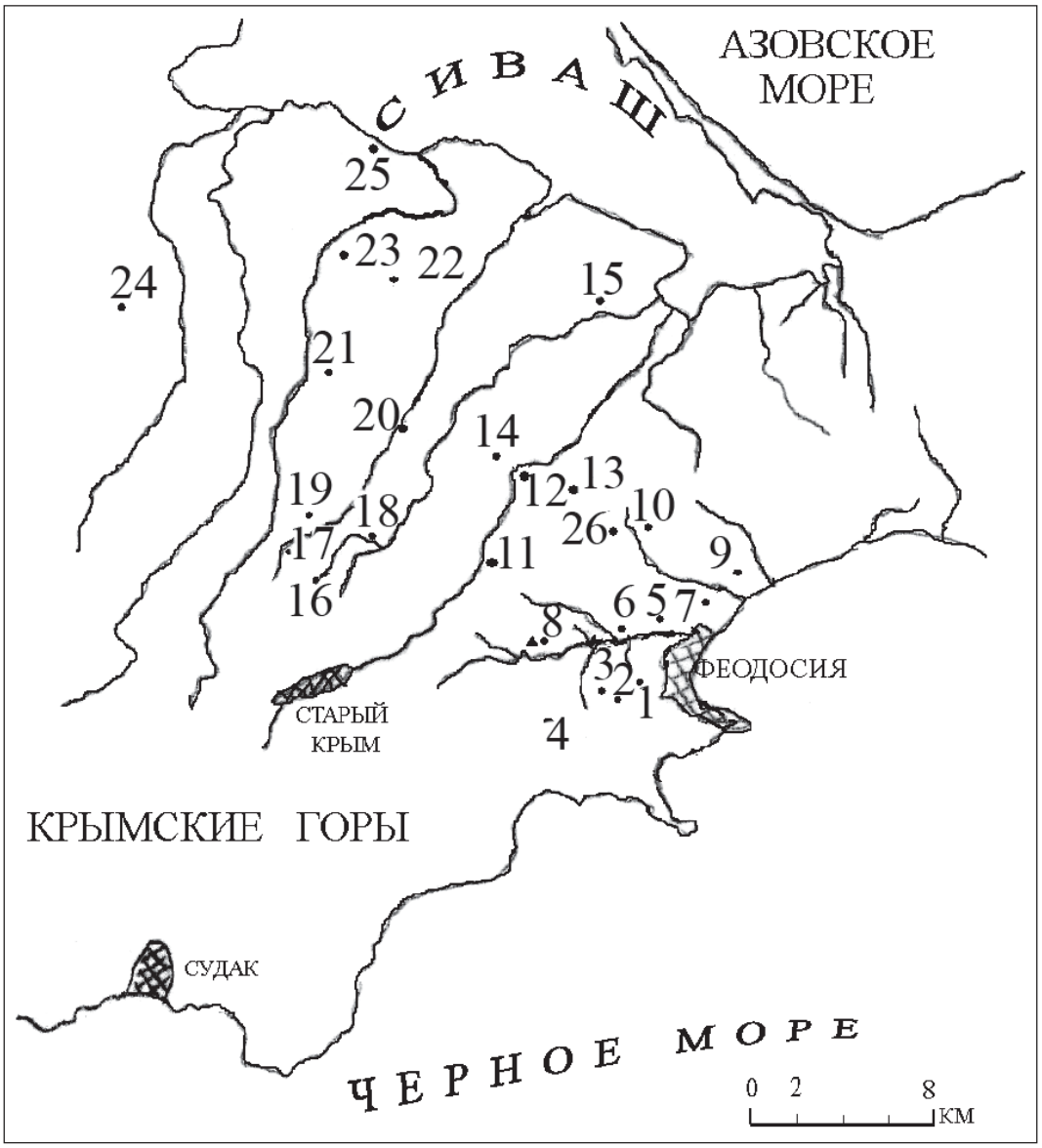


Рис. 2

• ***– Места случайных находок монет типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ».***

1 – Тепе Оба; **2** – Куру Баш; **3** – Насыпное; **4** – Узун Сырт; **5** – Ближнее 3; **6** – Ближнее 1; **7** – Дачи; **8** – Лесопитомник; **9** – Береговое 3; **10** – Тамбовка IV; **11** – Садовое 2; **12** – Журавки 2; **13** – Новопокровка 3; **14** – Новопокровка1; **15** – Красновка; **16** – Кринички I; **17** – Айвазовское; **18** – Бабенково; **19** – Приветное; **20** – Партизаны 2; **21** – Надежда; **22** – Софиевка; **23** – Ореховка 1; **24** – Алмазное; **25** – бывшее село Лиманка; **26** – Тамбовка VI.

▲***– Клады монет типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ».*** **8** – Лесопитомник.

Рис. 3

• – Места случайных находок монет типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ. Надчеканка „звезда – горит”» и монет типа «голова бородатого сатира влево – голова быка в ¾ ΠΑΝ».

1 – Тепе Оба; **2** – Узун Сырт; **3** – Насыпное; **4** – Сары Кая; **5** – Ближнее 3; **6** – Ближнее 1; **7** – Дачи; **8** – Лесопитомник; **9** – Тамбовка IV; **10** – Разъезд 107 км.; **11** – Скала; **12** – Кринички I; **13** – Айвазовское; **14** – Надежда; **15** – Софиевка; **16** – Ореховка; **17** – Георгиевка; **18** – Кривцово; **21** – Куру Баш.

▲ – Клады монет типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ. Надчеканка „звезда – горит”».

10 – Разъезд 107 км; **15** – Софиевка; **19** – Северный округ Феодосии; **20 –** Абрикосовка (?).

Рис. 4

• – Места случайных находок монет типа «голова безбородого сатира в венке влево; лук и стрела, ΠΑΝ».

1 – Тепе Оба; **2** – Куру Баш; **3** – Насыпное; **4** – Сары Кая; **5** – Узун Сырт; **6** – Ближнее 4; **7** – Ближнее 3; **8** – Ближнее 1; **9** – Дачи; **10** – Лесопитомник; **11** – Береговое 3; **12** – Новопокровка 3; **13** – Старый Крым; **14** – Кринички I; **15** – Айвазовское.

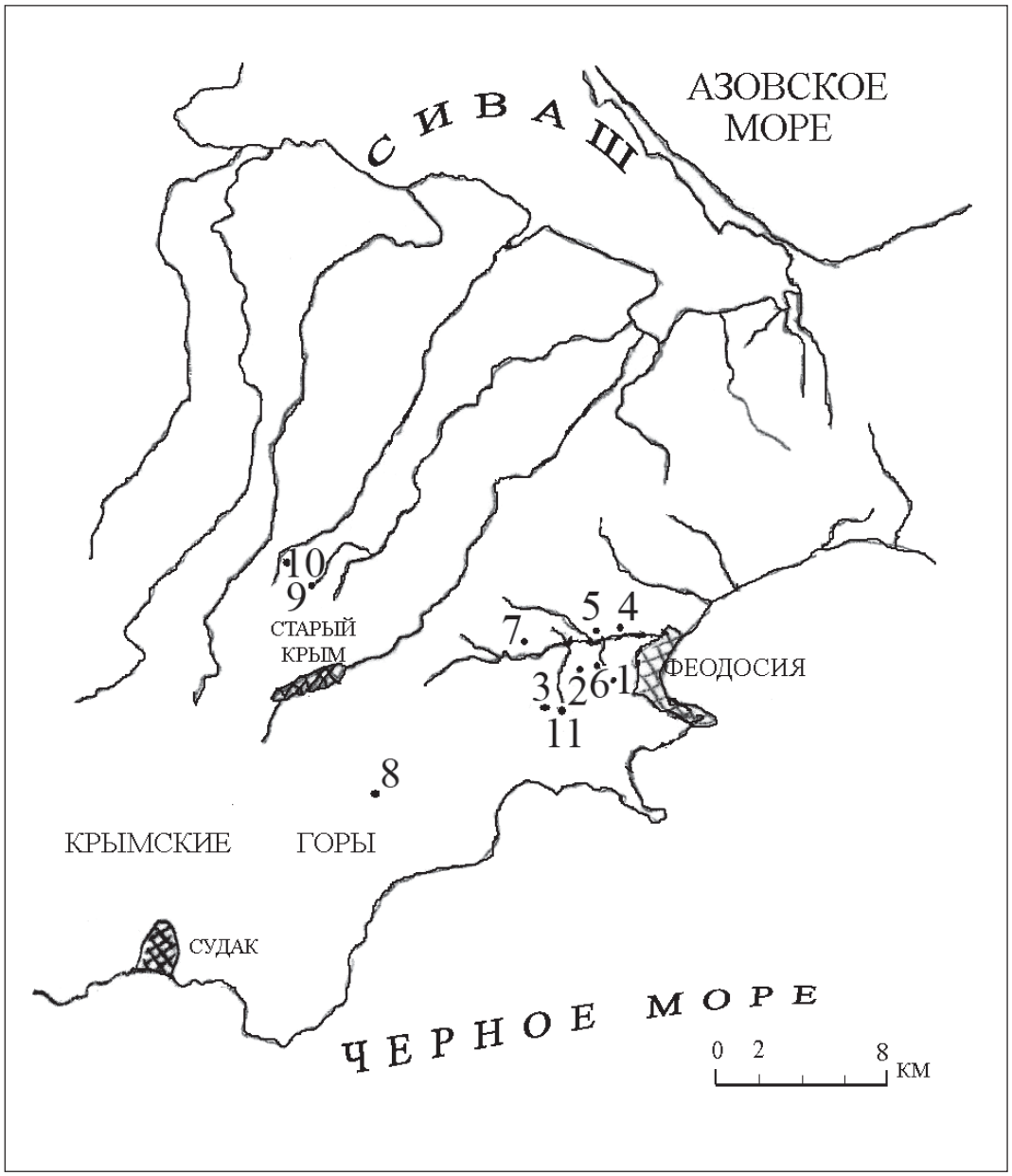


Рис. 5

• **–** ***Места случайных находок монет типа «голова Афины вправо; горит и палица,ΘΕΥ».***

1 – Тепе Оба; **2** – Насыпное; **3** – Узун Сырт; **4** – Ближнее 3; **5** – Ближнее 1; **6** – Виноградное; **7** – Лесопитомник; **8** – Скала; **9** – Кринички I; **10** – Айвазовское; **11 –** усадьба «Южное».

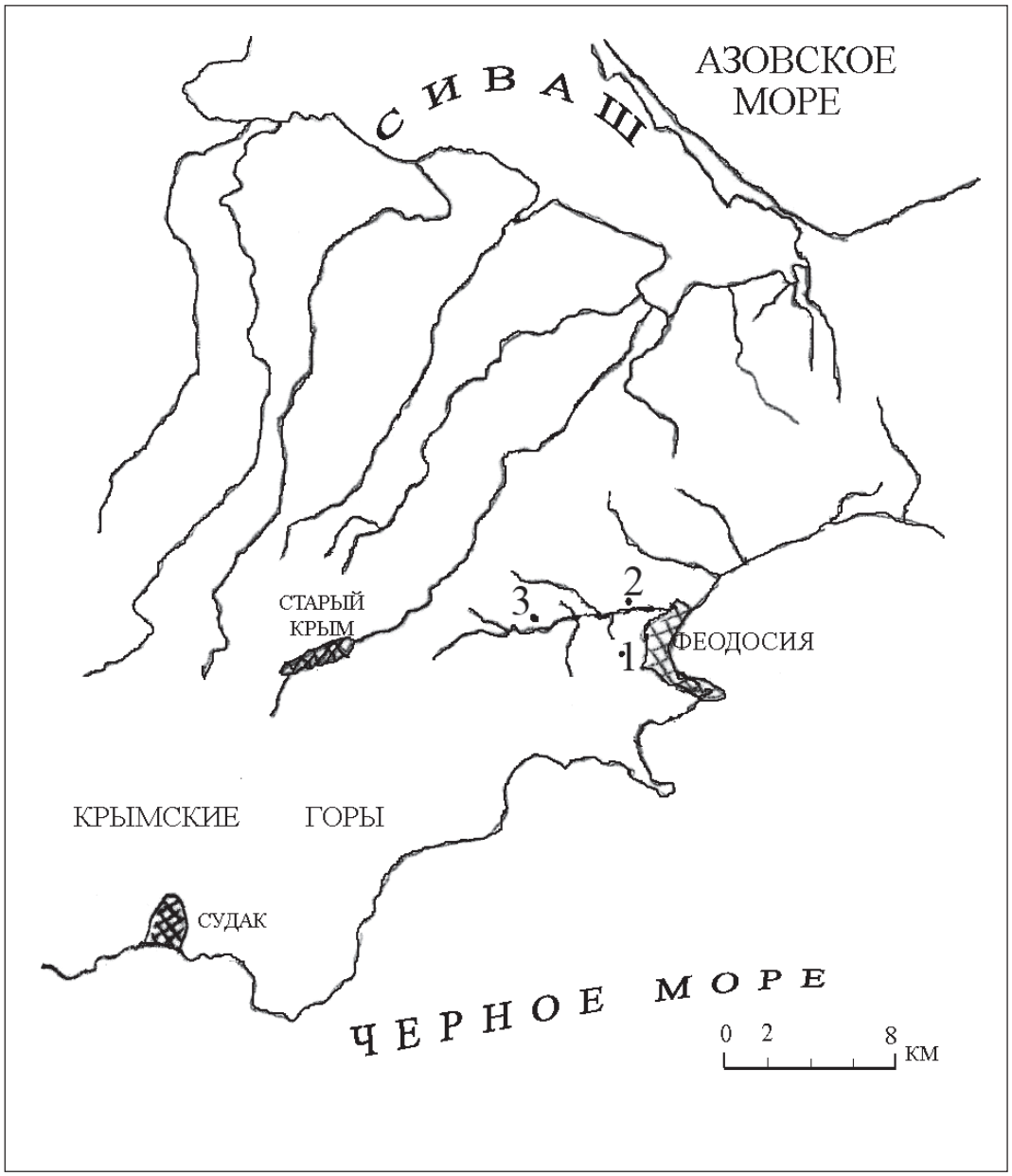


Рис. 6

• – ***Места случайных находок монет типа «Голова Геракла вправо – палица влево и лук тетивой вверх, ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ» и «Голова Афины в коринфском шлеме вправо – молния, ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΛΕΥΚΩΝΟΣ».***

1 – Тепе Оба; **2** – Ближнее 3; **3** – Лесопитомник.

Рис.7

▲ – Клады Европейского Боспора, содержащие монеты типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ. Надчеканка „звезда – горит”».

1 – Керчь (по дороге в крепость); **2** – Нимфей (1954 г.); **3** – Нимфей (1951 г.); **4** – Мирмекий; **5** – Северный округ Феодосии; **6** – Разъезд 107-й км; **7** – Софиевка; **8** – Абрикосовка (?).

Рис. 8

▲ – Клады Азиатского Боспора, содержащие монеты типа «голова безбородого сатира влево; голова льва влево, внизу осётр, ΠΑΝ. Надчеканка „звезда – горит”».

1 – пос. Приморский; **2** – ст. Старонижнестеблиевская (1941 г.); **3** – г. Славянск -на-Кубани; **4** – район пос. Кубрисострой, западнее ст. Ивановской; **5** – ст. Старонижнестеблиевская (1986 г.); **6** – резиденция Хрисалиска (ст. Румынская).

С.Д. КРЫЖИЦКИЙ

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ ДОМОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КВАРТАЛА НА УЧАСТКЕ НГС В НИЖНЕМ ГОРОДЕ ОЛЬВИИ

В ходе раскопок в северной части Нижнего города Ольвии в последние два десятка лет были открыты многочисленные остатки жилых домов в основном эллинистического времени[1]. Исследование этих домов позволило получить довольно полную картину застройки данной части города и предложить реконструкцию планировки и объемных решений этих жилищ. Среди них наибольший интерес с точки зрения методов реконструкции и типологии домов представляют дома центрального квартала [Leipunskaya, 1995; Лейпунська, 2001]. Освещению результатов работы по реконструкции домов центрального квартала и посвящена настоящая статья[2].

Восстановление планировки античных жилых домов, как и всякая историческая или историко-культурная реконструкция, в большинстве случаев носит не абсолютно, а относительно достоверный характер. Это происходит по причинам как наличия лакун в имеющейся информации, так и вследствие личностных характеристик того или иного исследователя. Тем не менее, метод реконструкции, являясь практически единственным средством, реально позволяющим восстанавливать прошлое, широко применяется в самых различных исторических дисциплинах, в том числе в древней истории и археологии. В последней, пожалуй, единственная область, где этот метод находит лишь ограниченное использование, это рядовые жилые дома. Естественно, когда информации достаточно много и она однозначна, она полностью используется исследователями. Но в тех случаях, когда, в силу плохой сохранности строительных остатков, информации недостаточно, в частности, для выделения границ отдельных домов и внутренних дворов, определения связей между помещениями и т.п., попытки анализа этой информации с целью обоснования реконструкции планировки, как правило, отсутствуют. В результате сплошь и рядом в публикациях результатов рас-

[1] Раскоп НГС расположен у северной границы Нижнего города. Исследуется с 1985 г. по настоящее время. Руководитель раскопа Н.А. Лейпунская, заведующие участками в разные годы: П.Д. Диатроптов, А.В. Каряка, В.И. Назарчук, Т.Л. Самойлова.

[2] Полная публикация результатов исследования жилых кварталов, открытых на участке НГС, подготовлена к изданию в совместном украинско-датском проекте.

копок читателю непонятно, на основании чего определены те или иные границы домов, а также остальные компоненты планировки, очевидность которых требует соответствующей аргументации. Между тем, в ряде случаев анализ имеющихся данных все же позволяет предложить более или менее достоверные восстановления. Исходя из этого, прежде всего, изложим основные принципы подхода к решению данной проблемы относительно жилых домов центрального квартала участка НГС в Ольвии.

Методика реконструкции. Реконструкция планировки жилых кварталов Ольвии из-за отсутствия регулярного прямоугольного плана города (Крыжицкий, 1971, 98-102), а также часто плохой сохранности архитектурно-строительных остатков (в том числе дверных проемов), многослойности и сложности стратиграфии представляет значительные трудности. Здесь последовательное надежное восстановление планов домов непосредственно вслед за ежегодными раскопками, как правило, невозможно, и вследствие этого выделение отдельных домов в ходе раскопок носит условный характер. Более или менее надежное выделение отдельных домов и реконструкция их планировки возможны в большинстве случаев только после завершения раскопок того или иного квартала в целом и в силу этого представляет собой самостоятельную задачу.

В Ольвии, где редкий жилой дом обходился без заглубленных в землю помещений, особо важную роль в определении количества домов в квартале и реконструкции их планировки играет характер расположения подвалов и полуподвалов.

Как известно, подвалы являются особенностью домостроительства в Северном Причерноморье в целом и в Ольвии, в частности [Крыжицкий, 1971, 109-110; 1982, 20-21, 27-28, 74-75]. Функциональное их использование могло быть различным. Оно определяется исходя из физических размеров, наличия тех или иных бытовых устройств (например, стационарных очагов) и сопровождающего материала. Так, например, подвалы недостаточной высоты (меньше человеческого роста – ориентировочно менее 1,7-1,8 м) могли использоваться, в основном, для хранения продуктов, утвари и т.п. Подвалы нормальной высоты (в Ольвии встречаются подвалы высотой до 2,0-2,2 м) служили как для хозяйственных занятий, так и для отправления жилых функций, о чем говорят соответствующие находки (жаровни, столовая импортная посуда и т.п.).

Все это касается и рассматриваемого квартала, основными источниками для реконструкции планировки которого служат остатки стен, главным образом, подвальных помещений и вымостки улиц и дворов. Наземные кладки каменных стен сохранились крайне фрагментарно.

Возвращаясь к ольвийским подвалам, отметим, что их расположение в планах домов вряд ли могло быть случайным и более того, по нашему мнению, оно определяло стабильную планировочную основу дома. Чаще всего подвалы располагались с северной, западной или восточной сторон внутренних дворов. Причем это прослежено и в тех ольвийских жилищах,

реконструкция планировки которых (в данном случае установление функциональной принадлежности помещений тому или иному дому) базировалась на остатках наземных стен [Крыжицкий, 1971, рис. 6,16,30,43].

В связи с этим при реконструкции планировки наземных этажей домов центрального квартала мы руководствовались следующими соображениями:

Во-первых, учитывая то, что основными материалами в ольвийском домостроительстве при возведении стен являлись глина и камень[3], строительство наземных стен, проходящих над подвальным пространством, следует исключить. Это находит косвенное подтверждение и в том, что даже в больших подвалах (над которыми можно было бы ожидать устройство не одного, а двух наземных помещений) с перекрываемым пролетом около полудесятка метров во время раскопок не находили каких-либо баз или ям для установки подпорных столбов. Выдержать же вес каменной или сырцовой стены обычное балочное деревянное перекрытие без опорных столбов было бы не в состоянии. Отсюда следует, что стены наземных помещений могли располагаться либо непосредственно на подвальных кладках, либо с отступом от их фасадов. И тот, и другой вариант в Ольвии известны. С другой стороны, исходя из небольших размеров наземных комнат в жилых домах, в частности, участка НГС, есть основания исключить возможность устройства под одним и тем же наземным помещением более, чем одного, подвала. Сказанное выше, при наличии в доме нескольких подвалов, в том числе смежных, дает основание для восстановления над ними такого же количества наземных помещений.

Во-вторых, особенностью планировки некоторых ольвийских подвалов в жилых домах является несовершенство их разбивки на местности – отсутствие в ряде случаев четкой прямоугольности и строгой параллельности стенам наземных помещений. Эта ситуация усугубляется последующими деформациями, когда стены выпучиваются, наклоняются, получают вертикальные трещины. В результате при последующих подвижках грунта может в известной степени меняться и сама конфигурация плана, как это имеет место на рассматриваемом участке. Примеры этому прослеживаются практически почти во всех подвалах. Особенно показателен в этом отношении подвал № 343 в доме IV – 3. В северной стене этого подвала суммарная ширина вертикальных трещин доходит до 0,3-0,35 м на всего-то 3,5 м горизонтального проложения. Эти трещины, разумеется, образовались не только в подвалах, но и в культурном слое между подвалами. Отсюда следует, что суммарная величина деформаций на участке в направлении запад-вос-

[3] В Ольвии нам известен только один случай устройства стен помещения (?) V в. до н.э. из глиноплетневой конструкции. Этот объект (от него сохранились ямки от вертикальных стоек и углубления от примыкавших к полу горизонтальных прутьев), находившийся в Верхнем городе в центральном квартале в районе агоры под остатками эллинистического дома Е-12, представлял собой не обычные стены, а, скорее всего, загородки внутри обычного помещения.

ток может составлять значительную величину. Для центрального квартала величина деформаций по направлению с запада на восток может достигать полутора - двух метров[4], т.е. первоначальный размер квартала был меньше на эту величину. Таким образом, следует иметь в виду, что при реконструкции планировки дома стены наземных помещений не всегда должны будут совпадать (или располагаться параллельно) со стенами обмерного плана. Если подвалы не смежные и находятся на некотором небольшом расстоянии один от другого, то, при отсутствии дополнительных данных о местоположении наземных стен, их конкретное размещение в плане будет иметь несколько условный характер. Тем не менее, количество помещений первого этажа и их взаимное расположение будут установлены достаточно надежно.

В-третьих, строительство эллинистических домов на участке НГС велось не на пустом месте. Почти повсеместно, под домами эллинистического времени находятся строительные остатки IV в. до н.э. и даже V в. Важной особенностью этого участка является в большинстве случаев преемственность в размещении подвалов разных строительных и даже хронологических периодов – размещение их на одном и том же месте или поблизости[5].

Таким образом, дома в III-II вв. до н.э. в ходе их возведения встраивались (или перестраивались) в уже существовавший квартал. В рассматриваемое время они не строились все сразу - одновременно, о чем свидетельствуют сдвиги планировочных сеток, а также характер соединения каменных кладок стен. Не исключен и вариант, при котором участок рядом с перестраивающимся домом представлял собой пустырь. Вследствие всего этого в планировке и в конфигурации пятна плана домов неизбежно должны были происходить мелкие изменения. Помимо сказанного, появление этих изменений объясняется и тем, что разделяющая разные домовладения стена могла состоять из неоднородных (и по толщине, и по технике кладки) отрезков, а также образовывать небольшие уступы. При этом примыкающие друг к другу домовладения, как правило, имели не две параллельных разделяющих их стены, а одну – совместную (эта практика была общей для древнегреческого домостроительства, соблюдалась она и в Ольвии). Исключение в данном случае представляют внутриквартальные промежутки шириной 1,2-1,5 м (4-5 футов) между блоками домов, как это имело место в Олинфе или Кассопе [Hoepfner, Schwandner, 1986, Abb. 32,110]. Но и там дома в отдельных блоках таких кварталов разделяли одинарные стены.

---

[4] Если исходить из того, что, судя по северным и южным стенам подвалов, на 3-4 м горизонтального проложения приходится в среднем две-три вертикальных трещины шириной хотя бы 0,1 м каждая, суммарная деформация на 21 м (меньший размер центрального квартала по направлению запад-восток) будет колебаться в пределах 1,05-2,1 м.

[5] Исследование более ранних подвалов проводилось только частично в связи с необходимостью обеспечить сохранность более поздних строительных остатков, имеющих существенное значение для экспозиции под открытым небом.

Среди косвенных факторов, которые в целях контроля необходимо учитывать при обосновании выделения отдельных домов, отметим два. Это наличие деформаций строительных остатков, о чем уже упоминалось, и пропорции пятна плана дома.

В ольвийских жилых домах эллинистического времени соотношение сторон их планов не выходит за пределы 1 к 1,7. Чаще же всего это соотношение приближается к 1 к 1. Заметим в связи с этим, что удлиненные пропорции жилых домов характерны в основном для домов последовательно-иерархического принципа планировки, в частности, простадного. Наиболее ярко это прослеживается в домах Приены [Hoepfner, Schwandner, 1986,Abb. 147]. В Ольвии же нам пока неизвестен ни один дом эллинистического времени с последовательно-иерархическим (простадным) принципом планировки. Последнее относится к жилым домам и в других античных городах Северного Причерноморья [Крыжицкий, 1992, 152]. Выделяя отдельные дома, следует также учитывать характер связи и взаимного размещения кладок, наличие или отсутствие поворотов и сдвигов планировочных сеток, степень четкости планировки и однотипности конструктивных приемов отдельных узлов строительных конструкций, наличие или отсутствие функциональной связи между отдельными помещениями, разницу в уровнях глубины заложения кладок стен и полов и т.п.

Что касается наличия деформаций, то при их значительных размерах и тем более одновекторности их развития следует учитывать, что выполненные во время раскопок обмерные планы отражают уже деформированную картину планировки кварталов и домов. Т.е. принятые в реконструкции размеры квартала, домов, а иногда и отдельных помещений, естественно, не могут претендовать на абсолютное соответствие тому, что было в древности. Это лишает нас возможности проведения метрического анализа, но вполне достаточно для реконструкции планов.

Следует также сказать, что толщина каменных стен в момент раскопок составляла, в основном, 50-60 см (+- 5-10 см). При этом толщина одной и той же стены могла быть разной на ее протяжении. Подобные отклонения объясняются, в первую очередь, использованием нестандартного материала (чаще всего полигональных плит и блоков, не имеющих четкой прямоугольной выкадровки), в качестве вяжущего – глины, длительным нахождением этих конструкций под открытым небом после гибели города и действием на них упоминавшегося оползня. Все это обусловило появление соответствующих деформаций, в частности, расслоения кладок. Исходя из этого, в реконструкции планировки домов нами принят условно единый стандарт толщины каменных стен, равный 0,5 м.

Учитывая сказанное и исходя из анализа планировки жилых домов Греции эллинистического времени, – Делоса, Приены и других греческих городов, планировка которых восстанавливается по прямым археологическим данным,

- нам представляется, что основными критериями для выделения отдельных домов и границ, их разделяющих, могут быть приняты следующие: - наличие «длинных» стен, разделяющих квартал в целом (такие стены могут состоять не из одной, а из нескольких кладок, иногда образующих в плане небольшие уступы, появляющиеся вследствие перестроек); - наличие однотипных и одинаково ориентированных планировочных модулей; - наличие в каждом домовладении внутреннего двора. Для определения местоположения наземных помещений мы исходили в основном из расположения внутреннего двора и подвалов. Естественно, при этом учитывались характер связи и взаимного размещения кладок стен, наличие или отсутствие поворотов и сдвигов планировочных сеток, степень четкости планировки и однотипности конструктивных приемов отдельных узлов строительных конструкций, наличие или отсутствие функциональной связи между отдельными помещениями, разница в уровнях глубины заложения полов и вымосток. При определении местоположения внутренних дворов учитывалось не только наличие каменной (или из битой керамики) вымостки, а также сопровождающего материала, но и характер размещения предполагаемого двора в плане дома, его прямая связь с протироном или улицей, наличие водостоков, наконец, анализ возможного количества и направления скатов крыши, которые в ряде случаев зависят от окружающей застройки. При сравнении возможных вариантов размещения и размеров двора учитывалось также процентное соотношение площадей двора и застройки дома в целом.

Проведенный, исходя из рассмотренных выше критериев, камеральный анализ раскопанных строительных остатков дал возможность уточнить ряд моментов в отношении количества отдельных домов и их границ. Это потребовало отказаться от старой нумерации домов [Крыжицкий, Лейпунская, 1997, рис. 153] и введения новой унифицированной нумерации, в которой первая цифра обозначает номер квартала, а вторая – номер дома в квартале. Центральный квартал получил индекс «IV», соотношение старой и новой нумерации домов дано ниже при их описании.

Реконструкция планировки. Все четыре границы центрального квартала надежно установлены на основании открытых уличных вымосток, водоотводящих каналов и каменных стен подвалов (рис. 1). Его размеры, определяемые по обмерным планам, составляют около 520 кв. м.

Анализ размещения в квартале подвалов позволяет считать, что они принадлежали не двум, а четырем различным домам. В пользу этого говорит следующее.

Это, прежде всего, устройство подвалов в северных частях домов. В связи с этим подчеркнем, что и в большинстве других ольвийских эллинистических домов блоки подвалов размещались в их северных частях. Таковы, в частности, дома А-2, А-3, А-10, Е-1, Е-2, НГФ-1, НГФ-2 [Крыжицкий, 1971, 32-48, 62-87]. Вторым важным моментом является смещение и сдвиг планировочных сеток одного дома

относительно другого. Так, в частности, подвалы №№ 280 и 302 смещены примерно на 3 м к югу от подвалов №№ 253, 257; подвалы № 353, 351 – на полтора метра к востоку относительно западной стены повала № 280. В свою очередь подвал № 343 примерно на 2 м сдвинут к югу от подвала № 353. Отсутствие же функциональной связи подвалов №№ 353 и 351 с находящимся к северу от них двором находит подтверждение в том, что вход в эти подвалы располагался с юга. Здесь, в подвале № 353 были обнаружены остатки лестницы, которая выходила во двор. Таким образом, есть, по нашему мнению, достаточно убедительные доказательства того, что квартал состоял из четырех близких по размерам домов.

Дом IV-1 (занимает западную половину дома, называвшегося НГС – 6)[6]. На месте дома выявлены строительные остатки эллинистического времени, главным образом, двух строительных периодов (рис. 2,3). В первом периоде строятся подвалы №№ 315 и 253, в которых сохранились остатки очагов. Во втором периоде несколько сокращается площадь подвала № 253, подвал № 315 засыпается, и над ним остается только наземное помещение № 290 с каменным алтарем(?) у южной стены. Алтарь представлял собой небольшую площадку высотой 0,24 м квадратной в плане формы со стороной 0,9 м. В доме дополнительно устраивается небольшой подвал № 257. Судя по сопровождающему материалу, все подвалы имели хозяйственное назначение. Так, в подвале № 315 на полу была найдена каменная ступа; в подвале № 257 - ткацкие грузила. В подвале № 253 в пол был вкопан пифос и устроена яма с обложенной камнем горловиной, у стены стояли амфоры (рис. 4-7). В обоих последних подвалах обнаружено много рыбьих костей и чешуи.

Сохранились также отдельные незначительные фрагменты конструкций, которые относятся к наиболее позднему – третьему строительному периоду. В частности, остатки дома в его юго-восточной части перекрываются верхним слоем многослойной вымостки № 285 с водостоком, направленным в сторону подвала № 257. Реконструировать планировку этих поздних сооружений невозможно, однако, можно констатировать, что, как и в северном квартале участка НГС, их планировочная сетка повернута под углом примерно в 30^0 относительно дома IV - 1.

На западе дом выходил на западную продольную улицу, на севере – на северную поперечную. Восточная граница дома, отделявшая его от дома IV – 2, проходила между подвалами №№ 257, 280. Выявлен южный конец этой наземной стены № 285-б, располагающийся в створе с тыльными фасадами стен №№ 265 (подвал № 257) и № 276 (подвал № 280). Южная граница дома проходила по стене № 336.

---

[6] Подробное описание сопровождающего материала из каждого помещения домов центрального квартала готовится к публикации в рамках уже упоминавшегося совместного украинско-датского проекта.

Внутренний двор располагался в юго-восточной части дома. Крытые помещения размещались с запада и севера от него. Западная сторона двора находилась в промежутке между западным краем вымостки № 285-а и восточной стеной подвала № 315. Северная граница двора могла располагаться в интервале от створа с южной стеной протирона (кладка № 262) (сюда доходит сохранившаяся часть вымостки двора) до южной стены подвала № 257. Учитывая то, что в греческих жилых домах протироны выходили обычно непосредственно во двор, северная граница двора, скорее всего, находилась в створе с северной стеной протирона № 238. Косвенно это находит подтверждение в том, что иначе процент площади, занимаемой двором, был бы необычно мал, составляя всего 11% от площади застройки дома. Для ольвийских безордерных домов типичной планировочной схемы малой площади подобная величина мала. Так, например, в доме И-1 двор занимал 19%, в доме И-2 – 14-17%, в доме И-3 – 19-28%, в доме И-4 – 23%, а в среднем в большинстве случаев – 15-20% [Крыжицкий, 1971, 12, 20, 22, 25, 106].

Вход в дом вел с западной продольной улицы. Атмосферные осадки из двора, судя по направлению и уклону водостока поздней вымостки № 285, отводились на северную поперечную улицу.

Таким образом, крытые помещения располагались «Г»-образно относительно внутреннего двора, имели южную и восточную ориентацию. Площадь застройки дома - 116 кв. м, от которой двор занимал 11-19 %. Дом IV - 1 являлся безордерным домом типичной схемы малой площади.

Таблица 1

№ дома	№ подвала, полов наземного помещения, вымосток	Датировка подвала, века до н.э.	Площадь в квадратных метрах	Глубина в метрах[7].	Наличие над подвалом остатков наземного помещения[8].	Датировка наземного помещения, века до н.э.	Наличие под подвалом более ранних помещений или слоя	Датировка более ранних остатков, века до н.э.
IV-1	315	3-сер. 2	13,5	1,8	290	2- нач. 1[9]	Есть	5
IV-1	253	Нач. 3-II пол. 2	18,5;14,1	2,0-2,3	Нет	-	Есть	5-4
IV-1	257	Нач. 3-сер. 2	7,4	1,8	Нет	-	Есть	5-4

[7] Высота кладок.

[8] Имеется в виду после прекращения функционирования подвала.

[9] Открыты остатки глинобитного пола и каменный алтарь.

IV-2	280	Нач. 3-кон. 2	13,2	2,1	Нет	-	307	4
IV-2	302	3	15,3	2,0	Есть	Кон. 3[10]; 2[11]	421	5-4
IV-2	301	Нач. 3-нач. 2	11(?)	Не менее 1,8	Нет	-	Есть	4
IV-3	343	Нач. 3-2	11,8	2,0	Нет	-	Есть	5-4
IV-4	353	Нач. 3-2	8,7	2,16	Нет	-	Нет	-
IV-4	351	Нач. 3-2	10,9	2,0	Нет	-	392,405	4(?)
IV-4	498-а	Нач. 3-2	16(?)	2,0(?)	Нет	-	Полуземлянка № 730	5

Дом IV-2 (занимает восточную половину дома, называвшегося НГС – 6).

Строительные остатки эллинистического времени относятся к трем основным строительным периодам. К первому - устройство подвала № 280 (рис. 8), в котором был обнаружен очаг. Ко второму – строительство подвалов №№ 301 и 302, в котором сохранился очаг (рис. 9-11). К третьему - засыпка подвала № 302 и устройство над ним наземного помещения № 302 (рис. 12) с алтарем и остатками печи (рис. 13). В это же время прекращает свое существование, по-видимому, и подвал № 301. От наземного помещения № 302 частично сохранились западная (№ 282), северная (№ 283) и восточная (№ 300) стены. Восточная стена № 300 выступает к северу от стены № 283, что дает основания считать, что наземное помещение № 301 имело ширину, с учетом расположения кладки № 319, не менее 2,3 м. В связи с этим следует подчеркнуть, что при раскопках помещений №№ 301,302 был обнаружен мощный завал рухнувшей черепичной кровли, состоявший из керамид и калиптеров полукруглого и граненого сечений. Еще одно крытое помещение располагалось к северу от подвала № 280. В начале – середине IV в. до н. э. на его месте существовал подвал № 287.

К самому позднему времени относится и упоминавшаяся выше вымостка № 285, восточная часть которой принадлежала рассматриваемому дому. Далее к востоку от этой вымостки дневная поверхность, синхронная времени существования подвалов, уничтожена. Поэтому можно только лишь предполагать, что здесь могли находиться одно - два крытых помещений.

Назначение подвалов было в основном, по-видимому, хозяйственным. Так, на полах подвала № 302 были обнаружены амфоры, в том числе вкопанные их нижние части, лутерий, очаг открытого типа. Здесь же обнаружен фрагмент штока известнякового якоря - предмет, необычные условия находки которого могут связываться с отправлением домашнего культа, посвященного морско-

[10] Раскопаны остатки печи.

[11] Обнаружено три уровня глинобитных полов, каменный алтарь.

му делу [Диатроптов, 2006, с. 204]. В подвале № 280 у западной стены обнаружен *in situ* прямоугольный каменный столик, служивший, возможно, алтарем.

Таким образом, в северо-восточном углу центрального квартала находился блок крытых помещений, состоявший из четырех комнат. Отметим также, что северная стена помещения № 302 сохранилась на достаточную высоту, чтобы можно было сделать вывод об отсутствии в ней дверного проема, который бы соединял помещения №№ 302 и 301. В помещение № 301 можно было попасть только через помещения №№ 280 и 287.

Исходя из сказанного, внешние границы дома определяются следующим образом. На западе – это смежная с домом IV – 1 стена; на севере – вымостка северной поперечной улицы, стена № 288 более раннего подвала № 287; на востоке – вымостка восточной продольной улицы и кладка № 300 помещения № 302; на юге – наземная стена № 350, проходящая параллельно северным стенам подвалов №№ 353 и 351, которые относятся уже к соседнему дому IV - 4.

Намеченные границы дома, блок крытых помещений и остатки вымостки № 285 позволяют установить местоположение трех сторон внутреннего двора – южной, западной и северной. Четвертая – восточная граница двора, скорее всего, располагалась у восточного края вымостки № 285. В пользу этого говорят два обстоятельства. Если исходить из того, что к востоку от двора вообще не было крытых помещений, то в этом случае двор получается слишком большим, занимая 40 % от площади застройки. Кроме того, подобный планировочный прием, когда крытые помещения размещаются только с одной стороны двора, вообще не типичен для жилого дома. Эти неувязки снимаются в предлагаемом варианте планировки, которому не противоречат имеющиеся археологические данные. Между вымосткой двора и восточной границей дома остается достаточно места для устройства в юго-восточной части дома еще одного небольшого крытого помещения и протирона, ширина которых (по направлению запад – восток) в этом случае могла составить около 3 м. В пользу размещения входа в дом с восточной продольной улицы свидетельствует то, что с юга и запада от нашего дома находятся соседние домовладения, а с севера – располагаются в два ряда собственные крытые помещения, под которыми находились подвалы. Ни одно из этих северных помещений не может быть отождествлено с протироном.

Таблица 2

Номер дома	Площадь застройки в кв. м	Площадь двора в кв. м	%площади двора от площади застройки	Количество крытых помещений	Количество подвалов
IV – 1	10x11,6=116;	4x3,2=13; по реконструкции 4x5,5=22	11 19	4	3

IV – 2	11,5x12,5=144	7,2x5,3=38	26	4+2(?)	3
IV – 3	12,3x11=135	7(?)x2,7=19	14	4+1(?)	1
IV – 4	10x10,7=107	4,5-5,5x5=22-27	20-25	3+1(?)	3

Дом IV-3 (занимает западную часть дома, называвшегося НГС – 8).

От дома сохранились два незначительных фрагмента вымосток №№ 346 (в юго-западной части дома), 373 (в юго-восточном углу дома) и стен № 356 (южная стена дома и его двора), 321, 374 (южный фрагмент восточной стены дома), а также подвал № 343 (стены №№ 322,342,344,341), заглубленный относительно вымостки № 373 на 1,6 м (рис. 14). Судя по высоте сохранившихся стен, общая высота подвала могла достигать 2 м, т.е. уровень его потолка был выше вымостки № 373 на 0,4 м. Благодаря этому подвал мог иметь дневное освещение, аналогично подвалу ольвийского дома А-2 [Крыжицкий, 1971, с. 96,97]. В трех углах подвала имелись полукруглые загородки: - две каменные и одна из сырцового кирпича. Над последней был обнаружен небольшой зольник. На полу обнаружена местами известняковая обмазка, рыбья чешуя, кости, фрагмент растиральника. Под верхним полом обнаружено еще три более ранних пола с остатками очагов. Эти ранние полы уходят за пределы подвала № 343, предшествуют ему. Таким образом, подвал использовался для хозяйственных нужд длительное время, при этом прослеживается функциональная преемственность от более ранних сооружений. К северу от подвала № 343 обнаружен глинобитный пол наземного помещения.

Западная граница дома определяется восточным краем вымостки западной продольной улицы, который располагается примерно в створе с западной границей дома IV – 1, северная – по створу с кладкой № 336. От восточной стены сохранился только небольшой фрагмент ее южного конца № 374, далее к северу эта стена проходила между подвалами №№ 343 и 353. Южная граница определяется вымосткой средней поперечной улицы, кладкой № 356 и восточным краем вымостки № 373.

Упомянутый фрагмент вымостки № 346 дает основание предполагать, что двор находился в юго-западной части дома. В пользу этого косвенно свидетельствует и то, что в последнем строительном периоде дома в этом же месте, но примерно на 0,6-0,7 м выше, располагалась довольно значительная по размеру вымостка № 339. Кроме нее, от этого периода не сохранилось каких-либо других строительных остатков, но для нас в данном случае важна преемственность в функциональном использовании определенной территории. Исходя из сказанного, южной границей двора являлась стена № 356. На западе двор ограничивался западной стеной дома. На севере двор доходил до помещения № 383 (в ходе раскопок здесь был открыт юго-восточный угол помещения с кладками №№ 381, 382). На востоке двор доходил не далее створа с западной стеной подвала № 343, поскольку последний пересекает северную границу двора.

Не вполне ясно назначение вымостки № 373. Учитывая наличие между нею и двором кладки № 345, у нас нет оснований считать, что эта вымостка могла служить продолжением двора. Вполне возможно, что в месте расположения этой вымостки находилось небольшое открытое помещение (порядка десятка метров) – дворик сугубо хозяйственного назначения. Это тем более вероятно, учитывая активнейшее хозяйственное использование подвала № 343.

Расположение двора предопределяет устройство входа в дом с западной продольной или средней поперечной улиц. При этом протирон, по-видимому, отсутствовал.

Таким образом, крытые помещения дома располагались в два ряда к северу от двора и в один ряд к востоку. По своему типу дом относится к безордерным домам типичной схемы малой площади.

Дом IV-4 (занимает восточную часть дома, называвшегося НГС – 8).

В доме имелось три подвала №№ 353,351,498-а, которые располагались с северной и восточной сторон внутреннего двора. Аналогичную планировочную схему, но с размещением двора в юго-западной части дома, имел дом IV – 1. В рассматриваемом жилище лучше всего сохранился подвал № 353 (рис. 15,16), значительно хуже подвал № 351 (рис. 17), южная и восточная стены которого не сохранились. Не исключено, что подвал № 351 состоял из двух помещений, поскольку от его северной стены в двух метрах от западной стены отходил к югу небольшой выступ, заканчивающийся дверным проемом (рис. 18). Дверным проемом соединялись между собой также и подвалы №№ 353 и 351. Позднее, однако, этот проем был заложен, и каждый из них продолжал функционировать самостоятельно. Из подвала № 353 во двор вела каменная лестница, от которой сохранилось 5 ступенек. От подвала № 498-а до нас дошли лишь фрагменты восточной № 503 и южной № 498 стен. Его размеры можно установить только приблизительно, исходя из общей планировочной схемы дома. В подвалах №№ 353 и 498-а[12] следов каких-либо перестроек не сохранилось. В противоположность этому под подвалом № 351 прослежены остатки более ранних подвалов №№ 392 и 405, датируемых предположительно еще IV в. до н.э. Судя по сопровождающему материалу, все три подвала относились к одному и тому же времени. Достаточно большая высота подвалов и наличие в их уровне дверных проемов позволяют предполагать, что подвалы №№ 353 и 351 могли использоваться не только в хозяйственных целях, но и в качестве обычных жилых комнат.

Наружные границы дома устанавливаются достаточно надежно. Западная граница проходила между подвалами № 353 нашего дома и № 343 соседнего. Здесь, как уже отмечалось, сохранился южный конец кладки № 374. Северную границу определяют южный край вымостки двора № 285 дома IV – 2 и стена № 350.

[12] Под полом последнего была обнаружены остатки полуземлянки начала V в. до н.э.

Восточная граница восстанавливается по остаткам кладок стен №№ 402 и 503. Южная граница – по фрагменту стены № 498 и южному краю вымостки № 406.

Местоположение двора подтверждается не только расположением подвалов, но и фрагментом вымостки № 406. Уровень поверхности этой вымостки совпадает с уровнем верхней ступеньки лестницы, которая вела в подвал № 353. Западную и южную границы двора образовывают соответствующие наружные стены дома. Северная граница проходит вдоль южного фасада стены № 355 подвала № 353. Восточной границей двора служила западная стена крытого помещения, находившегося над подвалом № 498-а. Однако, как отмечалось выше, конкретное размещение этой стены можно наметить лишь гипотетически. Она не могла располагаться восточнее западного конца стены № 498 подвала № 498-а и вряд ли выходила далеко к западу от створа со стеной № 387 раннего подвала № 392. Вход во двор вел с южной поперечной улицы.

Следует также отметить два существенных факта. Во-первых, вымостка двора нашего дома (№ 406) находится примерно на метр ниже вымосток дворов соседних домов IV - 3 (вымостка № 373) и IV - 2 (восточная часть вымостки № 285). Это свидетельствует в пользу того, что восточная продольная улица имела довольно значительный уклон к югу, а средняя поперечная – к востоку. Иначе возникает проблема удаления атмосферных осадков из двора дома IV - 4. Во-вторых, вымостка двора № 406 и верхняя ступенька лестницы № 385 находятся выше уровня полов подвалов №№ 353 и 351 всего на метр с небольшим. В данном случае у нас есть основания считать, что рассматриваемый дом имел не столько подвалы, сколько полуподвалы и по сути являлся полутораэтажным, т.е. над полуподвальным этажом был устроен еще один этаж [Крижицький, 2007]. Данные о возможности существования над ними еще одного надземного этажа отсутствуют.

В связи с реконструкцией планировки домов центрального квартала отметим условность реконструкции примыкания друг к другу юго-западного угла дома IV - 2, северо-западного угла дома IV - 4 и северо-восточного угла дома IV – 3 (рис. 19,20). Образующийся при этом небольшой выступ в юго-западном углу двора дома IV – 2 является, по нашему мнению, следствием деформации строительных остатков и культурных напластований в результате оползневых процессов. Об этом шла речь в начале статьи. Мы не имеем возможности достаточно надежно вычислить абсолютные суммарные величины этих деформаций, поскольку они развивались неравномерно, в двух направлениях - как в восточном, так и южном. Кроме того, количество реперных точек недостаточно для построения соответствующей модели. Но, тем не менее, иметь в виду порядок определенных выше размеров деформаций необходимо.

Реконструкция основных элементов, определяющих внешний вид домов.

При реконструкции объемно-пространственной структуры домов мы исходили из принципов, разработанных нами в свое время при анализе античных домов Северного Причерноморья и, в частности, Ольвии [Крыжиц-

кий, 1971, 88-96; 1971а; 1993, 25-31; 2006; 2007]. Вкратце они сводятся к определению наличия или отсутствия ордера; этажности домов; высотных габаритов наземных помещений; материала, конструкции, формы и направления скатов крыш домов; формы и размеров дверных и оконных проемов.

Что касается ордера, то у нас нет ни прямых, ни косвенных данных об его использовании в каком-либо из домов центрального квартала. Здесь не обнаружены остатки стилобатов или отдельных баз для установки колонн или антов. При значительной площади всего раскопа НГС обнаружены лишь 5 баз и одна капитель аттического ордера, выполненных из местного известняка, причем найденных за пределами центрального квартала. Это, разумеется, не исключает возможности устройства примитивных навесов вдоль какой-либо из сторон дворов. Отсутствие ордера косвенно свидетельствует о том, что, очевидно, и высотные габариты домов могли быть меньше, чем вычисленные для того или иного ордера.

В объемном отношении дома центрального квартала состояли из одного наземного этажа. Однако, наличие подвальных помещений, часть которых имела не только складское, но и жилое или хозяйственное назначение, свидетельствует о наличии еще одного – подвального этажа. Такими были дома IV-1,2,3. Особый интерес в этом отношении представлял собой дом IV-4. Здесь было установлено, что высотная отметка верха подвальной стены № 338 (11,28), которая разделяет подвалы №№ 353 и 351, на 0,47 м превышает отметку двора (10,81). Т.е. сохранившаяся высота этой подвальной стены свидетельствует о том, что пол комнат наземного этажа был как минимум на полметра (а реальнее, сантиметров на 70[13]) выше, чем поверхность двора. Естественно, логично предполагать, что над этим полуподвалом размещался еще один - надземный этаж, иначе такое заглубление теряет смысл. Аналогичные полутораэтажные дома были открыты в Ольвии на участке И и в центральном квартале агоры в Верхнем городе, а также на участке НГС в Нижнем.

В частности, на участке И в доме 6 полы двух северных жилых помещений, граничащих с продольной улицей, были заглублены на 0,6 м относительно вымостки внутреннего двора и на 2 м относительно поверхности расположенной рядом восточной улицы верхней террасы [Крыжицкий, 1971, 28,29, рис. 14]. При одноэтажном (в данном случае полуподвальном) варианте верхняя точка кровли этого дома (при двускатной кровле) оказалась бы ниже (!) уровня вымостки улицы верхней террасы, либо в лучшем случае (при односкатной кровле) превысила бы ее всего примерно на метр [Крыжицкий, 1971, рис. 13]. И первое, и второе представляются менее вероятным, чем устройство «полутораэтажного» объема, обеспечивающего изоляцию внутренней жизни семьи от посторонних взглядов.

[13] Только в этом случае было бы возможно обеспечить минимальную высоту подвального этажа в пределах 2,0-2,1 м. Отметка пола подвала № 353 - 9,3 м.

Относительно небольшая толщина наземных стен при кладках в большинстве случаев низкого качества из плохо обработанного камня, уложенного на глинистом растворе, и отсутствии каких-либо остатков, хотя бы нижних ступеней или оснований лестниц, дают основания сомневаться в возможности устройства вторых наземных этажей.

Поскольку прямые данные о высоте наземных помещений домов в рассматриваемом квартале отсутствуют, примерную высоту наземных комнат мы принимаем по аналогии с другими безордерными домами Ольвии. Высота последних могла находиться в пределах в основном 2,2-2,9 м [Крыжицкий, 1971, с. 89]. Это было определено на основании сопоставительного анализа высот ольвийских подвалов и одного из наземных помещений, зафиксированных *in situ,* с расчетной высотой портиков аттического ордера, вычисленной по ордерным деталям, найденным в ходе раскопок [Крыжицкий, 1971, с. 90 и сл.]. При этом следует также учитывать, что отдельные помещения, или их блоки, в одном и том же доме могли иметь различную высоту. Хозяйственные комнаты могли быть ниже, а жилые (особенно парадные) – выше. Но общий порядок цифр представляется убедительным и достаточным для целей реконструкции объемов[14].

Основными материалами, из которых делались кровли домов центрального квартала, были саман или тростник, обмазанный глиной, а также черепица. В пользу устройства саманных покрытий может косвенно свидетельствовать отсутствие четкой прямоугольности планов отдельных групп помещений. В таких случаях черепица коринфского типа в силу геометрической жесткости системы в целом трудно применима. В отношении черепицы следует сказать, что в ходе раскопок центрального квартала чаще всего встречались обломки черепицы коринфского типа, значительно реже – лаконского. Процентное содержание фрагментов черепицы в заполнении наземных помещений и подвалов здесь находилось в пределах от 3-29 %. Разумеется, процент фрагментов черепицы среди вещественных находок в том или ином помещении является величиной весьма относительной и связывать его напрямую с решением вопроса о материале кровли над конкретным помещением нельзя. Кроме того, следует также учитывать, что, если над подвалом сохранились остатки наземного помещения (т.е. его пол перекрывает заполнение подвала), то в расчет нужно принимать материалы из засыпи только наземного помещения, поскольку подвал прекратил свое существование ранее. Но, тем не менее, довольно многочисленные находки черепицы свидетельствуют о том, что черепичные кровли здесь также были. Исключение в отношении степени надежности определения материала кровли представляет собой толь-

[14] Близкие величины исследователи определяют для жилых домов Средиземноморья [Крыжицкий, 1971, 90].

ко завал черепицы, найденный *in situ* в доме IV – 2. В данном случае можно уверенно считать, что над этими помещениями кровля была черепичной. Разумеется, отнюдь не всегда отсутствие завалов черепицы может свидетельствовать о том, что дом (или его отдельные помещения) не имел черепичной кровли. При обычных перестройках черепичное покрытие аккуратно разбиралось и использовалось в дальнейшем. Исходя из этого, в реконструируемых нами домах черепичные кровли коринфского типа приняты только над отдельными блоками жилых помещений. В остальном, при непрямоугольной планировке – кровли с черепицей лаконского типа или саманные.

В реконструкциях домов сделаны одно- чаще двускатные крыши. Направление скатов и их количество обусловлены местоположением внутреннего двора, окружающей застройкой, величиной перекрываемых пролетов. При этом, учитывая более влажный, чем в Греции, климат, сырцовые или каменные, обмазанные глиной стены, есть основания предполагать, что сброс атмосферных осадков в соседние домовладения был нежелателен. При относительно больших пролетах, по-видимому, предпочтение должно было отдаваться двускатным крышам, как более рациональным. Конструкция подобных кровель хорошо известна и по культовым сооружениям, и по жилым домам как городов Греции, так и самой Ольвии. Одно-двускатные кровли приняты в реконструкциях жилых домов, в частности, Олинфа, Кассопе, Приены, Абдеры [Hoepfner, Schwandner, 1986, Abb. 32,110,172,199]. Наличие в Ольвии двускатных кровель подтверждается находками коньковых черепиц – поперечных [Брашинский, 1964] и продольных калиптеров [Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, 26-27, табл. III – 1-3]. Этих находок немного. К тому же продольные коньковые калиптеры архаического времени относились к храму. Но, тем не менее, их наличие говорит о том, что двускатные кровли в Ольвии были известны. На основании археологических данных угол подъема скатов принят в пределах 17—21°[15].

В доме IV – 1 крыша над помещениями №№ 290,253 и протироном, скорее всего, была двускатной с направлением стоков к западу на западную продольную улицу и к востоку во внутренний двор. Двускатной была, скорее всего, и кровля над помещением № 252 дома, ее южный скат выходил во двор, а северный – на северную поперечную улицу.

В доме IV – 2 над северным блоком помещений кровля двускатная с расположением конькового прогона на стене, отделяющей помещения №№ 287,301 от №№ 280,302. Направление стоков соответственно к северу на северную поперечную улицу, а к югу – во внутренний двор. Крыша над восточным помещением дома и протироном могла иметь скаты как к востоку (на восточную продольную улицу), так и к западу (во двор). В связи с небольшим

[15] Нижний предел дает плита фриза, обнаруженная при раскопках в Ольвии в 1909 и 1910 гг. [Фармаковский, 1913, гг., с. 73], верхний определен по коньковому поперечному калиптеру, найденному при раскопках в 1902—1903 гг. [Фармаковский, 1906, с. 65, 66; Брашинский, 1964, с. 297].

перекрываемым пролетом этого помещения крыша над ним была, вероятнее всего, односкатной со стоком во двор. Не исключено, что северный блок помещений, учитывая их большие размеры, мог быть повышен относительно восточного помещения и протирона. В этом случае кровля над последними могла не иметь сопряжения с крышей над северными комнатами и начиналась ниже их карниза.

В доме IV – 3 расположение к северу от него западного жилого блока дома IV – 1 исключает устройство стока над северным помещением в северном направлении. Наиболее вероятна возможность устройства стока в южном направлении – во двор, поскольку в этом случае перекрываемый пролет на треть меньше, чем в западном направлении. Над западными помещениями сток возможен только к югу – на среднюю поперечную улицу или к западу – во двор. Учитывая расположение крытых помещений окружающих домов, наиболее вероятным вариантом является односкатная кровля со стоком во двор.

В доме IV – 4 наиболее вероятны два варианта устройства кровли. Один с односкатными кровлями, аналогичный дому IV – 3. Второй с учетом «полутораэтажного» решения предполагает повышение на 0,7-1,0 м высоты северных помещений и использование двускатного варианта с направлением скатов на север и юг (во двор). В этом случае перекрытие над восточным блоком помещений могло иметь также двускатное перекрытие со стоком на восточную продольную улицу и во двор собственного дома. Какое-то перекрытие должно было быть и над приямком, в котором располагалась лестница, ведущая из внутреннего двора в подвальный этаж. Учитывая размещение лестничного марша вплотную к южной стене подвала № 353, над приямком, скорее всего, был устроен тамбур. Поскольку последний примыкал к западной стене соседнего дома IV - 3 его крыша, реальнее всего, была односкатной с уклоном к востоку.

Местоположение дверей, за исключением тех редких случаев, когда их проемы, или хотя бы пороги, сохранились в натуре (в доме IV-1 – вход с западной продольной улицы в протирон и в доме IV–4 – вход в полуподвал № 353 и в следующий за ним полуподвал № 392) определены условно, исходя из взаимного расположении и примерного назначения помещений с учетом аналогий. Судя по сохранившимся остаткам проемов, их ширина составляла 0,8-1,0 м. Во время раскопок участка НГС был найден, в частности, фрагмент каменного порога с углублением для установки оси дверного полотнища. В связи с этим отметим, что за годы раскопок Ольвии время от времени встречались каменные подпятники, но нам неизвестно ни одной находки дверных петель. Таким образом, есть основания считать, что дверные полотнища крепились на подпятниках. Проемы, соединявшие крытые помещения одно с другим или улицу с внутренним двором, могли не иметь дверных коробок, поскольку в этом случае не требовалось предотвратить продувание. Подобная конструкция прослежена, в частности, в Олинфе [Robinson, Graham, 1938, T. 69,1]. В проемах же, соединявших двор с крытыми помещениями, такая коробка была необходима, что приводило к уменьшению ширины про-

ема на полтора-два десятка сантиметров. Т.е. в данном случае ширина проема в чистоте находилась в пределах 0,6-0,8 м. При таких размерах двери делались, скорее всего, одностворчатыми.

Что касается окон, их реконструкция возможна только по аналогиям. Для окон в полуподвалах такой аналогией может служить окно в подвале ольвийского дома А-2 с оконным проемом размерами 0,19х0,44 м [Крыжицкий, 1971, 96, рис. 50,2]. Подобные небольшие окна вполне могли быть в подвальных помещениях дома IV – 4. Логично предположить, что близкие по размерам и форме небольшие окна были и в наземных помещениях, расположенных вдали от двора, у наружных стен домов. В этих случаях окна располагались, очевидно, достаточно высоко под потолком помещений, так, чтобы в них нельзя было заглянуть снаружи[16]. Окна, которые выходили во внутренний двор, были больше и располагались ниже. Они могли быть не только одинарными, но и состоять из нескольких секций, как в делосских домах [Chamonard, 1922-24, p. 286-303]. Все же по своим размерам окна в ольвийских домах, как и двери, в связи с более суровым климатом, очевидно, были меньше, чем в Греции. Так, например, вряд ли здесь можно ожидать существование окон размерами порядка 2,5х1,2 м (таково трехсекционное окно в одном из делосских домов[17]). Скорее всего, в ольвийских домах окна состояли из одной секции, в крайнем случае из двух. По аналогии с делосскими домами оконная коробка такой секции (деревянная или каменная) имела две вертикальные боковые стойки и две горизонтальных плиты или балки.

Представленные реконструкции жилых домов, естественно, не претендуют на абсолютную достоверность. Степень достоверности реконструкции их планировки находится в интервале 0,820 – 0,875[18]. Однако, это все же достаточно высокий уровень, допускающий их введение в научный оборот.

---

[16] Так, например, в делосском Доме на холме высота расположения подоконника относительно земли достигала 2,5 м [Chamonard, 1922-24, p. 287].

[17] Siebert, 2001, p. 119.

[18] Подсчет степени достоверности реконструкции планов домов проведен по формуле, где стопроцентной достоверности отвечает единица: $Кп = 0,1х(\Sigma К_1 – К_8) + 0,05х(\Sigma К_9 – К_{12})$.

ЛИТЕРАТУРА

Брашинский И.Б. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг. // Ольвия. Теменос и Агора. – Москва—Ленинград. - 1964. – С. 285-313.
Диатроптов П.Д. Каменные штоки якорей // ДТОП. – Симферополь. – 2006. – С. 203-204.
Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии (IV-II вв. до н.э.). – Киев. – 1971. – 143 с.
Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). – Киев. – 1982. – 166 с.
Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – Киев. – 1993. – 246 с.
Крыжицкий С.Д. Вертикальная структура эллинистических домов Ольвии // Боспорские исследования. – Симферополь-Керчь. – 2006. – Вып. XI. – С. 97-107.
Крижицький С.Д. До питання про об'ємно-планувальні типи безордерних житлових будинків Ольвії елліністичного часу // Археологія. – 2007. - № 1. – С. 57-66.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Раскопки, история, культура. – Николаев. – 1997. – 190 с.
Лейпунська Н.О. Нижнє місто Ольвії (основні етапи розвитку) // Археологія. – 2001. - № 4. – с. 59-68.
Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902-1903 гг. // ИАК. – 1906. – Вып. 13. – С. 1-305.
Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии // ОАК за 1909-1910 гг. – 1913. – С. 1-105.
Chamonard J. Le Quartier du théâtre // EAD. - 1922-24. - VIII. – P. 286-303.
Chamonard J. Fouilles dans le quartier du theater // BCH. - 1906. – 30. – P. 485-606.
Leipunskaya N.O. Excavations in the Lower City of Olbia, 1985-1992: Preliminary Results // Echos du Monde Classique/Classical Views/ XXXIX, n.s. 14, 1995, 23-44.
Hoepfner W., Schwandner E.L. Haus und Stadt im Klassischen Griechenland. – München. – 1986. – 293 S.
Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenic House // Excavations at Olynthus. – Baltimore. - VIII. – 1938.
Siebert G. L`îlot des bijoux. L`îlot des Bronzes. La maisonn de Sceaux. 1. Topographie et Architecture // EAD. - 2001. - XXXVIII.

S.D. Kryzhitsky

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF CENTRAL RESIDENTIAL AREA DWELLING HOUSES AT THE SITE NGS IN THE LOW TOWN OF OLBIA

Summary

Numerous remains of dwelling houses of Hellenistic time in general have been found during the archaeological digs in the northern part of the Low town of Olbia of late twenty years. Research of these buildings has resulted in a complete account of building up of this part of the town. Reconstruction of planning and volumetrical construction of those dwelling houses has been proposed. The houses of central residential area are of great interest from the point of view of methods of reconstruction and typology of the buildings. The article observes the results of the reconstruction of central residential area dwelling houses. Of course, the given reconstructions of the dwelling houses do not pretend to absolute authenticity. The grade of authenticity of planning reconstruction varies between 0.820 and 0.875.

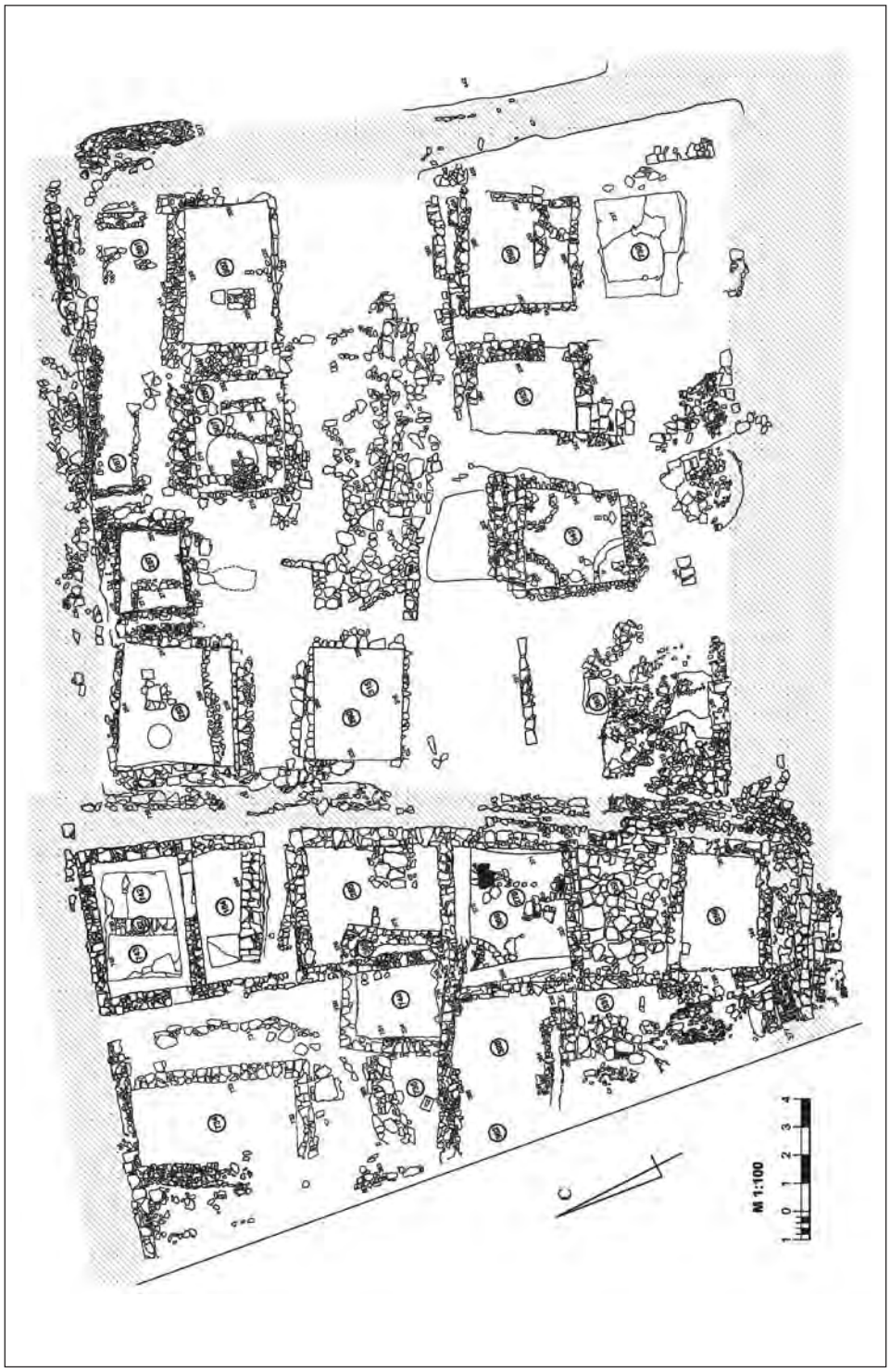


Рис. 1. Западный и центральный кварталы. Обмерный план.

Рис. 2. Вид с юга на северную половину центрального квартала.
Прямо и слева подвалы №№ 253,257 и протирон в доме IV - 1; справа – подвалы №№ 287,280 дома IV - 2.

Рис. 3. Вид с запада на дома IV - 1, IV - 2.

4 а

4 б

Рис. 4. Дом IV - 1. Подвал № 253. Вид с юга.

Рис. 5. Дом IV - 1. Подвал № 253. Вид с севера.

Рис. 6. Подвал № 253. Амфоры.

Рис. 7. Подвал № 253. Нижняя часть пифоса во вторичном использовании.

Рис. 8. Дом IV - 2. Подвал № 280. Вид с востока.

Рис. 9. Южная стена подвала № 301. Вид с севера.

Рис. 10. Подвал № 302. Западная стена.

Рис. 11. Подвал № 302. Северная стена.

Рис. 12. Наземное помещение № 302 с алтарем. Вид с юго-востока.

Рис. 13. Алтарь в помещении № 302.

Рис. 14. Дом IV - 3. Подвал № 343. Вид с юга.

Рис. 15. Дом IV - 4. Подвал № 353. На дальнем плане лестница, ведущая из двора в подвал. Вид с севера.

Рис. 16. Восточная стена подвала № 353 с дверным проемом, ведущим в соседний подвал № 351.

Рис. 17. Дом IV - 4. Подвал № 351. Вид с востока.

Рис. 18. Дом IV - 4. Подвал № 351 и открытые под его полом остатки более раннего подвала № 392. Вид с юга.

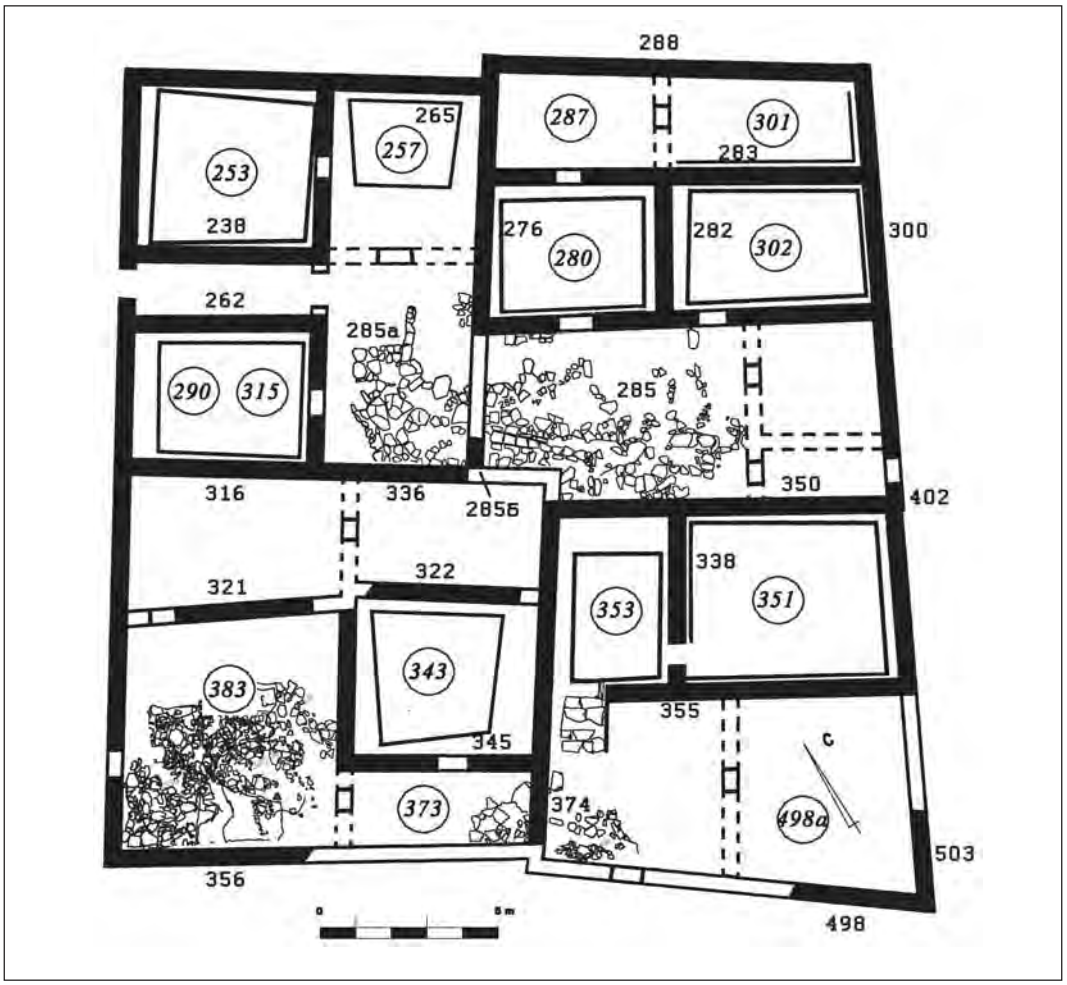


Рис. 19. План домов центрального квартала. Реконструкция.

1 – реконструкция наземных стен с коэффициентом степени достоверности восстановления, равным или менее - 0,5.
2 – реконструкция наземных стен на основании остатков наземных кладок, траншей от выборок стен, вымосток улиц, ограничивающих кварталы. Коэффициент степени достоверности - 1.
3 – реконструкция наземных стен на основании остатков подвальных стен. Коэффициент степени достоверности порядка 0,8- 0,9.
4 – реконструкция продолжения стен. Коэффициент степени достоверности выше 0,5.
5 – дверные проемы, выявленные в натуре.
6 – предполагаемые дверные проемы.

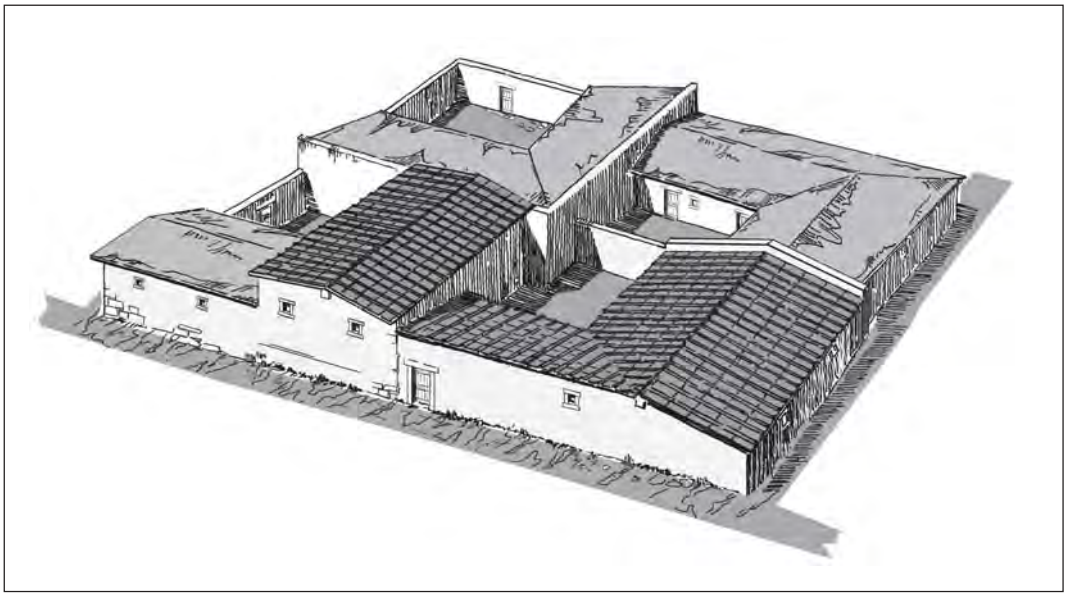


Рис. 20. Общий вид центрального квартала с северо-востока. Реконструкция.

В. Н. ПАРФЕНОВ

БОСПОРСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ[1]

Всем, кто так или иначе соприкасается с древней историей, хорошо известно, насколько сложны в ней проблемы хронологии. Поэтому возможность точной датировки различных событий, особенно происходивших на периферии и плохо освещенных в источниках, является поистине драгоценной. В этом отношении редкую возможность предоставляют нам датированные надписи и монеты Боспорского царства, относящиеся в большинстве своем к так называемому римскому периоду истории этого государства.

Автору этих строк, который, строго говоря, не является специалистом ни по исторической хронологии, ни по истории Боспора, пришлось на опыте убедиться, что исследователи (за редким исключением) порой допускают при переводе дат боспорского летосчисления на современное погрешность, особенно когда приходится иметь дело с переходом через условный рубеж нашей эры (Рождества Христова). Явление это вполне объяснимо: как справедливо отметил именно специалист в области хронологии, «идеальным хронологом будет тот ученый, который одинаково силен и как астроном, и как историк» [Климишин, 1990, с. 10.].

Однако жизнь, как известно, далека от идеала. Среди гуманитариев, историков и археологов таких уникумов не много, тогда как практика научного исследования требует уточнения связанных с датировкой боспорского эпиграфического и нумизматического материала вопросов. Ниже делается попытка разобраться в сути проблемы, связанной с боспорской хронологией времени римского протектората. В первую очередь необходимо определить, какой системой летосчисления и каким календарем пользовались на Боспоре в рассматриваемый период.

Наиболее изученным является вопрос об используемой в Боспорском царстве этого времени эре: надежно установлено, что со времени Митридата Евпатора и вплоть до конца античной эпохи таковой была так называемая вифинская (она же понтийская или боспорская) эра[2]. Что касается начала этой

[1] Переработанный вариант доклада, прочитанного на конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» 29 мая 2007 г. [Парфенов, 2007а, с. 82 сл.].

эры, то данный вопрос был в свое время обстоятельно рассмотрен Г. Перлом, который после констатации того печального факта, что «в результате расхождений в определении дат начала эры, в настоящее время при высчитывании дат по вифинской и понтийской эрам царствует безнадежная путаница», в конечном счете пришел к определенному выводу: «Годы боспорской эры находят себе общий знаменатель только при начале ее в октябре 297/6 г. до н.э.» [Перл, 1969, С. 57, 44]. Коль скоро мы определяем дату начала эры по современному календарю, то, очевидно, эту фразу следует понимать так, что первый год вифино-понтийско-боспорской эры, начавшись после осеннего равноденствия 297 г. до н.э. (за условную точку отсчета, отмечает германский исследователь, можно принять 1 октября), завершился к октябрю 296 г. до н.э.

В доказательство справедливости своей точки применительно к Боспорскому царству Г. Перл оперирует нумизматическими данными: «Боспорские монеты, на которых даты этой эры сопровождаются портретом современного им римского императора, позволяют нам вполне однозначно определить начальный год эры… Решающим свидетельством уже давно (ссылка на работы XVIII века. – *В.П.*)» признаны две монеты Савромата I, из которых одна имеет дату 413 г. и портрет Траяна, а другая – ту же дату 413 г. и портрет Адриана» [Перл, 1969, С. 42].

В соответствии с приводимыми далее вычислениями, автор датирует эти монеты 116/7 г. н. э. и, исходя из этого (413-116/7=297/6), заключает: «Боспорские монеты не оставляют никакого сомнения в том, что начало их эры падает на октябрь 297 г. до н.э. …» [Перл, 1969, С. 58]. К этому сюжету ниже еще придется вернуться, а пока можно констатировать, что в настоящее время эта датировка является общепринятой в нашей науке. Такой выдающийся отечественный специалист, как Ю.Г. Виноградов, полностью согласился с выводами германского коллеги[3]. Современные исследователи истории Боспорского царства, как правило, придерживаются этих принципов датировки[4]. В фундаментальном исследовании В. Лешхорна та же источниковая база

---

[2] См., например: Габелко, Завойкин, 2004, с. 80 сл. Недавно О.Л. Габелко была высказана гипотеза, что до 95 г. до н. э. Митридат VI, по образцу своих предшественников на понтийском троне, применял так называемую «эру Кимиатены», начало которой приходится на 315/314 г. до н. э. [Габелко, 2005, с. 128–157; 2006, с. 122 слл.]. Однако в данном случае это практического значения не имеет, так как в римский период «эра Кимиатены» в Боспорском царстве явно не употреблялась.

[3] «После подробного, тщательного исследования Г. Перла едва ли может подлежать сомнению, что исходный пункт вифино-понтийско-боспорской эры следует помещать на осень 297 г. до н. э.» [Виноградов, 1991, с. 18. См. также: Vinorradov., Wörrle, 1992, S. 161 f.].

[4] См., например: Анохин, 1986 (passim); Яйленко, 1987. с. 49 слл.; 1990, с. 133 слл., Крапивина, Диатроптов, 2005, с. 68; Сапрыкин, 2004, с. 325; Болдырев, 2004, с. 75 сл. Несколько по-иному смотрит на проблему датировки Н.А. Фролова. Если при указании дат до н. э. она справедливо указывает, что, например, 277 г. б.э. = 21/20 г. до н.э., а 281 г. б.э = 17/16 г. до н.э., то после перехода через рубеж нашей эры это правило соблюдается ею далеко не всегда. Так, если она вполне

вновь подвергнута критическому анализу; в конечном счете автор приходит к выводу, что, хотя отнесение начала понтийско-боспорской эры к осени 297 г. до н.э. и не снимает всех хронологических сложностей, но все же является в настоящее время наиболее приемлемым вариантом [Leschhorn, 1993, S. 54–63].

Однако порой исследователями не принимается во внимание одно обстоятельство, на которое указал Э. Бикерман и которое можно условно обозначить как «фактор нулевого года»[5]. *Чтобы избежать этого «подводного камня» в практических вычислениях, при переводе дат боспорской эры на современное летосчисление необходимо различать даты до нашей эры и нашей эры. В первом случае за условную точку отсчета следует принимать 298 г. до н.э., он же нулевой год боспорской* эры (см.: Приложение, табл. 1)*, во втором, с учетом нулевого года на рубеже христианской эры – 297 г. до н.э.* (табл. 2)[6].

Вторая проблема касается боспорского календаря интересующего нас периода. Хорошо известно, что при Спартокидах на Боспоре использовался милетский календарь, который при Митридате Евпаторе, синхронно с переходом на вифино-понтийскую эру, был заменен македонским[7]. Однако, поскольку разновидностей последнего достаточно много [Ср.: Bischoff, 1919, Sp. 1587, 1595;

корректно констатирует, что 312 и 313 гг. б.э. соответствуют 15/16 и 16/17гг. н.э., то 311 г. б.э., по ее мнению – это 14, а 334 – 37 гг. н.э. [Фролова, 1997, с. 15, 64, 67]. Иначе говоря, в этом фундаментальном исследовании автор часто (но не всегда) не учитывает того очевидного обстоятельства, что начало боспорского года не совпадало с началом римского [ср.: Фролова, 1998, с. 247, 257 сл.]. Подобного же рода погрешности допускает и В.П. Яйленко [Яйленко, 1987, с. 51 сл.]. С надписями дело обстоит несколько по-иному: точно определить год христианской эры, исходя из указанной даты боспорской эры, возможно, если в надписи указан и месяц боспорского календаря. Так, издатели «Корпуса боспорских надписей» датируют надпись КБН. 53 от 512 г. б. э. 216-м г. н. э. (с. 60). С этой датировкой согласен Х. Хайнен, который указывает: «Надпись датируется 512 годом понтийско-боспорской эры, что соответствует 216 г. н. э.» [Heinen, 1995, S. 73]. Точность датировки позволяет проверить указанные в этой надписи месяц и число: 20 лооса. Хотя, строго говоря, 512 г. б. э. соответствует не 216, а 215/16 г. н. э., но лоос македонского календаря приходится на июль. Следовательно, эта надпись на постаменте статуи Рескупорида III действительно сделана летом 216 г. В более поздней своей работе Х. Хайнен возвращается к этой надписи, уточняя: «Эта надпись датируется с точностью буквально до дней (*taggenau datiert*) и относится к 512 году понтийско-боспорской эры, что соответствует 215/16 г. н.э.». [Heinen, 2006, S. 40].

[5] «Мы используем стандартные юлианские годы и счисляем их назад до н. э. («до рождения Христова»). Такое счисление подразумевает нулевой год между датировками «до н. э.» и «н. э.». Но такой год отсутствует в наших счислениях. Эту точку отсчета нужно держать в уме, отсчитывая интервалы между событиями до и по нашей эре» [Бикерман, 1975, с. 84 сл.].

[6] См.: Бикерман, 1975, с. 85 (в качестве примера здесь приводится селевкидская эра, но суть дела от этого не меняется). Должен с сожалением констатировать, что в моих вычислениях на эту тему содержится неточность: 377 г. боспорской эры соответствует не 81/82, а 80/81 гг. до н.э., 394 г. б.э. – не 98/97, а 97/98 гг. н.э. Ср. табл. 2 Приложения и: Парфенов, 2007, с.169 сл.; 2007а, с. 83.

[7] Применение милетского календаря, не нашедшее отражения в боспорской эпиграфике, зафиксировано на знаменитой нимфейской фреске с изображением триеры «Исида». Ср.: Грач, 1984, с. 87; Виноградов, 1991, с. 29; КБН. С. 846; Vinogradov, Wörrle, 1992, S.168; Молева, Тульпе, Хршановский, 2004, с. 171–183; Bischoff, 1919, Sp. 1592 ff.

Бикерман, 1975, с.44], остается неясным, когда именно в Боспорском царстве начинался новый год. Поскольку при современном состоянии источников эту неясность устранить не удастся, можно принять предположение Г.Перла о начале боспорского нового года в первое новолуние после осеннего равноденствия, т. е., как уже указывалось, примерно с 1 октября [ср.: Виноградов, 1998. с.242; Сапрыкин, 1990, с. 207]. В таком случае первым месяцем года был, как и в собственно македонском календаре, диос [Bischoff, 1919, Sp. 1595; Скржинская., 2001, с.41; Молева, Тульпе, Хршановский, 2004, с. 178][8].

Но «календарные» сложности на этом не заканчиваются: со времени Августа в римской провинции Азия был введен юлианский солнечный календарь, в котором, однако, сохранились македонские названия месяцев. По мнению Г. Диттенбергера, подобный же солнечный календарь стал применяться и в Боспорском царстве[9]. К сожалению, эта уверенность пока не подтверждена конкретным материалом. Э. Бикерман, напротив, полагает, что «юлианский календарь не был принят в Боспорском царстве»[10]. П. Коноле и Р.Д. Милнз считают, что и во времена Нерона на Боспоре продолжали пользоваться традиционным македонским календарем[11]. Во всяком случае, было бы неосторожно отождествлять начало боспорского и римского нового года и, вероятно, исходя из этого, датировать боспорские статеры только одним годом юлианского календаря, как это зачастую делает Н.А. Фролова[12].

Перейдем к наиболее показательным примерам. Таковыми являются, в частности, опубликованные в свое время Татьяной Васильевной Блаватской так называемые рескрипты Аспурга из Горгиппии, в которых содержится точная дата: даисий 312 г. б.э. Т.В. Блаватская датировала их июнем 15 г. н.э. [Блаватская, 1965. с. 208; 1965а, с 28 сл.]. Однако 312 г. б.э. приходится на отрезок времени с 1 октября 15 по 30 сентября 16 гг. по юлианскому календарю. Месяц даисий македонского календаря соответствовал

---

[8] В последней работе вместо осеннего равноденствия ошибочно указано весеннее.

[9] «*Auf einen ähnlichen Sonnenjahrkalender sind ohne Zweifel die makedonischen Monatsnamen in den aus der römischen Kaiserzeit stammenden Inschriften des bosporanischen Reichs zu beziehen…*» [Dittenberger, 1901, Sp. 2014 f.].

[10] Бикерман, 1975, с. 46. В доказательство своего мнения он (по крайней мере, в русском издании книги) ссылается на КБН № 845, где в ни указанном месте, ни на с. 845 ничего подходящего к данному случаю не содержится.

[11] «*In this period the Bosporans seem to have used the Macedonian calendar; the year 364 BE must have run from c. Oct. / Nov. 67 to Sept. / Oct. 68"* [Conole, Milns, 1983, p. 190. Note 44].

[12] Это имело бы смысл лишь в том случае, если на Боспоре, при сохранении македонских названий месяцев, был введен юлианский солнечный календарь (что вполне вероятно), а вместе с ним – римское начало года с 1 января (крайне маловероятно). Если начало нового года в Боспорском царстве и было передвинуто, то, скорее, на день рождения Августа, как это имело место в провинции Азия [см.: Бикерман, 1975, с. 43] (может быть, одновременно с переименованием Пантикапея и Фанагории в Кесарию и Агриппию). М.В. Скржинская [Скржинская, 2001, с. 41] полагает, правда, не аргументируя свою точку зрения, что на Боспоре «начало года

аттическому таргелиону (приблизительно май юлианского календаря). Таким образом, данные надписи должны, во всяком случае, относиться не к 15, а к 16 г. н.э. Это обстоятельство было справедливо отмечено П.О. Карышковским и Ю.Г. Виноградовым, с которыми согласились Н.А. Фролова и Х. Хайнен[13].

Одной из самых интересных загадок, которые могут таить в себе датированные эпиграфические памятники, является надпись КБН 43, в которой идет речь о римском гражданине М. Ульпии Приме (Μάρκο[Οὐλπιο[Πρειμο[). Год, указанный в надписи – ΔϘΤ, т. е. 394 г. боспорской эры. Издатели Корпуса датируют эту надпись 97 г. н.э., похоже, что с легкой руки М. И. Ростовцева и его предшественников [Ср.: КБН. С.51; Ростовцев, 1990, с. 176].

Не вдаваясь пока в рассуждения по поводу принципов датировки, отмечу, что на страницах того же издания совершенно справедливо указано, что Ульпии на Боспоре могли получить римское гражданство только от императора Траяна или быть потомками лиц, которым Траян даровал римские гражданские права (там же, с. 36). Между тем, начало принципата Траяна приходится на 28 января 98 г, [Hanslik, 1965, Sp. 1045; Kienast, 1990, S. 122][14]. Следовательно, указанная надпись никак не может относиться к 97 г., когда в Риме еще правил Нерва и новые граждане должны были получать *praenomen* и *nomen* Марк Кокцей (Коккей)[15].

приходилось на осеннее равноденствие, а после смерти императора Августа – на день его рождения, 23 сентября». В. Лешхорн также считает, что в императорское время начало нового года, возможно, было перенесено, «как и в регионах соседней Малой Азии, на 23 сентября, день рождения Августа» [Leschhorn, 1993, S. 54]. Но даже в этом случае (необходимо оговориться–чисто гипотетическом) начало года сдвинулось всего на неделю по сравнению с таковым в традиционном македонском календаре, так что при вычислениях этим вполне можно пренебречь.

[13] См.: Виноградов, 1990, с. 28; Фролова, 1997, с. .107. Прим. 7; Heinen, 1998, S. 342. Anm. 4; Хайнен, 2000, с. 278. Интересна точка зрения С.Ю. Сапрыкина на этот вопрос. Если в своей статье об Аспурге он датирует письма последнего 15 г. н. э. [Сапрыкин, 2002, с. 213], то в вышедшей в том же году монографии он, ссылаясь на работы Т.В. Блаватской и Ю.Г. Виноградова, пытается найти своеобразный хронологический компромисс: «Документ датируется 15 г. н.э. по македонскому лунно-солнечному календарю и вифино-понтийской эре… или апрелем-маем 16 г. н.э. по юлианскому календарю…» [Сапрыкин, 2002а, с. 159, прим. 91]. Попытка эта, на мой взгляд, несостоятельна, так как датируя событие по христианской эре, следует придерживаться юлианского календаря. Кроме того, в любом варианте македонского календаря даисий приходится на весну–лето, что неизбежно приводит к датировке писем Аспурга именно 16 годом н.э. К примеру, после введения юлианского календаря на территории провинции Азия, где были сохранены традиционные македонские названия месяцев, даисий имел 31 день и продолжался с 23 апреля по 23 мая.

В этом случае 20 даисия 312 г. б.э. «рескрипта А» соответствовало бы 12 мая 16 г. См.: Bischoff, loc. cit.; Бикерман, 1975, с. 44 сл.; Dittenberger, 1901, Sp. 2014.; Leschhorn, 1993, S. 61. То, что А.Р. Панов в своей монографии по-прежнему относит письма Аспурга к 15 г., можно объяснить лишь невнимательностью автора к этой детали [Панов, 2003, с. 54]. В. П. Яйленко датирует письма Аспурга горгиппийцам июлем 16 г. [Яйленко, 1987, с. 42; 1990, с. 167], но это уже, что называется, дело вкуса [ср.: Conole, Milns, 1983, p. 190, note 44].

[14] Этот нонсенс был мной однажды уже отмечен [Парфенов, 2007, с. 170 сл., прим. 18].

[15] В КБН надписи с именами Коккеев вообще отсутствуют, что может быть объяснено кратковременностью правления этого императора.

В свое время внимание на эту надпись обратил М. И. Ростовцев, который сопоставил ее с надписью IOSPE. II.26 (КБН. 32), поставленной от имени Парфенокла, Антимаха и еще одного лица в честь победы Савромата I над скифами. К сожалению, надпись КБН 32 сильно повреждена: сбито имя и царя, и третьего персонажа, и год (уцелело только название месяца горпиэя). В.В. Латышев вслед за Стефани предположил, что лица, посвятившие надпись, являются братьями, причем имя третьего брата должно восстанавливаться как Πρεῖμος. М.И. Ростовцев принимает это предположение уже как бесспорное [Ростовцев, 1990, с. 176]. Между тем, как справедливо отметили Т.Н. Книпович и В.Ф. Гайдукевич, «такое утверждение никак нельзя считать доказанным», так что «Марк Ульпий Прим мог не быть связанным никаким родством с Ульпием Антимахом и Ульпием Парфеноклом надписи 32» (КБН, с. 36).

Если вернуться к надписи 43 Корпуса и ее автору, то вполне очевидно, что ее дата ΔϘΤ (394 г. б.э.) соответствует 97/98 г. н.э[16]. Если точнее, то статую царя Савромата, о которой идет в ней речь, Марк Ульпий Прим поставил в период между 28 января (*dies imperii* Траяна) и 1 октября 98 г. (начало следующего года по боспорскому календарю). В действительности датировка должна быть еще более узкой: едва ли возможно считать, что в эти девять месяцев 98 г. вместились и дарование Приму, будь он боспорцем, римского гражданства (надо думать, у Траяна в начале его принципата были дела и поважнее), и возвращение его на родину, и сооружение царской статуи.

Чтобы устранить явные несообразности, рискну предположить, что Прим (типично римский cognomen Primus, греческое Πρεῖμος – обычный для Боспора ионизм) не имел к боспорской знати никакого отношения. Гораздо логичнее считать его вольноотпущенником Траяна и представителем своего патрона на Боспоре. Скорее всего, если учесть время сооружения статуи, он был направлен в Боспорское царство с чрезвычайной миссией тогда, когда для Рима было принципиально важно заручиться поддержкой правителя этого государства.

Можно догадаться, что это была за миссия: Траян непосредственно после начала своего принципата начал готовить войну против Децебала, с которым в свое время Домициан заключил компромиссный мир [См.: Парфенов, 2005, с. 46–55; 2006, с. 215–227]. По словам нашего источника, новый император ополчился на даков потому, что «принял во внимание их прежние действия, был недоволен тем, что они ежегодно получали деньги, и видел, как возрастают их силы и надменность» (Dio Cass. LXVIII.6.1).

Началу военных действий предшествовала интенсивная подготовка разного рода, в том числе дипломатическая, и Боспорское царство, «римский форпост, царство-разведчик в море сарматов» [Ростовцев, 1914, с. 203], должно

[16] На это было указано в недавно вышедшем КБН-альбоме. См.: Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб., 2004. С. 345.

было сыграть в этом процессе не последнюю роль. Косвенное свидетельство этому – один из рельефов колонны Траяна, на котором представлены боспорские послы, прибывшие к императору уже во время военных действий [CAH, 1939, p. 2 f. [b]. Поэтому столь зримое проявление внимания к боспорскому царю, как сооружение его статуи за счет личного представителя Траяна, каковым являлся Ульпий Прим, не могло не польстить Савромату и должно было побудить его предпринять действия в нужном для Рима направлении.

Теперь вернемся к боспорским статерам 413 г. б.э., на которых имеются портреты и Траяна, и Адриана, и которые послужили Г. Перлу решающим доказательством при определении начала вифино-понтийско-боспорской эры [Анохин, 1986, с. 155, № 406, 406а,407а; Фролова, 1997, с. 238; Станиславский, 2000, с. 89 сл. № 213–214]. Приходится согласиться с тем, что эти статеры чеканились в 116/117 г. н.э., хотя в справедливости точки зрения германского исследователя на начало боспорской эры больше убеждает не столько иконографический материал, сколько приводимая им далее развернутая система доказательств.

Таким образом, если исходить из формальных соображений, боспорские монеты с изображением Траяна на реверсе и датой ΓΙϒ должны были выпускаться в период с 1 октября 116 по 7 августа 117 гг. (предположительная дата смерти Траяна), тогда как статеры с той же датой, но с портретом его преемника, в теории могли чеканиться после 11 августа 117 г. (*dies imperii* Адриана) [Kienast,1990, S. 123, 128], но лишь по 31 сентября того же года (1 октября начинался уже новый, 414 г. б.э.). Поэтому нельзя не разделить удивления Г. Перла, который отметил: «Поразительна оперативность боспорского монетного двора, на которую указывает портрет Адриана (императора с 11 августа 117 г.), появившийся на монете, выпущенной – судя по проставленной на ней дате – в августе или сентябре 117 г. (правда, Адриан в это время находился неподалеку)…» [Перл, 1969, с. 43.][17]. К тому же нельзя забывать, что современных средств коммуникации тогда не было, и узнать о смене принцепса на Боспоре могли только после прибытия корабля с этим известием, а это, даже с учетом благоприятной в это время года навигационной обстановки, должно было занять не один и не два дня.

Сложности этим не исчерпываются. Хотя решающая роль в выборе императора принадлежала армии, так что Адриан исчислял начало собственного правления со дня своей аккламации в Антиохии, но сама процедура избрания принцепса включала в себя утверждение его кандидатуры сенатом в Риме и, может быть, даже передачи ему власти комициями [См.: Великанова, 2007, с. 163 слл.]. Следовательно, в данном случае (с учетом местонахождения но-

[17] Ср. Leschhorn, 1993, S. 54: «Известие о принятии Адрианом власти 11 августа 117 г. должно было до конца сентября – начала октября дойти от Малой Азии до Боспора Киммерийского, и там еще в 413 году начата чеканка монеты с портретом Адриана».

вого императора) она неизбежно должна была быть достаточно длительной. Кроме того, необходимо было время на изготовление официальных образцов портрета нового императора и рассылку их по периферийным монетным дворам. Получается, что успеть выпустить монету с портретом Адриана до конца 413 года б.э., боспорские монетарии были просто не в состоянии. Однако сама монета существует, и этот неоспоримый факт требует объяснения.

Логичнее всего предположить, что совершенно необязательно считать характерной для Боспора, как это делает Г. Перл, прямо-таки немецкую точность – новый император моментально появляется на реверсе статеров, а прежний, естественно, исчезает навсегда – и у царя, и у боспорских монетных мастеров могла быть своя точка зрения на эту проблему. К примеру, на статере 414 г. б.э. (117/118 г. н.э.), выпущенном уже тогда, когда о смене власти в Риме было давно известно *urbi et orbi*, мы вдруг вновь видим портрет Траяна [Анохин, 1986, с. 155. № 407.][18].

Вполне возможно, что подобные несоответствия объясняются не соображениями «высокой политики», а техническими причинами. Монетные штемпели с портретом императора (наиболее сложная и трудоемкая часть работы) могли изготавливаться «с запасом». С наступлением нового года, по мере надобности, под портретом гравировалась дата, и штемпель пускали в ход. Если уже после получения известия о приходе к власти Адриана на боспорском монетном дворе выяснилось, что есть новый штемпель с портретом Траяна, то оставить его без применения было бы нерационально, чем и объясняется появление столь «несвоевременной» монеты.

Что же касается «оперативности» боспорского монетного двора в конце 413 г. б.э., то полагаю, что оперативность эта кажущаяся. Мы, конечно, не знаем всех особенностей работы этого уважаемого учреждения, но ничто не мешает считать, что на Боспоре, как, скажем, и на римском монетном дворе, существовала достаточно узкая специализация: одни специалисты могли резать портретные изображения штемпелей, другие – специализироваться на легендах и т. д. Вероятно, как и в случае с выпуском статера 117/118 г. с портретом Траяна на реверсе, болванка штемпеля с уже выгравированной датой ΓΙϒ (413 г. б.э.) могла быть заготовлена заранее. Однако в течение всего этого года она не понадобилась, ибо старые штемпели находились еще в рабочем состоянии. Затем, после получения официальных известий о начале правления Адриана, на ней был вырезан его портрет, и штемпель пустили в работу. Иначе говоря, в обращение эта монета поступила уже в следующем, 414 году. Для сравнения можно отметить, что в современном книгоиздательском деле подобные казусы случаются сплошь и рядом: обозначенный на титульном листе год издания книги не соответствует времени ее реального выхода в свет.

В заключение позволю себе пару критических замечаний, касающихся того, что иногда даже крупнейшие специалисты делают при определении дат

[18] В каталогах Н.А. Фроловой и И.М Станиславского эта монета отсутствует.

необъяснимые ошибки. Так, Н.А. Фролова датирует «статер» Фофорса 586 г. б. э. 303-м годом н. э вместо 289/90 [Фролова, 1998, с. 247]. По Ю.Г. Виноградову, самая ранняя датированная христианская надпись на Боспоре, с указанием не только года (733), но и месяца боспорской эры (ἔτους ΓΛΨ μηνὶ Δύστρου) относится к «марту 438 г. по Р. Х.» [Виноградов, 1998, с. 234. Однако 733 г. б. э. – это 436/7 г. н.э., и, если согласиться с тем, что месяц дистр в это время приходился на март (что следует из приводимых на с. 242 той же работы выкладок), то это все же март 437, а не 438 гг.

Подобные поправки могут показаться мелочью, как (правда, в частной беседе) заявил один из моих коллег. Однако позволю себе с этим не согласиться: точность – вежливость не только королей!

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – Киев, 1986.
Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. – М., 1975.
Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. – 1965. – № 2.
Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. – 1965а. – № 3.
Болдырев С.И. Критика нумизматических источников // ДБ. – 2004. – Т. 7.
Великанова Е.Н. Initium принцепса: порядок передачи власти первым преемникам Августа // ВДИ. – 2007. – № 3.
Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наемники // ВДИ. – 1991. – № 4.
Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. – 1998. – № 1.
Габелко О.Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. – 2005. – № 4.
Габелко О.Л. О летосчислении на Боспоре в правление Митридата VI Евпатора // ДБ. – 2006. Т. 10.
Габелко О.Л., Завойкин А.А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. – СПб, 2004. – Ч. 1.
Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее (*Предварительное сообщение*) // ВДИ. – 1984. – № 1.
Климишин И.А. Календарь и хронология. 3-е изд. – М., 1990.
Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (КБН-альбом). – СПб., 2004.
Крапивина В.В., Диатроптов П.Д. Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. – 2005. – № 1.
Молева Н.В., Тульпе И.А., Хршановский В.А. Костяная поделка из Илурата – боспорский календарь? // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2004. – Ч. 1.
Панов А.Р. Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? (Боспоро-римские взаимоотношения в I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.). – Нижний Новгород, 2003.
Парфенов В.Н. Дакийская война Домициана: победа или поражение Рима? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Право. Международные отношения. – 2005. – Т.5. – Вып. 1/2.
Парфенов В.Н. Домициан и Децебал: нереализованный вариант развития римско-дакийских отношений // АМА. – 2006. – Вып. 12.
Парфенов В.Н. Флавия и Боспор. К вопросу о римском «либерализме» // Из истории античного общества. – Нижний Новгород, 2007. – Вып. 9–10.

Парфенов В.Н. Боспорская хронология периода римского протектората: международный аспект// Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в средние века. Материалы XII международной конференции. – Ростов-на-Дону, 2007а.

Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. – 1969. – № 3.

Ростовцев М. И. Научный интерес к истории Боспорского царства // Николаю Ивановичу Кареву – ученики и товарищи по научной работе. – СПб., 1914.

Ростовцев М.И. Глава VI. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. – 1990. – № 1.

Сапрыкин С.Ю. Рец. на: *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986 // ВДИ. – 1990. – № 2.

Сапрыкин С.Ю. Аспург, царь Боспора // ДБ. – 2002. – Т. 5.

Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. – М., 2002а.

Сапрыкин С.Ю. Заметки по истории Боспорского царства // – ДБ. – 2004. Т. 7.

*Скржинская М.В.*Хронологические исчисления на Боспоре и в Ольвии // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – Ч. 2.

Станиславский И.М. Монеты Боспорского царства и их стоимость. – М., 2000.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. – 210/211 г. н.э. – М.,1997.

Фролова Н.А. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. – 1998. – № 1.

Хайнен Х. Два письма боспорского царя Аспурга (AE. 1994, 1538). Незамеченные поправки, предложенные Гюнтером Клаффенбахом, и дальнейшие наблюдения // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности / Учебно-методический комплекс. – Казань, 2000. – Ч. 1.

.Яйленко В.П. Материалы по боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. – М., 1987.

Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. – М., 1990.

Bischoff. Kalender // RE. 1919. – Bd. 10.

CAH. 1939. – Volume of plates – V.

Conole P., Milns R.D. Neronian frontier policy in the Balkans: the career of Ti. Plautius Silvanus // Historia. 1983. – Bd. 32. – H. 1.

Dittenberger. Daisios // RE. 1901. – Bd. 4. – 2.

Hanslik R. M. Ulpius Traianus // RE. 1965. – Splbd. 10.

Heinen H. Griechische Geschichte und Kultur am Nordufer des Schwarzen Meeres // Mededelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België. Klasse der Letteren, Jaargang 57. – 1995. – Nr. 1.

Heinen H. Fehldeutungen der ἀνάβασις und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos // Hyperboreus: Studia Classica. – 1998. –Vol. 4. – Fasc. 2.

Heinen H. Antike am Rande der Steppe. Der nördliche Schwarzmeerraum als Forschungsaufgabe. – Meinz; Stuttgart, 2006.

Kienast D. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. – Darmstadt, 1990.

Leschhorn W. Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte im Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros. – Stuttgart, 1993.

Vinorradov Ju.G., Wörrle M. die Söldner von Phanagoreia // Chiron. – 1992. – Bd. 22.

Приложение

ТАБЛИЦА 1. ПЕРЕВОД ДАТ БОСПОРСКОЙ ЭРЫ НА СОВРЕМЕННОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ (до рубежа н. э.)

Начало эры – **01.10.297 г. до н. э**.
Условная точка отсчета – нулевой год б. э. – **298 г. до н. э.**

б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.	б. э.	до н.э.
1	297/6	21	277/6	41	257/6	61	237/6	81	217/6	101	197/6	121	175/4
2	296/5	22	276/5	42	256/5	62	236/5	82	216/5	102	196/5	122	176/5
3	295/4	23	275/4	43	255/4	63	235/4	83	215/4	103	195/4	123	175/4
4	294/3	24	274/3	44	254/3	64	234/3	84	214/3	104	194/3	124	174/3
5	293/2	25	273/2	45	253/2	65	233/2	85	213/2	105	193/2	125	173/2
6	292/1	26	272/1	46	252/1	66	232/1	86	212/1	106	192/1	126	172/1
7	291/0	27	271/0	47	251/0	67	231/0	87	211/0	107	191/0	127	171/0
8	290/89	28	270/69	48	250/49	68	230/29	88	210/09	108	190/89	128	170/69
9	289/8	29	269/8	49	249/8	69	229/8	89	209/8	109	189/8	129	169/8
10	288/7	30	268/7	50	248/7	70	228/7	90	208/7	110	188/7	130	168/7
11	287/6	31	267/6	51	247/6	71	227/6	91	207/6	111	187/6	131	167/6
12	286/5	32	266/5	52	246/5	72	226/5	92	206/5	112	186/5	132	166/5
13	285/4	33	265/4	53	245/4	73	225/4	93	205/4	113	185/4	133	165/4
14	284/3	34	264/3	54	244/3	74	224/3	94	204/3	114	184/3	134	164/3
15	283/2	35	263/2	55	243/2	75	223/2	95	203/2	115	183/2	135	163/2
16	282/1	36	262/1	56	242/1	76	222/1	96	202/1	116	182/1	136	162/1
17	281/0	37	261/0	57	241/0	77	221/0	97	201/0	117	181/0	137	161/0
18	280/79	38	260/59	58	240/39	78	220/19	98	200/199	118	180/79	138	160/59
19	279/8	39	259/8	59	239/8	79	219/8	99	199/8	119	179/8	139	159/8
20	278/7	40	258/7	60	238/7	80	218/7	100	198/7	120	178/7	140	158/7
б. э.	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**	**б. э.**	**до н.э.**
141	157/6	167	131/0	193	105/4	219	79/8	245	53/2	271	27/6	297	1/0
142	156/5	168	130/29	194	104/3	220	78/7	246	52/1	272	26/5		
143	155/4	169	129/8	195	103/2	221	77/6	247	51/0	273	25/4		
144	154/3	170	128/7	196	102/1	222	76/5	248	50/49	274	24/3		
145	153/2	171	127/6	197	101/0	223	75/4	249	49/8	275	23/2		
146	152/1	172	126/5	198	100/99	224	74/3	250	48/7	276	22/1		
147	151/0	173	125/4	199	99/8	25	73/2	251	47/6	277	21/0		
148	150/9	174	124/3	200	98/7	26	72/1	252	46/5	278	20/19		
149	149/8	175	123/2	201	97/6	227	71/0	253	45/4	279	19/8		

150	148/7	176	122/1	202	96/5	229	70/69	254	44/3	280	18/7		
151	147/6	177	121/0	203	95/4	230	69/8	255	43/2	281	17/6		
152	146/5	178	120/19	204	94/3	230	68/7	256	42/1	282	16/5		
153	145/4	179	119/8	205	93/2	231	67/6	257	41/0	283	15/4		
154	144/3	180	118/7	206	92/1	232	66/5	258	40/39	284	14/3		
155	143/2	181	117/6	207	91/0	233	65/4	259	39/8	285	13/2		
156	142/1	182	116/5	208	90/89	234	64/3	260	38/7	286	12/1		
157	141/0	183	115/4	209	89/8	235	63/2	261	37/6	287	11/0		
158	140/39	184	114/3	210	88/7	236	62/1	262	36/5	288	10/9		
159	139/8	185	113/2	211	87/6	237	61/0	263	35/4	289	9/8		
160	138/7	186	112/1	212	86/5	238	60/59	264	34/3	290	8/7		
161	137/6	187	111/0	213	85/4	239	59/8	265	33/2	291	7/6		
162	136/5	188	110/09	214	84/3	240	58/7	266	32/1	292	6/5		
163	135/4	189	109/8	215	83/2	241	57/6	267	31/0	293	5/4		
164	134/3	190	108/7	216	82/1	242	56/5	268	30/29	294	4/3		
165	133/2	191	107/6	217	81/0	243	55/4	269	29/8	295	3/2		
166	132/1	192	106/5	218	80/9	244	54/3	270	28/7	296	2/1		

ТАБЛИЦА 2. ПЕРЕВОД ДАТ БОСПОРСКОЙ ЭРЫ НА СОВРЕМЕННОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ (после рубежа н. э.)

Условная точка отсчета – **01.10.297 г. до н. э.** Последняя дата последнего столбца выбрана произвольно. При необходимости таблица может быть продолжена.

б. э.	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	442	145/6
298	1/2	322	25/6	346	49/50	370	73/4	394	97/8	418	121/2	443	146/7
299	2/3	323	26/7	347	50/1	371	74/5	395	98/9	419	122/3	444	147/8
300	3/4	324	27/8	348	51/2	372	75/6	396	99/100	420	123/4	445	148/9
301	4/5	325	28/9	349	52/3	373	76/7	397	100/1	421	124/5	446	149/50
302	5/6	326	29/30	350	53/4	374	77/8	398	101/2	422	125/6	447	150/1
303	6/7	327	30/1	351	54/5	375	78/9	399	102/3	423	126/7	448	151/2
304	7/8	328	31/2	352	55/6	376	79/80	400	103/4	424	127/8	449	152/3
305	8/9	329	32/3	353	56/7	377	80/1	401	104/5	425	128/9	450	153/4
306	9/10	330	33/4	354	57/8	378	81/2	402	105/6	426	129/30	451	154/5
307	10/11	331	34/5	355	58/9	379	82/3	403	106/7	427	130/1	452	155/6
308	11/12	332	35/6	356	59/60	380	83/4	404	107/8	428	131/2	453	156/7
309	12/13	333	36/7	357	60/1	381	84/5	405	108/9	429	132/3	454	157/8
310	13/14	334	37/8	358	61/2	382	85/6	406	109/10	430	133/4	455	158/9
311	14/15	335	38/9	359	62/3	383	86/7	407	110/11	431	134/5	456	159/60
312	15/16	336	39/40	360	63/4	384	87/8	408	111/12	432	135/6	457	160/1

313	16/7	337	40/1	361	64/5	385	88/9	409	112/13	433	136/7	458	161/2
314	17/8	338	41/2	362	65/6	386	89/90	410	113/14	434	137/8	459	162/3
315	18/9	339	42/3	363	66/7	387	90/1	411	114/15	435	138/9	460	163/4
316	19/20	340	43/4	364	67/8	388	91/2	412	115/16	436	139/40	461	164/5
317	20/1	341	44/5	365	68/9	389	92/3	413	116/17	437	140/1	462	165/6
318	21/2	342	45/6	366	69/70	390	93/4	414	117/18	438	141/2	463	166/7
319	22/3	343	46/7	367	70/1	391	94/5	415	118/9	439	142/3	464	167/8
320	23/4	344	47/8	368	71/2	392	95/6	416	119/20	440	143/4	465	168/9
321	24/5	345	48/9	369	72/3	393	96/7	417	120/1	441	144/5	466	169/70

б. э.	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**	**б. э.**	**н. э.**
467	170/1	494	197/8	521	224/5	548	251/2	575	278/9	602	305/6	629	332/3
468	171/2	495	198/9	522	225/6	549	252/3	576	279/80	603	306/7	630	333/4
468	172/3	496	199/100	523	226/7	550	253/4	577	280/1	604	307/8	631	334/5
470	173/4	497	200/1	524	227/8	551	253/4	578	281/2	605	308/9	632	335/6
471	174/5	498	201/2	525	228/9	552	254/5	579	282/3	606	309/10	633	336/7
472	175/6	499	202/3	526	229/30	553	256/7	580	283/4	607	310/11	634	337/8
473	176/7	500	203/4	527	230/1	554	257/8	581	284/5	608	311/12	635	338/9
474	177/8	501	204/5	528	231/2	555	258/9	582	285/6	609	312/13	636	339/40
475	178/9	502	205/6	529	232/3	556	259/60	583	286/7	610	313/4	637	340/1
476	179/80	503	206/7	530	233/4	557	260/1	584	287/8	611	314/5	638	341/2
477	180/1	504	207/8	531	234/5	558	261/2	585	288/9	612	315/6	639	342/3
478	181/2	505	208/9	532	235/6	559	262/3	586	289/90	613	316/7	640	343/4
479	182/3	506	209/10	533	236/7	560	263/4	587	290/1	614	317/8	641	344/5
480	183/4	507	210/11	534	237/8	561	264/5	588	291/2	615	318/9	642	345/6
481	184/5	508	211/12	535	238/9	562	265/6	589	292/3	616	319/20	643	346/7
482	185/6	509	212/13	536	239/40	563	266/7	590	293/4	617	320/1	644	347/8
483	186/7	510	213/14	537	240/1	564	267/8	591	294/5	618	321/2	645	348/9
484	187/8	511	214/15	538	241/2	565	268/9	592	295/6	619	322/3	646	349/50
485	188/9	512	215/16	539	242/3	566	269/70	593	296/7	620	323/4	647	350/1
486	189/90	513	216/7	540	243/4	567	270/1	594	297/8	621	324/5	648	351/2
487	190/1	514	217/8	541	244/5	568	271/2	595	298/9	622	325/6	649	352/3
488	191/2	515	218/9	542	245/6	569	272/3	596	299/300	623	326/7	650	353/4
489	192/3	516	219/20	543	246/7	570	273/4	597	300/1	624	327/8	651	354/5
490	193/4	517	220/1	544	247/8	571	274/5	598	301/2	625	328/9	652	355/6
491	194/5	518	221/2	545	248/9	572	275/6	599	302/3	626	329/30	653	356/7
492	195/6	519	222/3	546	249/50	573	276/7	600	303/4	627	330/1	654	357/8
493	196/7	520	223/4	547	250/1	574	277/8	601	304/5	628	331/2	655	358/9

б. э.	н. э.	б. э.	н. э.	б. э.	н. э.	б. э.	н. э.	б. э.	н. э.	б. э.	н. э.	б.э.	н. э.
656	359/60	682	385/6	708	411/12	734	437/8	760	463/4	786	489/90	812	515/6
657	360/1	683	386/7	709	412/13	735	438/9	761	464/5	787	490/1	823	516/7
658	361/2	684	387/8	710	413/14	736	439/40	762	465/6	788	491/2	814	517/8
659	362/3	685	388/9	711	414/15	737	440/1	763	466/7	789	492/3	815	518/9
660	363/4	686	389/90	712	415/16	738	441/2	764	467/8	790	493/4	816	519/20
661	364/5	687	390/1	713	416/7	739	442/3	765	468/9	791	494/5	817	520/1
662	365/6	688	391/2	714	417/8	740	443/4	766	469/70	792	495/6	818	521/2
663	366/7	689	392/3	715	418/9	741	444/5	767	470/1	793	496/7	819	522/3
664	367/8	690	393/4	716	419/20	742	445/6	768	471/2	794	497/8	820	523/4
665	368/9	691	394/5	717	420/1	743	446/7	769	472/3	795	498/9	821	524/5
666	369/70	692	395/6	718	421/2	744	447/8	770	473/4	796	499/500	822	525/6
667	370/1	693	396/7	719	422/3	745	448/9	771	474/5	797	500/1	823	526/7
668	371/2	694	397/8	720	423/4	746	449/50	772	475/6	798	501/2	824	527/8
669	372/3	695	398/9	721	424/5	747	450/1	773	476/7	799	502/3	825	528/9
670	373/4	696	399/400	722	425/6	748	451/2	774	477/8	800	503/4	826	529/30
671	374/5	697	400/1	723	426/7	749	452/3	775	478/9	801	504/5	827	530/1
672	375/6	698	401/2	724	427/8	750	453/4	776	479/80	802	505/6	828	531/2
673	376/7	699	402/3	725	428/9	751	454/5	777	480/1	803	506/7	829	532/3
674	377/8	700	403/4	726	429/30	752	455/6	778	481/2	804	507/8	830	533/4
675	378/9	701	404/5	727	430/1	753	456/7	779	482/3	805	508/9	831	534/5
676	379/80	702	405/6	728	431/2	754	457/8	780	483/4	806	509/10	832	535/6
677	380/1	703	406/7	729	432/3	755	458/9	781	484/5	807	510/11	833	536/7
678	381/2	704	407/8	730	433/4	756	459/60	782	485/6	808	511/2	834	537/8
679	382/3	705	408/9	731	434/5	757	460/1	783	486/7	809	512/3	835	538/9
680	383/4	706	409/10	732	435/6	758	461/2	784	487/8	810	513/4	836	539/40
681	384/5	707	410/11	733	436/7	759	462/3	785	488/9	811	514/5	837	540/1

Parfenov V.N.

THE BOSPOROS CHRONOLOGY: SOME NOTES

Summary

The principles of correct translation of dates of the Bosporos era into Christian chronology are stated in the article. If it is a question of dates before Christ an index point of readout should be 298 B.C., whereas while translating dates after a boundary of our era for those dates it is necessary to accept 297 B.C. It is underlined, that it is necessary to consider probable discrepancy of the Bosporos calendar with Roman Julian calendar. The examples of practical application of these principles are given. Appendix contains the tables of translation of dates.

В. М. ЗУБАРЬ

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ХЕРСОНЕСА-ХЕРСОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I В. ДО Н. Э. - VI В. Н. Э.

Херсонес Таврический на протяжении античной эпохи оставался крупным экономическим центром Северного Причерноморья. За время систематических раскопок, проводившихся на территории Херсонесского городища и в его округе в XIX – начале XXI вв., накоплен огромный фактический материал, характеризующий все без исключения стороны жизни населения города. Но, несмотря на многолетнее изучение херсонесских древностей, итоги которых частично подведены в двух томах фундаментального академического исследования истории и культуры Херсонеса, посвященных античной эпохе [Херсонес, 2004; 2005], остается еще много проблем, которые нуждаются в дальнейшем углубленном исследовании. Одной из них является характер и особенности экономического развития этого центра.

Нельзя сказать, что эта тема осталась вне поля зрения специалистов. Но, как правило, основное внимание уделялось вопросам, связанным с анализом технологических аспектов производства, освещением его элементов, классификацией памятников материальной культуры, которые свидетельствовали о конкретной хозяйственной деятельности и торговле. Значительно меньше работ посвящено анализу и реконструкции основных закономерностей социально-экономического развития античного Херсонеса [подр. см.: Зубарь, 1993]. А между тем археология является исторической наукой, и, как указывал В. Д. Блаватский, ее цель – это «прежде всего историческое исследование, установление всех тех фактов экономической, социальной, политической и культурной жизни прошлого, какие возможно извлечь в результате раскопок того или иного памятника» [Блаватский, 1967, с. 189; ср.: Толочко, 2007, с. 41 – 55]. Конечным итогом историко-археологического исследования, посвященного древней экономике, должен стать анализ соотношения различных сфер производственной деятельности и обмена, уровня их развития в конкретно-исторических условиях, что позволяет перейти от констатации того или иного явления к моделированию процессов, имевших место в древности.

Несмотря на успехи, достигнутые в изучении материальной культуры, сельского хозяйства, ремесленной деятельности, денежного обращения и торговли, не все аспекты экономической истории Херсонеса античной эпохи пока исследованы в полной мере. Накопление нового археологического материа-

ла, особенно в последние десятилетия, и разработка исторической наукой целого ряда теоретических аспектов, связанных с закономерностями развития докапиталистических обществ, к которым принадлежал Херсонес, позволяют продолжить эту работу. Поэтому целью настоящей статьи является попытка на базе имеющегося материала выяснить особенности и основные тенденции экономического развития Херсонеса-Херсона на протяжении второй половины I в. до н.э. - VI в. н.э. и, насколько это возможно, оценить степень влияния на них внутренних и внешних факторов (рис. 1).

Рис.1. Херсонесское городище. Фото с воздуха В.А. Филиппова.

Для характеристики экономики и анализа производительной сферы деятельности первостепенное значение имеет территориальное расположение производственных комплексов, что позволяет определить качественный уровень развития ремесла, степень его специализации [ср.: Массон, 1976, с. 29; Сайко, 1973, с. 107] и роль отдельных отраслей в жизни населения на том или ином этапе истории Херсонеса. К сожалению, прямых источников о наличии каких-либо видов ремесленной деятельности V – первой половины IV вв. до н.э. в настоящее время нет. Можно лишь предполагать, что на начальном этапе истории Херсонеса занятие сельским хозяйством, которое являлось основной экономики всякого греческого полиса, сочеталось с домашним ремеслом и промыслами, которые обеспечивали в первую очередь переработку сельскохозяйственной продукции и изготовление в рамках хозяйств первопоселенцев всего или почти всего необходимого [Зубарь, 1993, с. 37]. Чеканка собственной монеты, которая начинается в Херсонесе не ранее начала IV в. до н.э. [Анохин, 1977, с. 18 – 20] или несколько раньше, на рубеже V - IV вв. до н.э. [подр. см.: Коваленко, 1999, с. 108 – 131; Kovalenko, 2008, S. 65 - 90], свидетельствует, что продукты, которые по каким-либо причинам не могли производиться в ойкосе мелкого земельного собственника – члена гражданской общины, до этого времени получались посредством натурального обмена между хозяйствами [ср.: Дилигенский, 1963, с. 63 – 69; Штаерман. 1978, с. 100; Кузищин, 1990, с. 77 – 78]. Первые выпуски монет указывают, что к этому времени в рамках гражданской общины материальное производство достигло такого уровня

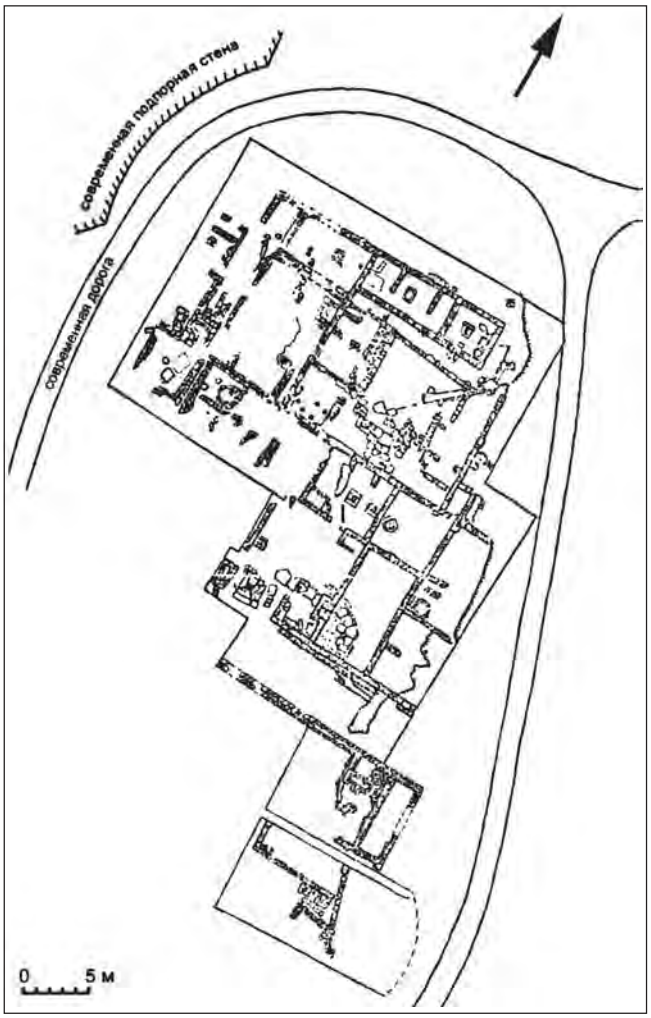


Рис. 2. Поселение на западном берегу Казачьей бухты. План раскопа 2, по В. А. Нессель, Г. М. Николаенко, Г. А. Олтаржевскому и А. И. Петроковскому.

развития и специализации [Блаватский, Кошеленко, Кругликова, 1979, с. 9; Сайко, Янковская, 1988, с. 5], когда появилась необходимость в использовании денежного эквивалента, с помощью которого удовлетворялись потребности возросшего объема торгово-обменных операций в рамках внутреннего рынка.

Наиболее ранние производственные комплексы, представленные винодельнями и датирующиеся временем около середины IV вв. до н. э., пока открыты только на территории поселения, расположенного на западном берегу Казачьей бухты, за пределами собственно Херсонеса. Результаты раскопок этого памятника все еще остаются неопубликованными, а скудная информация имеется лишь в тезисах и немногочисленных материалах конференций [Николаенко, Гинькут, 2003, с. 32 – 33; Нессель, Николаенко, Олтаржевский, Петроковский, 2006, с. 253 – 254; 2008, с. 488 – 495; ср.: Буйских, Зубарь, 2007, с. 37 – 45; Буйських, Зубар, 2007а, с. 14—24]. Поэтому что-то конкретное о характере производственной деятельности его обитателей сказать сейчас еще трудно.

Но уже сейчас ясно, что этот памятник, видимо, следует рассматривать в качестве поселения сельского типа, состоявшего из ряда усадеб, сгруппированных по квартальному принципу [подр. см.: Буйских, 2008, с. 148 – 154] (рис. 2). Его жители не только обрабатывали землю на близлежащей территории, расположенной на Маячном полуострове, но и вели переработку сельскохозяйственной продукции, в том числе и изготовляли вино [ср.: Буйских,

2008, с. 149]. Второе пригородное поселение располагалось в верховьях Карантинной балки, где открыты не только остатки пяти винодельческих комплексов и каких-то построек, связанных с ними, но и погребения, которые отнесены к III – II вв. до н. э. [Стржелецкий, 1948, с. 51 – 63; 1959, с.149 - 150].

Концентрация виноделен на поселении, расположенном на западном берегу Казачьей бухты, позволяет предполагать, что владельцами этих производственных комплексов являлись хозяева расположенных поблизости земельных наделов. А в верховьях Карантинной бухты в III – II вв. до н. э. перерабатывался виноград, выращенный херсонеситами, которые не имели на своих земельных участках усадеб с соответствующим оборудованием и вынуждены были для его переработки прибегать к услугам владельцев специализированных комплексов [ср.: Стржелецкий, 1959, с. 151].

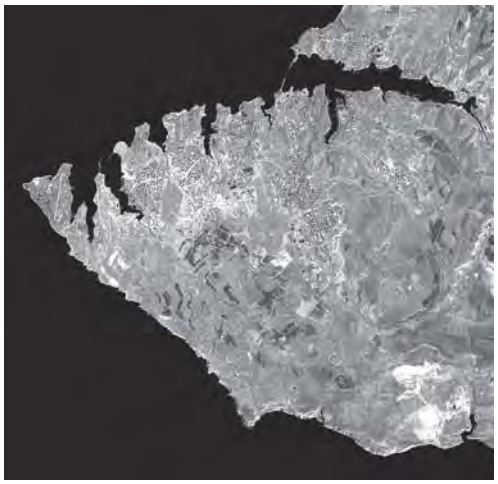


Рис. 3. Гераклейский полуостров. Снимок из космоса 2000 г. с американского спутника Landsat 7 ETM+satellite, Panchromatic (10 meters), по Дж. Трелоган.

Рис. 4. Винодельческий комплекс на усадьбе участка 41 (39а), по Г. М. Николаенко.

После сплошной размежевки Гераклейского полуострова на несколько сот земельных участков, которые в свою очередь делились на землевладения граждан [Зубарь, 1993, с. 8 – 19; 2005, с. 129 - 133] (рис. 3), переработка винограда и изготовление вина велись и на усадьбах, располагавшихся на земельных участках членов гражданской общины, где в эллинистический период сконцентрированы винодельческие комплексы разных типов и кладовые с пифосами для хранения виноградного сусла после его выжимки [Стржелецкий, 1959, с. 123 – 146, 151; Николаенко, 2001, с. 19,№ 20, с. 22 – 23, № 26, с. 25 - 26, № 31, С. 30 – 31, № 41,с. 39 – 40, № 60, с. 42, № 66, с. 44 – 45, № 71, с. 45 – 46, № 72, с. 47, № 77, с. 51 – 52, № 86, с. 60 – 61, №107, с. 73 – 74, № 152, с. 79, № 172, с. 129 – 131, № 347, с. 133 – 134, № 357, с. 138 – 139, № 381; Saprykin, 1994, p. 37 – 48] (рис. 4), которые, вне всякого сомнения, следует рассматривать в качестве центров товарного производства. Но в пределах жилых кварталов Херсонеса до настоящего времени не открыто ни одной винодельни эллинистического периода.

Рис. 5. Общий вид раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в перибoле, в башне XVII (Зинона). Фото 1900 г. НА НЗХТ.

Производством вина занимались и за пределами размежеванной территории Гераклейского полуострова. В 1930 г. на Северной стороне г. Севастополя обнаружено несколько пифосов с остатками виноградных семечек, которые представляли собой склад для хранения вина. К сожалению, дата этого комплекса не определена [Белов, 1952, с. 233 – 234]. Скорее всего, он связан с одним из хозяйств, располагавшимся на размежеванной территории, которая предположительно может быть отнесена к эллинистическому периоду [Николаенко, 1999, с. 42, рис. 27, 1 - 2]. В 1978 г. между поселками Октябрьское и Водоканал, в Инкерманской долине, открыт высеченный в скале тарапан и обнаружен керамический материал IV – III вв. до н. э. Северо-западнее поселка Водоканал обнаружено неукрепленное поселение, где собрана керамика эллинистического периода и зачищена вырубленная в скале давильная площадка, видимо, винодельни. Еще одна аналогичная давильня открыта на восточной окраине поселка (возле) [Савеля, 1979, с. 389].

Другие археологически зафиксированные производственные комплексы, особенно небезопасные в пожарном отношении, также располагались вне пределов городской территории, как это было в целом характерно для эллинистического периода [ср.: Сюзюмов, 1960, с. 13, 21; Кадеев, 1970, с. 27]. Но их открыто немного. Это в первую очередь остатки керамических мастерских в районе башни XVII (Зинона), исследованные К.К. Косцюшко-Валюжиничем и В.В. Борисовой, прекратившие работу не позднее середины II в. до н.э. [Косцюшко-Валюжинич, 1902, с. 18 – 23; Борисова, 1955, л. 1 – 10; 1956, л. 1 – 12; 1957, л. 1 – 8; 1958, с. 145; 1960, с. 70 – 71; 1966, с. 13 - 17] (рис. 5).

На территории этого крупного производственного комплекса в общей сложности открыто девять печей для обжига керамики. Характер находок свидетельствует, что производство здесь носило смешанный характер, т.е. наряду с бытовой посудой ремесленники-гончары выпускали художественные изделия, терракоты и другую необходимую в повседневной жизни продукцию. Однако основной продукцией мастерских все же оставались амфоры, предназначавшиеся для вывоза вина, производившегося из винограда, который выращивался на Гераклейском полуострове [Борисова, 1958, с. 152; 1960, с. 71; 1966, с. 13 - 17] (рис. 6). Печи для обжига керамики, ана-

логичные тем, которые исследованы В.В. Борисовой у XVII (Зинона) башни, зафиксированы в насыпи так называемой перемычки у 17 куртины [Гилевич, 1958, л. 1 – 19; 1960, с. 25 - 26] (рис. 7),

Второй район, где концентрировалось гончарное производство, располагался к западу от Херсонесского городища, на склонах Песочной балки. В 1977 г. перед I башней Западных оборонительных стен, при строительстве стены ограды пляжа, в траншее обнаружена разрушенная гончарная печь. Исследовать ее не удалось, так как уровень залегания печи оказался ниже поверхности воды. На основании обнаруженного керамического материала, в том числе амфорных ручек с херсонесскими клеймами, установлено, что здесь в конце IV – III вв. до н. э. существовала специализированная мастерская и высказано предположение о наличии в этом районе в эллинистический период еще одного керамика [Рыжов, 1977, л. 1 – 3; ср.: Седикова, 1994, с. 64 – 65; 1995, с. 434 – 440]. Этот вывод подтвердился, когда в 1993 г. на территории пансионата «Строитель», к западу от 1 куртины Западных оборонительных стен, во время строительных работ случайно открыты остатки еще одной гончарной печи и зафиксирована керамика III в. до н.э. [Хлыстун, 1993, л. 31 – 32].

Таким образом, можно констатировать, что в IV – III вв. до н.э. производственная деятельность,

Рис. 6. Амфоры на поду гончарной печи 2. Раскопки В. В. Борисовой. Фото НА ИА НАНУ.

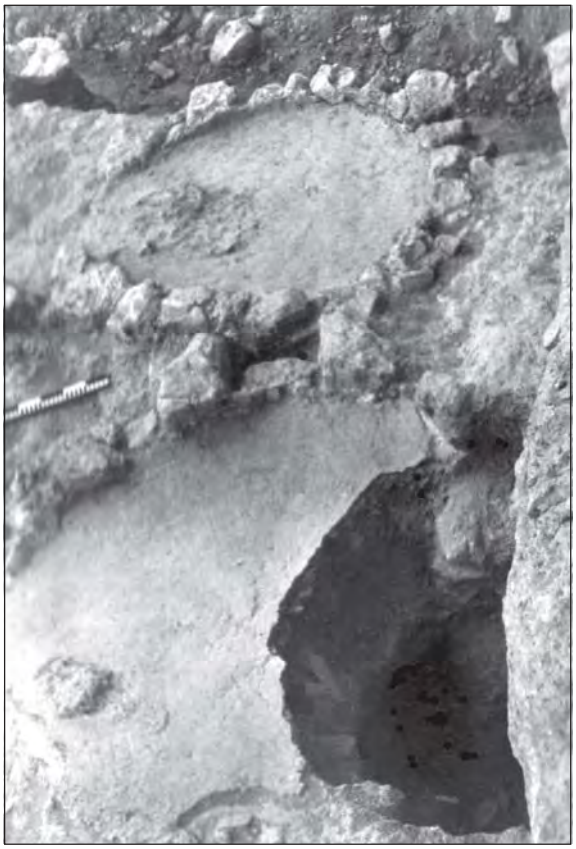


Рис. 7. Остатки гончарной печи, открытой при раскопках перемычки. Вид сверху. Фото НА НЗХТ.

Рис. 8. Комплекс Уваровской базилики. Фото с воздуха В.А. Филиппова.

в том числе и ремесленная, связанная с изготовлением керамики, концентрировалась вне городской черты, в ближайших окрестностях Херсонеса и на Гераклейском полуострове.

Единственным исключением из этого правила являются мастерские, в которых производились терракотовые статуэтки. На основании находки форм для их изготовления и следов производства можно говорить о наличии мастерских в домохозяйствах, расположенных территории Северного района городища [Белов, 1938, с. 29; 1955, с. 261 - 262, рис. 4; 1962, с. 162; Буйских, 2008, с. 130], под Северной базиликой [подр.: Рыжов, 1995, с. 76 – 77; 1995а, с. 64 – 68] и в III квартале Северо-Восточного района [Мальмберг, 1892, с. 3 – 23, табл. I- IV]. Последняя открыта поблизости античного теменоса [подр. см.: Золотарев, Буйских, 1994, с. 78 – 101 Zolotarev, Bujskikh, 1995, p. 125 - 156], поэтому, скорее всего, в ней изготовлялась продукция, предназначавшаяся для культовых действий [Золотарев, Буйских, 1994, с. 100]. Такой вывод подтверждается наличием аналогичной мастерской, которая входила в комплекс Восточного теменоса [Русяева, 1982, с. 5; Леви, 1985, с. 83 - 84], и следов иной ремесленной деятельности на окраине Западного теменоса Ольвии [Русяева, 2006, с. 90 - 91]. Предполагается, что на территории Уваровской базилики первоначально располагался языческий храм [Рыжов, 1984, л. 36] (рис. 8). Тогда в терракотовой мастерской, открытой под Северной базиликой, в эллинистический период также изготовлялась продукция, предназначавшаяся для культовых действий.

В этом отношении интересно, что в 1967 г. на месте средневековых оборонительных стен, расположенных на обрыве в Северо-Восточной части городища, к юго-востоку от античного теменоса, обнаружены остатки печей, где, скорее всего, обжигалась керамика. И. А. Антонова полагала, что они функционировали в III – II вв. до н. э. – IV в. н. э. [Антонова, 1967, л. 54]. Если это так, то и этот комплекс, функционировавший поблизости теменоса, также можно предположительно связывать с удовлетворением потребностей в керамической продукции для отправления культовых действий. Эта

мастерская, в отличие от аналогичных, открытых у 17 и 19 куртин, находилась в пределах городской территории, что, видимо, позволяет говорить о ее небольших размерах и не очень активной деятельности, которая не могла серьезно угрожать пожаром близлежащим зданиям.

Рис. 9. Подвальные помещения так называемого монетного двора. Вид юго-запада (1) и северо-востока (2). Фото А. В. Буйских (1) и В. М. Зубаря (2) 2005 – 2006 гг.

Все имеющиеся в настоящее время материалы позволяют констатировать, что для жилых домой Херсонеса IV – III вв. до н. э. в целом не характерно наличие специализированных производственных комплексов или крупных ремесленных мастерских, работавших на рынок. Но это не исключает того, что в жилых усадьбах велось домашнее производство, связанное с потребностями ойкоса или культовой сферой жизни членов гражданской общины. В пользу такого заключения свидетельствуют находки в подвальном помещении бронзовых кружков и остатки медеплавильного горна, зафиксированные при раскопках так называемого монетного двора в центральной части городища [Косцюшко-Валюжинич, 1907, с. 54 - 58] (рис. 9), и литейные формы из раскопок домов на Северном берегу [Белов, 1956а, с. 145; Стржелецкий, 1951а, с. 139 – 141]. Это хорошо согласуется с выводом А. В. Буйских, что в домах большой площади, принадлежавших зажиточным херсонеситам, могли существовать помещения, где велось домашнее производство [Буйских, 2008, с. 123].

Приведенные материалы свидетельствуют, что в IV – III вв. до н. э. Херсонесское городище являлось местом концентрации населения, занятого преимущественно в сфере сельскохозяйственной деятельности, а не центром специализированного ремесленного производства, работавшего на рынок [ср.: Суриков, 2005, с. 68 – 69]. В это время Херсонес следует рассматривать как центр сосредоточения, перераспределения и реализации материальных ресурсов, общественной и религиозной деятельности членов гражданской общины.

Рис. 10. Часть Северного района Херсонеса. Фото с воздуха В. А. Филиппова.

Редистрибутивной функцией такого социального организма обуславливалось развитие внутренней торговли, посредством которой осуществлялось перераспределение материальных благ, создававшихся в сфере сельскохозяйственного производства [подр. см.: Дьяконов, 1973, с. 31; Павленко, 1984, с. 177 – 178; 1989, с. 57 – 65; Большаков, 1984, с. 11, 14 -18; Толочко, 1985, с. 9 – 10; 1989, с. с. 8 – 16; Фроянов, Дворниченко, 1986, с. 227; Зубарь, 1993, с. 118 - 120].

Но дальнейшее развитие производительных сил, которое шло в рамках полисной социально-политической структуры, вело к определенной трансформации экономических отношений. Это выражалось в увеличении в сфере материального производства Херсонеса удельного веса ремесла и промыслов, которые в перспективе должны были привести к полному территориальному отделению сельскохозяйственного производства от ремесленной деятельности [Дилигенский, 1961, с. 35; Колганов, 1962, с. 439; Кошеленко, 1983, с. 238 – 241]. Археологическим свидетельством этого в Херсонесе являются производственные комплексы, которые появляются на территории жилых кварталов.

Следы наиболее ранней специализированной мастерской на территории города - это остатки подвала, построенного не ранее рубежа II – I вв. до н. э. в XXII квартале, к западу от Базилики 1935 г. (рис. 10). В его восточном углу находились ванны округлой формы с толстым налетом красно-коричневой охры [Белов, 1936, с. 5 – 37]. Г. Д. Белов полагал, что дом и мастерская принадлежали красильщику [Белов, 1936, с. 5 – 37; 1955а, л. 4; 1956, с. 54; 1957, л. 2 – 5; 1959, с. 15; 1959а, л. 2 - 10]. Но маловероятно, что этот природный краситель использовался для окраски тканей или кожи. Скорее, хозяин дома занимался приобретением природной, минеральной охры, выходы которой имеются в Юго-Западном Крыму, вел ее обработку, а затем готовый продукт в виде красной краски продавал, так как этот краситель использовался в гончарном и строительном деле [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с. 157]. В ходе раскопок дома обнаружены также шлаки меднолитейного производства, хотя следов мастерской не выявлено [Белов, 1957, л. 2 – 5].

В первые века н. э. количество производственных комплексов на территории жилых кварталов растет, и в домохозяйствах появляются винодельческие комплексы. В 1947 г. на территории XVIII квартала Северного района Херсонеса открыты остатки двух виноделен первых веков н.э. [Белов, Якобсон, 1947, л. 9 – 34; Белов, 1948, л. 8]. Публикуя материалы из раскопок, Г.Д. Белов подчеркнул, что это первые памятники такого рода, раскопанные в пределах городской черты [Белов, 1952, с. 226, 232 – 237] (рис. 11).

Рис. 11. Двор здания с винодельней (1) и давильные площадки в «доме винодела» (2). Фото В. М. Зубаря 2000 г.

Третьей по счету стала винодельня первых веков н.э., которая открыта в XXVIII квартале под позднесредневековым помещением. Она входила в комплекс большого дома, план которого выявить не удалось. Выдавливание виноградного сока здесь велось с помощью небольших тарапанов квадратной формы со сливами, а сусло разливалось в пифосы, где происходил процесс брожения. Остатков таких пифосов зафиксировано более 20 [Белов, 1969, л. 3 – 5; 1971, л. 3 – 4; 1973, л. 3 – 4; 1975а, с. 138]. Учитывая, что домохозяйство, которому принадлежала винодельня, занимало половину квартала, производство вина, по крайней мере, частично, вероятно, ориентировалось на рынок [Белов, 1971, л. 5] (рис. 12).

Остатки еще двух виноделен отрыты в Северо-Восточном районе городища. Одна раскопана в III квартале, где в 70-е гг. XIX в. Одесским обществом истории и древностей исследовался так называемый пещерный храм. Здесь расчищены углубления в скале для установки пифосов, видимо, для хранения виноградного сусла, которые по керамическому материалу датируются позднеантичным периодом [Золотарев, 2004, с. 136 – 137], и найдены полностью сохранившийся железный нож для уборки винограда и массивная железная мотыга. Эти инструменты позволили сделать вывод о наличии винодельческого комплекса, который прекратил свое существование, видимо,

Рис. 12. Известняковые тарапаны из раскопок Г. Д. Белова в XXVIII квартала. Фото ИА НАНУ.

в V в. н. э. А позднее его резервуар использован для сооружения «пещерного храма», строительство которого М.И. Золотарев вслед за А.Л. Якобсоном датировал V в. н.э. [Золотарев, 1978, л. 3 – 5, рис. 5; подр. об этом памятнике с литературой см.: Сорочан, 2005, с. 739 – 753]. Позднее на основании анализа керамического материала он пересмотрел датировку прекращения использования винодельческого комплекса и отнес ее к середине VII в. н. э. [Золотарев, 2004, с. 137]. Но, базируясь на результатах ревизии керамического материала, в настоящее веремя сделано заключение, что прекращение его работы следует относить к середине-концу V или к самому началу VI вв. н. э. [подр. см.: Ушаков, Струкова, 2008, с. 151 – 157]. Не отрицая в принципе возможности наличия здесь винодельческого производства, следует обратить внимание на то, что давильных площадок или тарапанов при раскопках не обнаружено, а цистерна, как и ряд аналогичных памятников на территории Херсонесского городища, первоначально могла использоваться для рыбозасолки. Поэтому вряд ли можно определять этот комплекс как безусловно винодельческий (рис. 13).

Вторая винодельня открыта на территории XCVI квартала, где под постройками эпохи средневековья зафиксированы остатки винодельческого комплекса первых веков н. э. или несколько более раннего времени. Они представлены вырубами в скале, цистернами для сбора сусла и ямой для противовеса давильного устройства [Золотарев, Ушаков, 2003, л. 7 – 8; Золотарев, 2004, с. 137 - 138]. По мнению М. И. Золотарева, этот комплекс прекратил свое существование во II в. н. э. [Золотарев, Ушаков, 2002, л. 4 – 5, 9, 12; 2003, л. 13; 2004, л. 23; ср.: Золотарев, 2004, с. 128].

Рис. 13. Общий вид так называемого подземного храма с северо-востока (1) и юго-запада (2). Современное состояние. Фото В. М. Зубаря.

И, наконец, остатки винодельческого комплекса

открыты экспедицией Харьковского университета в Портовом квартале 1 Юго-Восточного района городища. Под средневековым помещением жилой усадьбы здесь находились три цистерны, вырубленные в скале, дно одной из которых покрыто глиной зеленого оттенка и цемянкой. Исследователи памятника полагали, что они представляли собой остатки винодельни, которая функционировала во II – III вв. н.э. и прекратила работать не ранее середины III в. н.э. [Дьячков, Золотарев, Коробков, Магда, Ушаков, 1994, л. 21 – 23, 25 – 32; Дьячков, Золотарев, Коробков, Ушаков, 1995, л. 36 - 38; Дьячков, Магда, 1995, с. 176 – 177; 1997, с. 96; Дьячков, 1997, с. 157 – 158; 2007, с. 54] (рис. 14).

Рис. 14. План дома большой площади в Портовом квартале 1 (так называемая казарма) после окончания раскопок проведения консервационных работ. Фото С. В. Дьячкова.

Сейчас на территории жилых кварталов Херсонеса, где над скальным основанием сохранились слои античной эпохи, открыты остатки шести виноделен первых веков н.э. Время начала их функционирования точно определить нельзя, но, скорее всего, в них изготовлялось вино, по крайней мере, до конца V или начала VI вв. н.э., а его производство носило товарный характер. Следует подчеркнуть, что отсутствие следов значительного количества винодельческих комплексов в первые века н.э. не является, как думает Г. М. Николаенко, показателем отсутствия товарного производства, и совершенно непонятно, почему для этого необходимо не менее 10 – 12 таких комплексов [Николаенко, 1998, с. 84]. Товарный характер производства, определяется не количеством виноделен, часть которых, вероятно, еще не открыта, а объемами производившейся продукции, которые должны превышать потребности в нем хозяев. Малое количество зафиксированных на территории жилых кварталов виноделен может объясняться и тем, что их сравнительно небольшие резервуары в ходе строительства в средневековую эпоху разрушены или превращены в подвалы, и их первоначальное назначение сейчас определить уже невозможно. Но общее сокращение объемов производства вина в первые века н. э. вряд ли можно оспаривать.

Еще одной категорией памятников первых веков н. э., свидетельствующих о производственной деятельности на территории жилой застройки, являются цистерны, предназначавшиеся для засолки рыбы и приготовления рыбных соусов [подр.

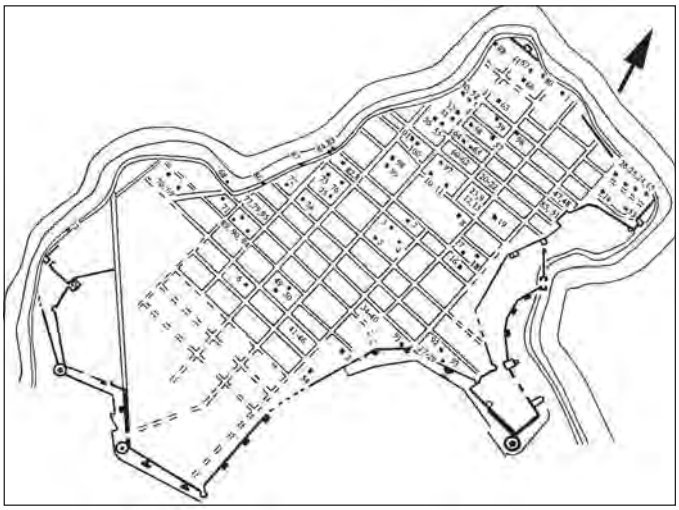


Рис. 15. План расположения рыбозасолочных цистерн на территории Херсонесского городища, по А. И. Романчук.

см.: Кадеев, 1970, с. 11 - 16]. Изучение этой категории производственных комплексов начал Е. Г. Суров, который учел 77 цистерн, открытых до 1941 г. [Суров, 1948, с. 3 – 47]. Его работу продолжила А. И. Романчук. На основании анализа материала из их заполнения исследовательница пришла к заключению, что такие хозяйственные комплексы функционировали не только в первых веках н. э. и в V – VI вв., но и позднее [Романчук, 1973, с. 45 – 33; 1977, с. 18 – 26; ср.: Кадеев, 1970, с. 12] (рис. 15).

Раскопки на территории городища продолжались, и количество таких цистерн увеличилось. В монографии, вышедшей в 2000 г., А. И. Романчук учла далеко не все такие памятники, раскопанные после 1977 г. [Романчук, 2000, с. 89 – 95, 100 - 101], поэтому здесь целесообразно привести краткие сведения о новых ваннах [см.: Романчук, 2000, с. 101]. На территории Северного района Херсонеса, в VIII, IX, Ха, Хб, XXVIII, XXIX кварталах, открыто 16 рыбозасолочных цистерн [Белов, 1975, л. 9; 1976, л. 2 – 6, 23 -24; 1977, л. 5 – 9; Рыжов, 1985, л. 39 – 42; 1989, л. 21 - 22; 1992, л. 3 – 6; 1997, л. 6 – 18; 1998, л. 6 – 14; 2007, с. 6 - 8],[1] в Портовом квартале - одна [Кадеев, Мещеряков, Сорочан, 1981, л. 1 – 35, 39 - 45], а в Северо-Восточном районе, в I, II, VI, VII кварталах, - еще четыре [Золотарев, 1974, л. 6 – 7; 11 – 13; 1975, л. 282 – 283; 1977, л. 32; 1977а, с. 27 – 33; 1978, л. 3 – 5, рис. 5; 1984, л. 8 – 9; Рыжов, 1978, л. 1-2, 7 – 9, 21; 1979, л. 1, 14 – 15; Сазанов, 1989, л. 3 – 25] (рис. 16). В одном из помещений дома, исследованного в 1987 г. в Северо-Восточном районе Херсонеса, открыта кладовая первых веков н. э. для хранения соленой рыбы [Золотарев, 1987, л. 9 – 14; ср.: Белов, 1977, л. 7 – 8, табл. 40, рис. 4; Золотарев, 1983, л. 4 - 5]. Таким образом, в настоящее время с рыбозасолочным производством в Херсонесе по результатам раскопок до 2008 г. включительно можно связывать более 120 таких комплексов.

К сожалению, в условиях Херсонесского городища, где позднесредневековая застройка перекрывает более ранние напластования, а наскальный слой

[1] По сообщению С. Г. Рыжова, в 2008 г. в ходе раскопок на территории IX квартала Северного района Херсонеса открыты еще две рыбозасолочные цистерны.

маломощный, очень трудно определить время начала строительства рыбозасолочных цистерн и расширение этого вида хозяйственной деятельности [Кадеев, 1970, с. 19]. Подавляющее большинство комплексов датируется суммарно первыми веками н. э. и периодом раннего средневековья [ср.: Кадеев, 1970, с. 13; Романчук, 1973, с. 51 – 52; 1977, с. 18 - 19; Золотарев, 1977, л. 32], так как массовый керамический материал из их заполнения в подавляющей массе случаев обрабатывался очень поверхностно [см.: Белов, 1976, л. 3; Романчук, 2000, с. 90]. Но, видимо, все же можно говорить, что наиболее ранние такие комплексы начинают строиться не позднее I в. н. э. Об этом свидетельствуют результаты исследования в 1970 г. остатков рыбозасолочной ванны, располагавшейся на кромке прибоя Северного берега, поблизости Базилики 1935 г. Ее дно покрыто квадратными кирпичами с индиктными клеймами. Изучение слоя под ними показало, что первоначально дно цистерны выложили черепицей I в. н. э., а сама цистерна не менее трех раз ремонтировалась [Кадеев, 1970а, л. 2, 22 – 25; 1971, с. 269; Кадєєв, Рижов, 1972, с. 76 – 80]. Последний раз это произошло в V – VI или даже в VII вв., когда для покрытия дна использовали кирпич с клеймами [Романчук, 1973, с. 49; 1976, с. 158; 2000, с. 93].

Рис. 16. Рыбозасолочная цистерна № 4 в Хб квартале. Раскопки С. Г. Рыжова в 1997 г. Фото НА НЗХТ.

А. И. Романчук считала, что из учтенных ею 102 цистерн 56 относились к VI – X вв. [Романчук, 2000, с. 95]. Если эти подсчеты верны, то в первые века н. э. на территории Херсонесского городища функционировало более 60 рыбозасолочных ванн. Безусловно, производство этого вида хозяйственной деятельности носило товарный характер, а рыбные соусы потреблялись не только на месте, но и являлись важной статьей экспорта на территорию Римской империи и Византии [Кадеев, 1970, с. 19 - 20, 130, 159; Кадеев, Сорочан, 1989, с. 11, 60; Романчук, 1973, с. 50 - 51].

В отличие от эллинистического периода, для первых веков н. э. данных о производственных комплексах, связанных с керамическим производством, сравнительно немного. Но те, которые имеются, позволяют заключить, что такие производства также располагались на территории жилых кварталов.

Рис. 17. Остатки печи для обжига терракот на территории цитадели. Раскопки В. В. Борисовой. Фото НА НЗХТ.

Остатки производственных комплексов, связанных с изготовлением керамики, которые могут быть отнесены к первым векам и позднеантичному периоду, известны уже давно. В ходе археологических исследований, проводившихся в дореволюционный период К.К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером, они зафиксированы в Северо-Восточном, Западном районах городища, на западном берегу Карантинной бухты и за пределами городской застройки, к югу от башни XVII (Зинона). Но сведения о них отрывочны [Борисова, 1966, с. 16 – 17; Кадеев, 1970, с. 78].

В 1960 г. на территории цитадели Херсонеса в одном из казарменных помещений римской вексилляции открыта печь для обжига терракот. В ней найдены обломки форм для их изготовления и терракотовая статуэтка, которую В.В. Борисова считала Деметрой [Борисова, 1960а, л. 5; 1966, с. 16 - 17] (рис. 17). Печь работала незадолго до постройки здания, и хронологический разрыв между ними, по мнению исследовательницы, установить невозможно [Борисова, 1960а, л. 5; 1962, л. 18; 1966, с. 16 – 17]. В. В. Борисова датировала ее суммарно - II в. и указала, что она функционировала до постройки здания казарм римского гарнизона [Борисова, 1962, л. 8 - 9; 1966, с. 16 – 17], т. е. до середины II в. н. э. [Зубарь, Сорочан, 2008, с. 179].

В 1987 г. на территории цитадели, к востоку от калитки в 18 куртине и к юго-западу от терм римского гарнизона, открыт фундамент круглой в плане углубленной постройки [Антонова, 1987, л. 18 - 22, рис. 26 – 27], который атрибутирован в качестве горна для обжига керамической продукции (рис. 18). Не исключено, что он построен в середине II ст., когда римский стационарный гарнизон появился в Херсонесе. Во второй четверти III в. большинство сооружений в цитадели было разрушено в результате мощного землетрясения, а через непродолжительное время они начали отстраиваться. Поэтому можно предполагать, что горн следует относить к периоду между 237 г. - временем землетрясения и 250 г., когда после разрушений завершалось восстановление построек на территории цитадели и ощущалась потребность в керамических строительных материалах [подр. см.: Зубарь, 2001, с. 206 – 208; 2001 – 2002, с. 55 – 56; Антонова, Зубарь, 2003, с. 60 – 62].

На обрыве в Северо-Восточной части городища в первые века н. э. продолжали работать печи для обжига керамики [Антонова, 1967, л. 54]. Вполне

возможно, что обломки бракованных столовых сосудов III – IV вв., обнаруженные в засыпи большой водосборной цистерны на территории XCVI квартала [Ушаков, 1997, с. 121 – 123; 2005, с. 61 – 74], происходят именно из этой мастерской. В 1983 г. в центральной части III квартала в помещении у здания первых веков н. э. открыты остатки аналогичной печи и обнаружен фрагмент сильно пережженной деформированной амфоры с перехватом, который М.И. Золотарев отнес к III – V вв. [Золотарев, 1983, л. 9, рис. 38].

Рис. 18. Остатки горна для обжига керамических строительных материалов. Раскопки И. А. Антоновой в 1987 г. Фото НА НЗХТ.

Г. М. Николаенко указала, что одним из главных показателей сокращения производства товарного вина является прекращение массового выпуска амфор, предназначавшихся для транспортировки вина, ибо следы производства значительного количества амфор рубежа и первых веков н. э. пока неизвестны [Николаенко, 1998, с. 84]. Но argumentum e silentio может служить достаточным основанием для такого заключения. Мастерские по производству амфор этого времени, действительно, в Херсонесе пока раскопками не выявлены. Но В. И. Кадеев на основании петрографических анализов глины выделил три типа амфор первых веков н. э. и пять позднеантичного периода местного производства [Кадеев, 1970, с. 99 – 101].

Помимо этого, кажущееся отсутствие амфор, объясняется не прекращением их изготовления, а очень слабой изученностью типов керамики этого времени, которая изготовлялась в херсонесских ремесленных мастерских. Поэтому нельзя исключить того, что, когда на базе Национального заповедника «Херсонес Таврический» начнется серьезное изучение амфорного материала, результаты которого позволят выделить продукцию местных гончарных мастерских первых веков н.э., картина кардинальным образом может измениться. В пользу этого свидетельствуют результаты археологических исследований памятников Юго-Западного Крыма II – первой половине III вв., где в могильниках и на поселениях значительно увеличивается количество посуды, часть которой, в том числе и амфоры, безусловно, изготовлялась в Херсонесе [Кадеев, 1970, с. 99 – 101; Зубарь, 1993, с. 43; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003 – 2004, с. 76].

Естественно, что значительное количество производственных комплексов, расположенных на территории городских кварталов первых веков н.э., разрушено при последующем строительстве, в результате которого здания практически полностью, иногда до скалы, сносились в ходе возведения зданий средневековой эпохи [ср.: Буйских, 2008, с. 209]. Поэтому сейчас проиллюстрировать отмеченную тенденцию с помощью цифр вряд ли возможно. Но показательно, что в отличие от эллинистического периода, когда в Херсонесе строились дома типично греческого типа с преобладанием жилой функции, в первые века н. э. увеличивается удельный вес городских усадеб с помещениями для хозяйственной и производственной деятельности [Крыжицкий, 1982, с. 100 – 101; 1993, с. 201; Буйских, 2008, с. 209 – 210]. Отмеченная тенденция не являлась локальной. Она прослеживается и в других античных центрах северопричерноморского региона [Крыжицкий, 1982, с. 99; Зубарь, Зинько, 2006, с. 190 – 197; Зубарь, Сон, 2007, с.168 – 172, 195], что позволяет связывать это явление с общей трансформацией хозяйственных механизмов и в первую очередь с увеличением товарной составной в экономических отношениях. В первые века н. э., судя по имеющимся данным, в экономике растет удельный вес товарного производства, не связанного напрямую с сельским хозяйством. Это подтверждается постепенным количественным увеличением с I в. н. э. чеканки местных монет, пик которого приходится на 145 – 268 гг. н. э. [Анохин, 1977, с. 63 – 64; 80 – 88; ср.: Сапрыкин. 2005, с. 141, 154, 160 - 161]. Одновременно уменьшается число находок монет других античных центров, за исключением римских [Гилевич, 1968, с. 21], что хронологически совпадает с ростом объемов ремесленного производства и обмена в Херсонесе [Зубарь, 1993, с. 114].

Основой экономики античного Херсонеса, как и всякого греческого полиса [ср.: Суриков, 2005, с. 68], с момента его основания являлось сельское хозяйство, базировавшееся на мелком гражданском землевладении. Наделы членов гражданской общины, общественные и храмовые земли располагались на Гераклейском полуострове. 10 000 га его площади около середины IV в. до н. э. было размежевано с применением единого модуля на более чем 400 земельных участков, которые в свою очередь делились на землевладения разной величины [Зубарь, 1993, с. 8 – 19; 2005, с. 129 – 143] (рис. 19).

Но часть земли на размежеванной территории была изъята из использования для выращивания сельскохозяйственных культур. В балке Бермана, на земельном участке № 346, располагался курган эпохи бронзы, в котором, по мнению Г.М. Николаенко и С.Н. Сенаторова, захоронения совершались носителями кеми-обинской, срубной и кизил-кобинской культур [Николаенко, Сенаторов, 1985, л. 22 – 31; Николаенко, 1987, с. 382, 1999, с. 16; 2001, с. 129, № 346]. В Верхне-Юхариной балке, на земельном участке № 362, исследованы еще три курганных насыпи. Под одной из них захоронений не зафиксировано, под второй обнаружены три амфоры второй половины III - первой

четверти II вв. до н. э., а под третьей – погребения в каменном ящике и впускное в сидячем положении, видимо, эпохи бронзы [Савеля, Савеля, 1997, с. 106 – 108; Николаенко, 2001, с. 135; ср.: Кравченко, 2007, с. 294]. На земельном участке № 159, на крутом западном склоне Городской балки, в прямой видимости Херсонеса, в конце XIX в. отмечены остатки единственного археологически зафиксированного в округе Херсонеса храма IV – II вв. до н.э., где обнаружены фрагменты терракотовых статуй, монеты Керкинитиды и Ольвии [Николаенко, 2001, с. 76].

Рис. 19. Аэрофотосъемка территории Гераклейского полуострова между Стрелецкой бухтой и бухтой Омега середины 60-х гг. XX в. со следами размежевки земли, по Дж. Трелоган.

Остальные памятники связаны с сельскохозяйственной деятельностью эллинистического периода и представлены усадебными комплексами. Они начали возводиться во второй половине IV в. до н. э. и до II в. до н. э. служили центрами выращивания и первичной переработки главным образом винограда [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 6 – 24; 2005, с. 169, 171 – 174; Буйских, 2008, с. 139 - 156].

В результате работы, проведенной по сбору данных о земельных участках на Гераклейском полуострове [Николаенко, 1999; 2001], в настоящее время можно говорить об интенсивности и характере использования земельного фонда в этом районе. Это в свою очередь позволяет сделать ряд важных наблюдений относительно основных тенденций экономического развития Херсонеса в первые века н. э. и античную эпоху в целом. Но материал, который собран Г. М. Николаенко, обработан и введен в научный оборот крайне неудовлетворительно, что заставляет учитывать возможные погрешности при анализе качественной и количественной стороны используемых данных. Сейчас для изучения сельскохозяйственной отрасли производства в округе Херсонеса можно использовать лишь данные об усадебных комплексах, так как изучение земельных участков проводилось в очень ограниченных масштабах.

Рис. 20. Раскопки античной башни в урочище Таш-кулле. Фото 1987 г. НА НЗХТ.

Из 12 000 га площади Гераклейского полуострова 10000 га было размежевано, а около 2000 га на протяжении всей античной эпохи оставались нераспаханными. С.Ф. Стржелецкий полагал, что эта территория могла использоваться как общественный выпас для скота [Стржелецкий, 1961, с. 48]. Но не исключено, что здесь в то время находился лес, вследствие чего эти земли нельзя было использовать под виноградники или пашню [Стржелецкий, 1961, с. 48; Кадеев, 1975, с. 23; Рогов, 1996, с. 74; ср.: Храпунов, 2008, с. 677]. Помимо Гераклейского полуострова, размежеванные площади, использовавшиеся, вероятно, херсонеситами, находились между Севастопольской бухтой и р. Бельбек [Николаенко, 1999, с. 42, рис. 27], а также в Инкерманской долине [Савеля, 1988, с. 94].

В 1987 – 1988 гг., в связи с планировавшимися работами по террасированию склонов под посадку деревьев на Сапун-горе, проведены раскопки на одном из ее отрогов в урочище Таш-кулле, где в 1926 г. Л.Н. Соловьев зафиксировал часть античной постройки. В результате установлено, что здесь находился обычный для земельных участков хоры Херсонеса прямоугольный в плане усадебный комплекс, гибель которого в пожаре по немногочисленному и крайне фрагментированному керамическому материалу отнесена к III или II вв. до н. э. (рис. 20) [Савеля, 1987, л. 4 – 31; 1988а, л. 2 – 15].

Но дату гибели памятника позволяет уточнить клад монет, случайно найденный в 1973 г. в окопе времени Великой Отечественной войны в непосредственной близости от этой усадьбы. Он был спрятан в чернолаковом кувшине и состоял из 61 медной монеты херсонесской чеканки IV – III вв. до н.э. Среди них в количественном отношении преобладали типы грифон-Партенос и Партенос-грифон (47 экз.), датирующиеся не позднее второй половины III в. до н.э. [Костромичева, Быков, 1974, с. 293 – 294]. Вероятно, он спрятан в минуту опасности, которая угрожала обитателям усадьбы, что позволяет относить пожар, в результате которого она погибла, к тому же времени. Скорее всего, это связано с одним из набегов поздних скифов, которые в это время серьезно угрожали Херсонесу [подр. см.: Зубарь, 2005а, с. 209 – 226].

Остатки античной усадьбы в урочище Таш-кулле, как и земли на Северной стороне г. Севастополя, располагались за пределами размежеванной территории и оборонительной линии, видимо, возведенной на гребне

Сапун-горы на рубеже IV – III вв. до н. э. Агасиклом, сыном Ктесия [подр. см.: Зубарь, 2004, с. 94 – 98; 2005, с. 167 - 171]. Это позволяет предполагать, что херсонеситы в эллинистический период освоили сельскохозяйственные территории и за пределами основного массива размежеванных земель и, следовательно, экономический потенциал Херсонеса был выше, чем это представлялось ранее. Но материалы, свидетельствующие об использовании земель за пределами сплошной размежевки, отрывочны и практически не опубликованы, поэтому пока для историко-археологических реконструкций и анализа характера землевладения могут использоваться главным образом результаты изучения размежеванной площади Гераклейского полуострова с расположенными на ней памятниками.

10 000 га площади Гераклейского полуострова размежевано на 482 участка, размеры которых в своем подавляющем большинстве составляли 17,6 и 24,6 га, хотя в ряде случаев отмечены и другие площади [Николаенко, 2001, с. 3]. В свою очередь они делились с применением модуля в 4,4 га на более мелкие, которые получили члены гражданской общины [Зубарь, 1993, с. 10; 2005, с. 129 - 133]. На части этих землевладений возведены усадьбы и другие постройки, хозяйственное назначение которых в настоящее время известно 263 [Николаенко, 2001].

Из этого количества 35 усадеб на 34 земельных участках датированы по подъемному материалу в целом античной эпохой. На 16, по Фр. Дюбуа де Монпере, зафиксировано 17 усадебных комплексов, но какие-либо сведения о времени их функционирования отсутствуют. На 41 участке находилось 43 постройки или усадьбы, время жизни на которых не определено. Иногда они отмечены на топографических планах как курганы, а в материалах разведок названы холмами [Николаенко, 2001, с. 81, № 176]. Остальные памятники на основании результатов археологических исследований и по подъемному материалу распределяются следующим образом.

К эллинистическому периоду Г. М. Николаенко отнесено 133 усадебных комплекса. В 12 случаях отмечено, что усадебные постройки сложены из больших известняковых блоков. Но не указано, к какому периоду относятся такие комплексы [Николаенко, 2001, С. 7, № 1, с. 25 – 26, № 31, с. 64, № 126, с. 110, № 286, с. 112, № 295, с. 112 – 113, № 296, с. 113, № 297, с. 114 – 115, № 301, с. 134, № 358, с. 134, № 361, с. 135, №363, с. 144, № 400]. По аналогии с памятниками, исследованными и датированными эллинистическим периодом [ср.: Николаенко, 2001, с. 8, № 3, с.26 – 27, №32, с. 28, № 33, с. 48 – 49, № 80, с. 58, № 101, с. 64, №. 126, с. 79, №171, с.85, № 194, с. 86, № 196, с. 91 – 92, № 219, с. 93 – 94, № 224, с. 98, № 240, с. 100, №243, с. 101, № 245, с. 101 – 102, № 246, с. 109 – 110, № 283, с.117 – 118, № 310, с. 136, № 368], их можно также отнести к тому же временем. Таким образом, на Гераклейском полуострове в эллинистический период функционировало 145 усадеб нескольких типов [подр. о типологии усадеб см.: Буйских, 2008, с. 139 – 161]. Если соотнести эту цифру с 482 земельными

участками, на которые разделена размежеванная территория, то в период эллинизма только на 31 % находились усадебные комплексы. Разного рода археологические работы проведены на 50 усадебных комплексах, что составляет чуть больше 34 % таких памятников.

Материалы раскопок, проведенных только на 10 усадьбах эллинистического периода экспедициями под руководством Н. И. Бороздина, С. Ф. Стржелецкого, И. Т. Кругликовой, В. И. Кузищина, С. Ю. Сапрыкина и Дж. Картера, опубликованы. А результаты работ на усадебных комплексах Гераклейской экспедиции во главе с Г. М. Николаенко все еще ждут своей публикации. Следовательно, для анализа, историко-археологических реконструкций и обобщений может быть использована пока достаточно ограниченная источниковая база.

На 35 земельных участках зафиксировано 39 усадебных комплексов, где обнаружены материалы первых веков н.э. На четырех отмечены материалы первых веков н. э. и эпохи средневековья [Николаенко, 2001, с. 8, № 2а, с. 27, №32а, с. 47, № 77, с. 128, №343], а на одной [Николаенко, 2001, № 30] – античной и средневековой эпох. Но только на семи велись стационарные раскопки [Николаенко, 2001, с. 9, № 4, с.84 – 85, №193, с. 95 – 96, № 227, с. 126, № 338, с. 126 – 127, №340, с. 133 – 134, № 357, с. 145 – 146, №402], а материал из раскопок введен в научный оборот только с двух памятников [Лисин, 1939, с. 137 – 140; Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205 – 233]. Следовательно, в эллинистический период функционировало 145 усадеб, а в первые века н. э. – 39, и получается, что лишь на 26,8% комплексов жизнь продолжалась в римский период.

Если исходить из приведенных данных, то можно сделать вывод о сокращении интенсивности сельскохозяйственного производства на Гераклейском полуострове, что косвенно подтверждается уменьшением количества монетных находок на памятниках этого района [см.: Сапрыкин, 2005, с. 138, 138, 187 – 191]. Это хронологически совпадает с появлением производственных комплексов на территории жилых кварталов Херсонеса. Более того, изучение памятников Гераклейского полуострова первых веков н. э. свидетельствует об изменении структуры землепользования.

Наряду с количественным уменьшением усадеб, на Гераклейском полуострове фиксируется наличие достаточно крупных хозяйственных комплексов, где велось не только выращивание сельскохозяйственной продукции, но и ее переработка. К ним в первую очередь относится усадьба на земельном участке № 227 (южная), исследованная экспедицией под руководством В. И. Кузищина [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205 – 233] (рис. 21). Но наряду с ними продолжали существовать усадьбы меньшей площади, одна из которых раскопана в 1937 г. В. П. Лисиным [Лисин, 1939, с. 138 – 140; ср.: Стржелецкий, 1961, с. 144], и земельные участки без усадеб, которых было большинство. Но вряд ли положение, сложившееся в землевладении, как это делали С. Ф. Стржелецкий и Е. Н. Жеребцов [Стржелецкий, 1951, с. 90; 1961, с. 133 – 134; Жеребцов, 1985, с. 43], следует объяснять исключительно процессом концентра-

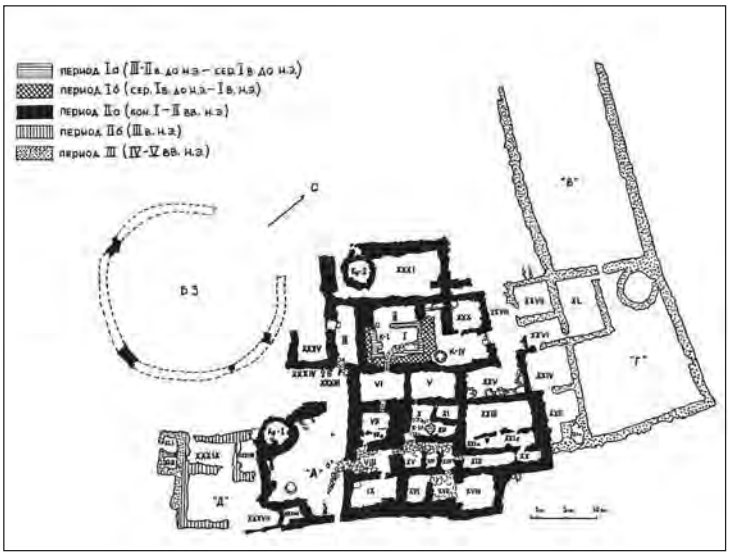


Рис. 21. План усадьбы земельного участка 227-южная (150) во II – V вв. Из личного архива В. И. Кузищина.

ции земли и обезземеливания граждан.

Вполне возможно, что такая тенденция, как и в других районах античного мира, имела место в Херсонесе. Но анализ имеющихся данных свидетельствует, что ее результаты, которые могли кардинальным образом изменить характер землепользования, не следует преувеличивать, ибо основной формой земельной собственности на протяжении всей античной эпохи оставалось мелкое гражданское землевладение [Зубарь, 1993, с. 6 – 31; ср.: Кадеев, 1975, с. 9; Николаенко, 1988, с. 211; 1998, с. 85 - 86].

Тенденция к обезземеливанию, безусловно, имела место. Она обуславливалась процессами, происходившими в ходе кризиса полиса и углубления товарно-денежных отношений, однако она не могла привести к тем же последствиям, которые характерны для эпохи капитализма [см.: Тюменев, 1957, с. 42; Finley, 1973, p. 103; Шраерман, 1979, с. 337; Кошеленко, 1979, с. 228]. В античном обществе земля еще не являлась товаром. Поэтому ее перераспределение ограничивалось рамками гражданского коллектива [Штаерман, 1957, с. 26; Кузищин, 1990, с. 119], а рост имущественного неравенства шел преимущественно по пути накопления движимого имущества [Андреев, 1959, с. 145; подр. см.: Зубарь, 1993, с. 21].

Уменьшение количества усадеб в первые века н. э. на Гераклейском полуострове, скорее, следует объяснять не концентрацией земли, а тревожной обстановкой вокруг Херсонеса. Следствием этого стало прекращение использования или гибель целого ряда усадебных комплексов на Гераклейском полуострове [см. подр.: Стржелецкий, 1961, с. 24; Щеглов, 1978, с. 133; Кругликова, 1981, с. 11 – 15; 1983, 43 – 44]. Такое положение побудило часть хозяев земельных наделов отказаться от восстановления или строительства новых усадеб и ведения на них первичной переработки урожая, так как в ходе частых военных столкновений результаты труда владельцев таких комплексов могли быть легко утрачены [Зубарь, 1993, с. 31]. Но ряд усадеб продолжал функционировать на Гераклейском полуострове. Они в своей

массе находились на определенном удалении от Херсонеса, преимущественно в южной части размежеванной территории [Николаенко, 1988, с. 206 – 208]. Здесь, вероятно, было более рентабельно вести первичную переработку сельскохозяйственной продукции, чем, вероятно, в какой-то степени объясняется количественный рост усадебных комплексов по мере удаления от города [ср.: Голубцова, 1967, с. 35].

В связи с захватом скифами Северо-Западной Таврики, являвшейся в IV – III вв. до н. э. основной житницей города [подр. см.: Зубарь, 2005б, с. 243 – 292], в хозяйстве Херсонеса увеличивается удельный вес промыслов [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 36 – 37] и меняется характер сельскохозяйственной деятельности. Растут площади, которые отводились под зерновые культуры за счет сокращения территорий, занятых под виноградники [Стржелецкий, 1957, с, с. 40 – 41; 1959, с. 82; Жеребцов, 1981, с. 17 – 18; Николаенко, 1984, с. 307; Кузищин, Иванчик, 1998, с. 219].

Падение объемов выращивания винограда, о чем свидетельствуют увеличение площадей под зерновые культуры и резкое сокращение количества винодельческих комплексов на хоре, обусловило переориентацию целого ряда хозяйств на выращивание новых культур. Но расширение площадей под зерновые на каменистых почвах Гераклейского полуострова, которые меньше всего подходили для этого [Рогов, 1996, с. 75], привело к падению рентабельности сельскохозяйственного производства и объемов товарной составляющей этой отрасли. Ярким показателем этого является превращения Херсонеса из экспортера хлеба в центр, периодически нуждавшийся в зерновых [см.: Кадеев, 1981, с. 22; Сорочан, 1994, с. 66 - 72], а следствием - незаинтересованность мелких земельных собственников, которыми являлись подавляющая масса членов гражданской общины в активной сельскохозяйственной деятельности. Это хронологически совпадает с развитием промыслов и увеличением производственных комплексов на территории жилых кварталов. Но, исходя из основных закономерностей развития античного общества, все же нельзя говорить о массовом переходе земельных наделов граждан к новым владельцам.

Земля в античном мире являлась не только главным условием и средством производства, но и основной формой богатства, а также обеспечивала ее владельцу гражданский статус [см.: Голубцова, 1967, с. 27 – 28; Кузищин, 1990, с. 81]. Поэтому гражданская община путем введения определенных законодательных мер всячески тормозила процесс обезземеливания граждан [см.: Штаерман, 1968, с. 655; 1973, с. 39; Кошеленко, 1979, с. 228]. Хозяева земельных участков, считавшие для себя невыгодным сельскохозяйственное производство, землю не продавали, а сдавали в аренду, что позволяло заняться более выгодной деятельностью и торговлей, юридически оставаясь землевладельцами и получая от эксплуатации своего владения доход, пусть и небольшой.

О наличии арендных отношений в Херсонесе уже в III вв. до н. э. свидетельствует предложенная Ю. Г. Виноградовым интерпретация надписи, ко-

торая являлась кадастром, где перечислялись участки из общественного земельного фонда [ср.: IOSPE, I², 403; Блаватский, 1953, с. 29; Стржелецкий, 1961, с. 53; Соломоник, Николаенко, 1990, с. 79 - 99] (рис 22). Имена без патронимиков в тексте надписи являются достаточно верным показателем того, что земля из общественного фонда передавалась в аренду не только гражданам [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 363 – 366]. Но ни арендатор, ни владелец, сдававший землю в аренду, не был заинтересован в строительстве на ней усадьбы или каких-либо подсобных помещений, что требовало значительных затрат труда и средств [ср.: Глускина, 1968, с. 54]. Этим в какой-то степени может объясняться резкое сокращение количества усадеб в первые века н. э. на Гераклейском полуострове, где по-прежнему в количественном отношении преобладающим оставалось мелкое землевладение [Зубарь, 1993, с. 32 – 33]. Такая аренда в античном мире являлась особенно устойчивой там, где преобладало именно зерновое хозяйство [Штаерман, 1964, с. 76; Кузищин, 1966, с. 199].

Рис. 22. Надпись о продаже или аренде земли. III в. до н. э. Фото из НА НЗХТ.

Нельзя исключить и того, что в качестве арендаторов земли выступали неграждане, переселившиеся в Херсонес из других районов [Кадеев, 1981, с.127; Зубарь, 1982, с. 119 – 120; Журавлев, Зубарь, Сорочан, 2004, с. 223 - 253] и вынужденные искать средства к существованию [ср.: Зубарь, 1993, с. 79; Николаенко, 1998, с. 87 - 88]. Об этом косвенно свидетельствует появление на Гераклейском полуострове в первые века н. э. стационарных могильников, чего не было ранее. К эллинистическому периоду сейчас можно отнести лишь отдельные захоронения III – II вв. до н. э. у Карантинной бухты, а также между Загородной и Карантинной балками [Стржелецкий, 1948, с. 60 – 63; 1959, с. 149 – 150; Николаенко, 2001, с. 61, № 108; с. 76, № 160, с. 78, № 166].

В первые века н. э. положение меняется, и на размежеванной территории появляются стационарные могильники, в которых умершие хоронились на протяжении сравнительно длительного времени.

В начале XX в. Д. Шпаком на Каранских высотах, на размежеванной территории, открыты остатки какого-то здания и следы «крематория», связанного с сожжением умерших [Николаенко, 2001, с. 144 – 145, № 400б]. Но описание обнаруженных строительных остатков и материала не позволяет даже приблизительно датировать и атрибутировать этот памятник [см.: Бертье-Делагард, 1906, с. 250 – 251], хотя и возможно, что на месте усадьбы эллинистического периода позднее могли совершаться захоронения по обряду кремации.

В 1924 г. экспедиция И. Н. Бороздина в южной части Гераклейского полуострова, поблизости мыса Лермонтова, на территории земельного участка № 351, провела разведочные работы, в результате которых в могилах, вырубленных в скале, обнаружено 11 трупоположений и одна кремация. Погребальный инвентарь из могил позволил отнести их к первым вв. н. э. [Бороздин, 1925, с. 21 – 24; Николаенко, 2001, с. 131 - 132].

В 1949 г. С. Ф. Стржелецким на водоразделе к востоку от верховьев Казачьей бухты зафиксирован могильник, где раскопана плитовая могила, впущенная в материк. В ней совершено коллективное захоронение, где обнаружено четыре светильника, три краснолаковых и три стеклянных сосуда, монета времени правления императора Севера Александра (222 – 235 гг.), которая отчеканена в Ольвии. Захоронения датированы II – III вв. н. э. [Стржелецкий, 1949 – 1955, мог. № 20; Зубарь, 1993, с. 78; Николаенко, 2001, с. 29, № 36].

Г. М. Николаенко в одной из своих работ писала, что «…на территории площадью около 200 га, на которой между бухтами Омегой и Камышовой в эллинистический период располагалось 8 наделов, густо покрытых виноградниками, в первых веках н.э. в междурядьях производятся погребения. По данным аэрофотосъемки, подтвержденными раскопками, погребения римского времени занимали пятую часть этой территории» [Николаенко, 1998, с. 84], т. е. 40 га (!?!). Но в каталоге памятников Гераклейского полуострова, изданном через несколько лет, отмечено наличие всего нескольких захоронений II – III вв. н.э. на двух земельных участках [Николаенко, 2001, с. 11, № 6; с. 17, № 12; ср.: Николаенко, 1998, с. 85]. В одном из них обнаружена херсонесская монета 161 – 180 гг. н.э. [Николаенко, 2001, с. 11, № 6]. Но материал погребений на земельном участке № 12 так и не опубликован.

В 2000 и 2002 гг. в ходе раскопок на высоте Безымянная, находящейся в южной части Гераклейского полуострова, в шурфах на территории многослойного памятника, обнаружено четыре захоронения взрослых и двух детей [см.: Rabinowitz, Yashaeva, Nikolaenko, 2005, p. 148, 151]. Вполне возможно они свидетельствуют о наличии могильника, связанного с постройками первых веков н.э. Но до полной публикации результатов раскопок утверждать, что захоронения относятся именно к этому времени, преждевременно.

В 2004 г. А. А. Филиппенко под руководством Г. М. Николаенко на территории застройки жилого микрорайона «Омега-2А», на земельном участке № 6, раскопал шесть вырубленных в скале могил, которые перекрыты каменными насыпями [Николаенко, Филиппенко, 2004; Иванов, 2004]. Материалы этих раскопок введены в научный оборот, сначала в материалах III Судакской конференции, а затем в расширенном варианте в сборнике, где изданы статьи по материалам ее работы. В публикацию результатов работ 2004 г. добавлены данные по четырем захоронениям, открытым на этом земельном наделе в 1991 г. и относящимся к этому же могильнику. Погребения датированы второй половиной II – началом III вв. н.э. Инвентарь, обнаруженный в них и забитые камнем могильные ямы, по мнению Г. М. Николаенко и А. А. Филиппенко, характерны для позднескифских могильников. А деформированные черепа, отмеченные в двух погребениях, свидетельствуют о негреческой этнической принадлежности погребенных [Николаенко, Филиппенко, 2006, с. 270 – 274; 2008, с. 503 – 514]. Авторы публикаций также отметили, что, судя по наличию этого памятника и другим данным, Гераклейский полуостров в первые века н. э. уже не представлял собой единой агросистемы. Теперь здесь располагалась сеть отдельных усадеб, хуторов и поселков, обитателям одного из которых принадлежал раскопанный могильник [Николаенко, Филиппенко, 2006, с. 274; 2008, с. 510 – 513].

С таким выводом нельзя не согласиться. Это наблюдение на конкретном материале опровергает утвердившуюся точку зрения, согласно которой система размежевки Гераклейского полуострова, хотя и потеряла первоначальную четкость, функционировала в своей основе вплоть до позднеантичного периода [Стржелецкий, 1961, с. 133; Кругликова, 1981, с. 14 - 16; Савеля, 1971, с. 163; Зубарь, 1993, с. 32, 35 – 36; 2007, с. 203; Николаенко, 1998, с. 84]. Естественно, заключение Г. М. Николаенко и А. А. Филиппенко требует конкретизации и выделения памятников, которые могут относиться к категориям хуторов и поселков [ср.: Николаенко, Филиппенко, 2006, с. 274]. И это задача в первую очередь исследователей, которые работают под руководством Г. М. Николаенко. Но с сожалением приходится констатировать, что вряд ли сейчас можно на конкретном материале детализировать столь важное заключение. Раскопки памятников сельскохозяйственной округи Херсонеса под руководством Г. М. Николаенко велись и ведутся крайне неудовлетворительно, что стало основной причиной потери огромного объема информации, полученной в ходе работ Гераклейской экспедиции [подр. см.: Зубарь, 2007, с. 199 - 202; Буйских, 2008, с. 239].

Самым большим и лучше всего исследованным памятником первых веков н. э. на Гераклейском полуострове, безусловно, является усадебный комплекс на земельном участке 227 (южная), раскопанный экспедицией исторического факультета МГУ в 1976 – 1987 гг. на уровне требований своего времени (рис. 21). В ходе полевых работ систематически проводились обработка

и анализ полученного материала, что позволило после окончания раскопок опубликовать полученные результаты. В строительных остатках памятника выделено пять строительных периодов и установлено, что первые постройки здесь появились в эллинистический период, а во II – III вв. н. э. площадь усадьбы увеличилась за счет пристройки новых дворов с окружавшими их помещениями [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 217 – 220, 223]. Параллельно с раскопками усадьбы проводились работы по выявлению приблизительной площади земельных угодий, которые использовались хозяевами этого комплекса. На основании изучения окрестностей усадьбы исследователи пришли к заключению, что общая площадь земли этого хозяйства, названного «поместьем Басилида», составляла в период максимального его развития от 300 до 400 га [подр. см.: Кузищин, Иванчик, 1998, с. 205 – 233].

Естественно, предложенные размеры этого землевладения весьма приблизительные, но, вне всякого сомнения, они, как и площадь усадьбы на этом участке [см.: Буйских, 2008, с. 252], значительно превышают средние размеры земельных владений, зафиксированные до настоящего времени на Гераклейском полуострове. Поэтому эту усадьбу следует рассматривать в качестве центра крупного землевладения и уникального на хоре города первых веков н.э., где в количественном отношении преобладали хозяйства, располагавшие сравнительно небольшими земельным фондом [см.: Зубарь, 1993, с. 33 – 34].

Судя по имеющимся данным, в первые века н. э. на Гераклейском полуострове в количественном отношении преобладали хозяйства, которые на основе размеров усадеб достаточно условно можно отнести к средним. Их центрами являлись усадебные комплексы, располагавшиеся на месте построек, возникших еще в эллинистический период, но перестроенные в связи с новыми задачами хозяйственной деятельности. Г. М. Николаенко называла такие памятники отдельно стоящими усадьбами, укрепленными башнями, назначением которых была защита хозяев от нападения варваров [Николаенко, 1988, с. 203; 1998, с. 85]. Но центральное сооружение на таких усадьбах называть башней неправомерно, так как этот термин не отражает его функционального назначения. Теперь установлено, что так называемые башни усадеб не выполняли исключительно оборонительных функций, а имели хозяйственное и жилое назначение, но в случае необходимости могли на короткое время защитить своих обитателей [Буйских, 2008, с. 145 – 146; ср.: Кругликова, 1983, с. 45; Ковалевская, Суханова, 2006, с. 215]. Поэтому их более правильнее называть домами башенного типа или башней-домом [Крыжицкий, 1982, с. 56 – 57; Кругликова, 1983, с. 46]. А категорию таких памятников лучше именовать усадьбами с домом башенного типа и двором, вокруг которого размещались хозяйственные помещения [ср.: Буйских, 2008, с. 141 – 144] (рис. 23).

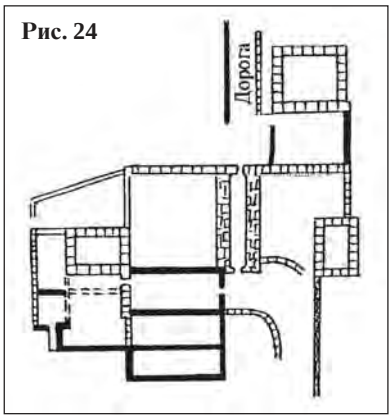
К комплексам этого типа можно отнести усадьбу № 32 на правом берегу Камышовой бухты [Николаенко, 2001, с. 26, № 32; Яшаева, Денисова, 2005, л. 49 – 50; Зубарь, 2007, с. 84, 92] и памятники в южной части Гераклейского

полуострова. Это усадьба на земельном участке № 310 в Юхариной балке [Бороздин, 1925, с. 15 – 17; Николаенко, 2001, с. 117 – 118, № 310; Зубарь, 2007, с. 22 - 23], две усадьбы на земельном участке № 313, с южной стороны мыса Виноградный [Николаенко, 1988, с. 206 – 207; 2001, с. 119, № 313], постройки на участке № 338 на юго-западном склоне Сарандинакиной балки [Ковалевская, Сарновски, 2003, с. 49 – 53; Ковалевская, Суханова, 2006, с. 49 – 53] и участке № 340 (341) на господствующей высоте северного склона Верхне-Юхариной балки [Ковалевская, 1994, с. 137 – 141; 1997, с. 69 -70; 1997а, с. 47 – 48; 1998, с. 90, 93; 2007, с. 69 – 70; Ковалевская, Шевченко, 2003, с. 89 – 91]. Видимо, еще на ряде усадебных комплексов с домами башенного типа, построенными в эллинистический период, жизнь в первые века н. э. также продолжалась. Но до публикации материалов раскопок на Гераклейском полуострове утверждать этого однозначно нельзя.

Рис. 23. Усадьба с домом башенного типа земельного участка № 338. Реконструкция Л. А. Ковалевской и Я. Канишевски.

Продолжали функционировать комплексы построек на земельных участках № 347 и № 335 в балке Бермана [Гриневич, 1928, с. 34 – 71; 1929, с. 43 – 44; Суров, 1942, с. 97; Николаенко, 2001, с. 129 – 131; Зубарь, 2007, с. 27 - 30] и Хомутовой балке [Николаенко, 2001, с. 124 – 125; Зубарь, 2007, с. 90 - 92]. Их Г. М. Николаенко определяла как укрепления [Николаенко, 1988, с. 203 – 206; 1998, с. 83; ср.: Сапрыкин, 2005, с. 164]. С ее точки зрения, в Хомутовой балке открыта поселенческая структура с несколькими башнями, пространство между которыми застроено жилыми и хозяйственными помещениями [Николаенко, 1988, с. 205 – 206; 2001, с. 125]. Но это не так.

Судя по плану Фр. Дюбуа де Монпере и результатам работ Гераклейской экспедиции [Зубарь, 2007, с. 91, рис. 83, 84] (рис. 24), здесь, как и в балке Бермана, находилось несколько обычных для хоры Херсонеса усадеб, располагавшихся впритык друг к другу. Поэтому их следует рассматривать в качестве одного из типов поселенческих структур, появившихся на хоре Херсонеса еще в эллинистический период. Такие поселения состояли из ряда обычных сельскохозяйственных усадеб, состоявших из домов-башен и расположенных вокруг них дворов с хозяйственными помещениями, которые блокировались



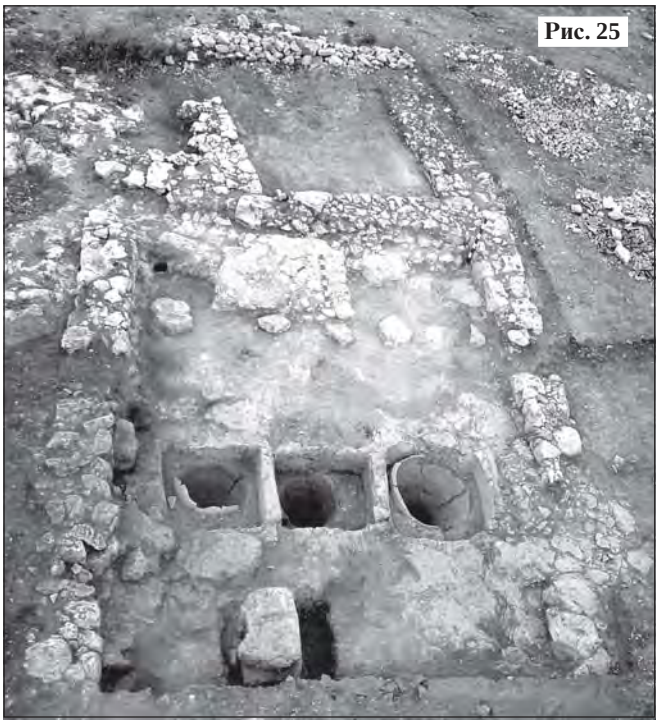


Рис. 24. План комплекса в Хомутовой балке Фр. Дюбуа де Монпере, по Г. М. Николаенко.
Рис. 25. Остатки винодельческого комплекса первых веков н. э. на усадьбе земельного участка № 340 (341). Раскопки И. Ю. Сухановой и Л. А. Ковалевской. Фото 2006 г. любезно предоставлено для публикации И. Ю. Сухановой.

по квартальному принципу [Буйських, Зубар, 2007а, с. 20], хорошо известному в строительной практике на территории Херсонесского государства [подр. см.: Зубарь, Буйских, 2006, с. 22 – 23; Буйських, Зубар, 2007а, с. 20 - 21; Буйских, 2008, с. 148 – 154]. Такое расположение усадеб, как на это обратил внимание еще Фр. Дюбуа де Монпере, диктовалось расположением в этих местах источников воды [Николаенко, 1988, с. 205; 2001, с. 125]. Блокировка в таких местах усадеб позволяла облегчить доставку воды в хозяйства и гарантировала более надежную защиту жизненно важных для всех членов гражданской общины Херсонеса водных источников. Следует также подчеркнуть, что в ходе раскопок на территории ряда усадеб первых веков н.э. открыты остатки виноделен [Николаенко, 2001, №№ 32, 340, 347], что свидетельствует о сохранении на Гераклейском полуострове традиционного для более раннего времени товарного производства вина (рис. 25).

Известны на хоре Херсонеса и усадьбы, где отсутствовал дом-башня. Их Г.М. Николаенко называла неукрепленными. К этому типу она первоначально отнесла постройки, исследованные В. П. Лисиным на восточном берегу Камышовой бухты [Николаенко, 1988, с. 208], а затем, ссылаясь на него, атрибутировала этот памятник как неукрепленное прибрежное поселение [Николаенко, 1998, с. 85]. Действительно, В. П. Лисин принял разные помещения одной усадьбы, на которой отсутствовали следы дома башенного типа, за поселение, но в то же

время отметил, что «разведки, проводившиеся во все стороны от этого поселения, не обнаружили его продолжения» [Лисин, 1939, с. 139] (рис. 26).[2] Позднее Г.М. Николаенко вновь вернулась к первоначальной точке зрения и указала, что это усадебный комплекс, на территории которого «строительные остатки нескольких помещений располагались по периметру усадьбы» [Николаенко, 2001, с. 9]. К категории поселений она также сначала относила постройки на земельных участках 32 и 33 [Николаенко, 1998, с. 85], но впоследствии от этого вывода отказалась [Николаенко, 2001, с. 26 – 27, № 32, с. 28, № 33].

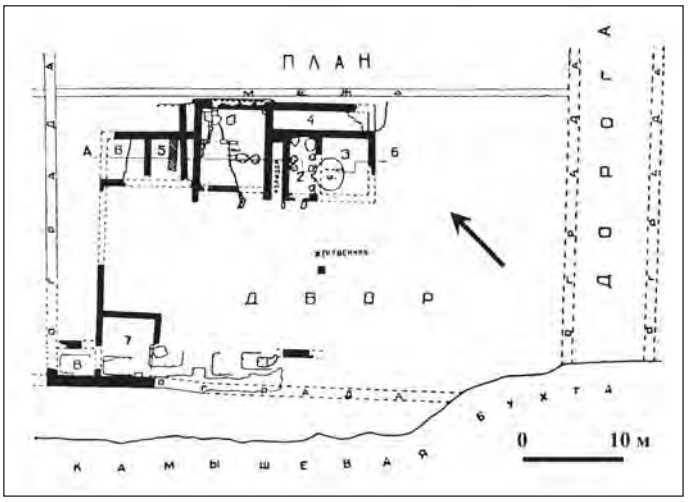


Рис. 26. План усадьбы раскопанной В. П. Лисиным на берегу Камышовой бухты в 1937 г. по С. Ф. Стржелецкому.

Неукрепленной усадьбой Г. М. Николаенко считала постройку в верховье Стрелецкой бухты, у хутора Молочного, которая находилась на земельном наделе № 172 (старый № 106). Она полагала, что период наиболее интенсивной жизни на этой усадьбе следует относить ко II – III вв. н. э. [Николаенко, 1988, с. 208]. Но в каталоге земельных участков уже о первых веках н.э. не упоминала, а лишь привела фото винодельни без какой-либо датировки [Николаенко, 2001, № 172 с. 79 - 80].

По данным Л. А. Ковалевской, которая участвовала в раскопках этого памятника, здесь зафиксированы две усадьбы, «Северная» и «Южная», три винодельни и гончарная печь. Эти постройки функционировали наиболее интенсивно как единый комплекс в эллинистический период. В первые века н.э. хозяйственная деятельность обитателей комплекса значительно сокращается, а ее следы фиксируются только в двух помещениях [Ковалевская, 1987, с. 27; 2001, 58 – 61; 2005, с. 263 – 272]. Причем керамический комплекс из помещений усадьбы «Южная» отнесен к эллинистическому периоду [Ковалевская, 2001, с. 58 – 61; 2005, с. 263 – 272].

Г. М. Николаенко, Л. А. Ковалевской и Е. Ю. Клениной предложено несколько типологических классификаций памятников первых веков н.э. сельской

[2] Поселением в той же работе В. П. Лисин назвал и строительные остатки усадьбы, открытые А. К. Тахтаем на северном склоне и гребне мыса между Песочной и Стрелецкими бухтами в 1937 г. [Лисин, 1939, с. 137 – 138; ср.: Николаенко, 2001, с. 52, № 87].

Рис. 27. Усадьба эллинистического периода с домом башенного типа земельного участка 226 (151). Фото К. Вильямса.

округи Херсонеса на Гераклейском полуострове, в том числе и усадебных комплексов [Николаенко, 1988, с. 203; Ковалевская, 1999, с. 49—53; Кленина, 2004, с. 15]. Но все эти классификации несовершенны и имеют слабые стороны, поэтому ни одна из них не может считаться универсальной и быть принята [подр. см.: Буйских, 2008, с. 239 – 242]. Можно более или менее уверенно говорить лишь о том, что в первые века н. э. существовавшие ранее усадьбы отстраиваются и частично перестраиваются. Но эти работы не внесли существенных изменений в их планировочное решение, а, следовательно, и в типологию этой категории памятников эллинистического периода [подр. см.: Буйских, 2008, с. 139 – 161]. Усадебные постройки в первые века н. э. в своей массе лишь адаптируются к требованиям времени, а заложенные ранее строительные традиции получают дальнейшее развитие [подр. см.: Буйских, 2008, с. 242]. Иными словами, в строительной деятельности на хоре Херсонеса прослеживается континуитет. Поэтому об отдельной типологии усадеб для первых веков н. э., видимо, говорить пока рано, а следует использовать единую классификацию усадебных комплексов для всей античной эпохи.

Несколько слов следует сказать о типологии усадебных комплексов, предложенной А. В. Буйских, которая в ее основу положила не наличие или отсутствие на усадьбе так называемой башни, а планировочный принцип. Но, если «башни» интерпретировать в качестве домов башенного типа, с чем в принципе согласна А. В. Буйских, то именно это сооружение следует рассматривать в качестве базового при типологической характеристике усадебных комплексов [см.: Буйских, 2008, с. 139]. Результаты археологических работ на Гераклейском полуострове показали, что дома башенного типа являлись наиболее ранними постройками, и лишь несколько позднее вокруг них появляются дворы и хозяйственные помещения [см.: Бороздин, 1925, с. 15 – 17; Кругликова, 1983, с. 45; Кузищин, Иванчик. 1998, с. 215; Carter, Crawford, Lehman, Nikolaenko, Trelogan, 2000, p.724 – 725; Crimean, 2003, p. 125 – 126; Ковалевская, Сарновски, 2003, с. 103 – 105; Ковалевская, 2007, с. 138] (рис. 27). Следовательно, именно они являются главным типообразующим признаком, и усадьбы, очевидно, должны подразделяться на комплексы

с домом-башней и без него, что могло зависеть от функционального назначения комплекса, а для более дробной классификации использовать планировочный принцип, как это предлагает А. В. Буйских [Буйских, 2008, с. 139]. Она рассматривает «башню» не как фортификационное сооружение, а в первую очередь в качестве жилищно-хозяйственной постройки [Буйских, 2008, с. 145 – 146]. Но в предложенной новой классификации использует термин «башня» [подр. см.: Буйских, 2008, с. 139 – 146], вольно или невольно следуя за своими оппонентами, что вряд ли можно считать оправданным.

Рис. 28. Строительные остатки комплекса на земельном участке № 402 (высота Безымянная). Фото К. Вильямса.

Еще на одном памятнике, расположенном на земельном участке № 402 на восточном гребне Каранских высот [Николаенко, 2001, с. 145 – 146], который раскапывался совместной экспедицией Херсонесского заповедника и Института классической археологии Техасского университета, зафиксированы материалы первых веков н. э. и монета времени правления императора Севера Александра (222 – 235 гг.) [Thompson, 2000, p. 31 – 42; Carter, Crawford, Lehman, Nikolaenko, Trelogan, 2000, p. 707 – 741; Arthur, 2002, p. 43 – 47; Rabinowitz, Yashaeva, Nikolaenko, 2002. p. 9 – 17; Crimean, 2003, p. 130 – 132; Сапрыкин, 2005, с. 140] (рис. 28). Но пока результаты этих работ опубликованы только в информационных изданиях, нельзя сказать ничего определенного о типе сооружения, находившегося здесь, а тем более считать его римско-византийским укреплением [Зубарь, 2007, с. 121; ср.: Carter, Crawford, Lehman, Nikolaenko, Trelogan, 2000, p. 735; Crimean, 2003, p. 132].

Как уже говорилось, на 35 земельных участках Гераклейского полуострове зафиксировано только 39 усадебных комплексов, где обнаружены материалы первых веков н. э. Поэтому можно предположить, что на значительном количестве землевладений граждан какие-либо постройки отсутствовали. К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении материал не позволяет опереться на количественные показатели, так как, за исключением усадеб, территория земельных участков изучена крайне поверхностно. Но, как представляется, такое положение может косвенно свидетельствовать в пользу вывода

Рис. 29. Общий вид раскопок римской башни на высоте Казацкая. Фото НА ИА НАНУ 2001 г. Публикуется с любезного разрешения Т. Сарновски.

о преобладании, как и в эллинистический период, на Гераклейском полуострове мелкого землевладения.

В связи с этим следует обратить внимание на скопления мелкого камня на земельных участках, которые обычно называются курганами с каменными насыпями и датируются в целом античной эпохой [Николаенко, 2001, с. 68 – 69, № 135; с. 70; № 139, с. 69 - 70, №№ 138, 140, 140а; с. 91, № 216; с. 139 – 140, № 386]. Под частью таких насыпей могли находиться захоронения эпохи бронзы или первых веков н. э. и не раскопанные усадьбы [ср.: Николаенко, 2001, с. 50, № 84; с. 71, № 143; с. 72, № 148; с. 81, № 176]. Но часть таких скоплений, безусловно, образовалась вследствие разборки плантажных стенок виноградников при подготовке площадей под посевы новых культур и перепрофилировании хозяйств [Стржелецкий, 1959, с. 152; ср.: Николаенко, 2001, с. 28, № 33]. Это позволяет уверенно говорить о продолжении использования размежеванной территории для сельскохозяйственной деятельности и о ее важном значении для экономики города [ср.: Николаенко, 1998, с. 85]. В пользу этого в первую очередь свидетельствует топография расположения римских сигнальных башен и опорного пункта у восточной границы размежеванных земель, где находились землевладения херсонеситов.

На восточной границе Гераклейского полуострова, на высоте Казацкая, замыкающей с севера плато Сапун-горы, зафиксированы остатки римской сигнальной башни, построенной во II в. и оставленной гарнизоном не позднее середины - начала второй половины III в. [Савеля, 1993, с. 122 – 123; 1997, с. 91 – 92] (рис. 29). Видимо, аналогичное сооружение II – III вв. исследовано в 2004 – 2006 гг. совместной экспедицией заповедника и Института археологии Варшавского университета под руководством О. Я. Савели и Т. Сарновски в урочище Кавказ-Баир на восточном склоне Сапун-горы [Савеля, Сарновски, 2004; Савеля, Сарновски, Демьянчук, Нессель, Савеля, Канишевски, 2005; Савеля, Сарновски, Нессель, 2006].

Материалы из раскопок этих памятников еще полностью не опубликованы, но они свидетельствуют, что на восточной границе Гераклейского полуострова римлянами, видимо, не ранее середины II в. построена цепь сигнальных башен по образцу тех, которые располагались на классических римских

лимесах (рис. 30). Сказанное подтверждается наличием следов, вероятно, такой же постройки, отмеченных в 1925 г. Л. Н. Соловьевым на высоте Суздальской, на расстоянии одной римской мили к северу от высоты Казацкой, а, возможно, и башни на гребне южного склона г. Карагач [Николаенко, 2001, с. 147, № 408; Зубарь, 2000, с. 54].

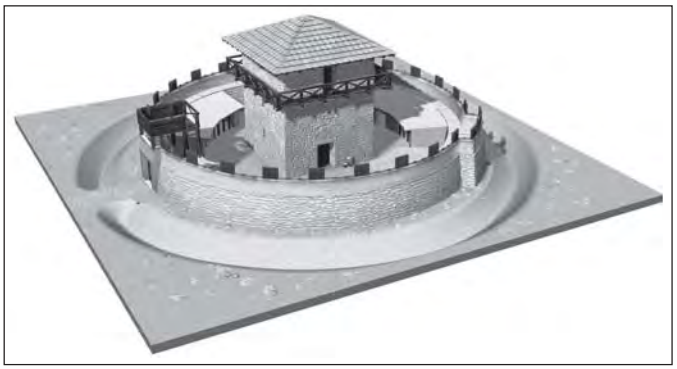


Рис. 30. Римская сигнальная башня на высоте Казацкая. Реконструкция по материалам раскопок Т. Сарновски и Я. Канишевски.

Цепь сигнальных башен на восточной границе Гераклейского полуострова органически дополнял римский опорный пункт, находившийся на окраине современной Балаклавы, построенный около середины II в. н. э. и функционировавший, по крайней мере, до конца первой четверти III в. [подр. см.: Савеля, 1994, с. 237 – 238; 1997, с. 89 – 91; Зубар, Сарновський, Савеля, 1997, с. 67 – 76; Sarnowski, Savelja, 1998, S. 21 – 33; Sarnowski, Zubar, Savelja, 1998, S. 321 – 332; Зубарь, Сарновский, Савеля, 1999, с. 197 – 207; Сарновски, Савеля, 2000; Крижицький, Зубар, 2000, с. 119; Крыжицкий, Зубарь, 2002, с. 92 – 113; Зубарь, 2004а, с. 110 – 111; ср.: Сапрыкин, 2005, с. 151 – 152, 162]. Расквартированные здесь войска не только контролировали подходы к стратегически важной бухте, но и в случае необходимости могли нанести удар по варварам, угрожавшим сельскохозяйственной территории Херсонесского государства на Гераклейском полуострове [Зубарь, 2000, с. 56 – 59; 2004а, с. 105 - 123].

Разведки, проведенные к западу от Балаклавской бухты, в районе скалы Мытилино, урочища Доляны, Васильевской балки и западного склона горы Псилерахи, в ходе которых выявлены памятники первых веков н. э., позволили А. В. Иванову в осторожной форме писать о наличие во II – III вв. н. э. в районе скалы Мытилино римского наблюдательного поста [подр. см.: Иванов, 1994, с. 55 – 56; 1997, с. 47- 52, рис. 2; 2000; 2001, с. 231 - 232]. Косвенно в пользу такого заключения свидетельствуют переданные жителями г. Балаклавы в 1958 г. в Херсонесский музей красноглиняный кувшинчик и рубчатый светильник II – III вв. н.э., вероятно, обнаруженные в одном из разрушенных погребений в долине на западном берегу Балаклавской бухты [Маликов, 1958, л. 1-4]. Следовательно, район современной Балаклавы и хорошо защищенная бухта были, по всей видимости, надежно взяты под контроль римскими войсками, что способствовало стабилизации обстановки в ближайших окрестностях Херсонеса.

Остатки римских сигнальных башен и опорного пункта на восточной границе земельных владений Херсонеса позволяют говорить, что вплоть до вывода

римских войск во второй – третьей четверти III в. вся территория Гераклейского полуострова до гребня Сапун-горы контролировалась римской администрацией и гражданской общиной Херсонеса [Зубарь, 2004а, с. 175 – 178; Сапрыкин, 2005, с. 154, 160 - 161]. Это противоречит утверждению, что в первые века н. э. в хозяйствах Гераклейского полуострова «земледелие, виноградарство и злаковые уходят на второй план» [Николаенко, 1998, с. 85], т. е. удельный вес сельскохозяйственного производства в экономике резко сокращается.

В первые века н.э. наблюдаются определенные изменения в направлении экономических связей Херсонеса, в том числе и с варварским населением Таврики, в сравнении с предшествовавшим периодом. Динамика этих экономических контактов реконструируется следующим образом. В IV – III вв. до н.э. вывоз товарного вина, производившегося из винограда, выращенного на Гераклейском полуострове, осуществлялся главным образом к греческому населению Северо-Западной Таврики, в Ольвию и Подонье, откуда оно поступало к варварскому населению степной зоны Северного Причерноморья [Зубарь, 1993, с. 49 – 52]. Нестабильные, а порой и враждебные отношения Херсонеса со скифами Таврики в III – II вв. до н.э. самым непосредственным образом сказались на интенсивности и объемах торговли с населением центральной и юго-западной ее части. В этом отношении показательно, что родосское вино в Неаполь Скифский в это время привозилось не из Херсонеса, а из Ольвии [Зубарь, 1993, с. 51 с литературой]. На протяжении I в. до н.э. – I в. н.э. торговля Херсонеса с населением Таврики не была значительной и не носила устойчивого характера.

В первых вв. н. э., после потери Херсонесом земель в северо-западной части Таврического полуострова и спада внешнеторговой активности в конце II – первой половине I вв. до н.э., положение изменилось. Со второй половины I в. н.э., когда наблюдается стабилизация внешнеполитической обстановки после похода Т. Плавтия Сильвана [ср.: Сапрыкин, 2005, с. 141], объем античного экспорта в Юго-Западную Таврику, который шел через Херсонес, увеличивается. Античная продукция и товары начинают в значительных объемах и регулярно поступать к обитателям юго-западной и южной части Таврического полуострова. Причем, наряду с привозной, с середины II в. н. э. в объеме экспорта увеличивается количество продукции ремесленных мастерских Херсонеса. Наиболее интенсивные экономические связи поддерживались городом с населением междуречья Альмы, Качи, Бодрака, Бельбекской, Инкерманской и Байдарской долин [Зубарь, 1993, с. 54 – 56; Журавлев, Зубарь, Сорочан, 2004, с. 199, 20 с литературой]. Об этом свидетельствует увеличение в первые века н. э. количества памятников в указанных районах, выявленных в ходе археологических разведок в окрестностях г. Севастополя, которые были начаты С. Ф. Стржелецким [см.: Стржелецкий, 1954] и систематически проводились со второй половины 60-х гг. XX в. под руководством О. Я. Савели. К сожалению, результаты этой важной работы до сих пор не проанализированы и не опубликованы. Но данные, имеющиеся в информационных изданиях и

отчетах, все же позволяют получить достаточно четкую картину количественного роста населения в ближайшей округе, контролировавшейся Херсонесом, а с середины II в. н. э. римскими войсками.

Наибольшая концентрация памятников рубежа и первых трех веков н. э. отмечена на склонах долины р. Бельбек, а также на прилегающей к ней территории [Савеля, 1964 – 1965, л. 17 – 18; 1974, с. 337 – 338; 1978; Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 – 284; Савеля, Черных, 1979, с. 398 – 399; Романчук, Омелькова, Пелевина, Ковалев, 1979, с. 395; Омелькова, 1978; 1980, с. 316 – 317; 1981, с. 294]. Особенно много их зафиксировано у с. Верхне-Садовое [Савеля, 1968, с. 201 – 202].

Помимо поселений, в междуречье рек Бельбек и Кача раскопаны два могильника. В 1982 г. в 4,5 км на северо-восток от поселка Любимовка Нахимовского района г. Севастополя исследован курган эпохи бронзы, который являлся самым южным в курганной группе Мамай-Оба. Часть насыпи во время строительных работ снесена еще в 60-х гг. XX в., поэтому раскапывалась только южная его пола, которая разрушена при закладке плантажа виноградника совхоза им. Софьи Перовской [Савеля, Пахалков, 1982, л. 31 – 42]. В кургане открыто восемь впускных сарматских погребений второй половины I – начала II вв. н.э., но их подавляющее большинство относилось ко второй половине I в. н.э. На основании анализа полученных результатов и привлечения сравнительных материалов сделан вывод о притоке и оседании в Юго-Западном Крыму и в ближайших окрестностях Херсонеса носителей сарматской археологической культуры [Зубар, Савеля, 1989, с. 74 - 83].

Второй могильник исследован в 2000 г. на правом берегу р. Бельбек, у с. Вишневое Нахимовского района г. Севастополя, где расчищено 17 разнотипных погребальных сооружений, которые датируются первыми веками н.э. [Туровский, 2000]. К сожалению, материалы работ на этом памятнике не опубликованы, а в отчете отсутствуют его датировка и точная локализация. Но, судя по отчету, этот могильник оставлен варварским населением, которое экономически было тесно связано с Херсонесом.

Еще одним районом, где концентрировались поселения первых веков н.э., являлись Микензиевы горы и их окрестности, где остатки, скорее всего, поселений зафиксированы на склонах Камышловской, Транзитной, Графской и Мартыновой балок, у II кордона лесничества и у дер. Терновки [Савеля, 1968, с. 201 – 202; 1969, с. 289 – 290; 1978; 1986, с. 300 – 301; Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 – 284; Савеля, Черных, 1979, с. 398 – 399]. Следы поселений обнаружены в окрестностях горы Гасфорт, в Балаклавской и Варнутской долинах [Савеля, 1980, с. 334 – 335; 1983, л. 24; 1987б, л. 51 – 59].

В первые века н. э. освоена была и Инкерманская долина, где в могильнике у совхоза «Севастопольский» погребения начинают совершаться в конце I – II вв. н. э. Хотя вряд ли можно согласиться, что этот могильник принадлежал какому-то греческому поселению, тесно связанному с Херсонесом

[ср.: Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004, с. 189]. Скорее, его оставило эллинизованное население, которое активно поддерживало разносторонние контакты с этим центром.

Такое размещение оседлого населения в окрестностях города, занятого земледелием, и его экономические связи с ним, прослеженные по археологическому материалу, свидетельствуют, что сокращение собственного сельскохозяйственного производства компенсировалось поступлением продуктов этой отрасли производства с сопредельных территорий [ср.: Кадеев, Сорочан, 1989, с. 12, 81]. Это позволяло удовлетворить потребности в продуктах питания количественно увеличившее население города и экспортировать его в другие античные центры [Зубарь, 1993, с. 34, 55 - 56].

Расширение торговых связей Херсонеса во второй половине II - первой половине III вв. н. э. хронологически совпадает с размещением римских гарнизонов в ряде пунктов Юго-Западной и Южной Таврике [ср.: Сапрыкин, 2005, с. 154]. В этом отношении весьма показательно, что наибольшие объемы античного импорта II – III вв. н. э. фиксируются к югу от р. Альмы, по течению которой в это время, вероятно, проходила граница территории, контролировавшейся римской военной администрацией [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 84, 88; Зубарь, 1993, с. 55 – 56, 113; 2004а, с. 168 – 175; Журавлев, Зубарь, Сорочан, 2004, с. 201].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что новый экономический подъем во второй половине II – первой половине III вв. был обусловлен не расширением земледельческой территории или интенсификацией сельскохозяйственного производства, а вовлечением в сферу экономической деятельности населения и ресурсов близлежащих территорий. Поступление в Херсонес продукции сельского хозяйства извне стимулировало развитие товарной составляющей местного ремесленного производства и внешней торговли, а также расширение и углубление товарно-денежных отношений [Зубарь, 1993, с. 113; Журавлев, Сорочан, Зубарь, 2004, с. 201 – 202; Сапрыкин. 2005, с. 154, 160 - 161]. В Херсонесе II – III вв. н. э. фиксируется увеличение удельного веса хозяйств, деятельность которых теперь не была прямо связана с сельскохозяйственным производством [см.: Зубарь, 1993, с. 118 – 119]. Однако имеющийся материал позволяет говорить, что Гераклейский полуостров до середины III в. н. э. оставался главной базой производства сельскохозяйственной продукции, хотя в первые века н. э. здесь происходят определенные изменения в характере землепользования, номенклатуре продукции и росте площадей, отводившихся под зерновые. Отмеченные явления свидетельствуют об определенной трансформации производственных отношений, хозяйственного развития и о начале качественных изменений в экономике в сравнении с предшествующим периодом.

Раскопки, проведенные на ряде усадебных комплексов Гераклейского полуострова, позволили проследить следы пожаров и перестроек, которые датируются достаточно широко, концом II – первой половиной III вв. н. э. [Ковалевская, 1994а, с. 18 – 19; 1998, с. 98] или серединой III в. н. э. [Кобелев, Ковалевс-

кая, Туровский, 1987, л. 22 – 73; Ковалевская, 1991, л. 1 – 27; 1993, л. 44 – 45; Кузищин, Иванчик, 1998, с. 220 – 221; Crimean, 2003, p. 130]. Время катастрофических явлений, отмеченных на хоре Херсонеса, в будущем необходимо уточнить на основе обработки массового керамического материала. Но сейчас можно предполагать, что *terminus post quem* для этого события может определяться ликвидацией, видимо, не ранее конца первой четверти III в. н.э., цепи сигнальных башен на восточной границе Гераклейского полуострова и опорного пункта на территории современной Балаклавы [подр. см.: Зубарь, 2004а, с. 175 – 178; ср.: Сапрыкин, 2005, с. 151 – 152, 162]. Только после этого усадьбы херсонеситов стали добычей варваров, которые со второй четверти III в. н. э. начинают оседать на землю в ближайших окрестностях города [подр. см.: Айбабин, 1999, с. 242 – 244; Зубарь, Сорочан, 2004, с. 495 – 499; Зубар, 2004б, с. 198 – 202; 2005в, с. 126 – 127; 2006, с. 76 - 78].

Рис. 31. Рыбозасолочные цистерны в XXV квартале. Раскопки Г. Д. Белова в 1965 – 1967 гг. Фото НА ИА НАНУ.

В отличие от сельскохозяйственной округи, на территории жилых кварталов Херсонеса следов пожаров и разрушений, которые можно отнести во времени около середины III в. н. э. пока не прослежено. Но, говоря об этом, следует иметь в виду, что культурные напластования и строительные остатки позднеантичного периода на территории городища практически не сохранились. Они снесены в ходе масштабного строительства, которое в настоящее время относятся ко второй половине VI – началу VII вв. [подр. см.: Сорочан, 2005, с. 753 - 756]. Этим же объясняется почти полное отсутствие данных о производственных комплексах, расположенных на территории города. Но о том, что они были, свидетельствуют остатки стеклоделательного производства и рыбозасолочные ванны, сооруженные в материковой скале (рис. 31).

В XXV квартале зафиксированы остатки стеклоделательного производства, которые представлены сбросом из стеклоделательной мастерской, состоявшим из бесформенных кусков стекла, фрагментов керамики с приставшей к ней стекломассой и бракованных изделий [Белов, 1965а, с. 237 – 239].

По мнению Г. Д. Белова, мастерская работала с конца III в. н. э. на протяжении всего IV в. н. э. [Белов, 1965а, с. 238; ср.: 1968а, с. 218 – 219; 1969а, с. 84; 1974, с. 90 – 91]. Но, учитывая, что в слое над сбросом материала из мастерской обнаружены керамика более позднего времени и монета времени правления императора Анастасия I (491 – 518 гг.) [Белов, 1965, л. 10 – 12], она могла функционировать и позднее. Остатки еще одной стеклоделательной мастерской с тремя печами открыты в 1967 г. под северо-восточной частью апсиды Базилики 1932 г. Она функционировала довольно долго и прекратила существование, по мнению Г. Д. Белова, в связи со строительством в VI в. Базилики 1932 г. [Белов, 1968, л. 11 – 12; ср.: 1969а, с. 80].

Датировка последней уточнена Л. А. Голофаст. На основании анализа керамического материала она пришла к заключению, что мастерская прекратила работать не ранее конца VI – начала VII вв. [Голофаст, 1997, с. 35 – 36; 1998, с. 312 - 326]. Это, вероятно, было связано с началом строительства Базилики 1932 г., о чем писал Г. Д. Белов [Белов, 1968, л. 11; 1969а, с. 80]. В пользу вывода Л. А. Голофаст о работе мастерских в V – VI вв. свидетельствуют и находки в подвале светильников так называемого сирийско-палестинского типа, которые встречаются в Херсонесе-Херсоне с монетами времени правления императора Юстиниана I (527 – 565 гг.) [Зубар, Рижов, 1982, с. 81 – 82, рис. 3, *3*; Зубарь, Сорочан, 1986, с. 119 – 120; Зубарь, Рыжов, Шевченко 1988, с. 152 – 153, рис. 4, *4 – 7*; Журавлев, 2007, с. 339 - 350].

В 1970 г. в северо-западной части Портового квартала 1 работы велись на площади нескольких позднесредневековых помещений. В одном из них зафиксирован слой, который относился к V в. н.э. Наряду с обломками краснолаковых сосудов, позднеантичных амфор и черепицы, найдено много фрагментов стеклянных кубков стандартных размеров, изготовленных из однородного стекла. Это позволило предположить, что все они сделаны в одной мастерской, которая могла функционировать на территории этого квартала [Даниленко, Романчук, 1971, с. 262].

Сейчас установлено, что рыбозасолочные цистерны работали в Херсонесе не только на протяжении первых веков н. э. [ср.: Белов, 1963, с. 64 - 66], но и в позднеантичный период, а также на протяжении периода раннего средневековья [Кадеев, 1970, с. 12; Романчук, 1973, с. 51 – 52; Рыжов, 1979, л. 14 – 15]. Прекращение их функционирования связано с масштабными перестройками на территории жилых кварталов, в ходе которого цистерны засыпались строительным мусором. Наиболее активно это происходило во второй половине VI – середине VII вв. [подр. см.: Белов, 1976, л. 3 – 5; 1977, л. 8 – 9; Рыжов, 1985, л. 39 – 42; 1989, л. 21 - 22; 1992, л. 3 – 6; 1997, л. 6 – 18; 2007, с. 6 – 8; Золотарев, 1983, л. 4; Романчук, 2000, с. 94; Гавритухин, 2002, с. 217 – 228]. Самой поздней пока является цистерна, раскопанная в 1989 г. в VII квартале. Она построена не ранее первой четверти VII в. н.э. и прекратила использоваться во второй половине X в. в связи с возведением на ее месте в конце X – начале XI вв. Базилики 1987 г. [Сазанов,

1989, л. 3 – 25; ср.: Золотарев, 1984, л. 8 – 9; Рыжов, 1998, л. 5 – 14; Романчук, 2000, с. 94 - 95] (рис. 32). Эти материалы подтверждают, что рыбозасолка в позднеантичный период продолжала оставаться важной составной экономики города. До VI в. н. э. на территории жилых кварталов функционировали и винодельческие комплексы, открытые в ходе раскопок Г. Д. Белова в Северном районе городища [подр. см.: Зубарь, Сорочан, 2004а, с. 547]. Все это, наряду с увеличением количества населения в горных районах и прилегающих к Гераклейскому полуострову долинах, занятого сельскохозяйственной деятельностью, не позволяет говорить об упадке местного ремесла. Херсонес-Херсон в позднеантичный период по-прежнему оставался крупным центром ремесленного производства и обмена [подр. см.: Зубарь, Сорочан, 2004а, с. 549 – 555; Сапрыкин, 2005, с. 171 - 173].

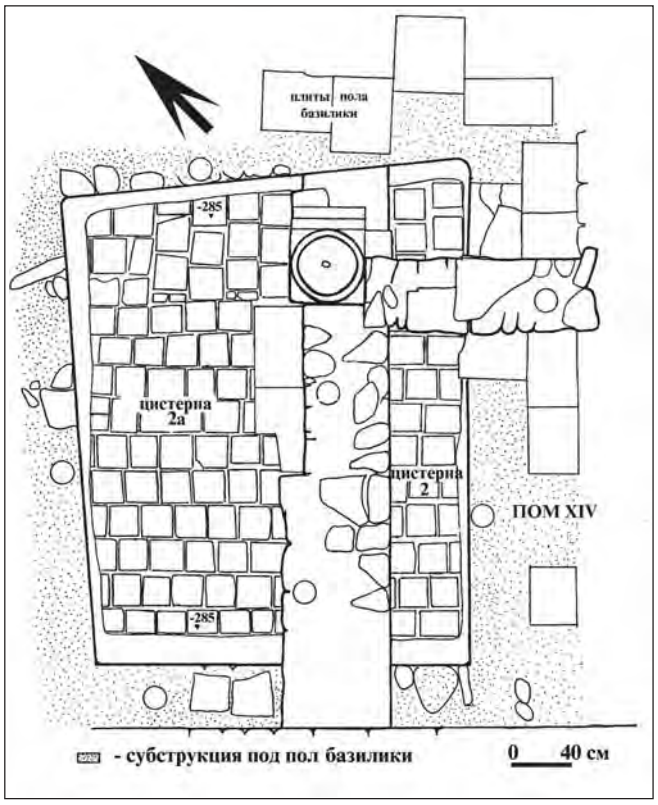


Рис. 32. План цистерны, раскопанной в 1989 г. в VII квартале, по А. В. Сазанову.

Сказанное хорошо согласуется с оживленными экономическими связями Херсонеса с населением Таврики, что прослеживается по археологическому материалу. Но со второй половины III в. н. э. происходят изменения в направлениях торговой деятельности [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 69]. Если раньше оживленные экономические контакты поддерживались с населением Юго-Западной Таврики [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 58 – 59], то в IV – V вв. н. э. преобладающими становятся связи с обитателями ближайшей округи города [Зубарь, 1993, с. 57; Зубарь, Сорочан, 2004а, с. 549 – 551], где с середины – второй половины III в. н.э. отмечено количественное увеличение населения. Этот процесс археологически зафиксирован не только в близлежащих долинах, но и в восточной части Гераклейского полуострова, где ранее располагались римские сигнальные башни и римский опорный пункт.

Следы поселений и могильники позднеантичного периода по материалам разведок зафиксированы в западной части Бельбекской долины и на левом берегу

Рис. 33. Общий вид раскопок поселения у поселка Верхне-Садовое. Фото НА НЗХТ.

р. Бельбек, к востоку от ст. Верхне-Садовое [Савеля, 1964 – 1965, л. 17 – 18; 1974, с. 337 – 338; 1978; Савеля, Черных, 1979, с. 398 – 399]. В окрестностях железнодорожной станции Верхне-Садовое отмечено наличие поселений II – IV вв. н.э. и конца IV – VIII вв. [Савеля, 1968, с. 201 – 202]. На южном берегу р. Бельбек находилось Камышловское поселение, которое по подъемному материалу датировано III – IV вв. н. э. [Романчук, Омелькова, 1978, с. 379].

Наиболее интересным является однослойный памятник на северо-восточной окраине с. Верхне-Садовое (быв. Дуванкой), в северной части лощины Кизил-баир. Он открыт при проектировании нового отрезка дороги на 42 – 52 км шоссе Симферополь-Севастополь и занимал площадь около 4 га (рис. 33). На территории поселения собран подъемный материал II – IV вв. н. э., а раскопками открыты остатки построек, стены которых сложены из необработанных камней, трех двориков с каменными оградами, очагов и хозяйственных ям с мусорным заполнением. В юго-восточной части находилась кладовая с двумя пифосами и тремя зерновыми ямами, которая указывает на сельскохозяйственную направленность деятельности жителей. Массовый археологический материал представлен керамикой II – IV вв. н. э., хотя встречались фрагменты и рубежа н. э. С юга к поселению примыкали зольники и могильник, где обнаружены детское погребение в херсонесской амфоре III – IV вв. н. э. и остатки трупосожжения в сильно фрагментированном красноглиняном кувшине [Савеля, Черных, 1977, л.31 – 34; 1978, л. 13 – 14]. Поселение погибло в пожаре в IV в. и, как указали авторы отчета, его гибель следует связывать с гуннским нашествием [Николаенко, Оленина, Савеля, Черных, Викторова, 1978, с 362 – 363; Савеля, Черных, 1977, л. 31 – 34; 1977-1978; 1978; 1979, с. 398 – 399]. К сожалению, памятник исследован не полностью, а результаты проведенных работ до сих пор не опубликованы.

На Микензиевых горах, по склонам Камышловской, Графской и Мартыновой балок, у II кордона лесничества и на водоразделах балок [Савеля, 1968, с. 201 – 202; 1985, л. 16 – 21; 1987а, с. 404 – 405], между высотой Ташлык и перевалом в долину Кара-коба обнаружены поселения и местонахождения позднеантичной керамики [Савеля, 1978; Савеля, Черных, 1979, с. 398 – 399].

На Микензиевых горах, в зоне прокладки участка новой дороги в объезд Инкермана, у горы Кара-Коба и Загайтанского плато, отмечено крупное поселение IV-VI вв. н. э. [Савеля, 1991, л. 54 – 58; 1993, с. 123; Савеля, Иванов, 1991, с. 50 – 53]. Остатки подпорных стенок, оград и построек позднеантичного и раннесредневекового периодов прослежены в истоках Чертовой и Трещинной (Каменоломной) балок, по гребню и склонам Казацкой и Суздальской высот, расположенных в восточной части Сапун-горы [Савеля, 1985, л. 16 – 21; 1987а, с. 404 – 405]. В Сушильной балке обнаружены признаки грунтовых склепов [Савеля, 1993, с. 123], а в низовьях Ушаковой балки и на восточном склоне Доковой - вырубленные в скале склепы, которые предварительно датированы позднеантичным периодом [Савеля, 1972, с. 369 – 370].

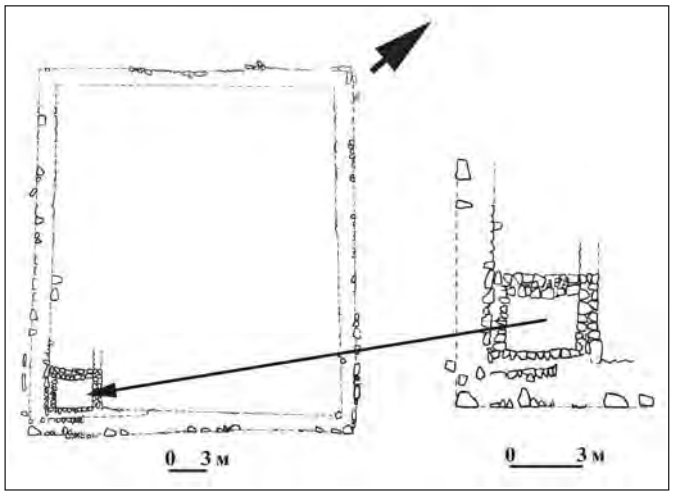


Рис. 34. План усадьбы, открытой в районе Килен-балки в 1969 г., по О. Я. Севеле.

В 1985 г. во время разведок по трассе водопровода на участке от поселков Угловое и Черноречье до г. Севастополя отмечены скопления керамики на Микензиевых горах, на водоразделе Графской и Мартыновской балок. Остатки подпорных стенок, оград и построек позднеантичного и раннесредневекового периодов зафиксированы в истоках Чертовой и Трещинной (Каменоломной) балок, в восточной части Сапун-горы, по гребню и склонам Казацкой и Суздальской высот [Савеля, 1985, л. 16 – 21; 1987а, с. 404 – 405].

На мысе у слияния Микрюковой и Килен-балки зафиксированы остатки прямоугольной постройки, близкой планировке усадеб хоры Херсонеса, со следами колодца и цистерны, собран подъемный материал VI – VII вв. н. э. [Савеля, 1968, с. 201 – 202]. Через несколько лет на памятнике проведены археологические исследования и установлено, что аналогичные постройки, располагались по склону лощины, впадающей в Килен-балку. Здесь, вероятно, находился комплекс усадеб, которые предположительно атрибутированы в качестве сельского поселения, что косвенно подтверждается планами, снятыми в свое время Фр. Дюбуа де Монпере [Савеля, 1969а; Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 – 284] (рис. 34).

Позднее на мысу восточного склона Килен-балки открыты остатки еще одной постройки с замкнутой планировкой и материалом IV – VI вв. Установлено, что усадьбы в этом районе располагались на земельных участках,

огражденных каменными стенами. Остатки межевых и подпорных стен неправильных очертаний отмечены в верховьях Сушильного и Воловьего оврагов, на западном склоне Килен-балки [ср.: Савеля, 1993, с. 123]. Помимо усадеб и расположенной рядом с ними винодельни, которая по керамическому материалу датируется IV – VI вв., открыто три сильно разрушенных склепа, вырубленных в скале, которые, как и наземные постройки, частично пострадали во время Крымской войны 1854 – 1855 гг.

На восточном склоне Килен-балки, близ ее слияния с Микрюковой балкой, исследован могильник, где отрыты вырубленные в скале склепы, в которых захоронения совершались на протяжении IV – начала V вв. н. э. [Савеля, 1968а, л. 1 – 4; 1969, с. 289 – 290; 1993, с. 122; Савеля, Савеля, 1991, л. 23 – 42; 1992, л. 23 – 42; 1993, л. 27 – 30]. Могильник, видимо, принадлежал населению, обитавшему в окрестностях Херсонеса и занимавшемуся сельским хозяйством [Нессель, 2003, с. 120], но связать его с каким-то конкретным поселением, зафиксированным в этом районе, попыток пока не делалось. Хотя не исключено, что здесь могли быть погребены обитатели усадеб, которые располагались в окрестностях.

Материалы из раскопок этого памятника своевременно не были обработаны и опубликованы, а их результаты отражены лишь в тезисах докладов [Савеля, Савеля, 1994, с. 60 – 61; 1997а, с. 72]. Правда, краснолаковая керамика и оружие из погребений, но вне контекста комплексов, введены в научный оборот [Нессель, 2003, с. 107 – 123; Контны, Савеля, 2006, с. 129 – 160]. Однако эти публикации лишь частично восполняют существующий пробел, а погребальные сооружения и обряд захоронения все еще готовятся к печати [Нессель, 2003, с. 107, прим].

В ходе проведения разведочных работ к востоку от долины р. Черной, между деревнями Кучки, Терновка, и в устье р. Бельбек, у дер. Гористое, обнаружены признаки трех поселений первых веков н. э. – VIII-X вв., а в окрестностях деревни Хворостянки поселения V – X вв. Значительное по размерам распаханное поселение V-VII – XII-XIII вв. открыто в балке на дороге из с. Родное в деревню Кучки [Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 – 284].

Херсонесским отрядом ЛОИА АН СССР под руководством С. А. Беляева раскопаны могильники между сс. Куйбышево и Мало-Садовое, на правом берегу р. Бельбек, относящиеся к VI – VII вв. н.э. [Беляев, 1972, л. 2 – 6], а у с. Терновки расчищены два грунтовых склепа с материалом V – VI вв. [Беляев, 1972, л. 8 – 17]. Еще один могильник у с. Терновки располагался на северном склоне холма, в месте пересечения дороги Терновка-Черноречье с отходящей от него дорогой на с. Родное. Здесь открыто 16 грунтовых могил, длинные стенки большинства которых обложены плоским камнем. Сверху могилы перекрыты известняковыми плитами. По погребальному инвентарю могильник датирован III – IV вв. н. э. [Беляев, 1972, л. 19 – 32].

В результате комплекса работ, проведенных в 80-х гг. XX в. в Балаклавском районе, на склонах высоты Безымянной (249,7 - 162,0), выясни-

лось, что жизнь на этом месте с перерывами продолжалась с IV – VI до XII – XIII вв. В округе строящегося горнорудного комплекса «Гасфорт» обнаружено более 50 разновременных памятников от эпохи бронзы до периода позднего средневековья, в том числе и позднеантичного периода [Савеля, 1981; 1982, с. 314 – 316; 1982а; 1983; 1986, с. 300 – 301; Савеля, Падалка, 1981, л. 5 – 19; 1982, л. 3 – 13; 1983, л. 3 – 11; 1985].

На северном склоне хребта Мегало-яло, на 19 км шоссе Севастополь-Ялта, в центральной части карстовой пещере Каймос (Кайма) находились погребения IV – VII вв. [Савеля, 1986, с. 300 – 301], а вокруг выявлен культурный слой с керамикой позднеантичного и раннесредневекового периодов, следы построек и признаки искусственного террасирования склонов [Савеля, 1982, с. 314 – 315; 1987а, с. 404 – 405]. У с. Оборонное Балаклавского района, на территории грунтового могильника Манто-Фонтан, зафиксированы склепы, подбойные и грунтовые могилы, которые отнесены к V – VI вв. В могильнике отмечены костяки с деформированными черепами [Филиппенко, 1997, с. 85 – 86].

В Байдарской долине, между селами Ново-Бобровка, Россошанка и Родникове, у перевала Демиркау, на северном склоне горы Кушкая и в устье балки Малташдере близ Скельской пещеры, на искусственных террасах зафиксированы следы поселений IV - VI вв. н. э. А между поселком Озерное и с. Широкое, в месте слияния рек Байдарки и Черной, в урочище Тюлле, - склепы позднеантичного и раннесредневекового периодов [Савеля, Суханова, 1981, л. 29 – 35; Савеля, 1982, с. 314 – 316; 1987б, л. 51 – 59].

Но особенно много поселений и могильников позднеантичного периода сконцентрировано в Инкерманской долине [Савеля, 1983, л. 24; 1987б, л. 51 – 59]. Наиболее известный из них могильник у совхоза «Севастопольский», где в середине-третьей четверти III в. н.э. происходит резкое увеличение количества захоронений, в том числе и совершенных по обряду кремации [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004, с. 190 - 194], что свидетельствует о росте количества пришлого варварского населения в окрестностях Херсонеса.

Сказанное подтверждается и датировкой других могильников в Инкерманской долине, которые начинают функционировать в III в. н.э. и продолжают использоваться на протяжении всего IV в. н.э. В них отмечены случаи захоронений по обряду кремации и вещи, которые есть все основания связывать с черняховской археологической культурой [Кацур, 1963, с. 11 – 12; Веймарн, 1963, с. 15 – 42; Бабенчиков, 1963, с. 90 – 123; Рыжов, 1972, с. 1 – 2; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2003-2004, с. 192 - 194]. Результаты работ А. И. Айбабина на территории Чернореченского могильника в 1988 г., который традиционно датировался III – IV вв. н. э., показали, что захоронения в нем совершались и в V – VI вв. [Айбабин, 1988, л. 1 – 5]. Ко второй половине IV - V вв. н.э. А. А. Филиппенко отнесены погребения в могильнике, исследованном на северо-восточной части отрога Телеграфных высот в 2005 г. [Филиппенко, 2005]. IV - V вв. н. э. датируются захоронения

в грунтовых склепах, которые располагались на склоне высоты Сахарная головка, в Цыганской балке и на склонах Телеграфных высот [Кацур, 1963, с. 12].

Приведенные материалы позволяют согласиться с заключением О. Я. Савели, который неоднократно подчеркивал, что окрестности Херсонеса, в частности территория Микензиевых гор, Бельбекская и Инкерманская долины наиболее густо были заселены именно в позднеантичный период [Савеля, 1964 – 1965, л. 17 – 18; 1969, с. 289 – 290; 1974а, с. 92 – 95]. Население, оставившее все эти памятники и осваивавшее новые территории, занималось сельскохозяйственной деятельностью и вступало в экономические контакты с Херсонесом. Таким его размещением объясняется отмеченное изменение экономических связей со второй половине III в. н. э. Иными словами, в позднеантичный период Херсон, как теперь стал называться Херсонес, следует рассматривать в качестве основного ремесленного и торгового центра региона, связанного с сельскими жителями близлежащих долин.

В составе населения, осевшего в окрестностях Херсонеса, были пришлые этнические компоненты, переселившиеся сюда из-за пределов Таврического полуострова и оставившие могильники, где хоронили по обряду кремации. Они зафиксированы в Инкерманской долине, на берегу р. Черной, на северо-западных склонах Телеграфных высот, у подножья их юго-восточного окончания, на северо-западном склонах Федюхиных высот, у совхоза «Севастопольский», у с. Верхне-Садовое, на могильниках Бельбек I, на склонах горы Чабовского, на левом берегу р. Альмы и у с. Танковое. Сходные по обряду и времени могильники открыты на территории бывшего римского опорного пункта на м. Ай-Тодор, в Партените и на склоне г. Чатырдаг в окрестностях современной Алушты. Наряду с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения, в большинстве могильников различный процент составляли трупоположения в грунтовых могилах и склепах, что свидетельствует об этнической неоднородности населения, оставившего эти памятники [см.: Зубарь, 1994, с. 124; 2004б, с. 201; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 82 - 87; Айбабин, 1996, с. 295 - 296; 1999, с. 244, 245; Мульд, 1996, с. 283 - 284; Пиоро, 1999, с. 231; Ушаков, 1999, с. 232 - 241; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 39, рис. 1; Храпунов, 2001а, с. 133; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 176].

В погребальном обряде могильников отмечено наличие не только германских черт погребального обряда и предметов материальной культуры, характерных для носителей черняховской культуры, но и прослеживаются признаки сармато-аланского этнического комплекса [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215; Мульд, 1996, с. 284 - 286; Высотская, 1997, с. 24 - 25; 1998, с. 256 - 271; 2001, с. 167 - 174; Ушаков, 1998, с. 146 - 158; Храпунов, 2001а, с. 133]. Это позволяет рассматривать оставившее их население как полиэтничное, в основном гото-аланское, в котором доминировали северокавказские этнические компоненты [Храпунов, 1999, с. 26 - 29; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 36].

Эти могильники оставлены населением, входившим в полиэтничный союз племен, представители которого с середины III в. массово стали расселяться в Предгорной и Горной Таврике, вытеснив или ассимилировав прежних жителей [Айбабин, 1999а, с. 36; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 34; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 175 - 188], которых принято условно именовать поздними скифами [Пиоро, 1990, с. 98 - 105; Айбабин, 1999а, с. 36; Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 241 - 242; Храпунов, 2001, с. 165 - 167; 2001а, с. 131]. Но трупосожжения германского облика концентрируются в окрестностях и непосредственной близости от Херсонеса - в Инкерманской долине и на берегах р. Бельбек, на Южном берегу, на месте римской крепости Харакс, в Партените и в районе современной Алушты, который, вероятно, также входил в зону контроля римских вооруженных сил [Пиоро, 1990, с. 105; Зубарь, 1994, с. 51, рис. 11; с. 124]. В противоположность этому одновременные могильники союзников германцев - алан, где захоронения совершались исключительно по обряду трупоположения, тяготеют к Предгорной части Таврики [Айбабин, 1999а, с. 36; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 36; Храпунов, 2001а, с. 133]. Но, если на Южном берегу известны могильники, в которых зафиксированы только трупосожжения, то в окрестностях Херсонеса захоронения с кремацией и ингумацией находились в одних и тех же местах [Айбабин, 1996, с. 295; 1999а, с. 36; Мульд, 1996, с. 283; Высотская, 2001, с. 167]. Такое положение отражает совместное проживание в одних и тех же местах населения разного этнического происхождения [Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215; Айбабин, 1996, с. 298; Казанский, 1997, с. 50; Юрочкин, 1999, с. 257 - 274; Храпунов, 2001, с. 166 - 167; 2001 а, с. 133; ср.: Власов, 2000, с. 65 - 68; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 36; Мыц, Лысенко, Щукин, Шаров, 2006, с. 175 - 188].

Размещение населения, оставившего могильники с трупосожжениями, в окрестностях Херсонеса и на Южном берегу Таврики, на территории ранее контролировавшейся римскими войсками вряд ли можно считать случайным. Скорее, в этом нужно видеть определенную целенаправленную акцию римских властей, сохранявших контроль над Херсонесом [Зубарь, 1994, с. 124; 1998, с. 147 - 150]. Если это так, то появление полиэтничного варварского населения в окрестностях Херсонеса и на Южном берегу Таврики следует связывать с начавшимися изменениями характера взаимоотношений империи с варварами со времени правления императора Аврелиана (270 - 275 гг.). После похода варваров против империи в 269 - 270 гг. римская администрация, наряду с активным вооруженным сопротивлением [Буданова, 1990, с. 105], начала практику их расселения, в частности готов, вдоль правого берега Дуная (SHA, Claud., 9, 4), что ослабило нажим на границы империи [Буданова, 1990, с. 100 - 101].

Население, осевшее в непосредственной близости от Херсонеса и в Предгорной Таврике, во второй половине III в. находилось на раннеклассовой стадии развития. Оно не представляло собой устойчивого и единого

государственного объединения территориального типа с хорошо развитой вертикалью властных структур [подр. см.: Зубарь, 2004б, с. 209]. Это была совокупность родственных по своему этническому происхождению территориальных общин, которые в организационном отношении представляли собой объединение типа конфедерации. В него периодически входило какое-то количество гото-аланских территориальных общин, что облегчало римской администрации заключение с ними или их объединениями договоров, в результате чего они становились «союзниками» (symmachiarii) римлян [ср.: Cãtãniciu, 1981, p. 55].

Отсутствие прямых источников пока не позволяет категорически настаивать на этом, но ряд косвенных данных свидетельствует в пользу такого заключения. Сказанное подтверждается полным молчанием письменных и эпиграфических источников о каких-либо вооруженных столкновениях херсонеситов с окрестными варварами. Напротив, имеющиеся материалы, в первую очередь археологические, свидетельствуют о достаточно тесных экономических и, видимо, каких-то пока не вполне ясных военно-политических контактах варварского населения с Херсонесом на протяжении второй половины III - IV вв. [Зубар, Козак, 1992, с. 130; Зубарь, 1993, с. 115, рис. 31, 2; 1994, с. 123 - 126]. Наиболее показательна зона распространения античных импортных вещей, которые, в отличие от более раннего времени, концентрируются в основном южнее р. Бельбек, в Инкерманской, Балаклавской, Байдарской долинах и на Южном берегу Таврики [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 57].

Следовательно, есть основания констатировать, что в третьей четверти III в. в результате «скифских» войн этнополитическая и военная ситуация в окрестностях Херсонеса резко изменилась. Но город, сохранив свою независимость, вероятно, при участии римской администрации установил договорные отношения с представителями полиэтничного союза племен, начавшего играть доминирующую роль в Юго-Западной Таврике с середины - второй половины III в. [Зубарь, 1998, с. 142 - 150; 2004б, с. 198 – 216; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 5 - 11]. В пользу такого заключения свидетельствует массовое поступление на протяжении второй половины III – и в IV вв. к местному населению монет, которые могли являться платой за службу в качестве союзников или федератов [Сапрыкин, 2005, с. 175 – 180, 185; ср.: Лысенко, 2007, с. 187 - 188].

К рубежу III - IV вв. относится новое массовое переселение в Таврику, видимо, аланского населения, генетически связанного с Северным Кавказом [Храпунов, 1999, с. 26 - 29; 2001, с. 166; 2001а, с. 133 - 134]. Эта новая миграция, видимо, привела к дестабилизации в регионе и нарушила сложившуюся систему взаимоотношения Херсонеса и окружающим варварским населением. Вероятно, эта система строилась до этого на договорной основе, и сложившееся положение было стабилизировано с помощью военного отряда из состава полевой армии империи, о чем можно говорить на основании эпиграфических источников не ранее самого конца III в. [Зубарь, 2000а, с. 291 - 302; 2000б, с. 83 - 97; Зубарь, Сарновски, Антонова, 2001, с. 106 - 115].

Рис. 35. Остатки юртообразной постройки и прилегающих к ней помещений на земельном участке 25. Раскопки Г. М. Николаенко. Фото НА ИА НАНУ.

Ко времени после этих событий, вероятно, следует относить повторное включение населения Юго-Западной Таврики в политико-экономическую орбиту империи и Херсонеса [Пуздровский, 2001, с. 117; Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 36]. Не исключено, что именно этой миграцией обусловлено римско-боспорское противостояние, о котором сообщает Константин Багрянородный [Зубар, 2005в, с. 132; 2006, с. 86; ср.: Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 245 – 246; Сапрыкин, 2005, с. 185 – 187, 190]. Но пока об этом можно говорить лишь в самом общем плане, так как имеющиеся письменные и эпиграфические источники не позволяют выйти за рамки догадок и вероятных гипотез.

В. А. Сидоренко на основании анализа клада монет, обнаруженного на мысе Ай-Тодор, полагал, что в конце IV - V вв. на территории Таврики прослеживается новая миграционная волна варваров, которые впоследствии стали союзниками или федератами империи [Сидоренко, 1987, с. 133 - 144; ср.: Айбабин, 1990, с. 67 - 68]. Поэтому не исключено, что в конце IV - V вв. римской администрацией продолжалась практика взаимоотношений с варварами более раннего времени [ср.: Пуздровский, Зайцев, Неволя, 2001, с. 36].

Подавляющее большинство поселений и могильников населения, обитавшего в ближайших окрестностях Херсонеса и в Инкерманской долине, прекращают функционировать не позднее V – VI вв., что связано с изменением ситуации в регионе и приходом сюда нового населения. Поэтому следует обратить внимание на появление на Гераклейском полуострове круглых в плане каменных сооружений, часть которых есть все основания рассматривать не в качестве оборонительных или сигнальных башен, а оснований наземных юртообразных сооружений [ср.: Сапрыкин, 2005, с. 170 – 171; Буйских, 2008, с. 240 – 242] (рис. 35).

Такие сооружения зафиксированы на размежеванной части Гераклейского полуострова [подр. см.: Зубарь, 2006а, с. 67 – 87; 2007, с. 232 - 260], но одна постройка раскопана на мысе восточного склона Килен-балки в узком проходе между усадьбами позднеантичного периода, на склоне лощины. Это круглое в плане сооружение диаметром 2,6 м, внутрь которого вел проход. Камни строения уложены с напуском и образовывали купол, а внутри располагался очаг. По материалу оно датировано IV – VII вв. и является наиболее

поздним в раскопанном комплексе памятников [Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 - 284; Савеля, 1972, с. 369 – 370]. По аналогиям это сооружение можно интерпретировать как юртообразное, свидетельствующее о появлении в окрестностях Херсонеса новой группы пришлого населения [подр. см.: Зубарь, 2006а, с. 65 – 87; 2007, с. 232 - 260].

С другой стороны, если предложенная интерпретация юртообразных построек и их датировка верны, то можно говорить, что территория в восточной части Гераклейского полуострова до появления таких сооружений использовалась для сельскохозяйственной деятельности, и здесь располагались небольшие сельские поселения, связанные с Херсонесом. В западной части хоры Херсонеса функционирование усадеб, вероятно, прекратилось несколько раньше. Об этом свидетельствуют аккуратно заложенные входы в помещения усадьбы земельного участка № 227 (южная), которые датируются концом V в. н.э. Но усадьба была не брошена или разорена, а именно законсервирована [Кузищин, Иванчик, 1998, с. 210 - 112]. В верхнем горизонте строительных остатков на этой усадьбе находилось три круглых в плане постройки [ср.: Кузищин, Иванчик, 1998, с. 210]. Поэтому они, вероятно, дают *terminus ante quem* массового прекращения функционирования хозяйств на размежеванной части Гераклейского полуострова и *terminus post quem* для функционирования юртообразных построек [ср.: Зубарь, 1993, с. 36].

Жилые постройки такого типа характерны для полукочевого образа жизни и ведения хозяйства [см.: Плетнева, 2003, с. 13 – 16; ср.: Ковалевская-Сарновска, 2005, с. 117]. Именно на этой стадии развития у кочевников появляются археологически засвидетельствованные наземные углубленные в грунт юртообразные сооружения, в том числе и скальные [Баранов, 1990, с. 44, рис. 15]. Они имели каркасный или шалашеобразный верх, без опорного столба, но с очагом, расположенным в центре, что диктовалось наличием в верхней части конструкции отверстия для выхода дыма [см.: Белецкий, 1959, с. 41 – 42; Плетнева, 1964, с. 135 – 136; 1967, с. 53, 57 – 58; 2003, с. 31; Михеев, 1985, с. 13; Баранов, 1990, с.. 45; Гаврилюк, 1999, с. 200 – 236]. Учитывая геологическое строение Гераклейского полуострова, где скала очень близко подходит к поверхности, и отсутствие в целом ряде случаев ранее сделанных углублений в скале, каменная кладка, возведенная на поверхности, служила своеобразной заменой углубленной части таких примитивных жилищ. Это хорошо иллюстрируется кладкой таких построек, которая имела наклон внутрь [ср.: Савеля, 1972, с. 369 – 370] (рис. 35).

Функциональное назначения таких сооружений позволяет рассматривать их на Гераклейском полуострове в качестве археологического свидетельства появления нового населения, которое вело полукочевой образ жизни. Эта группа принесла с собой традицию возведения юртообразных построек с прилегающими помещениями-загородками для содержания скота, что совершенно не характерно для хозяйственной практики на Гераклейском полуострове на протяжении всей античной эпохи.

Судя по наличию в остатках таких построек монет и иного датирующего материала, в том числе фрагментов краснолаковой тарелки, стенок и ручек амфор, серебряной пряжки V - VI вв. [Николаенко, 2001, с. 32, № 41б], их следует относить к достаточно широкому хронологическому диапазону. Хотя имеющиеся данные позволяют все же несколько сузить хронологические рамки их бытования и связать с конкретной этнической группой, осевшей в окрестностях города.

После разгрома гуннов на Каталаунских полях, на р. Недао в Паннонии и смерти Аттилы (451 - 454 гг.), гуннское раннеполитическое государственное образование в Подунавье распалось. Часть населения вернулась в Причерноморье, а в V в. н. э. здесь кочевало гуннское племя, которое античными авторами называлось акатцирами [Iord. Getica, 259 – 266; Засецкая, 1994, с. 148 – 151; Айбабин, 1999а, с. 77; Комар, 2004, с. 169 – 20]. Прокопий из Кессарии сообщает, что во второй половине – конце V в. гунны занимали все пространство между Херсоном и Боспором [Proc. De bell. got. IV, 5, 23 – 30; ср.: Пиоро, 1990, с. 47; Айбабин, 1999а, с. 77]. Следовательно, есть основания связывать открытые на Гераклейском полуострове юртообразные постройки с появлением в окрестностях Херсонеса-Херсона если не какого-то гуннского племенного объединения, то родственного им кочевого населения, тяготевшего к оседлости [ср.: Пиоро, 1990, с. 47; Приходнюк, 2001, с. 13 – 16]. С этим хронологически соотносится упоминание в надписи 488 г. об укреплении оборонительных стен города и других распоряжений администрации императора Зинона (474 – 491 гг.), направленных на усиление позиций Византии в Херсонесе-Херсоне – основном опорном пункте империи в Таврике того времени [подр. см.: Зубарь, Сорочан, 1998, с. 118 – 120; Айбабин, 1999а, с. 89].

В круглых постройках в ходе раскопок обнаружены позднеримские монеты, которые на протяжении IV – VII вв. н. э. находились в обращении на внутреннем рынке Херсонеса-Херсона. Это в свою очередь свидетельствует, что пришельцы, осевшие в окрестностях города, вступали с его населением в экономические контакты. Иордан в середине VI в. н.э. писал, что альциагиры живут «около Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю» (Iord. Getica, 68 - 69; пер. Е. Ч. Скржинской). А в «Аланском послании» епископа Феодора (XIII в.), который использовал более ранние источники, сказано, что близ Херсона жили аланы «сколько по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно какое ограждение и охрана» [Кулаковский, 1898, с. 17].

Все это подтверждается предметами ювелирного искусства второй половины V – первой половины VI вв., обнаруженными в некрополе Херсонеса-Херсона, в которых довольно четко прослеживается дунайское влияние [подр. см.: Айбабин, 1979, с. 22- 32]. Погребальные комплексы этого времени дошли в потревоженном состоянии. Но находки некоторых предметов, например,

костяной подпружной пряжки [Зубарь, Рыжов, Шевченко, 1988, с. 160 – 161, рис. 9, 6], близкой аналогичной из гуннского погребения на городище Беляус [Айбабин, 1979, с. 75, рис. 28, 7], позволяют предполагать, что, по крайней мере, некоторые выходцы из этнического массива могли жить и умирать в городе.

Но система взаимоотношений Херсона с кочевым населением округи, которую еще предстоит конкретизировать, вероятно, просуществовала сравнительно недолго. Скорее всего, положение изменилось в связи с продвижением в Таврику племен, входивших в состав Тюркского каганата, которые овладели Боспором, а к лету 581/582 г. приблизились к Херсону [Айбабин, 1999а, с. 137 – 141; Сорочан, 2004, с. 320 – 235; 2005, с. 167 - 175]. В такой ситуации или еще накануне большая часть обитателей Гераклейского полуострова, вероятно, покинула места своего проживания (зимовок) и ушла в более безопасные места. Показателен в этом отношении монетный клад, спрятанный во второй половине VI в. в районе Стрелецкой бухты [Кропоткин, 1961, с. 65, № 627; Сапрыкин, 2005, с.169], который мог принадлежать одному из жителей окрестностей Херсона накануне тюркского вторжения. Впрочем, находка на усадьбе земельного участка 341 (340) еще одного клада монет, самые поздние монеты которого относятся к первой четверти VII в. [Алексеенко, Ковалевская, 1988, с. 231 – 232; Алексеенко, 2005, с. 439 – 441], не позволяет полностью исключить и более позднее прекращение функционирования части круглых построек.

Наличие монетных кладов на Гераклейском полуострове, вероятно, может свидетельствовать, что одновременно с юртообразными жилищами здесь функционировали отдельные усадебные комплексы, что является еще одним свидетельством в целом мирных взаимоотношений пришлых кочевых элементов с населением города. Косвенно сказанное подтверждается наличием на ряде земельных участков Гераклейского полуострова разоренных и лишенных инвентаря склепов, вырубленных в скале, которые, как и на территории некрополя Херсонеса, могли использоваться для захоронений жителями сельских усадеб в позднеантичный период [Николаенко, 2001, с. 10 – 11, № 6; с. 26 – 27, № 32; с. 112 – 113, № 296; с. 98. № 239; с, 139 -140. № 386; Щеглов, 1969, с. 290 – 291].

Естественно, сказанное является не более чем предположением, которое может быть подтверждено или опровергнуто после публикации материалов, полученных в ходе раскопок, проводившихся на Гераклейском полуострове. К сожалению, эта работа пока не сдвинулась с мертвой точки и, несмотря на большие объемы полевых исследований в этом районе и в окрестностях г. Севастополя, которые велись и ведутся под общим руководством Г. М. Николаенко и О. Я. Савели, в научный оборот введены лишь единичные памятники. Это, безусловно, тормозит анализ конкретного археологического материала и препятствует написанию обобщающих исследований по разным аспектам истории Херсонеса в первые века н. э. и позднеантичный период.

После того, как внешняя угроза миновала, на Гераклейском полуострове сельскохозяйственное производство возродилось уже в очень скромных масштабах [см.: Зубарь, 1993, с. 36]. Поэтому есть все основания утверждать, что только теперь Гераклейский полуостров перестал играть существенную роль в обеспечении продукцией сельского хозяйства населения города. С этого времени фиксируется практически полное территориальное разделение сферы сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и ремесла и торговли, - с другой. Херсонес становится центром производства и обмена между населением, преимущественно занятым в ремесле и торговле, в том числе и посреднической, с жителями округи, основным занятием которых являлось сельское хозяйство [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 119].

Сказанное хорошо иллюстрируется появлением после ликвидации тюркской угрозы в Бельбекской, Балаклавской, Байдарской долинах и на прилегающих к ним территориях значительного числа поселений VIII – X вв. [Савеля, 1968, с. 201 – 202; 1974, с. 337 – 338; 1980, с. 334 – 335; 1981; 1982, с. 314 – 316; 1982а; 1983а; 1986, с. 300 – 301; Савеля, Падалка, 1981, л. 5 – 19; 1982, л. 3 – 13; 1983, л. 3 – 11; 1985; Савеля, Суханова, 1981, л. 20 – 28; 1982, л. 14 – 23; 1983, л. 14 – 22; 1986, л. 22 – 28; 1987, л. 36 – 45; Савеля, Романчук, Клигман, 1970, с. 283 – 284; Омелькова, 1985, с. 330 – 331; 1985а; 1986, с. 284 – 285; 1986а; 1987, с. 383; 1987а; 1988, с. 320; 1989; Романчук, Щербакова, Долганов, 1975, с. 345; Романчук, 1974; 1980, с. 80; Щербакова, 1974; 1976, с. 27 – 29], оставленных обитателями региона, потомками крымских греков, скифо-сарматов и гото-алан [подр. см.: Сорочан, 2005, с. 396 - 450].

На месте отдельных античных усадебных комплексов Гераклейского полуострова, построенных в античную эпоху, жизнь также продолжалась, о чем свидетельствуют керамический материал и монеты V - VII вв. [Николаенко, 2001, с. 30, № 39], IX – X вв. [Николаенко, 2001, с. 8, № 2а, 3, с. 52, № 87, с. 120, № 318] и более позднего времени, включая XV в. [Николаенко, 2001, с. 25 – 25, №№ 31, 32, с. 56 – 57, № 99, с. 118, № 310]. Особенно интересны комплексы построек в Хомутовой балке [Николаенко, 2001, с. 124 -125, № 335] и балке Бермана [Николаенко, 2001, с. 129 – 131, №347], которые функционировали вплоть до XI – XII вв. На территории этих комплексов в последней четверти XX и начале XXI вв. вела работы экспедиция, возглавляемая Г. М. Николаенко [подр. см.: Зубарь, 2007, с. 90 – 92, 112]. Но, как и в других весьма показательных случаях, материал из раскопок остается не обработанным и не опубликованным. Поэтому данных о характере жизни и более точной датировке строительных периодов этих комплексов нет, а результаты их археологических исследований невозможно использовать для реконструкции системы землепользования в эпоху средневековья.

Материалы, полученные в последние десятилетия, позволяют достаточно уверенно говорить о наличии на земельных участках №№ 32 и 340 в VIII – XI вв. поселений, обитатели которых уже не были связаны с традициями

предшествующего времени [подр. см.: Николаенко, 2001, с. 26 – 27, № 32; Яшаева, Денисова, 2003, л. 40; 2004, л. 28 – 29; Ковалевская, 1994а, с. 18 – 19; 1995 – 1996, л. 1 – 98; 1997а, с. 47 – 48; 2007, с. 69 – 70; Суханова, Ковалевская, 2004; 2005; Зубарь, 2007, с. 84, 92]. Это заключение, естественно, должно еще получить подтверждение в ходе публикации результатов археологических исследований. Если это произойдет, то можно будет говорить, что после прекращения функционирования на Гераклейском полуострове хозяйств античного типа, часть его территории была занята в VII – XI вв. уже новым этническим массивом, постоянно проживавшим в окрестностях города, который, как и жители близлежащих долин, поддерживал со средневековым Херсоном тесные экономические отношения.

Итак, в IV – III вв. до н.э. ремесленная деятельность, за исключением домашней, осуществлялась вне городской черты, в ближайших окрестностях Херсонеса и на Гераклейском полуострове. Со II в. до н. э. положение меняется, и остатки производственных комплексов фиксируются уже на территории жилой застройки. Это является показателем того, что в рамках полисной социально-политической структуры, базисом которой являлось сельское хозяйство, началась трансформация экономических отношений. Херсонес постепенно превращается из места концентрации сельскохозяйственного населения в центр специализированного ремесленного производства, работавшего на рынок, и торговли. Теперь хозяйственная деятельность значительной части жителей уже не была напрямую связана с сельским хозяйством, рентабельность и объем производства которого падают, и в составе населения идет процесс количественного увеличения ремесленников и торговцев. Это обуславливалось развитием внутреннего рынка, ростом удельного веса товарно-денежных отношений и увеличением товарной составляющей экономики, что хорошо иллюстрируется увеличением числа монет, находившихся в обращении. На деятельность в экономической сфере значительное влияние оказывали внешние факторы, в первую очередь увеличение населения в ближайших окрестностях города, занятого сельским хозяйством. Именно его потребности стимулировали местное ремесленное производство и торговлю, основой которой был вывоз античных товаров в обмен на продукцию земледелия, производившуюся местным населением на территориях, прилегавших к Гераклейскому полуострову, который защищался римскими войсками, а после их ухода и в его восточной части.

Основой экономического развития античного общества, его главной структурообразующей, являлась специфическая форма земельной собственности. Поэтому прекращение широкого использования земель на Гераклейском полуострове херсонеситами и появление в окрестностях города новых этнических групп, уже не связанных с традициями предшествующего периода, позволяют ко времени не ранее рубежа VI – VII вв. относить завершение античной эпохи в истории Херсонеса [ср.: Введение, 2004, с. 16;

Зубарь, Сорочан, 2004а, с. 555]. В VII в. город вступает в эпоху средневековья, для которой характерны уже иные особенности экономического, политического и культурного развития. Херсон становится значительным центром ремесленного производства и торговли, к которому тяготело окружавшее его сельское население Таврики.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Погребения второй половины V – первой половины VI вв. в Крыму // КСИА. – 1979. – Вып. 158 – С. 22 – 34.

Айбабин А. И. Отчет о раскопках Чернореченского могильника в 1988 г. //НА НЗХТ. – 1988. - Д. № 2842. – 25 л.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени//МАИЭТ.- 1990. – Вып. 1. - С. 4 - 166.

Айбабин А. И. Население Крыма в III - IV вв. // МАИЭТ. - 1996. – Вып. 5. - С. 290 - 303.

Айбабин А. И. О дате вторжения германцев в Крым//Сто лет черняховской культуре.- К. 1999. – С. 242 – 251.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999а. - 352 с.

Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. - 1993. – Вып. 3. - С. 211 - 222.

Алексеенко Н. А. Денежное обращение округи византийского Херсона //МИАЭТ. – 2005. – Вып. 11. – С. 437 – 443.

Алексеенко Н. А., Ковалевская Л. А. Клад позднеантичных и раннесредневековых монет из округи Херсонеса//Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». – Симферополь, 1988. - Ч. 3. – С. 231 – 232.

Андреев В.Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.//ВДИ. — 1959. — № 2. — С. 121—146.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). — К., 1977. — 174 с.

Антонова И. А. Отчет о раскопках и зачистках 28, 29 и 30 куртин восточной оборонительной линии Херсонеса в 1967 г.//НА ИА НАНУ. – 1967. – Д. № 1967/90. – 67 л., 65 рис.

Антонова И. А. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1987 г.//НА ИА НАНУ. - 1987. – Д. № 1987/69 – 56 л., 74 рис., 11 черт.

Антонова И. А., Зубарь В. М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса//Хсб. – 2003. – Вып. 12. – С. 31 – 68.

Бабенчиков В. П. Чернореченский могильник//АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 90 – 123.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – 166 с.

Белецкий В. Д. Жилища Саркела-Белой Вежи //МИА. – 1959. – Вып. 75. - С. 40 – 134.

Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса в 1934 г. – Симферополь, 1936. – 52 с., план и разрезы.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935 – 1936 гг. – Симферополь. 1938. – 352 с.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 г. //НА НЗХТ. – 1948. – Д. № 423/1. – 43 л.

Белов Г. Д. Херсонесские винодельни //ВДИ. – 1952. – № 2. – С. 225 – 237.

Белов Г. Д. Итоги раскопок Херсонеса за 1949 – 1953 гг.//СА. – 1955. – Т. 24. – С. 257 – 281.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.//НА ИА НАНУ. – 1955а. - 1955/15. – 97 л., 117 рис.

Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса 1955 года//СГЭ.- 1956. - Вып. 10. - С. 54–57.

Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе //ВДИ. – 1956а. - № 3. – С. 141 – 151.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1957 г.//НА ИА НАНУ. – 1957. - 1957/12р. – 54 л., 85 илл.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.//Хсб. – 1959. – Вып. 5. – С. 13 – 74.

Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г.//НА НЗХТ. – 1959а. – Д. № 750/1 – 2. - 45 л, 74 илл.

Белов Г. Д. Эллинистические дома в Херсонесе//ТГЭ. – 1962. – Вып. 7,3. – С. 143 – 183.
Белов Г. Д. Из истории экономической жизни Херсонеса III – IV вв.//Античный город. – М., 1963. – С.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1965 г.//НА ИА НАНУ. – 1965. - Д. № 1965/2д. – 26 л., 52 рис.
Белов Г. Д. Стеклоделие в Херсонесе //СА. – 1965а. - № 3. – С. 237 – 239.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1968 г.//НА ИА НАНУ. – 1968. – Д. № 1968/59. – 13 л., 23 рис.
Белов Г. Д. Херсонесская экспедиция Эрмитажа//АО 1967 г. – М., 1968а. – С. 218 – 219.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 г.//НА ИА НАНУ. – 1969. – Д. № 1969/90. – 36 л., 53 рис.
Белов Г. Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе //КСИА. – 1969а. – Вып. 116. – С. 80 – 84.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1971 г.//НА ИА НАНУ. – 1971. – Д. № 1971/72. – 21 л., 31 рис.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 г.//НА ИА НАНУ. – 1973. – Д. № 1973/77. – 19 л., 51 рис.
Белов Г. Д. Раскопки в Северном районе Херсонеса в 1968 г.//Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – К., 1974. – С. 82 - 92.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1975 г.//НА ИА НАНУ. – 1975. – Д. № 1975/73. – 24 л., 58 рис.
Белов Г. Д. Итоги Херсонесской экспедиции Государственного Эрмитажа за 1972 – 1974 гг.//150 лет Одесскому археологическому музею. - Тезисы докладов. - Киев, 1975а. - С. 138 – 140.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г.//НА ИА НАНУ. – 1976. – Д. № 1976/67. – 25 л., 62 рис.
Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 г.//НА ИА НАНУ. – 1977. – Д. № 1977/71. – 18 л., 65 рис.
Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1947 г.//НА НЗХТ. – 1947. – Д. № 625/1. – 58 л.
Беляев С. А. Отчет Херсонесской экспедиции в 1972 г. о раскопках могильников у сс. Куйбышево, Терновки и Любимовки (Юго-Западный Крым)//НА НЗХТ. – 1972. - Д. № 1655. - 42 л., 45 илл.
Бертье-Делагард А. Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса//ЗООИД. – 1906. – Т. 26. – С. 215 – 276.
Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. — М., 1953. — 208 с.
Блаватский В. Д. Античная полевая археология. – М., 1967. - 208 с.
Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. Полис и миграции греков // ПГКСВП. — 1979. — С. 7—29.
Большаков О. Г. Средневековый город Ближнего Востока VII – середины XIII вв. Социально-экономические отношения. – М., 1984. – 344 с.
Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных печей и склепа в 1955 г.//НА НЗХТ. – 1955. – Д. № 710/1-2. – 35 л., 99 илл.
Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя древнего Херсонеса//НА ИА НАНУ. – 1956. - 1956/36. – 24 л., 74 рис.
Борисова В. В. Отчет о раскопках гончарных мастерских Херсонеса Таврического в 1957 г. //НА ИА НАНУ. – 1957. – Д. № 1957/12о. – 11 л., 26 рис.
Борисова В. В. Гончарные мастерские Херсонеса (По материалам раскопок 1955 – 1957 гг.)//СА. – 1958. - № 4. – С. 145 – 153.
Борисова В. В. Археологические работы музея за 1957 – 1958 гг.//СХМ. – 1960. – Вып. - С. 69 - 72.
Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1960 г (раскопки в цитадели)//НА ИА НАНУ. — 1960а. - Д. 1960/17а. – 15 л., 58 рис.
Борисова В. В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1958 г. (цитадель)//НА ИА НАНУ. — 1962. - Д. № 1962/63. – 28 л., 58 рис.

Борисова В. В. Херсонес//Керамическое производство и античные керамические строительные материалы//САИ. – Г1-20. – М., 1966. – С. 13 – 17, 12 табл.

Бороздин И. Н. Новейшие археологические открытия в Крыму (Раскопки на Гераклейском полуострове). – М., 1925. – 30 с.

Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. - М., 1990. - 232 с.

Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху//МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 5. – Симферополь, 2008. – 424 с.

Буйских А. В., Зубарь В. М. По поводу интерпретации ритуальных конструкций поселения на западном берегу Казачьей бухты в окрестностях Херсонеса//Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. – Керчь, 2007. - С. 37 – 45

Буйських А. В., Зубар В. М. З приводу теменосу античного поселення на західному березі Козачої бухти в околицях Херсонеса//Археологія. — 2007а. — № 3. — С. 14—24.

Введение//Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004. – С. 7 – 28.

Вдовиченко И.И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое //Проблемы истории и археологии Крыма. - Симферополь, 1994. - С. 82 - 88.

Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана. Інкерманський могильник//АП УРСР. – 1963. – Т. 13. – С. 15 – 42.

Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства//Эллинизм: экономика, история и культура. — М., 1990. — С. 310—371.

Власов В. П. Трехручные сосуды из могильника Дружное //МАИЭТ. - 2000. – Вып. 7. - С. 65 - 68.

Высотская Т. Н. Население округи Херсонеса Таврического в I - IV вв. н. э. (по материалам некрополя «Совхоз № 10»//Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 24 - 26.

Высотская Т. Н. Склепы могильника совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии//МИАЭТ. - 1998. – Вып. 6. - С. 256 - 273.

Высотская Т. Н. О некоторых особенностях погребенных в могильнике «Совхоз № 10» (на основе лепных погребальных урн) //Поздние скифы Крыма. - Труды ГИМ. - Вып. 118. - 2001. - С. 167 - 174.

Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии. – К., 1999. – 420 с.

Гавритухин И. О. Фибулы и ременные гарнитуры из цистерны П-1967 г. в Херсонесе //МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9. – С. 217 – 228.

Гилевич А. М. Отчет о раскопках участка перибола у 17-й куртины стен Херсонеса (перемычка)// НА НЗХТ. – 1958. – Д. № 1057-1058. – 19 л., 31 рис.

Гилевич А. М. Раскопки участка перибола у 17-й куртины оборонительных стен Херсонеса// СХМ. – 1960. – 1. – С. 24 – 29.

Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса//НС. – 1968. – Вып. 3. – С. 3 – 61.

Глускина Л. М. Аренда земли в Аттике в IV в. до н. э.//ВДИ. — 1968. — № 2. — С. 42—58.

Голофаст Л. К вопросу о стеклоделии позднеантичного Херсонеса//Международная конференция «Византия и Крым». – Тезисы докладов.– Севастополь, 1997. – С. 35 – 36.

Голофаст Л. А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе//МАИЭТ. – 1998. – Вып. 6. – С. 312 – 326.

Голубцова Е.С. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III—I вв. до н. э. // ВДИ. — 1967. — № 3. — С. 25—44.

Гриневич К. Э. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г.//Крым. – 1928. - № 2(10). – С. 34 – 71.

Гриневич К. Э. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района // Крым. – 1929. - № 2 (10). – С. 38 – 50.

Даниленко В. Н., Романчук А. И. Раскопки в Портовом районе Херсонеса//АО 1970 г. – М., 1971. – С. 262 – 263.

Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV – V вв. н. э. – М., 1961. – 304 с.

Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н. э. (по материалам Ура)//Древний Восток. Города и торговля. – Тезисы докладов. – 1973. – С. 30 – 34.

Дьячков С. В. Работы Херсонесской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1995 г.//Древности 1996. – Харьков, 1997. – С. 157 – 158.

Дьячков С. В. Исследования в Портовом районе Херсонеса//АИК 1995 г. – Симферополь, 2007. – С. 54.

Дьячков С. В., Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Магда А. В., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1994 г. (так называемая казарма)//НА НЗХТ. – 1994. – Д. №№ 3226 - 3227/1-2. - 82 л., 73 рис.

Дьячков С. В., Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1995 г. («казарма», «центр квартала»)//НА НЗХТ. – 1995. – Д. № 3268. – 159 л., 109 рис.

Дьячков С. В., Магда А. В. Работы Херсонесской экспедиции Харьковского университета в 1994 г.// Древности 1995 г. – Харьков, 1995. – С. 176 – 177.

Дьячков С. В., Магда А. В. Раскопки в Портовом районе Херсонеса//АИК 1994. – Симферополь, 1997. – С. 96 – 98.

Жеребцов Е. Н. Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова//КСИА. – 1981. – Вып. 168. – С. 38 – 45.

Жеребцов Е.Н. Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. — М., 1985. — Вып. 182. — С. 38—45.

Журавлев Д. В. Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского периода из Херсонеса//ПИФК. – 2007. – Т. 17. – С. 339 – 355.

Журавлев Д. В., Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения//Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. - VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004. – С. 183 -256.

Засецкая И. П. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв. до н. э. – СПб., 1994. – 224 с.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном участке Херсонеса в 1974 г. //НА ИА НАНУ. – 1974. – Д. № 1974/104. – 29 л., 38 илл.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1975 г.//НА ИА НАНУ. – 1975. – Д. № 1975/49. – 40 л., 71 илл.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1977 г. // НА ИА НАНУ. – 1977. – Д. № 1977/72. – 34 л., 42 рис.

Золотарев М. И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе//АДСВ. – 1977а. – Вып. 14. – С. 27 – 33.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1978 г.//НА ИА НАНУ. – 1978. – Д. № 1978/108. – 28 л., 41 рис.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1983 г.//НА ИА НАНУ. – 1983. – Д. № 1983/70. – 32 л., 73 рис.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1984 г.//НА НЗХТ. – 1984. – Д. № 2480/1-2. - 28 л., 53 рис.

Золотарев М. И. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1987 г.//НА ИА НАНУ. – 1987. – Д. № 1987/70. – 29 л., 39 рис.

Золотарев М. И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе //Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Часть 2. – С. 135 – 138.

Золотарев М. И., Буйских А. В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции//ВДИ. - 1994. - № 3. – С. 78 – 101.

Золотарев М. И., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2002 г.//НА ИА НАНУ. – 2002. – 2002/53. - 22 л., 82 рис.

Золотарев М. И., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2003 г.//НА ИА НАНУ. – 2003. – 2003/102. - 172 л., 128 рис.

Золотарев М. И., Ушаков С. В. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2004 г.// НА ИА НАНУ. – 2004. – 2004/67. - 48 л., 178 рис.
Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. — К., 1982. — 144 с.
Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - Киев, 1993. -140 с.
Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994. - 180 с.
Зубарь В. М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э. - первая половина VI в.). - К., 1998. -200 с.
Зубарь В. М. Еще раз о Таврическом лимесе//РА. – 2000. - № 2. - С. 52 -60.
Зубарь В. М. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III - на рубеже IV - V вв.//Stratum plus. - 2000а. - 4. - С. 291 - 302.
Зубар В. М. Ще раз про римську військову присутність у Херсонесі в другій половині III - на зламі III - IV ст.//Археологія. - 2000б. - № 3. - С. 83 - 97.
Зубарь В. М. О так называемом алтаре на территории римской цитадели Херсонеса//Старожитності степового Причорномор'я і Криму. - 2001. – Вып. 9. – С. 206 – 208.
Зубарь В. М. Римское военное присутствие в Таврике//Stratum plus. – 2001 – 2002. - № 4. – С. 8 – 179.
Зубарь В.М. Еще раз по поводу интерпретации надписи в честь Агасикла, сына Ктесия (IOSPE I², № 418)//ВДИ. — 2004. — № 3. — С. 89—99.
Зубарь В. М. Херсонес и римское военное присутствие в Таврике во второй половине II – третьей четверти III вв.//Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004а. – С. 73 – 182.
Зубарь В. М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – К., 2004б. – 312 с., илл.
Зубарь В. М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонес во второй половине IV – первой трети III вв. до н. э. //Херсонес Таврический в третьей четверти VI - середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. К., 2005. – С. 121 - 208.
Зубарь В. М. Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III – первой половине II вв. до н. э.//Херсонес Таврический в третьей четверти VI - середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. - К., 2005а. – С. 209 – 242.
Зубарь В. М. Херсонес во второй половине II – середине I в. до н. э.//Херсонес Таврический в третьей четверти VI - середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. - К., 2005б. – С. 243 – 292.
Зубар В. М. Про характер контактів Херсонеса і населення Таврики в другій половині III – IV ст.// Археологія у Києво-Могилянській Академії. - К., 2005в. - С. 126 – 136.
Зубарь В. М. Из истории Херсонеса и населения Таврики во второй половине III – начале V вв.// Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. – Труды ГИМ. – Вып. 159. – М., 2006. - С. 76 – 93.
Зубарь В. М. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове// ПИФК. – 2006а. – Т. XVI/1. - С. 67 – 87.
Зубарь В. М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. История раскопок и некоторые итоги изучения. – К., 2007. - 318 с., илл.
Зубар В. М., Рижов С. Г. Розкопки Західного некрополя Херсонеса//Археологія. – 1982. – Вип. 39. – С. 77 – 87.
Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Новый погребальный комплекс II - IV вв. и экономическое развитие Херсонеса//Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э. - Киев, 1986. – С. 101 – 129.
Зубарь В. М. , Рыжов С. Г., Шевченко А. В. Новый погребальный комплекс Западного некрополя Херсонеса//Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С. 148 – 165.
Зубар В. М., Савеля О. Я. Сарматський могильник другої половини I - початку II ст. н.е. в Південно-Західному Криму//Археологія. - 1989. - № 2. – С. 74 – 83.
Зубар В. М., Козак Д. Н. Рец.: Пиоро И. С. Крымская Готия.— К., 1990 // Археологія.— 1992.— № 1. - С. 127 - 131.

Зубар В. М., Сарновський Т., Савеля О. Я. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського//Археологія. - 1997. - № 4. – С. 67 – 76.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V – VI вв.: политический и экономический аспекты//Хсб. – 1998. – Вып. 9. – С. 118 – 132.

Зубарь В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического//ВДИ. - 1999. - № 2. - С. 197 - 207.

Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI вв.). - К., 2000. - 200 с.

Зубарь, В. М., Сарновский Т., Антонова И. А. Новая латинская надпись из раскопок Херсонеса и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса//ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. - Памяти Ю. Г. Виноградова//Хсб. - 2001. – Вып. 11. - С. 106 - 115.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв.//Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004. – С.495 – 519.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Экономическая жизнь Херсонеса в конце III – VI вв.//Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004а. – С. 546 – 555.

Зубарь В. М., Буйских А. В. По поводу интерпретации памятников Маячного полуострова// МАИЭТ. — 2006. — Вып. 12, 1. — С. 7—42.

Зубарь В. М., Зинько В. Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории//БИ. – 2006. Вып. 12. – 304 с.

Зубарь В. М., Сон Н. А. Северо-Западное Причерноморье в античную эпоху. – Основные тенденции социально-экономического развития//МАИЭТ. – Supplementum 3. – Симферополь, 2007. - 240 с.

Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Основные этапы археологического изучения памятников на территории цитадели Херсонеса Таврического//БИ. – 2008. – Вып. 19. – С. 156 – 249.

Иванов А. В. О локализации античного поселения на территории современной Балаклавы//Ольвия – 200. – Тезисы докладов. – Николаев, 1994. - С. 54 – 56.

Иванов А. В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы//Хсб. – 1997. – Вып. 8. - С. 46 - 52.

Иванов А. В. Отчет Балаклавской археологической экспедиции о работах на западном берегу Балаклавской бухты в сезон 2000 г.//НА ИА НАНУ. – 2000. – Д.№ 2000/129. – 37 л., рис. 20.

Иванов А. В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч//Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – К., 2001. – С. 222 - 234.

Иванов А. В. Антропологический материал из раскопок некрополя на территории древнего земельного участка 6 (бухта Омега)//Николаенко Г. М., Филиппенко А. А. Отчет об археологических исследованиях на территории застройки жилого микрорайона «Омега-2А». 3-я очередь//НА ИА НАНУ. – 2004. – Д. № 2004/190. – 3 л.

Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I –IV вв. н. э. – Харьков, 1970. – 164 с.

Кадеев В. И. Отчет о раскопках на участке «Центра квартала» в Херсонесе в 1970 г.//НА НЗХТ. – 1970а. – Д. № 1860. – 27 л.

Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе//АО 1970 г. – М., 1971. – С. 268 – 269.

Кадеев В. И. Херсонес Таврический в I в. до н. э. - III в. н. э.- Автореф. … докт. ист. наук. – М., 1975. – 40 с.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981. — 144 с.

Кадєєв В. І., Рижов С. Г. Нова рибозасолювальна цистерна в Херсонесі//Археологія. – 1972. – Вип. 12. – С. 76 – 80.

Кадеев В. И., Мещеряков В. Ф., Сорочан С. Б. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «Центр квартала» в Портовом районе в 1981 г.//НА ИА НАНУ. – 1981. - 1981/61. – 56 л., 73 рис.

Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н. э. – Харьков, 1989. – 134 с.

Казанский М. О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье//Византия и Крым. - Тезисы докладов. - Симферополь, 1997. - С. 48 - 51.

Кацур Н. П. Археологічна карта Інкерманської долини//АП УРСР. – 1963. – Вип.. 13. – С. 7 – 14.

Кленина Е. Ю. (при участии Созин В. В.). Керамические сосуды II – III вв. н. э. из усадьбы «Блезницы» (Хора Херсонеса Таврического). – Poznañ, 2004. — 113 с., 31 рис., 7 табл.

Кобелев А. С., Ковалевская Л. А., Туровский Е. Я. Отчет о раскопках Гераклейской экспедиции Херсонесского заповедника за 1987 г.//НА ИА НАНУ. – 1987. – Д. № 1987/74. – 95 л., 91 илл.

Ковалевская Л.А. Винодельческий комплекс в верховьях Стрелецкой балки// История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную эпоху. -Тезисы докладов. - Севастополь, 1987. - С. 27.

Ковалевская Л. А. Отчет о раскопках усадьбы надела 341 в Юхариной балке //НА НЗХТ. – 1991. – Д. №№ 3075 – 3076. – 27 л., 12 илл.

Ковалевская Л.А. Отчет о раскопках в Сарандинакиной балке и усадьбы надела № 341 на 5-м километре//НА НЗХТ. – 1993. - Д №№ 3203 - 3205. – 71+57 л.

Ковалевская Л. А. Работы на земельном наделе 341 и линии водопровода в Сарандинакиной балке//АИК 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 137 - 141.

Ковалевская Л.А. Раннесредневековые круглые сооружения на Гераклейском полуострове//Тезисы международной конференции «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.)» - Симферополь, 1994а. - С. 18-19.

Ковалевская Л.А. Отчет Гераклейского отряда Севастопольской археологической экспедиции об исследовании постройки земельного надела № 341 в 1995 – 1996 гг.//НА КФИА НАНУ. - 1995 – 1996. - № 556. - Папка 924. - 98 л., илл.

Ковалевская Л. А. Исследования постройки надела 341//АИК 1994 г. – Симферополь, 1997. – С. 69 – 70.

Ковалевская Л.А. Усадьба IV-II на земельном наделе 341//Херсонес в античном мире. - Тезисы докладов на международной конференции. - Севастополь, 1997а. - С. 47 – 48.

Ковалевская Л. А. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341//Хсб. – 1998. – Вып. 9. – С. 89 – 99.

Ковалевская Л. А. Типы построек римского времени в округе Херсонеса (пл. 18 – 19) // Œwiatowit. — 1999. — T. I (XLII). — Fasc. A. — C. 49—53.

Ковалевская Л.А. Усадьба надела 106 в системе экономических связей Херсонеса в IV - II вв. до н.э.//Тезисы докладов IX международной конференции «Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и в средние века». – Ростов-на-Дону, 2001. - С. 58 – 61.

Ковалевская Л. А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического//БИ. – 2005. – Т. 8. – С.263 – 272.

Ковалевская Л. А. Исследования постройки земельного надела № 341 на Гераклейском полуострове//АИК 1995 г. – Симферополь, 2007. – С. 138.

Ковалевская-Сарновска Л. А. Рец.: Кленина Е. Ю. (при участии Созник В. В.). Керамические сосуды II – III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (Хора Херсонеса Таврического). – Poznan, 2004//Археологія. - 2005. - № 4. – С. 113 – 119.

Ковалевская Л. А., Сарновски Т. Хора Херсонеса Таврического (Крым). Усадьба 338. Раскопки 2003 г.//Œwiatowit. - Rocznik Instytutu Archeologii Universytetu Warszawskiego. N.S. – Fasc. A: Archeologia Srodziemnomorska i pozaeuropejska. – 2003. - T.5 (46). - C. 49 – 53.

Ковалевская Л.А., Шевченко А.В. Алтарик с изображением Девы с хоры Херсонеса//Хсб. - 2003. - Вып. 12. - С. 89 – 91.

Ковалевская Л. А., *Суханова И. Ю.* Лепная керамика из раскопок сельской усадьбы 338 в округе Херсонеса//Хсб. – 2006. – Вып.14. – С. 215 – 224.

Коваленко С. А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // НЭ. — 1999. — Т. 16. — С. 108—131.

Колганов Н. В. Собственность. Докапиталистические формации. – М., 1962. – 496 с.
Комар А. В. Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – Киев-Судак, 2004. – С. 201 – 244.
Контны Б., Савеля Д. Ю. Вооружение могильника в Клен-балке//МАИЭТ. – 2006. – Вып. 12. – С. 129 – 160.
Костромичева Т. И., Быков М. Я. Клад херсонесских монет IV – III вв. до н. э. //АО 1973. – М., 1974. – С. 293 - 294.
Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчёта о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900г.// ИАК. — 1902. — Вып. 2. — С. 1—39.
Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Таврическом//ОАК за 1904 г.- СПб., 1907. – С. 49 – 69.
Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. – М., 1979. – 296 с.
Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики//Античная Греция. – М., 1983. – Ч. 1. – С. 217 – 246.
Кравченко Э.А. К вопросу об изменениях в материальной культуре населения Горного Крыма в предскифское время//REVISTA ARCHEOLOGIA. – 2007. - Vol. III. - № 7—8.—Kishinau, 2007.—С. 282—294.
Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР//САИ – Вып. Г 4-4. – М., 1961. – 136 с.
Кругликова И. Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове//КСИА. — 1981. — Вып. 168. — С. 9—26.
Кругликова И. Т. Херсонесская усадьба на наделе № 10//КСИА. – 1983. – Вып. 174. – С. 43 – 51.
Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. — К., 1982 — 166 с.
Крыжицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993. – 248 с., илл.
Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. – К., 1982. – 168 с.
Крижицький С. Д., Зубар В. М. До питання про реконструкцію храму Юпітера Доліхена на території сучасної Балаклави//Археологія. - 2000. - № 1. – С. 119 – 130.
Крыжицкий С. Д., Зубарь В. М. К вопросу об археологической реконструкции и интерпретации остатков римского опорного пункта, открытого на территории Балаклавы//ВДИ. – 2002. - № 3. – С. 92 – 103.
Кузищин В. И. Очерки истории земледелия Италии II в. до н. э. - I в. н. э. – М., 1966. – 310 с.
Кузищин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. – М., 1990. – 272 с.
Кузищин В. И., Иванчик А. И. «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического// ВДИ. – 1998. - № 1. - С. 205 – 233.
Кулаковский Ю. Епископа Феодора «Аланское послание»//ЗООИД. – 1898. – Т. 21. – С. 15 – 27.
Леви Е. И. Ольвия. Город эпохи эллинизма.- Л., 1985. – 152 с.
Лисин В. П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г.//ВДИ. – 1939. - № 2. - С. 135 – 140.
Лысенко А. В. Римские монеты конца 3 – начала 4 вв. в южной части Таврики//Древняя Таврика. Археологические исследования. – Симферополь, 2007. - С. 187 – 192.
Маликов В. М. Отчет о поездке в Балаклаву в августе 1958 г. в связи с обнаружением там случайных археологических находок//НА НЗХТ. – 1958. – Д. № 786. – 4 л.
Мальмберг В. К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 – 1889 гг.// МАР. – 1892. – Вып. 7. – С. 3 – 23, Табл. I- IV.
Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – 192 с.
Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. - Харьков, 1985. – 148 с.
Мульд С. А. Могильники варварского населения Крыма в I - V вв. //МАИЭТ. - 1996. – Вып. 5. - С. 279 - 289.
Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. – СПб., 2006. - 208 с., илл.
Нессель В. А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка//Хсб. – 2003. – Вып. 12. - С. 107 – 123.
Нессель В.А., Николаенко Г.М., Олтаржевский Г.А., Петроковский А.И. Ритуальные конструкции поселения на западном берегу Казачьей бухты // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. - Киев-Судак, 2006. - Вып. 2. – С. 253 – 254.

Нессель В.А., Николаенко Г.М., Олтаржевский Г.А., Петроковский А.И. Ритуальные конструкции поселения на западном берегу Казачьей бухты (Маячный полуостров)//Сугдейский сборник. – Киев-Судак, 2008. – Т. 3. – С. 488 - 495.

Николаенко Г. М. Исследования на Гераклейском полуострове//АО 1982 г. – М., 1984. – С. 306 – 307.

Николаенко Г. М. Исследования на хоре Херсонеса//АО 1985 г. – М, 1987. – С. 381 – 382.

Николаенко Г. М. Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. — К., 1988. — С. 203—211.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса в римский период//Хсб. – 1998. – Вып. 9. – С. 83 – 88.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV—III вв. до н. э. Ч. 1. — Севастополь, 1999. — 83 с.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадаст IV—III вв. до н. э. Ч. 2. — Севастополь, 2001. — 164 с.

Николаенко Г. М., Оленина Е. Ф., Савеля О. Я., Черных А. А., Викторова М. А. Исследования на Гераклейском полуострове и в Бельбекской долине//АО 1977 г. – М., 1978. – С. 362 – 363.

Николаенко Г. М., Сенаторов С. Н. Отчет о раскопках кургана в балке Бермана в 1985 г.//НА ИА НАНУ. – 1985. – Д. № 1985/75. – Л. 22 – 31, 26 илл.

Николаенко Г. М., Гинькут Н. В. Культовые сосуды эллинистического времени из раскопок поселения на западном берегу Казачьей бухты//Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. - Севастополь, 2003. - С. 32 - 33.

Николаенко Г. М., Филиппенко А. А. Отчет об археологических исследованиях на территории застройки жилого микрорайона «Омега-2А». 2-я очередь//НА ИА НАНУ. – 2004. – Д. № 2004/190. - 21 л., 33 илл., 8 рис., 7 чертежей.

Николаенко Г. М., Филиппенко А. А. Могильник римского времени на водоразделе Омега-Камышовая//Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. – Киев-Судак, 2006. – Вып 2. – С. 270 – 274.

Николаенко Г. М., Филиппенко А. А. Могильник римского времени на водоразделе Омега-Камышовая//Сугдейский сборник. – Киев-Судак, 2008. – Вып. 3. – С. 503 – 514.

Омелькова Л. А. Отчет о спасательных разведках и раскопках, проведенных в Бельбекской долине в 1978 г.//НА ИА НАНУ. – 1978. – Д. № 1978/87. – 77 л., 80 илл.

Омелькова Л. А. Изучение сельских поселений в Бельбекской долине//АО 1979 г. – М., 1980. – С. 316 – 317.

Омелькова Л. А. Исследование сельских поселений в долине р. Бельбек//АО 1980 г. – М., 1981. – С. 294.

Омелькова Л. А. Исследование поселения в долине р. Бельбек//АО 1983 г. – М., 1985. – С. 330 – 331.

Омелькова Л. А. Отчет о спасательных раскопках и разведках в Бельбекской долине в 1985 г.//НА ИА НАНУ. – 1985а. – Д. № 1985/114. – 141 л., 113 илл.

Омелькова Л. А. Исследование раннесредневековых памятников в Бельбекской долине//АО 1985 г. – М., 1986. – С. 284 - 285.

Омелькова Л. А. Отчет о спасательных раскопках и разведках в Бельбекской долине в 1986 г.//НА ИА НАНУ. - 1986а. - Д. №. 1986/102. – 135 л., 106 илл.

Омелькова Л. А. Исследование раннесредневековых памятников в Бахчисарайском районе//АО 1985 г. – М., 1987. – С. 383.

Омелькова Л. А. Отчет Бельбекского отряда Крымской археологической экспедиции о спасательных раскопках в Бельбекской долине в 1987 г.//НА ИА НАНУ. - 1987а. - Д. №. 1987/190. – 72 л., 82 илл.

Омелькова Л. А. Исследование раннесредневековых памятников в Бельбекской долине//АО 1986 г. – М., 1988. – С. 320.

Омелькова Л. А. Отчет Бельбекского отряда Крымской археологической экспедиции о спасательных раскопках в Бельбекской долине в 1989 г.//НА ИА НАНУ. – 1989. – Д. №. 1989/146. – 114 л., 119 илл.

Павленко Ю. В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств//Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – К., 1984. – С. 169 – 218.

Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). – К., 1989. – 288 с.

Пиоро И. С. Крымская Готия. - К., 1990. - 200 с.

Пиоро И. С. Черняховская культура и Крым//Сто лет черняховской культуре.- К. 1999. – С. 231 – 241.

Плетнева С. А. О построении кочевого лагеря – вежи//СА. – 1964. - №. 3. – С. 133 – 140.

Плетнева С. А. От кочевий к городам//МИА. – 1967. – Вып. 142. – 200 с.

Плетнева С. А. Кочевники Южнорусских степей в эпоху средневековья. IV - XIII века. – Воронеж, 2003. – 248 с.

Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). – Київ-Чернівці, 2001. – 284 с.

Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. - III в. н. э. //ВДИ. - 2001. - № 3. - С. 86 - 118.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неволя И. И. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике//Хсб. - 1999. – Вып. 10. - С. 194 - 207.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неволя И. И. Новые памятники III - IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. - 2001. – Вып. 8. – С. 32 – 50.

Рогов Е. Я. Экология Западного Крыма в античное время//ВДИ. – 1996. - № 1. – С. 70 – 84.

Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе//АДСВ. – 1973. – Вып. 9. – С. 45 – 53.

Романчук А. И. Отчет о раскопках сельского поселения у поселка Заря свободы в 1974 г. (низовья реки Бельбек)//НА НЗХТ. – 1974. – Д. № 1723. - 29 л., 135 илл.

Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса//ВВ. – 1976. – Т. 37. – С. 156 – 159.

Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса//АДСВ. – 1977. – С. 18 – 26.

Романчук А. И. Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции// АДСВ. – 1980. - Вып. 17. - Античные традиции и византийские реалии. - С. 71 – 85.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. - Екатеринбург, 2000. – 390 с.

Романчук А. И., Щербакова В. С., Долганов А. Ф. Раскопки сельского поселения в долине Бельбека//АО 1974 г. – М., 1975. – С. 345.

Романчук А. И., Омелькова Л. А. Разведки в Бельбекской долине//АО 1977. – М., 1978. – С. 379.

Романчук А. И., Омелькова Л. А., Пелевина О. Л., Ковалев Ю. М. Исследование средневековых памятников в долине р. Бельбек//АО 1978 г. – М., 1979. - С. 395.

Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI – I вв. до н. э.). – К., 1982. – 168 с.

Русяева А. С. Древнейший теменос Ольвии Понтийской//МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 2. – Симферополь, 2006. - С. 75 – 94.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках склепа у с. Хмельницкое 15 февраля 1972 г.//НА НЗХТ. – 1972. – Д. № 1660. – 11 л.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках гончарной печи в Песочной бухте. 1977 г. //НА НЗХТ. – 1977. – Д. № 1916. - 29 л., 8 рис.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках дома IV – III вв. до н. э. во II квартале Северо-Восточного района городища//НА ИА НАНУ. - 1978. – Д. № 1978/46. - 39 л., 68 рис.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках II квартала Северо-Восточного района Херсонеса в 1979 г.//НА ИА НАНУ. – 1979. – Д. № 1979/8[и]. - 37 л., 72 рис.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса в 1984 г.//НА ИА НАНУ. – 1984. – Д. № 1984/49. - 57 л., 111 рис.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном района Херсонеса в 1985 г.//НА ИА НАНУ. – 1985. – Д. № 1985/66а. - 73 л., 150 рис.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках Ха квартала в Северном районе Херсонеса в 1989 г.//НА ИА НАНУ. – 1989. – Д. № 1989/203. – 25 л., 83 рис.

Рыжов С. Г. Отчет за 1992 г. в Северном районе Херсонеса в кварталах Х и Ха//НА ИА НАНУ. – 1992. – Д. № 1992/138. - 49 л., 43 илл.

Рыжов С. Г. Терракотовая мастерская в Северном районе Херсонеса//Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. – Тезисы докладов. – Харьков, 1995. – С. 76 – 77.

Рыжов С.Г. Терракотовая мастерская в Северном районе Херсонеса//Древности 1995 г. — Харьков, 1995а. — С. 64—72.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках квартала Хб в Северном районе Херсонеса в 1997 г. //НА НЗХТ. – 1997. – Д. № 3344. - 52 л., 65 рис., 4 табл.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках квартала Хб в Северном районе Херсонеса в 1998 г.//НА НЗХТ.- 1998. – Д. № 3381. - 40 л., 66 рис., 24 табл.

Рыжов С. Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2007 г. //НА ИА НАНУ. – 2007/55. – 58 с., 87 рис., 187 табл.

Савеля О. Я. Отчет о разведках на Северной стороне Севастополя и в Бельбекской долине в 1964 – 1965 гг.//НА НЗХТ. – 1964 – 1965. – Д.№ 1198. – 18 л.

Савеля О. Я. Разведки в окрестностях Севастополя//АО 1967 г. – М., 1968. – С. 201 – 202.

Савеля О. Я. Отчет о разведках могильника первых веков н. э. в Килен-Балке в 1968 г.//НА ИА НАНУ. – 1968а. – Д. № 1968/65. – 4 л., 20 рис.

Савеля О. Я. Поиски в окрестностях Севастополя//АО 1968 г. – М., 1969. – С. 289 – 290.

Савеля О. Я. Отчет о разведках в Килен-балке в 1969 г.//НА ИА НАНУ. – 1969а. – Д. № 1969/93. - 8 л., 13 илл.

Савеля О. Я. Об организации сельскохозяйственной территории Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове в первые века н. э.//Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. – Тбилиси, 1971. – С. 162 – 163.

Савеля О. Я. Работы на Гераклейском полуострове//АО 1971 г. – М., 1972. – С. 369 – 370.

Савеля О. Я. Раскопки и разведки в окрестностях Севастополя//АО 1973 г. – М., 1974. – С. 337 – 338.

Савеля О. Я. Таврское поселение в долине Бельбека//Херсонес Таврический. Ремесло и культура. – К., 1974а. – С. 92 – 95.

Савеля О. Я. Отчет о новостроечных исследованиях памятников археологии в долине р. Бельбек в 1978 г.//НА ИА НАНУ. – 1978. – Д. № 1978/133. – 23 л., 76 илл.

Савеля О. Я. Раскопки и разведки у Сапун-горы//АО 1978 г. – М., 1979. – С. 398.

Савеля О. Я. Работы Севастопольской экспедиции//АО 1979 г. – М., 1980. – С. 334 – 225.

Савеля О. Я. Отчет Севастопольской охранно-археологической экспедиции о полевых исследованиях 1981 г. в зонах новостроек//НА ИА НАНУ. – 1981. – Д. № 1981/147. - 46 л., 124 илл.

Савеля О. Я. Работы Севастопольской экспедиции//АО 1981 г. – М., 1982. – С. 314 – 316.

Савеля О. Я. Отчет охранно-археологической экспедиции Херсонесского гос. заповедника в зоне новостроек г. Севастополя//НА ИА НАНУ. – 1982а. – Д. № 1982/129. - 44 л., 128 илл.

Савеля О. Я. Заключение//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках 1983 г. в Балаклавском районе г. Севастополя (промкомплекс «Гасфорт»)//НА ИА НАНУ. – 1983. – Д. № 1983/67. – Л. 23 – 24.

Савеля О. Я. Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках в 1983 г. в Балаклавском районе г. Севастополя//НА ИА НАНУ. -1983а. – Д. № 1983/67. – 24 л., 34 табл.

Савеля О. Я. Разведки на участке трассы водовода пос. Угловое – выс. Суздальская//Отчет о раскопках и разведках Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции Херсонесского историко-археологического заповедника на трассе водовода Саки-Севастополь (участок пос. Угловое-Севастополь) в 1985 г.//НА ИА НАНУ. – 1985. – Д. № 1985/112. – Л. 16 - 21.

Савеля О. Я. Разведки на участке трассы водовода пос. Угловое – выс. Суздальская//Отчет о раскопках и разведках Севастопольской охранно-новостроечной экспедиции Херсо-

несского историко-археологического заповедника на трассе водовода Саки-Севастополь (участок пос. Угловое-Севастополь) в 1985 г.//НА ИА НАНУ. – 1985. – Д. № 1985/112. – Л. 16 - 21.

Савеля О. Я. Работы Севастопольской экспедиции//АО 1984 г. – М., 1986. – С. 300 – 301.

Савеля О. Я. Раскопки поселения в урочище Таш-кулле на Сапун-горе//Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г.//НА ИА НАНУ. – 1987. –Д. № 1987/164. – л. 4 – 31.

Савеля О. Я. Исследования в окрестностях Севастополя//АО 1985 г. – М., 1987а. – С. 404 – 405.

Савеля О. Я. Разведки в Балаклавской долине, бассейнах рек Сухой и Черной//Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г.//НА НЗХТ. – 1987б. – Д. № 2766. - Л. 51 – 59.

Савеля О. Я. О размерах и структуре земельных владений Херсонеса в Юго-Западном Крыму в IV – II вв. до н. э.//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888 – 1988 гг. – Тезисы докладов. – Севастополь, 1988. – С. 93 – 95.

Савеля О. Я. Отчет о раскопках в урочище Таш-кулле (Балаклавский район г. Севастополя) в 1988 г.// НА ИА НАНУ. – 1988а. – Д. № 1988/47. – л. 2 - 15.

Савеля О. Я. Археологическая разведка на Микензиевых горах//Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г.//НА НЗХТ. – 1991. – Д. № 3068. –Л. 54 – 58.

Савеля О. Я. Раскопки и разведки Севастопольской археологической экспедиции в 1991 г.//АДУ 1992. – Київ, 1993. - С. 121 – 124.

Савеля О. Я. Работы Севастопольской экспедиции//АИК 1993 г. – Симферополь, 1994. – С. 235 – 238.

Савеля О. Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг.//Хсб. – 1997. – Вып. 8. – С. 88 – 95.

Савеля О. Я., Романчук А. И., Клигман Л. А. Археологические разведки в окрестностях г. Севастополя//АО 1969 г. – М., 1970. – С. 283 – 284.

Савеля О. Я., Черных А. А. Поселение первых веков н. э. у с. Верхне-Садовое// Отчет Гераклейской экспедиции музея за 1977 г.//НА НЗХТ. – 1977. – Д. № 1975. - л. 31 – 34.

Савеля О. Я., Черных А. А. Отчет о новостроечных исследованиях памятников археологии в долине р. Бельбек в 1977 – 1978 гг. //НА НЗХТ. –1977- 1978. – Д. № 2141. – 26 л., 18 илл.

Савеля О. Я., Черных А. А. Отчет о новостроечных исследованиях памятников археологии в долине р. Бельбек в 1978 г.//НА ИА НАНУ. – 1978. – Д. № 1978/133. – 23 л., 18 фото, 56 рис.

Савеля О. Я., Черных А. А. Работы Севастопольской новостроечной экспедиции//АО 1978 г. – М., 1979. – С. 398 – 399.

Савеля О. Я., Падалка Ю. В. Раннесредневековое поселение на высоте Безымянной (выс.249,7 – 162,0)//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о полевых исследованиях 1981 г. в зонах новостроек//НА НЗХТ. – 1981. – Д. № 2386. – С. 5 – 19.

Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Поселение у с. Оборонное//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о полевых исследованиях 1981 г. в зонах новостроек//НА НЗХТ. – 1981. – Д. № 2386. – Л. С. 20 – 28.

Савеля О. Я., Падалка Ю. В. Раскопки на поселении Гасфорт//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о полевых исследованиях 1982 г. в зонах новостроек//НА НЗХТ. – 1982. – Д. № 2324. - Л. 3 – 13.

Савеля О. Я., Пахалков И. П. Охранные доследования могильника первых веков н. э. Мамай–Оба в междуречье Бельбека и Качи в Юго-Западном Крыму в 1982 г.//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о полевых исследованиях 1982 г. в зонах новостроек//НА НЗХТ. – 1982. – Д. № 2324. – Л. 31 – 42.

Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у с. Оборонное// Отчет Севастопольской

охранно-новостроечной археологической экспедиции о полевых исследованиях 1982 г. в зонах новостроек//НА НЗХТ. – 1982. – Д. № 2324. – Л. 14 – 23.

Савеля О. Я., Падалка Ю. В. Раннесредневековое поселение Гасфорт (выс. 249,7 и 162,0)//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках 1983 г. в Балаклавском районе г. Севастополя (промкомплекс «Гасфорт»)//НА ИА НАНУ. – 1983. – Д. № 1983/67. – Л. 3 – 11.

Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у с. Оборонное//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках 1983 г. в Балаклавском районе г. Севастополя (промкомплекс «Гасфорт»)//НА ИА НАНУ. – 1983. – Д. № 1983/67. – Л. 14 – 22.

Савеля О. Я., Падалка Ю. В. Отчет о раскопках поселения Гасфорт в 1985 г. //НА ИА НАНУ. – 1985. – Д.№ 150. – 10 л., 6 илл.

Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у с. Оборонное//Отчет Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции о раскопках 1986 г. в Балаклавском районе г. Севастополя//НА НЗХТ. – 1986. – Д. №№ 2697-2698. – Л. 22 – 28.

Савеля О. Я., Суханова И. Ю. Средневековое поселение у с. Оборонное//Отчет о полевых исследованиях Севастопольской охранно-новостроечной археологической экспедиции в Балаклавском районе г. Севастополя в 1987 г.//НА НЗХТ. – 1987. – Д. № 2766. – Л. 36 – 45.

Савеля О. Я., Иванов А. В. Археологические разведки в верховье Сушильной балки//Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г.//НА НЗХТ. – 1991. – Д. № 3068. – – Л. 50 – 53.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Охранные исследования позднеантичного могильника III – V вв. по ул. Астраханской//Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1991 г.//НА НЗХТ. – 1991. – Д. № 3068. – Л. 23 – 42.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Охранные раскопки позднеантичного могильника по ул. Астраханской//Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г.//НА ИА НАНУ. – 1992. – Д. № 1992/112. – Л. 27 – 30.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Раскопки кургана в Верхнее-Юхариной балке//Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе в 1992 г. // НА НЗХТ. – 1993. – Д. №№ 3187, 3188/1-2. – Л. 13 – 20.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Могильники позднеантичной –раннесредневековой поры на Гераклейском полуострове (по материалам раскопок могильника в Килен-балке в 1991 – 1992 гг.)//Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья (IV – IX вв.). – Тезисы докладов. – Симферополь, 1994. – С. 60 – 61.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Курганы III – II вв. до н. э. в окрестностях Херсонеса Таврического// Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. – Тезисы докладов. - Севастополь, 1997. - С. 106 – 108.

Савеля О. Я., Савеля Д. Ю. Погребальный обряд сельского населения ближней округи Херсонеса позднеримского-ранневизантийского времени//Византия и Крым. – Тезисы докладов. – Севастополь, 1997а. – С. 72.

Савеля О. Я., Сарновски Т. Отчет об охранных археологических исследованиях сооружения римского-раннесредневекового времени в районе урочища Кавказ-Баир на Сапун-горе в г. Севастополе в 2004 г. //НА ИА НАНУ. – 2004. – Д.№ 2004/60. – 25 л., 46 рис.

Савеля О. Я., Сарновски Т., Демьянчук С. Г., Нессель В. А., Савеля Д. Ю., Канишевски Я. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о совместных археологических исследованиях в урочище Кавказ-Баир на Сапун-горе в г. Севастополе в 2005 г.//НА НЗХТ. - 2005.- Д.№ 3783. - 22 л., 36 рис.

Савеля О. Я., Сарновски Т., Нессель В. А. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о совместных археологических исследованиях в урочище Кавказ-Баир на Сапун-горе в г. Севастополе в 2006 г.//НА ИА НАНУ.- 2006.- Д. № 2006/177. - 27 л., 17 рис., 4 табл.

Сазанов А. В. Отчет о работах Херсонесской экспедиции в 1989 г.//НА ИА НАНУ. – 1989. - Д. № 1989/64. – 84 л., 181 рис.

Сайко Э. В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы ремесла).- Душанбе, 1973. – 112 с.

Сайко Э. В., Янковская Н. Б. Ремесленный тип организации труда на Ближнем Востоке в IV – II тыс. до н. э.//ВДИ. – 1988. - № 3. – С. 3 – 18.

Сапрыкин С. Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. – М., 2005. - 204 с., 21 рис.

Сарновски Т., Савеля О. Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. - Warschau, 2000. – 276 с., 17 табл.

Седикова Л. В. Керамическое производство в Херсонесе в IX в.//Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье (IV – IX вв.). – Тезисы докладов. – Симферополь, 1994.– С. 64 – 65.

Седикова Л. В. Керамические печи IX в. в Херсонесе//МАИЭТ. – 1995. – Вып. 4. – С. 434 – 440.

Сидоренко В. А. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV - начала V вв. с подражаниями «лучистого типа»//Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. - VII в. н. э. - К., 1987. - С. 133 - 144.

Соломоник Э.И., Николаенко Г.М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE, I², № 403)//ВДИ. — 1990. — № 2. — С. 79—99.

Сорочан С.Б. Мифы и реалии херсонесского хлебного экспорта // Древности за 1994 г. — Харьков, 1994. — С. 66—72.

Сорочан С. Б. Око и щит империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. – 2004. – Вып.5. – С. 320 – 161.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. - Ч. 1-2. – 1645 с.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Херсонес-Херсон-Корсунь. – Киев, 2003. – 240 с.

Стржелецкий С. Ф. Раскопки 1939 г. у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического // Хсб. — 1948. — Вып. 4. — С. 51—63.

Стржелецкий С. Ф. Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея в 1949 – 1955 гг. //НА НЗХТ. – 1949 – 1955. – Д.№№ 1391-1392/1-11. – 645 л.

Стржелецкий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического//ВДИ. – 1951. - № 3. – С. 85 – 90.

Стржелецкий С. Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. //ВДИ.- 1951а. - № 4. - С. 136 – 141.

Стржелецкий С. Ф. Отчет о разведке древних деревень округи Херсонеса. Инкерманская долина, Балаклава, Байдарская долина, окрестности Мангупа и Эски-Кермен//НА НЗХТ. – 1954. – Д. № 690. – 29 л., 12 фото.

Стржелецкий С. Ф. Пять клеров Херсонеса Таврического//СА. – 1957. - № 3. – С. 31 – 42.

Стржелецкий С.Ф. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи//Хсб. – 1959. – Вып. 5. – С. 121 – 159.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического//Хсб. — 1961. — Вып. 6. — 247 с.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10»)//Stratum plus. - 2003 – 2004. - № 4. – С. 27 – 277.

Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. – М., 2005. – 351 с.

Суров Е. Г. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом //Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. – 1942. – Т. 28. – Вып. 1- С. 93 – 128.

Суров Е. Г. Херсонесские цистерны (по архивным данным)//Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. – 1948. – Вып. 4. – С. 3 – 47.

Суханова И. Ю., Ковалевская Л. А. Отчет Херсонесской охранной экспедиции об исследовании усадьбы земельного надела 340 в 2004 г.//НА ИА НАНУ. – 2004. – Д. № 2004/161. – 24 л., 30 рис., 5 табл.

Суханова И. Ю., Ковалевская Л. А. Отчет Херсонесской охранной экспедиции об исследова-

нии усадьбы земельного надела 340 в 2005 г.//НА ИА НАНУ. – 2005. – Д. № 205/111. – 60 л., 46 рис.

Сюзюмов М. Я. О трактате Юлиана Аскалонита//АДСВ. – 1960. – Вып. 1. – С. 3 – 34.

Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских городов//Земли Южной Руси в IX – XIV вв. – К., 1985. – С. 5 – 19.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. – К., 1989. – 256 с.

Толочко П. П. Археология и древняя история (В защиту исторического марксизма). – К., 2007. – 105 с.

Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н. э.//Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. - Материалы конференции. - СПб., 1999. - С. 241 - 251.

Туровский Е. Я. Отчет об археологических раскопках могильника римского времени у с. Вишневое//НА ИА НАНУ. – 2000. – Д. № 2000/128. – 80 л. рис.

Тюменев А. И. Передний Восток и античность. Особенности социально-экономического развития//Вопросы истории. – 1957. – №. 6. – С. 50 – 70.

Ушаков С. В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике//Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. – Тезисы докладов международной научной конференции. – Севастополь, 1997. - С. 120 – 123.

Ушаков С. В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III - первой половины IV вв. как источник по этнической истории региона (к постановке проблемы)//Хсб. - 1998. – Вып. 9. - С. 146 - 158.

Ушаков С. В. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины III - первой половины VI вв. //Хсб. - 1999. – Вып. 10. - С. 232 - 241.

Ушаков С. В. Херсонесская краснолаковая керамика//БИ. – 2005. – Вып. 8. – С. 61 – 74.

Ушаков С. В., Струкова Е. В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-Восточном районе Херсонеса Таврического (III квартал)//Кондаковские чтения – II. Проблемы культурно-исторических эпох. – Материалы международной научной конференции. – Белгород, 2008. - С. 151 – 157.

Филиппенко А. А. Раннесредневековый могильник у источника Манто-фонтан//Византия и Крым. – Тезисы докладов. – Севастополь, 1997. – С. 85 – 86.

Филиппенко А. А. Отчет о работе Горного отряда Севастопольской археологической экспедиции. Охранные раскопки позднеантичного могильника и поселения кизил-кобинской культуры в Инкерманской долине в 2005 г.//НА НЗХТ. – 2005. – Д. № 3770. – 108 л., 57 рис., 5 табл.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси//Становление и развитие раннеклассовых обществ. – Л., 1986. – С. 198 – 311.

Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Очерки истории и культуры. – К., 2004.- 732 с.

Херсонес Таврический в третьей четверти VI - середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. К., 2005. – 628 с.

Хлыстун Т. Г. (Бородинская) Отчет о фиксации гончарной печи на территории пансионата «Строитель»//НА НЗХТ. – 1993. – Д. № 3161-3162. – л. 32 - 33, рис. 35 – 36.

Храпунов И. Н. О двух направлениях миграции предков средневековых алан//Донская археология.- 1999. - № 2 - С. 26 - 29.

Храпунов И. Н. Об этнических процессах в Крыму в римское время//ПИФК.- 2001. - Т. 10. - С. 165 - 168.

Храпунов И. Н. Об этнических процессах в Крыму в римское время//ВДИ. - 2001а. - № 2. - С.131 -134.

Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.)//МАИЭТ. – 2008. – Вып. 14. – С. 645 – 697.

Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. – М., 1957. – 512 с.

Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. – М., 1964. – 264 с.
Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии//ПИДО. – М., 1968. – С. 638 – 671.
Штаерман Е. М. Римская собственность на землю//ВДИ. – 1973. - № 3. – С. 34 – 68.
Штаерман Е.М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. — М., 1978. — 224 с.
Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого способа производства//ПАК. – Ереван, 1979. – С. 235 – 244.
Щеглов А. Н. Охранные раскопки и зачистки на Гераклейском полуострове//АО 1968 г. – М., 1969. – С. 290 – 291.
Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Л., 1978. — 160 с.
Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов на трассе строительства шоссе Симферополь-Севастополь у поселка Заря свободы //НА НЗХТ. – 1974. – Д. № 2531. – 5 л.
Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря свободы на трассе строительства шоссе Симферополь-Севастополь//АДСВ. – 1976. – Вып. 13. – С. 27 – 29.
Юрочкин В. Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма//Хсб. - 1999. – Вып. 10. - С. 257 - 274.
Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А. Отчет о раскопках средневекового поселения на наделе 32 в 2003 г.// НА ИА НАНУ. – 2003. – Д. № 2003/58. - 57 л., 52 рис.
Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А. Отчет о раскопках средневекового поселения на наделе 32 в 2004 г.// НА ИА НАНУ. – 2004. – Д. № 2004/63. - 41 л., 61 рис.
Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А. Отчет о раскопках средневекового поселения на наделе 32 в 2005 г.// НА ИА НАНУ. – 2005. – Д. № 2005/112. - 64 л., 87 рис.
Arthur P. Bezymyannaya late Roman and early Byzantine Pottery. Preliminary notes //The Study of ancient Territories. Chersonesos and Metaponto. – 2000 Annual Report. – Austin, 2000. – P. 43 – 47.
Carter J. C., Crawford M., Lehman P., Nikolaenko G., Trelogan J. The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // AJA. – 2000. - Vol. 104. – No. 4. – p. 707 – 741.
Cătăniciu I.D. Evolution of the System of Defenses Works in Roman Dacia. - Oxford, 1981. - 121 p.
Crimean Chersonesos. City, Chora, Museum, and Environs. – Austin, 2003. - 232 p.
Finley M.I. The Ancient Economy. — Berkeley, Los Angelis, 1973. — 222 p.
Kovalenko S. Die spätklassische Münzprägung von Chersonesos Taurika. - Berlin, 2008. - 156 S., 18 Taf.
Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropolis, 1916. – Ed. 2. – Vol. I . – 594 p., tab.4.
Rabinowitz A., Yashaeva T., Nikolaenko G. The Chora of Chersonesos. Excavations at Bezymyannaya, 2002// The Study of ancient Territories. Chersonesos and Metaponto. – 2002 Annual Report. – Austin, 2002. – P. 9 – 17.
Rabinowitz A., Yashaeva T., Nikolaenko H. The Chora of Chersonesos: Excavations at Bezimenna, 2002// Archaelogy at Kyiv-Mohyla Academy. – Kyiv, 2005. - P. 146 – 137.
Saprikin S.J. Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Khersonesos Taurike//Research in the Herakleian Peninsula — 1974 — 1990. — Amsterdam, 1994. — 154 p., 65 pl.
Sarnowski T., Zubar V. M., Savelja O. Ja. Zum religiosen Leben der niedermoesischen Vexillationen auf der Sьdkrim. Inschriftenfunde aus dem neuentdeckten Dolichenum von Balaklawa// Historia. - 1998. - Bd. 47/3. - S. 321 – 332.
Sarnowski T., Savelja O. Ja. Das Dolichenum von Balaklawa und die rцmischen Streitkrдfte auf der Sьdkrim//Archeologia. - 1998. - 49. - S. 21 – 33.
Thompson S. Excavation Season at Bezymyannaya in the Territory of Greek Chersonesos//The Study of ancient Territories. Chersonesos and Metaponto. – 2000 Annual Report. – Austin, 2000. – P. 31 – 42.
Zolotarev M. I., Bujskikh A. V. The Temenos of Ancient Chersonesos. An Attempt at an Architectural Reconstruction//ACSS. — 1995. — Vol. 2, 2. — P. 125—156.

Zubar V.M.

FROM THE HISTORY OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF CHERSONESOS-KHERSON IN THE SECOND HALF OF THE 1ST C. BC – THE 6TH C. AD

Summary

Based on the archaeological materials the author analyses in the article the main tendencies of economic development of Chersonesos-Kherson during the Roman and the late-ancient periods of the history of this centre. As a result, the author has concluded that in the 4th-3rd cc. BC, production of goods, except for home consumption, took place mainly outside the city borders, in the nearest vicinity of Chersonesos and on the Herakleian Peninsula. Situation changed from the 2nd c. BC. Trade activities are also recorded on the territory of a residential area. This provides the evidence that within the social and political structure of the polis certain transformation of economic relations started. Chersonesos gradually turns from the place of the agricultural population into the centre of specialized craft production oriented on the market where the economic activity of the substantial part of its habitants were no longer linked directly to agriculture efficiency yet and goods turnover of which was decreasing.

Activities in the economic area were also significantly influenced by external factors, first of all, by increase of the population occupied in agriculture in the nearest vicinity of the city. Needs of the population stimulated the local production and trade based on the export of ancient goods in exchange for agricultural products made by the local habitants on the territories adjacent to the Herakleian Peninsula, protected by the Roman forces, and after their departure also in the eastern part of the peninsula.

A specific form of land ownership was the basis of economic development of the ancient society and its structuring. Therefore, cessation of land use on the Herakleian Peninsula, caused by the mentioned factors, and arrival of new ethnic groups in the vicinity, which were no longer related to the traditions of the previous period, allows the author to date the end of the Ancient epoch in the history of Chersonesos as not earlier than the edge of the 6th-7th cc. In the 7th c, the city enters the mediaeval epoch, characterized by other peculiarities of economic, political and cultural development. Kherson becomes the centre of production and exchange with well developed proper urban structures, towards which the surrounding agricultural population of Taurica was drawn.

Л.И. ГРАЦИАНСКАЯ (Москва)

МЕСТО ТЕОЛОГИИ В СВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ (теологические изыскания Страбона)

Божественная власть пронизывала все области жизни древних греков и римлян на протяжении всего существования античности. Конкретные же проявления античного религиозного менталитета и ритуала были разнообразны и варьировали как в диахронии, так и в географическом и социальном пространствах.

При диахроническом и разно-территориальном сохранении определенного ядра религиозных представлений и проявлений античности, разнообразие локальных или относящихся к определенному отрезку времени представлений и проявлений было велико. Это разнообразие часто достигалось эволюционным путем. Эволюцию религиозных представлений и ритуала достаточно часто, но отнюдь не всегда, можно проследить источниковедчески. Однако надо принимать во внимание и революционный путь возникновения античных религиозных представлений и проявлений, чаще всего реализующийся в синкретизме культов или их заимствовании, но подчас и в определенной спонтанности их возникновения.

Политеистическая(ие) религия(ии) древних греков и римлян не знала(и) общепринятых религиозных догматов. В соответствии с сохранившимися до нас источниками современные исследователи справедливо определяют религию древних греков и римлян как ритуалистическую: именно изучение, обсуждение, передача и фиксация ритуальных моментов составляет содержание большинства дошедших до нас литературных и эпиграфических источников, не говоря уже об источниках археологических, имеющих отношение исключительно к ритуальной стороне античных религий. Даже в, казалось бы, религиозно-тематических поздних трактатах Цицерона «О природе богов», «О дивинации» и «О судьбе» обсуждение теологических и теогонических явлений и проявлений ведется не как самоцель, но для определения места религии в ряду прочих общественных установлений. Существующая обширная античная теогоническая литература также не затрагивает догматических основ античной религии.

Диахроническое и пространственное разнообразие структуры и принципов сложения конкретных пантеонов, тесная связь культов и религиозных учреждений с государственной идеологией и институтами, выделение «домашних» и «народных» элементов религии привели ученых - антиковедов

к приоритетному исследованию реалий ритуально-религиозного быта древних греков и римлян, как на уровне частном: отдельного человека, семьи, так и на уровнях различных религиозных сообществ, социальных групп и страт, вплоть до государственного. И лишь небольшое количество исследователей античной религии сосредоточили свои интересы на личном отношении человека к божеству, божественности, идее бога, среди которых в первую очередь следует вспомнить Вернера Йегера, Эрика Робертсона Доддса и Андре – Жана Фестюжьера.

Попытки систематизации и синтеза наших научных знаний преимущественно ритуалистического толка неоднократно предпринимались в мировой историографической практике XIX-XX вв., среди которых наиболее важными мне представляются работы Х. Вискеманна, К. Р. Пабста, Х. Р. Петерсена, П. Фукара, А. Буше-Леклерка, О. Рубензона, Л. Блоха, А. В. Никитского, Н. И. Новосадского, Л.Р. Фарнелла, Ф.Ф. Зелинского, Дж.Е. Харрисона, В.В. Латышева, М.П. Нилльсона, В. Буркерта, Дж. Шайда, Ж.-Н. Робера, Е.М. Штаерман, А.С. Русяевой и др.

Частные проблемы античных (особенно римской) религий вызывают последние 20 лет пристальное внимание отечественных исследователей (работы Э.Д. Фролова, книга Е.В. Приходько, статьи О.В. Сидорович, Ю.Б. Устиновой, А.Б. Шарниной, Е.И. Сурикова, коллективная монография «Религия и община в Древнем Риме» (М., 1994) и др.

Показателен возросший в последнее время интерес отечественных исследователей к проявлениям религиозной жизни античных городов Северного Причерноморья : я имею в виду работы А.С. Русяевой, Н.П. Сорокиной, А.А. Масленникова, С.Ю.Сапрыкина, В.М. Зубаря, Н.В. Молевой, В.Н. Зинько, Н.И. Сударева, В.А. Хршановского, С.Б. Ланцова и др., интерес, поддерживаемый в основном работами, базирующимися на археологических и частично на эпиграфических источниках.

В меньшей степени анализируются материалы письменных источников, хотя именно из них можно почерпнуть не только значительное количество фактологического материала о различных проявлениях религиозной жизни греков и римлян, но и некоторые рассуждения античных авторов по поводу этих проявлений.

Значительные и лишь в очень малой степени использованные специалистами материалы представляет «География» Страбона, сочинение, созданное на рубеже н.э. греческим автором проримской ориентации и в значительной степени романизированного менталитета. Уже само обилие и разнообразие религиозных материалов в «Географии» говорит о значительности их роли как в жизни современного Страбону общества, так и в мыслях и рассуждениях самого географа. Отношение Страбона к религиозным вопросам достаточно серьезно, хотя подчас можно заметить известный скептицизм в основном в изложении религиозной конкретики. Описание религиозной конкретики занимает существенное место в «Географии», откуда можно

почерпнуть обширный фактический материал по разнообразнейшим проявлениям религиозной жизни в различных концах ойкумены, в том числе и в различных областях Северного Причерноморья и, в частности, на Боспоре. Несмотря на декларированный принцип излагать материал чисто фактологически, не вдаваясь в этиологию, Страбон во многих местах пытается нащупать причинно-следственные связи между отдельными элементами религиозно-ритуалистических процессов, а также подвести определенную вполне рациональную философскую базу под свои теологические изыскания.

Вот некоторые рассуждения Страбона об этологической и ритуальной стороне религии греков, которые он приводит ad hoc при полемическом рассмотрении имён «куретов», «кабиров», «корибантов», «идейских дактилей», «тельхинов» и их «истории».

«Теперь же следует подвергнуть рассмотрению (ἐπισκεπτέον) как эти имена и имеющееся в наличии богословие (ἐνούσαν θεολογίαν) сходятся в одно (εἰς ἓν συμφέρεσθαι) в сюжете о них (ἐν τῇ περὶ αὐτῶν ἱστορία). Ведь общим для эллинов и варваров обыкновением является совершать священные обряды (ἱεροποιίας) в состоянии праздничной отрешённости (ἀνέσεως ἑορταστικῆς)[1]: какие-то в состоянии божественной одержимости (σὺν ἐνθουσιασμῷ)[2], какие-то без [неё], какие-то с музыкой, какие-то без [неё], какие-то тайно (μυστικῶς), какие-то открыто (ἐν φανερῷ) – и это природа (ἡ φύσις) диктует таким образом. Ибо отрешённость (ἄνεσις) уводит разум (τὸ νοῦν) от человеческих трудов (ἀνθρωπικῶν ἀσχολημάτων)[3] и обращает (τρέπει) подлинно [свободный] разум к божественному (πρὸς τὸ θεῖον). Божественная одержимость (ἐνθουσιασμός), как кажется, имеет некоторое божественное побуждение (вдохновение) (ἐπίπνευσιν τινα θείαν)[4] и близка роду [людей, наделённых] пророческим [даром]. Мистическая тайна священных обрядов (ἡ … κρύψις ἡ μυστικὴ τῶν ἱερῶν) придаёт святости (величавой святости) божественному (σεμνοποιεῖ τὸ θεῖον)[5], подражая природе (φύσις) его, избегающей нашего восприятия (αἴσθησιν). Музыка же при танце, ритм и напев (μέλος) [доставляемым] на-

---

[1] Страбоновский перевод лат. otium. Надо сказать, что русский перевод как лат. otium, так и варианта Страбона в высшей степени затруднён и не совсем адекватен.

[2] Пребывание в этом состоянии соотносили с μαντεία (μαντική) ἄτεχνος (см.: Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужебные и сценические древности. СПб. 1997. С. 165 (первое издание – СПб, 1899). Русский перевод слова затруднён.

[3] Страбоновский перевод лат. negotium. Часть текста испорчена.

[4] ἐπίπνευσις, практический ἅπαξ λεγόμενον. Встречается только в этом месте Страбона, перевод латинского inspiratio. В техническом смысле один раз встречается у Галена (Liddell H. G. – Scott D. D. Revised by H. S. Jones. Greek-English Lexicon. V. I. Oxford, 1940. P. 652. Перевод на русский язык затруднён.

[5] Глагол σεμνοποιέω кроме этого места Страбона встречается лишь однажды у Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» (Flav. AJ, 16, 5, 3) – Liddell H. G. – Scott D. D. Op. cit., V. II. P. 1591. Перевод этого слова на русский язык затруднён.

слаждением (ἡδονῇ) и мастерством исполнения (καλλιτεχνίᾳ) приводят нас в соприкосновение с божественным по следующей причине.

Ибо неплохо сказано следующее: люди особенно подражают (μιμεῖσθαι) богам, когда творят добро (ὅταν εὐεργετῶσιν). Но лучше бы кто-то сказал: когда они счастливы (ὅταν εὐδαιμονῶσι), а это [состояние счастья – Л. Г.], [когда человек] радуется (χαίρειν), участвует в празднествах (ἑορτάζειν) и философствует (φιλοσοφεῖν) достигается и музыкой (μουσικῆς ἅπτεσθαι). Ибо, если случается, некое отклонение к худшему, когда музыканты обращают своё искусство для возбуждения чувственного наслаждения на симпосиях, в музыкально-танцевальных (θυμήλαις) и сценических (σκήναις) [представлениях] и [прочих увеселениях] такого рода, не надо порицать её, но надо исследовать природу воспитания (ἡ φύσις ἡ τῶν παιδευμάτων), берущую начало оттуда [из музыки – Л. Г.]» (Strab., X, 3, 9. Ср.: VII, fr. 51; X, 3, 19).

Пытаясь осознать природу божественного и механизм его воздействия на человека, Страбон в первую очередь отмечает, что смысл экстатических проявлений «куретов», «кабиров» и «корибантов» вполне вписываются в уже существующее (наличное) богословие: они приводят к одному «сходятся в одно (εἰς τὸ συμφέρεσθαι)». То же самое выражение географ употребляет в пассаже XVII, 1, 36, где говорит, что деятельность Природы и Провидения (Божественного Провидения) «приводит к одному». Состояние праздничной отрешённости (ἄνεσις ἑορταστικῆ = otium) может дополняться и расцвечиваться божественной одержимостью (ἐνθουσιασμός), музыкой, таинственностью, мистикой, но может обойтись и без них. Это всё диктует природа (φύσις). Именно отрешённость уводит разум от человеческого и обращает его к божественному. Божественная одержимость[6] может посетить любого человека, но особенно свойственна роду людей, наделённых даром пророчества(τῷ μαντικῷ γέναι). В любом случае причина ἐνθουσιασμός – некоторое божественное побуждение (вдохновение) (ἐπίπνευσις θεία). Отмечу, что русское слово «вдохновение» семантически ушло гораздо дальше от слова «дыхание», «вдох», «дышать», чем греческое «ἐπίπνευσις» от слова «πνεῦμα», т.е. греческое «вдохновение» несколько физиологичней русского. Экстатическое же состояние при совершении религиозных обрядов достаточно часто возникает и у современных людей, оно свойственно разным религиям и людям разного психического склада, но в разной степени. Божественное по природе своей обособлено от человеческого и ускользает от человеческого восприятия, избегая его. Хотя изначально «[Божественное] Провидение, будучи в некоторм роде вышивальщиком узоров (ποικίλτρια) и творцом (δημιουργός) бесчисленных произведений возжелало сначала породить живые существа (ζῷα), сильно отличающиеся

[6] Перевод греческого слова ἐνθουσιασμός словосочетанием «божественная одержимость» не совсем корректен, но русское слово «энтузиазм» имеет в современном языке совсем иное значение. Точная передача значения греческого ἐνθουσιασμός на русский язык затруднена.

от других и превосходящие их, [а именно] богов и людей, ради которых оно создало всё остальное (Strab., XVII, 1, 36). Поэтому мистическая тайна (ἡ … κρύψις ἡ μυστικὴ) при исполнении религиозных обрядов делает божественное ещё более святым и величественным (σεμνοποιεῖ τὸ θεῖον).

Музыка же в разных видах тоже приводит нас в соприкосновение с божественным, что совсем не умаляется тем фактом, что подчас музыка используется не как божественный атрибут, а как возбудитель чувственных наслаждений в симпосиях и других разного рода увеселениях: не надо порицать музыку за некорректное её использование. Надо исследовать природу воспитания музыкой. Хоть и справедливо утверждение, что люди подражают богам, когда творят добро (εὐεργετῶσιν), но Страбону милее иная мысль: люди уподобляются богам, когда они счастливы (εὐδαιμονῶσι)». А состояние счастья – это когда человек радуется, участвует в празднествах и философствует, оно достигается и музыкой тоже (μουσικῆς ἅπτεσθαι).

Именно поэтому, как полагает Страбон, Платон, а до него пифагорейцы называли философию музыкой, считали, что мир образован по законам гармонии, а всякая музыка – произведение богов (Strab., X, 3, 10). На самом деле, Платон философию музыкой не называет, а говорит лишь о том, что люди, занимающиеся преимущественно развитием своего тела, должны «в свой черёд упражнять душу, занимаясь музыкой и всем тем, что относится к философии» (Plat. Tim., 88c – Пер. С. С. Аверинцева), т.е. музыка и философия равно облагораживают душу. О божественном происхождении разного рода поэзии, музыки и танца, о божественной одержимости их творцов, сходной с одержимостью корибантов, Платон довольно подробно рассуждает в Ионе (Plat. Ion., 533e-535a), и в целом базовые представления Страбона на этот счёт сходны с платоновскими. При этом географ в русле то этимологических, то сравнительно-этнологических штудий рассуждает об общности таких элементов культа, как «оргиастические, вакхические и хоровые» празднества, ношение ветвей, мистическое начало в празднествах посвящения и др. для разных богов. Говорит он и о функциях служителей разных культов и их названиях (именах). При этом Музы у него руководят хорами, а Аполлон – ответственный за прорицания. Служители Муз – все образованные люди, особенно музыканты; они же, а также прорицатели, служат Аполлону, Деметре – факелоносцы (дадухи) и иерофанты, Дионису – «силены, сатиры, вакханки, а кроме того, лены, фии, мималлоны, каиды, нимфы и так называемые титиры» (Strab., X, 3, 10). О божествах, их именах и ипостасях, их служителях как людях, так и мифических существах Страбон говорит в совершенно реалистическом ключе, не сомневаясь в их существовании, но лишь полемизируя по частным вопросам; рассуждая об этнической принадлежности тех или иных культов, различных именах богов в зависимости от места их почитания, географических реалиях божественного обитания, частых случаях заимствования иноземных культов (особенно афинянами), передаёт различные версии почитания разных

богов, часто приводя при этом в подтверждение собственных рассуждений цитаты из Пиндара, Гесиода, Еврипида, Софокла и других «древних авторов», авторитет которых для него очень высок (Strab., X, 3, 11-22.Ср.: VII fr. 51). В конце этого экскурса Страбон признаётся: «Мы [т.е. «я» – Л . Г.] вынуждены очень много говорить об этом, хотя и очень не любя вдаваться в мифическое, поскольку проблемы эти (τὰ πράγματα ταῦτα) имеют отношение к учению о божественном. Ведь всё учение о богах (πᾶς δε ὁ περὶ τῶν θεῶν λόγος) исследует древние представления и мифы, поскольку древние [люди] говорили туманно о своих природных представлениях (ἃς εἰχον εννοίας φυσικάς) об этих вещах и всегда добавляли миф в [свои] учения (λόγος). Разгадать все загадки точно нелегко, но выведя на суд большое количество мифологических сказаний, как согласующихся между собой, так и противоречивых, можно было бы легче [путём сопоставления] извлечь из них истину» (Strab., X, 3, 23). Приводя далее конкретный пример мифов, повествующих о «скитаниях по горам ревностных служителей богов и самих богов и их божественном вдохновении», Страбон делает вывод, что их передают по той же причине, по которой [люди], «считают богов небесными существами, заботящимися о прорицаниях и о других вещах (νομίζουσι τοὺς θεοὺς καὶ προνοητικοὺς τῶν τε ἄλλων καὶ τῶν προσημασιῶ)». «Таким образом представляется, что горное дело, охота и поиск необходимого для жизни (ζητητικὸν τῶν πρὸς τὸν βίον χρησίμων) родственны «скитаниям по горам», а шарлатанство (τὸ ἀγυρτικόν) и ворожба (γοητεία) близки божественному вдохновению (τῶν δ’ἐνθουσιασμῶν), религиозному обряду (θρησκείας) и прорицаниям (μαντικῆς)» (Strab., X, 3, 23).

Рационалистическое объяснение мифотворчества и, соответственно, самих мифов проходит через всю «Географию». Страбон, как мне уже приходилось говорить и писать, подробно останавливается на воспитательной роли мифов. Рассуждает он о роли мифов в воспитании нравственности конкретного человека и пользе их для государства[7]. Он категорически против того, чтобы выдавать нечто мифическое «под видом истории»[8].

Рационалистическое же объяснение мифологии, относящейся к религиозно-культовым сюжетам, равно как и историко-рационалистическое исследование многих религиозно-культовых реалий, свойственно ему в высшей степени.

[7] Strab., I, 2, 8-9; III, 2, 12; VII, 7, 10; XVII, 3, 3 и др. Подробнее см.: Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР 1986. М., 1988, с. 147-150.

[8] Strab., I, 2, 35; 3, 23; II, 3, 5; VII, 3, 1; IX, 1, 19; 3, 12; XI, 4, 3; 5, 3; 6, 3; XV, 2, 7; XVI, 2, 17; 4, 16; XVII, 52; 3, 3; 8.

L.I. Gratsianskaya

THE PLACE OF THEOLOGY IN TEMPORAL LITERARY SOURCES (THEOLOGICAL SURVEY OF STRABO)

Summary

Divine power ran through all spheres of life of ancient Greeks and Romans during the existence of antiquity. Concrete manifestations of ancient religious mentality and ritual were diverse and varied diachronically both in geographical and social spaces.

Rationalistic explanation of mythology creation and the myths correspondingly runs through all «Geography» of Strabo. The ancient author mentions educative role of myths. Strabo discusses the role of myths in the process of upbringing concrete human's morality and their benefit for the state. He strongly objects the idea of passing anything mythological off as History. Rationalistic explanation of mythology relying to religious and cult plots as well as historical rationalistic survey of many religious and cult phenomena is extremely peculiar to him.

А.А. СТРОКОВ

РЕМЕННЫЕ ГАРНИТУРЫ ГУННСКОЙ ЭПОХИ АЗИАТСКОГО БОСПОРА

Детали ременной гарнитуры, а в особенности пряжки, являются одной из самых многочисленных категорий погребального инвентаря в материалах позднеантичного и раннесредневекового Боспора. Подавляющее большинство этих находок происходит из некрополя Фанагории (50 экз.), несколько пряжек найдено в Тузлинском некрополе (3 экз.) и погребении у ст. Фонталовской (4 экз.). Одна пряжка является случайной находкой, приобретённой в Тамани. Значительная часть использованных в данной работе материалов не публиковалась ранее[1].

Прежде всего, необходимо остановиться на терминологии, используемой для описания пряжек. Задняя, или тыльная, часть рамки (кольца) – та часть, к которой крепится петля язычка, передняя – на которую ложится кончик (острие) язычка. Основание (тыльная часть) язычка – то место, которое примыкает к петле, с помощью которой он крепится к рамке. Уступ – ступенчатый срез у основания язычка. Щиток – пластинчатая обойма для крепления пряжки к ремню.

Подавляющее большинство пряжек изготовлено из бронзы, изредка встречаются золотые (2 экз.), серебряные (2 экз.) и железные (3 экз.). Одна бронзовая пряжка имела следы позолоты на язычке. Рамка изготавливалась из круглого или граненого в сечении прута, к тыльной части которой крепился подвижный литой или проволочный язычок. Подвижный щиток представлял собой перегнутую через рамку пластину, в месте сгиба которой имеется прямоугольная прорезь для петли язычка. Нижняя пластина почти всегда тоньше верхней и имеет уже несколько иную форму. Довольно часто рамка в тыльной части, где крепился щиток, бывает заметно спрямлена. Ремень закреплялся между пластинами с помощью одного или нескольких заклёпок.

Следует отметить, что все пряжки индивидуальны, в их форме часто отсутствует симметрия. В связи с этим систематизация пряжек крайне затруднена. Не случайно до сих пор нет обобщающей классификационной схемы, такой, как, например, классическая работа А.К. Амброза по фибулам

[1] Выражаю искреннюю благодарность В.Д. Кузнецову и А.П. Медведеву за возможность использования неопубликованных материалов раскопок 2005 – 2007 гг. Пользуясь случаем, хочу также выразить глубокую признательность М.М. Казанскому за предоставленные консультации и помощь при подготовке статьи.

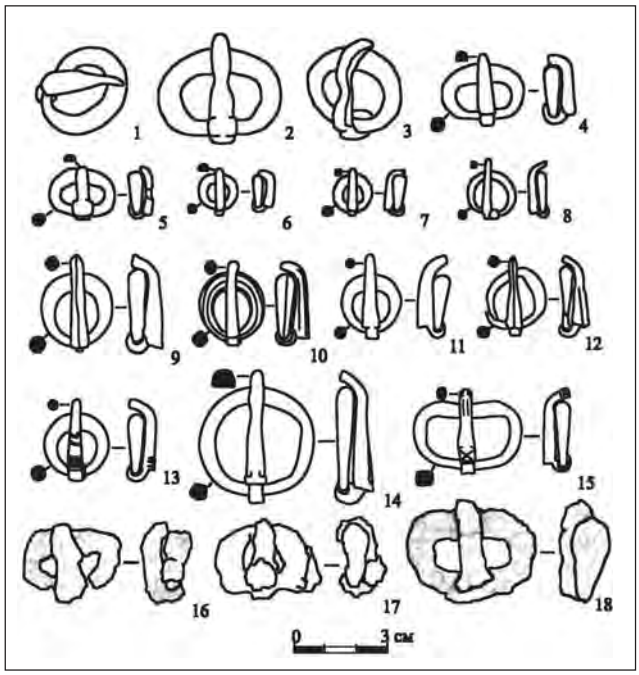


Рис. 1. Пряжки из некрополя Фанагории.

1 – погр. 4/1950; 2 – погр. 21/1950; 3 – погр. 99/1950; 4-6 – погр. 5/1991; 7 – погр. 118/2007; 8 – погр. 42/1964; 9 – погр. 1/2005; 10 – погр. 4/2005; 11, 18 – погр. 32/2005; 12, 14 – погр. 25/2005; 13 – погр. 41/2005; 15 – погр. 9/2005; 16 – погр. 10/2005; 17 – погр. 16/2005; 1, 3-15 – бронза, 2 – серебро, 16-18 - железо (1-3 – по И.Д. Марченко, 4-8 – по И.О. Гавритухину).

[Амброз, 1966]. Свод В.Б. Ковалевской [1979] не стал таковым и подвергся критике, во многом, как мне кажется, справедливой [Айбабин, 1990, с. 27; Засецкая, 1994, с. 77–78]. На сегодняшний день в отношении типологии пряжек кажется уместным совсем отказаться от вертикально-иерархических схем и за основу взять предложенную А.В. Богачевым горизонтальную шкалу аналитических признаков и их взаимосочетания [Богачев, 1992, с. 74–84].

Основные признаки, взятые за основу выделения вариантов, следующие:

I. Материал изготовления.

II. Форма рамки.

III. Сечение рамки.

IV. Форма язычка.

V. Форма щитка.

VI. Соединение рамки со щитком.

VII. Декор.

По сочетанию данных признаков выделяется довольно значительное количество вариантов, что является отражением индивидуальности каждого экземпляра. В отличие от работы А.В. Богачева, мы не ввели такие признаки, как сечение рамки и язычка. В противном случае каждая пряжка представляла бы собой отдельный вариант, так как часто сечение имеет неправильную форму. Как уже было сказано, подавляющее большинство рассматриваемых застёжек – бронзовые. Там, где материал изготовления специально не указан, подразумевается именно бронза.

К числу наиболее ранних относится пряжка **варианта 1** из раскопок И.Д. Марченко на холме И восточного некрополя Фанагории. Пряжка из погр. 4/1950 (рис. 1, *1*) имеет округлую рамку, круглую в сечении, сильно утолщающуюся в месте наложения язычка. Сам язычок массивный, имеет высокий срез-ступеньку у основания, резко сужается к кончику, который слегка выступает за пределы рамки. Аналогичные застёжки известны в позднечерняховских памятниках, например, пряжка из могильника

Косаново, которую А.К. Амброз датирует довольно широко IV в. [Амброз, 1989, рис. 5, *13*]. По О.А. Гей и И.А. Бажану, эти находки относятся к хроноиндикаторам 36 черняховской культуры и характерны для её 4 и 5 периодов, которые датируются 350/355 – 400/410 гг. [Гей, Бажан, 1997, с. 44, табл. 42, *17*]. По мнению Я. Тейрала, такие пряжки в черняховской зоне датируются поздним периодом C3, то есть второй третью IV в. [Tejral, 1986, abb. 3, *4,11*). Известны находки подобных пряжек на западе, в Среднем Подунавье, в контексте фазы D1 – 360/370 – 400/410 гг. [Tejral, 1997, abb. 9, *5*]. Судя по приведенным аналогиям, датировать этот вариант можно второй третью и 2-й половиной IV в.

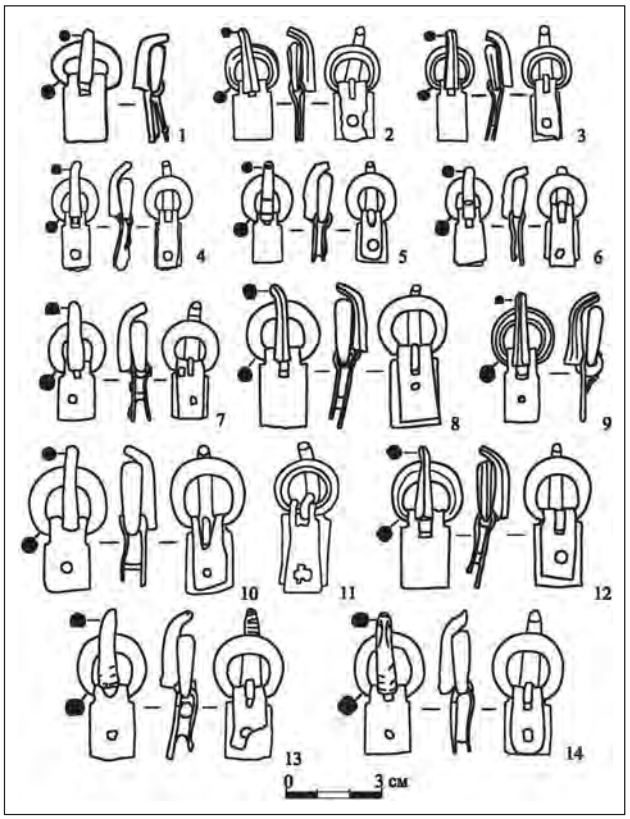


Рис. 2. Пряжки из некрополя Фанагории.

1 – погр. 5/1991; 2,3 – погр. 12/2005; 4 – погр. 10/2005; 5-7, 13, 14 – склеп 34/2005; 8, 12 – погр. 1/2005; 9 – погр. 30/1950; 10 – погр. 3/2005; 11 – склеп 50/1937; 1-14 - бронза (1, 9 – по И.О. Гавритухину, 11 – по Н.П. Сорокиной).

Застёжка **<u>варианта 2</u>** аналогична предыдущему по форме рамки и материалу, но имеет прогнутый язычок (рис. 1, *3*). В.Ю. Малашев отнес такие пряжки к группе IV позднесарматских ременных гарнитур. Датировка этой группы укладывается в рамки 2-й половины IV в. [Малашев, 2000, с. 205, рис. 12М, *2*].

<u>Вариант 3</u>. Серебряная пряжка из Фанагории, погр. 21/1950 (рис. 1, *2*). Имела овальную рамку, утолщающуюся в передней части. Язычок массивный, с плоской площадкой у основания и перехватом в средней части, выходит за рамку и охватывает ее. Относится к тому же кругу древностей, что и упоминавшиеся выше пряжки [Некрасова, 2006, рис. 44, *16*]. Надо, однако, учитывать, что овальные пряжки с язычком с перехватом, так называемым в виде «палицы», если пользоваться терминологией французских археологов, существуют и позднее, вплоть до середины VI в. [Legoux, Périn, Vallet, 2006, n° 109; Ivaniševiæ, Kazanski, Mastykova, 2006, p. 22].

Несколько бронзовых пряжек было найдено в раскопанном Т.Г. Шавыриной в 1991 г. грунтовом склепе на западном некрополе Фанагории, близ МТФ

(молочно-товарной фермы) пос. Приморский. Все они представляют различные варианты. **Вариант 4**. Пряжка с овальной рамкой, сильно утолщающейся в передней части, со спрямленной тыльной частью (возможно, для крепления не сохранившегося щитка). Язычок массивный, «хоботковый», с уступом у основания, своим кончиком охватывает рамку, но не выходит за нее (рис. 1, *4*). Пряжка **варианта 5** с овальной, округлой в сечении, рамкой, со значительным утолщением передней части. Сечение язычка сегментовидное, своим кончиком он слегка выходит и загибается за переднюю часть рамки, имеет плоскую площадку у основания (рис. 1, *5*). Пряжка **варианта 6** из этого склепа имеет аналогичную овальную, утолщающуюся в передней части рамку, хоботковый, охватывающий, но не выходящий за кольцо язычок, а также прямоугольный щиток (рис. 2, *1*). Последний **вариант 7**, представленный в этом склепе, – маленькие пряжки с круглой рамкой и значительным утолщением. Язычок массивный, хоботковый, с уступом. Одна пряжка происходит из вышеупомянутого склепа у пос. Приморский (рис. 1, *6*), вторая – из склепа 118/2007 Восточного некрополя Фанагории (рис. 1, *7*).

В таблице, составленной И.О. Гавритухиным [Крым… 2003, табл. 64, *65–70*], указано, что вышеупомянутые пряжки происходят из склепа МТФ 1988 г. из неопубликованных раскопок Т.Г. Шавыриной. Однако, судя по отчётам, хранящимся в научном архиве ИА РАН, раскопки в этот год на некрополе не проводились. Видимо, в данную публикацию вкралась досадная неточность. Скорее всего, это материалы из работ на участке некрополя у МТФ пос. Приморский 1991 г. К сожалению, в отчёте за этот год приведены лишь фотографии вещей, упомянутых в тексте, к тому же не всех.

Пряжки этого комплекса имеют многочисленные аналогии на территории черняховской культуры [Магомедов, 2001, рис. 72, *2*; Некрасова, 2006, рис. 46, *18*; Обломский, 2003, рис. 92, *1*], на Боспоре [Корпусова, 1973, рис. 12, *13*; Засецкая, 1993, Кат. 118, 219], в Крыму [Амброз, 1989, рис. 5, *5*; Неневоля, Волошинов, 2001, рис. 4, *3*]. По совокупности ряда признаков (сильно утолщающаяся передняя часть рамки, язычок, не выходящий за кольцо или слегка охватывающий его), а также по приведенным аналогиям эти пряжки могут быть датированы IV в., а точнее – его 2-й половиной. На западе, в Среднем Подунавье, такие находки являются индикаторами переходной фазы D1, которая выделяется по притоку новых, чуждых для данной территории элементов, к числу которых относятся и рассматриваемые пряжки, и связываются эти новшества с давлением гуннов и бегством от них части черняховского населения [Tejral, 1986, s. 211–212]. Датируется этот этап 360/370 – 400/410 гг. [Tejral, 1997, s. 330, 351], что не противоречит предложенной дате. Впрочем, эти пряжки трудно отличить от пряжек с хоботковым язычком фазы D2, граница между ними, скорее, условная.

Вместе с указанными выше застёжками в погребении были найдены также золотые обкладки пряжек [Шавырина, 1991, фото 50, *3*], аналогичные,

например, найденным в склепе III Тузлинского некрополя [Зеест, 1953, рис. 63, *3–4*]. Такие изделия являются подражанием римского полихромного стиля, который в литературе не так давно был назван «Силистрия-Керчь» [Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006, p. 66, fig. 58, *1–5*] и датируется поздним III – ранним IV вв. Основная масса пряжек этого комплекса, как мы видели, датируется несколько более поздним временем. Скорее всего, здесь мы столкнулись с запаздыванием вещей. Связать это мы можем с тем, что поясная гарнитура у воинов являлась очень важным элементом, который хранился и передавался по наследству. Второе возможное решение – в склепе находилось несколько ингумаций, совершенных в разное время.

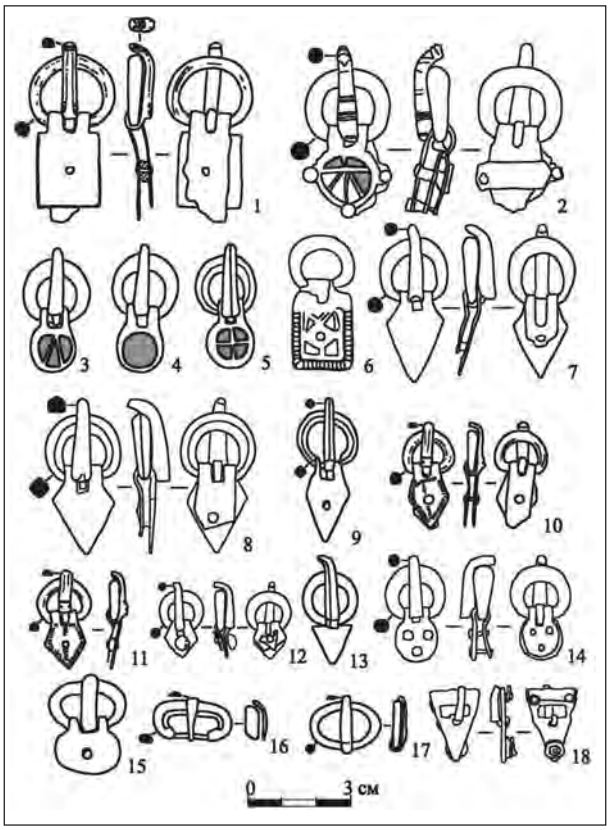


Рис. 3. Пряжки из некрополей Фанагории и у мыса Тузла.

1, 10, 11 – Тузла, погр. 23/1999; 2 – Фанагория, погр. 34/2005; 3-45 – Фонталовская; 5 – «Тамань»; 6 – Фанагория, погр. 50/1937; 7, 8 – Фанагория, погр. 3/2005; 9, 15 – Фанагория, «курган» у Сенной (коллекция И.А. Хойновского); 12 – Фанагория, погр. 30/2005; 13 – Фанагория, погр. 74/1938; 14, 18 – Фанагория, погр. 118/2007; 16, 17 – Фанагория, погр. 84/1938; 1, 2, 7-18 – бронза, 3-5 – золото, 6 - серебро (1, 10, 11 – по А.В. Кондрашову и А.В. Пьянкову, 6 – по Н.П. Сорокиной, 3-4 – по И. Вернеру, 5, 9, 15-17 – по И.О. Гавритухину, 13 – по В.Д. Блаватскому).

Вместе с пряжкой 7 варианта в частично сохранившемся погр. 1 склепа 118/2007 была найдена застежка, следующего, **8 варианта** (рис. 3, *14*). Она имеет массивное кольцо, сильно утолщающееся в передней части. Язычок хоботковый, высоко срезан у основания, кончиком охватывает рамку, но сильно не выступает за ее пределы. Щиток круглый, крепился к ремню тремя штифтами, шляпки которых видны на лицевой стороне. По форме рамки и язычка пряжка похожа на предыдущий вариант (сильное утолщение передней части кольца, язычок сильно не выступает за рамку). Аналогии этой застёжке известны в захоронениях гуннского времени в Керчи [Засецкая, 1993, кат. 102, 290], на Кавказе [Минаева, 1982, рис. 5, *4–5*], а также в могильнике Кантемировский и погребении у Моспинской шахты [Обломский, 2003, рис. 92, *4–5*; 93, *14*], которые относят к последней четверти IV – первой

трети V вв. [Гороховский, 1988, с. 45–46]. Таким образом, датируются пряжки 8 варианта, вместе с мелкой пряжкой варианта 7 из этого же погребения, 2-й половиной IV – началом V вв. (фаза D1). Как уже отмечалось, хоботковые пряжки, типичные для фазы D1, часто неотличимы от пряжек фазы D2.

Следующие варианты представляют по основным типологическим признакам довольно гомогенную группу пряжек, отличающихся друг от друга лишь наличием или отсутствием щитка, а также декором.

Вариант 9. Застёжки с круглой рамкой, утолщение в передней части не столь заметно, как у пряжек предыдущих вариантов, сечение – округлое или граненое. Язычок массивный, хоботковый, с уступом, выходит за переднюю часть рамки и загибается вниз, варианта 3, по В.Б. Ковалевской [1979, с. 11, рис. 2, *13*]. В сечении он круглый или граненый. К этому варианту относится 5 экземпляров (рис. 1, *8–12*). Одна пряжка (рис. 1, *12*), изготовленная по той же технологии, что и все остальные, явно носит следы брака. Кольцо рамки имеет неправильную форму, оно ассиметрично. Концы дрота, из которого она изготовлена, соединяются в левой части окружности рамки, а не там, где это, как правило, делалось: в месте, где крепился с помощью петли язычок.

Вариант 10. Во всем идентичен предыдущему, только пряжка этого варианта имеет декор язычка в виде насечек (рис. 1, *13*).

Пряжки следующего **11 варианта** (рис. 2, *2 – 12*) имеют аналогичные формы язычка и рамки застежкам вариантов 9-10, отличаются же наличием прямоугольного щитка. Как уже отмечалось выше, щиток у таких пряжек изготовлен из бронзовой пластины, перегнутой через тыльную сторону рамки. В месте сгиба вырезаны две петли, между которыми крепился язычок. Нижняя пластина, как правило, тоньше верхней и имеет другую форму. К ремню щиток крепился штифтом. Шляпка его в большинстве случаев не видна на лицевой пластине, но иногда заметна (рис. 1, *4, 9, 10*). Практически не отличается от этих пряжек **вариант 12**, экземпляры которого имеют зооморфный декор на язычках (рис. 2, *13 – 14*).

Вариант 13. Пряжка этого варианта найдена в склепе 23/1999 Тузлинского некрополя (рис. 3, *1*). Рамка почти круглая, округлого сечения, имеет слегка заметное огранение, немного утолщена в передней части и слегка спрямлена со стороны щитка. Подвижный язычок у основания ступенчато срезан. В основании сечение язычка прямоугольное, сверху имеется квадратная площадка, с двумя боковыми фасетками треугольной формы. Площадка отделена от остальной части язычка двумя короткими желобками. Основная часть язычка огранена, в сечении он представляет собой шестигранник с широким основанием. Кончик язычка имеет зооморфный орнамент в виде насечек. Сечение кончика язычка отлично от остальной его части, оно сегментовидное. Его поверхность украшена зооморфным орнаментом – тремя параллельными врезными канавками, напоминающими елочку. Щиток прямоугольный, нижняя его часть уже и длиннее. Место перегиба охватывает

заднюю часть рамки и имеет прямоугольную щель для петли язычка. К ремню щиток крепился с помощью одной, расположенной в центре, заклепки.

Особый интерес представляют пряжки **варианта 14**. Одна бронзовая из воинского погребения 34/2005 Восточного некрополя Фанагории имеет аналогичные предыдущим вариантам округлую рамку и хоботковый зооморфный язычок. Щиток круглый, украшен инкрустацией красными камнями в технике «клуазонне» (перегородчатой инкрустации). К ремню щиток крепился тремя штифтами, расположенными по его периметру (рис. 3, *2*). К **варианту 15** относятся еще две, но на этот раз золотые, пряжки «клуазонне», были найдены в окрестностях ст. Фонталовской [Werner, 1956, taf. 59, *27*] (рис. 3, *3–4*), а также одна случайная находка происходит из Тамани [Крым…, 2003, табл. 64, *41*] (рис. 3, *5*). Отличия от вышеописанной пряжки варианта 14 заключаются в несколько иных орнаментальных мотивах инкрустации щитка. Все эти композиции относятся к IV группе полихромных изделий, датированной гуннской эпохой [Засецкая, 1982, с. 26, рис. 5, *1*]. Данные пряжки являются индикаторами фазы D2, горизонта Унтерзибенбрунн [Tejral, 1997, abb. 17, *2–4*]. Возможно, они являлись знаками отличия среди воинов. Сводка этих пряжек сделана М.М. Казанским [Kazanski, 1996, fig. 9]. В основном они найдены в богатых, «княжеских», захоронениях. Золотые пряжки из Фонталовской М.М. Казанский считает принадлежностью захоронения знатного воина [Kazanski, 1999, p. 302-307, fig. 8, *14*]. В случае с пряжкой из погр. 34/2005, сделанной из бронзы, судя по всему, имеет место дешёвое подражание более престижным золотым вещам. В стиле «клуазонне» выполнена и серебряная пряжка **варианта 16** из могилы 50/1937 (рис. 3, *6*). Язычок её не сохранился. Форма щитка прямоугольная, по краям, судя по фотографии в публикации [Блаватский, 1941, рис. 2], он украшен рубчатым орнаментом.

Вариант 17. Пряжки (рис. 3, *7–9, 12*) с круглой рамкой, округлой или четырехгранной в сечении, хоботковым, выступающим за рамку язычком, и ромбическим щитком. У одной из этих пряжек на тыльной стороне кольца имеется выемка для крепления щитка (рис. 3, *9*). Аналогичная, но серебряная, застёжка была найдена в склепе 24/1996 на Западном некрополе [Кузнецов, 1996, рис. 109, *а*], на том же участке, что и упоминавшийся ранее склеп 1991 г.

Ромбовидные щитки имели и пряжки **18 варианта**, найденные в уже упоминавшемся выше склепе 23/1999 Тузлинского некрополя (рис. 3, *10–11*). Обе пряжки практически идентичны, у второй лишь утрачена нижняя пластина щитка. Отличия от предыдущего варианта заключаются в формах рамки, язычка и орнаментации щитка. Их сегментовидная в плане рамка имеет слабо выраженные грани, округлое сечение, утолщена в передней части и спрямлена со стороны щитка. Язычок прямо срезан у основания, где его сечение прямоугольное. Здесь имеется невысокий квадратный выступ, с двумя боковыми фасетками треугольной формы. Основная часть язычка имеет сегментовидное, уплощённое сечение. Кончик язычка загнут вниз под прямым

углом и почти достигает нижнего края рамки. Верхняя поверхность язычка гладкая. Верхняя часть щитка имеет форму ромба, а нижняя – узкого прямоугольника, свободный край которого обрезан под тупым углом. Верхняя пластинка по периметру пятиугольника орнаментирована линией дуговидных углублений. Еще одна такая линия проходит через щиток по длинной оси. Посередине обойма схвачена одной заклёпкой с выпуклыми шляпками.

Вариант 19. Небольшая пряжка с круглой рамкой, хоботковым, квадратным в сечении, язычком, и небольшим треугольным щитком (рис. 3, *13*). Треугольные щитки встречаются в гуннскую эпоху, но довольно редко [Амброз, 1992, с. 17].

Пряжки с округлой рамкой и хоботковым язычком распространены на огромной территории от Франции до Урала и Казахстана, в захоронениях как оседлого, так и кочевого населения. В вопросах их датировки большинство исследователей единодушны. Их относят к концу IV – 1-й половине V вв. [Амброз, 1971, с. 103; Амброз, 1989, рис. 5, *16–34*; Айбабин, 1990, с. 28; Засецкая, 1990, с. 99, рис. 1]. По центральноевропейской хронологической шкале, эти застёжки характерны для фазы D2, или 380/400 – 440/450 гг. [Tejral, 1997, s. 338, 357, abb. 17]. На территории Восточной Европы и на Кавказе эти застёжки встречаются и позже, вплоть до 1-й половины VI в. [Дмитриев, 1982, с. 103; Гавритухин, Малашев, 1998]. Однако в нашем случае можно исключить позднюю датировку пряжек, особенно из участка, раскопанного в 2005 г. на Восточном некрополе Фанагории. Вместе с мелкой хоботковой пряжкой с ромбическим щитком варианта 16 в женском погребении 30/2005 были найдены две двупластинчатые фибулы. Они имели небольшие размеры (6 см в длину), что характерно для I подгруппы, по классификации А.К. Амброза. Однако ножка этих фибул имеет расширение в верхней трети, что является основным признаком для более поздних экземпляров II подгруппы. Скорее всего, эти фибулы относятся к гуннской эпохе, 1-й половине V в., так как в более позднее время бытовали уже другие типы фибул. В склепе 34/2005 и в могиле 42/1964 вместе с хоботковыми пряжками были найдены стеклянные стаканы с синими каплями, характерные для конца IV – 1-й половины V вв. [Засецкая, 2000, рис. 8, *3, 5*]. В том же склепе 34/2005 обнаружена краснолаковая миска группы «поздний римский С», форма 1, которая датируется 1-й половиной V в. [Сазанов, 1995, рис. 4, *1*]. В склепе 23/1999 Тузлинского некрополя с пряжками вариантов 13 и 17 встречен стеклянный колбообразный сосуд [Кондрашов, Пьянков, 2002, рис. 2, *1*], по форме наиболее напоминающий находки последней четверти IV – 1-й половины V вв. [Засецкая, 2005, рис. 4, *7*]. Все эти находки подтверждают датировку рассматриваемых застёжек гуннской эпохой.

Также фазой D2 датируются пряжки следующих двух вариантов. **Вариант 20**. Крупная пряжка (рис. 1, *14*), рамка круглая, почти без утолщения в передней части, округлая в сечении. Язычок высокий, с уступом, в профиле полукруглый, несколько выходит за рамку. У основания его заметны фасетки.

Вариант 21. Рамка пряжки данного варианта (рис. 1, *15*) имеет овальную, с прогибом в передней части, форму (В-образная?). Сечение ее подпрямоугольное. Язычок массивный, овальный в профиле, с уступом, выступает за пределы кольца. Украшен он зооморфным орнаментом в виде насечек у основания и на кончике, имитирующими звериную морду. Данная прядка несколько напоминает пряжку из мужского погребения фазы D2 в Лаа, в Нижней Австрии [Werner, 1956, taf. 10, *8*].

Вместе с хоботковыми в ряде погребений (пп. 10/2005, 32/2005) были найдены и пряжки **варианта 22**. Они железные, сильно коррозированные, овальнорамчатые, с массивным язычком (рис. 1, *16–18*). Степень их сохранности не позволяет говорить о каких-то деталях. По хоботковым застежкам их может быть следует относить к 1-й половине V в. Но в целом массивные железные пряжки с загнутым вниз язычком датируются довольно широко, в рамках позднего IV – VI вв. [Ivaniševiæ, Kazanski, Mastykova, 2006, p. 20, 21].

Вариант 23. Пряжка из коллекции И.А. Хойновского происходит вместе с хоботковой пряжкой с ромбическим щитком варианта 16 из «кургана» у Сенного, имеет овальную рамку, массивный, уплощенный язычок и овальный (почковидный) щиток, крепящийся к ремню с помощью одного центрального штифта (рис. 3, *15*). Типологически эта пряжка позже хоботковых. По крымской хронологии А.И. Айбабина или по боспорской шкале И.П. Засецкой, эти застежки характерны уже для постгуннской эпохи, для 2-й половины V в. [Айбабин, 1999, табл. XXVII, *146*; Засецкая, 1990, рис. 1, *34*]. На Западе эти пряжки датируются периодом D2/D3, то есть 430/440 – 470/480 гг. [Tejral, 1997, s. 351]. Исходя из аналогий, а также по тому, что эта пряжка была найдена вместе с хоботковой пряжкой гуннского периода, датой этого варианта можно считать середину – 2-ю треть V в.

Вариант 24. Пряжка с овальной рамкой, овальной же в сечении, и выделенной осью для крепления язычка. Язычок треугольный в сечении, почти плоский, расширяется в передней части. Он слегка выходит за пределы рамки и охватывает ее, доходя где-то де середины ее сечения (рис. 3, *16*). Пряжки такого варианта известны в Керченском некрополе, в склепе 78/1907 [Засецкая, 1998, табл. XVI, *2*]. Согласно хронологической шкале, разработанной И.П. Засецкой на материалах Керчи, такие находки относятся ко 2 этапу, который она датирует широко – 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. [Засецкая, 1990, рис. 1, *38*]. И.О. Гавритухин и М.М. Казанский считают, что накопление вещей в склепе 78 происходило довольно быстро – в течение 1-й половины VI в. [Гавритухин, Казанский, 2006, с. 304]. Данные пряжки относятся к византийскому кругу, часто имеют прямоугольный или овальный щиток, в Крыму А.И. Айбабин датирует 5 группу, в комплексах которой они встречаются, 1-й половиной VI в. [Айбабин, 1990, с. 63. Рис. 37, *5–8*]. Однако М. Шульце-Дорламм датирует подобные византийские пряжки более широко, от второй четверти V до первой четверти VI вв. [Schulze-Dörrlamm, 2002, Chronologietabelle,

А7, С1, С5, С15; С7]. В Цебельде такие застежки О.А. Гей и И.А. Бажан отнесли к 16 варианту (ХИ-64), характерному для 9 периода, также датированного очень широко 450 – 550 гг. [Гей, Бажан, 1997, с. 15, табл. 10, *15*].

Вместе с вышеописанной пряжкой в погр. 84/1938 Фанагорийского некрополя была встречена застежка **варианта 25**. Это овальнорамчатая бесщитковая пряжка, сечение кольца круглое, равномерное, язычок плоский, без уступа, немного выходит за рамку (рис. 3, *17*). По формальным признакам такие пряжки характерны для позднеримского времени. В Крыму и на позднесарматских памятниках их относят к концу III – 1-й половине IV вв. [Айбабин, 1990, рис. 22, *1*; Малашев, 2000, с. 206–207, рис. 9А, *1–2*]. Однако встречаются они и намного позднее. В погребении 4 черняховского могильника Сумы-Сад была найдена в женском погребении вместе с полиэдрической серьгой. М.М. Казанский относит это захоронение к позднечерняховским, не позднее фазы D1 [Казанский, 1997, с. 183, рис. 3, *4*], с чем не согласны А.М. Обломский и И.О. Гавритухин. По их мнению, узкую дату для этого погребения определить невозможно, но оно явно относится уже к постчерняховским древностям середины – 2-й половины V – VI вв. [Обломский, 2003, с. 85, рис. 96, *5*; Гавритухин, 2004, с. 211, рис. 3, *21*]. В нашем случае также необходимо говорить о поздней датировке, так как эта пряжка найдена в комплексе с застёжкой предыдущего варианта 2-й половины V – 1-й половины VI вв. Данных для более узкой датировки недостаточно.

Вариант 26. Отличная от округлорамчатых застежек пряжка с прямоугольной рамкой (рис. 4, *1*). Происходит она из погр. 183/1964 некрополя Фанагории (раскопки А.К. Коровиной). Язычок не сохранился. По аналогии с похожей прямоугольной пряжкой из склепа 6 Керченского некрополя датировать наш экземпляр можно 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. [Крым… 2003, табл. 12, *44*].

Пряжка, относящаяся к **варианту 27** (рис. 3, *18*), обнаружена в склепе 118/2007 на восточном некрополе Фанагории. Она коренным образом отличается от всех предыдущих. Пряжка односоставная, изготовлена из тонкой бронзовой пластины треугольной формы, таким образом, трапециевидная рамка и треугольный щиток фактически представляют собой единое целое. В пластине прорезано прямоугольное отверстие для продевания ремня, а также небольшое отверстие для крепления язычка. Язычок хоботковый, с уступом у основания. Кончик его срезан, он не выходит за пределы пластины рамки. К ремню такая пряжка крепилась с помощью трех штифтов, один из которых располагался на кончике щитка, два других – по краям рамки.

Аналогии этой пряжке мне неизвестны. Судя по всему, она связана с застёжками нового вида – цельнолитыми или штампованными изделиями геральдического типа. Появление их относят к середине VI в. и связывают с влиянием византийских традиций [Генинг, 1979, с. 100; Дмитриев, 1982, с. 103; Богачев, 1992, с. 123; Айбабин, 1999, табл. XXX, *6–7*]. По форме наша пряжка более

всего похожа на застёжку из упоминавшегося выше склепа 78/1907 Керченского некрополя [Засецкая, 1996, табл. XV, *3*], который датируется 1-й половиной VI вв. [Гавритухин, Казанский, 2006, с. 304]. Однако наш вариант значительно отличается от керченского. Фанагорийская пряжка изготовлена по старым, характерным для гуннской эпохи, технологическим приемам. Она сделана из тонкой бронзовой пластины, такой, из которых изготовляли, например, щитки. Язычок у нее также хоботковый, что характерно для более раннего времени. Интересующая нас застёжка была найдена в дромосе разграбленного склепа, то есть пряжка, судя по всему, была вынесена из камеры грабителями. В самой камере сохранились следы захоронений фаз D1 и D2. Следовательно, погребение, из которого происходит интересующая нас застёжка, не может отстоять на слишком большой промежуток времени. Таким образом, данную пряжку можно отнести к числу наиболее ранних находок этого круга, что позволяет датировать её V – началом VI вв.

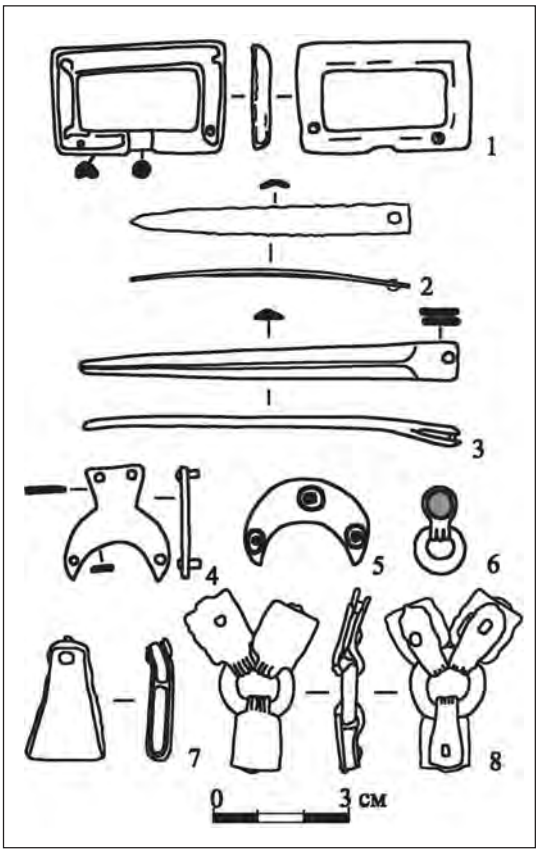


Рис. 4. Пряжка и детали ременных гарнитур из некрополя Фанагории.

1 – погр. 183/1964; 2 – погр. 30/2005; 3, 4 – погр. 5/1991; 5, 6 – Фонталовская; 7 – погр. 118/2007; 8 – погр. 34/2005; 1-4, 7, 8 – бронза, 5, 6 - золото (1-4 – по И.О. Гавритухину, 5-6 – по И. Вернеру).

Что касается функционального назначения пряжек, установить его возможно далеко не во всех случаях (наиболее подробная информация в этом плане имеется по участку, исследованному в 2005 г. в Фанагории). Большая часть пряжек использовалась в качестве поясных застёжек (рис. 1, *1, 2, 9–15, 18*; 2, *2, 10*; 3, *1, 2, 16, 17*). В погребении воина 34/2005 ряд пряжек использовался в качестве застёжек портупейных ремней (рис. 2, *13, 14*). Несколько пряжек могут определенно трактоваться как обувные (рис. 2, *3, 5, 6, 8, 9, 12;* 3, *7, 8, 10, 11, 13*). Пряжки из погребения у ст. Фонталовской (рис. 3, *3–4*) использовались для ношения меча [Werner, 1956, s. 43].

В числе других элементов поясных гарнитур известны 2 наконечника, распределитель ремней и 4 накладки.

Наконечники относятся к одному варианту. Изготовлены они из бронзы и представляют собой узкие треугольные пластины. Экземпляр из погр. 4 склепа МТФ 1991 г. Фанагорийского некрополя (рис. 4, *3*) треугольный в сечении. В верхней части наконечника имеется выемка, в которую вставлялся ремень и крепился с помощью заклепки. По комплексу пряжек этот экземпляр следует датировать 2-й половиной IV в. Находка из погр. 30/2005 (рис. 4, *2*) отличается несколько меньшими размерами. Крепился к ремню этот наконечник с помощью одного штифта. Его дата – 1-я половина V в. Находки таких наконечников известны на Боспоре и в Крыму в эпоху переселения народов [Засецкая, 1993, кат. 347; Айбабин, 1999, табл. XXIII, *7*; Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 8, *16*; Масленников, 2000, табл. XIII, *23–25*]. Недавно наконечники ремней этого типа были разобраны М.М. Казанским и И.Р. Ахмедовым в связи с анализом погребального инвентаря погребения Мундольсхейм, в Эльзасе. Авторы пришли к выводу, что данные наконечники появляются во второй трети IV в., но особенно характерны для гуннского времени, а наиболее поздние относятся уже к постгуннскому времени. Они особенно характерны для оседлого населения понтийского региона и бассейна Волги, хотя встречаются и у степных кочевников [Kazanski, Akhmedov, 2007, p. 255-258].

Накладки на ремень встречены в трёх погребениях. Находка из погр. 4 склепа МТФ 1991 г. (рис. 4, *4*) имеет форму лунницы с трапециевидным выступом. Изготовлена она из тонкой бронзовой пластины. К ремню накладка крепилась четырьмя штифтами. Как правило, эти находки являются элементами ремней конской узды. Не исключено это и в нашем случае, так как в погр. 4 были встречены детали узды [Шавырина, 1991, с. 32; Шавырина, 2000, с. 360]. Дата накладки, судя по найденным вместе с ней пряжкам (см. выше) – 2-я половина IV в. Форму лунницы имела и золотая накладка из погребения у Фонтала [Werner, 1956, taf. 59, *29*] (рис. 4, *5*). Судя по всему, она, как и полихромные пряжки (см. выше), являлась частью ремня, служившего для ношения меча [Werner, 1956, s. 43]. Из этого же погребения происходит ещё одна накладка в виде кольца с зажимом, украшенным круглой вставкой граната [Werner, 1956, taf. 59, *28*] (рис. 4, *6*). Датируется она фазой D2 (горизонт Унтерзибенбрунн, сводка их приведена в Kazanski, 1996. fig. 9). Другая накладка из разрушенного погребения, найденная на полу камеры склепа 118/2007 (рис. 4, *7*), имела форму вытянутой вертикально трапеции. Она изготовлена из согнутой пополам бронзовой пластины. Между ее концами еще сохранились следы кожаного ремня. Накладка крепилась к поясу небольшим гвоздиком. Почти такие же накладки были найдены в склепе 88 могильника у села Лучистое в Крыму [Айбабин, Хайрединова, 1996, рис. 21, *5–9*]. Датируется эта накладка фазой D2 центральноевропейской системы хронологии, т.е. 380/400 – 440/450 гг.

Бронзовый распределитель ремней был обнаружен в упоминавшемся выше фанагорийском склепе 34/2005 (рис. 4, *8*), где был захоронен воин. Он представлял собой кольцо, круглое, равномерное в сечении, к которому крепились

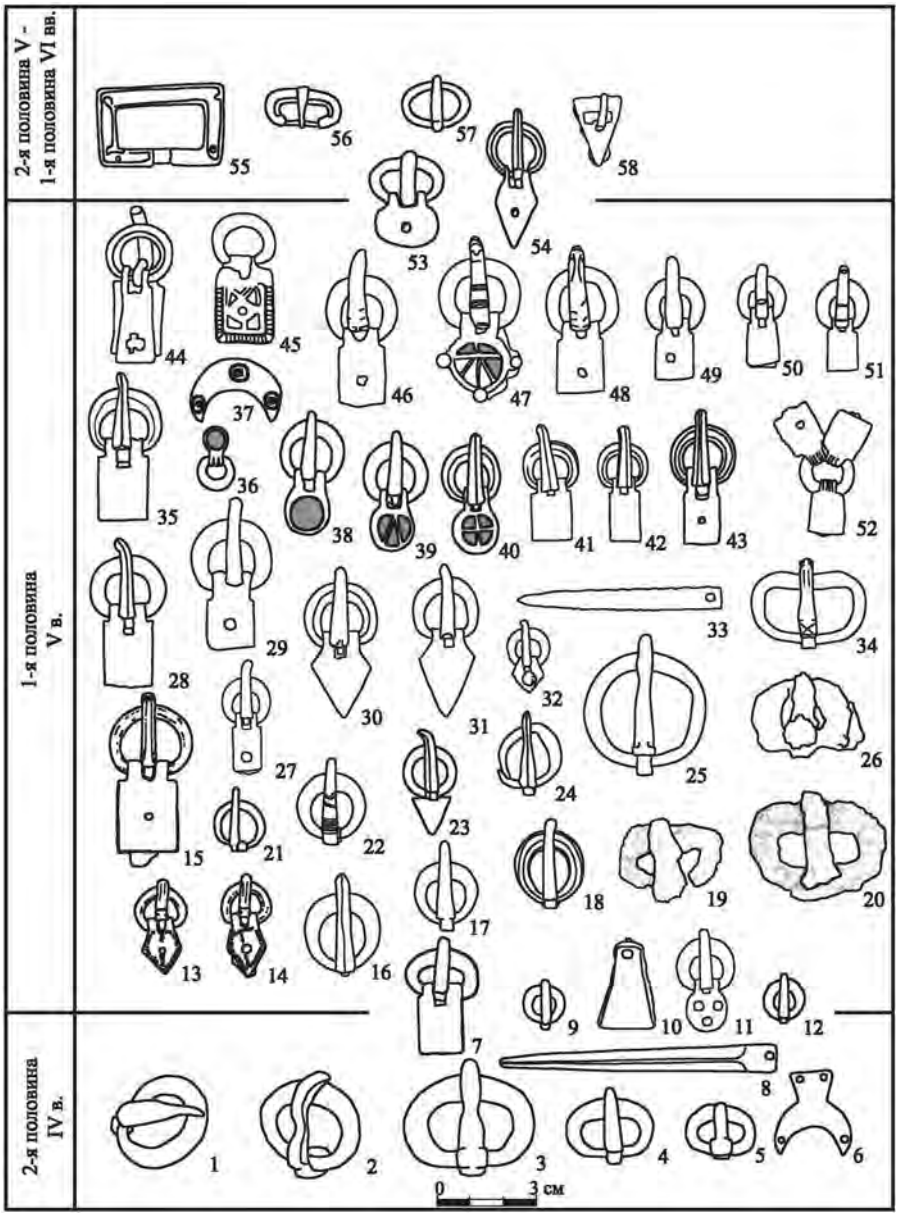


Рис. 5. Хронологическая таблица деталей ременных гарнитур.

1-12, 16-35, 40-58 – Фанагория, 13-15 – Тузла, 36-39 – Фонталовская, 40 – «Тамань». 1 – погр. 4/1950; 2 – погр. 99/1950; 3 – погр. 21/1950; 4-9 – погр. 5/1991; 10-12, 58 – погр. 118/2007; 13-15 – погр. 23/1999; 16, 28, 35 – погр. 1/2005; 17, 20 – погр. 32/2005; 18 – погр. 4/2005; 19, 27 – погр. 10/2005; 21 – погр. 42/1964; 22 – погр. 41/2005; 23 – погр. 74/1938; 24, 25 – погр. 25/2005; 26 – погр. 16/2005; 29-31 – погр. 3/2005; 32, 33 – погр. 30/2005; 34 – погр. 9/2005; 41, 42 – погр. 12/2005; 43 – погр. 30/1950; 44, 45 – погр. 50/1937; 46-52 – погр. 34/2005; 53, 54 – «курган» у Сенной (коллекция И.А. Хойновского); 55 – погр. 183/1964; 56, 57 – погр. 84/1938.

три зажима для ремней, наподобие щитков пряжек, только здесь они не имели вырезанных петель. Время бытования таких вещей – гуннское время (конец IV – 1-я половина V вв.). Находки таких распределителей (единственная отличительная черта их – округлая, а не прямоугольная, форма зажимов) известны в некрополе позднеантичного Танаиса [Аресеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 24–25, табл. 22, *310*], в раннесредневековом могильнике Лучистое в Крыму [Хайрединова, 2003, рис. 3, *1, 3*], а также в погребении у с. Лихачевка Полтавской области [Обломский, 2004, рис. 2, *5, 6*], которое А.М. Обломский датирует несколько более поздним временем – 2-й половиной V – 1-й половиной VI вв. Однако датировки погребения в Лихачевке, предложенные А.М. Обломским, были оспорены авторами коллективной монографии о погребениях Морского Чулека. Они показали, что вещи, найденные в Лихачевке, имеют аналоги в древностях уже гуннского времени [Засецкая, Казанский, Ахмедов, Минасян, 2007, с. 110]. В комплексе с двумя обувными пряжками варианта 11 этот распределитель представляет собой обувной набор варианта 1-3 по Э.А. Хайрединовой [Хайрединова, 2003, с. 134, рис. 3].

Итак, как было выяснено, подавляющее большинство пряжек относится к гуннской эпохе, к самому концу IV – 1-й половине V вв. Лишь небольшая группа деталей ременной гарнитуры может быть датирована более ранним временем, серединой – 2-й половиной IV в. И еще несколько застежек относятся к более позднему, нежели гуннская эпоха, времени – 2-й половине V – 1-й половине VI вв. (рис. 5). Более поздние вещи (начиная со 2-й половины VI в.) в некрополе Фанагории, откуда происходят большинство пряжек, отсутствуют. Объяснить это можно особенностью выборки – до сих пор должным образом не опубликовано ни одного позднеантичного погребения. Однако есть и ряд других соображений. Скорее всего, после разгрома Фанагории в 528 или 534 гг. варварским князем Гордом или Гродом жизнь здесь затухла вплоть до хазарского времени. К такому же выводу пришли А.Г. Атавин, вслед за А.В. Сазановым, основываясь на анализе краснолаковой керамики из раскопок городища [Сазанов, 1989, с. 58; Атавин, 1993, с. 170], а совсем недавно и И.О. Гавритухин, рассматривая фибулу из раскопок А.Г. Атавина [Гавритухин, 2008, с. 365]. Детали поясных наборов подтверждают эту точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. 1990.
Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. 1998.
Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д.1-30. М., 1966.
Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2 и 3.
Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989.
Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. Вып. 1. 1992.
Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 – 1995 гг. М., 2001.
Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV – VI вв. из Фанагории // БС. Вып. 2. 1993.
Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV – VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.
Блаватский В.Д. Отчет о раскопках Фанагории в 1936 – 1937 гг. // Труды ГИМ. Т. XVI. М., 1941.
Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории 1938, 1939 и 1940 гг. // МИА. 1951. № 19.
Гавритухин И.О. Среднеднепровские ингумации второй половины V – VI вв. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.
Гавритухин И.О. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности Юга России. М., 2008.
Гавритухин И.О., Казанский М.М. Боспор, тетракситы и Северный Кавказ во второй половине V – VI вв. // АВ. Вып. 13. 2006.
Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997.
Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158.
Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.
Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V – VIII вв. М., 1982.
Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. 2003.
Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.
Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982.
Засецкая И.П. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового Боспорского некрополя (конец IV – начало VII вв.) // АСГЭ. Вып. 30. 1990.
Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. 1993.
Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994.
Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Вып. VI. 1998.
Засецкая И.П. О двух классификациях стеклянных сосудов с декором из напаянных капель и нитей синего стекла // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград, 2000.

Засецкая И.П. Хронология стеклянных колбообразных сосудов из Боспорского некрополя позднеантичного и раннесредневекового периодов // БИ. Вып. X. 2005.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб., 2007.

Зеест И.Б. Земляные склепы некрополя Тузлы // КСИИМК. 1953. Вып. 51.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + ПАВ. Кишинев, 1997.

Казанский М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV – IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1-2. М., 1979.

Кондрашов А.В., Пьянков А.В. О верхней хронологической границе Тузлинского некрополя // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.

Корпусова В.М. Сільске населення пізньоантичного Боспору // Археологія. № 8. 1973.

Крым. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. // Археология. М., 2003.

Кузнецов В.Д. Отчет Фанагорийской экспедиции Института археологи РАН за 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-1. 20428, 20429.

Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000.

Марченко И.Д. Раскопки Восточного некрополя Фанагории в 1950 – 1951 гг. // МИА. 1956. № 57.

Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Т.3.

Некрасова А.Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим. Киев, 2006.

Неневоля И.И., Волошинов А.А. Два комплекса IV в. н.э. на могильнике Кроснозорье // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2003.

Обломский А.М. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.

Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. Вып. IV. 1995.

Сорокина Н.П. О стеклянных стаканах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.

Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Хайрединова Э.А. Обувные наборы V – VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. Вып. X. 2003.

Шавырина Т.Г. Исследование некрополя Фанагории (западный участок) на территории МТФ совхоза «Приморский» // Архив ИА РАН. 1991. Р-1. 16867.

Шавырина Т.Г. Западный некрополь Фанагории (Раскопки 1991 – 1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 2000. Т.3.

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб, 2005.

Ivaniševiæ I., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006.

Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Sophia-Antipolis, 1996.

Kazanski M. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique // Germanen beiderseits des spätantiken Limes. Brno-Köln, 1999.

Kazanski M., Akhmedov I. La tombe de Mundoslheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno, 2007.

Legoux R., Périn P., Vallet F. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye, 2006.

Schulze-Dörrlamm M. Byzantininsche Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuzeum. Teil I. Mainz, 2002.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations // BAR International Series. 1535. Oxford, 2006.

Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. Tom. VII. Peregrinatio Gothica. £odŸ,1986.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

A.A. Strokov

BELT FITTINGS OF HUN AGE FROM ASIAN BOSPORUS

Summary

The article is dedicated to the analysis of various details of belt fittings found in the territory of Asian Bosporus and dated back to the second half of 4th – early 6th centuries AD. For classification of buckles we have used the method proposed by A.V. Bogachev. Based on the combination of several features, we point out twenty seven variants. Almost all of them were made of bronze and had a movable frame, a plate and a tongue. Buckles and other belt details are of key importance in dating of archaeological complexes. The study has shown that several buckles might be dated back to the middle – second half of 6th century, and that the great majority of them could be synchronized with D2 phase of Middle European chronological system (380/400 – 440/450 AD), and only a few of them were dated back to a later period – the second half of 5th – early 6th centuries AD.

Б.В. МАГОМЕДОВ, С.В. ДИДЕНКО

КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Черняховская культура (другое название – культура Сынтана де Муреш-Черняхов) существовала во второй трети III – первой трети V вв. на территории современной Украины, Молдовы и Румынии (рис. 1). Ее население составляли племена готов, а также группы поздних скифов, сармат и других местных народов [Магомедов, 2001]. Важное место в экономике черняховских племен занимала торговля с Римской империей. Импортная керамика провинциального производства известна на всем пространстве этой культуры и представлена в основном амфорами. Столовая краснолаковая посуда в виде мелких фрагментов встречается также повсеместно. Однако целые формы происходят в основном из южных регионов, наиболее приближенных к границам античного мира. Анализ этого материала открывает новые перспективы для изучения римско-варварских отношений в Северопонтийском регионе в позднеримское и ранневизантийское время.

Общеизвестно, что многим формам краснолаковой керамики присущ некий «исходный» тип. Поэтому большинство форм из памятников черняховской культуры на уровне основных морфологических признаков присутствуют в целом ряде отечественных [Книпович, 1952; Силантьева, 1958; Крапивина, 1993] и зарубежных [Robinson, 1959; Hayes, 1972, 1985 и др.] типологий и классификаций краснолаковой керамики для разных регионов античного мира, охватывающих период с I по VII вв. н.э. Лишь часть их содержит близкие аналогии, большинство же можно использовать для выявления дальних параллелей. Наша работа в первую очередь ориентируется на точные или ближайшие аналогии из комплексов III-V вв., максимально приближенные к находкам из черняховских памятников по набору как основных, так и дополнительных значимых морфологических признаков с учетом особенностей декора. Ее главными задачами являются: получение узкой даты бытования выделенных нами типов, определение географических зон их распространения и концентрации внутри и за пределами ареала черняховской культуры. Цель работы – уточнение векторов, времени и динамики поступления этой категории античного импорта в черняховскую среду. Мы не рассматриваем состав глиняного теста и особенности лакового покрытия. Это задача следующего этапа исследования.

Среди краснолаковой посуды с черняховских поселений и могильников имеются миски, тарелки и блюда, много разнообразных типов кув-

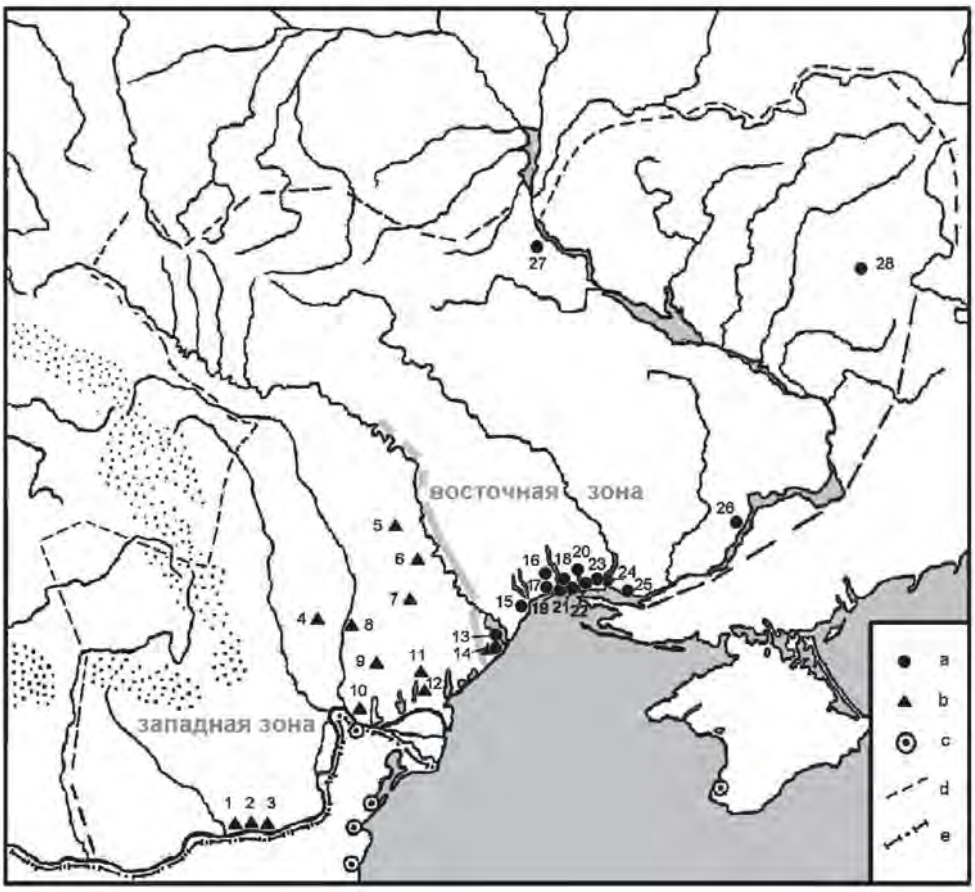


Рис. 1. Места находок краснолаковой посуды на памятниках черняховской культуры:

a – типы «северочерноморской» серии; b – типы «западночерноморской» серии; c – города; d – границы черняховской культуры в середине IV в.; e – граница Римской империи.

1 – Спанцов; 2 – Александр Одобеску; 3 – Индепенденца; 4 – Бырлад-Валя Сяке; 5 – Бравичень; 6 – Будешты; 7 – Данчены; 8 – Готешти; 9 – Чалык; 10 – Нагорное II; 11 – Холмское; 12 – Фурмановка; 13 – Тира; 14 – Беленькое; 15 – Киселово; 16 – Ранжеве; 17 – Сычавка; 18 – Луговое; 19 – Коблево; 20 – Мыс; 21 – Викторовка II; 22 – Каборга IV; 23 – Каменка-Анчекрак; 24 – Ольвия; 25 – Станислав; 26 – Гавриловка; 27 – Черняхов; 28 – Войтенки.

шинов, отдельными находками представлены кубок, чаша и ваза[1]. Лишь некоторые из типов сосудов имеют устоявшиеся названия. В других случаях мы называем эти типы по местам находок на памятниках черняховской культуры.

[1] Значительная часть керамики осмотрена авторами, при этом С.В. Диденко выполнил некоторые рисунки (рис. 2, 3,5; 3, 4; 6, 1; 7, 1,7). Остальные рисунки скопированы с авторских публикаций.

МИСКИ

Тип «Войтенки». Могильник Войтенки (Валковский р-н, Харьковская обл.), погребение-кремация 48, пережженные фрагменты верхней части сосуда, лак не сохранился (рис. 2, 1) [Шультце, Любичев, в печати]. В комплекс погребения входит сероглиняная миска с овальными срезами по ребру, которая датируется не ранее середины IV в. [Schultze, Strocen´, in Druck].

Миска с округлым туловом с загнутым внутрь заокругленным венчиком. Это одна из наиболее массовых форм краснолаковой керамики. Такие сосуды производились в разных центрах античного мира, широко распространены в Северном и Западном Причерноморье в первые века н.э. и повторяют форму мисок более раннего времени. В опубликованных классификациях краснолаковой керамики эти миски фигурируют под разными названиями: восточная сигиллата А, форма 20 и Понтийская сигиллата, форма IV по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, tav. III; tav. XXIII]; тип 1в краснолаковых мисок из римских слоев Ольвии [Крапивина, 1993, с. 107-108, рис. 45, 12-16]; тип «неклассифицированные сосуды с загнутым внутрь венчиком» в материалах Нимфея [Domzalski, 2000, p. 14]; группа III-2 краснолаковой керамики из Усть-Альминского некрополя [Высотская, 1994, с. 76]; тип 20-21 из комплексов могильника Заветное [Богданова, 1989, табл. IV]; форма 13-14 понтийской сигиллаты А могильников Бельбек III и Бельбек IV [Журавлев, 2007, с. 373-374, рис. 4] и т.д. Большинство таких мисок происходит из комплексов I-III вв. н.э. Они часто встречаются в слоях этого времени Ольвии [Крапивина, 1993, с. 107-108] и соседнего Козырского городища [Бураков, 1976, рис. VIII, 3], на Боспоре [Журавлев, 2007, с. 374], в слоях и погребальных комплексах Херсонеса и его ближайшей округи [Зубарь, 1982, с. 66; Зубарь, Сорочан, 1988, с. 109-111, рис.5, 4]. Это наиболее распространенная группа краснолаковой керамики некрополя Неаполя Скифского [Сымонович, 1983, с. 81, табл. VIII-IX] и других позднескифских некрополей Крыма. Без особых морфологических изменений эта форма существует и на протяжении второй половины III - первой половины V вв., что подтверждается находками из крымских погребальных комплексов этого периода. В частности, они найдены в ряде погребений Инкерманского и Чернореченского могильников [Веймарн, 1963, с. 19-37, рис. 7, 7; Бабенчіков, 1963, табл. IV, 7] и включены в тип VI краснолаковой керамики из комплексов некрополя Дружное [Храпунов, 2002, с. 58-59, рис. 198, 8]. Таким образом, такие миски датируются очень широко в пределах I – первой половины V вв., хотя дата экземпляра из Войтенков может быть уточнена до второй половины IV в.

Миски с туловом усеченно-конической формы на низком кольцевом поддоне, с вертикальным или наклоненным внутрь бортиком составляют отдельный тип. Подробная характеристика этой формы для I - первой половины III вв. изложена Д. Журавлевым на основании материалов могильников Бельбек III и Бельбек IV. Он выделяет ее в форму 17 понтийской сигиллаты А. [Журавлев, 2007, с. 382-383, рис. 5, 166,170; 6, 44]. Разновидностью таких сосудов является тип 2 мисок-

чаш ольвийской классификации [Крапивина, 1993, рис. 45, 25-26]. Более поздние варианты этой формы в IV – первой половине V вв. были широко распространены на территории Крыма. А.И. Айбабин включил их в хронологические признаки 13 и 14 для крымских могильников IV - начала V вв. [Айбабин, 1984, с. 114-115, 117]. В отличие от сосудов I – первой половины III вв. они имеют некачественное лаковое покрытие, сравнительно толстые стенки и являются наиболее приближенными к находкам из черняховских памятников. Миски такой же формы производились в керамических центрах северо-восточной Эгеи (Фокея и ее округа) на протяжении второй половины IV – третьей четверти V вв. и были включены Дж. Хейсом в группу Late Roman C Ware, form 1B [Hayes, 1972, p. 325]. В классификации К. Домжальского они выделены в форму 1 A-C группы Phocean Red Slip Ware [Arsen'eva, Dom¿alski, 2002, p. 430].

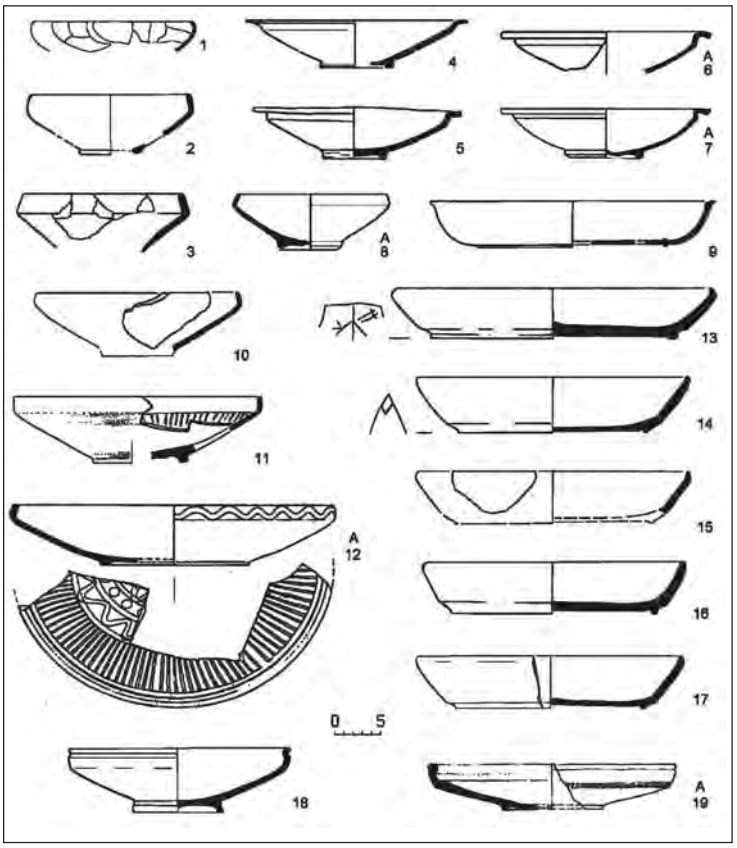


Рис. 2. Краснолаковая посуда с памятников черняховской культуры (1-5, 9-11, 13-18) и аналогии (6-8, 12, 19). Здесь и далее аналогии отмечены буквой «А».

1 – Войтенки; 2, 4, 9 – Каборга IV; 3, 16 – Викторовка II; 5 – Киселово; 6 – Херсонес; 7, 8 – Дружное; 10, 11, 14, 15 – Каменка-Анчекрак; 12 – Суворово; 13 – Сычавка; 17 – Луговое; 18 – Нагорное II; 19 – Троесмис.

Вариант «Каборга, погр. 5». Могильник Каборга IV (Очаковский р-н, Николаевская обл.), погребение-кремация 5 [Магомедов, 1979, табл. VII,6] (рис. 2, 2). На фрагментах миски сохранились следы обгоревшего лака в виде бурых пятен[2]. Комплекс датируется по амфоре, воспроизводящей тип Шелов F, ранний вариант 1, второй четвертью IV в. [Шелов, 1978; Диденко, в печати].

[2] В публикации миска была ошибочно описана как сероглиняная, так как в результате вторичного обжига цвет глины изменился.

Бортик, вертикальный, составляет около 1/3 общей высоты сосуда, с незначительным наклоном внутрь. Переход от бортика к тулову сглажен, венчик закруглен.

Аналогии имеются в Крыму. Они происходит из грабленых коллективных склепов могильника Дружное (могилы 9, 64, 66, 81), использовавшихся на протяжении второй половины III-IV вв. [Храпунов, 2002, рис. 79, 6; 154, 3; 158, 9]. Установить принадлежность интересующих нас мисок из данных склепов к конкретным погребениям практически невозможно, поэтому о более точном времени попадания в эти комплексы сосудов данного варианта говорить не приходится. Близкие аналогии происходят из могилы 2 и склепа 10 могильника Тас-Тепе, относящихся к IV в. [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, рис. 4, 3; 7, 2-3]. К надежно датированным комплексам с такими мисками относятся: склеп 1 могильника Озерное III первой половины - середины IV вв. [Лобода, 1977, рис. 5, 11; Айбабин, 1999, с. 259; Сазанов, 1993, с. 18] и подбойная могила 5 могильника Курское [Труфанов, Колтухов, 2003, с. 282, 284, рис. 6], в числе инвентаря которой был краснолаковый кувшин с бутылеобразным туловом, характерный для второй половины IV – начала V вв. (см. ниже тип «Ранжеве»). Таким образом, датировка данного варианта возможна в пределах второй половины III-IV вв., хотя дата экземпляра из Каборги может быть уточнена до второй четверти IV в.

Вариант «Беленькое, погр. 131». Миска из могильника Беленькое (Белгород-Днестровский р-н, Одесская обл.), погр. 131, которое датируется последней четвертью IV – первой четвертью V вв.[3] Также фрагмент из поселения Каменка-Анчекрак (Очаковский р-н, Николаевская обл.), памятник датируется второй половиной IV – началом V вв. (рис. 2, 10) [Магомедов, 1991, рис. 19, 7].

Бортик невысокий (менее 1/3 общей высоты сосуда), с незначительным наклоном внутрь, слегка округлен. Переход от бортика к тулову сглажен, венчик закруглен.

Аналогии имеются в Крыму. Они происходит из водосборной цистерны в квартале XCVI Северо-Восточного района Херсонеса, заполненной в III-IV вв. (тип 2 краснолаковых мисок) [Рыжов, 1986, с. 133]. На основании группы фрагментов краснолакового керамического брака из этого же комплекса выделен близкий тип мисок (тип 1), возможно, местного изготовления [Ушаков, 2005, с. 63-64, рис. 1, 1]. Точными аналогиями являются находки из комплексов могильника Дружное: могила 9 – грабленый склеп с коллективными захоронениями конца III–IV вв. [Храпунов, 2002, с. 17, 67, рис. 79, 7]; погребение F могилы 78, датирующееся по стеклянному кубку типа Эггерс 230 второй-третьей четвертью IV в. [Храпунов, 2002, с. 33-34, 57, 71, рис. 179, 3,4]. В склепе 1 могильника Озерное III такая миска найдена с инвентарем первой половины – середины IV в. [Лобода, 1977, рис. 5, 1]. Интересно, что из этого

[3] Раскопки А.А. Росохацкого [Magomedov 1994, p. 88-89, fig. I,129].

же комплекса происходит миска предыдущего варианта «Каборга, погр. 5». Таким образом, можно предположить, что данный вариант мисок появляется в первой половине IV в. (ближе к его середине) и бытует до конца этого столетия.

Вариант «Каменка-Анчекрак, слой поселения». Фрагментированная миска с поселения Каменка-Анчекрак[4], вторая половина IV – начало V вв. [Магомедов, 1991, рис. 19, 6] (рис. 2, 11).

Бортик невысокий, менее 1/3 общей высоты сосуда, вертикальный. Переход от бортика к тулову сглажен. Внешний край венчика слегка заострен, внутренний закруглен. Внутренняя поверхность украшена росписью красным лаком: на стенки нанесен орнамент из радиальных линий, на дне сохранились следы розетты.

Фрагменты морфологически близких сосудов с подобным декором в незначительном количестве происходят из слоев второй половины IV – первой половины V вв. Танаиса, Тиритаки, Ильичевки (винодельня)[5]. Аналогичный декор имеет миска из склепа с инвентарем конца IV - начала V вв. могильника Суворово в Юго-Западном Крыму [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 113-114, рис. 2, 12] (рис. 2, 12), хотя морфологически она ближе к варианту «Беленькое» нашей типологии. Эта категория керамики производилась в мастерских Центральной Греции и была выделена Дж. Хейсом в группу «Central-Greek Painted Ware», которую он относил VI в. [Hayes 1972, 412-413, pl. XXIII:b]. В настоящее время на основании новых материалов из Никополиса (Греция) К. Домжальский датирует эти сосуды второй половиной IV – началом V вв.

Вариант «Викторовка». Поселение Викторовка II (Березанский р-н Николаевской обл.) датируется около третьей четверти IV в. Фрагмент верхней части миски [Сымонович, Яровой, 1968, рис. 6, 20] (рис. 2, 3).

Бортик прямой, с уклоном внутрь и четко выраженным переходом к тулову. Венчик закруглен.

Многочисленные аналогии для этого варианта происходят из памятников Крыма позднеримского и ранневизантийского периодов. Они характерны для керамического комплекса Херсонеса [Кадеев, 1970, с. 87, рис. 7, 2] и погребального инвентаря ряда могильников этого времени: Инкерманского, Скалистинского, Озерное III (Веймарн, 1963, рис. 7, 20; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 190, рис. 74, 8; Лобода, 1977, с. 242-245, рис. 6, 9]. Аналогичные сосуды включены в тип VI краснолаковой керамики могильника Дружное (рис. 2, 8) [Храпунов, 2002, с. 58-59]. Хронология комплексов с этим вариантом мисок указывает на вторую половину IV в. В склепе 2 могильника Озерное III миска этого варианта сопровождалась краснолаковым кувшином второй половины IV – начала V вв.

---

[4] Местоположение памятника при повторных упоминаниях не повторяется.

[5] Авторы благодарны д-ру К. Домжальскому за любезно предоставленные консультации по поводу варианта мисок «Каменка-Анчекрак, слой поселения», блюд типов «ARS форма 58A» и «PRS форма 1A», кувшинов типов «Опайц III», «IV» и кубка типа «Тира».

(см. ниже тип «Ранжеве») и амфорой типа Шелов F, вариант 2 третьей четверти IV в. [Диденко, в печати]. Морфологически близкие сосуды известны и в крымских комплексах начала V в. (могильник Лучистое, погр. 88) [Айбабин, 1999, табл. XXII], но они отличаются подрезанным венчиком, что может являться дальнейшим этапом эволюционного развития формы. Таким образом, этот вариант мисок может быть датирован в пределах второй половины IV в.

Тип «Нагорное, погр. 18». Могильник Нагорное II (Ренийский р-н Одесской обл.), погр. 18. Комплекс датируется третьей четвертью IV в. [Gudkova, Schultze, in Druck].

Миска с усеченно-коническим туловом на низком кольцевом поддоне, со слабо выделенным ребром. Короткий венчик отделен от бортика канавкой. Красный лак очень плохого качества (рис. 2, 18).

Миски с подобным профилем известны в городах провинции Малая Скифия, в частности в Троесмисе (рис. 2, 19) [Opaiþ, 1980, p. 358, pl. XV, 3].

ТАРЕЛКИ

Из черняховских памятников происходят две тарелки, основные морфологические признаки которых позволяют объединить их в один тип - глубокие тарелки с широким горизонтально отогнутым венчиком и усеченно-коническим туловом на низком кольцевом поддоне. Сосуды с подобной морфологией известны на протяжении I-IV вв. н.э. и очевидно представляют развитие одной формы тарелок. Они распространены в Северном и Западном Причерноморье, Паннонии, Олтении, встречаются на Афинской агоре [Крапивина, 1993, с. 111] и могут быть сопоставлены с формой III Понтийской сигиллаты, по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, tav. XXIII, 3]. В компексах позднескифских могильников Крыма морфологически близкие тарелки, как правило, сопровождаются материалами середины II - первой половины III вв. [Высотская, 1994, табл. 20,25; Журавлев, 2007, с. 368-369, рис. 1, 6]. В частности, по классификации Д.В. Журавлева, краснолаковой керамики могильников Бельбек III и Бельбек IV это форма 6.3 [Журавлев, 2007, с. 368-369, рис.1, 6]. В Ольвии они (подгруппа Б, тип 5 краснолаковых тарелок) происходят из слоев I-III вв. [Крапивина, 1993, с. 111, рис. 50, 4]. Как правило, для экземпляров I-II вв. характерен врезной орнамент в виде закрученных по спирали рядов нарезок или косых насечек (rouletting), либо наличие клейма (planta pedis или в виде розетки) [Журавлев, 2007, с. 367-368]. Во II-III вв. они становятся глубже, появляется ребристость тулова [Крапивина, 1993, с. 111]. Сосуды IV в. отличаются грубостью изготовления, большей толщиной стенок, отсутствием орнаментации и низким качеством лака, более напоминающим ангоб.

Вариант «Каборга, погр. 4». Могильник Каборга IV**,** погребение-кремация 4, обгоревшие фрагменты сосуда [Магомедов, 1979, табл. V, 4] (рис. 2, 4). Комплекс датируется второй четвертью IV в. на основании амфоры типа Шелов F, вариант 1 [Диденко, в печати].

Стенки прямые, бортик невысокий с уклоном наружу. Край венчика слегка оттянут вниз. Точные аналогии этому сосуду нам неизвестны.

Вариант «Киселово». Поселение Киселово (р-н Лузановка, г. Одесса) [Раевский, 1955, рис. 4, 3] (рис. 2, 5). Памятник датируется второй половиной IV в.

Стенки слегка округлены, бортик невысокий, вертикальный. Венчик с широким желобком. Тарелка имеет перекос на одну сторону.

Грубое и небрежное изготовление тарелки из Киселово по сравнению с экземплярами I-II вв. сближают ее с сосудами из керамических комплексов III-IV вв. Херсонеса и могильников типа Озерное-Инкерман. Найденные в Херсонесе формы обычно связывали с продукцией малоазийских мастерских [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 40-41]. Однако, они присутствуют и в группе фрагментов керамического брака из заполнения цистерны во втором квартале Северо-Восточного района города (рис. 2, 6), на основании которых С.В. Ушаков выделил типы краснолаковой керамики, которые могли быть изготовлены в самом Херсонесе [Ушаков, 2005, с. 65, рис. 2, 1. Тип V.2]. В качестве параллелей выступают сосуды из комплексов IV в. могильников Инкерман (могила №9) [Веймарн, 1963, с. 19, 32, рис. 7, 13] и Дружное (тип IX, могилы 3, 64, 66 и 76) [Храпунов, 2002, с. 29-30, 33, 70-71, рис. 154, 4; 158, 5; 175, 1,2], причем ближайшая аналогия найдена в погребении А могилы №3 могильника Дружное (рис. 2, 7) [Храпунов, 2002, с. 15, рис. 69, 12] с амфорой типа Шелов F, вариант 2 А, которая датируется в рамках 50-60 гг. IV в. [Диденко, в печати].

Морфология этого варианта тарелок отличается стабильностью. Их форма в IV в. почти не отличается от сосудов II-III вв., поэтому решающую роль в датировке здесь играет структура глиняного теста, примеси, низкое качество лака, отсутствие орнаментации, более грубое исполнение и толщина стенок. На основании общей датировки поселения Киселово и ближайшей аналогии из Дружного, киселовский экземпляр может быть датирован второй половиной IV в.

БЛЮДА

Тип «ARS форма 58А». Могильник Каборга IV, погребение-кремация 6, обгоревшие фрагменты сосуда [Магомедов, 1979, табл. VIII, 6] (рис. 2, 9). Комплекс датируется второй четвертью IV в. на основании дна амфоры типа Шелов F, вариант 1 [Диденко, в печати].

Блюдо с широким дном на кольцевом поддоне. Стенки округлые, плавно переходят в отогнутый венчик с плоской, скошенной внутрь верхней площадкой. Глина плотная, тонкие стенки гладко отполированы.

Эти сосуды производились в североафриканских мастерских на территории современного Туниса. По классификации Дж. Хейса, они принадлежат к группе African Red Slip Ware (ARS) form 58A, которая датируется 290/300-375 гг.[Hayes, 1972, p. 92-96, fig. 14].

Тип «PRS форма 1А». Могильник Сычавка (Коминтерновский р-н Одесской обл.), на дне имеется граффити [Федоров, Рошаль, 1979, рис. 2, 5,6]

(рис. 2, 13); поселения Викторовка II [Сымонович, Яровой, 1968, рис. 6, 17] (рис. 2, 16); Каменка-Анчекрак**,** помещение VII - целая форма, также фрагменты дна и венчика, на двух первых имеется граффити «альфа» [Магомедов, 1991, с. 17, рис. 19, 8,9] (рис. 2, 14,15); Луговое (Березанский р-н Николаевской обл.) [Магомедов, Гудим-Левкович, 2003, рис. 11, 1] (рис. 2, 17). Выразительные фрагменты найдены также в черняховских слоях позднеантичных городищ Станислав (полуземлянка - комплекс 1) и Мыс [Schultze, Magomedov, Bujskich, 2006, S. 314, 338]. Они часто встречаются в самом позднем горизонте Ольвии [Крапивина, 1993, с. 110, рис. 48, 21,22; Крапивина, Домжальский, 2008, с. 79, рис. 2, 1-2] и относятся, по нашему мнению, к черняховскому горизонту этого памятника [Магомедов, 2007]. Все эти археологические комплексы укладываются в хронологический отрезок середины IV – начала V вв.

Блюда с широким дном на низком кольцевом поддоне, с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком.

Долгое время эти изделия ошибочно причисляли к группе «Африканские краснолаковые сосуды» (ARS 62B или Хейс 62B), по классификации Дж. Хейса [Hayes, 1972]. Однако они рознятся не только деталями профилировки, но, как оказалось, иным составом глины и характером лакового покрытия. В последнее время установлено их понтийское производство, и в типологии К. Домжальского, которой мы пользуемся, они названы Pontic Red Slip Ware (PRS) form 1 [Arsen'eva, Dom¿alski, 2002, p. 425-426]. Эта форма наиболее популярна из группы понтийской позднеримской керамики и имеет очень широкое распространение, охватывая районы Северного, Восточного и, в меньшей степени, Западного Причерноморья [Domzalski, 1996, p. 95-112; Домжальский, 1998, с. 23, прим. 32; Opaiþ, 2004, p. 75]. В частности она часто встречается в комплексах Крыма IV-V вв. [Айбабин, 1990, с. 16; Сазанов, 1989, с. 51-53; Юрочкин, Труфанов, 2007, с. 367, рис. 5, 11-12]. В Танаисе обломки этих блюд составляют большинство среди краснолаковой керамики в слоях середины IV – середины V вв. [Arsen'eva, Dom¿alski, 2002, p. 425]. По деталям профилировки венчика они разделяются на два варианта. Вариант, представленный на черняховских памятниках (с сужающимся краем), в новой типологии К. Домжальского фигурирует как PRS form 1A [Крапивина, Домжальский, 2008, с. 79] и датируется в пределах второй половины IV в.

КУВШИНЫ

Тип «Черняхов». Могильник у с. Черняхов (Кагарлыкский р-н Киевской обл.) (Петров 1964, рис. 10, 5) (рис. 3, 4). Могильник датируется в рамках конца III – третьей четверти IV вв.

Кувшин на низком кольцевом поддоне, со сферическим туловом и высоким цилиндрическим горлом. Венчик в профиле прямоугольный, подграненый, с уступообразным переходом к горлу. Ручка уплощенная.

Эта форма имеет широкое распространение на памятниках Северного Причерноморья первых веков н.э. Она известна в археологических комплексах I-II вв. Истрии, Паннонии, Северной Африки и присутствует в классификациях различных керамических комплексов I-IV вв. из Крыма: тип VII-4 краснолаковой керамики I-III вв. Усть-Альминского некрополя [Высотская, 1994, с. 79]; тип VII, вариант 3 для некрополя «Совхоз 10», характерный для комплексов II - первой четверти IV вв. [Стржелецкий и др., 2005, с. 98-100, табл. XXI,1-7]; тип 4 краснолаковых кувшинов могильника Чатыр-Даг, датированный II - первой половиной III вв. [Шаров, 2004, с. 52, рис. 13, 10]. В некрополе Неаполя Скифского такие кувшины встречаются в погребениях I-II вв. [Сымонович, 1983, с. 83, табл. V,13, рис. 19, 18] (рис. 3, 6). В Балаклаве они (тип 4) датируются II-III вв. [Нессель, 2000, с. 153]. Подобные кувшины в это время становятся одной из ведущих форм керамического комплекса Херсонеса и часто встречаются на сопредельных с ним территориях [Стржелецкий и др., 2005, с. 98-100]. Для памятников IV в. эти сосуды достаточно редки. Один из них найден в склепе 20 могильника Черная Речка с инвентарем первой половины IV в. [Айбабин, 1999, табл. XV,1] и, на наш взгляд, является близкой аналогией сосуду из Черняховского могильника, отличаясь лишь наличием вмятины в центре дна и профилировкой уплощенной ручки (рис. 3, 5). По дополнительным морфологическим признакам эта форма кувшинов имеет множество вариантов, благодаря чему возможна их дробная классификация с существенным уточнением хронологии. Так, авторы публикации некрополя «Совхоз 10» отмечают, что в отличие от более ранних сосудов этого типа, у кувшинов III-IV вв. наблюдается небольшая выпуклость или вмятина в центре поддона, уплощается ручка, ухудшается качество лака [Стржелецкий и др., 2005, с. 98-100]. Начиная с III в., исчезают горизонтальные желобки на горле – важный морфологический признак для сосудов I-II вв.

Морфология кувшина из Черняховского могильника (уплощенная непрофилированая ручка, слегка выпуклое дно), а также некачественное лаковое покрытие указывают на его позднюю дату. В контексте хронологии этого могильника и с учетом наиболее поздней аналогии из могильника Черная Речка этот тип может быть датирован концом III – первой половиной IV вв.

Тип «Каборга, погр. 5». Могильник Каборга IV, погребение-кремация 5 [Магомедов, 1979, табл. VI, 2] (рис. 3, 2). Комплекс датируется по амфоре, воспроизводящей тип Шелов F, вариант 1, второй четверти IV в. [Диденко, в печати].

Кувшин с грушевидным корпусом на низком кольцевом поддоне и узким воронковидным горлом с валиком на середине. Ручка овальная в сечении, с рифлением. Места крепления к венчику и тулову подчеркнуты вмятинами.

Сосуды подобной формы в позднеримское время были популярны по всей Империи, они воспроизводились в металле и стекле [Oprb, 2004, p. 63 (type II-A), pl. 46] (рис. 3, 3). Такой кувшин происходит из слоя «ранний IV в.» на Афинской агоре [Robinson, 1959, pl. 27, M223]. По-видимому, необычное крепление ручки

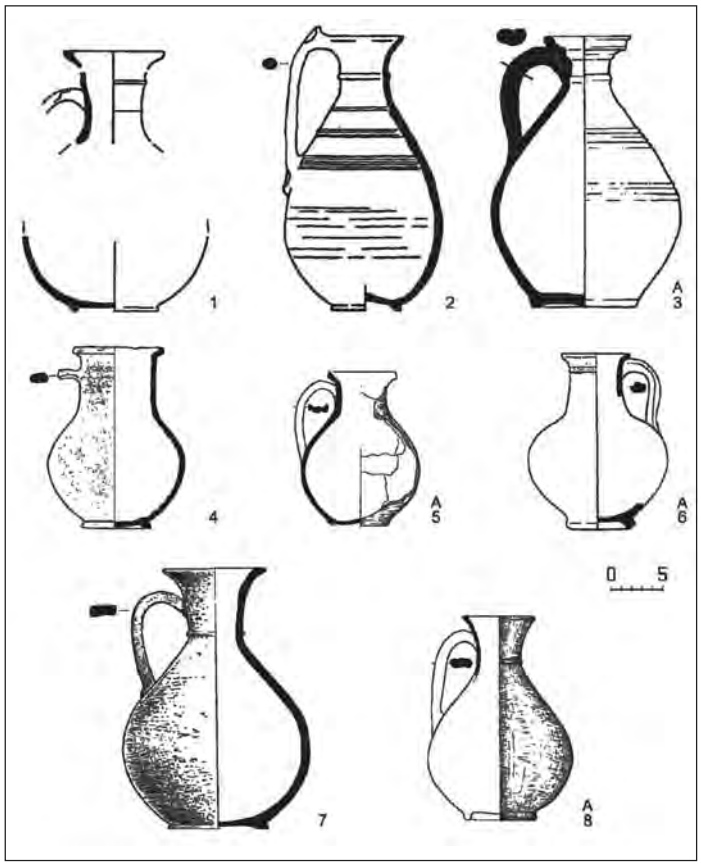


Рис. 3. Краснолаковые кувшины с памятников черняховской культуры (1, 2, 4, 7) и аналогии (3, 5, 6, 8).

1, 2 – Каборга IV; 3 – Троесмис; 4 – Черняхов; 5, 8 – Черная Речка; 6 – Неаполь Скифский; 7 – Гавриловка.

на экземпляре из Каборги имитирует стеклянное изделие. Такие стеклянные кувшины встречаются в боспорских могилах конца III – начала IV вв. и погребальных комплексах Юго-Западного Крыма первой половины - середины IV в. [Кунина, 1997, с. 310, кат. №280; Айбабин, 1984, с. 113-114, рис. 2, 13; 3, 1,14]. Тип может быть датирован концом III - первой половиной IV вв.

Тип «Каборга, погр. 6». Могильник Каборга IV, погребение-кремация 6 [Магомедов, 1979, табл. VIII, 8] (рис. 3, 1). В комплекс входит дно амфоры типа Шелов F, вариант 1 второй четверти IV в. (Диденко, в печати).

Фрагментированный кувшин на низком кольцевом поддоне с предположительно сферическим корпусом. Горло цилиндрическое, слегка вогнутое в средней части, с валиком выше крепления ручки. Венчик отогнут, с горизонтально срезанной верхней площадкой. Поиск точных аналогий затруднен из-за фрагментарности сосуда.

Тип «Гавриловка». Могильник Гавриловка (Нововоронцовский р-н Херсонской обл.), погр. 68 [Сымонович, 1960, табл. 9,15] (рис. 3, 7). О.В. Петраускас включает это погребение в первую фазу развития могильника, которую он соотносит с хронологическими фазами 3 и частично 4, по Е.Л. Гороховскому (около 330-375 гг.) [Petrauskas, 2003, S. 291; Гороховский, 1988].

Кувшин с приближенным к сферическому, максимально расширенным в нижней части туловом, на низком кольцевом поддоне, горло воронковидное с валиком у основания. Венчик плавно отогнут наружу, край заострен. Ручка уплощенная, профилирована четырьмя продольными желобками.

Сосуды с аналогичными основными признаками широко известны в крымских памятниках позднеримского времени. Они есть в комплексах некрополя «Совхоз 10» (тип VII, вариант 9), где датированы III-IV вв. [Стржелецкий и др., 2005, с. 103, табл. XXIII, 11-13]. Их фрагменты с материалами этого же времени найдены в заполнении цистерны второго квартала Северо-Восточного района Херсонеса [Рыжов, 1986, с. 132, рис. 3, 5]. Однако наиболее близкими кувшину из Гавриловки является ряд сосудов из могильников типа Озерное-Инкерман в Юго-Западном Крыму. Они отличаются деталями профилировки ручки и венчика, но в остальном вполне могут быть привлечены в качестве ближайших параллелей: кувшины типа 2 из комплексов IV – начала V вв. могильника Килен-Балка в округе Херсонеса (склеп 1968 г. – 2 экз. и погребение V склепа 3 1991 г.) [Нессель, 2003, с. 117-118, рис. 5, 5; 6, 3]; сосуд из могилы 2 могильника Черная Речка, отнесенной А.И. Айбабиным к третьей хронологической группе крымских могильников, что соответствует второй половине IV в. [Айбабин, 1999, табл. XVIII,8] (рис. 3, 8); кувшин из склепа 38 могильника Суворово, отнесенный авторами публикации к наиболее раннему погребению I второй четверти IV в. [Юрочкин, Труфанов, 2003, рис. 3, 41].

С учетом даты погребения 68 Гавриловского могильника, тип может быть датирован второй-третьей четвертью IV в.

Тип «Викторовка». Могильник Викторовка II (Березанский р-н Николаевской обл.), погр. 5 [Сымонович, 1967, рис. 18, 6] (рис. 4, 4). Дату захоронения определяет амфора типа Шелов F, вариант 2B третьей четверти IV в. [Диденко, в печати].

Кувшин с округло-биконическим, максимально расширенным в средней части туловом на низком кольцевом поддоне. Горло воронковидное с подграненным валиком в основании. Венчик в профиле прямоугольный. Ручка утрачена. Лак жидкий, нанесен неравномерно.

Приближенное к биконическому округлое тулово, подобный венчик и валик в основании горла имеет кувшин из склепа №2(10) Инкерманского могильника, комплексы которого датируются в пределах IV - начала V вв. [Веймарн, 1963, с. 22, 36, рис. 14, 4]. Подобные формы происходят из цистерны второго квартала Северо-Восточного района Херсонеса, заполненной керамическим материалом III-IV вв. [Рыжов, 1986, с. 132, рис. 3, 2] (рис. 4, 6). Морфологически близки викторовскому сосуду краснолаковые кувшины из склепа 47 могильника Суворово [Пуздровский, Зайцев, Неневоля, 2001, с. 33, рис. 9, 3] и погребения А могилы №3 могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 15, рис. 69, 11] (рис. 4, 5). Два последних комплекса, как и черняховское погребение из Викторовки II, сопровождают амфоры типа Шелов F, варианты 2A и 2B третьей четверти IV в. [Диденко, в печати]. Из склепа 38 Суворовского могильника происходит упоминавшийся ранее краснолаковый кувшин с признаками, характерными как для данного типа (аналогичная профилировка венчика, подграненый валик в основании воронковидного горла), так и для

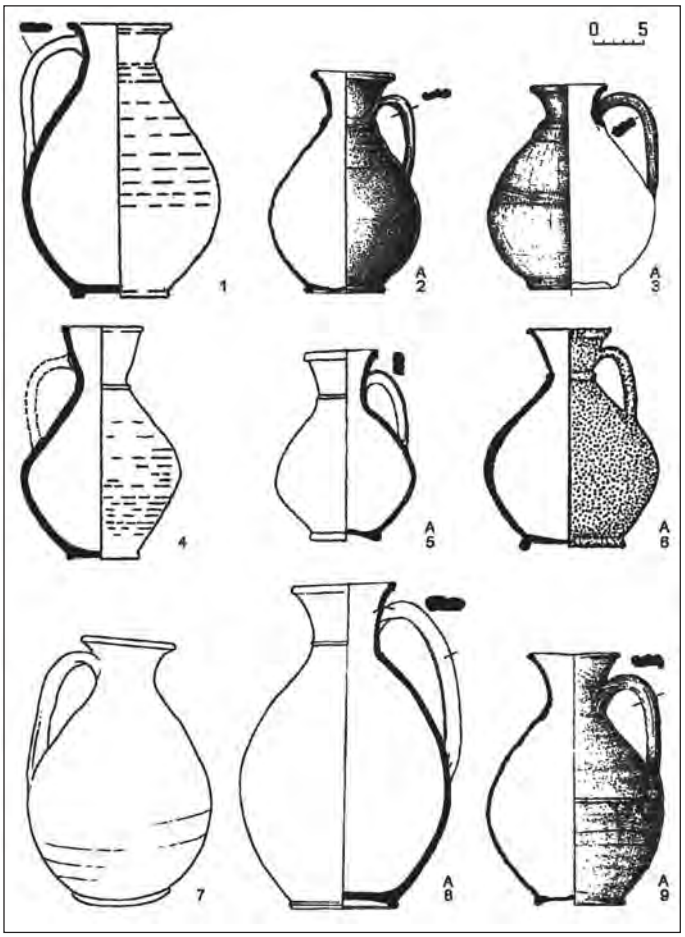


Рис. 4. Краснолаковые кувшины с памятников черняховской культуры (1, 4, 7) и аналогии (2, 3, 5, 6, 8, 9).

1 – Коблево; 2, 9 – Килен-Балка; 3 – Лучистое; 4 – Викторовка II; 5, 8 – Дружное; 6 – Херсонес; 7 – Беленькое.

предыдущего типа «Гавриловка» (максимально расширенное в нижней части тулово) [Юрочкин, Труфанов, 2003, рис. 3, 41]. Авторы публикации относят его к погребению I, датировка которого не выходит за пределы второй четверти IV в.

Тип датируется третьей четвертью IV в. Однако, морфология экземпляра из склепа 38 могильника Суворово дает основания предполагать, что формирование типа происходило во второй четверти IV в.

Тип «Коблево». Могильник Коблево (Березанский р-н Николаевской обл.), погр. 26 [Сымонович, 1967, рис.11, 19; 1979, рис. 10, 5] (рис. 4, 1). С учетом находки гребня [Шишкин 2002] и общей датировки памятника погребение относится к середине - третьей четверти IV в.

Кувшин с грушевидным, максимально расширенным в нижней части туловом на низком кольцевом поддоне. Под коротким воронковидным горлом – полоса частого рифления. Венчик валиковидный, закруглен. Ручка уплощенная, профилирована желобками. Лак жидкий, с подтеками, нанесен неравномерно.

Наиболее близки сосуду из Коблево кувшины из склепа 1968 г. могильника Килен-Балка (рис. 4, 2) [Нессель, 2003, с. 117-118, рис. 5, 2] и погребения 88 могильника Лучистое (рис. 4,3) [Айбабин, 1999, с. 306, табл. XXII, 1]. Они отличаются несколько иной профилировкой венчика, однако, наряду с общей для коблевского экземпляра формой корпуса также имеют уплощенную, профилированную двумя желобками ручку и пояс частого рифления на горле. Комплекс из Килен-Балки датируется IV – началом V вв. А.И. Айба-

бин относит погребение 88 лучистинского могильника к четвертой хронологической группе крымских могильников, датируя его началом V века. Тип в целом может быть датирован в пределах второй половины IV – начала V вв.

Тип «Беленькое, погр. 131». Могильник Беленькое, погр.131, датированное последней четвертью IV – первой четвертью V вв.[6] (рис. 4, 7).

Кувшин с удлиненно-округлым туловом на низком кольцевом поддоне и коротким воронковидным горлом. Венчик закруглен. Ручка профилирована двумя продольными желобками.

Небольшой кувшин с подобной формой тулова, возможно, местного производства, найден в Каллатисе (провинция Малая Скифия) [Opaiþ, 2004, p. 60 (type II-B)]. Более близкие аналогии имеются в комплексах могильника Дружное: два таких сосуда происходят из погребения «B» могилы №3 с амфорой типа Шелов F, вариант 2 A второй половины 50-60 гг. IV в. [Храпунов, 2002, с 15, рис. 69, 4,6; Диденко, в печати]; два - из погребений «F» и «G» могилы №58, датированных второй половиной – концом IV в. [Храпунов, 2002, с. 28, 69-70, рис. 136, 1,3]; два - из могилы №84, датируемой в рамках всего IV в. [Храпунов 2002, с. 36, 71, рис. 194, 1; 199, 13] (рис. 4, 8). Близкие сосуды найдены в одном из комплексов IV – начала V вв. могильника Килен-Балка (склеп №3 1991 г., погребения I и III) и включены в тип 2, вариант 1 классификации краснолаковых кувшинов для этого памятника [Нессель, 2003. с. 117-118, рис. 5, 4; 6, 5] (рис. 4,9). Морфологически близкий кувшин находился в числе инвентаря подбойной могилы №19 (16) Инкерманского могильника [Веймарн, 1963, с. 22, 26, рис. 14, 5]. На основании находки фибулы типа Keller 4 А.И. Айбабин относит этот комплекс к третьей хронологической группе крымских могильников, датируя его второй половиной IV в. [Айбабин, 1999, табл. XVI,3; Keller, 1971, с. 38-39, 41-45, abb. 11,9-11]. Тип кувшинов также можно отнести ко второй половине IV в.

Тип «Ранжеве». Могильник Ранжеве (Коминтерновский р-н Одесской обл.), погр. 2 [Сымонович, 1979, рис. 21,17] (рис. 5, 1), поселения Киселово и Луговое [Раевский, 1955, рис. 4, 1; Магомедов, Гудим-Левкович, 2003, с. 39]. Фрагменты кувшина того же типа, но без лакового покрытия, найдены на поселении Каменка-Анчекрак [Магомедов, 1991, рис. 19, 1] (рис. 5, 2). Все памятники датируются второй половиной IV – началом V вв.

Кувшины с широким бутылеобразным туловом на плоском дне. Горло короткое, воронковидное, заканчивается профилированным венчиком с заостренным ребром. Ручка уплощенная. Лак жидкий, с подтеками, нанесен неравномерно.

Такие кувшины встречаются в Крыму: в Херсонесе [Рыжов, 1986, с. 132-133, рис. 3], и особенно характерны для некрополей типа Озерное-Инкерман.

---

[6] Раскопки А.А. Росохацкого [Magomedov 1994, p. 88-89, fig. I.129].

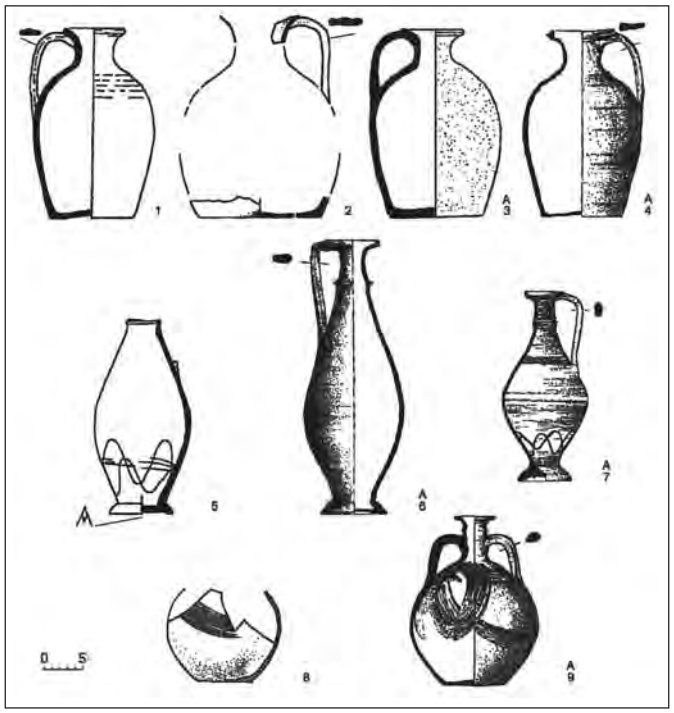


Рис. 5. Краснолаковые кувшины с памятников черняховской культуры (1, 2, 5, 8) и аналогии (3, 4, 6, 7, 9).

1 – Ранжевое; 2, 5, 8 – Каменка-Анчекрак; 3 – Озерное III; 4, 6, 9 – Килен-Балка; 7 – Красный Мак.

Судя по находке в слое конца IV в. Афинской агоры, подобная форма имела и более широкое распространение [Robinson, 1959, p. 109, pl. 29, M271]. По комплексам из могильников Озерное III, Черная Речка, Суворово[7], «Совхоз 10», Лучистое они датируются в основном второй половиной IV – началом V вв., причем А.И. Айбабин называет находки конца IV в. в комплексе с пробитыми монетами Валента 364-378 гг. [Айбабин, 1990, с. 15, рис. 2, 18; Зайцев, Мордвинцева, 2003, рис. 8, 13; 10, 15; Стржелецкий и др., 2005, с. 103-105, табл. XXIII, 9,10]. Различные варианты этой формы относятся к типу 4 краснолаковых кувшинов могильника Килен-Балка, комплексы которого суммарно отнесены к IV – началу V вв. [Нессель, 2003, с. 119-120, рис. 8, 3-6; 9, 3]. Точными аналогиями сосуду из Ранжевого являются кувшины из склепа №1 1991 г. этого могильника [Нессель, 2003, 119-120, рис. 8, 6] и из склепа №2 могильника Озерное III [Лобода, 1977, 244, рис. 6, 2] (рис. 5, 3,4). В инвентарь последнего входит амфора типа Шелов F, вариант 2C, позволяющий датировать этот комплекс 70-80 гг. IV в. [Диденко, в печати]. Использование кувшинов этого типа во второй половине IV – начале V вв. не вызывает сомнений.

Тип «Каменка-Анчекрак А». Поселение Каменка-Анчекрак, помещение VII [Магомедов, 1991, рис. 19, 2] (рис. 5, 5). Памятник датируется второй половиной IV – началом V вв. Судя по условиям залегания, сосуд попал в землю в конце этого периода.

Кувшин с веретенообразным туловом на высоком кольцевом поддоне. Нижняя часть тулова имеет характерный (хотя и не обязательный) для этой

[7] В Суворово один из двух кувшинов является сероглиняным.

формы декор – две пересекающиеся волнистые линии, прочерченные по сырой глине. Горло узкое, с четко выраженным валиком в средней части. Верхняя часть горла утрачена.

К. Домжальский относит эти кувшины к группе Pontic Red Slip Ware [Крапивина, Домжальский, 2008, с. 79]. Аналогии происходит из склепа «1968 г.» могильника Килен-Балка, датированного IV в. [Нессель, 2003, с. 116, рис. 5, 1] (рис. 5, 6) и позднеримского слоя Ольвии [Крапивина, Домжальский, 2008, с. 79, рис. 1, 7]. Подобные кувшины меньшего размера происходят из Крыма: некрополь Тиритаки [Блаватский, 1941, с. 73, рис. 108], могильники Красный Мак (рис. 5, 7) и «Совхоз 10» (у последнего горло оформлено как ойнохоя) [Лобода, 2005, с. 209, табл. II,18; Стржелецкий и др., 2005, с. 103-105, табл. XXIV,5]. Т.А. Арсеньева и К. Домжальский обнаружили фрагменты этой формы в слоях Танаиса середины IV - середины V вв. и упоминают о трех целых экземплярах, хранящихся в музеях г. Иваново, Санкт-Петербурга и Варшавы [Arsen'eva, Dom¿alski, 2002, s. 428]. Этот тип кувшинов, вероятно, копировал форму более ценных металлических и стеклянных образцов. В Пантикапее найден подобный серебяный с позолотой кувшин, датированный последней четвертью IV - началом V вв.; аналогии имеются среди стеклянных сосудов из синхронных крымских памятников [Засецкая, 1993, с. 27, 70, табл. 5,3,41]. Подобные изделия ранневизантийских мастерских послужили образцами и для черняховских ремесленников, которые изготовляли собственные керамические и даже золотые подражания [Кропоткин, 1973; Магомедов, 2001, с. 51-53]. Кувшины типа «Каменка-Анчекрак А» можно датировать в пределах последней четверти IV – начала V вв.

Тип «Каменка-Анчекрак Б». Как и предыдущий сосуд, найден на поселении Каменка-Анчекрак, помещение VII [Магомедов, 1991, рис. 19, 3] (рис. 5, 8).

Сохранилась часть сферического тулова кувшина. Дно плоское. В верхней части тулова имеется роспись бурым лаком, небрежно нанесенная с помощью широкой кисти.

Такой же целый сосуд, двуручный с узким горлом (тип 5 краснолаковых кувшинов) найден в склепе 3 могильника Килен-Балка, котрый датирован IV – началом V вв. (рис. 5, 9) [Нессель, 2003, с. 120, рис. 8, 1]. Автор публикации видит ближайшую аналогию в сосудах из Западного Причерноморья [Opaiþ, 1996, pl. 50, 7]. Они действительно близки по форме, но сведений о буролаковой росписи на этих кувшинах нет. По сопровождающему материалу тип может относиться к последней четверти IV – началу V вв.

Тип «Опайц III». Находки происходят из могильников юго-западных регионов черняховской культуры. Одесская обл.: Фурмановка (Килийский р-н) - случайная находка на могильнике[8], горло утрачено (рис. 6, 1)**;** Нагорное II

[8] Хранится в фондах Одесского археологического музея. Инв. №85986.

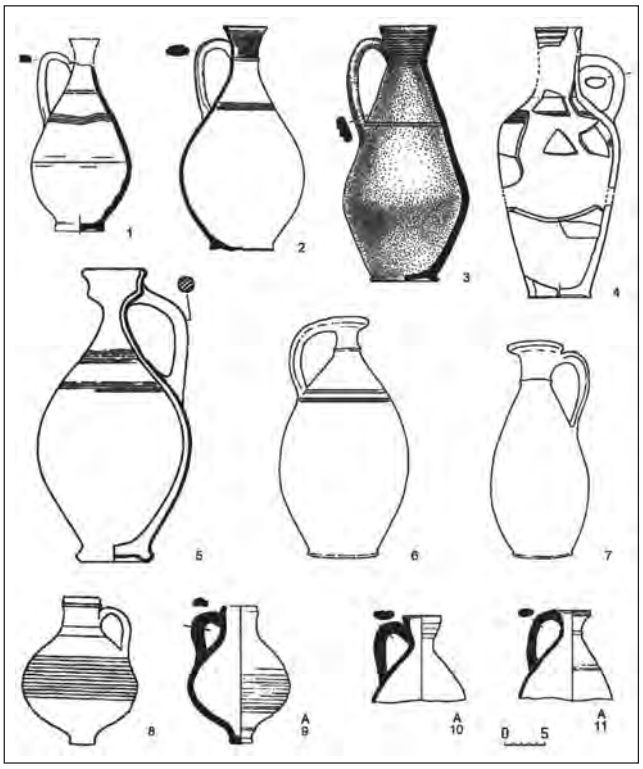


Рис. 6. Краснолаковые кувшины с памятников черняховской культуры (1-8) и аналогии (9-11).

1 – Фурмановка; 2 – Бравичень; 3, 8 – Нагорное II; 4 – Будешти; 5 – Бырлад-Валя Сяке; 6 – Индепенденца; 7 – Александр Одобеску; 9 – Истрия; 10, 11 – Телица.

(Ренийский р-н), погр. 38 и 61, с вещами второй половины IV в. [Gudkova, Schultze, in Druck] (рис. 6, 3); Холмское (Арцизский р-н) - погр. 42, фрагмент горла [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 19, 12]. Республика Молдова: Готешти [Рикман, 1975, рис. 30, 31]; Бравичень, погр. 87, с фибулами последней четверти IV в. [Grosu, Vornic, Ciobanu, 2006, p. 113-117, fig. 5,2] (рис. 6, 2). Область Мунтения в Румынии: Спанцов, погр. 66; Александр Одобеску, погр. 18, горло сосуда утрачено [Mitrea, Preda, 1966, fig. 92, 6; 242, 5]. Встречаются кувшины этого типа без лакового покрытия: Нагорное II, погр. 87; Бравичень, погр. 49; Бырлад-Валя Сяке, погр. 336 – фрагменты [Gudkova, Schultze, in Druck; Grosu, Vornic, Ciobanu, 2006, p. 113-117, fig. 3, 2; Palade, 2004, fig. 221, 1].

Кувшины с грушевидным туловом на низком кольцевом поддоне. В верхней части тулово орнаментировано поясом из прочерченных линий, узкое воронковидное горло покрыто рифлением и иногда украшено валиком.

Они соответствует одноручным кувшинам типа «Опайц III» (сосуды для масла), которые были распространены в римских провинциях Нижнего Дуная в IV в. [Opaiþ, 2004, p. 71, pl. 49, 1-3] (рис. 6, 10). Буролаковый кувшин такой же формы найден в Пантикапее, в склепе 31 с материалом последней четверти IV – первой половины V вв. [Лысенко, Юрочкин, 2004, с. 122, рис. 25, 14]. Однако он не имеет декора на горле и плечиках, характерного для черняховских и дунайских экземпляров и, по мнению К. Домжальского, относится к группе Pontic Red Slip Ware. По-видимому, подобные сосуды изготовляли во второй половине IV – начале V вв. в разных гончарных центрах.

Тип «Опайц III-А». Поселение Будешти (Республика Молдова), сооружение 2 [Щербакова, Чеботаренко, 1974, рис. 3, 9; Vornic, 2006, fig. 41, 9]

(рис. 6, 4). Из того же жилища происходит меч-кинжал с вырезами у пяты лезвия, определяющий дату комплекса в пределах второй половины IV – начала V вв. [Магомедов, Левада, 1996, с. 306].

Кувшин с удлиненным туловом, расширенным в верхней части, на низком кольцевом поддоне. Горло и плечики украшены рифлением. Соответствует кувшинам типа «Опайц III-А», которые были распространены на Нижнем Дунае в IV-VI вв. [Opaiþ, 2004, p. 64, pl. 49, 6].

Тип «Индепенденца». Могильники Спанцов, погр. 35; Индепенденца, погр. 4 (область Мунтения в Румынии) [Mitrea, Preda, 1966, fig. 56, 2; 110, 4] (рис. 6, 6). Сосуд из Индепенденцы найден вместе с гребнем типа Томас III второй половины IV в. [Шишкин, 2002].

Кувшины с веретенообразным туловом на низком поддоне. Узкое горло украшено валиком, резко расширяется в верхней части, венчик профилирован. Тулово украшено в верхней части одним или двумя поясами из прочерченных горизонтальных линий. Верхний конец ручки крепится к венчику.

Эти сосуды соответствуют некоторым экземплярам типа «Опайц II-А» из провинции Малая Скифия (Добруджа) [Opaiþ, 2004, pl. 46, 1-3] (рис. 6, 11). Вариантом этого типа можно считать кувшин из могильника Александр Одобеску, погр. 17 (в той же области Румынии) [Mitrea, Preda, 1966, p. 100, fig. 241, 1] (рис. 6, 7). У него более широкое горло и нет прочерченного орнамента. Местным подражанием ему является краснолощеный кувшин из могильника Спанцов [Mitrea, Preda, 1966, p. 40, fig. 262,2].

Тип «Бырлад-Валя Сяке». Могильник Бырлад-Валя Сяке, погр. 84 и 292 [Palade, 2004, p. 204, fig. 166, 10] (рис. 6, 5). По сопровождающему материалу первый комплекс датируется концом IV – началом V вв., второй комплекс – второй половиной IV в.

Кувшин с веретенообразным туловом на низком кольцевом поддоне. Узкое горло резко расширяется в верхней части наподобие чаши. Тулово в верхней части украшено двумя поясами из прочерченных горизонтальных линий.

Точные аналогии нам неизвестны, но такая форма горла появляется у двуручных кувшинов, распространенных в провинциях Нижнего Дуная со второй половины V в. [Opaiþ, 2004, p. 70, pl. 48, 1,5,7-9].

Тип «Опайц IV». Могильник Нагорное II, погр. 5; памятник датирован второй половиной IV – началом V вв. [Гудкова, Росохацкий, Фокеев, 1997, с. 43, рис. 1,5] (рис. 6, 8).

Амфоровидный одноручный кувшин имеет сферический рифленый корпус и узкое дно.

Эта форма (чаще с более высоким туловом) широко представлена в Восточном Средиземноморье, а также на западнопонтийских памятниках, где выступает как характерный инвентарь для греческих погребений IV в. [Opaiþ, 2004, p. 64-65, pl. 49, 10-12] (рис. 6, 9). Несколько таких краснолаковых кувшинов происходят из крымских комплексов IV в.: могила 18 могильника

Дружное; загородный храм Херсонеса, могила «Д»; некрополь Пантикапея (2 экз.) [Храпунов, 2002, с. 68, рис. 88, 6; Домбровский, 1993, с. 313-315, рис. 19, 2; Сорокина, 1971, с. 94, рис. 5, 1,3].

КУВШИНЫ-ОЙНОХОИ

На черняховских памятниках к западу от Днестра часто встречаются импортные красноглиняные кувшины со сливом – ойнохои. К сожалению, в публикациях не всегда определен характер покрытия поверхности сосудов, что объясняется низким качеством лака и его плохой сохранностью. Многие из них не имели лакового покрытия изначально, например, экземпляры из могильников Балцаты (погр. 1), Чалык (погр. 18), Могошань и др. [Федоров, Рошаль, 1981, рис. 2, 2; Щербакова, 1990, рис. 10, 3; Diaconu, 1969, Abb. 8, 1-6]. Вряд ли можно сомневаться, что ойнохои производились в провинциальных ремесленных центрах Нижнего Дуная. Так, кувшин из Могошань находит полную аналогию в гончарной мастерской в Хотнице, провинция Нижняя Мезия [Sultov, 1976, S. 31]. Недавно опубликована первая типология этой формы кувшинов (независимо от наличия лака) с черняховских памятников междуречья Днестра и Прута [Vornic, Ciobanu, 2005]. В этой работе ойнохои разделены на 8 вариантов. Некоторые из них частично совпадают с нашими типами, другие, по-видимому, представлены сосудами без лака (варианты B, D, F, H).

Тип «Холмское». Большинство совпадает с вариантом A, по В. Ворнику и Л.Чобану. Могильники Холмское, погр. 17 [Гудкова, Фокеев, 1984, рис. 22, 14] (рис. 7, 1); Фурмановка, погр. 14, ручка утрачена, лак почти не сохранился [Сымонович, 1988, рис. 8, 14]; Нагорное II, погр. 18, 23 (рис. 7, 3), 66 [Gudkova, Schultze, in Druck]; Чалык (Республика Молдова), погр. 22 [Щербакова, 1990, рис. 11, 4; Vornic, Ciobanu, 2005, fig. 2, 1] (рис. 7, 2); Будешти, погр. 228 [Vornic, 2006, fig. 96, 7]. Такой же кувшин (о наличии лакового покрытия нам неизвестно) найден на могильнике Дедулешть (Румыния, область Мунтения) [Mitrea, Preda, 1966, fig. 223, 7]. Датированные погребения относятся ко второй половине IV – началу V вв.

Невысокие кувшины (отношение диаметра тулова к высоте сосуда около 1:1,5 и ниже) на низком кольцевом поддоне, с округло-биконическим, реже с округлым туловом, с широким горлом. Большинство экземпляров орнаментированы поясками из углубленных линий и валиком на горле. Ручка овальная, профилирована продольными желобками.

Тип «Фурмановка». Два экземпляра входят в вариант C, по В. Ворнику и Л. Чобану. Могильники Фурмановка, погр. 8 [Сымонович, 1988, рис. 8, 14] (рис. 7, 7); Нагорное II, погр. 1 (верхняя часть сосуда утрачена)[9], погр. 30, 36,

[9] В первой публикации сосуда ошибочно указано погр. 4 [Бруяко, Левинский, Росохатский 1992, рис. 2, 3].

75 (рис. 7, 6) [Gudkova, Schultze, in Druck]. Датированные погребения относятся к концу IV – началу V вв.

Высокие кувшины (отношение диаметра тулова к высоте сосуда выше 1:1,5) на низком кольцевом поддоне, с биконическим туловом. Обычно украшены так же, как кувшины типа «Холмское», - поясами из углубленных линий и валиком на горле, в одном случае рифление покрывает всю верхнюю часть тулова. Ручка профилирована продольными желобками.

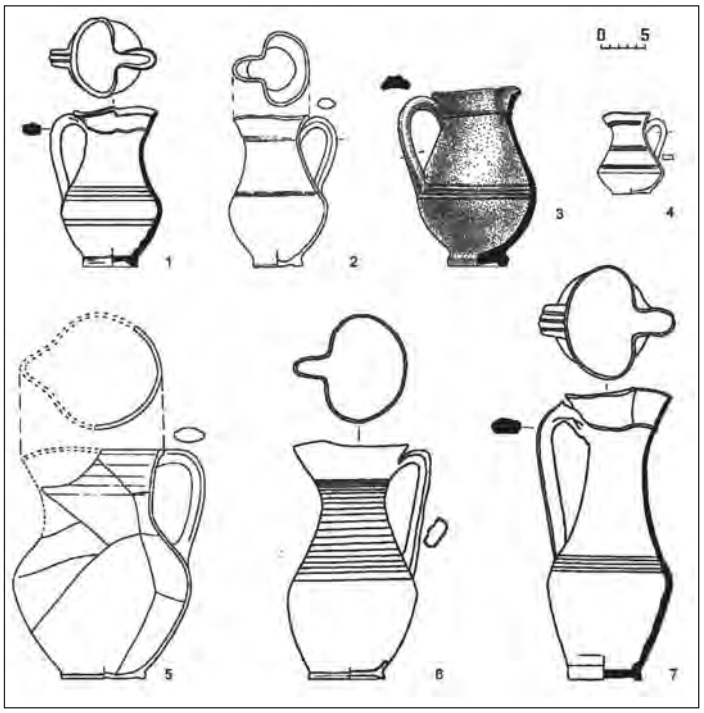


Рис. 7. Краснолаковые кувшины-ойнохои с памятников черняховской культуры.

1 – Холмское; 2, 5 – Чалык; 3, 6 – Нагорное II; 4 – Данчены; 7 – Фурмановка.

Тип «Данчены». Входит в вариант E, по В. Ворнику и Л. Чобану. Могильник Данчены, погр. 318 (рис. 7, 4) [Рафалович, 1986, с. 92; Vornic, Ciobanu, 2005, fig. 5, 1]. Миниатюрный биконический кувшин на низком кольцевом поддоне с горлом средней ширины. Тулово и горло украшены тремя горизонтальными поясами из двойных углубленных линий. Близкую форму и размеры имеет кувшин без лакового покрытия из могильника Бравичень (погр. 34), который датирован второй половиной IV в. [Grosu, Vornic, Ciobanu, 2006, p. 107, fig. 2, 2]. К этому же периоду можно отнести экземпляр из Данчен.

Тип «Чалык» или вариант G, по В. Ворнику и Л.Чобану. Могильник Чалык, погр. 3 (рис. 7, 5); памятник датирован второй половиной 4 – началом 5 в. [Щербакова, 1990, рис. 4, 3; Vornic, Ciobanu, 2005, fig. 4, 6].

Крупный приземистый кувшин с округлым туловом, на низком кольцевом поддоне. Горловина широкая, украшена горизонтальным рифлением. Лак плохого качества, сохранился местами. Близкую форму (но на плоском поддоне) имеет кувшин конца V – начала VI вв. из провинции Малая Скифия [Opaiþ, 2004, p. 62, pl. 45, 6].

РЕДКИЕ ФОРМЫ

Кубок типа «Тира». Жилая постройка в черняховском горизонте античного города Тира (г. Белгород-Днестровский Одесской обл.), комплекс, так называемый «послеготский дом», датируется второй половиной IV в. [Кравченко, Корпусова, 1975, с. 36, рис. 8, 6] (рис. 8, 1).

Кубок с несколько выпуклым туловом, бортик слегка наклонен внутрь и отделен от тулова острым ребром, дно вогнутое, на кольцевом поддоне. Разные варианты подобных сосудов были распространены в римский период в Северном Причерноморье [Шаров, 2007, с. 74-77]. Их прототипом является форма VI понтийской сигиллаты по Дж. Хейсу [Hayes, 1985, p. 94, Tav. XXIII, 7]. Среди многих находок из Юго-Западного Крыма ближайшей аналогией нашему экземпляру является кубок из могильника Черная Речка, погр. 19(38) [Айбабин, 1990, рис. 5, 13] (рис. 8, 2). О.В. Шаров включил оба сосуда в третью группу поздних кубков (чашек), которую датирует второй половиной IV в., возможно, и первой половиной V в. [Шаров, 2007, с. 96-99].

Чаша типа «Нагорное, погр. 67». Могильник Нагорное II, погр. 67; комплекс датируется последней третью IV в. [Gudkova, Schultze, in Druck] (рис. 8, 6).

Чаша с полусферическим туловом, под венчиком имеется слабо выраженное ребро. Венчик горизонтальный, широкий, по краю украшен круглыми вдавлениями. Боковая грань венчика рассечена. Краснолаковые сосуды такой формы производили в керамической мастерской из Телица-Валя Морилор в устье Дуная, которая датируется второй половиной IV – первой четвертью V вв. (рис. 8, 8,9) [Baumann, 1995, p. 409, pl. IV, 5,7,10; Opaiþ, 2004, p. 73, pl. 53, 7,8]. Орнамент в виде круглых вдавлений более характерен для чаш такой же формы, изготовленных в Книде. Они покрыты особым лаком с металлическим блеском и имитируют популярный в это время тип серебряных чаш. Такие книдские изделия встречаются в провинции Малая Скифия в комплексах конца IV – первой половины V вв. (рис. 8, 7) [Opaiþ, 2004, p. 79, pl. 60, 4]. По-видимому, чаша из Нагорного является нижнедунайским подражанием книдскому импорту.

Ваза типа «Нагорное, погр. 60». Тот же могильник Нагорное II, погр. 60; памятник датирован второй половиной IV – началом V вв. [Гудкова, Росохацкий, Фокеев, 1997, рис.1, 13; Gudkova, Schultze, in Druck] (рис. 8, 4).

Трехручная краснолаковая ваза с округлым туловом и цилиндрической шейкой, по плечику и шейке украшена оттисками штампа в форме подковы. Синхронные аналогии нам неизвестны. Предполагаем, что исходной формой для этой вазы являются двуручные сосуды типа 4, по Г. Попилиану, покрытые темно-красной краской (лак?), распространенные в первой половине III в. в римской Дакии и Нижней Мезии [Popilian, 1976, p. 92, pl. XXXIX, 399-404] (рис. 8, 5). Подобные сосуды с тремя ручками производились также на Среднем Дунае – в Паннонии и Верхней Мезии [Dautova-Ruševljan, Brukner, 1992, s. 26, 31, tab. 5, 39] (рис. 8, 3).

* * *

Большинство находок краснолаковой посуды с черняховских памятников происходит с побережья Черного моря и Нижнего Дуная, т.е. из областей, где происходила римско-варварская торговля. По признаку группирования определенных типов посуды эту область можно разделить на две зоны: восточную, между низовьями Днепра и Днестра (включая правый берег Днестровского лимана) и западную, между Днестром и Нижним Дунаем (рис. 1).

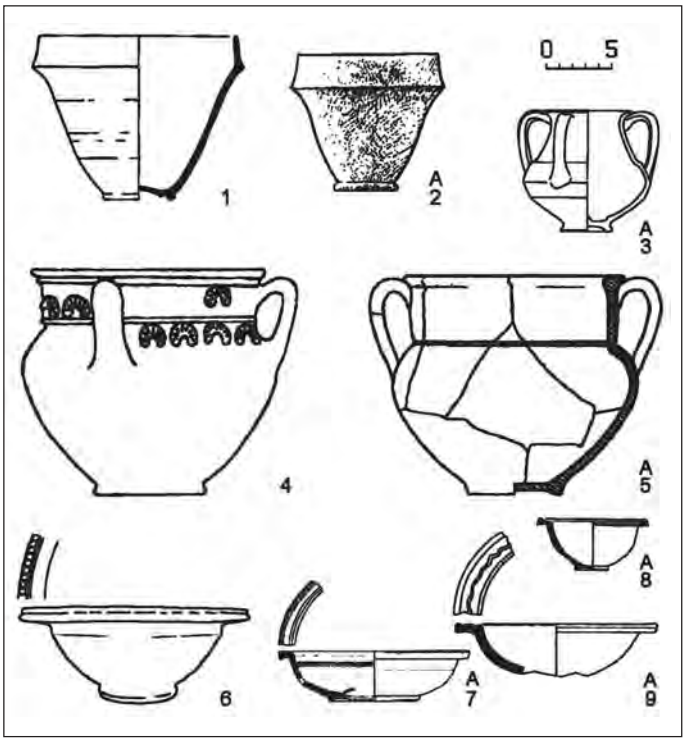


Рис. 8. Краснолаковый кубок из черняховского слоя Тиры (1), краснолаковая ваза и чаша из могильника Нагорное II (4, 6), аналогии (2, 3, 5, 7-9).

2 – Черная Речка; 3 – Гомолава; 5 – Слэвень; 7 - Топрайчой; 8, 9 - Валя Морилор.

Посуда из восточной зоны представлена мисками, тарелками, блюдами, кувшинами и одним кубком. Эта посуда включает две хронологические группы. Ранняя группа (6 экз.) происходит из погребений первой половины IV в. могильника Каборга, а также из могильника Черняхов. Это миска варианта «Каборга, погр. 5», тарелка варианта «Каборга, погр. 4», блюдо типа «ARS форма 58A», кувшины типов «Черняхов», «Каборга, погр. 5» и «погр. 6» (рис. 9А, 1-3,10-12). Поздняя группа посуды (более 23 экз.) имела широкое распространение и датируется преимущественно второй половиной IV – началом V вв. Большинство составляют блюда типа «PRS форма 1A». Представлены также миски типа «Войтенки», вариантов «Каменка-Анчекрак, слой поселения», «Беленькое, погр. 131» и «Викторовка», тарелки варианта «Киселово», кувшины типов «Коблево», «Гавриловка», «Викторовка», «Беленькое, погр. 131», «Ранжеве» и «Каменка-Анчекрак», кубок типа «Тира» (рис. 9А, 4-9,13-20).

Посуда из западной зоны (32 экз.) в целом синхронна поздней группе восточной зоны и менее разнообразна типологически. Импортные блюда и тарелки для этих регионов не характерны, миска известна в единственном экземпляре. Краснолаковые сосуды представлены в основном кувшинами

неизвестных в восточной зоне типов, в частности ойнохоями. Это кувшины типов «Опайц III», «III-А» и «IV», «Индепенденца», кувшины-ойнохои всех типов, а также редкие формы - ваза и чаша из могильника Нагорное (рис. 9В). Еще одной особенностью западной зоны является значительное количество импортных кувшинов без лакового покрытия. В восточной зоне они составляют редкое исключение.

Различие в составе краснолаковой посуды из черняховских памятников двух географических зон объясняется разными направлениями торговых связей. По такому признаку посуда образует две серии.

Типы из восточной зоны имеют соответствия в Крыму и Танаисе, поэтому мы включили их в «северочерноморскую» серию. Особенно богато эта серия представлена в Юго-Западном Крыму на могильниках типа Озерное-Инкерман, в инвентаре которых встречаются характерная керамика и другие вещи черняховской культуры [Юрочкин, 1999]. Такие находки указывают на определенные связи между населением двух регионов. Места производства посуды «северочерноморской» серии пока не установлены. Это были неизвестные нам мастерские Понтийского региона, производившие в IV-V вв. региональную группу посуды Pontic Red Slip ware. Изготовление керамики «северочерноморской» серии не исключается в Северном Причерноморье. Попытки выделения типов херсонесской краснолаковой керамики предпринимались В.И. Кадеевым [Кадеев 1970, с. 91-97]. С.В. Ушаков выделил варианты семи форм краснолаковой посуды, вероятно, местного производства на основании фрагментов керамического брака из заполнения водосборной цистерны III-IV вв. в квартале XCVI Херсонеса. Они изготовлены по привозным образцам в соответствии с «восточно-средиземноморским стандартом» [Ушаков 2005, с. 61-67]. Авторы публикаций жилых комплексов округи Херсонеса II-III вв. и крымских могильников II-V вв. отмечают тождественность краснолаковой посуды из этих памятников и из Херсонеса, считая ее херсонесской продукцией [Нессель, 2003; Кленина, 2004; Стржелецкий и др., 2005; Шаров, 2007 и др.]. Ряд близких аналогий для выделенной нами «северочерноморской» серии происходит именно из этих памятников.

Посуда из западной зоны черняховских памятников большинство аналогий находит на Нижнем Дунае, где в основном и производилась. Она составляет «западночерноморскую» серию. На территории провинции Нижняя Мезия открыто несколько мощных гончарных центров первых веков н.э. по производству Мезийской группы Понтийской сигиллаты – Бутово, Павликены, Хотница [Sultov, 1985; Журавлев, 1998, с. 35], которые прекратили свое существование в эпоху Готских войн. Однако в IV в. производство краснолаковой продукции налаживается в устье Дуная (провинция Малая Скифия) [Opaiþ, 2004, p. 86]. Некоторые типы посуды, распространенные также в Крыму (например, тип «Опайц IV») могли поступать из Восточного Средиземноморья.

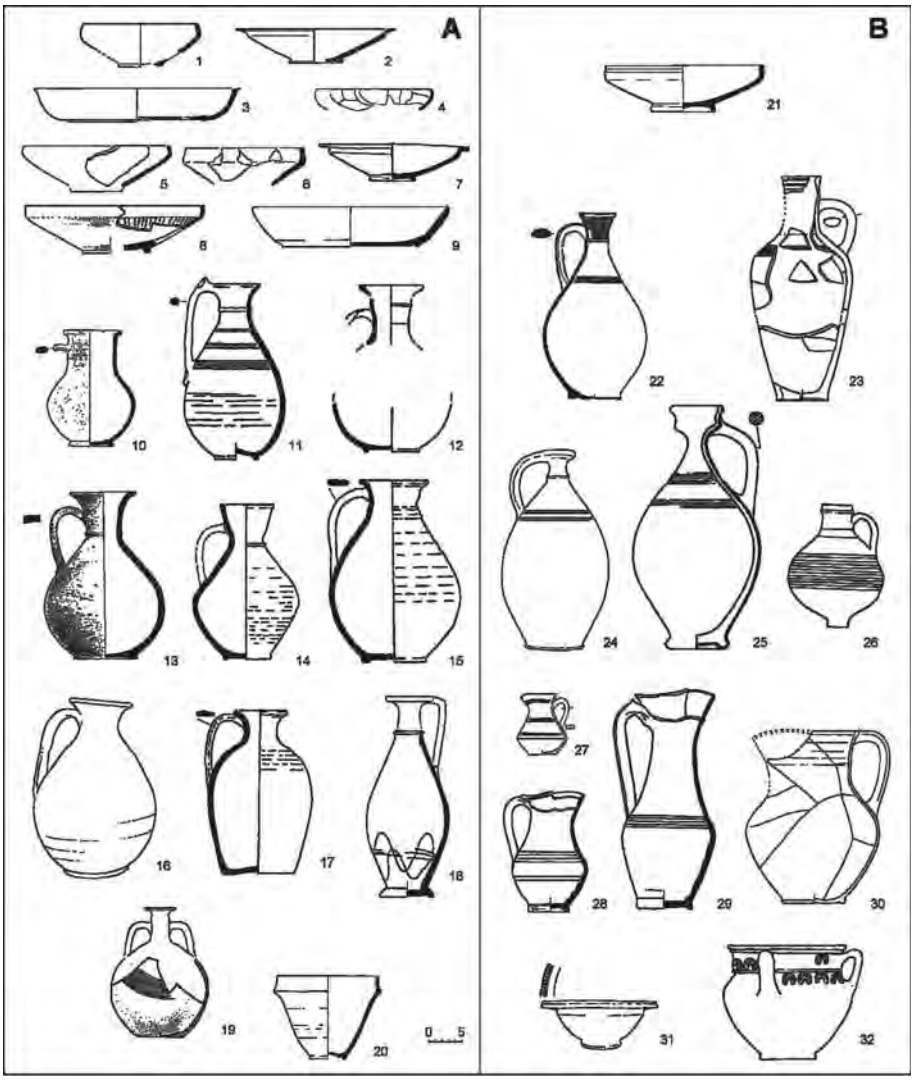


Рис. 9. Типы и варианты краснолаковой посуды с памятников черняховской культуры.

А – посуда из восточной зоны («северочерноморская» серия): 1 – миска варианта «Каборга, погр. 5»; 2 – тарелка варианта «Каборга, погр. 4»; 3 – блюдо типа «ARS форма 58A»; 4 – миска типа «Войтенки»; 5 – миска варианта «Беленькое, погр. 131»; 6 – миска варианта «Викторовка»; 7 – тарелка варианта «Киселово»; 8 – миска варианта «Каменка-Анчекрак, слой поселения»; 9 – блюдо типа «PRS форма 1A»; 10 – кувшин типа «Черняхов»; 11 – кувшин типа «Каборга, погр. 5»; 12 – кувшин типа «Каборга, погр. 6»; 13 – кувшин типа «Гавриловка»; 14 – кувшин типа «Викторовка»; 15 – кувшин типа «Коблево»; 16 – кувшин типа «Беленькое, погр. 131»; 17 – кувшин типа «Ранжеве»; 18 – кувшин типа «Каменка-Анчекрак А»; 19 – кувшин типа «Каменка-Анчекрак Б»; 20 – кубок типа «Тира».

В – посуда из западной зоны («западночерноморская» серия): 21 – миска типа «Нагорное, погр. 18»; 22 – кувшин типа «Опайц III»; 23 – кувшин типа «Опайц III-А»; 24 – кувшин типа «Индепенденца»; 25 – кувшин типа «Бырлад-Валя Сяке»; 26 – кувшин типа «Опайц IV»; 27 – кувшин-ойнохоя типа «Данчены»; 28 – кувшин-ойнохоя типа «Холмское»; 29 – кувшин-ойнохоя типа «Фурмановка»; 30 – кувшин-ойнохоя типа «Чалык»; 31 – чаша типа «Нагорное, погр. 67»; 32 – ваза типа «Нагорное, погр. 60».

На карте хорошо видно, что типы «западночерноморской» серии располагаются в западной зоне, а типы «северочерноморской» серии – в восточной зоне, к которой прилегают немногочисленные пункты в более северных регионах (рис. 1). Мы зафиксировали только один случай сочетания сосудов разного происхождения на одном памятнике. На могильнике Беленькое преобладает посуда «северочерноморской» серии (блюда типа «PRS форма 1А», миска варианта «Беленькое, погр. 131», кувшины типа «Беленькое, погр. 131» и другие), но там же найдены две «западночерноморские» ойнохои[10]. Это можно объяснить тем, что памятник расположен на границе двух зон. Таким образом выясняется, что черняховский рынок сбыта импортной столовой посуды был разделен на две сферы влияния. Приблизительно такая же картина наблюдается при изучении другого вида импортной продукции – амфорной тары [Магомедов, 2006].

Динамика поступления краснолаковой посуды в ареал черняховской культуры соответствует исторической обстановке. Первые черняховские памятники возникают на северо-западном берегу Понта около рубежа III-IV вв. С этого времени здесь появляются южнопонтийские амфоры, вместе с ними сюда привозят столовую посуду (ранняя группа) из понтийских и средиземноморских центров. Кроме блюда типа «ARS форма 58А» из Каборги, на том же могильнике и на поселении Каменка-Анчекрак найдены фрагменты блюд типа «ARS форма 50», также производившихся в Северной Африке и относящихся к III-IV в.в. [Hayes 1972, p. 68-73, fig. 12]. К сожалению, размеры этих обломков не позволяют восстановить полную форму сосудов, поэтому мы не включили их в нашу сводку. Активное заселение варварами этих мест происходит во второй половине IV в. На новые поселения восточной зоны поступает посуда из понтийских мастерских, которая доминирует также в Крыму и Танаисе («северочерноморская» серия). В западную зону поступает краснолаковая продукция провинций Нижнего Дуная («западночерноморская» серия). Ей сопутствует столовая керамика без лакового покрытия и амфоры нижнедунайского производства. Резкое увеличение импорта на черняховскую территорию разных видов римских товаров наблюдается со второй трети IV в. Это можно объяснить как следствие федеративного договора Константина с готами в 332 г., который включал статью о торговле.

Ориентация населения западной и восточной зон черняховской территории на разные экономические центры Римской империи может быть связана не только с их географической близостью, но также с делением народа готов на две ветви (тервинги-визиготы и грейтунги-остроготы) со своими политическими вождями и с границей по Днестру [Иордан, 42; Аммиан, XXXI. 3, 5].

---

[10] Неопубликованные материалы из раскопок А.А. Росохацкого. Сосуды хранятся в Одесском археологическом и Белгород-Днестровском краеведческом музеях.

При этом исследователи допускают, что низовья реки могли целиком принадлежать грейтунгам [Вольфрам, 2003, с. 139]. Такой же вывод можно сделать из сообщения Аммиана Марцеллина о войне императора Валента против тервингов. В 369 г. он преодолел Дунай по наплавному мосту «и после продолжительного похода напал на воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» [Аммиан, XXVII. 5, 6]. Затем римляне, наконец, встретились с войском тервингов. Предполагаем, что «отдаленными местами обитания гревтунгов» были окрестности Тиры, куда вела единственная дорога между низовьями Дуная и Днестра. Наши материалы подтверждают это: западный берег Днестровского лимана (город Тира и могильник Беленькое) входит в восточную зону распространения краснолаковой посуды (рис. 1).

Явное различие в составе керамических импортов в выделенных нами зонах в какой-то степени оправдывает разделение достаточно монолитной в остальном культурной области на две родственные культуры – собственно черняховскую и культуру Сынтана де Муреш [Kokowski, 2007, s. 200-201].

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода. // СА, №1. 1984.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ, вып. I. Симферополь. 1990.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь. 1999.

Аммиан Марцеллин. История. Перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни. Т. 1-3. - Киев, 1906-1908.

Бабенчіков В. П. Чорноріченський могильник. // АП УРСР. Т. XIII. Київ. 1963.

Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Тиритаки // МИА, №4. 1941.

Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ, вып. 70. Москва. 1989.

Бруяко И.В., Левинский А.Н., Росохатский А.А. Новые находки стеклянных кубков из могильников черняховской культуры // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев. 1992.

Бураков А.В. Козырское городище рубежа и первых веков нашей эры. Киев. 1976.

Веймарн Є. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. Т. ХШ. Київ. 1963.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев. 1993.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб. 2003.

Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев. 1994.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских памятников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев. 1988.

Гудкова А.В,. Росохацкий А.А., Фокеев М.М. Работы на могильнике черняховской культуры Нагорное II в 1993 г. // АДУ 1993 року. Київ. 1997.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев. 1984.

Диденко С.В. Типология и хронология амфор типа Шелов F (в печати).

Домбровский О.И. Архитектурно-археологические исследования загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ, вып. III. Симферополь. 1993.

Домжальский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ, вып. 102. Москва. 1998.

Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ, вып. 102. Москва. 1998.

Журавлев Д. В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Боспорские исследования, вып. XVI. Симферополь-Керчь. 2007.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь. 1997.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследования могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ, вып. X. Симферополь. 2003.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ, вып. III. 1993.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев. 1982.

Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Новый погребальный комплекс II-IV вв. н.э. и экономическое развитие Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья а первые века нашей эры. Киев. 1988.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург. 1997.

Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков. 1970.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи городов Северного Причерноморья в I в до н.э. – V в. н.э. (по материалам Херсонеса). Харьков. 1989.

Кленина Е.Ю. Керамические сосуды II-III в. н. э. из усадьбы «Близнецы». (Хора Херсонеса Таврического). Poznan. 2004.

Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА, № 25. 1952.

Кравченко Н.М., Корпусова В.М. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри // Археологія (Київ), №18. 1975.

Крапивина В. В. Ольвия: материальная культура I-IV вв. н.э. Киев. 1993.

Крапивина В.В., Домжальский К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху (материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен»). СПб. 2008.

Кропоткин В.В. О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская обл.) // СА, №3. 1973.

Кропотов В.В. Світлоглиняні вузькогорлі амфори «інкерманського» типу // Археологія (Київ), №4. 1998.

Кунина Н. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб. 1997.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное Ш в 1963-65 гг. // СА, №4. 1977.

Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983-1984 гг. // МАИЭТ, вып. XI. Симферополь. 2005.

Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // «О древностях Южного берега и гор Таврических». Киев. 2004.

Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. Москва. 1979.

Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. Киев. 1991.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin. 2001.

Магомедов Б.В. Римские амфоры в черняховской культуре // Готы и Рим (Бібліотека Vita Antiqua). Киев. 2006.

Магомедов Б.В. Ольвія і варвари в пізньоантичний період // Археологія (Київ), № 4. 2007.

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. Поселение IV-V вв. у с. Луговое в Николаевской области // Дослідження з археології, історії, етнографії: пам'яті Н.М. Кравченко. Київ. 2003.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ, вып V. Симферополь. 1996.

Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка // Херсонесский сборник, вып. XII. Севастополь. 2003.
Петров В.П. Масловский могильник на р.Товмач // МИА, №116. 1964.
Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III-IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ, вып. VII. Симферополь. 2001.
Раевский К.А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тысячелетии н.э. // СА. Т. 23. 1955.
Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев. 1986.
Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. Москва. 1975.
Рыжов С.Г. Керамический комплекс III-IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н.э. Киев. 1986.
Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА №4. 1989.
Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ, вып. III. Симферополь. 1993.
Силантьева Л. Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА, №85. 1958. *Сорокина Н.*П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА, №4. 1971.
Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. н.э. (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. - 2003-2004, №4. 2005.
Сымонович Э.А. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре // МИА, №82. 1960.
Сымонович Э.А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА, №139. 1967.
Сымонович Э.А. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. Москва. 1979.
Сымонович Э.А. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. Москва. 1988.
Сымонович Э.А., Яровой А.З. Поселение Викторовка II в Северном Причерноморье (по материалам М.Ф. Болтенко) // СА, №2. 1968.
Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев. 1983.
Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. – 2001-2002, №4. 2003.
Ушаков С.В. Херсонесская краснолаковая керамика // Боспорские исследования, вып. VIII. Симферополь-Керчь. 2005.
Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. Погребение IV в. н.э. у с. Сычавка // СА, №2. 1979.
Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры). Lublin. 2002.
Шаров О.В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб. 2007.
Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология // КСИА, вып. 156. 1978.
Шишкин Р.Г. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ. 2002.
Шультце Э., Любичев М. Керамика из могильника и поселения Войтенки 1 (Восточная Украина): сравнительный анализ (в печати).
Щербакова Т.А. Могильник черняховской культуры у с. Чалык // АИМ (1985 г.). Кишинев. 1990.
Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф. Усадьба первых веков н.э. у с. Будешты // АИМ (1973 г.). Кишинёв.1974.
Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник, вып. X. Севастополь.1999.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник, вып. XII. Севастополь. 2003.
Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв. н.э. // Древняя Таврика. Симферополь. 2007.
Arsen'eva T., Dom¿alski K. Late Roman pottery from Tanais // Eurasia Antiqua 8. 2002.
Baumann V.H. Aºezări rurale antice în zona gurilor Dunării. Contribuþii arheologice la cunoaºterea habitatului rural (sec. I-IV p.Chr.). Tulcea. 1995.
Grosu V., Vornic V., Ciobanu L. Ceramica romanã din necropola de tip Sântana de Mureº-Èernjachov de la Brãviceni (raionul Orhei, Moldova) // Revista arheologicã. S.n. Vol. II. 2006.
Diaconu Gh. Das Gräberfeld von Mogoº ani (Kreis Dîmboviþa) // Dacia, №13. 1969.
Dautova-Ruševljan V., Br ukner O. Gomolava. Rimski period. Novi Sad. 1992.
Domzalski K. Terra sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia (Warsaw), №47. 1996.
Gudkova A., Schultze E. Gräberfeld und Siedlung Nagornoe II. Ein Fundplatz der Cernjachov-Kultur an der Unteren Donau (in Druck).
Hayes J.W. Late Roman pottery. London. 1972.
Hayes J.W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Baciono Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome. 1985.
Keller E. Das spätrömische Grabfund in Südbayern. München. 1971.
Kokowski A. Goci od Skandzy do Campi Gothorum. Warszawa. 2007.
Magomedov B. Belen'koe, provincia di Belgorod-Dnestrovskij, regione di Odessa (Ucraina). // I Goti. Milano. 1994.
Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia. Bucureºti. 1966.
Opaiþ A. Consideraþii preliminare as upra ceramicii romane timpurii de la Troesmis // Peuce 8. 1980.
Opaiþ A. Aspecte ale vieþii economice din provincia Scithia (secolele IV-VI). Producþia ceramicii locale ºi de import. Bucureºti. 1996.
Opaiþ A. Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th – 6th centuries AD) // BAR International Series 1274. Oxford. 2004.
Palade V. Aºezarea ºi necropola de la Bârlad-Valea Seacã (sfârºitul sec. al III-lea – a doua jumãtate a sec. al V-lea). Bucuresti. 2004.
Robinson H. Pottery of the Roman Period // The Athenian Agora, V. New Jersey. 1959.
Schultze E., Magomedov B.V., Bujskich S.B. Grautonige Keramik des Unteren Buggebietes in römischer Zeit. Nach Materialien der Siedlungen in der Umgebung von Olbia // Eurasia Antiqua 12. 2006.
Schultze E., Strocen´ B. Keramik mit ovalen Facetten – eine Untersuchung zur Chronologie der Èernjachov-Kultur (in Druck)
Sultov B. Ancient Pottery Centres in Moesia Inferior. Sofia. 1976.
Sultov B. Ceramic Production on the Territory of Nicopolis ad Istrum (2nd – 4th centuries) // Terra Antiqua Balcanica 1. Sofia. 1985.
Vornic V. Aºezarea ºi necropola de tip Sântana de Mureº-Èernjachov de la Budeºti. Chiºinău. 2006.
Vornic V., Ciobanu L. Cãni-oenochoe romane de lut în complexele culturii Sântana de Mureº-Èernjachov din spaþiul pruto-nistrean // Analele ANTIM 6. 2005.

B. Magomedov, S. Didenko.

RED SLIP WARE IN THE CHERNYAKHOV CULTURE

Summary

The population of the Chernyakhov Culture (the second third of the 3rd – the first third of the 5th century AD) was mainly the Goths tribes. Most of the finds of Red slip ware on Chernyakhov's sites came from the Black Sea coast and the Lower Danube. The wares from the Eastern zone of this territory have analogues mainly in the Crimea, and they form the «North Black Sea» series. The wares from Western zone have most of analogues from the provinces of the Lower Danube, and they were also produced there. They form the «West Black Sea» series. Therefore, the Chernyakhov market of imported table wares was divided into two spheres of influence. It can be explained not only by geographical closeness to the different economic centres of the Roman Empire, but also by division of the Goths into two branches (Terwingi-Visigoths and Greutungi-Ostrogoths). There was drastic increase of imported Roman goods to Chernyakhov settlements happened in the second third of the 4th century. This fact might be an outcome of federated treaty between Constantine and the Goths in 332, which contained also the trade article.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

«MILITARIA BYZANTINA» В ТАВРИКЕ
(по данным моливдовулов)

Среди общей массы византийских подвесных печатей, находимых в Крыму, моливдовулы представителей военного ведомства хотя и не занимают одного из ведущих мест, тем не менее, представлены достаточно разнообразными категориями армейских и флотских функционеров. Здесь присутствуют и печати имперских военных лиц и глав провинциальной фемной администрации.

В первую очередь это печати глав фемных подразделений – стратигов. Крымские находки очерчивают достаточно широкий географический ареал византийских провинций, войска из которых так или иначе могли быть представлены в Таврике. Абсолютное большинство печатей, конечно, принадлежит местным стратигам из Херсона - более 120 экз. [Зайбт, Зайбт, 1995, с. 91-97; Алексеенко, 1998, с.701-743] и Сугдеи - 3 экз. [Stepanova, 1999, p. 49, nr. 2a-b-c]; в эту группу можно включить и турмарха Готии - 2 экз. [Alekséenko, 1996, p. 271-275; Алексеенко, 2006, с. 564-570]. В то же время в Крыму известны находки печатей военных руководителей ряда фем причерноморского и средиземноморского регионов: комита Опсикия – 1 экз. [Алексеенко, 1999, с. 65-82], стратигов Фессалоники - 2 экз. [Алексеенко 1997, с. 130, № 9; Алексеенко 2004, с. 272, № 7, рис. 16], Эллады - 2 экз. [Алексеенко 1997, с. 129-130, № 8; Алексеенко 2004, с. 272, № 6, рис. 15], Сицилии - 3 экз. [Соколова 1991, с. 211, № 46; Смычков 1999, с. 75-76], Македонии - 1 экз. [Степанова, 2007, с. 365-366, № 1], Армениаков - 1 экз. [Смычков 1999, с. 75], Анатоликов - 1 экз. [Stepanova, 1999, p. 57, nr. 21], Фракессийцев - 1 экз. [Šandrovskaja, 1993, p. 94-96].

Важное стратегическое положение Херсона как форпоста на северных морских рубежах империи обуславливало постоянное внимание к городу и со стороны командных чинов византийского флота. К VIII – первой половине IX вв. относятся две печати друнгариев [Алексеенко, 2008, с. 9, 11-12, № 2-3, рис. 1, 9-10], должность которых V. Laurent подробно рассматривает и относит их к византийским флотским формированиям [Laurent, 1981, p. 513-541]. Об очевидной дислокации в Херсоне подразделений византийского флота говорят также моливдовулы Адриана, еще одного из адмиралов императорского флота IX в. В Херсоне найдены две его печати, на одной из которых он сначала назван топотиритом, а на другой уже друнгарием флота [Alexeenko, Romanèuk, Sokolova 1995, p. 147-148; Соколова 1992, с. 195, 201, рис. 7.2; Алексеенко, 2008, с. 9, 12-13, № 4-5 , рис. 1, 11-12].

К категории флотских военных в какой-то мере можно отнести и комитов Абидоса и Иерона [Алексеенко 1997, с. 127-128, № 4-5; Ср. Вишнякова 1939, с 128-129; Соколова 1983, с. 145-146, № 2; Соколова 1991, с. 202, 211-212, № 47], которые, кроме исполнения должности комендантов соответствующих портов, могли также командовать эскадрами византийского флота. По мнению H. Ahrweiler они были одновременно высшими офицерами флота, командирами эскадр и назначались в морские базы империи [Ahrweiler 1961, p. 243-246].

Известны также и находки других лиц, имевших самое непосредственное отношение к византийской армии, но, к сожалению, печати которых не несут достаточной информации о месте службы своих владельцев: *этериарх, логофет тон агелон*, начальник штаба - *комит тис кортис, турмарх* [Соколова, 1992, с. 195, 201-202, рис. 7, 1, 3; Соколова, 1991, с. 212, № 49-51].

Как правило, абсолютное большинство моливдовулов военных, находимых в Крыму, принадлежат IX-X вв., периоду наивысшего расцвета византийских владений в Таврике. На наш взгляд, их находки явное свидетельство тесных контактов представителей военно-административного армейского руководства зачастую приморских фем, которое, надо полагать, можно связывать с определенной перегруппировкой византийских войск в период укрепления византийских позиций в этом регионе, начиная с организации здесь фемы Климатов и в дальнейшем, когда специфика внешнеполитической обстановки в тот или иной момент требовала дополнительных армейских контингентов для защиты северных рубежей империи [См. Алексеенко, 2008, с. 13].

Вместе с тем среди памятников сфрагистики, обнаруженных в Крыму, присутствуют и отдельные интересные экземпляры, которые не только хронологически выбиваются из общей массы моливдовулов, но и представляют нам новые, ранее неизвестные сведения о контактах византийских военачальников и, очевидно, о военном присутствии византийцев в крымском регионе и в предшествовавшие периоды. Одним из таких примеров является печать Иоанна, магистра Бизацены с греко-латинской надписью, найденная в начале 90-х годов XX в. на Херсонесском городище.

1. Частная коллекция. Местонахождение неизвестно (рис. 1).

Случайная находка в Херсонесе.

Покрыта желто-коричневой патиной. Имеет утраты металла на концах канала. На оборотной стороне 1 и 2 стороки легенды повреждены окислами.

D – ок. 22 мм; D поля печати – 16 мм; толщина пластинки – 3,2 мм.

Не издана

Аналогии: Laurent, 1962, p. 84, nr. 91; Zacos, Veglery, 1972, p. 1643, nr. 2885.

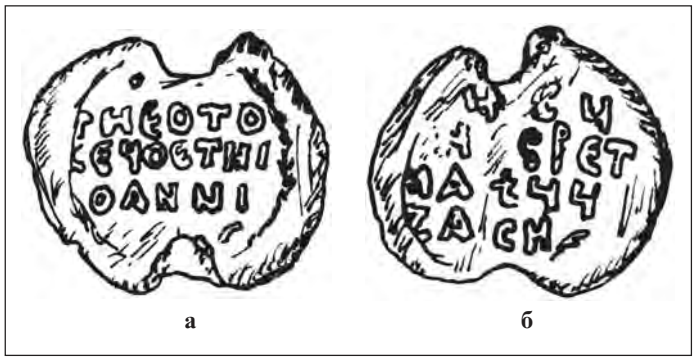
Л.С. Надпись в три строки в лиственном ободке:

-[+-] |THeOTO|CeyOeTHI|O0NNI|[~]

Об. С. Надпись в четыре строки:

+|CyICy|IN}S}eT|m0kyy|Z0CH|[~]

На обеих сторонах печати прослеживаются украшения в виде крестика



а б

Рис. 1

между двух жемчужин и розетки между двух ивовых ветвей. Легенда выполнена из смеси латинских и греческих литер:

Theotoce νοέτι ΄Ιοάννῃ cuuicu(lario) inp(eriali) sp(athario) et mag(istro) Uuzacη(nae)

«Богородица помоги Иоанну, кибикулярию, императорскому спафарию и магистру Бизацены».

В. Лоран при публикации аналогичного экземпляра из коллекции Ватиканского музея отмечал своеобразие исполнения легенды, представленной на печати, в которой использовались буквы, указывая на «варварскую смесь языков, греческого и латинского алфавита, а также необычных форм отдельных литер» [Laurent, 1952, p. 84]. Следует отметить, что известны еще две печати других пар матриц из коллекции Г. Закоса [Zacos, Veglery, 1972, p. 1643, nr. 2885.] и собрании Dumbarton Oaks [Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 35, nr. 6.1.].

Как следует из надписи, печать принадлежала одному из военачальников далекой от Крыма африканской провинции – магистру Бизацены. Характерные особенности печати (сфрагистический тип и характерный латинский шрифт) позволяют отнести рассматриваемый памятник к VI столетию.

Как известно, после блистательных побед полководца Велизария в Северной Африке к Византии была присоединена еще одна провинция, разделенная на четыре военных округа; Триполитанию, Бизацену, Нумидию и Мавританию [Diehl, 1896, p. 126 et suiv; Stein, 1949, p. 318 et suiv.]. Согласно письменным источникам, военный правитель новой провинции носил титул *magister militum Africae* и имел ставку в Карфагене. Его суббординанты находились в соответствующих округах и назывались дуками. В рескрипте 534 года император Юстиниан назвал дуксов, возглавлявших два из четырех вновь образованных округов: Капса и Телепта [Oiconomides, 1991, p. 35]. В то же время в научном мире известна лишь единственная печать, которая, по мнению В. Лорана, принадлежала дуксу (dux) Нумидии [Laurent, 1962, p. 85-87, nr. 92].

В военной истории ранневизантийской Африки фигурирует несколько одноименных нашему владельцу печати военачальников.

Первый Иоанн, сын Сисинниола, которого Прокопий называет выдающимся знатоком военного дела и исключительно прославленным своими подвигами человеком великой славы и доблести [Прокопий, 1998, с. 245, 249]. Однако, он погибает около сентября 545 г. в битве со Стоцой [Stein, 1949, p. 549-551]. При этом следует отметить, что Прокопий в своей «Войне с вандалами» при

описании тех событий упоминает, что «начальником всех войск в Бизакии был Гемерий из Фракии» [Прокопий, 1998, с. 246].

Еще один претендент, Иоанн по прозвищу Троглита. Заслуженный военный человек, участвовавший в первой кампании Велизария в Африке и действовавший затем на восточной границе и известный как дукс Месопотамии [Прокопий, 1998, с. 103, 415, прим. 97], один из прославленных полководцев Юстиниана, воспетый африканским поэтом Кориппом [Corippus, 1897 (I), p. 110-124]. Ю.А. Кулаковский сообщает, что на своем посту он оставался до самой смерти (около 560 г.) [Кулаковский, 1996 (II), с. 137].

И, наконец, последний - Иоанн Рогатин, занявший после смерти Троглиты пост магистра армии и известный в дальнейшем как командующий ополчением (milices) или префект претория Африки с 562 года [Stein, 1949, p. 559].

Нам представляется, что следует согласиться с точкой зрения В. Лорана, определявшим принадлежность печатей магистра Бизацены Иоанну Троглите, возглавлявшему византийскую ставку в Адрумете (Hadrumete) около середины VI столетия [Laurent, 1962, p. 85]. Напомним, что Дж. Несбитт и Н. Икономидис датируют американский экземпляр VI-VII вв. [Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 36], а Г. Закос моливдовул из своей коллекции VI в. [Zacos, Veglery, 1972, p. 1643, nr. 2885], не отдавая предпочтение ни одному из претендентов. К сожалению, мы не находим имени Иоанна в списке африканских дуксов Бизацены, представленном Х. Диль [Diehl, 1896, p. 132]. Тем не менее, согласно письменным источникам известно, что он служил при Велизарии и Соломоне и выполнял функции дукса до 539 года [Stein, 1949, 554-559].

Наличие еще одной печати, близкой по стилю указанным экземплярам, хранящейся в собрании Карфагенского музея в Тунисе, где Иоанн назван стратилатом [Laurent, 1962, p. 84, note 1], заставляет видеть здесь своеобразную специфику развития эпиграфического стиля, демонстрирующую нам не только смешение двух языков, но и латинской и греческой терминологии. Г. Закос и А. Веглери в свое время отмечали особенности исполнения легенд, характерные именно для северо-африканских печатей VI в., для которых присущи подмены V или B на Y [Zacos, Veglery, 1972, p. 1605, 1643, 1647-1648, nos. 2789, 2885, 2898]. Заметим, что, кроме печатей Иоанна, они представлены и на печатях другого военачальника Бизацены – Леонтия. Причем здесь должность владельца представлена уже в полной форме - *magister militum* [Zacos, Veglery, 1972, p. 1647-1648, nr. 2898a-b; Nesbitt, Oikonomides, 1991, p. 35, nr. 6.2].

По мнению В. Лорана, в соответствии с данными печатей первым местом его африканской карьеры была именно Бизацена [Laurent, 1962, p. 85]. Известно также, что на своем посту он оставался до самой смерти (около 560 г.) [Кулаковский, 1996 (II), с. 137].

Безусловно, практически невозможно определить причину отправки какой-либо корреспонденции высокопоставленного африканского военачальника в Крым. Тем не менее, учитывая специфику формирования армейских

подразделений в Юстиниановскую эпоху, осмелимся высказать некоторые соображения.

Римская провинция Валерия Бизацена (Valeria Byzacena), вошедшая в состав империи в первой половине VI в. (новое устройство в завоеванной Северной Африке было введено законом Юстиниана от 534 г.) практически постоянно испытывала тяготы и лишения военного времени, связанные с многочисленными военными кампаниями, переворотами и грабежами на ее территории. Однако бывали там и некоторые часы затишья. Так, Прокопий Кесарийский сообщает нам об одном таком эпизоде, непосредственно связанном с Иоанном Троглитом. Поражения, нанесенные этим военачальником маврам, были настолько решительны и успешны, что, по словам Прокопия, «для ливийцев, еще оставшихся в живых…, хотя и поздно и с большим трудом, наступило некоторое успокоение» [Прокопий, 1998, с. 258]. И лишь после смерти Иоанна мавры вновь возобновили свои притязания. В такой период относительного затишья отдельные формирования византийской армии могли быть отправлены на новые участки, где требовалось византийское военное вмешательство. Одним из таких мест мог быть и Крым. Заметим, что Византии юстиниановской эпохи солдаты-воины, подведомственные магистрам армии, схоларии и варвары-федераты представляли собою не определенные в своем составе военные формирования, а лишь воинские кадры, которые числились в специальных списках (каталогах) центральных управлений. В этот период уже забылись былые имена полков, и мы знаем лишь один общий термин для их обозначения *numerus* (ἀριθμός) [Шувалов, 2006, с. 189]. Полки квартировали в отдельных городах и срослись с ними. Они не выступали в поход во всем своем составе, в виде строевых частей, как было в прежние времена; теперь на войну шли отдельные люди по вызову или назначению; большинство солдат, штаб части, πρίορες τοῦ ἀριθμοῦ, и их командир оставались на местах и, как правило, не участвовали в походе [Кулаковский, 1996, с. 244]. Вполне очевидно, что именно в результате такой ситуации глава одного из африканских корпусов мог отправить послание кому-либо из своих бывших субординантов, теперь проходивших службу в далекой северной Таврике, или же в другом случае – с одним из них отправить необходимую документацию при передислокации части своего военного контингента в Крым. Судить об этом трудно, ясно лишь одно, что появление африканской печати в Херсоне так или иначе связано с контактами византийских военачальников, защищавших границы и государственные интересы, один из которых нес свою службу на далеком юге, а другой на крайнем севере имперских рубежей.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеенко Н.А. Моливдовулы адресантов Херсона // Древности-1996. - Харьков, 1997.
Алексеенко Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX-XI вв. // МАИЭТ VI. – 1998.
Алексеенко Н.А. Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса // АДСВ 30. - Екатеринбург, 1999.
Алексеенко Н. Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // AMV 2. - Варна, 2004.
Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ XII (2), 2006.
Алексеенко Н.А. Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Материалы. Судакский сборник III. - Киев-Судак, 2008.
Вишнякова А.Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. - 1939. - № 1.
Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ 27. - Симферополь, 1995.
Кулаковский Ю.А. История Византии II. – Санкт-Петербург, 1996.
Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. - Санкт-Петербург, 1998.
Смычков К.Д. Новые находки печатей представителей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии. Тезисы докладов научной конференции. - Харьков, 1999.
Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. - Л., 1983.
Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсона // ВВ 52. - 1991.
Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ 26. - Барнаул, 1992.
Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ XIII. – Симферополь, 2007.
Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491-641 гг. // Militaria Antiqua X. – Санкт-Петербург, 2006.
Alekséenko N., Romanèuk, A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson, SBS 4. - Washington, 1995.
Alekséenko N. Un turmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson // REB 54, Paris, 1996.
Ahrweiler H. Fonctionnaires et bureaux maritimes à Byzance // REB XIX. - Paris, 1961.
Ahrweiler H. Byzance et la Mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècle. (Bibliothèque Byzantine, Études 5. Paris, 1966). // In: H. Ahrweiler Etudes sur les structures administratives et sociales de Byzance XVI. - Paris, 1971.
Corippus. Iohannidos seu de bellis Libycis libri VIII / Ed. J. Partsch // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi III. – Hannover-Berlin, 1897.
Diehl Ch. L'Afrique Byzantine. - Paris, 1896.
Laurent V. Les sceaux byzantins du Médaillier Vatican. - Cité du Vatican, 1962.
Laurent V. Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin II. - Paris, 1981.
Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1.- Washington, 1991.
Šandr ovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS 3. - Washington, 1993.
Stein E. Histoire du Bas-Empire. II: De la disparition de l'empire d'Occident à la mort de Justinien (476-565). - Paris, 1949.
Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS 6. - Washington, 1999.
Zacos G. Byzantine Lead Seals. - Berne, 1984.
Zacos G., Veglery A. Byzantine Lead Seals. - Basel, 1972.

N.Alexeyenko

«MILITARIA BYZANTINA» AT TAURICA

Summary

Although the molybdoboulloses of the representatives of the military department do not occupy any leading place among total quantity of Byzantine hanging seals found in the Crimea, they are represented by various categories of the army and naval organization men. Absolute majority of the seals belong to local commanders from Cherson (over one hundred and twenty items) and Sugdeya (three ones); Gothic turmarch can be also included in this category – two items. Finds of seals belonging to military leaders of some north Pontic area and Mediterranean region *femas* are known. They are seals of the commit Opsikius, stratiges of Thessalonica, Hellas, Sicily, Macedonia, Anatolia, etc.

As a rule, the majority of the hanging seals of military men found in the Crimea are dated back to the 9th – 10th century BC. It was the period when Byzantium possessions in Taurica reached their fullest prosperity. Some interesting samples of seals, which get out the mass of molybdoboulloses chronologically, have been found in the Crimea. They give new data of contacts of Byzantium commanders and probably of military presence of the Byzantines in the Crimea region in preceding periods. The seal of John, the magister of Byzacena with the inscriptions in Greek and Latin found in early 90s of the 20th century at Chersonesos city site is one of these examples. Its peculiar features can date this seal back to the 6th century. Speaking about the owner of the seal we find possible to accept the idea of V.Loran who attributed it to the magister of Byzacena John Troglite, who was the head of the headquarters in Hadrumete in the middle of the 6th century.

Of course, the reason of high rank commander's posting to the Crimea is practically impossible to determine. It might have been connected with a certain regrouping of Byzantine troops in the period of strengthening of Byzantine positions in that region.

О. Б. БУБЕНОК

АДЫГИ НА НИЖНЕМ ДОНУ
(относительно первого упоминания о касогах
в древнерусских летописях)

Среди современных исследователей получило распространение мнение, согласно которому в хазарский период, в конце VII — X вв., адыгские племена, известные у византийцев, как «зихи», а у других народов — как «касоги» или «кашаки», проживали лишь на Северо-Западном и Западном Кавказе. Основанием для этого стали сведения мусульманских и византийских авторов.

Так, живший в первой половине X в. ал-Масуди среди прочих народов Восточной Европы упоминает страну «кашаков», которая находилась на восток от страны "Семи земель", вблизи от Северо-Западного Кавказа [Минорский, 1963, с. 207]. О нахождении адыгов в середине X в. Константин Багрянородный дает следующие сведения: "Выше (севернее. — ***О. Б***.) Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы (Кавказский хребет. — ***О. Б***.)" [Константин, 1991, с. 173—174]. Таким образом, сообщение Константина Багрянородного позволяет локализовать владения адыгских племенных объединений в районе Северо-Западного и Западного Кавказа. Аналогичную картину локализации адыгов в X в. дают и другие восточные и византийские источники.

Однако первое же упоминание о касогах в «Повести временных лет» позволяет дать иную локализию данной этнической группы. Речь идет об известии древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков «Повести временых лет» нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: "В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву с князем своим Коганом, и соступишося обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победи и Касоги"[Воскресенская…, 1856, с. 287; Ипатьевская…, 1843, с. 246; Приселков, 1950, с. 84]. Анализ упомянутых отрывков позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела—Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар — аланов-ясов и касогов. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: "Иде Стослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ княземъ своимъ Каганом и сътупиша бить. и бивши брани. Одоле Стослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежю

взя [и] Ясы победи и Косоги" [Лаврентьевская, 1926, стб. 65]. Именно эта информация Лаврентьевской летописи и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарский город Семендер и после чего отправились "в Рум и Андалус" [Караулов, 1908, с. 44, 128; Бартольд, 1940, с. 35], позволили В. А. Кузнецову [Кузнецов, 1971, с. 25—26; Кузнецов, 1984, с. 117—118], В. В. Бартольду [Бартольд, 1940, с. 35], М. И. Артамонову [Артамонов, 1962, с. 427—428], А. Н. Сахарову [Сахаров, 1982, с. 97] и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу в страну булгар и буртасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М. И. Артамонов [Артамонов, 1962, с. 427—428], А. Ю. Якубовский [Якубовский, 1946, с. 470], В.А. Кузнецов [Кузнецов, 1971, с. 25—25; Кузнецов, 1984, с. 117—118] и некоторые исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье.

Со своей стороны А. Ю. Якубовский не склонен был доверять информации Лаврентьевской летописи и считал, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел—Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане [Якубовский, 1946, с. 470—471].

Действительно, несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: "…и град ихъ и Белу Вежю взя" [Лаврентьевская, 1926, стб. 65], тогда как в остальных списках она имеет вид — "и град их Белую Вежю взя" [Воскресенская, 1856, с. 287; Ипатьевская, 1843, с. 246]. Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма странным выглядит маршрут похода в Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. Поэтому имеет смысл вспомнить мнение А. П. Новосельцева, который считал, что русы совершили против хазар два похода: первый — в 965 г., а второй — в 968 г. Исследователь считает, что сведения о первом походе нашли отражение в древнерусских летописях, а известия о втором — в сообщении Ибн Хаукаля. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что "Повесть временных лет" не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье [Новосельцев, 1990, с. 220]. По мнению М. Грушевского [Грушевський, 1994, с. 462], Т. М. Минаевой [Минаева, 1971, с. 199], А. П. Новосельцева [Новосельцев, 1990, с. 220] и других исследователей,

войско Святослава двигалось с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов — в Прикубанье.

Кроме того, Г. Ф. Турчанинов относительно маршрута похода Святослава выдвинул достаточно интересное предположение: „...нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и косогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название ***косог*** (ср. осет. ***кæсæг*** „кабардинець-черкес") вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги..." [Турчанинов, 1971, с. 75]. Свои предположения Г. Ф. Турчанинов подтверждает не только данными древнерусских летописей, но и надписями на раннесредневековых фляжках из-под Новочеркасска, которые он прочитал на касожском (адыгском) языке [Турчанинов, 1971, с. 75; Турчанинов, 1964, с. 74—75]. Исследователь на основе своей гипотезы о существовании особой письменности у народов Хазарского каганата сделал довольно оригинальное предположение относительно происхождения надписей, найденных возле Новочеркасска : «Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и косожского письмен. … некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического славянского письма, либо отличаются от них незначительно…. В основу раннего восточнославянского…, и в основу косожского (средневекового кабардино-черкесского)… письма легло средневековое осетинское (аланское) письмо…, уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта» [Турчанинов, 1971, с. 78].

Несмотря на то, что попытки Г. Ф. Турчанинова прочитать надписи на новочеркасских фляжках на адыгском (касожском) языке выглядят довольно спорными, имеется определенное археологическое подтверждение этой гипотезы. Прежде всего, большой интерес представляют два могильника салтовской культуры в степном Подонье, где широко использовались каменные обкладки могил. Так, на могильнике возле г. Камянск-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища, на правом берегу Северского Донца, в нижнем его течении, могильные ямы или были облицованы каменными плитами по периметру, или перекрыты ими сверху. Кроме того, здесь покойники лежали головами на юг, иногда в скорченном положении и на угольной подсыпке. Довольно часто встречались коллективные захоронения. На могильнике были зафиксированы и особые погребальные сооружения: погребенные перекрывались наклонными плитами, один конец которых стоял на дне могилы, а другой упирался в противоположную стену; умершие обычно были ориентированы головой на юг, а плиты наклонены к западу, т. е стоят с правой стороны погребенного; две из таких могил были коллективными.

Инвентарь в большинстве погребений Рыгинского могильника был представлен желтыми кувшинами с шаровидным туловом без лощения и лепными горшками, которые отличаются от керамики типично зливкинских форм. Это позволило исследователям датировать могильник более ранним временем — VI—VII вв. Рыгинский могильник так и не стал объектом исследования антропологов [Тимощенков, 1905, с. 272—275; Генинг, Халиков, 1964, с. 121; Плетнева, 1967, с. 95—96; Плетнева, 1981, с. 11—12].

Очевидно, что к более позднему хазарскому времени следует отнести функционирование аналогичного Рыгинскому Артугановского могильника, который был обнаружен на левом берегу Дона, в нижнем его течении, в урочище Артугановском вблизи станицы Багаевской. Весьма характерно, что Артугановский могильник был расположен по прямой линии от Рыгинского на расстоянии 100 км. Погребения там совершались также в могильных ямах, облицованных каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на северо-восток [Артамонов, 1935, с. 114; Плетнева, 1967, с. 95—96; Плетнева, 1981, с. 11—12].

Относительно происхождения этих могильников С. А. Плетнева выдвинула предположение, что истоки традиции обкладывать могильные ямы каменными плитами следует искать в Крыму [Плетнева, 1981, с. 12]. Однако, по данным И. А. Баранова, начало широкого распространения плитовых могильников в Крыму следует относить лишь к VIII—IX вв., что было связано с укреплением позиций христианства на полуострове. На них преобладала западная, а не северо-восточная, ориентация покойников [Баранов, 1974, с. 154]. Поэтому имеет смысл искать аналогии на других соседних территориях, среди которых ближайшими являются Северный и Западный Кавказ. Так, по ряду признаков — каменные обкладки, групповые захоронения, скорченные погребения на боку, угольная подсыпка и т.п. — Рыгинский могильник очень напоминает могильник вблизи дер. Харх в Северной Осетии. Тем не менее, последний памятник датируется более поздним временем — XI—XII вв. Однако необходимо отметить, что на северокавказских могильниках вблизи дер. Кобань, Лац, Задалиск, Камбулта, Даргвас, датированных III—VIII ст., кроме каменных обкладок и угольной подсыпки была зафиксирована разнообразная ориентация покойников, в том числе и южная [Кузнецов, 1962, с. 80-81, 89—103].

Что же касается Артугановского могильника, то ближайшие к нему аналогии содержат погребения Борисовского могильника близ Геленджика, на Северо-Западном Кавказе, который был продатирован на основе нумизматического материала V—VII вв. Для данного некрополя была характерна биритуальность погребального обряда, что проявилось в наличии трупоположений и трупосожжений, которые встречаются как в каменных ящиках, так и в грунтовых ямах. Большинство одиночных погребений по обряду ингумации находились там в грунтовых ямах с каменными обкладками. На Борисовском могильнике, как и на Артугановском, преобладала северо-

восточная ориентация покойников в каменных ящиках. На примере Борисовского могильника видим, что в более позднее время, в IX—XV вв., на Северо-Западном Кавказе на смену грунтовым погребением в ямах с каменными обкладками пришли аналогичные им захоронения, но под курганными насыпями [Саханов, 1914, с. 75—219].

В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков высказали одно интересное наблюдение: «Захоронения с каменными внутримогильными конструкциями типологически можно сопоставить с больше-тарханскими могилами с заплечиками. Основное, что их сближает, это отсутствие деревянного гроба и устройство могильной камеры — склепа. Различается лишь материал, употребляемый для устройства камеры. Действительно, могилы с односторонними заплечиками перекрывались наклонно поставленными короткими бревнами, и точно также производились захоронения с наклонно поставленными плитами. В погребениях с двусторнними заплечиками в качестве опоры для горизонтального перекрытия использовались уступы — заплечики, оставленные при рытье могильной ямы, а в погребениях с каменными ящиками такие опоры выкладывались специально из каменных плит» [Генинг, Халиков, 1964, с. 122]. Исходя из этого, имеются основание считать Рыгинский могильник близким не только к раннесредневековым некрополям Центрального Кавказа, но и к Больше-Тарханскому могильнику на Средней Волге. Что же касается Артугановского могильника на Нижнем Дону и Борисовского на Северо-Западном Кавказе, то имеются основания говорить о генетической близости населения, оставившего эти памятники.

Вопрос в том: кто оставил раннесредневековые погребения в каменных ящиках на Северо-Западном Кавказе и Нижнем Дону? По мнению автора раскопок Борисовского могильника В. В. Саханова, на данной территории, т. е. на Северо-Западном Кавказе, во времена раннего средневековья проживали племена адыгов, известные в византийских источниках как ***зихи,*** и поэтому имеет смысл связывать Борисовский могильник именно с пребыванием зихов [Саханов, 1914, с. 75—219]. На Руси же адыгов называли касогами. Следовательно, можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в 965 г. князь Святослав встретил ясов (аланов) и касогов (адыгов) не на Кавказе, а на Нижнем Дону. В этом нас убеждают параллели между нижнедонскими и северокавказскими могильниками. Может быть, и прав Г. Ф. Турчанинов в том мнении, что надписи на флягах Новочеркасского музея были написаны не на тюркском или иранском языках, а именно на касожском (адыгском)!

Таким образом, данные раскопок Борисовского могильника на Северо-Западном Кавказе и Артугановского могильника на Нижнем Дону, а также сведения «Повести временных лет» о событиях 965 г. позволяют сделать предположение, что в первой половине VIII в. с Северного Кавказа в Подонье хазарами были переселены не только аланы и болгары, но и одно из племен зихов-касогов, которые являлись подданными хазарского кагана. Нахождение

адыгов в устье Дона, как нельзя лучше, отвечало стратегическим интересам хазар. Прежде всего, там должна была находиться мелководная переправа. В одной из своих статей А. А. Тортика на примере легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский сумел доказать, что гунны переправились через брод именно в устье Дона, потому что готские историки, по недоразумению, перепутали Керченский пролив с устьем Дона, ибо «устье Танаиса и устье Меотиды часто рассматриваются как равнозначные и взаимозаменяемые термины» [Тортика, 2003, с. 70]. Кроме того, с конца IX в., по данным мусульманских авторов, через дельту Дона к волоку от Дона к Волге начали плавать русы в намерении достичь Каспийского моря. Как свидетельствуют письменные источники того времени, такие плавания с течением времени становились все более нежелательными для хазар. Так, ал-Мас'уди в своем сочинении «Мурудж аз-захаб» считает, что Волга и Дон были соединены протоком, а не сухопутным волоком, и при этом отмечает, что Волга «вытекает из верхних частей тюркских земель… от нее рукав течет в направлении страны бургар (*нахва билад ал-Бургар)* и впадает в Майтас (Мэотис)» [Минорский, 1963. С. 192—193]. Это же находит подтверждение и в другом сообщении ал-Мас'уди: «В верхней части хазарской реки (Волги — *О. Б.*) есть проток (масабб), вливающийся в залив моря Нитас (Понт) — море русов» [Минорский, 1963. С. 196—197]. Именно этим путем, по данным этого мусульманского автора, и воспользовались русы во время похода на Каспий после 300 г. х. (912 г.): «500 судов (маркаб) их прибыли в пролив (халидж) Нитаса (Понта), соединенный (муттассил) с Хазарским морем…. » [Минорский 1963. С. 198]. Естественно, кто-то должен был контролировать нижнее течение Дона. Поэтому сохранение касожской колонии вблизи устья Дона в X в. было продиктовано новыми политическими обстоятельствами. И это поселение касогов должно было сохраниться вплоть до похода Святослава против хазар в 965 г., что и нашло отражение в «Повести временных лет».

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. Вып. 131. М., 1935.
Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
Баранов И .А. О восстании Иоана Готского // Феодальная Таврия. К., 1974.
Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. 1940.
Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856.
Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
Грушевський М. Історія України—Руси. Т. І. К., 1994.
Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб, 1843.
Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.
Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. №106. М., 1962.
Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Л., 1926.
Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963.
Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Плетнева С. А. От кочевий к городам // Материалы и исследования по археологии СССР. №142. М., 1967.
Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска—Преслав. Прабългарската култура. Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1981.
Приселков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) М.—Л., 1950.
Саханов В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах // Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 56. Петроград, 1914.
Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
Тимощенков И. Отчет об археологическом обследовании древнего городища на балке Рыгинской // Труды XII АС. Т. II. М., 1905.
Тортика А. А. К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Босфор Киммерийский // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. №1.
Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.
Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. III. №5.

O.B. Bubenok

ADYGEIS ON THE LOWER DON (CONCERNING THE FIRST MENTIONING OF THE KASOGS IN ANCIENT RUSSIAN CHRONICLE)

Summary

The hypothesis gains ground among contemporary scientists according to which Adygei tribes known as the «Zykhes» among Byzantines and the «Kasogs» or «Kashaks» among the other peoples lived in North-Western and Western Caucasus in Khazar period, at the close of the 7th century – the 10th century AD. Moslem and Byzantine authors' data give such grounds.

The author draws the conclusion that the data from excavations of Borisov cemetery at North-Western Caucasus and Artuganov cemetery in the Lower Don region as well as the information from the «Narrative chronicle» about the events of 965 give evidences to suppose that not only the Alans and the Bulgars but also one of the tribes of the Zykhes-Kasogs that were subjects of the Khazarian empire were resettled from North Caucasus to the Don region by the Khazars in the first half of the 8th century.

Э. И. СЕЙДАЛИЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ КЛИНКОВОГО ОРУЖИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В СТЕПЯХ ЮЖНОЙ УКРАИНЫ И КРЫМА ДО ВТОРЖЕНИЯ МОНГОЛО-ТАТАР

Тема эволюции кочевнического оружия до сих пор вызывает дискуссию в кругах ученых, занимающихся этим вопросом. Нет единого мнения, как происходило формирование клинкового оружия номадов. Был ли это переход от прямых двулезвийных клинков через палаши к саблям в рамках общего развития оружия, или этот процесс происходил в рамках развития материальной культуры определенного этноса? Каковы причины такой эволюции? Например, переход от мечей к изогнутым клинкам в древнерусском войске происходил вследствие появления кочевнической угрозы и все возрастающей роли конницы [Кирпичников, 1966, с. 65]. В данной статье сделана попытка проанализировать изменения клинкового оружия в степях Южной Украины и Крыма в период от появления хазар и до прихода монгольских орд. При подходе к проблеме следует учитывать, что эволюция оружия неразрывно связана с изменениями в других аспектах жизни номадов, в том числе и их отношениях с соседями. Хронологические границы темы (VII-XIII вв.) выбраны не случайно: так есть возможность проследить эволюцию клинков не только в рамках одного кочевого племени, но и в целом в развитии военного дела на определенной территории. Учитывая же, что в данный регион Восточной Европы номады проникали волнами и приносили уже сформировавшиеся типы оружия, необходимым было привлечение материала с других территорий, и не только Европы, но и Азии, не могла быть ограничена тема и только лишь степными районами, так как степняки активно контактировали с населением других ландшафтных зон. Нами были привлечены материалы с памятников предгорных районов Крыма и Северного Кавказа.

Нижняя временная граница темы обусловлена появлением на территории Восточной Европы хазар, принесших новый комплекс вооружения, существенно изменившим ситуацию в данном регионе. Причины гибели Хазарского каганата не связаны с военными аспектами. По вооружению, фортификации, организации и численности войск хазары даже в X в. обходили другие народы Восточной Европы. Хазария постепенно теряла контроль над подвластными народами и племенами. Раздираемое внутренними противоречиями государство не смогло мобилизовать все свои силы для борьбы с внешним врагом и потерпело поражение. Ассортимент вооружения хазар очень разнообразен. Это и луки (оружие дистан-

ционного боя), колюще-рубящее оружие – меч, палаш, сабля; колющее – кинжал, копье; ударно-рубящее – кистень, топор, клевец, булава (оружие ближнего боя); защитное снаряжение. Из этого комплекса мы рассмотрим лишь клинковое оружие. Сюжет легенды о дани полян хазарам мечами можно было бы толковать в пользу преимущества двулезвийного меча над хазарским однолезвийным. Однако будущее клинкового оружия было за саблями, появление которых в Восточной Европе связывается именно с хазарами [Комар, Сухобоков, 2000]. В общем же появление сабли некоторые исследователи связывают с возникновением жесткого седла со стременами, которое тюрки освоили около VI в. н.э. [Худяков, 1986, с. 156]. Поиск более эффективного оружия в условиях верхового боя привел к возникновению палашей (рис. 1,*1-17*). В погребениях второй половины VII в. в большинстве представлены однолезвийные палаши длиной от 75 до 100 см вместе с рукоятью. Из-за того, что применялась лишь одна режущая грань, вес клинка уменьшался и повышалась его маневренность. Рукоять многих из найденных клинков наклонена в направлении режущей части палаша. Это делалось для повышения КПД удара. Согласно данным кинематических исследований [Соловьев, 1985, с. 150-151], КПД удара хорошо сбалансированного древнерусского меча XI в. равнялся 45%, в то время как наклон рукояти палаша позволял не использовать тяжелое навершие и сместить центр тяжести к острию. В этом случае КПД возрастал до 65-70%. Такой тип вооружения был заимствован хазарами у персов [Комар, Сухобоков, 2000]. Палаши VII – начала VIII вв. имели специфическое ромбическое перекрестье с ромбовидными утолщениями на концах и по центру, а рукоять закрывалась двумя футлярами, что подтверждается археологическими находками из Вознесенки, Глодос и Перещепины [Комар, Сухобоков, 2000; Плетнева, 2000, с. 173-175]. Все палаши данного времени прямые (рис. 1,*1*), хотя на пластинке с изображением хазарского воина из кургана 17 Чир-Юрта определенно просматривается изогнутая сабля.

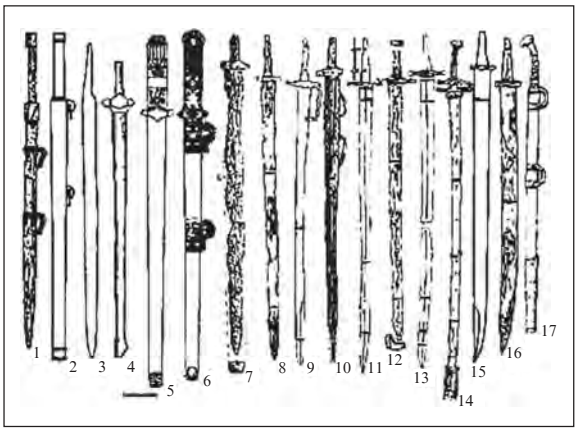


Рис. 1

Следующий этап в развитии клинкового оружия хазар связан с появлением двулезвийных мечей с прямыми ромбическими перекрестиями и ранних, так называемых, салтовских сабель. Датируется он второй половиной VIII в. Часто встречающейся особенностью сабель является двусторонняя заточка нижней части клинка, колеблющаяся в длину от 10 до 18 см от острия, предназначавшаяся для повышения эффективности колющего удара. Перекрестья у этого типа клинков сохраняют прямую ромбическую форму (в раннее время – ровные

или с выступом по центру, поздние, датируемые IX в., – чаще с круглыми утолщениями на концах). Клинок подвешивался к ремню на двух широких скобах ножен. Особо следует обратить внимание на изогнутость клинка. Кривизна его была еще очень слабо выраженной, но повышала КПД удара до 80% и более (в зависимости от кривизны) [Соловьев 1985, с. 152]. На многих салтовских саблях сохраняется наклон рукояти к режущему краю. Все эти качества значительно повышали эффективность оружия как в пеших, так и в верховых баталиях. Впоследствии сабля все более облегчается, уменьшается перекрестье, за счет чего появляется навершие, благодаря которому становится возможным наносить рубящий удар кончиком сабли [Комар, Сухобоков, 2000].

Особо следует отметить материалы из могильника Дюрсо. В данном случае интересны погребения третьего и четвертого периодов. Хронологически третий период соотносится с VIII в., а четвертый – с IX в. Очень примечательно погребение 248 третьего периода. Погребенный ориентирован головой на северо-восток, его сопровождает достаточно богатый погребальный инвентарь, среди которого нас интересует палаш, лежавший в засыпке над погребением. Он сопровождался серебряными деталями рукоятки и ножен, а также двумя золотыми серьгами.

Сабли, найденные в погребениях четвертого периода этого могильника, имеют слабый изгиб, черенок, расположенный под углом к клинку и обоюдоострый конец. Некоторые клинки обладают долом и елманью. Сохранились железные оковки рукоятей, обычно в виде простого, овального в плане стаканчика, а иногда и более сложные. От ножен в трех случаях остались серебряные чехлы нижних частей, портупейные дужки, хомутики для крепления дужек [Дмитриев, 2003, с. 204].

Хотя салтовские клинки и именуются саблями, этот термин не совсем точен. Это следует из того, что кривизна клинков очень слаба и лишь в некоторых случаях достигает кривизны слабо выгнутых сабель. Салтовская сабля – это, скорее, термин, под которым подразумевается особый вид клинков, сочетающий в себе признаки палаша и сабли. Некоторые исследователи датируют активное распространение сабли на землях к востоку от Дуная до Восточного Туркестана и Южной Сибири IX в. [Горелик, 2001, с. 174].

Клинки хранились в деревянных либо кожаных ножнах, с металлическими накладками, их отливали с помощью форм, подобных той, которая найдена в Старом Крыму и хранится в Феодосийском краеведческом музее. Состоит она из двух одинаковых створок обожженной глины. Размеры 9,5x12,5x1,5 см. С ее помощью отливали наконечники ножен меча со стилизованным орнаментом и ободком из псевдозерни [Баранов, 1990, с. 83-85]. Так же на ножнах могли быть различные украшения и скобы с петлями, с помощью которых клинок подвешивался к ремню. В Вознесенском комплексе были найдены ножны трех палашей, обложенные золотом [Плетнева, 2000, с. 173]. Часто на клинках в погребениях находят остатки древесины от ножен, как, например, на клинке из погребения всадника на Тепсене. Найден-

ный там палаш длиной около 100 см и шириной 4 см [Баранов, 1990, с. 83-85].

Как видим, кочевники-хазары, придя в степи Восточной Европы, принесли с собой в основном однолезвийные прямые клинки, которые сейчас принято называть палашами. И хотя в истории их военного дела был период, когда в ходу у хазарского войска были прямые обоюдоострые мечи, но, вероятно, это был элемент, привнесенный кем-то из покоренных хазарами оседлых народов, и такие клинки не прижились. Уходят же хазары с политической арены уже вооруженные клинками, пусть и слабо, но изогнутыми. И хотя это еще не сабли (термин «салтовская сабля» не в счет), но уже заметен прогресс, выраженный в увеличении изгиба клинка.

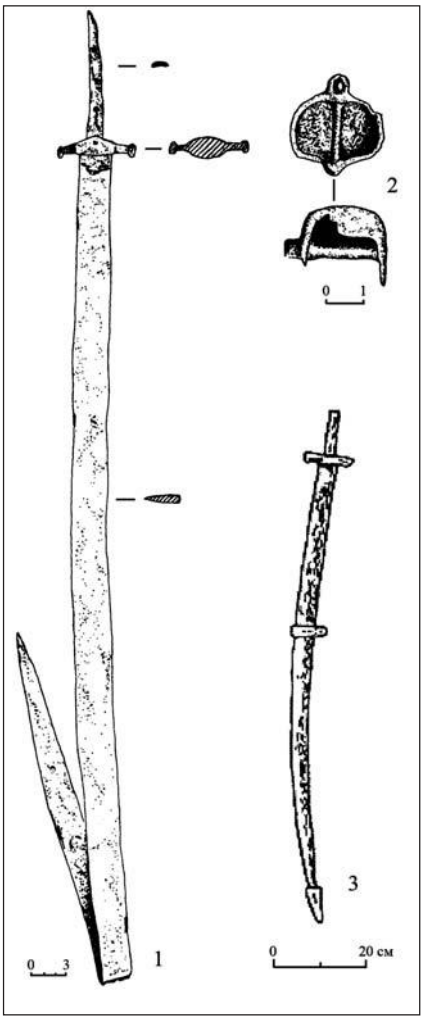


Рис. 2

В IX-X вв. хазарское господство в восточноевропейских степях сменяется печенежским. В это время типичным клинковым оружием колюще-рубящего действия у кочевников была сабля. Печенеги не исключение. Клинок печенежской сабли был слабовыгнутым и широким. Ярким доказательством этого являются экспонаты Симферопольского краеведческого музея, а именно сабля, поступившая в музей в 1920-30-х гг. Клинок ее однолезвийный, слегка изогнутый, длиной 102 см и наибольшей шириной 3,8 см. Ручка отсутствует, на лезвии следы деревянных ножен. Сабля поступила из погребения X-XI вв., изученного Л.Н. Эрнстом близ Симферополя [Черепанова, Щепинский, 1967, с. 183-184]. В кургане у поселка Мамай Евпаторийского района обнаружена сабля общей длиной 110 см, клинок слегка изогнутый, шириной около 4 см, рукоять длиной 10 см, перекрестье – 9 см, прямое. На рукояти 2 железные заклепки. На лезвии, в 48 см от верхнего конца сабли, плоская железная скоба (по видимому, служила для крепления деревянных ножен к ремню, с помощью которого саблю носили). На острие сабли обнаружен железный наконечник ножен, длиной 6 см (рис. 2,*3*). На внутренней стороне наконечника обнаружены отпечатки ткани. Также представление о печенежских саблях нам дает находка из погребения в кургане «Ананьина могила» в бассейне р. Южный Буг. Вдоль правой руки погребенного была обнаружена сабля с деревянной рукоятью, в берестяных ножнах.

На правом бедре исследователями замечены следы ремня, возможно, для подвешивания сабли [Волосюк, 1977, с. 83]. Клинок сабли слабо изогнут и имеет двулезвийный конец. Длина клинка 100 см, ширина 4 см, сохранившаяся часть рукоятки длиной 15 см. Незначительный изгиб и длина клинка позволяют датировать его X – первой половиной XI вв. [Волосюк, 1977, с. 84].

Наряду с изогнутыми клинками все еще встречаются прямые однолезвийные клинки. Один из таких палашей был найден в 1961 году около Симферополя у пос. Чокурча. Ручка меча с прямым перекрестием, длиной 9,5 см. Общая длина 145 см, рукоять – 14 см, ширина клинка – 4,2 см. Меч, судя по остаткам на клинке, лежал в деревянных ножнах. Датируется погребение X-XI вв. [Черепанова, Щепинский, 1967, с. 188]. Ширина спинки всех однолезвийных клинков, в основном, колеблется в пределах до 1,5 см.

Основным промыслом для печенегов была война. Целью их набегов была нажива, поэтому они должны были происходить быстро и с минимумом жертв для нападающих. Отсюда и вытекает, почему основным видом войска была конница. Самым оптимальным оружием для ведения верхового боя была сабля (или палаш), и кочевники использовали именно это оружие.

Еще, рассматривая печенежские сабли, следует отметить характерный (ранее и для хазарских клинков) наклон рукояти по направлению к режущей грани клинка, что повышало эффективность удара таким оружием. Из всего вышеизложенного следует сделать вывод, что главным оружием ближнего боя у печенегов была сабля. Даже в русской летописи говорится «…И вдаст печенежский князь Претичу конь, саблю, стрелы…». Это происходило, когда печенеги, нарушив мир со Святославом, осадили Киев в 968 году. Сабли печенеги носили подвешенными слева на поясе (хотя встречается их зеркальное расположение в погребениях [Волосюк, 1977, с. 84]), в берестяных или деревянных ножнах, с деревянными рукоятями.

Изменения в оружии печенежских племен почти не происходили, и лишь то, что слабоизогнутых сабель больше чем палашей, говорит о том, что эволюция клинков в целом еще происходила. Все большее количество воинов-степняков пользуются саблями и все меньше палашами, в отличие от хазар. Хотя в данном случае следует признать, что в рамках военной истории печенежских племен эволюции клинков (то есть увеличения изгиба) нет, что вероятно объясняется сравнительно небольшим, в хронологических рамках, их господством в рассматриваемом регионе.

В первой половине XI в. печенеги начали отступать из причерноморских и северокрымских степей под давлением половцев. Как и предшествующие народы, половцы были кочевниками, и для них характерным оружием была сабля. Важным источником по изучению половецкого оружия ближнего боя являются половецкие каменные изваяния [Плетнева, 1974, с. 200]. Они позволяют увидеть всю хозяйственную и культурную жизнь половецких племен, так как выполнены очень реалистично и с изумительным мастерством, передавая все – от черт

лица и вплоть до мельчайших деталей одежды. Оружие не является исключением. Первое, что изображается из рассматриваемого в этой работе оружия, – это сабли. Расположены они слева или справа на двух тонких ремешках, прикрепленных к поясу. Некоторые изображения примитивны и схематизированы, нанесены без соблюдения масштаба. Нередко высекаются сабли размером с небольшие изогнутые ножи (хотя на одной из статуй, возможно, изображен серп?). Встречаются изображения не полностью сабли, а лишь верхняя часть с эфесом. По форме рабочей части выделяются и почти прямые клинки, что говорит об использовании палашей даже половцами, хотя нельзя исключать возможности, что это лишь особенности упрощенного художественного исполнения данного предмета. Большинство клинков, конечно, были изогнутые, причем степень кривизны позволяет датировать их XII-XIII вв., в данном случае также стоит оговориться, что это могло быть особенностью художественного исполнения. Заметно, что рукояти сабель отогнуты в сторону лезвия, но максимум лишь на 30°. Перекрестья в большинстве прямые, но попадаются и с изогнутыми вниз концами. Система крепления ножен была_следующей: две обоймы с отверстиями, куда продевались ремни. К эфесу и рукояти сабель иногда прикреплялись пышные кисти (для украшения) или длинные и узкие, орнаментированные по краям и заостренные сверху предметы, назначение которых неизвестно, но, возможно, они обеспечивали баланс клинка. Археологические находки в целом подтверждают достоверность изображения клинков на изваяниях. Исследователи упоминают о подвесках, прикреплявшихся к рукояти сабель. Это пластины, соединенные вместе на деревянной основе, одна из них серебряная с загнутыми краями – представляла собой лицевую сторону, а тыльная состояла из двух бронзовых пластин [Федоров-Давыдов 1966, с. 23]. Характерной чертой сабель XII – начала XIII вв. считают факт оковки рукояти и ножен трубками из свернутого листового железа и использование прямых перекрестий [Плетнева, 1973, с. 18].

Достаточно полно основной сабельный комплекс погребений второй половины X – XIV вв. освещен в работе А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 120]. Из 2235 погребений сабли были найдены в 372 комплексах. Для типологического и хронологического анализа авторы отобрали 135 экземпляров, имеющих целый клинок, ведь именно клинок является основой предлагаемой типологии позднекочевнических сабель. Из 135 сабель 134 изогнуты от 0,4 до 6,8 см, один клинок (Каирка 3/1) – с выпуклой спинкой. Длина клинков от 70 до 115 см, один клинок очень короткий – 60,9 см, еще три очень длинные – 118,6, 121 и 128,8 см. Ширина клинков у перекрестья от 2,3 до 4,6 см, один экземпляр был особенно широким – 5 см. Острие – от тупого широкого до штыковидного, у многих сабель острие двулезвийное. Две сабли имеют дол (сабли из Чокурчи и Таборовки III, 1/5). Стержень рукояти у большинства наклонен в сторону лезвия от 2 до 13 градусов, у одной сабли – 18 градусов. В хорошо сохранившихся стержнях имеются 2-3 отверстия с железными или бронзовыми заклепками для крепления обкладок. Рукоять сабли

из Текстильщика 4/5 украшена орнаментом, на рукоятке клинка из Каирки 3/1 – серебряная, позолоченная, орнаментированная накладка. Кроме того, деревянные обкладки рукояти одной из сабель обтянуты кожей морской рыбы, а у другой эти обкладки обклеены миниатюрными глоточными зубами морской рыбы [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 122].

Что касается наверший, то авторы делят их на три типа: уплощенно-цилиндрические, овальные с двумя боковыми выступами и граненые [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 131, 132]. Перекрестья сабель этого времени достигают размеров 5,8-14 см, высота – 1,1- 4,4 см. Все они напускные железные, некоторые ассиметричны, для более жесткого крепления их набивали на бронзовую или железную обойму. Авторы уже упомянутой статьи также делят их на 3 типа: с шаровидными окончаниями, с ромбическим расширением в центре и брусковидные [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 129, 130].

Почти на всех саблях сохранились остатки деревянных ножен, на некоторых экземплярах даже удалось установить породу дерева: тополь и липа. Деревянные ножны могли обклеиваться берестой. Встречаются также фрагменты железных ножен [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 122].

В Крыму при раскопках Булганакского городища была обнаружена слабоизогнутая сабля, согнутая в плоскости клинка (особенность погребального обряда) на четверть длины клинка от острия (рис. 2,*1*). Погребение датируется половецким временем [Храпунов 1991, с. 21, 32]. На сабле сохранилось перекрестье с шаровидными увенчаниями на концах и мысовидным выступом в сторону рукояти, что, по классификации перекрестий Евглевского и Потемкиной, соответствует типу I, 3-му варианту [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 129]. Рядом с погребенным также было обнаружено навершие рукояти сабли [Храпунов, 1991, с. 22] (рис. 2,*2*), которое по классификации наверший, предложенной вышеупомянутыми авторами, относится ко II типу – овальное с двумя боковыми подтреугольными выступами, через которые пропущен стержень, крепивший навершие к рукояти [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 131-133].

Памятники Северо-Восточного Причерноморья также предоставляют материалы для нашего исследования. Так, в погребении с конем могильника «Андреевская щель» конца XI – первой половины XII вв. на передних ногах коня в числе прочего комплекса вооружения была помещена согнутая сабля с гарнитурой: перекрестьем, навершием рукояти, наконечником ножен меча и, возможно, скобой от ножен (рис. 3,*1-5*). И хотя исследователи соотносят обряд погребения с аланской культурой Центрального Предкавказья, здесь можно говорить и о кочевническом влиянии на местное население и наоборот [Армарчук, 2003, с. 215-216].

В курганных погребениях этого же региона были найдены несколько сабель. Они длинные, с узким лезвием, слегка изогнутые, с елманью. Многие клинки сохранились с деталями гарнитуры (рис. 4,*1-8*). В некоторых случаях сабли подвергались воздействию огня, сгибались, ломались, в некоторых погребени-

ях встречаются лишь детали клинков. Исследователи связывают эти погребения с влиянием половецкого инфильтрата, что дает нам возможность привлечь эти материалы [Армарчук, Дмитриев, 2003, с. 218].

Подтверждают археологические находки и способы крепления сабельных ножен, прослеживающихся на каменных изваяниях. Ножны снабжались двумя петлями для портупейных ремней, к которым крепились пластинчатые скобы или обоймы, которые фиксировали составляющие половинки ножен. Одна – чуть ниже устья ножен, другая – в центре ножен.

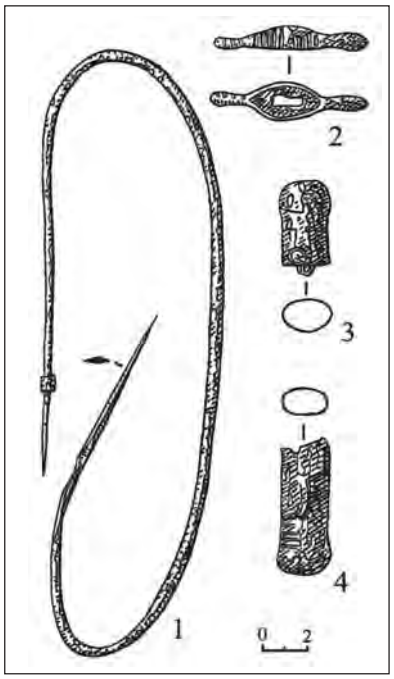


Рис. 3

Наконечники ножен в плане прямоугольные и овальные в сечении. Размеры их очень разные – длина от 3 до 28 см, ширина от 1,7 до 4,9 см. Этот элемент ножен мог декорироваться бронзовой и медной проволоками, накладками из серебряных с позолотой пластин, бляхами с гравированным орнаментом. На некоторых ножнах вместо наконечника нижняя часть оформлялась треугольной костяной обкладкой с двумя прочерченными линиями. Декорировались не только наконечники ножен, но и сами ножны. Они покрывались либо пластинами из серебра, со сложным растительным орнаментом, либо узором из серебряных полос [Федоров-Давыдов 1966, с. 23].

В основу типологии сабель исследователи выбирают либо перекрестье и навершие (А.Н. Кирпичников, Ю.А. Плотников), либо отдельные характеристики клинка (Г.А. Федоров-Давыдов, С.А. Плетнева, Ю.С. Худяков и др.). Из основных признаков клинка в классификации сабель чаще всего учитывались: ширина и кривизна, кривизна и длина, только кривизна, кривизна и острие, острие. В некоторых работах, посвященных узким темам, исследователи рассматривают детали ножен, форму наверший и перекрестий не как фактор для классификации сабель, а лишь как элемент декора [Плетнева, 1973, с. 17]. Во многом эти классификации не подходят для общей массы сабель [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 131-133]. А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина в своей статье предлагают классификацию, основанную на принципах типообразования, которые были разработаны Г.А. Федоровым-Давыдовым [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 125].

Рассмотрев предложенные в статье виды оружия, можно сделать вывод, что средневековые кочевники степей Северного Причерноморья и Крыма были довольно внушительной военной силой. С развитием их эволюционировало и их оружие, совершенствуясь и улучшаясь. При сопоставлении более ранних

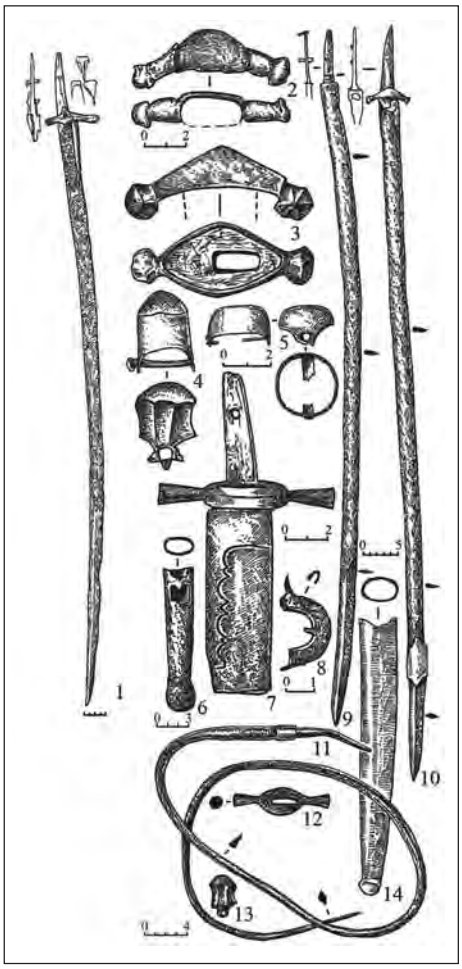


Рис. 4

(хазары) с поздними (печенеги и половцы) кочевниками, мы видим некоторые различия в их вооружении. Касательно клинкового оружия – это кривизна клинка, которая чаще наблюдается у печенегов и половцев и гораздо реже встречается у хазар, и то у их сабель кривизна не так ярко выражена. Хазары гораздо быстрее перешли к оседлости, и она у них была выражена ярче, чем у двух других кочевнических групп, что сказалось на вооружении хазарской армии. Оно гораздо более разнообразно, чем у последующих кочевников. Возможно, здесь сказалось влияние оседлых народов, покоренных хазарами.

В целом же эволюция клинкового оружия прослеживается достаточно четко. От прямых палашей кочевники постепенно переходят сначала к слабоизогнутым клинкам, а после и вовсе к саблям с ярко выраженной кривизной клинка, хотя и в позднее время использовались слабоизогнутые клинки. Согласно представленному материалу, подтверждается, что «чем древнее сабля, тем меньше ее длина, выгиб полосы и уже лезвие, т.е. по своим данным она приближается к палашу» [Кирпичников 1966, с. 67]. Этот факт подтверждается и другими исследователями [Плетнева, 1973, с. 18]. Согласно же данным исследований А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, эволюции сабельных клинков не было, и авторы опровергают сложившееся в науке мнение о таком развитии позднекочевнических сабель [Евглевский, Потемкина, 2000, с. 155]. Тут также следует отметить тот факт, что хотя четко эволюция сабельной полосы в сторону увеличения изгиба лезвия не прослеживается, тем не менее, заметны изменения в вооружении кочевой среды в выбранном регионе.

Как мы видим, эволюция кочевнического оружия в нашем регионе была связана с процессами, протекавшими как в среде самих кочевников, так и у их соседей. У осевших венгров происходит обратный процесс, и от кривых клинков они переходят к мечам [Кирпичников, 1966, с. 66], которые были более эффективными в противостоянии с западноевропейским рыцарством. Такие

же причины побудили и русичей взяться за сабли, что позволило им успешнее противостоять кочевнической угрозе. Переход же кочевников от палаша к сабле очевиден, он был обусловлен именно характером ведения боя и изменениями вооружения в общем. Поэтому закономерно изучать эти изменения, характеризуя весь оружейный комплекс, с привлечением сведений о тактике кочевнического боя из письменных источников, но это уже отдельная тема.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII века. Степь и юго-западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: Археология в 20-ти т. М., 2003.

Армарчук Е.А. Памятники Северо-Восточного Причерноморья в X – первой половине XIII века. Грунтовые могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: Археология в 20-ти т. М., 2003.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Памятники Северо-Восточного Причерноморья в X – первой половине XIII века. Курганные могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: Археология в 20-ти т. М., 2003.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.

Волосюк Г.Е. Позднекочевническое погребение из кургана «Ананьина могила» // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев, 1977.

Горелик М.В. Образ мужа-воина в Кабарии-Угрии-Руси // Культура Евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т.1. Самара, 2001.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: Археология в 20-ти т. М., 2003.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Донецк, 2000.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX-XIII вв. // САИ. 1966. Вып. 1.

Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело хазарского каганата // Сайт Восточноевропейского археологического журнала. 2000. №2(3).

Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. М., 1973.

Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 2000.

Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела–Белой Вежи). М., 1990.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния.// САИ. М., 1974. Вып. Е4-2.

Соловьев А.И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. Симферополь, 1991. Вып. 2.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Черепанова К.Н., Щепинский А.А. Погребения поздних кочевников в степном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1967.

E.I. Seidaliev

EVOLUTION OF BLADE WEAPON OF MEDIEVAL NOMADS
IN THE STEPPES OF SOUTHERN UKRAINE AND
THE CRIMEA BEFORE MONGOL-TATAR HORDE

Summary

Evolution of blade weapon of medieval nomads in the steppes of the south of Ukraine and the Crimea before Mongol horde period has been observed. Changes of weapon of the Khazars, Pechengs and Polovets have been researched. Some theories devoted to the topic are given and critically analyzed. A number of sources on the history of nomads' military science have been covered. The aim of the article was to follow the evolution of blade weapon not only as an individual item of arms of medieval nomads and to show how military equipment were changing according to social, political and cultural processes.

ПУБЛИКАЦИИ

Е.А. МОЛЕВ

ОБЩИЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА КИТЕЙ В 2004-2006 гг.

В июле 2004 года экспедиция Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского совместно с Керченским историко-культурным заповедником благодаря гранту фонда «Киммерида» (г. Москва) возобновила исследования городища боспорского города Китея, расположенного в 40 км к югу от современного города Керчь. В течение 2004-2006 гг. была сделана новая геодезическая съемка городища и проведены раскопки на восточном склоне зольного холма в центральной части городища, где находился, судя по материалам исследований предыдущих лет, культовый центр города [Molev, 2003, p 848] (рис. 1).

В работах, которыми руководил автор данной публикации, принимали участие в качестве начальников квадратов профессор Белгородского педуниверситета Н.Н. Болгов, аспирант Нижегородского университета К.В. Марков, доцент Нижегородского университета Н.В. Молева, руководившая обработкой материала, геодезисты преподаватели Нижегородского архитектурно-строительного университета Е.Г. Дряхлова и А.М. Тарарин, студенты Нижегородского университета и сотрудники Керченского музея-заповедника А.В. Куликов и П.Г. Столяренко. Полевое и камеральное фотографирование выполнено автором отчета и фотографом Л.Н. Ассель. Чертежи выполнены Е.А. Молевым и А.М. Тарариным. Определение остеологического материала производилось палеозоологом Института Истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) А.К. Каспаровым. Работы велись на квадратах 10, 12, 13, 16 и 17 (рис. 2). В общем итоге работ были открыты и исследованы четыре помещения (А – Г) и часть прилегающей к ним территории.

Помещение А на квадрате Х было открыто еще в 1989 г., но в 1992 г. работы здесь были приостановлены. В 2005 г. квадрат был расчищен и подготовлен к работе (рис. 3). Высота кладок помещения из-за разрушения их грабителями и природой уменьшилась почти наполовину.

В текущем сезоне работы начались с 11 штыка. На уровне 11-12 штыков идет тот же слой, что был открыт в сезоне 1992 г. Он представляет собой серый рыхлый суглинок с большим количеством мелких и средних камней. В основании 12 штыка показались фундаменты всех кладок и пол помещения первого строительного периода. Пол представляет собой плотно утрамбованный темно-серый, глинистый суглинок с органическими остатками и вкраплениями

известняковой крошки. Глубина залегания фундаментов и уровня пола по реперу составляет 29.75. На этом уровне было открыто горло врытой в землю у кладки 18 позднебоспорской амфоры, закрытое плоским овальным камнем. В следующем штыке показалось горло еще одной аналогичной амфоры, также закрытое плоской каменной плиткой в центре восточной половины квадрата. Материал 11-12 штыков дает следующую картину*:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 601 в т.ч. 10 проф.		1			
Синопа			2		Вн. Син.IVб.	I-II вв. н.э.
Италийские			5		XXVII,63г	I-II вв. н.э.
XXXI,75а				1		II-III вв. н.э.
XXXIII,79б			8			III в. н.э.
Фанагория			2		XXVI,86б	II-III вв. н.э.
XXXVI,88		1				III-IV вв. н.э.
XXXVII,90а			3		Вн. CV.с.128	III в. н.э.
XXXVIII,96		2				IV в. н.э.
XLI,104б		1				IV-VI вв. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч.лак. Килики		1		1		
Солонка		1				
Кр. лак. Кувшин		1	1			
Кр.гл. н/о		1				
Кувшин		1	1	1		
Тарелки	1	1				
Светильник				1		
Сер. гл. Кувшины	1	1				
Лепные Горшки	14	1			1	

Кроме того, найдены 3 фрагмента боспорских соленов, свинцовая скрепа амфоры (табл. п/о 133), неопределенное керамическое изделие в виде плоского пятиугольника с симметричными полуотверстиями (табл. п/о 152), по-видимому, цифровой или игральный остракон, и 15 костей животных.

* Определение амфорного материала производилось по: И.Б. Зеест, 1960. (**З**), Монахов С.Ю., 1989 (**АХТ**), Монахов С.Ю., 2003 (**М**), Внуков С.Ю., 2003. (**Вн**).

Обе врытые в пол помещения амфоры оказались целыми. Они, несомненно, относятся к данному слою. По типу они близки пантикапейским амфорам типа З., XXXVIII,96 и датируются IV-V вв. н.э. Вероятнее всего, более ранние находки в слое связаны с сооружением ям для их установки в более раннем культурном слое.

Всего в слое найдено 680 предметов, из них фрагментов амфор 630 (92,6%). На втором месте фрагменты посуды, находки которых составляют 4,4%, на третьем – остеологический материал – 2,2%. В составе посуды чуть более половины составляют фрагменты лепной керамики (53,3%).

Описание кладок:

Западная стена помещения (кладка 18) была описана нами в отчете 1989 г. Открытое теперь основание кладки подтверждает ее определение как двухслойную, иррегулярную, с облицовкой дверного проема тесаным камнем. Основание ее сложено из уплощенных каменных плит, слегка подтесанных с внутренней стороны (рис.4) с заполнением пространства между ними мелким бутом и зеленовато-желтым суглинком. Высота кладки составляла 1,4 м (в настоящее время 0,7 м). Ширина ее – 76 см. Южный угол кладки, сложенный впереплет с кладкой 19, слегка скруглен.

Открытый в центре кладки в сезоне 1989 г. проем, облицованный с обеих сторон двумя плоскими тонкими плитами, определенный нами как дверной, не прослеживается ниже уровня 0,8 м. от основания кладки. Более того, он явно не был сознательно заложен, а, судя по характеру заполнявших его камней, был просто завален при разрушении помещения. Все это дает основания думать, что здесь находилось окно в стене помещения, а не дверь.

Остальные кладки помещения «А» 19 (рис. 5), 20 (рис. 6) и 31 (рис.7) сложены таким же образом и синхронны кладке 18. При этом кладка 19 имела продолжение к востоку, и кладка 20 соединена с ней впритык. С кладкой 31 кладка 18 соединялась впереплет, и внешний угол ее в этом месте тоже, по-видимому, был скруглен. В кладке 20 открыт дверной проем, облицованный хорошо тесаными каменными плитами. Ширина проема 0,7 м.

Таким образом, общая площадь помещения «А» составляла около 11 кв. м. Время строительства его приходится, судя по находкам на полу, к рубежу II-III вв. н.э. Позднее, в IV в. н.э. в его пол были врыты две амфоры. Связь помещения «А» с расположенными южнее помещениями «Б», «В» и «Г» несомненна. По-видимому, это был целый комплекс, несомненно, сакральных сооружений, построенных на восточной окраине зольного холма. Цель создания такого комплекса еще предстоит определить, но совершенно очевидно, что он строился на ранних культурных слоях уже существовавшего здесь общегородского святилища и ограничивал его территорию.

Под основанием кладок помещения идет следующий слой, представляющий собой плотный темно-серый суглинок с коричневатым оттенком,

различный по плотности в разных частях помещения. В западной части помещения он с известняковой крошкой и бутовым камнем. Под кладку западной стены уходит небольшой участок рыхлого грунта с включениями камки и золы. Вероятно, здесь до строительства помещения «А» могла быть яма. В грунте много белых комочков какого-то вещества. Возможно, сода. Среди находок в слое, как и везде на зольнике, преобладают фрагменты амфор. Есть также кости крупного рогатого скота. Находки слоя представлены в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	445					
Синопа		3	9	1	XIII,29а	III в. до н.э.
Хиос			3		V,14а	IV в. до н.э.
Типа Усть-Лабинск.				1	XVI,33а	IV-III в. до н.э.
Книд			1		XXIII,49а	III-I вв. до н.э.
Псевдокосские			2		XXVI,61а, Вн. CI. С. 52.	I- нач. III н.э.
Псевдородосские			4		XXIX,67в, Вн. CII.	I в. до н.э.- I в. н.э.
XXVIII,64в			2		Вн. CIV. Рис. 49,5	I-II вв. н.э.
XXXVII,90б			1		Вн. CV. с. 128.	III в. н.э.
XXXVIII,94б			1			II-III вв. н.э.
XXXIX,100,б-г		2				IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с подд.	донца плоские	крышки
Ч.лак. Р/блюда	4	2				
Канфары	1		1			
Котилы	2	2				
Кр. лак. Кубки		1				
Тарелки	2	2				
Кр.гл. н/о				1		
Кувшин	2	4	5	1	1	
Тарелки		1		1		
Чаши		2				
Р/блюда				1		
Сер. гл. Кувшины		1	1	1		
Лепные Горшки	14	2			2	
Блюда		1				

Кроме того, найдены: фрагмент боспорского калиптера; клеймо 5 группы на ручке синопской амфоры (п/о 162)[1], фрагментированный красноглиняный бальзамарий позднеэллинистического времени (п/о 154), венчик лепного горшка (п/о 155)[2], лепное ткацкое грузило (п/о 168), фрагмент стенки малоазийского сосуда (лагиноса?) (п/о 193), вставка в перстень (литик) (п/о 156), фрагмент бронзового гвоздя и целый гвоздь. Остеологический материал представлен 24 костями животных.

Всего в слое найдено 567 предметов, из которых фрагментов амфор 476 (83,9%). На втором месте фрагменты посуды, находки которых составляют 10,6%, на третьем – остеологический материал 4,2%. В составе посуды преобладают фрагменты столовой и парадной керамики (73,7%). Судя по структуре грунта и находкам, под основанием кладок помещения «А» шел культурный слой зольника позднеэллинистического времени.

На **квадрате 12** стратиграфия в целом сильно нарушена перестройками еще античного времени. Слой II-I вв. до н.э. при этом практически полностью выбран при строительстве архитектурных сооружений римского времени. Снятый в сезонах 2005-2006 гг. слой 21-26 штыков представляет собой комковатый темно-коричневый суглинок, насыщенный фрагментами керамики, костями животных, мелким бутом. Особенно многочисленны включения бута в северной части квадрата у кладки 12. В юго-западной части квадрата обнаружено скопление створок раковин мидий и больших кусков печины. Один из кусков печины (глина темно-желтая с многочисленными мелкими черными включениями) по форме напоминает боспорские солены IV до н.э. (рис.8). Вдоль западного борта идут отдельными линзами включения золы, глины, песка и печины, особенно у основания кладки 12. Здесь прослежена уходящая под кладку 12 зольная прослойка, идущая на расстоянии 20-25 см вниз от основания кладки смешанная с прослойками супеси, глины и мелкого бута. Ниже ее до материка идет плотный светло-коричневый суглинок. Слой имеет понижение к югу, видимо, вследствие разрушения и проседания береговой черты.

Насыщенность его находками неравномерна. Основная масса их сосредоточена в южной части квадрата, хотя общее количество находок в северной части тоже достаточно велико. Поскольку такая разница может быть связана с характером строительства или назначением помещений, мы разделили находки в квадрате на две группы: южная, примыкающая к кладке 11, и северная, примыкающая к кладке 12.

В южной части квадрата количество и состав находок выглядят следующим образом: фрагменты толстостенной керамики представлены 15 стенками и венчиком боспорского пифоса, двумя венчиками боспорского и синопского

[1] Определение клейм осуществлено Н.Ф. Федосеевым.

[2] Аналогичные типы горшков Е.Г. Кастанаян датирует II-III вв. н.э. См. Кастанаян Е.Г., 1981, Табл. XXVIII,1.

лутериев, 5 фрагментами калиптеров и 9 фрагментами соленов боспорского производства. Прочие находки представлены в таблице.

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 1795 Св. гл. 39	15	34	1 (п/о 6)		
Гераклея		2	3	1	М., 98,2	3ч. IVв. до н.э.
Синопа		2	11	6	М., 101,2	к. 3ч. IV в. до н.э.
Фасос		3	6			
Родос	-	2	4	1	М., 79,6	70-60 гг. III до н.э.
Хиос	-	5	4	1	М.,11,6	1п. IVв. до .э.
Менде		-	-	3	М.,63,3	2ч. IV в. до н.э.
Пантикапей			1	1	М., АХТ, тип IБ, 27	К. IV – к. III в. до н.э.
Кос				2	З,XXIV,53а	III-II вв. до
Яблоновские	-	1	-	-	-	II-I вв. до н.э.
н/о центр				1	Вн. Р.44,32	I в. до – I в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч/лак. н/о	-	-	-	-	-	-
Светильники	5	-	-	-	-	-
Канфар	1	-	-	-	-	-
Лекиф	-	1 горло	-	-	-	-
Чаша (бур.вну	-	-	-	1	-	-
Килики	2	2	1	-	-	-
Кр.лак.Кубки	2	-	-	-	-	-
Кр.гл. н/о	25	-	-	-	-	-
Большой откр.	-	1	-	-	-	-
Кувшины	-	7	6	5	6	-
Тарелки	9	3	-	2	-	-
Рыбные блюда	-	2	-	1	-	-
Лекана	-	-	-	-	-	1
Блюдо	-	-	-	1	-	-
Сер.гл. н/о	23	-	-	-	-	-
Чернолощеные	3	-	-	-	-	-
Кувшин	10	2	-	1	-	-
Лепные н/о	8	-	-	-	-	-
Горшки	29	1	3	-	-	-
Кастрюли	-	1	1	-	-	-

Всего в слое найден 2201 фрагмент различных изделий и костей животных. 88,4% находок составляют фрагменты амфор, на втором месте фрагменты столовой красноглиняной посуды и на третьем месте находки костей животных.

Из находок слоя здесь следует особо выделить в качестве датирующих находок клейма на ручках амфор Фасоса (п/о 31) и Синопы (п/о 41, 42). Клеймо Фасоса принадлежит к числу редких штампов магистрата Фанок(ритоса) [Монахов, 1999, с. 282]. С.Ю. Монахов считает возможным датировать время этого магистрата 70-ми годами IV в. до н.э., отмечая, что И. Гарлан датирует его 50-ми гг. того же века [Монахов, 2003, с. 68]. По классификации же М. Дебидура, имя Фанокрит (Φανόκ[ριτο[]) нашего клейма встречается только в группе, датирующейся временем после середины III в. до н.э.[Debidour, с. 334]. Синопские клейма датируются первой половиной III в. до н.э.

Таким образом, датирующиеся находки, представленные в таблице, и клейма в абсолютном большинстве своем дают дату слоя середина IV-III вв. до н.э. Находки иного времени весьма немногочисленны.

Из других находок отметим стенку синопской амфоры с граффити А (п/о 2), стенку красноглиняного сосуда с контррельефным орнаментом, до сих пор не встречавшемся в раскопках Китея (п/о 20), 2 ткацких грузила (п/о 19 и 30) с оттисками овальных гемм на верхнем основании, небольшой лепной горшок, склеенный из 11 фрагментов (п/о 56). Под основанием кладки 11 найдена монета очень плохой сохранности, оставшаяся неопределенной и распавшаяся при реставрации.

Среди остеологического материала любопытно преобладание костей крупного рогатого скота и собак. Причем почти на самом обрыве у южного борта квадрата найдены два фрагмента челюстей и практически целый скелет молодой собаки.

В северной части квадрата состав находок следующий:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 1182 Св. гл. 53	10	7			
Хиос	-	3	5			
Фасос	-	4	4			
Менде		1	1	1	М., 63,4	2-3ч. IV в. до н.э.
Синопа	-	2	15 (1 кл)	7	М., 101,2	к.3ч. IV в. до н.э.
Пепарет	-	-	2	-	-	-
Яблоновские	-	-	2	-	-	-
Кос	-	-	5			
Колхида		2	2			
Н/о центр				1	Вн.Р.44,32	1 до – 1 н.э.

Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч/лак. н/о	4	-	-	-	-	-
Котилы	1	-	-	-	-	-
Канфары	5	-	-	2	-	-
Рыбные блюда	-	-	-	1	-	-
Кубки	1	3	-	-	-	-
Лекифы	-	-	-	1	-	-
Килики	2	-	2	2		-
Кр.лак. н/о	-	-	-	-	-	-
Тарелки	1	-	-	2	-	-
Кр.гл. н/о	25	-	-	-	-	-
Кувшины	-	2	3	5	-	-
Тарелки	9	3	-	4	-	-
Больш. блюдо	-	1	-	1	-	-
Чаши	3	-	-	2	-	-
Сер.гл. н/о	8	-	-	-	-	-
Кувшины	6	2	-	-	-	-
Лепные н/о	10	-	-	-	-	-
Горшки	7	-	3	-	-	-

Всего в слое найдено 1487 фрагментов различных изделий и костей животных. Среди них фрагменты амфор составляют 88,1%, на втором месте находки костей животных и на третьем фрагменты красноглиняной столовой посуды. Находки толстостенной керамики представлены тремя стенками пифосов, тремя фрагментами калиптеров и пятью фрагментами соленов боспорского производства, а также сливом с частью венчика синопского лутерия.

Датирующиеся находки – монета Рескупорида VI (326 г. н.э.) под основанием кладки 12, клеймо Синопы (п/о 26), относящейся, по датировке Коновичи, к пятой группе (257-190 гг. до н.э.) [Conovici, 1998]. Таким образом, датирующиеся находки, представленные в таблице, в совокупности с отмеченными позволяют датировать слой III в. до н.э. Монета Рескупорида явно связана со строительством кладки 12 и к слою отношения не имеет.

Из других находок отметим донце краснолаковой чаши со слабопроцарапанным граффити в виде креста (п/о 8), железное кольцо (п/о 24) неопределенного назначения, стенку амфоры с надписью черной краской буквы А (п/о 70), неопределенную бронзовую монету, неопределенное изделие из рога (п/о 81), ткацкое пирамидальное грузило (п/о 90), терракотовую статуэтку мальчика (Эрота?) с гусем (п/о 88). Сохранилась нижняя часть обнаженной фигуры мальчика с плащом, переброшенным через левое плечо. Правая рука

утрачена. Левая рука прижимает к телу птицу (утку или гуся). Аналогичных находок в опубликованных материалах Северного Причерноморья не обнаружено.

Остеологические остатки на этом участке втрое более многочисленны. Преобладают кости мелкого и крупного рогатого скота, но есть фрагменты зубов и челюсти лошади, собак и свиньи. Кстати, фрагмент челюсти лошади и верхняя часть черепа собаки найдены у самого основания кладки 12, что могло иметь ритуальное значение. В целом по анализу остеологического материала А.К. Каспаровым на квадрате выявлены кости следующих животных:

Квадрат 12

№№ штыков	Лошадь	Лиса	Корова	Овца	Овца или коза	Дельфин	Свинья	Собака	Итого
16-17	5	-	8	1	2	-	1	1	18
19	-	-	-	-	-	-	3	23	26
19-20	3	1	2	1	1	1	1	1	11

«Представленный материал, прежде всего, обращает на себя внимание большим количеством костей собаки. Собаки довольно однородны по величине. Однако по своему строению несколько отличаются. Присутствуют собаки двух типов: с более массивной конституцией и несколько более широким и коротким черепом и собаки более грацильного склада с черепом более длинным и узким, шакальего типа. Разумеется, четких границ между этими двумя морфами провести нельзя, однако крайние формы представляют собой как бы два типа. Причем первый тип характерен для северных территорий, второй же для более южных регионов вроде Средиземноморья или Передней Азии. Разумеется, это все пока лишь предварительные наблюдения»*.

Меньшее число находок на участке и их более поздняя дата, вероятно, связаны с тем, что в южной части квадрата в нижней части слоя (с уровня 25 штыка) шли ямы 40, 41 и 42. Открытые ямы дают следующую картину.

Яма 40 расположена у южного борта, почти посередине квадрата, южная часть ее обрушена в море (рис. 4, 18,19,20). Верхний слой заполнения ямы, мощностью около 20 см, представляет собой светло-коричневый суглинок с включениями бутовых камней, ниже идет слой темно-коричневого золистого суглинка с включениями кусков печины и раковин мидий. Его мощность 45 см. Диаметр горла ямы 1,4 м. Яма расширяется к основанию до 1,5 м. Дном ямы служит материковая темно-зеленая глина. Находок немного. Среди них 3 фрагмента боспорских соленов и 2 стенки пифосов. Остальные представлены в таблице:

* Комментарий А.К. Каспарова.

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 216 Св. гл. 2		2	3		
Херсонес	-	2	2			
Синопа	-	2	5 (4 с кл)	5	М., 101,2	К. 3ч. IV в. до н.э.
Кос	-	1				
Родос	-	2				
Фасос	-	-	3			
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч/лак. Кубки	-	1	-	-	-	-
Бальзамарий	1	-	-	1	-	-
Кр.гл. Кувшин	-	1	-	-	-	-
Тарелки	-	1	-	2	-	-
Р/блюда	-	1 (ф.гл)	-	1 (ф. гл)	-	-
Светильник						рожок
Сер.гл. Кувш.	-	2	2	-	-	-
Тарелки	-	1	-	-	-	-
Кастрюли	-	3	-	-	-	-
Лепные Горш.	10	1	-	-	-	-

Из 4-х синопских клейм два совершенно стерты, одно (п/о 52) наложено, по-видимому, дважды с разворотом на 180 градусов. Клейма датируются в пределах второй половины IV – III вв. до н.э. Таким образом, датирующийся материал позволяет говорить о сооружении ямы не ранее конца IV в. до н.э. и использовании до II в. до н.э.

Наиболее массовый материал заполнения ямы – фрагменты амфор, составляют около 53% находок. На втором месте остеологические материалы (44%). Они представлены в следующем соотношении:

лошадь	корова	овца	коза	овца или коза	свинья	собака	рыба	н/о крс	н/о мрс	Итого
5	10	3	2	15	3	26	2	4	2	64

Как и в слое, в яме заметно преобладание костей собак. Они представлены здесь четырьмя взрослыми особями, вероятно – самками.

Кроме того, в яме найдены неопределенная роговая заготовка (п/о 66), фрагменты медного рыболовного крючка и шляпка железного гвоздя.

Яма 41 расположена рядом с ямой 40 и частично разрушена оползнем западного борта квадрата (рис. 19, 21,22). Заполнение ямы однородное - коричневый плотный суглинок с включениями печины, бута и мелких створок раковин мидий. Мощность слоя заполнения составляет 25-30 см. Диаметр горла ямы 2,44 м. Стенки ее почти вертикальные. Дном ямы является темно-зеленая материковая глина. Состав находок в целом сходен с ямой 40. Среди них 3 фрагмента боспорских соленов и 1 – калиптера. Прочие представлены в таблице:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 328 Св. гл. 23					
Фасос	-	-	2			
Синопа	-	-	4 (1 с кл)			
Хиос	-	-	2			
Родос	-	-	3			
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч/лак. н/о	4	-	-	-	-	-
Кр.лак. Тарелк	5	1	-	2	-	-
Кр.гл. Р/блюд	-	-	-	1	-	-
Тарелки	5	2	-	2	-	-
Кувшины	-	1	3	-	3	-
Сер.гл. н/о	7	-	-	1	-	-
Лепные Горш.	9	2	1	-	1	-

Наиболее массовый материал заполнения ямы – фрагменты амфор, составляющие 81, 5% находок. На втором месте фрагменты посуды (около 12%) и на третьем остеологические материалы (около 7%), представленные костями лошади и коровы.

Абсолютное большинство фрагментов амфор датируется III-I вв. до н.э. Вероятно, этим временем и следует ограничить время их функционирования.

Яма 42 расположена в центральной части квадрата, заходя своим восточным краем под кладку 11. Заполнение ее состоит из нескольких прослоек. Самая нижняя из них представляет собой темно-серый суглинок с включениями створок мидий и редких фрагментов печины. В этой прослойке найден скелет собаки в анатомическом порядке (рис.23). Керамики здесь немного. Толщина прослойки 0,32-0,33 м.

Выше идет тот же по цвету грунт, но с включениями бута, глины и крупных фрагментов керамики. Его мощность 0,33-0,34 м. Здесь был найден череп собаки. И, наконец, верхняя прослойка, отделенная от нижней тонкой полоской золы, представляет собой комковатый серый суглинок с включениями мелкого бута, фрагментов печины, золы и керамики.

Диаметр горла ямы 1,2 м. Стенки ямы расширяются книзу, и у основания ее диаметр составляет около 1,6 м. Дном служит материковая скала. Восточная часть ямы, уходящая под кладку 11, не выбиралась.

Среди находок заполнения ямы наиболее интересные костяная игла для плетения сетей (п/о 79), фрагмент чернолакового канфара (п/о 84) и медный наконечник стрелы (п/о 78). Кроме того, найдены 3 фрагмента боспорских соленов и 2 калиптеров, слив лутерия. Прочие находки представлены в таблице:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 303		2			
Фасос	-	1	2			
Синопа	-	2	3 (1 с л)	3	М.,101,2	к.3ч. IV в. до н.э.
Хиос	-	2	2	1	М.,8,1	40-30 гг. V до н.э.
Византий		1				
Кос		1	1			
Гераклея			2	1	М.,90,7	1ч. IV до н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки -
Ч/лак. Килики	8	1	1	2	-	-
Кр.гл. Чаши	7	-	-	-	-	-
Тарелки	-	1	-	2	-	-
Кувшины	-	-	1	4	2	-
Р/блюда	-	-	-	1	-	-
Бальзамарий	-	1 горло	-	-	-	-
Сер.гл. Чаши	-	3	-	-	-	-
Кувшины	3	1	-	-	1	-
Лепные Горш.	4	-	-	-	-	-

Отметим, что несколько десятков фрагментов стенок принадлежат синопской амфоре, которая восстанавливается почти целиком (п/о 73). На ручке ее довольно сильно стертое клеймо, на плечике граффити П-Т. От имени астинома полностью сохранилась только первая буква N.

Находки фрагментов хиосских амфор последней четверти V в. до н.э. позволяют отнести время сооружения ямы еще к первой четверти IV в. до н.э. В пользу этой датировки свидетельствуют и фрагменты венчиков чернолаковых киликов из ямы, и ножка гераклейской амфоры. Прочие находки свидетельствуют, что яма использовалась в течение всего IV и III вв. до н.э.

Интересно соотношение находок остеологического материала:

корова	овца	коза	овца или коза	свинья	собака	рыба	н/о крс	н/о мрс	Итого
2	3	2	4	2	35	2	1	1	50

Кости собак, как видно, абсолютно преобладают. Среди них выделяются 3 взрослых особи (1 самец и 2 самки) и одна молодая собака. Наличие на дне ямы целого скелета позволяет предполагать использование собак в то время для каких-то сакральных целей.

Таким образом, в целом работы на квадрате подтверждают общую хронологию слоев зольника. Появившиеся же здесь архитектурные остатки свидетельствуют о строительстве каких-то сакральных сооружений в первые века н.э. и их перестройках в позднеримское время.

Открытые на квадрате кладки 11 и 12 связаны с помещениями, большая часть которых находилась на территории соседних квадратов 13 и 16. Культурный слой внутри этих помещений позволяет точнее определить хронологию их возникновения и периоды существования. Поэтому описание новых помещений мы начнем с характеристики культурного слоя квадрата 13 и расположенных на его площади помещения Б и построенного здесь после его перестройки помещения В.

На **квадрате 13** в предыдущие годы было снято 9 штыков. Весь материал слоя датировался в пределах III-IV вв. н.э. [Молев, 1994, с. 7-8]. В итоге раскопок 2005-2006 гг. выяснилось, что дугообразная кладка 11 в квадрате 12 имеет продолжение в квадрате 13 в виде полукруглой же кладки 45, проходящей под основаниями кладок 37-39 нового помещения В. Таким образом, стало очевидным, что первоначально построенное помещение Б было круглым в плане с куполообразным покрытием. Позднее, при строительстве нового помещения, его западная часть была включена в состав нового помещения В, в то время как восточная, засыпана и отделена от западной части кладкой 38 (рис. 2; 9).

Культурный слой времени строительства помещения «Б» лежит на материковой темно-зеленой глине и представляет собой рыхлый, комковатый суглинок темно-серого цвета с включениями большого количества мелких и средних камней, створок раковин мидий и улиток, фрагментов керамики. Вдоль основания кладки 11 прослежены отдельные прослойки камки. Завершается он прослойкой желтой глины (толщина 15 см), представлявшей собой, вероятно, остатки пола второго периода существования помещения. Над ним на уровне 14-16 штыков (уровень 28.83 по реперу) по всей площади помещения тянется мощный (до 30 см) слой пожара с включениями золы, древесных угольков, обгорелой керамики и костей (рис. 10).

На этом уровне в восточной половине помещения показалась кладка 45 (рис.11). Здесь также идет горелый слой с включениями золы и угольков. На одном из нижних камней кладки сохранились следы обжига.

В южной части здесь прослежена горловина ямы, уходящей под кладку 38. Яма вырезана частично в предматериковом культурном слое (3 штыка), частично в материковой темно-зеленой глине. Судя по влажности грунта в ней, она могла быть водосборной. На глубину около 1,5 м она была пустая. Исследовать ее из-за опасности обвала кладки 38 было невозможно (рис. 12).

Характерно соотношение находок в слое. С каждым новым снятым штыком число находок резко уменьшалось. Кроме того, стоит отметить, что количество остеологических остатков в восточной половине помещения почти вдвое больше, хотя в большинстве своем они плохо определимы. Среди находок преобладают фрагменты амфор и посуды II-IV вв. н.э. Отметим, что редкие находки более раннего времени (IV-I вв. до н.э.) сосредоточены преимущественно в верхней части слоя, что свидетельствует о нивелировке слоев эллинистического и раннеримского времени при строительстве в этом районе зольника архитектурных сооружений уже в первые века нашей эры. Для наглядности представим соотношение находок по слоям до пожара в помещении «Б» и его перестройки (шт. 16-20 - в западной части помещения и шт. 16-19 - в восточной части помещения) и после пожара (шт.12-15).

Материал 16-20 штыков в западной половине помещения Б

материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 261 Св. гл. 7 (все с густым рифлением)	2	32			
XXVIII,63а		1				
XXVIII,64а			1			
XXVIII,64в			1			
XXXII,76а		2				
XXXII,76г				1	п/о 58	II-III вв. н.э.
XXXIII,79б			4			II-III вв. н.э.
XXXVII,92				1	п/о 82	II-III вв. н.э.
XLI,105				1	П/о 81	III-IV вв. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с подд.	донца плоские	крышки
Ч/лак. Рыб.блюда		1				
Кр.лак. Кубки	-	-	-	1	-	-
Кр.гл. Кубки	-	-	1	2	-	-
Кувшины	-	-		-	1	
Блюдо	-	1				
Лепные Горшки	27	1	2		3	-
Кувшин	-				1	

Кроме того, в слое найдены: железный гвоздь (п/о 56) и фрагменты точильного бруска (п/о 57) и лепной ойнохои (п/о 91). Остеологический материал представлен частью челюсти с зубом коровы, 29 костями мелкого рогатого скота; рогом козы, 6 костями собак и двумя позвонками рыб.

Всего, таким образом, найдено 397 предметов, из которых 314 (78,7%) составляют фрагменты амфор. На втором месте находки фрагментов посуды, составляющие 10,5% находок, и на третьем остеологические материалы, составляющие 9,8% находок. Среди фрагментов посуды абсолютно преобладают фрагменты лепных сосудов (83%). За исключением фрагмента черлакового рыбного блюда и донца краснолакового кубка, весь остальной датированный материал не выходит за пределы II-IV вв н.э.

Материал 16-19 штыков из восточной части помещения Б:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	кр.гл. 383, в т.ч. 18 профилированных	3	6			
Синопа				2	XIII,28	3ч. IV в. до н.э.
Колхида			1		Вн. С. 179.	I-II вв. н.э.
XXIX,69				1	п/о 77	I-II вв. н.э.
XXXII,76а		1				II-III вв. н.э.
XXXII,76г		1		1	п/о 121	-»-
XXXVI,86в			1			-»-
XXXVII,91а		1				-»-
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч.лак. н/о	-	1	-	-	-	
Кр. лак. Чашка	-	1	-	-	-	
Кувшины	-	1	-	-	-	
Кр. гл. Кувшины	-	-	1	-	1	
Тарелки	-	3	-	1	-	
Лепные Горшки	27	-	3	-	-	
Кувшины	-	3	-	-	-	

Кроме того, найдены: 5 фрагментов боспорских калиптеров, часть венчика зеленого стекла, часть стеклянного сосуда с полосой белой краски, 2 фрагмента оконного стекла, часть донца сосуда желтоватого стекла, 2 фрагмента рыболовного круглого грузила, мелкие, практически неопределяемые кости животных – 71.

Всего найден 521 предмет, из которых 401 (77%) составляют фрагменты амфор, 13,6% - кости животных и 8% - фрагменты посуды, среди которой

78,5% фрагменты лепной посуды. Среди находок 6 фрагментов, которые датируются IV-II вв. до н.э. Большинство остальных относятся ко II-III вв н.э.

Таким образом, всего в слое до пожара найдено 918 предметов. Среди них на первом месте фрагменты амфор (77%), на втором – остеологический материал (12%), на третьем – фрагменты столовой посуды (9,2%), среди которой фрагменты лепных сосудов составляют 81%. Фрагментов, точно датирующихся эллинистическим временем, среди находок всего 8. Абсолютное преобладание среди находок материалов II-III вв н.э. позволяет предполагать возведение круглого здания «Б» не ранее начала II в. н.э. Находки же ножки амфоры типа F (по Д.Б. Шелову) и нескольких фрагментов других амфор III-IV вв. н.э. дают вероятность датировки первого периода существования помещения концом II – началом IV вв. н.э.

Культурный слой последнего периода существования помещения Б представляет собой светло-серый комковатый грунт, с включениями бута, кусочков гипса, керамики и небольшого количества раковин виноградных улиток. Состав находок слоя представлен в таблице.

Материал 12-15 штыков в западной части помещения Б:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл – 538, св. гл. 67 в т.ч. 11 с густым рифлением	3	5			
Синопа			4	1	XIII,28	IV-III вв. до н.э.
Гераклея			2	1 1	М., 90,7 XXII,45	1п. IV в. до н.э.
Херсонес				1	АХТ,3,59	к.IV–сер. IIIвв. до н.э.
Пантикапей		1				XVII,34 в
Колхида			3			
XXIX,69			1			
XXIX,71				2		I в. до н.э. – I в. н.э.
XXX, 72а		1				II-III вв. н.э.
XXXI,75б		1				II-III вв. н.э.
XXXII,76г			1			II-III вв. н.э.
XXXIII,79б						II-III вв. н.э.
XXXV,84а		1	2			III в. н.э.
XXXV,84б			2			III в. н.э.
Фанагория			4		XXXVI,86а	II-III вв. н.э.
Фанагория			1		XXXVI,86б	-»-
XXXVII,90а			3		Вн. С. 128.	-»-

XXXVII,91а			1			-»-
XXXVII,91б			2			-»-
XXXVII,93			1			-»-
XXXVIII,96			1			IV в. н.э.
XXXIX,98б			2	2		IV-V вв. н.э.
XXXIX,100а		1	8			IV в. н.э.
XXXIX,100б		5	8			IV в. н.э.
Тип Харакссских			1	1	XL,102б	IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с подд.	донца плоские	крышки
Кр.лак. н/о	4	-	-	-	-	26
Тарелки	-	3	-	1	-	
Миски	-	4	-	-	2	
Чаши	-	4	-	3	-	
Кувшины	-	1	-	-	-	
Блюда	-	2	-	-	-	
Кубки	-	1	-	1	-	
Кр.гл. н/о	1	-	-	-	-	11
Кувшины	-	-	1	1	3	
Блюдо	-	-	-	1	-	
Тарелки	-	2	-	-	-	
Амфориск	-	2	-	-	-	
Лепные Горшки	98	5	1	-	5	
Кувшин	-	-	3	-	-	
Кувшинчик	-	-	1	-	-	116
Чашечка	-	1	-	-	1	
Светильник	-	-	-	-	1	

Кроме того, амфорный материал в слое представлен горлами узкогорлых светлоглиняных амфор (З., XXXVII/91а и З., XXXVII,91б – п/о 50) II-III вв. н.э.; стенкой хиосской амфоры, вероятно, IV-III вв. до н.э. с дипинти (п/о 3); ручкой позднебоспорской амфоры с тремя зарубками (З., XXX,72б) II-III вв. н.э. (п/о 5) и стенкой коричневоглиняной (темно-коричневая глина с черными включениями и слюдой - Колхида ?) амфоры с граффити (п/о 21). Интересна находка в 14 штыке ручки амфоры с клеймом (п/о 24). Клеймо ретроградное. На одном из венчиков амфоры со сложнопрофилированными ручками (XXXI,75б) фрагмент граффити (табл. 2005. п/о 7).

В слое найдены 3 монеты, две из которых пантикапейские (п/о 12 [Анохин, 1986, №131] и п/о 13 [Анохин, 1986, №133]) и статер Фофорса (п/о 27 - 588 г. б.э.= 291 г. н.э.). Случайность попадания в слой пантикапейских монет из

ранних слоев при перекопе, как будто, очевидна. Статер же Фофорса дает основание датировать начало нового периода в истории помещения «Б» (после пожара) концом III – началом IV вв. н.э.

Из других находок отметим 2 стенки светло-зеленого стекла и 1 стенку оливкового цвета неопределенных стеклянных сосудов; железный гвоздь (п/о 2); фрагмент боспорского солена; обломок железного ножа или серпа (п/о 59); сильно коррозированный неопределенный железный предмет; обломок бронзовой фибулы.

Остеологический материал представлен 97 костями, из которых определены: 7 костей лошади, 34 костей коровы, 12 костей мелкого рогатого скота, 3 кости свиньи, 6 костей дельфинов, 8 челюстей и череп собаки, 2 челюсти рыб и осетровый жучек. Часть костей обгоревшая.

Всего в слое найдено 950 предметов, из которых фрагменты амфор составляют 71,4%, фрагменты посуды – 16,1%, остеологические материалы – 10,2%, Среди посуды преобладают фрагменты лепных сосудов (75,8%). При этом фрагментов эллинистического времени (IV-II вв. до н.э.) больше чем в предыдущем слое – 20. В их числе монеты III в. до н.э.

Среди датирующегося материала слоя здесь значительно меньше находок I-II вв. н.э., зато заметно больше фрагментов III-IV вв. н.э. Есть и фрагменты амфор, датирующихся IV-VI вв. н.э., что позволяет предполагать вероятность существования помещения до VI в. н.э.

Описание кладок помещения «Б». Реально к помещению «Б» относятся полукруглые кладки 11 и 45, составляющие круглое в плане здание. Первоначально оно могло быть сооружено не ранее II в. до н.э., т.к. яма 42, заходящая под кладку 11, существовала в IV-III вв. до н.э. Однако, судя по почти полному отсутствию среди находок слоя материалов позднеэллинистического и раннеримского времени наиболее вероятной датой его строительства будет все же конец II в. н.э.

Кладка 11, открытая в сезоне 1983 г.[Молев, 1983. с. 4], была перестроена, согласно материалам исследований последующих лет, в начале IV в.н.э. [Молев, 1991, с. 6]. Находка в сезоне 2006 г. в горелом слое у самой кладки статера Фофорса подтверждает эту дату. Наиболее хорошо сохранился ее внутренний (восточный) фас. Он сложен из бута разных размеров (рис. 13-14). В основании уложены большие, частично обработанные с лицевой стороны блоки известняка. Пространство между камнями заполнено серовато-желтой глиной, местами с включениями камки. Внешний фас, вероятнее всего, в период ее строительства примыкал к краю зольного холма и потому был сложен весьма небрежно. Основание кладки имеет небольшой уклон к югу, что, вероятно, связано с оползанием берега. Высота сохранившейся части кладки 1,7 м. Уровень ее основания в южной части составляет 28.23 по реперу, в северной части – 28.38.

Кладка 45 сложена аналогичным образом. Основание ее составляют крупные камни, подтесанные с лицевой стороны (рис. 15). Пространство между

ними заполнено мелким бутом и серовато-желтой глиной. Максимальная высота сохранившейся ее части 0,7 м. Уровень ее основания по реперу составляет 28.40.

Обе кладки помещения «Б» построены с наклоном внутрь помещения, что позволяет предполагать вероятность наличия у него купольного покрытия. Вход в помещение находился, по-видимому, с южной стороны, Между кладками 45 и 38 в юго-западном углу нового помещения «В» лежат три обработанных каменных блока (рис.16), образующих линию, параллельную кладкам 36 и 37. Вероятнее всего, они имели какое-то отношение к входу в помещение «Б», который позднее был закрыт кладками помещения «В». С внешней стороны в этом районе, между кладками 36 и 37 открыта небольшая вымостка, сложенная из мелких камней и мелкобитой керамики, утрамбованных в зеленовато-желтую глину (рис.2). Вероятнее всего, эта вымостка представляла собой порог у входа в помещение «Б» в последний период его использования. Перекрывавшее его помещение «В» имеет прямоугольную форму с входом также с восточной стороны. Западная стена этого помещения разделила погибшее в пожаре помещение «Б» на две части. При этом западная часть его, примыкавшая к краю зольного холма, продолжала использоваться как место жертвоприношений животных, преимущественно, собак. В сезоне 2006 г. здесь найдены остатки более 20 этих животных. В том числе есть отдельные черепа (один из них аккуратно окаймлен костями конечностей) и есть целые скелеты, положенные головой на юг (рис. 17-18).

Причем находки костей собак прослеживаются на всю глубину культурного слоя (от 12 до 18 штыка). Кроме костей собак, здесь встречаются также кости черепов и конечностей лошадей, крупного рогатого скота. В целом костей остальных животных в 4 раза меньше чем костей собак.

Таким образом, весь имеющийся материал в сочетании с находками предыдущих лет позволяет говорить о первоначальном строительстве помещения «Б» не ранее конца II в. н.э. и его последней перестройке не ранее начала IV в н.э. Мощный горелый слой над полом последнего периода существования помещения при отсутствии следов насильственного его уничтожения, как будто, свидетельствует в пользу совершавшихся в нем обрядов с применением огня или же бытового пожара.

Помещение В.

Нижний слой в помещении «В» (шт. 16-19) уже не связан с периодом его функционирования и является частью предшествовавших ему слоев, разрушенных в результате строительства этого помещения. Он представляет собой сравнительно рыхлый серовато-коричневый суглинок с включениями мелкого и среднего бута, фрагментов керамики, костей животных. В северо-восточном углу помещения на уровне 28.48 от реперной отметки скопление костей крупного рогатого скота вперемешку с золой и фрагментами керамики. На том же уровне в юго-восточном углу скопление печины, распространяющееся в следующем штыке почти до северо-восточного угла помещения.

В центре помещения ниже фундамента кладки 45 на уровне 28.70 от реперной отметки найдено скопление мелких зерен (взяты на анализ). Слой лежит на материковой темно-зеленой глине. Среди находок абсолютно преобладают фрагменты амфор. Общее их число представлено в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 610,3 проф.	2	2			
Гераклея				1	З.,XXII,46	IV в. до н.э.
Хиос		1	3	2	З., V,14а	1 п. IV в. до н.э.
Синопа		1	6			IV-II вв. до н.э.
XXVIII,64а		4				I в. н.э.
Колхида			6			
XXIX,69			10			I-II вв. н.э.
XXX,72а		1				II-III вв. н.э.
XXXV,84а		2				III в. н.э.
XXXV, 85						III в. н.э.
XXXVI,86а			3			III в. н.э.
XXXVII,90а		1	2		Вн. С. 128.	III в.н.э.
XLI,104в			2			IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с подд.	донца плоские	крышки
Ч/лак. н/о	4					
Килики		1	1	2		
Канфар		1				
Кр. лак. Тарелки		1				
Кр.гл. н/о	15					
Кувшины		2 и 1 горло	5	4		
Тарелки		2				
Кастрюли		1				1 (п/о 117)
Сер. гл. н/о	1					
Кувшины		1				
Кастрюли		1				
Лепные Горшки	6	2	2		2	
Кувшин			1			

Кроме того, в слое найдены: 2 фрагмента венчиков синопского лутерия (глина фиолетовая с примесью песка), 2 фрагмента боспорского калиптера, фрагмент керамической плитки (плинфа?), обработанный с двух сторон; рожок гончарного красноглиняного светильника (п/о 119) и 4 фрагмента оконного

светлого стекла. Остеологические находки представлены 181 находкой, среди которых 13 костей мелкого рогатого скота, 106 фрагментов крупного рогатого скота, 5 костей кошек.

Всего в слое найдено 910 предметов, из которых фрагментов амфор 662 (72,7%). На втором месте остеологический материал, находки которого составляют 19,9%, на третьем – фрагменты посуды – 6,3%, среди которой чуть более половины составляют фрагменты красноглиняной столовой посуды (54,4%). Находки позволяют говорить о начале использования этого района зольника для жертвоприношений с первой четверти IV в. до н.э.

Следующий слой на квадрате связан уже с периодом функционирования помещения В, после перестройки помещения Б. Он представляет собой темно-серый золистый суглинок, более светлый в своей верхней части с включением большого количества мелких, средних и отдельных крупных камней, фрагментов керамики, битого ракушечника и огромного количества раковин виноградных улиток. Первоначально в северо-западном углу помещения, а затем и по всей его площади на глубину четырех штыков (12-15) идет горелый слой со скоплением угольков и обожженной керамики. У восточного края кладки 37 тонкие прослойка камки. Такая же прослойка есть и в юго-западном углу квадрата.

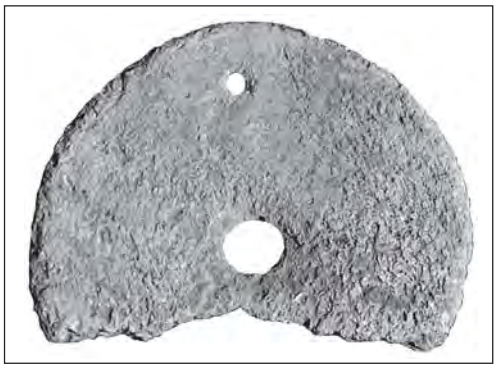
Среди находок абсолютно преобладают фрагменты амфор. Большинство из них датируются римским временем, в том числе и позднеримским (в частности профилированные стенки амфор и покрытые густым рифлением). Довольно много и костей животных. Соотношение находок представлено в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 2598, в т. ч. 114 профилированных, 22 с рифлением. Св. гл. 15.	4	19			
Менде				1	М., 64,3	2-3 ч. IV в. до н.э.
Фасос		1	8			IV в. до н.э.
Синопа			10			IV-II вв. до н.э.
XXIX,67в		4				I в. до н.э. – I в. н.э.
XXIX,69				1		I-II вв. н.э.
XXIX,71			1	1	Вн.44,32	I в. до н.э. – I в. н.э.
XXX,72а		3				II-III вв. н.э.
XXX,72б			3			II-III вв. н.э.
XXXI,75б				1	п/о 44	-»-
XXXII,76г			5	1		-»-
XXXIII,79б			12			III в. н.э.

XXXV,84б			8			-»-
XXXV,85			5			-»-
XXXVI,86а			2			II-III вв. н.э.
XXXVI,86б			4			II-III вв. н.э.
XXXVII,90б		2	9		Вн.С.128.	III в. н.э.
XXXVII,91а		2	5			II-III вв. н.э.
XXXVII,92			2			II-III вв. н.э.
XXXVII,93		2				II-III вв. н.э.
XXXVIII, 96			2			IV в. н.э.
XXXIX,98б		1	7			IV- VI вв. н.э.
XXXIX,100б		4				IV-V вв. н.э.
XXXIX, 100г		1				-»-
Херсонес			2		З.XL,101	IV в. н.э.
XL,102б		2	6			IV-V вв. н.э.
XLI,104в			4			IV-VI вв. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Ч/лак. Тарелки	-	1	-	-	-	
Кубки	-	1	-	-	-	
Килики	1	-	2	-	-	
Кр.лак. Тарелки	3	4	-	2	-	
Блюдо	-	-	-	1	-	
Миски	-	-	-	1	-	
Мегарские	-	1	-	-	-	
Чаши	4	-	-	-	-	
н/о	43	-	-	-	-	
Кр.гл. н/о	-	3	15	-	-	
Кувшины	-	-	-	1	-	
Рыбное блюдо	-	7	-	2	-	
Тарелки	-	-	-	1	-	
Кубки	166	22	2	5	8	
Лепные Горшки	-	2	-	-	-	
Кувшинчик	-	8	4	-	-	
Чашечки	-	1	-	-	-	

Как видно из таблицы, большая часть материала датируется позднеримским временем. Среди них 3 стенки, венчик и 2 донца боспорских пифосов, 2 фрагмента боспорских соленов; венчик синопского лутерия с отверстием для ремонта (табл. п/о 53), красноглиняное рыболовное грузило (табл п/о 74),

фрагмент лепного ткацкого грузила (табл. п/о 16), ножка бронзового гвоздя, бронзовый рыболовный крючок. У дверного проема в восточной стене найден фрагмент известнякового жернова, сохранившийся на две трети. Из фрагментов амфор особо выделим два: стенку позднебоспорской амфоры (XLI,104 – 2 п. III-IV вв. н.э) с дипинти (п/о 14) и ручку синопской амфоры с частью клейма (п/о 46). Сохранились окончание обозначения магистратуры в первой строке клейма - [αστυνομο]υντος и часть эмблемы (прора). Эмблема эта характерна для синопских астиномов пятой группы, выпускавших свою продукцию в 257-190 гг. до н.э.[Conovici, 1998, с. 49].



Фрагмент жернова

Датированные фрагменты посуды представлены донцами краснолаковых тарелок с крестом в центре внутренней стороны донца (п/о 48) и с пальметтой (п/о 70), а также целой со слегка оббитым венчиком лепной чашечки, найденной при расчистке кладки 44 (восточной стены помещения «В») (п/о 64). Клейма в виде одного креста в центре донца датируются Дж. Хейсом 470-580 гг. н.э.[Hayes, 1972, p. 248-249]. Аналогичные нашему изображению креста клейма найдены на Ильичевском городище в слое V-VI вв н.э. [Николаева, 1978, с. 112, рис. 2, 13, 14]. Это позволяет отнести нашу находку к тому же времени. Клейма в виде пальметты также достаточно часто встречаются при раскопках городов Боспора того времени.

Небольшая лепная чашечка (10,5 х 5,6 х 3 см) выполнена из светло-серой глины без заметных включений. Аналогичные ей находки из Мирмекия, Тиритаки и Илурата датируются Е.Г. Кастанаян второй половиной II – серединой III вв. н.э. [Кастанаян, 1981]. Чашечка, вероятнее всего, местного производства.

Поздним римским временем датируются и фрагменты стеклянных сосудов. Среди них венчик чаши зеленого стекла, донце стакана в форме усеченного конуса зеленого стекла (табл. п/о 73) и три стенки и 2 венчика покрытого патиной кубка светло-зеленого стекла с сотовидным орнаментом (п/о 85). Фрагменты стаканов такого типа уже встречались в Китее [Молев, 2004, с. 409, табл. III, 6]. Они датируются V-VI вв. н.э. [Голофаст, 2004, с. 128]. Находки же фрагментов стенок кубка со шлифованным сотовидным орнаментом сделаны впервые. Аналогичного типа кубки редко встречаются на территории античных городов, но достаточно широко распространены на территории Черняховской культуры от Прута до Днепра. Датируются они III-IV вв. н.э. [Сорокина, 1976. с. 202-203]. Кроме того, найден фрагмент оконного стекла.

Датирующие слой материалы представлены также двумя позднебоспорскими монетами. Они найдены в в северо-западном и юго-западном углах

помещения «В». Одна из них, сильно окисленная, распалась при реставрации (из северо-западного угла), другая достаточно хорошо определяется. Это статер Рескупорида VI – 328/329 г. н.э. (табл. п/о 83). Обе монеты найдены у основания кладки 38. На этом же уровне лежат основания кладок 37, 39 и 44, составляющих помещение «В» в целом. Находка статера Рескупорида VI, таким образом, подтверждает время перестройки помещения «Б» и постройки помещения «В» в начале IV в. н.э.

Остеологический материал слоя представлен 430 находками, среди которых челюсть и 9 крупные кости конечностей коровы, 10 овечьих астрагалов, челюсть и костями ребер овцы или козы, по одной кости кошки, собаки, свиньи и птицы и две кости лошади.

Всего в слое найдено 3505 предметов, из которых фрагментов амфор 2737 (78%). На втором месте остеологический материал, находки которого составляют 12,3%, на третьем – фрагменты посуды – 8,9%. В составе посуды преобладают фрагменты лепной керамики (69,7%). Близкое соотношение состава находок характерно и для помещения Б. Значительная перемешанность слоя разновременными находками объясняется строительством в данном районе зольника помещения Б, в процессе которого были частично снивелированы более ранние слои, а затем его перестройкой и строительством помещения В.

Описание кладок. Новое прямоугольное помещение В с выходом на восток и сохранившейся в виде примыкающей к нему с запада абсиды частью помещения Б имело несколько необычную для Китея планировку (рис. 19). Основания его стен лежат на уровне горелого слоя, что свидетельствует о том, что оно погибло в пожаре. Было ли оно разрушено и сожжено самими жителями или это следствие каких-то политических катаклизмов неясно. Отсутствие прямых следов военного разрушения, как будто, дает основание предпочесть первый вариант. С комплексом помещения «В», по-видимому, была связана кладка 36, расположенная на самой линии обрыва. В сезоне 2006 года было открыто ее продолжение на восток и расчищено основание. Поскольку описания ее из-за неполного вскрытия в отчетах предыдущих лет не делалось, начнем с нее.

Кладка 36 сложена из крупных и средних известняковых камней. Некоторые из них имеют подтеску с северной стороны. Выходящий на обрыв панцирь кладки частично разрушен оползнем берега, но заметно (рис.2), что он состоял из камней меньшего размера, чем северный панцирь. Пространство между камнями заполнено мелким бутом и серовато-желтой глиной. Сохранилось два ряда кладки на высоту 0,5 м. Длина ее сохранившейся части до изгиба кладки 11 - 4,5 м. Максимальная ширина – 1 м.

По характеру сооружения стена 36 относится к двухслойным иррегулярным кладкам римского времени. Восточный край кладки заходит в квадрат XVII и заканчивается у ямы 50. Западный ее край соединяется с кладкой 11. Грунт в этом районе рыхлый, серый, насыщенный мелким камнем. У самой

кладки и среди ее камней обнаружено несколько костей конечностей и ребер мелкого рогатого скота, а также статер Фофорса 291 г. н.э. [Молев, 1994, с. 7]. Последняя находка дает основание думать, что кладка была сооружена вместе с кладками помещения «В» в конце III – самом начале IV вв. н.э. и представляла собой северную стену нового помещения, параллельного помещению «В» и примыкавшему к нему с юга.

Кладка 37 идет почти параллельно кладке 36, но все же расходится с ней в восточном направлении (рис. 20). В юго-западном углу помещения «В» она отступает от нее на 20 см, а восточный ее конец отстоит от кладки 36 на 60-70 см. Кладка двухслойная иррегулярная, сложена из бута и нескольких обработанных плит средних и мелких размеров. Пространство между ними заполнено мелким бутом и серовато-желтой глиной. В отчете предыдущего года отмечалось, что у основания камней ее верхнего ряда и над камнями самой кладки идет прослойка белесой глины, что позволяет предполагать возможность наличия над каменным основанием продолжения кладки из сырцового кирпича. Длина кладки от юго-западного до юго-восточного угла помещения 3,9 м. Высота ее сохранившейся части 1 м. Своим восточным торцом кладка соединяется впритык с кладкой 44 почти у самого начала дверного проема в ней. Западный торец кладки соединяется также впритык с кладкой 38. Камни ее основания перекрывают кладку 45. Кладка имеет небольшой уклон к западу. Уровень ее основания в юго-западном углу помещения составляет 29.13, в восточном - 29.32. Время сооружения кладки 37 не ранее начала IV в. н.э.

Кладка 38 идет под прямым углом к кладке 37, и соединяется своим северным и южным торцами с кладкой 11 впритык. По характеру кладки и структуре она полностью соответствует кладке 37 (рис. 21-22). У камней ее верхнего ряда также идет прослойка белесой глины, насыщенная мелкими камнями. Длина ее внутреннего фаса 3,5 м. С внешнего – 4,5 м. Это дает основание предполагать, что при строительстве нового помещения «В», она была построена первой, а затем к ней пристраивались кладки 37 и 39. Высота сохранившейся части кладки 38 – 1 м. Кладка имеет небольшой уклон к северу. Уровень ее основания в юго-западном углу помещения 29.13, а в северо-западном – 29.03. Западный фас кладки сложен более грубо, почти посередине его проходит трещина. Этот факт, на мой взгляд, свидетельствует о том, что отделяемая (западная) часть помещения «Б» изначально рассматривалась как вспомогательная.

Кладка 39. Кладка 39, являющаяся северной стеной нового помещения В, была пристроена своим западным торцом к остаткам кладки 11 и новой кладке 38 (рис. 23). Она перекрыла частично разрушенный северный край кладки 45 после пожара в помещении «Б». Уточнить характер соединения кладок в этом районе не было возможности, поскольку впритык к кладке 39 подходит кладка 51 соседнего помещения «Г». Кладка двухслойная, иррегулярная, сложена из нескольких слегка подтесанных плит крупных и средних размеров.

Пространство между ними заполнено бутом и серовато-желтой глиной. Максимальная высота сохранившейся части кладки 1,2 м. Длина ее по внутренней линии 3,8 м. Кладка имеет небольшой уклон к западу. Уровень ее основания в северо-западном углу 29.13, в северо-восточном – 29.25. Основание кладки перекрывает стену 45 помещения «Б» и примыкающие к ней остатки разрушенной кладки, лежащей на том же уровне. По-видимому, последняя была синхронна помещению «Б» и, может быть, имела к нему какое-то отношение.

Ближе к северо-восточному углу на кладке 39 лежат несколько (3-4) довольно больших плоских плит, ограниченных по краям вертикально стоящими 2-3 небольшими плоскими плитами. Вероятно, здесь находились порог и переход в помещение или на улицу к северу от помещения В. Восточнее порога грунт глинистый, желтоватого оттенка, возможно, остатки подсыпки под фундамент кладки или сырцовой стены поверх ее каменного основания.

Кладка 44 представляет собой восточную стену помещения «В» (рис. 24). Она разделена дверным проемом на две части: северную и южную. Длина дверного проема 1,4 м. Кладка двухслойная, иррегулярная, сложена из нескольких обработанных плит крупных и средних размеров. Пространство между ними заполнено бутом и серовато-желтой глиной. Северный участок стены пристроен впритык к кладке 39. Его южный торец сильно поврежден и частично разрушен. Южный участок продолжается за линию кладки 37 и немного не доходит до кладки 36. Отметим, что торец дверного проема здесь сложен из тесаных плит. Это позволяет относить эту кладку к категории двухслойных иррегулярных кладок с облицовкой проемов тесаным камнем, по классификации С.Д. Крыжицкого [Крыжицкий, 1982, с. 24, рис. 5, 16]. Максимальная высота сохранившейся части кладки 0,9 м. Длина ее, включая дверной проем, составляет 3,6 м.

Таким образом, площадь помещения «В», ограниченного кладками 37-39, 44, составляла 13,6 кв.м. Время его строительства – начало IV в. н.э. Учитывая тот факт, что в период его функционирования сохранилась как пристройка к нему и использовалось для жертвоприношений западная часть помещения «Б», можно предполагать его сакральное предназначение.

Квадрат 17

Заложен у восточного борта квадрата 13 с целью выявить продолжение кладок 36,37, 39 и уточнить планировку помещения В (рис. 19). Размеры квадрата 8,75 х 5 м**.** В приморской части (0,5-0,7 м от береговой черты) квадрат вдоль линии обрыва пересекает трещина. Чуть меньшие по размеру трещины открыты после снятия дернового слоя в 2 и 3 метрах от береговой черты к северу. Мощность дернового слоя от 0,4 до 0,6 м. В нем сравнительно большое количество фрагментов керамики, преобладают фрагменты амфор. Причем, что важно отметить, почти все находки в самом первом штыке. Во втором их крайне немного (всего 20 стенок амфор), а в третьем совсем нет. Общее количество находок представлено в таблице:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 540		8			
Гераклея		3	12	2	М.,92,8	3ч.IVв. до н.э.
Синопа		2	1			III в. до н.э.
Колхида			1			II в. до н.э.
З, XXXVII,91а			1			II-III вв. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с	донца пл.	крышки
Ч/лак. Кубки	3	2	-	-	-	-
Кр.лак. Чаши	-	1	-	-	-	-
Тарелки	-	1	-	-	-	-
Кр.гл. н/о	5	-	-	-	-	-
Кувшины	-	1	7	-	3	-
Чаши	-	3	-	3	-	-
Амфориск	-	-	1	-	-	-
Сер.гл. н/о	14	-	-	-	-	-
Кувшины	-	1	2	2	-	-
Тарелки	-	1	-	-	-	-
Унгвентарий	-	-	-	-	1	-
Лепн. Горшки	10	1	1	-	-	-

Кроме того, в слое найдены 12 стенок боспорских пифосов, 2 фрагмента калиптеров и 12 фрагментов боспорских соленов, 5 костей крупного рогатого скота и 5 костей мелкого рогатого скота. Среди находок абсолютно преобладают фрагменты амфор, составляющие 85%.

Обращает на себя внимание слишком разновременный характер находок (от IV в. до н.э. до III в. н.э.). Вероятно, при перестройках и в этом районе производилась нивелировка раннего культурного слоя. Время последней перестройки, вероятнее всего, конец III – начало IV вв. н.э.

Второй слой, довольно четко прослеживаемый по стратиграфии (рис.25), начинается с 4 штыка и представляет собой каменный завал, особенно мощный в северной части квадрата. Грунт в завале темно-серый, с остатками корней растений, похожий на погребенный чернозем. Мощность этого слоя от 30 до 45 см. Среди камней завала много раковин виноградных улиток. После зачистки поверхности завала показались продолжения кладок 37 и 39. Причем продолжение кладки 37 заканчивается углом помещения В с дверным проемом, а продолжение кладки 39, как будто, доходит до конца квадрата и уходит далее в борт. К северу от дверного проема выявлена линия восточной стены помещения В (№ 44), в связи с чем продолжение кладки 39 стало рассматриваться как самостоятельная стена и получила отдельный номер (46).

Опять появились находки. Среди них найденный в западной части квадрата фрагмент зернотерки (табл. п/о 89). Материал слоя представлен в таблице:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр. гл. 205		1			
З,XXXVII,93	-	2	2	-	-	II-III вв. н.э.
З,XXXVII,91а	-	-	1	-	-	II-III вв. н.э.
З,XXV,54а	-	-	1	-	-	II в. до н.э.
З,XXVIII,64а	-	1	-	-	-	I в. н.э.
З,XXVIII,64б	-	1	-	-	-	I в. н.э.
Пантикапей	-	1	-	1	XXXVIII,96	IV в. н.э.
Фанагория		-	2	-	XXXVI,86а	II-III вв. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с	донца пл.	крышки
Кр.гл. Кувшин	-	3	-	-	-	-
Светильники	-	-	-	-	1	
Сер. гл. Кувш.	2	1	-	-	-	-

Как видно из таблицы, среди находок абсолютно преобладают фрагменты амфор, преимущественно II-III вв. н.э. Они составляют 85% всего материала. На втором месте остеологические остатки, составляющие около 13%. Очевидно, выделенный второй слой следует датировать в пределах II-IV вв. н.э. Определяемый остеологический материал слоя представлен в таблице:

№№ штыков	Лошадь	Сайга	Корова	Овца	Овца или коза	н/о крс	Свинья	Собака	Итого
5-6	4	-	7	-	3	-	1	1	16

Следующий, *третий слой* на квадрате представляет собой светло-серый, довольно плотный суглинок, также насыщенный золой, бутом, фрагментами керамики, раковинами улиток. Он прослежен на глубину трех штыков (6-8). В северной части квадрата в слое идет продолжение кладок 44 и 46. В центральной части квадрата несколько крупных обработанных каменных блоков и скопление желтой глины, известняковой крошки и раковин мидий. В слое по направлению от центральной части квадрата к северной также множество мелких камней и раковин мидий. В северной части квадрата у кладки 46 грунт светло-коричневый, рыхлый с большим количеством мелкого бута и раковин мидий. На расстоянии 0,7 м от восточного борта квадрата и 1,95 м от северного зафиксирована линза рыхлого золистого грунта, определенного первоначально как устье ямы 43 (рис. 26). Диаметр ее 1,5 м. Глубина 10-15 см. Заполнение линзы – золистый грунт и пять плоских камней, по-видимому, от разрушенной постройки.

Вдоль западной бровки прослеживаются отдельные пятна золы и битого ракушечника. На уровне 9-10 штыков в южной части западной бровки квадрата мощный развал камней. Вероятно, здесь было продолжение кладки 36. Грунт здесь рыхлый коричневый суглинок с включениями золы, мелкого бута, отдельных крупных (в том числе и обработанных) камней и раковин улиток. Для столь небольшого участка сравнительно велико число находок фрагментов керамики, преимущественно амфор. Общее количество находок в слое представлено в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 1583, 14 с рифлением. 178 св. гл.	2	31			
Синопа		4		1	М., 101,2	3 ч. IV в. до н.э.
Колхида				1	Вн. Р. 73.4	I в. н.э.
Колхида			4	4	Вн. Р. 44.18	I-II вв. н.э.
Колхида				3	Вн. Р. 44.32	I-II вв. н.э.
XXVI,62а		1				I в. н.э.
XXVIII,64а		2				I в.н.э.
XXIX,67 в			2			Iв. до н.э.- I в. н.э.
XXIX,71				1		I в. н.э.
XXX,72а		9	2	1		III в. н.э.
XXXI,75б		3				II-III вв. н.э.
XXXIII,80б		1	5			II-III вв. н.э.
XXXV,84а		1		1		III в. н.э.
Фанагория			1		З. XXXVI,86а	II-III вв. н.э.
XXXVII,91а		3	14			II-III вв. н.э.
XXXVIII,94а		2	5			II-III вв. н.э.
XXXVIII,96		1	1	1		IV в. н.э.
XXXIX,98а			4			IV в. н.э.
XXXIX, 98б			12	1		IV в. н.э.
XXXIX,100а		1				IV в. н.э.
XXXIX,100б		9	8			IV в. н.э.
Херсонес				1	З. XL,101	IV в. н.э.
XLI,104 б		1	1			IV-VI вв. н.э.
XLI, 105а		1		1		- « -
XLI, 105б			8			- « -
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с поддоном	донца плоские	крышки
Кр/лак Тарелки	-	5	-	5	-	
Чаши	-	1	-	-	-	

Открытое блюдо	-	1	-	-	-	
Рыбное блюдо	-	-	-	1	-	
Кр.гл. н/о	5	-	-	-	-	
Кувшин	-	13	13	11	-	
Тарелки	1	5	-	1	-	
Кастрюли	-	1	-	-	-	
Открытое блюдо	-	1	-	-	-	
Кубки	-	3	-	3	-	
Сер.гл. Кувшин			1	1	1	
Кубки	1	1				
Лепные Горшки	34	22	11	-	15	
Светильники	-	-	-	-	1	
Кувшины	-	1	-	-	-	

Кроме того, найдены: 2 фрагмента боспорских соленов, 2 стенки пифосов, 4 горла узкогорлых светлоглиняных амфор с дипинто (п/о 25, 67 и 68 типа З., XLI, 104а – IV-V вв. н.э., 69 типа З., XLI,105а – III-IV вв. н.э.) и 3 (XLI, 105а) без дипинто; большинство буквенных изображений стерто, и лишь на горле амфоры 2006 п/о № 25 четко читается надпись АП и на горле 2006 п/о № 68 буква Δ *. В северо-восточном углу квадрата найдены керамическая пробка амфоры и солонка из ножки светлоглиняной амфоры (табл. 2006 п/о 58).

Из нумизматических находок отметим позднеримскую монету. Монета д = 1,8 см покрыта черной патиной (табл. 2006 (п/о 1); Судя по устной консультации М.Г. Абрамзона, она датируется V в. н.э. Более точно ее дату определить из-за плохой сохранности монеты не удалось. Если отмеченная дата верна, то это первая нумизматическая находка этого времени в Китее.

Из металлических изделий найдены лезвие железного ножа (п/о 51), наконечник железного ножа (табл. 2006 п/о 61), конический железный предмет неопределенного назначения, сильно коррозированный наконечник бронзовой стрелы стрелы, бронзовый гвоздь (табл. 2006 п/о 49); 2 неопределенных бронзовых фрагмента.

Из фрагментов посуды наиболее интересны 2 фрагмента донца краснолаковой чаши с крестом (табл. 2006 п/о 63). Крест равносторонний, с буквами альфа и омега между верхней гастой. Аналогичные чаши на Боспоре были найдены при раскопках Тиритаки [Гайдукевич, 1952, с. 126, рис. 160] и Ильичевского городища [Николаева, 1978, с. 111, рис. 1, 11, 17]. Они датируются концом IV-VI вв. н.э. [Hayes, 1972, p. 248-249].

Из лепной керамики выделим небольшой фрагментированный лепной горшок (табл. 2006 п/о 66). Аналогичный ему из раскопок Илурата Е.Г. Кастанаян

* По мнению С.М. Ильяшенко, АП следует читать как παρά – «от». См. Ильяшенко, 2005. С. 423.

датировала концом I – серединой III вв. н.э. [Кастанаян, 1981, с. 91]. Еще один миниатюрный лепной горшочек (табл. 2005 п/о 41) найден у дверного проема в кладке 37. Найденный в слое фрагментированный лепной светильник (табл. 2006 п/о 28) не имеет аналогий в опубликованных материалах из Северного Причерноморья.

Довольно многочисленны в слое находки стеклянных сосудов. Среди них 14 стенок сосудов зеленого стекла, покрытых патиной, 2 стенки сосудов светлого стекла, донце стеклянного кубка (табл. 2006 п/о 65), стенка лампады оливково-желтого стекла с полосами синего стекла (табл. 2006 п/о 78), стенка сосуда с белой полосой (табл. 2006 п/о 79) и фрагмент венчика стеклянного кувшина (табл. 2006 п/о 80). Фрагменты донец кубков нередкая находка в Китее [Молев, 2004]. Аналогичные фрагменты из Пантикапея Н.П. Сорокина датирует III в. н.э. [Сорокина, 1962, с. 226]. Сосуды с полосами синего стекла также присутствуют в находках из Китея прежних лет [Молев, 2004]. Они датируются Н.П. Сорокиной IV-V вв. н.э. [Сорокина, 1976, с. 204] Остальные находки не имеют аналогий.

Остеологический материал слоя представлен 364 находками. В их числе:

Сайга	Лошадь	Корова	Овца	Коза	н/о мрс	Свинья	Собака	Птица	Кабан	Рыба
1	8	21	6	3	2	25	3	1	1	38

По пригодным для определения фрагментам, представленным в таблице, интересно преобладание костей коров и свиней. Но самой замечательной является находка черепа с частью рогов дикой сайги. «Дело в том, что плейстоценовая Saiga borealis обитала в Крыму в конце плейстоцена и являлась объектом охоты палеолитического населения. Предполагалось, что она полностью вымерла в начале голоцена вместе с другими представителями так называемой «мамонтовой фауны». Однако находки остатков сайги в различных античных памятниках Крыма говорят о том, что сайга дожила в Крыму почти до рубежа нашей эры. Пока не предпринималось попыток более углубленного изучения этих остатков, и потому сейчас невозможно сказать, является ли эта сайга плейстоценовой формой или это был уже современный среднеазиатский вид Saiga tatarisca.

Находка остатков сайги на Китее, в контексте, датируемом III-IV вв. н.э., позволяет отодвинуть рубеж ее исчезновения в Крыму еще, как минимум, лет на 300».*

Кроме того, в слое найдены 4 круглые, гладкие морские гальки, представляющие собой, по-видимому, ядра для пращи (табл. п/о 26), 3 точильных бруска.

Всего в этой части слоя найдено 2489 предметов. Среди них на первом месте фрагменты амфор (77,3%), на втором – остеологический материал (14,6%),

* Комментарий А.К. Каспарова.

на третьем – фрагменты столовой посуды (6,5%), среди которой чуть более половины (52,7%) составляют фрагменты лепных сосудов. Наиболее многочисленны среди поддающихся более или менее точной датировке материалов (46,5%) составляют находки IV-V вв. н.э. За ними следуют находки II-III вв. н.э. Вероятно, это слой следует датировать тем же временем, что и предыдущий.

В слое лежит основание **кладки 46**, похоже, представляющей собой продолжение кладки 39 помещения «В» (рис. 26). Кладка почти примыкает к северному борту квадрата и своим восточным концом уходит в борт раскопа.

Уровень основания кладки у восточного борта лежит на отметке 29.75 по реперу, что на 0,5 м выше основания кладки 39. Поскольку открыт только ее южный и частично северный панцирь, полного описания ее пока дать нельзя, но очевидно, что это иррегулярная постелистая кладка, имеющая два панциря из нескольких крупных (в том числе и частично обработанных) блоков и заполнение между ними мелким бутом, галькой и фрагментами керамики. Кладка с южной стороны сохранилась на высоту двух рядов. Под восточной половиной основания идет тонкая (10-15 см) прослойка желтой глины. В забутовке кладки 46 найдено несколько окатанных галек, напоминающих ядра для пращи (табл. 2006 п/о 111). Время ее сооружения, судя по материалу в ней и под ее основанием, совпадает со временем строительства помещения «В». Это начало IV в. н.э.

Следующий *четвертый слой* на квадрате (шт. 11-12) начинается в восточной части квадрата еще в 10 штыке и продолжается в 11-12. В западной половине квадрата продолжается на этом уровне предыдущий слой, что четко просматривается по стратиграфии северного борта (рис. 27). Он представляет собой светло-коричневый плотный суглинок с отдельными включениями камки, золы и створок раковин мидий. Вдоль камней кладки 46 в своей верхней части он насыщен золой. Вдоль южного края квадрата, у обрыва прослежена тонкая прослойка желтой глины. В юго-западном углу плотный светло-серый грунт, насыщенный известняковым бутом. Напротив стыка кладки 37 и южной части кладки 44 в квадрате на расстоянии около 1 м от него к востоку найден крупный (35 х 28 см) обработанный каменный блок. Вероятнее всего, он выпал из кладки 44 после (или в результате) разрушения помещения «В».

Общее количество находок в слое представлено в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 1042 Св. гл. 97	1	2			
Синопа		1				II-I вв. до н.э.
Херсонес				1	АХТ. С. 60.	к. IV- сер. III вв. до н.э.
Гераклея				2	XXII,42	1 ч. IV в. до н.э.
Колхида			3			II-I вв. до н.э.
XXVIII, 64в		1				I в. н.э.

XXVIII,67в		2	4			I в.до н.э.– I в. н.э.
XXIX,69			2			I-II вв. н.э.
XXIX,70				1		I в. н.э.
XXX,72а		3				II-III вв. н.э.
XXXII,76г		1				- « -
XXXIII,78		1				- « -
XXXIII,79б			1			III в. н.э.
XXXIII,80а		1	1			- « -
XXXIV,83б		1				- « -
XXXVII,90а			2		Вн. CV. С.128	III в. н.э.
XXXVII,91а		1	2			II-III вв. н.э.
XXXVII,93		3				- « -
XXXVIII,96		1				IV в. н.э.
XL,101				1		IV в. н.э.
XLI,105				3		- « -
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с под.	донца плоские	крышки
Ч.лак. Кубки	1	2	-	-	-	
Канфары	-	-	4	-	-	
Килики	1	-	-	-	-	
Тарелки	-	1	-	2	-	
Кр/лак Тарелки	-	1	-	-	-	
Кр. гл. Тарелки	5	1	-	1	-	
Чаши	-	5	1	-	-	
Кувшины	-	-	2	-	-	
Кастрюли	-	-	2	1	-	
Сер.гл. Солонка	-	1	-	-	-	
Лепные Горшки	-	6	2	-	3	
Кастрюли	-	1	-	-	-	

Кроме того, найдены: 1 фрагмент стенки гераклейской амфоры с клеймом (табл. 2006 п/о 90); сохранившиеся остатки имен в двух строках не имеют аналогий в находках из Китея. Судя по предлогу επί во второй строке клейма, оно должно относиться к третьей поздней группе, по классификации И.Б. Брашинского, и датироваться 2 – началом 4-ой четверти IV в. до н.э. [Брашинский,1980, с. 39].

Из амфорных фрагментов найдены также 2 горла узкогорлых светлоглиняных амфор типа З., XLI, 105 (п/о 89, 103), датирущихся IV в. н.э. Под основанием кладки 46 найдены: ручка синопской амфоры с клеймом 2 группы, по Коновичи [Conovici, 1998, p. 51] (2006, п/о 109), датирующимся 333-296 гг. до н.э. (такое

клеймо в Китее найдено впервые), ручка боспорской амфоры с граффити в виде креста (табл. 2006, п/о 102) и ручка с граффити в виде пучка линий (табл. 2006, п/о 108). Здесь же найдены неопределенная бронзовая монета (табл. 2006, п/о 114) и 2 фрагмента терракотовых статуэток (табл. 2006. п/о 112 и 113).

В развале камней у восточного края кладки 37 помещения «В» найдена монета Фофорса (табл. 2006, п/о 84, определена по тамге этого правителя, дата стерта); в углу между кладками 44 и 46 найдена монета (табл. 2006, п/о 96), еще одна монета найдена почти по центру квадрата у восточного борта (табл. 2006, п/о 97). Обе монеты, явно пантикапейские, эллинистического времени, но более точно их можно будет определить после реставрации. В центральной части квадрата найден денарий Рескупорида (табл. 2006, п/о 140). В.А. Анохин определяет его как Рескупорида II (211-228 гг. н.э.) [Анохин, 1986], а Н.А. Фролова считает его Рескупоридом III (210-226 гг. н.э.) и датирует время выпуска этих денариев более точно – 218-219 гг. н.э. [Фролова, 1986].

Рядом с проходом в помещение «В» из квадрата 17 найден фрагмент терракоты, изображающей богиню, сидящую на троне (Кибела?) (табл. 2006, п/о 98). Аналогичная находка из Пантикапея датируется IV в. до н.э. [Силантьева, 1974, с. 21].

В слое также найдены и другие находки этого времени: стенка красфигурного килика (табл. 2006, п/о 95) и фрагмент донца буролакового канфара с граффити Ι]ΦΙΣΠΟ[(табл. 2006, п/о 110). В надписи на донце первое имя, вероятнее всего, Ιφις. Правда, такое имя на Боспоре не засвидетельствовано в «Корпусе боспорских надписей», но оно известно в Греции с гомеровских времен. Для второго возможны несколько вариантов имен из «Корпуса боспорских надписей»: имена из Пантикапея Посидей (КБН 36), Порист (КБН 153, Посейдипп (КБН 176) и Посидоний (КБН 172), а также имя из Фанагории – Посис (971). Учитывая небольшую площадь ножки канфара, следовало бы выбрать, наверное, самое короткое имя, но это не факт.

Последней датированной находкой слоя является фрагмент стенки стеклянного сосуда с каплей синего стекла (табл. 2006, п/о 94). Аналогичные сосуды датируются с начала IV до начала V вв. н.э. [Сорокина, 1976, с. 204].

Кроме того, в слое найдены 3 бронзовых гвоздя, круглый бронзовый предмет (скорее всего, шляпка гвоздя); венчик краснолаковой тарелки с насечками (табл. 2006 п/о 115) и 119 костей животных, среди которых есть крупная челюсть коровы.

Всего в этой части слоя найдено 1365 предметов. Среди них на первом месте фрагменты амфор (87%), на втором – остеологический материал (8,7%), на третьем – фрагменты столовой посуды (3,4%), среди которой незначительно преобладают фрагменты красноглиняной столовой посуды, составляющие 39 %. На втором месте фрагменты чернолаковой посуды, составляющие 28,2%. Находки слоя датируются от IV в до н.э. до IV в. н.э. Преобладают количественно материалы I – II-III вв. н.э. По-видимому, слой следует

датировать I-II вв. н.э. Наличие же материалов иного времени объясняется строительством помещения «В», в ходе которого ранние слои были частично выбраны и вместе с более поздними материалами попали в этот слой.

Следующий *пятый слой* на квадрате (шт. 13-15) представляет собой плотный темно-коричневый суглинок с включениями золы, створок раковин мидий и камки. От северо-восточного угла почти вдоль всего восточного борта он более рыхлый, с включениями камки и без находок. Вдоль южного борта квадрата идет желтая глина. Здесь же у края обрыва лежит большой плоский камень (48 х 32 см), вокруг которого скопление золы. Почти в самом центре квадрата есть отдельные включения печины, в юго-западном углу – включения желтой глины. У южной части кладки 44 развал камней. В основании 15 штыка (отметка 28.82 по реперу) показалась материковая темно-зеленая глина. Материал слоя представлен в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр. гл. 1096	2	1	1		
Хиос		2			З., IV,13	4ч. V в. до н.э.
- « -		4	11	1	З., V,14,	1ч. IV в. до н.э.
Менде				1	М., 68,3.	2ч. IV в. до н.э.
Фасос		1	2	1	З., IX,20к	III-II вв. до н.э.
Гераклея			10	1	З., XXII,43	1п. IVв. до н.э.
Синопа			10	2	З., XIII,28	3ч. IV в. до н.э.
- « -				2	З., XIII,29а	III в. до н.э.
XXIX,67в			3			I в. до н.э.- I в. н.э.
XXX,72а		3				II-III вв. н.э.
XXXIV,83б		1	1			- « -
XXXVIII,94а			1			- « -
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с под.	донца плоские	крышки
Ч.лак. н/о	2	-	-	-		
Килики	2	3	3	3		
Лекифы	-	-	-	1		
Кр/лак Кубок	-	1	-	-		
Чаши	-	1	-	-		
Кр. гл. Блюда	-	-	-	1		
Кувшины	-	-	-	2		
Сер.гл. Кувшин	-	-	2	-		
Рыбное блюдо	-	-	-	1		
Лепные Горшки	68	6	2	-		
Кувшины	-	1	-	-		

Кроме того, найдены: 2 фрагмента боспорских коньковых калиптеров; ручка синопской амфоры с частью клейма (2006, п/о 146) и ручка синопской амфоры с клеймом 5 группы, по Коновичи [Conovici, 1998, p.48], датирующимся 257-190 гг. до н.э. (2006, п/о 162). В слое также найдены фрагмент ножки и шляпка бронзовых гвоздей, 5 фрагментированных бронзовых гвоздей; 2 фрагмента бронзовых фибул фрагмент лезвия железного ножа; стенка светлого стекла и 2 стенки зеленого стекла.

Из датирующих слой находок отметим также дихалк Пантикапея* II в. до н.э. (табл. 2006, п/о 141) и нереставрированную монету диаметром 2 см (табл. 2006, п/о 142). IV в. до н.э. датируется фрагмент красноглиняного открытого светильника (табл. 2006, п/о 149). Венчик лепного кувшина с ямочным орнаментом (табл. 2006, п/о 157) датируется V-III вв. до н.э. [Кастанаян, 1981, с. 55].

Остеологические материалы слоя немногочисленны и представлены всего 15 костями животных, среди которых определены 2 кости козы и кость свиньи.

Всего в этой части слоя найдено 1298 предметов. Среди них абсолютно преобладают фрагменты амфор (89,7%); на втором месте – фрагменты столовой посуды (7,7%), среди которой преобладают фрагменты лепных сосудов (78%); на третьем месте – остеологический материал, составляющий 1,1% от общего числа находок. По хронологии ведущее место занимают материалы IV в. до н.э. Находки позднеэллинистического и римского времени единичны. Это свидетельствует о том, что самый ранний культурный слой в этой части зольника сформировался в конце V – начале IV вв. до н.э., а позднее, в начале IV в. н.э. слои позднеэллинистического и раннеримского времени были снивелированы в процессе строительных работ в этом районе. Особо отметим, что наличие зольных включений и состав находок в слое, характерные для зольника в целом, прослеживаются лишь в западной половине квадрата. Это дает основание предполагать, что восточная граница зольника как культового центра Китея проходила в районе квадрата 17. Это подтверждается и материалом ям на квадрате.

После зачистки квадрата по уровню материка выявились три пятна ям 48,49 и 50. (рис. 28).

Яма 48 расположена в северо-восточной части квадрата и почти примыкает к попу кладки 46. Расстояние от попа под кладкой 46 – 0, 75 м. Диаметр ее 1,75м. Глубина – 80 см. Яма имеет цилиндрическую форму с отвесными вертикальными стенками (рис. 29). Верхний слой ее заполнения составляет серый золистый грунт с включениями створок раковин мидий, мелкого бута и фрагментов керамики. Среди находок 2 фрагмента боспорских соленов; 37 стенок, 3 ручки и ножка красноглиняных амфор. Ножка принадлежит амфоре самой распространенной в Северном Причерноморье группы узкогорлых амфор, принадлежащей к типу D, по Д.Б. Шелову [Шелов, с. 17, рис. 7] (З., XXXVII,91а). По его мнению, они датируются первой половиной III в. н.э. Кроме того, здесь

* Анохин, 1986. № 146. Н.А. Фролова датирует ее концом II в. до н.э.

найдены 2 небольших фрагмента донец на кольцевых поддонах неопределенных краснолаковых сосудов, 2 донца красноглиняных кувшинов на кольцевых поддонах и 1 плоское донце кувшина; стенка и венчик лепного горшка. Есть также несколько мелких фрагментов костей животных и рыб.

В следующем штыке грунт темно-серый с золой створками мидий и фрагментами керамики. Среди находок 53 стенки, венчик и 2 ручки красноглиняных амфор 53; венчик и одна из ручек принадлежат амфорам типа В, по Д.Б. Шелову [Шелов, с. 17, рис. 5] (З., XXVIII,64а), датирующимся I в. н.э. Кроме того, в слое второго штыка найдены ручка красноглиняной тарелки и донце кубка на кольцевом поддоне, а также 4 кости животных.

Наиболее насыщен находками нижний слой ямы (третий штык и зачистка). Грунт здесь более плотный, но по цвету и характеру включений такой же, как и во втором штыке. Среди находок 51 стенка и 3 венчика красноглиняных амфор. Один из венчиков также принадлежит амфоре типа В. Два других остались неопределенными. Среди фрагментов посуды венчик чернолаковой чаши, фрагменты краснолаковой (38 стенок, 2 венчика тарелок и донце небольшой чашечки с граффити (п/о 187), красноглиняной (2 ручки и 3 донца кувшинов) и лепной (2 стенки горшков) посуды.

Кроме того, в слое найдены: фрагмент венчика кубка светлого прозрачного стекла [Молев, 2004], фрагмент бронзового браслета в северо-западной части ямы (п/о 188), 2 монеты (1 у северной стенки ямы, другая в центре) (п/о 189 – Ан. 320 (Ассарий Аспурга 37 г.) и п/о 190 – неопределенная), фрагмент ткацкого грузила (глина темно коричневая с черными включениями) и 11 костей животных. Дно ямы – зеленовато-желтая материковая глина. Судя по находкам, яма была предназначена для сброса бытового мусора, была сооружена в I в. н.э. и использовалась до середины III в. н.э.

Яма 49 (рис.30) расположена у самого края кладок 44 и 47 и частично уходит под них. Яма имеет неправильную форму, слегка вытянутую с севера на юг. Глубина ее 74 см. Размеры по длине и ширине устья 2, 6 х 2,1 м. Грунт в первом штыке темно-коричневый, с сероватым оттенком из-за включений золы; есть включения мелкого бута и отдельных комков глины. Находок довольно много. Среди них 172 стенки, 2 венчика, 3 ручки и 2 ножки амфор. Венчики принадлежат амфорам Византия (З., XX, 35к) и Менде (XII, 26); из ручек 2 принадлежат амфорам Менде (З., XI,24е и XII, 26), одна неопределенная. Обе ножки амфор принадлежат Синопе (п/о 178,179 – З., XIII,28). Все фрагменты амфор датируются IV в. до н.э. Кроме того, в слое первого штыка найдены плоское донце чернолакового лекифа того же времени, 23 стенки и 2 орнаментированных в виде зубчиков венчика лепных горшков, пряслице, выполненное из стенки синопской амфоры (п/о 182), ножка-подставка красноглиняного светильника (п/о 185), целый бронзовый гвоздь и фрагмент бронзового гвоздя.

В следующем, втором штыке грунт в яме становится темно-серым. Яма книзу несколько сужается, и количество материала в ней сокращается. Всего

найдено: 106 стенок, 1 венчик, 4 ручки и 1 ножка красноглиняных амфор. Венчик и 1 из ручек принадлежат амфорам Гераклеи, 3 ручки – амфорам Хиоса, ножка (п/о 181) амфоре Синопы. Фрагменты посуды представлены пятью небольшими фрагментами стенок чернолаковых сосудов, фрагментом донца краснолакового кубка и восемью стенками лепных горшков. Кроме того, найдена маленькая челюсть грызуна.

В третьем штыке грунт темно-серый с включениями известняковой крошки и золы. По краям ямы желтая глина. Находок стало еще меньше. Всего найдено: 5 небольших фрагментов стенок и донце с частью венчика чернолакового килика; 82 стенки, 4 ручки и 2 ножки амфор. Из ручек две принадлежат амфорам Синопы, одна – Хиосу и 1 неопределенного центра. Одна из ножек амфор принадлежит амфоре Гераклеи (2006, п/о 180 – З., XXII,43), другая (2006, п/о 184) боспорской амфоре, наиболее близкой аналогией которой по форме и составу глины являются амфоры с ручками треугольного сечения (З., XXXII, 76г), датируемой II-III вв. н.э. Как она оказалась в яме, датируемой всем остальным материалом IV-II вв. до н.э., непонятно.

Дно ямы материковая зеленовато-желтая глина. Яма также предназначалась для сброса бытового мусора.

Яма 50 (рис. 31**)** находится в самом юго-западном углу квадрата у края обрыва. Диаметр ее 1,1 м. Глубина – 27 см. Устье ямы частично обложено мелким и средним бутом и кусками печины. Грунт в яме рыхлый, темно-серого цвета с включениями мелкого бута, золы и печины. Дно ямы – материковая зеленовато-желтая глина.

В яме найдены: бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с выступающей втулкой и острыми концами лопастей, образующих шипы (п/о 172)*, маленький бронзовый гвоздь (табл. 2006, п/о 173), монета (табл. 2006, п/о 177) – тетрахалк Пантикапея 294-284 гг. до н.э., по В.А. Анохину [Анохин, 1986, № 125]. Судя по находкам, яма была сооружена в самом начале III в. до н.э. Назначение ее неясно.

Квадрат 16

С целью исследования открытого на квадрате 12 помещения Г у восточного борта квадрата 12 и северного борта квадрата 13 был заложен новый квадрат 16. Размеры квадрата 6,3 х 5 м. Северная его граница доведена до кладки 19 квадрата 10, поскольку сюда заходит развал кладки 12. Поверхность квадрата задернована и имеет заметный уклон к югу и востоку. Сняли дерн, зачистили поверхность квадрата. Грунт темно-серый, комковатый гумус с большим количеством мелкого и среднего бута. В западной половине квадрата продолжается каменный завал из квадрата 12. С основания третьего штыка появились отдельные крупные камни. Среди камней просто огромное ко-

* Такие наконечники А.И. Мелюкова датирует IV-III вв. до н.э. [Мелюкова, 1989. С. 92. Табл. 31.23а].

личество раковин виноградных улиток. В северной части квадрата дерновый слой продолжается до основания 5 штыка, в южной – до основания 3 штыка. На месте каменного завала 12 в основании слоя вырисовались линии кладок со скругленными углами, образующими новое помещение, отделенное от южной кладки помещения «А» неширокой трещиной. В юго-восточной его части открыто несколько хорошо обработанных квадров, образующих дверной проем. Открытое новое помещение получило наименование «Г». Здесь же почти посередине квадрата открылось несколько плоских плит, составляющих как будто линию кладки, идущей с северо-запада на юго-восток (рис. 32). Кладке присвоили № 47.

Находок в слое немного. Они представлены в таблице:

Материал	стенки	венчики	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр. гл. 86 в т.ч. 2 с рифлением		1			
XXIX,69			1			I-II вв. н.э.
XXXIII,76в			1			II-III вв. н.э.
XXXIV,83в		1				II-III вв. н.э.
XXXIX,100б			2			IV в. н.э.
Посуда						
Кр.гл. Кувшины		1	1	2	2	
Тарелки	2					

Кроме того, найдены 2 ножки стеклянных рюмкообразных кубков. Одна из них аналогична находкам из Таманского городища, датируемым Н.П. Сорокиной IV-V вв. н.э. [Сорокина, 1963, с. 149, рис. 7, 17]. Находки ножек подобных стеклянных кубков на городище Китея уже встречались в самом верхнем слое [Молев, 2004, с. 409]. Другая также принадлежит к числу находок, уже не раз встречавшихся в Китее [Молев, 2004, с. 418]. Н.П. Сорокина датирует их III в. н.э. [Сорокина, 1962, с. 229, рис. 13,3].

Остеологические находки представлены астрагалом коровы и фрагментом небольшой трубчатой кости животного.

Таким образом, в дерновом слое на квадрате найдено 104 предмета, среди которых абсолютно преобладают фрагменты амфор (88,5%). Датируется материал от I до V вв. н.э. с преобладанием находок III-V вв. н.э. Следующий слой снимали раздельно внутри помещения «Г» и вне его в восточной половине квадрате 16.

Второй слой на квадрате представляет собой светло-серый, комковатый суглинок с включениями большого количества бута, раковин виноградных улиток и керамики. Западнее кладки 47 вплоть до восточной стены помещения «Г» в основании штыка идет слой желтой глины с мелким бутом. Южный край квадрата подходит к кладке северной стены помещения «В» (кладка 39).

В 0,5 м от юго-восточного угла помещения «Г» выявлено 2 вертикальных и 2 горизонтальных плиты, уходящие под линию кладки 39. Возможно, это остатки каменной лестницы, ведущей со двора в подвальное помещение, бывшее в этом районе до строительства помещения «В». Среди находок по-прежнему преобладают фрагменты амфор, многие из них с известковым налетом. Найденные находки представлены в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 498	3	2			
Подр. Гераклее		1			XXIII,47б	IV-III вв. до н.э.
Синопа			1	1	XIV,30б	II-I в. до н.э.
XXVI,61а			2			I в. н.э.
XXVI,62а		1	1			I в. н.э.
XXVII,63б		1				I в. н.э.
XXVIII, 64а			2			I в. н.э.
XXIX,67в		1				I в. н.э.
XXIX,69				2		I-II вв. н.э.
XXIX,70				1		I в. н.э.
XXIX,71				1		I в. н.э.
XXX,72б		1				III в. н.э.
XXXII, 76а		2				II-III вв. н.э.
XXXII,76г		1				II-III вв. н.э.
XXXIII,79б		1	5			II-III вв. н.э.
XXXV,84а			2			III в. н.э.
XXXVI,88			1			III в. н.э.
XXXVII,90а			1		Вн. CV, с. 128	III в. н.э.
XXXVII,91а		1	5			II-III вв. н.э.
XXXVIII,94б			1			II-III вв. н.э.
XXXVIII,96		1	1	1		IV в. н.э.
XXXIX,100б		1	4			IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с под.	донца плоские	крышки
Ч.лак. н/о	1					
Кр.гл. Кувшины			3	2		
Чаши	2	1				
Миски				1		
Большое блюдо				1		
Тарелки	2	4		3		
Сер. гл. Кувшины		1		1		
Лепные Горшки	40	7				

Кроме того, в слое найдены 2 фрагмента позднебоспорских соленов, венчик боспорского лутерия, в юго-восточном углу квадрата костяная игла для плетения сетей (п/о 199) и в северо-западной части квадрата бронзовая монета Фофорса, 285 г. н.э. (табл. 2006, п/о 205).

Всего, таким образом, найден 621 предмет, из которых 547 (88%) составляют фрагменты амфор. На втором месте находки фрагментов посуды, составляющие 11,1% находок. Среди фрагментов посуды преобладают фрагменты лепных сосудов, составляющие (68%). За исключением фрагмента чернолакового сосуда и трех фрагментов эллинистических амфор, весь остальной материал датируется I-IV вв. н.э. Столь значительные расхождения датировки находок связаны, несомненно, с разрушением ранних культурных слоев при строительстве помещения «Г». Преобладают среди датированных находок материалы II-III вв. н.э. Это позволяет предполагать датировку данного слоя самым началом III-IV вв. н.э.

Внутренняя часть помещения «Г» заполнена камнями стен, упавших внутри его. Завал камней очень плотный. Камни в западной части помещения более крупные. Среди камней встречаются и разные по размерам частично или хорошо обработанные блоки. Грунт среди камней завала серый, рыхлый, вдоль линии кладок более плотный, светло-коричневого оттенка. Вероятно, при кладке стен использовалась глина. Среди камней в верхних трех штыках большое количество раковин виноградных улиток.

После выявления всех кладок стен помещения за западной стеной оставили номер 12, южная стена получила номер 51, восточная - № 52 и северная - № 53. В углах кладки 12 прослежен уклон стен внутрь помещения, как в кладке 11 помещения «Б». Скругление стен здесь сделано за счет положенных поперек угла сравнительно длинных каменных плит. В завале дверного проема найдены 3 крупные плоские каменные плиты, возможно, окаймлявшие его и упавшие при разрушении помещения, и 2 фрагментированных антропоморфных изваяния (табл. 2006, п/о 200, 201). Оба памятника использованы явно вторично, о чем свидетельствует их подтеска. Характер подтески позволяет предполагать, что они могли окаймлять дверной проем с двух сторон. Во всяком случае изваяние 2006, п/о 200 обнаружено приставленным к торцу дверного проема справа от входа (рис. 33, у рейки).

Точных аналогий в боспорских находках нашим памятникам нет. Изваяние п/о 200, по классификации Н.В. Молевой, ближе всего к типу 14, варианту б, датируемому III в. до н.э. Изваяние п/о 201 – к типу 7, варианту б, датируемому III-II вв. до н.э. [Молева, 2002, с. 49-50, 56-57]. В западной кладке помещения (№ 12) почти по центру прослеживается оконное отверстие, заложенное впоследствии мелким бутом и глиной. Ширина его около 50 см.

В северо-западном углу на грунте лежит большая плоская плита. В юго-восточном углу открыта врытая в землю амфора. Амфора раздавлена. В основании 5 штыка в центре помещения открылась плоская плита, как будто, для опорного столба.

В 6 штыке грунт внутри помещения более темный, чем прежде, серый с включениями мелкого и среднего бута, глины-белоглазки. В западной части пласт суглинка, смешанного с золой и толченым ракушечником. Здесь находился пол помещения последнего периода его существования. Число находок в этом штыке самое значительное. Среди них преобладают фрагменты амфор, причем абсолютное большинство из них относятся к типу З., XXXVIII, 96. К этому типу относится и амфора, врытая в юго-восточном углу помещения. Ее дно находилось уже в следующем слое (в 7 штыке), что позволяет думать о том, что она была врыта неглубоко и потому оказалась раздавленной при гибели помещения. Амфоры из соседнего помещения «А», были врыты до самого горла и потому сохранились целиком. Общее количество материала представлено в таблице:

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 701 Св. гл. 14	1	4			
XXX,72а		1	1	1		III в. н.э.
XXX,72г			1			III в. н.э.
XXXIV,83а			2			II-III вв. н.э.
XXXVII,90а			4		Вн. CV, с. 128	III в. н.э.
XXXVIII,94а		1	4			II-III вв. н.э.
XXXVIII,94б			1			II-III вв. н.э.
XXXVIII,96		13	9			IV в. н.э.
XXXIX,98б			2			IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с под.	донца плоские	крышки
Кр.гл. н/о	19					
Кувшины		5	3			
Тарелки	1	8				
Лепные Горшки	16		4		1	

Кроме того, в этом штыке найдены: 2 фрагмента боспорских соленов; сильно коррозированная бронзовая пластина размерами 6,5 х 5,5 см (2006, п/о 137); свинцовая скоба длиной 12 см (табл., 2006, п/о 136); целое горло с ручкой позднебоспорской амфоры типа З., XXXVIII,96 - IV в. н.э. (2006, п/о 198).

Стеклянные изделия представлены двумя стенками и венчиком сосуда типа лампады светлого стекла, донцем бальзамария светлого стекла и донцем кубка светлого стекла. Аналогичные находки уже были в Китее [Молев, 2004, с. 417]. Все они датируются временем от II до начала VII вв. н.э.

Остеологический материал представлен 58 костями животных, в числе которых кости свиньи и зуб лошади.

Всего, таким образом, найдено 886 предметов, из которых 86% составляют фрагменты амфор. Второе и третье места по количеству находок делят почти поровну фрагменты посуды и остеологические материалы (соответственно 6,4 и 6,5 %). Среди фрагментов посуды преобладают фрагменты красноглиняной столовой посуды (63%).

Описание кладок. Помещение «Г» образовано кладками 12, 51, 52 и 53. Кладки 12, 52 и 53 двухслойные, постелистые, иррегулярные с облицовкой проема в кладке 52 тесаным камнем. Сложены они преимущественно из бута различных размеров. Начиная с уровня 90 см от основания кладок, в углах помещения сделаны диагональные выступы, которые постепенно выдвигались вперед, образуя в итоге, по-видимому, купольное покрытие помещения (рис. 34). О вероятности такого покрытия свидетельствует и наличие в центре помещения большой плоской плиты, служившей, скорее всего, основанием для опорного столба. По классификации С.Д. Крыжицкого, кладки соответствуют типу 16, датирующемуся первыми веками н.э. [Крыжицкий, 1982, с. 24, рис. 5, 16].

Кладка 51 отличается от остальных кладок помещения. Она однослойная, постелистая, иррегулярная. Это ее отличие, вероятнее всего, связано с тем, что она была пристроена вплотную к кладке 39 помещения «Б», построенного в конце II в. н.э. Таким образом, можно говорить о строительстве помещения «Г» в конце II – самом начале III вв. н.э., может быть, немногим позднее строительства помещения «Б». Глубина залегания фундаментов кладок и уровня пола первого строительного периода помещения по реперу 29.92.

Начиная с 7 штыка, характер грунта изменился. Это уже темно-серый суглинок с довольно большим количеством включений золы и древесных угольков. Среди камней завала преобладает теперь мелкий бут. И хотя большую часть находок по-прежнему составляют крупные фрагменты позднебоспорских амфор, появилось немалое количество более ранних находок. Очевидно, что с этого штыка начинается следующий, более ранний слой и что строительству помещения «Г» предшествовал пожар. Общее количество находок штыка в таблице.

Материал	стенки	венчик	ручки	ножки	тип	дата
Амфоры н/о	Кр.гл. 169					
XXVI,61а			2			I в. н.э.
XXIX,67в		3				I в. н.э.
XXIX,70				1		I в. н.э.
XXXIV,82а			3			II-III вв. н.э.
XXXVIII,96		4	10			IV в. н.э.
Посуда	стенки	венчики	ручки	донца с под.	донца плоские	крышки
Ч.лак. н/о	1					

Кр.гл. Кувшины			2	1		
Тарелки		1				
Лепные Горшки	15	2			2	

Кроме того, найдены: фрагмент донца синопского лутерия, клеймо на ручке родосской амфоры (2006, п/о 191), 2 фрагмента бусины зеленого плотного пастообразного стекла со светлыми и темными полосами (у кл. 12) и часть венчика бронзового сосуда (в юго-восточном углу помещения Г). Представленные находки позволяют датировать новый слой I-II вв. н.э. Но он, вероятнее всего, не связан с помещением и предшествовал времени его создания.

Таким образом, в итоге работ 2004-2006 гг. в Китее открыт комплекс позднеантичных зданий на восточной окраине зольного холма, свидетельствующих о том, что, несмотря на распространение христианства на Боспоре уже с начала IV в. н.э., языческие обряды продолжали существовать и культовый центр города сохранял свое значение вплоть до его гибели в VI в. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. - Киев, 1986
Брашинский И.Б. Греческий импорт на Нижнем Дону. - Л., 1980
Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. - М., 2003
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА, 25. – М., 1952
Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса //МАИЭТ. - Вып.VIII. – Симферополь, 2001.
Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора //МИА, 83, - М., 1960.
Ильяшенко С.М. Надписи группы α|π на позднеантичных амфорах Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. - СПб., 2005.
Кастанаян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. - Л., 1981.
Крыжицкий С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. - Киев, 1982.
Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки навершия //Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1989.
Молев Е.А. Отчет о работах Китейской экспедиции в 1991 г. //Архив ИА НАНУ. № 198/125.
Молев Е.А. Отчет о раскопках городища Китей в 1994 г. //Архив ИА НАНУ. № 125/11.
Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // БИ. - Вып. V. - Симферополь-Керчь, 2004.
Молев Е.В. Отчет о раскопках боспорского города Китея в 1983 г. //Архив ИА НАНУ. № 125/89.
Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. - Н.Новгород, 2002.
Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV-II вв. до н.э. - Саратов, 1989
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. - Саратов, 1999.
Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология, каталог-определитель. - Москва-Саратов, 2003.
Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. - Вып. 156. – М., 1978.
Силантьева Л.Ф. Терракоты Пантикапея // САИ Г1-11. Терракотовые статуэтки. Пантикапей. - М., 1974.

Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тьмутаракани. - М.,1963.
Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии //Художественная культура и археология античного мира. - М., 1976.
Сорокина Н.П. С. Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг. //МИА, 103. – М., 1962.
Фролова Н.А. Монетное дело Боспора.- Ч. II. – М., 1997.
Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология //КСИА. – 1978. – Вып.156.
Conovici N. Les timbres amphoriques 2. Sinope // Histria. - Bucarest, 1998.
Debidour M. En Classant les timbres Thasiens // BCH. - Suppl. XIII.
Hayes J.W. Late Roman pottery. - London, 1972.
Molev E.A. Kyta //Ancient Greek colonies in the Black Sea. Ed. by D.V. Grammenos – E.K. Petropoulos. - Thessaloniki, 2003.

E.A. Molev

GENERAL RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL DIGS OF KYTAIA CITY SITE IN 2004-2006

Summary

In 2004, the expedition of Nizhny Novgorod state University named by N.I.Lobachevsky together with the Kerch Historical and Cultural Reserve recommenced research of the Bosporus city of Kytaia located 40 km to the south from the modern city of Kerch owing to the grant of «Cimmerida» foundation (Moscow). In the period between 2004 and 2006 a new geodetic survey of the city site was made. Excavations on the eastern side of the burn mound in its central part were made. Judging by archaeological resources of the previous years the cult centre of the city was situated here. As a result of the work the complex of late ancient buildings in the eastern outskirts of the burnt mound was discovered. They are evidence of pagan rites being in existence in spite of dissemination of Christianity in the Bosporus since the 4th century AD. It also proves the cult centre of the city was keeping its significance right up to its fall in the 6th century AD.

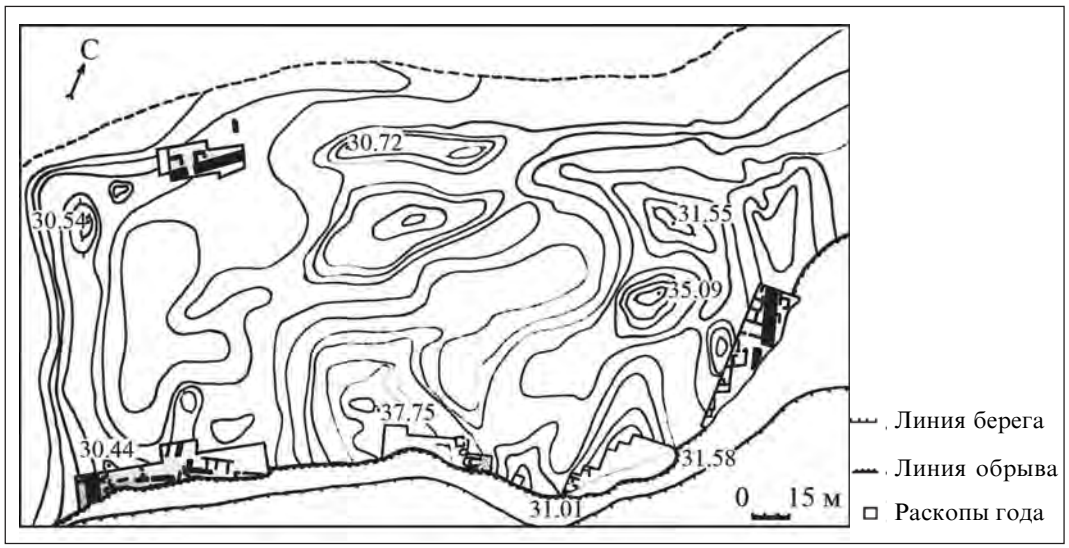


Рис. 1. План городища.

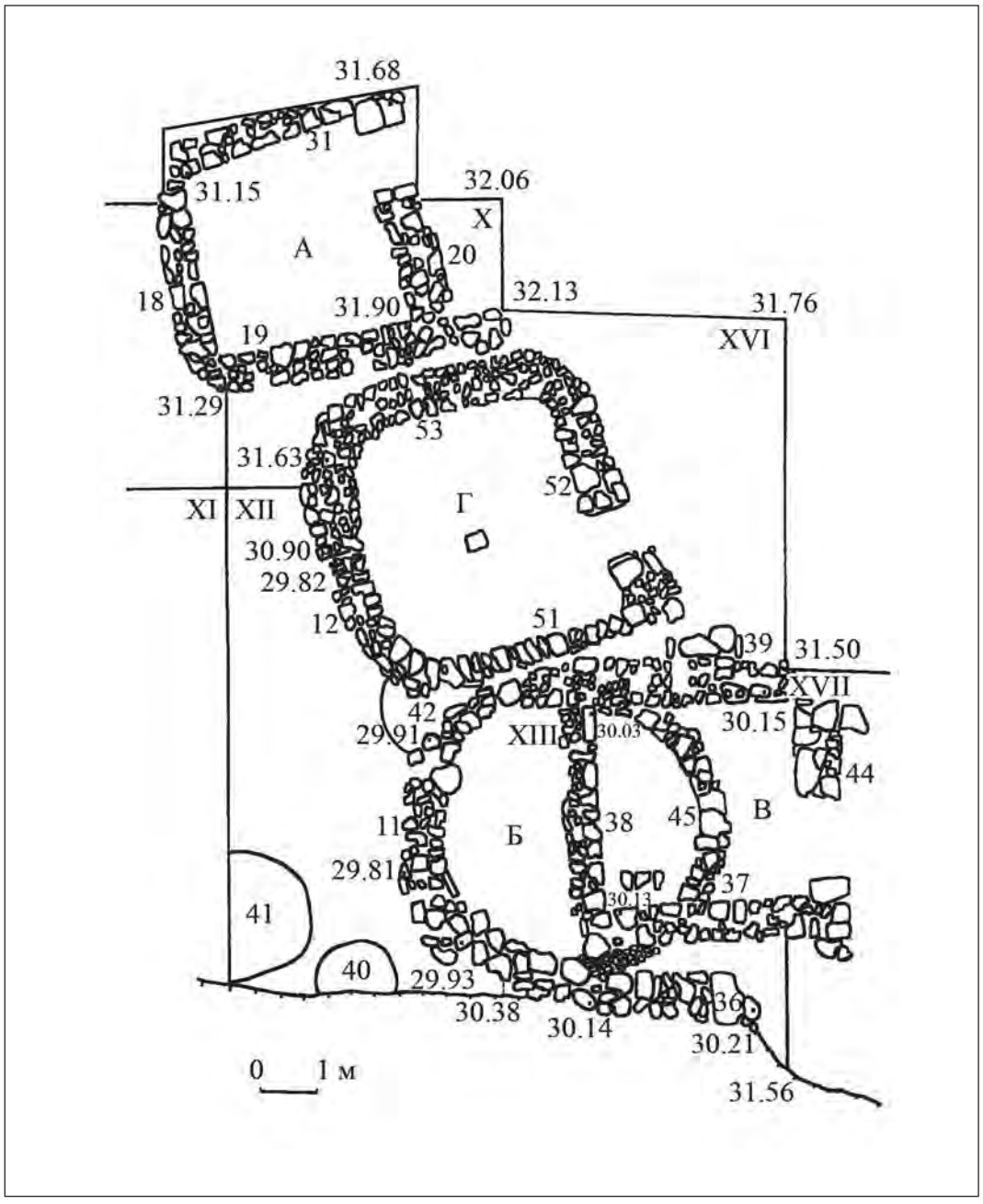


Рис. 2. План помещений «А» - «Г».

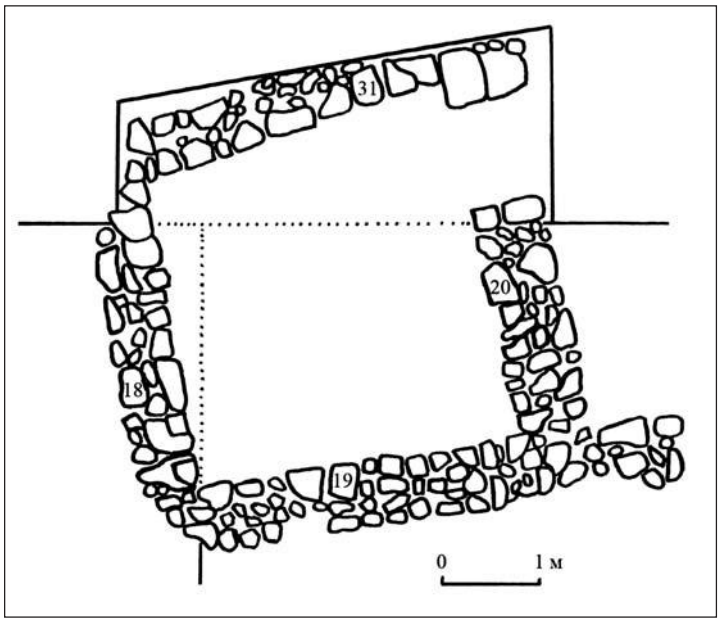


Рис. 3. Помещение «А». План.

Рис. 4. Помещение «А». Кладка 18 с востока.

Рис. 5. Помещение А. Кладка 19 с севера.

Рис. 6. Помещение А. Кладка 20 с запада.

Рис. 7. Помещение А. Кладка 31 с юга.

Рис. 8

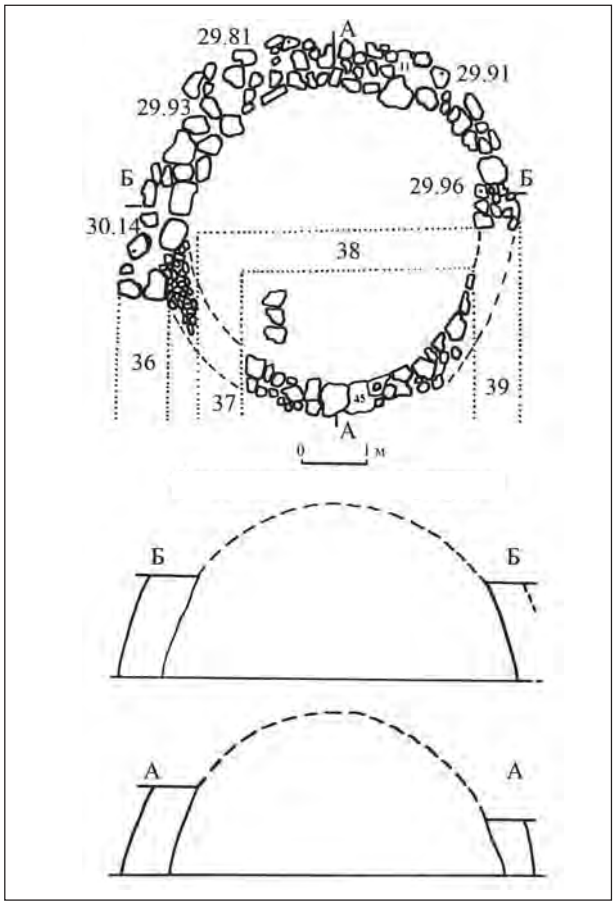


Рис. 9. Помещение Б. План и разрезы.

Рис. 10. Слой пожара в помещении Б.

Рис. 11. Восточная часть помещения Б.

Рис. 12. Дно западной половины помещения Б.

Рис. 13. Внутренний фас кладки 11. Вид с севера.

Рис. 14. Внутренний фас кладки 11. Вид с юга.

Рис. 15. Внутренний фас кладки 45.

Рис. 16. Блоки входа в помещение Б.

Рис. 17. Черепа собак в помещении Б.

Рис. 18. Кости собак и коров в помещении Б.

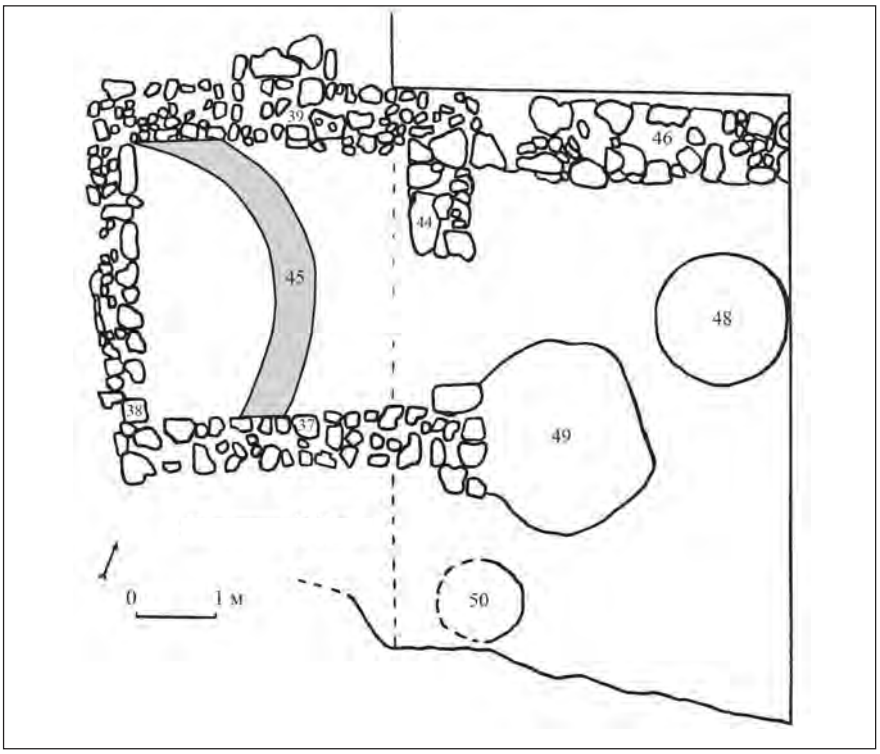


Рис. 19. Помещение В и квадрат 17.

Рис. 20. Кладка 37. Вид с севера.

Рис. 21. Кладка 38. Вид с востока.

Рис. 22. Кладка 38. Вид с запада.

Рис. 23. Кладка 39. Вид с юга.

Рис. 24. Кладка 44. Вид с севера.

Рис. 25. Квадрат 17. Стратиграфия восточного борта.

Рис. 26. Верхняя часть ямы.

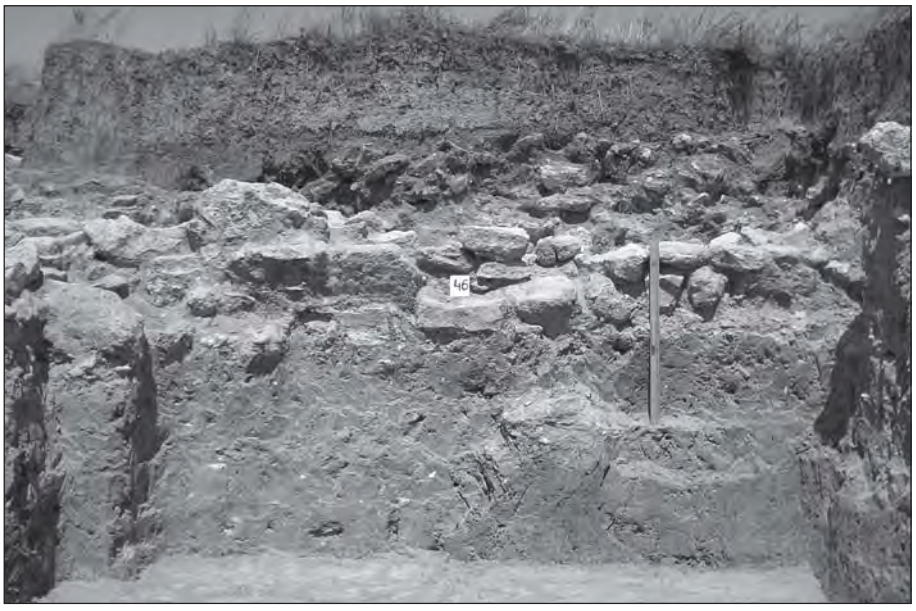


Рис. 27. Северный борт квадрата 17 и южный фас кладки 46.

Рис. 28. Ямы 48, 49 и 50 в квадрате 17.

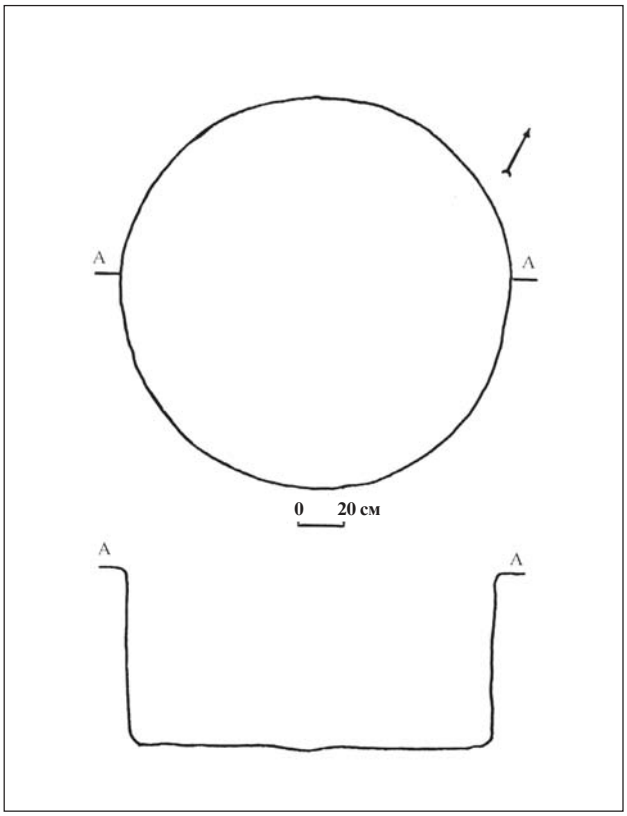


Рис. 29. Яма 48. План и разрез.

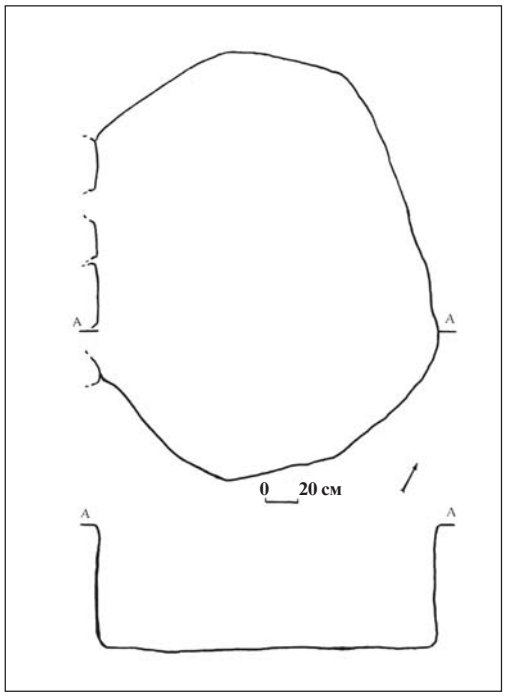


Рис. 30. Яма 49. План и разрез.

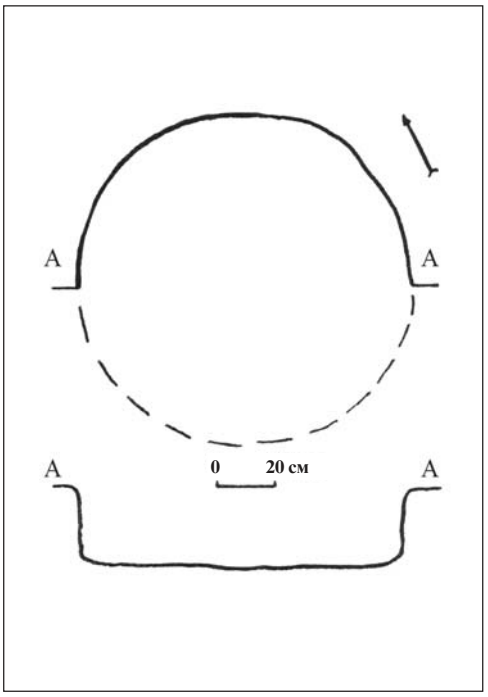


Рис. 31. Яма 50. План и разрезы.

Рис. 32. Северный борт квадрата 16 и кладка 47.

Рис. 33. Помещение «Г» в процессе раскопок.

Рис. 34. Кладка 12 с востока.

Рис. 35. Кладка 12 с запада.

Рис. 36. Кладка 12 с севера.

Рис. 37. Кладка 51 с востока.

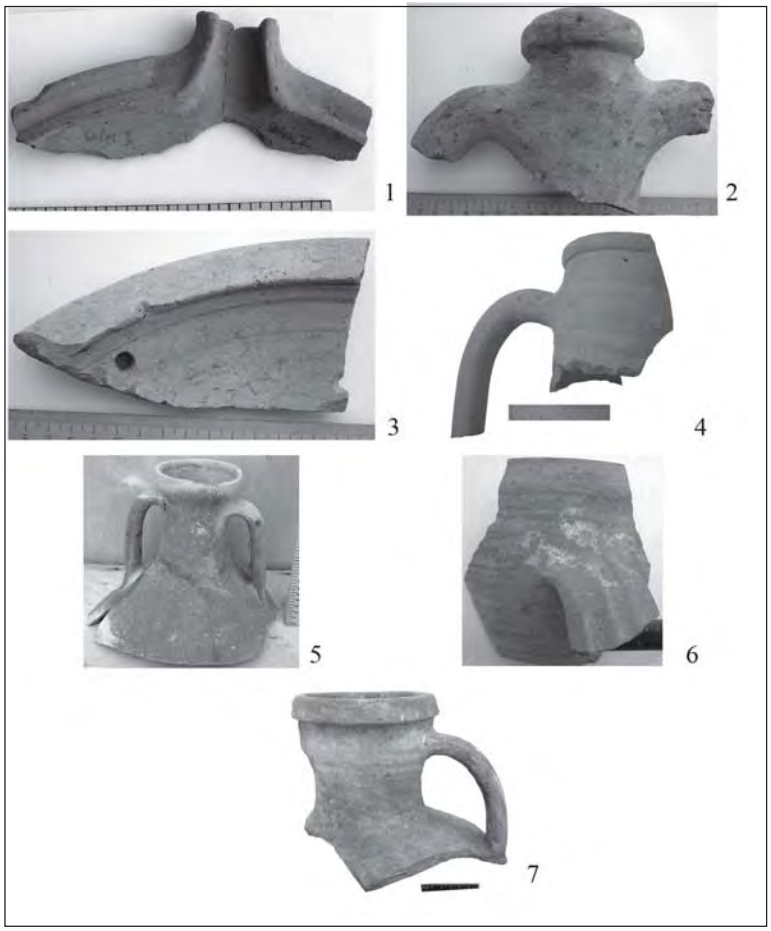
Рис. 38. Кладка 51 с севера.

Рис. 39. Кладка 52 с запада.

Рис. 40. Кладка 53 с юга.

ТАБЛИЦЫ МАТЕРИАЛА

Таблица 1. Толстостенная керамика и фрагменты амфор
(п/о – полевая опись, к/о – коллекционная опись)



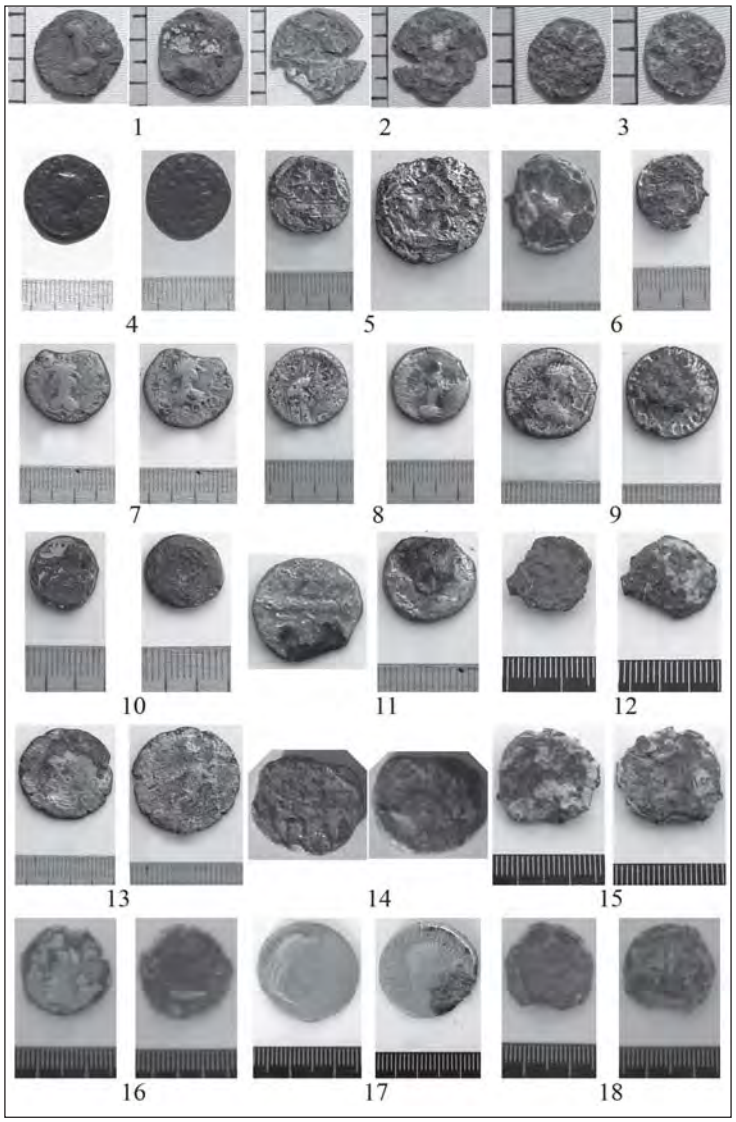
2005

1. Слив боспорского лутерия. П/о № 32. II,12/19. Размеры 17 х 5,9 см.

2006

2. Фрагмент горла амфоры. Тип Е, по Д.Б. Шелову. IV в. П/о № 50. II,13/14. Пом. Б. Размеры 16х10х7 см.
3. Венчик синопского лутерия с отверстием для ремонта. П/о № 53. II,17/9. Размеры 15х7,5х5 см.
4. Горло амфоры круга Хиоса. Глина св.красная с песком и редкими бел. вкл. П/о № 139. II,12/29. Размеры 20х18х11,8. Диаметр горла 11,5 см.
5. Горло амфоры с ручками. Склеено из 5 фрагментов. Глина серо-коричневая, красная в закале, с многочисленными белыми включениями. Тип 3, XXVII, 63в. I-II н.э. П/о № 147. II,12/28. Размеры 28 х 22 см. Диаметр 11,5 см.
6. Венчик фанагорийской амфоры с частью ручки. Тип 3, XXXVI, 88. III-IV вв. П/о № 165. II,10/11. Пом. А. Размеры 16,3 х 16.
7. Горло позднебоспорской амфоры. Тип 3, XXXVIII, 96. П/о № 198. II,10/16. Пом.А. Размеры 26х25х18 см.

Таблица 2. Монеты.



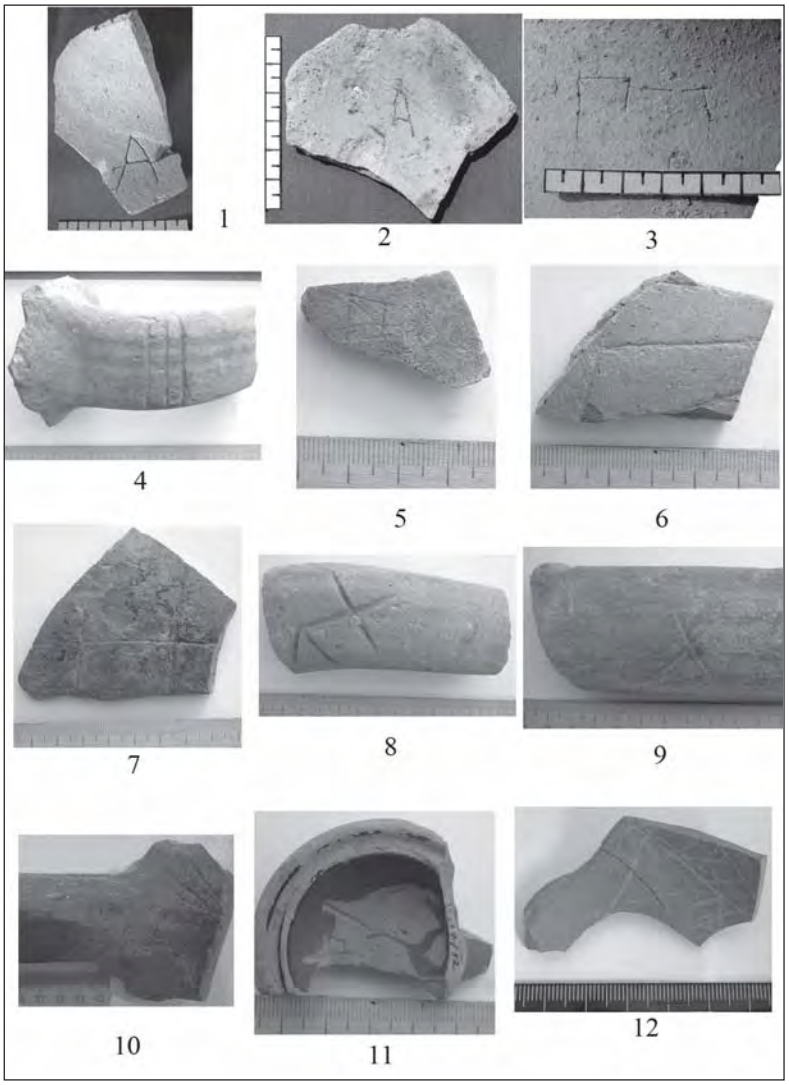
2005

1. Рескупорид VI. Статер. 623 г. б.э. = 326 г. н.э. П/о № 7. К/о № 3. II,12. Под Кл. 12. Медь. D=1,8 см.
2. Пантикапей. Обол. Тип Ан. 133. 275-245 гг. до н.э. П/о № 48. К/о № 20. II,12/18. Медь. D=2 см.
3. Пантикапей. Дихалк. Тип. Ан. 203. 90-80 гг. до н.э. П/о № 49. К/о № 21. Случайная находка на дороге, напротив северных ворот. Медь. D=1,5 см.

2006

4. Рим. Неопределенная. П/о № 1. К/о № 1. II,17/8. Сплав на медной основе. D=1,8 см.
5. Пантикапей. Халк. Надчеканка в виде восьмилучевой звезды. Тип. Ан. 131. 284-275 гг. до н.э. П/о № 12. К/о № 9. II,13/13. Пом. Б. Медь. D=2 см.
6. Пантикапей. Обол. Тип Ан. 133. 275-245 гг. до н. э. П/о № 13. К/о № 10. II,13/14. Пом. Б. Медь. D=1,6 см.
7. Фофорс. Статер. 588 г. б.э. = 291 г. н.э. П/о № 27. К/о № 17. II, 13/14. Пом. Б. Медь. Размеры 2x1,6 см.
8. Рескупорид VI. Статер. Тип Ан. 774. 625 г. б.э.= 328/329 г. н.э. П/о № 83. К/о № 33. II, 13/14. Пом. В. Медь. D=1,9 см.
9. Фофорс. Статер. Определен по тамге F. П/о № 84. К/о № 34. II, 17/11. Медь. D=2 см.
10. Монета неопределенная. П/о № 96. К/о № 36. II,17/11. Медь. D=1,3 см.
11. Монета неопределенная. П/о № 97. К/о № 37. II,17/11. Медь. D=1,6 см.
12. Монета неопределенная. П/о № 114. К/о № 46. II,17/11. Медь. D= 1,5 см.
13. Рескупорид II. Статер. Тип. Ан. 648а. 211-228 гг. н.э. П/о № 140. К/о № 52. II, 17/12. Медь. D=2,4 см.
14. Пантикапей. Дихалк. Тип. Ан. 146. II в. до н.э. П/о № 141. К/о № 53. II,17/14. Медь. D=1,7.
15. Монета неопределенная. П/о № 142. К/о № 54. II,17/13. Медь. D=2 см.
16. Пантикапей. Тетрахалк. Тип Ан. 125. 294-284 гг. до н.э. П/о № 177. К/о № 54. II, 17/16. Яма 50. Медь. D=2,1см.
17. Аспург. Ассарий. Тип Ан. 320. 37 г.н.э. П/о № 189. К/о № 65. II, 17/18. Яма 48. Медь. D=2,3 см.
18. Монета неопределенная. П/о № 190. К/о № 66. II,17/18. Яма 48. Медь. D=2 см.

Таблица 3. Граффити



2005

1. Граффити А на нижней части горла херсонесской амфоры. П/о № 2. II, 12/16. Размеры 10x5,4x0,8 см. Высота буквы 3 см.

2. Граффити в виде косого креста на внутренней стороне донца малоазийской краснолаковой тарелки. П/о № 8. К/о № 4. II,12/16. Размеры 8 x 6,5 см.

3. Граффити А на стенке неопределенной амфоры. П/о № 70. К/о № 30. Размеры 8 x 6,5. Высота буквы 2 см.

2006

4. Ручка амфоры типа мирмекийской с тремя зарубками, сделанными по сырой глине. П/о № 5. К/о № 4. II,13/12. Пом. Б. Склеена из двух фрагментов. Размеры 14x8x5 см.

5. Граффити **N** на стенке светло-глиняной амфоры. П/о № 7. К/о № 5. II,13/12. Пом. В. Размеры 4x2x0,8 см.

6. Фрагмент стенки позднебоспорской амфоры с граффити. П/о № 10. К/о № 7. II,17/9. Размеры 6x3,6x0,8 см.

7. Стенка коричневоглиняной амфоры с граффити. П/о № 21. К/о № 13. II,13/13. Пом. Б. Размеры 8x7,5x 0,8 см.

8. Фрагмент ручки амфоры с граффити по сырой глине. Глина Кирпично-красная с мелкими порами и редкими бел. вкл. П/о № 60. К/о № 25. II, 17/10. Размеры 12x5,5x4,8 см.

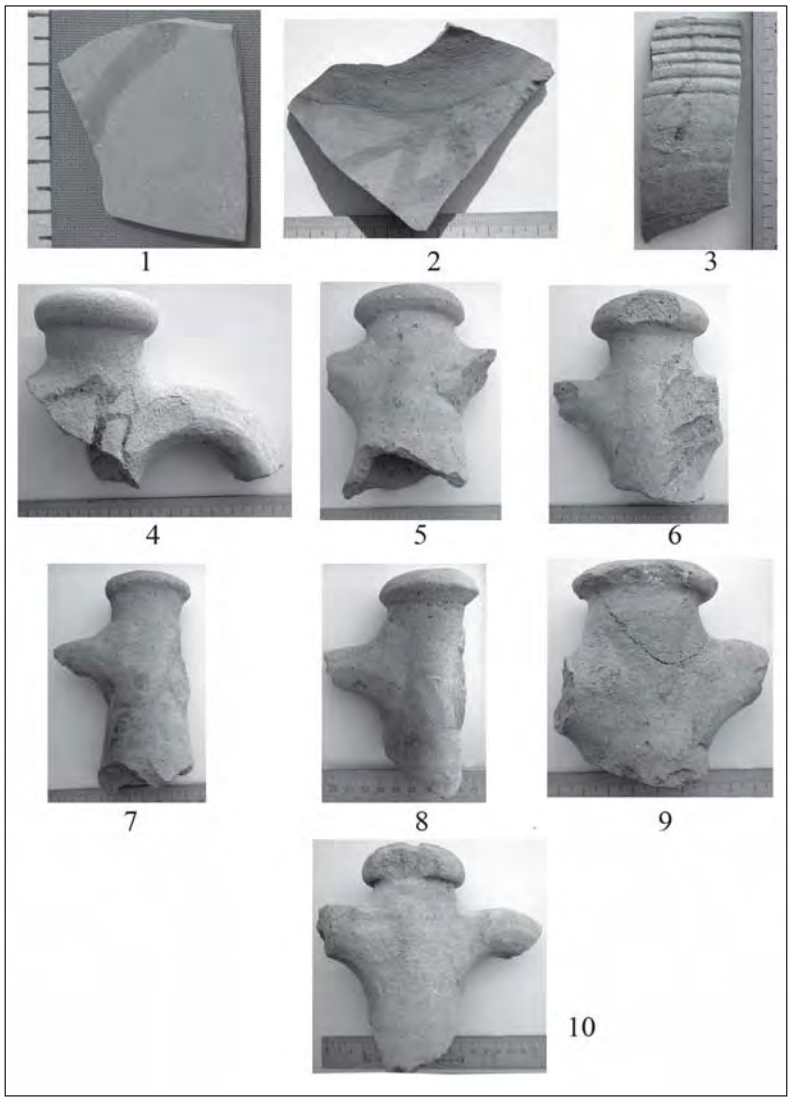
9. Ручка боспорской амфоры со знаком Х. П/о № 102. К/о № 40. II, 17. В Кл. 46. Размеры 16,5x5,5 см.

10. Ручка боспорской амфоры с граффити. П/о № 108. К/о № 41. II, 17. В кл. 46. Размеры 15 x 8 см.

11. Фрагмент донца буро-лакового канфара с граффити: Ι]ΦΙΣΠΟ[… П/о № 110. К/о № 43. II,17/ Размеры 4,5 x 2,5 см.

12. Стенка краснолаковой тарелки с граффити магического содержания. П/о № 187. К/о № 74. II,17/18 Яма 48. Размеры 6 x 3,5 см.

Таблица 4. Дипинти 2005-2006 гг.



1. Фрагмент стенки красноглиняного кружального сосуда с частью дипинто. 2005 г. П/о № 13. К/о № 6. II,13/10. Размеры 5 х 3.

2. Дипинто на изгибе горла хиосской амфоры. 2006 г. П/о № 3. К/о № 3. II,13/12. Пом. Б. Размеры 11х8х0,8 см. IV в. до н.э.

3. Фрагмент стенки светлоглиняной амфоры типа З.,XLI,104 с дипинто. П/о№ 14. К/о № 11. II,13/12. Пом. В. Размеры 10,4х4х0,6 см.

4. Фрагмент горла светлоглиняной амфоры с дипинто. Тип Е, по Д.Б. Шелову. З., XLI,104а с тем же дипинти АП. 2006 г. П/о № 25. К/о № 15. II,17/10. Размеры 12х8х 5,5 см. IV в. н.э.

5. Фрагмент горла светло-глиняной амфоры с дипинто. Тип Е, по Д.Б. Шелову. 2006 г. П/о № 67. К/о № 28. II,17/10. Размеры 14х8,5х7,5 см. IV в. н.э.

6. Фрагмент горла светло-глиняной амфоры с дипинто Δ. Тип тот же. 2006 г. П/о № 68. К/о 29. II,17/10. Размеры 10х8,5х6. IV в. н.э.

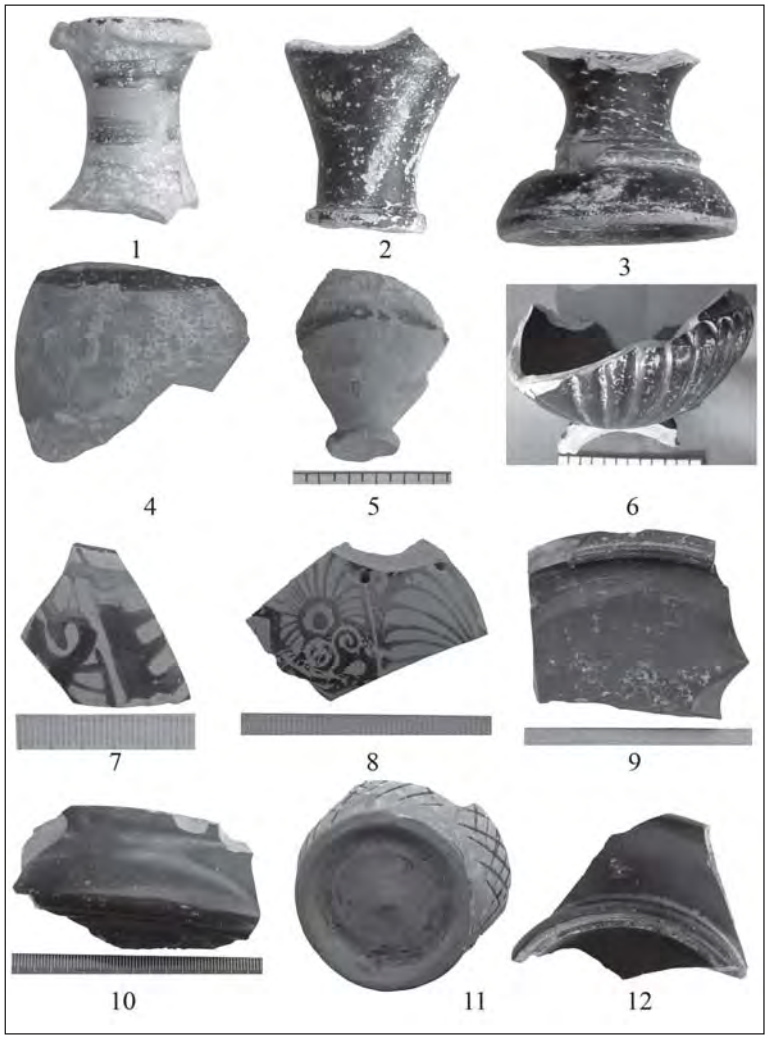
7. Фрагмент горла светло-глиняной амфоры с дипинто. Глина та же. Тип F, по Д.Б. Шелову. 2006 г. П/о № 69. К/о № 30. II,17/10. Размеры 14х6х5,5 см. III-IV вв. н.э.

8. Горло амфоры с дипинто. Тип F. 2006 г. П/о № 89. II,17/11. Размеры 12,5х7,5х5,5 см. III-IV вв. н.э.

9. Фрагмент горла амфоры с дипинто. Тип F. 2006 г. П/о № 103. II, 17/12. Размеры 7,5 х 7 см. III-IV н.э.

10. Горло амфоры с дипинто. Тип тот же. 2006. П/о № 127. II,17/12. Размеры 16х15 см. III-IV вв. н.э.

Таблица 5. Чернолаковая и расписная посуда.



2005

1. Горло чернолакового лекифа. П/о № 9. II,12/16. Размеры 3,7 х 3 см.

2. Ножка чернолакового лекифа. П/о № 29. II,12/19. Размеры 4х3,8х2,5 см.

3. Ножка чернолакового канфара. П/о № 74. II, 12/20. Диаметр 5 см, высота 4, 3 см.

4. Стенка бальзамария с полосой черного лака на тулове. П/о № 75. II,12/ яма 40. Размеры 4,5 х 4 см.

5. Фрагмент донца бальзамария с полосой черного лака на стенке. П/о № 76. Там же. Размеры 6 х 5,5 х 2,5 см.

6. Фрагмент чернолакового канфара. П/о № 84. К/о № 38. Там же. Размеры 9 х 7 х 4,8 см.

2006

7. Фрагмент стенки краснофигурного килика. Глина светлокоричневая, плотная, без видимых включений. П/о № 95. II,13/14. Пом. В. Размеры 3 х 2 см.

8. Стенка краснофигурного килика с двумя отверстиями. Лак густой, прочный. Глина св. серая. Аттика, втор. пол V в. до н.э. П/о № 99. К/о № 72. II,10/16. Пом. А. Размеры 5 х3 см.

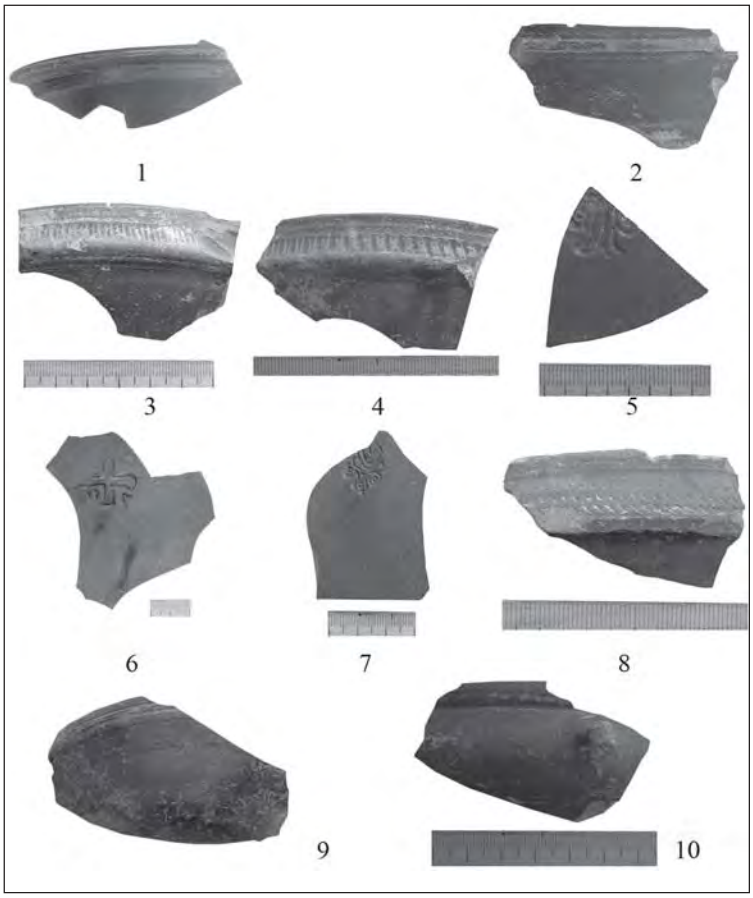
9. Фрагмент донца чернолаковой тарелки. П/о № 101. II,17/12. Размеры 7,5 х 6,5 см.

10. Венчик большого чернолакового канфара. П/о № 159. II,17/15. Размеры 6,5 х 4 см.

11. Донце сетчатого лекифа. П/о № 160. II,17/15. Размеры 5,3 х 2,6 см.

12. Кольцевой поддон чернолаковой тарелки с частью пальметты. П/о № 183. II, 17/16. Яма 49. Размеры 8 х 5,5 см.

Таблица 6. Краснолаковая посуда.



2005

1. Фрагмент венчика красно-лаковой тарелки. П/о № 15. II,13/10. Размеры 9,5 х 3,5 см.
2. Венчик краснолаковой чаши. П/о 40. II,17/1. Размеры 6 х 3,3 см.

2006

3. Венчик краснолаковой тарелки. П/о № 42. II,17/9. Размеры 7х3х2,5 см.
4. Венчик краснолаковой тарелки. Лак слабый с разводами. На внешней стороне вертикальные насечки. П/о № 47. II,17/9. Размеры 6,5х4х2,5 см.
5. Фрагмент донца краснолаковой тарелки с клеймом в виде креста. П/о № 48. II,17/9. Размеры 4,2х3,8х 0,3 см.
6. Фрагмент донца краснолаковой тарелки с клеймом в виде креста (склеен из трех кусочков). П/о № 63. К/о № 71. II,17/10. Размеры 5,5 х 2,8 см.
7. Донце краснолаковой тарелки с частью пальметты. Глина светло-красная с редкими белыми включениями. П/о № 70 К/о № 31. II,13/14. Пом. В. Размеры 6х6х0,7 см.
8. Венчик краснолаковой тарелки с насечками. П/о № 115. II,17/12. Размеры 5 х 3 см.
9. Венчик с частью стенки краснолаковой тарелки. Глина та же. П/о № 71. Размеры 11х8х3 см.
10. Венчик краснолаковой чаши. Глина светло-коричневая, плотная. Лак тусклый, плотный. П/о № 93. II,17/12. Размеры 7х4х3 см.

Таблица 7. Красноглиняная посуда.

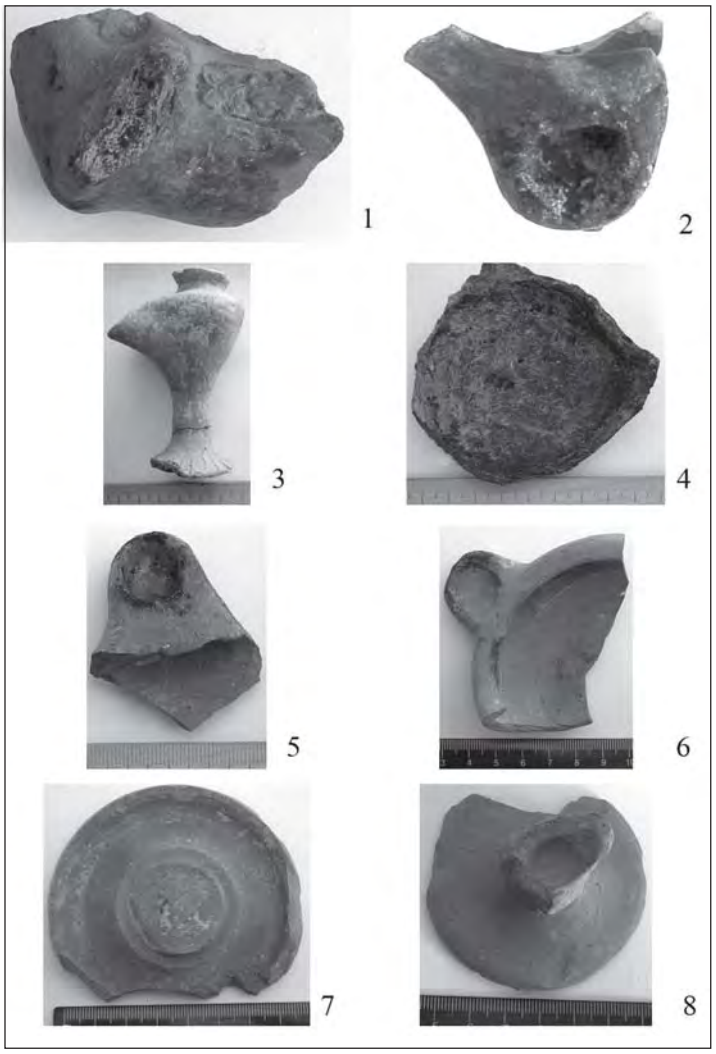
2005

1. Стенка красноглиняного кружального сосуда с врезным орнаментом. П/о № 20. К/о № 12. II, у западного фаса кладки 11. Размеры 3,5 х 2,8 см.
2. Венчик красноглиняной тарелки. П/о № 25. II,13/10. Размеры 10,5 х 6 см.
3. Венчик красноглиняной тарелки. П/о № 33. II,13/12. Размеры 8 х 4 см.
4. Венчик красноглиняной тарелки. П/о № 34. II,13/12. Размеры 7 х 3 см.
5. Дно красноглиняного кувшина. П/о № 46. II,12/18. Размеры 17,5 х 11 см.
6. Венчик красноглиняной тарелки. П/о № 57. II,17/6. Размеры 14,5 х 4,5 см.

2006

7. Фрагмент венчика с частью стенки красноглиняной тарелки с тремя рядами насечек. Глина красная, плотная. П/о № 8. II,17/9. Размеры 11 х 6,3 х 2 см.
8. Фрагмент красноглиняного сосуда с орнаментом из вдавленных линий. П/о № 11. К/о № 8. II,17/9. Размеры 7х4,3х5 см.
9. Венчик красноглиняной тарелки. Глина красная с редкими белыми включениями. П/о № 62. II, 17/10. Размеры 12х4,3х3 см.
10. Донце красноглиняного рыбного блюда. П/о № 72. II,13/15. Пом. В. Размеры 10х10х2см.
11. Крышка красноглиняной кастрюли. П/о № 117. II, 13/18. Пом. В. Размеры 7 х 4,5 см.
12. Фрагмент горла красноглиняного кувшина. П/о № 132. II,12/29. Размеры 4 х 3,5 см.
13. Горло с частью ручки красноглиняного кувшина. П/о № 138. II,12/29. Размеры 11х10,2х8,2 см.
14. Фрагмент бальзамария. Глина бурая с белыми включениями, светлый ангоб. П/о № 154. К/о № 56. II,10/13. Пом. А. Размеры 10 х 4,8 см.
15. Венчик с частью ручки красноглиняного кувшина. П/о № 169. II,10/15. Пом. А Размеры 5,8 х 3,8 см.
16. Ручка с частью стенки красноглиняного кувшина. П/о № 170. II,10/15. Пом. А Размеры 8 х 6,3 см.
17. Фрагмент горла с ручкой красноглиняного кувшина. П/о № 171. II, 10/15. Размеры 14,45х14,2 см. Диаметр горла 6,5 см.

Таблица 8. Светильники.



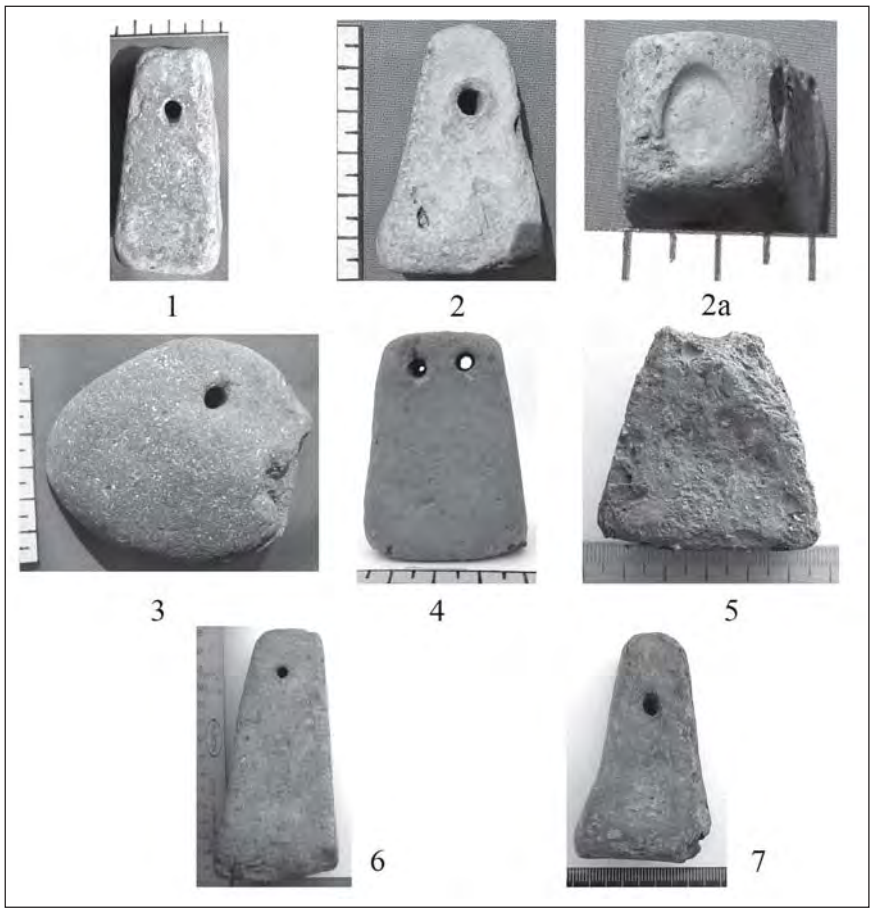
2005

1. Фрагмент красноглиняного светильника. П/о № 53. II,17/5. Размеры 4,6х3,6х3 см.
2. Рожок открытого красноглиняного светильника. П/о № 77. II,12/ яма 40. Размеры 3,8 х3х 1,5 см.

2006

3. Светильник лепной на высокой ножке. П/о № 28. К/о № 18. II,17/9. Размеры 8,5х6х4 см.
4. Фрагмент лепного светильника плошки. П/о № 55. К/о № 22. II,13/14. Пом. Б. Размеры 8,5х7,6х3 см.
5. Носик краснолиняного светильника. П/о № 119. II, 13/18. Пом. В. Размеры 5 х 4 см.
6. Носик с частью венчика красноглиняного светильника. П/о № 149. К/о № 73. II,17/14. Размеры 8 х 6 см.
7. Кольцевой поддон красноглиняного светильника на высокой ножке. П/о № 153. II,10/12. Пом. А. Размеры 8 х 1,6 см. Диаметр 8 см.
8. Ножка красноглиняного светильника. П/о № 185. II,17/16. Яма 49. Размеры 6,3 х 4,4 см. Диаметр 6,3 см.

Таблица 9. Грузила.



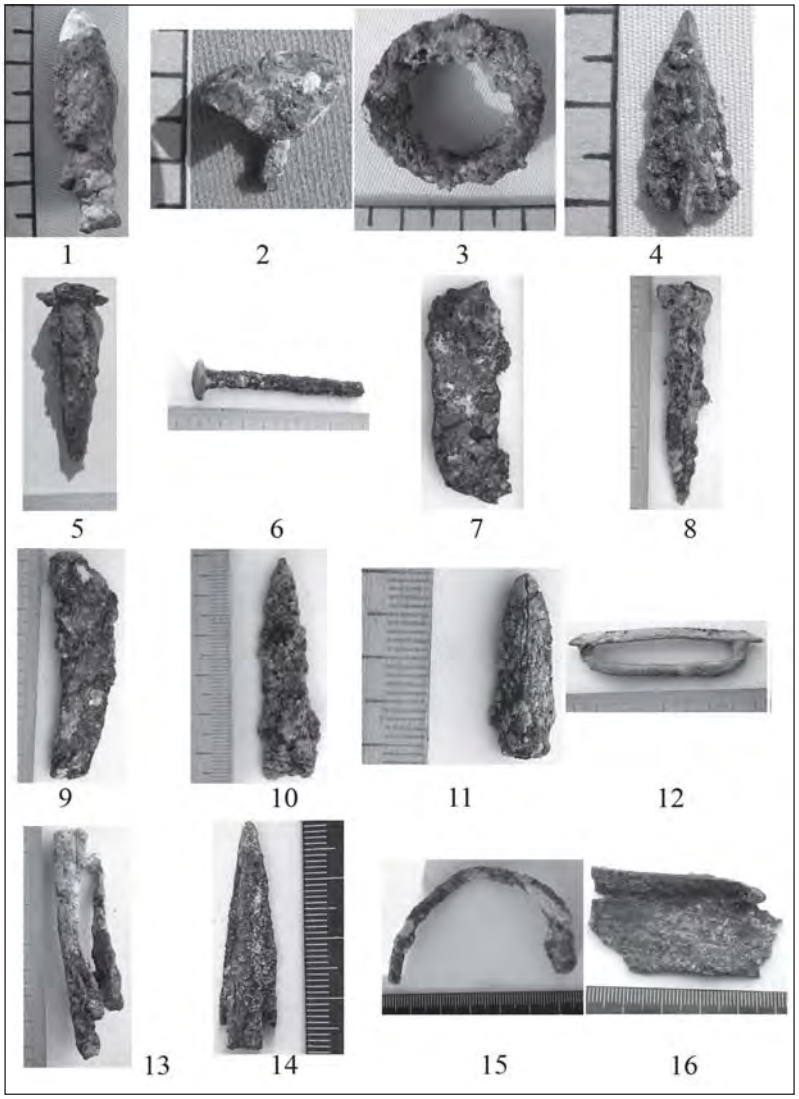
2005

1. Грузило ткацкое, пирамидальное. Нижнее основание прямоугольное, одно сквозное отверстие. На площадке верхнего основания неясный оттиск геммы. П/о № 19. К/о № 11. II,12/17. Материал глина. Размеры 6х3х2,7 см.
2. Грузило ткацкое, пирамидальное. Нижнее основание прямоугольное, одно сквозное отверстие. На верхнем основания оттиск геммы: в овальном поле женская голова вправо. П/о № 30. К/о № 15. II,12/17. Материал глина. Размеры 5,3х2,8х2,8 см.
3. Грузило рыболовное, с одним сквозным отверстием, фрагментированное. П/о № 80. К/о № 36. II, случайная находка. Материал известняк. Размеры 7х3х2 см.
4. Грузило ткацкое, пирамидальное. Нижнее основание прямоугольное, верхнее - овальное; 2 сквозных отверстия. П/о № 90. К/о № 44. II,12/21. Материал глина. Размеры 5,8х4,2х3 см.

2006

5. Фрагмент лепного ткацкого грузила. П/о № 16. К/о № 12. Материал глина. Размеры 4,5х4,4х3,8 см.
6. Грузило ткацкое, пирамидальное. П/о № 74. К/о № 32. II,13/15. Пом. В. Материал глина. Размеры 13,8х6,4х4,6 см.
7. Грузило ткацкое, лепное пирамидальное. П/о № 168. К/о № 59. II,10/15. Пом. А. Материал глина. Размеры 6,5х3,5 см.

Таблица 10. Изделия из металла.



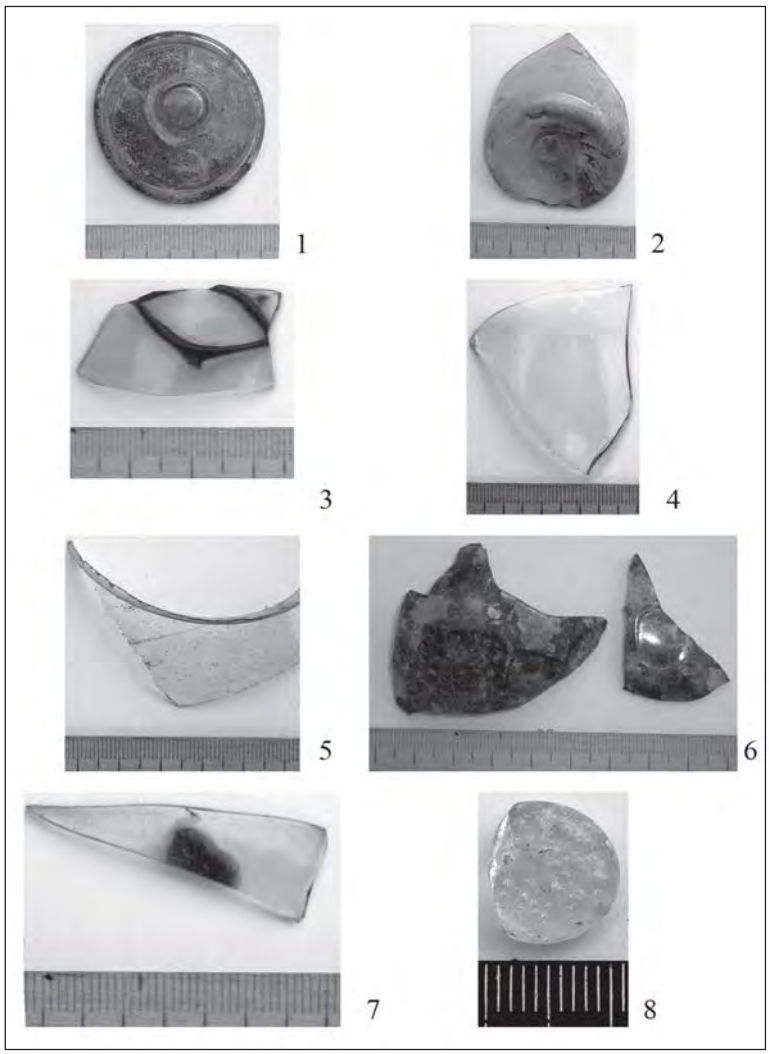
2005

1. Наконечник стрелы двухлопастный, с шипом на длинной выступающей втулке. П/о № 16. К/о № 8. Раскоп II. В осыпи зольника. Размеры 4,0 х 1,1 см. Диаметр втулки 0,8 см. Бронза, литье в разъемной форме, заточка.
2. Фрагмент бронзового гвоздя. П/о № 18. К/о № 10. II,12/17. Размеры 1,5 х 1,5 см. Бронза, ковка.
3. Кольцо железное. П/о № 24. К/о № 13. II,12/18. Размеры 2,7х2,7х1,0 см. Железо, ковка.
4. Трехгранный наконечник стрелы. П/о № 78. К/о № 34. II,12/яма 42. Размеры 2 х0,9х0,5 см. Бронза. литье в разъемной форме, заточка.

2006

5. Гвоздь железный. П/о №2. К/о №2. II,13/12. Пом.В. Железо, ковка. Размеры 7 х 2 см.
6. Гвоздь бронзовый. П/о № 49. К/о № 21. II,7/10. Бронза, ковка. Размеры 7,8 х 1,7 см.
7. Фрагмент железного ножа. П/о № 51. II,17/9. Железо, ковка. Размеры 5,2 х 1,8 см.
8. Железный гвоздь. П/о № 56. К/о № 23. II,13/16. Пом. Б. Железо, ковка. Размеры 11 х 2,6 см.
9. Фрагмент железного ножа. П/о № 59. К/о № 24. II,13/15. Пом. Б. Железо, ковка. Размеры 9 х 2,5 х 1,5 см.
10. Наконечник железного ножа. П/о № 61. К/о № 26. II, 17/10. Железо, ковка. Размеры 5,8 х 1,4 см.
11. Наконечник втульчатой стрелы. П/о № 131. II,12/29. Бронза, литье, заточка. Размеры 2 х 0,7 см.
12. Скрепа стенок амфоры. П/о № 133. К/о № 49. II,10/11. Пом. А. Свинец, литье. Размеры 8,5 х 2,2 см.
13. Пластинка неясного назначения. П/о № 137. К/о № 51. II,12/1. Пом. Г. Медь, ковка. Размеры 7,3 х 5,6 см.
14. Наконечник втульчатой стрелы. П/о № 172. К/о № 60. II,17/16. Яма 50. Бронза, литье. Размеры 4,8 х 0,9 см. Аналогии: Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки навершия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 92. Табл. 31.23а.
15. Фрагмент медного браслета. П/о № 188. II,17/18. Яма 48. Медь, ковка. Диаметр 6 см.
16. Венчик неопределенного сосуда. П/о № 192. II,12/7. Пом. Г. Бронза, ковка. Размеры 5 х 2,5 см.

Таблица 11. Изделия из стекла.



2006

1. Донце кубка. Стекло светло-голубоватое. П/о № 65. II,17/9. Это и все последующие изделия выполнены в технике дутья. Размеры 4 х 1,7 см. Аналогии: Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов из раскопок Китея // Боспорские исследования. Т. V. Симферополь-Керчь, 2004.. Табл. II,1; IV,4; Сорокина Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945-1959 гг. // МИА, 103. 1962. С. 226.

2. Донце стакана. Стекло светлое. П/о № 73. II,13/15. Пом. В. Размеры 4,2 х 4 х 3,2 см. Аналогии: Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов... С. 409, табл. III; Голофаст Л.А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 128.

3. Фрагмент стенки сосуда с полосами синего стекла. Стекло оливково-желтого цвета. П/о № 78. II,17/10. Размеры 3,3 х 1,8 х 0,1 см. Аналогия: Молев Е.А. Фрагменты стеклянных сосудов Табл. I,18; II,15,26; V,4,3; Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 204.

4. Фрагмент стенки неопределенного сосуда с белой полосой. Стекло светлое, голубоватое. П/о № 79. Размеры 5х4,4х 0,1 см.

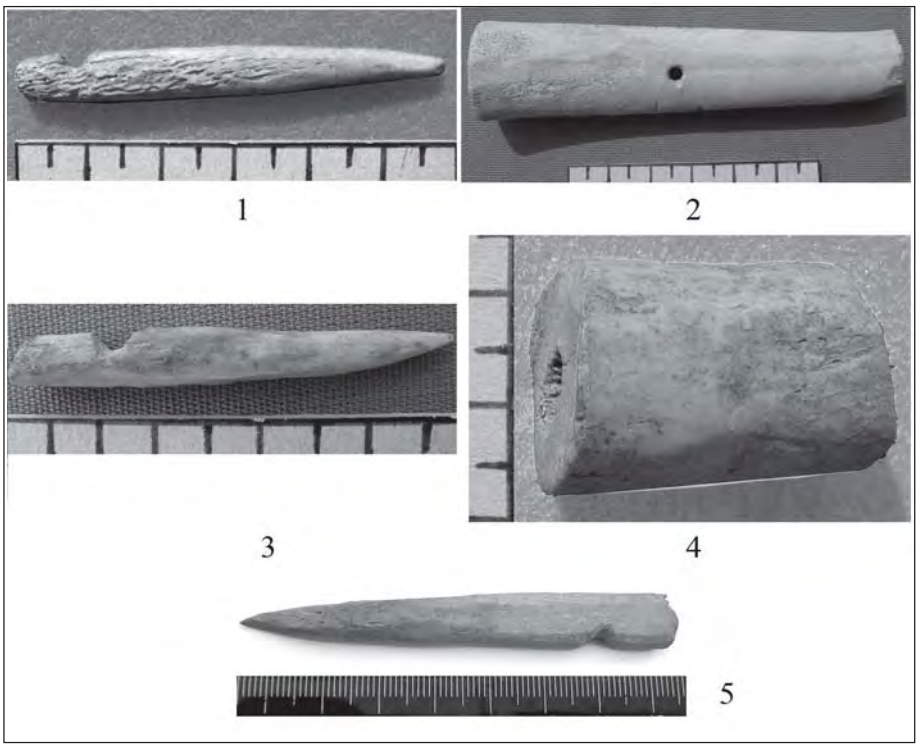
5. Фрагмент венчика кувшина. Светлое с черными точками стекло. П/о № 80. II,17/10. Размеры 6,5х3х0,1см.

6. 2 стенки стеклянного сосуда светло-зеленого стекла с сотовидным орнаментом. П/о № 85. II,13/14. Пом. В. Размеры 5 х 4,2 и 4 х 2,5 см. Аналогии: Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 202-203.

7. Фрагмент стенки кубка с каплей синего стекла. П/о № 94. II,17/12. Размеры 3,8 х 1,3 х 0,1 см. Аналогии: Сорокина Н.П. Позднеантичное стекло из Ольвии. С. 204.

8. Литик стеклянный (вставка в перстень). П/о № 156. К/о № 57. II,10/13. Пом. А.Размеры 1,1 х 1 см.

Таблица 12. Изделия из кости.



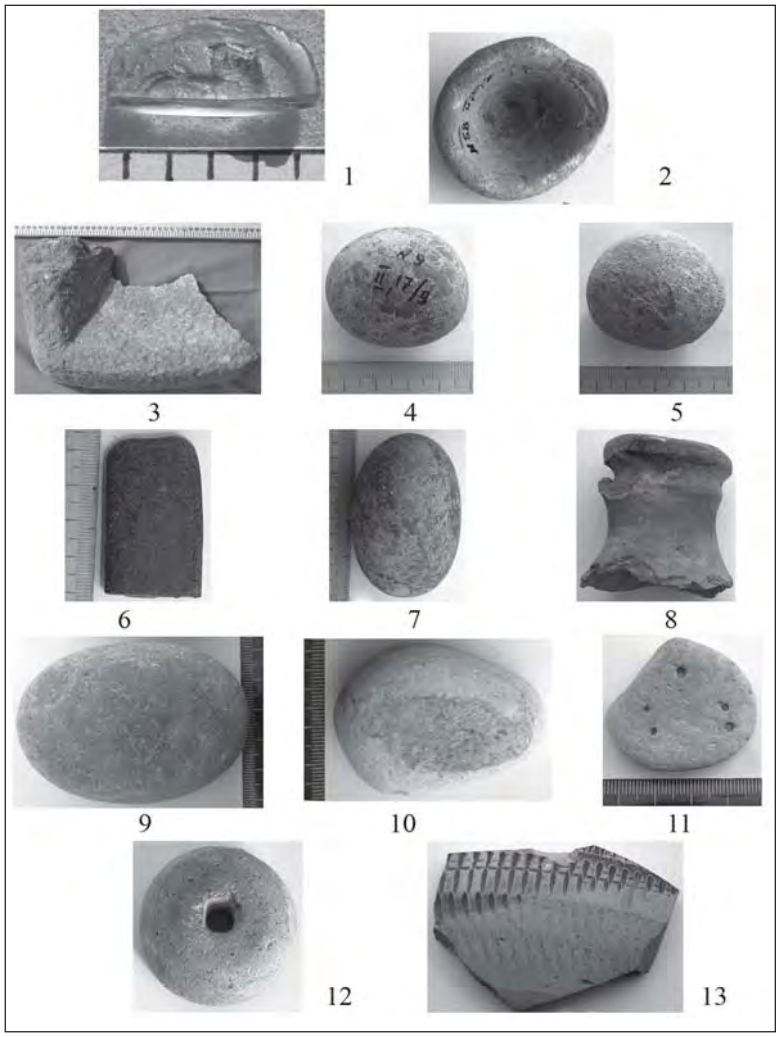
2005

1. Игла с боковой зарубкой у широкого края. П/о № 65. К/о № 26. II,12/ яма 40. Кость, строгание, резьба. Размеры 5,8 х 0,7 см.
2. Костяная заготовка из трубчатой кости с одним отверстием. П/о № 66. К/о № 27. II,12/ яма 40. Кость, пиление, сверление. Размеры 10х1,8х1,5 см.
3. Игла с боковой зарубкой. П/о № 79. К/о № 35. II,12/ яма 40. Кость, строгание. Размеры 4 х0,5х0,4 см.
4. Заготовка костяная из стержня рога. П/о № 81. К/о № 37. II,12/ яма 42. Кость, пиление, сверление. Размеры 3 х 2 см.

2006

5. Игла для плетения сетей. П/о № 199. К/о № 68. II,16/8. Кость, резьба. Размеры 8 х 1,1 см.

Таблица 13. Прочие находки.



2005

1. Инталия темно-зеленого стекла: литик-вставка в перстень. В овальном поле в глубоком контррельефе вырезано изображение: фигура львицы влево, голова обращена к зрителю. П/о № 1. К/о № 1. Раскоп II, в осыпи зольника. Стекло, литье, гравировка. Размеры 2,3х1,0х1,1 см.

2. Солонка (?) из вторично использованной ножки светлоглиняной амфоры. П/о № 58. II,17/7. Глина, круг, обжиг, оббивка. Размеры 5,6 х 3,5 см.

3. Фрагмент верхней плиты каменной зернотерки. Камень крупнозернистый, вулканической породы. П/о № 89. К/о № 43. II,17/3. Размеры 35 х22 х 11 см.

2006

4. Окатанный камень для пращи. П/о № 9. К/о № 6. II,17/9. Галька. Размеры 4,2х3,6х3 см.

5. Галька в виде яйца. П/о № 26. К/о № 16. II,17/10. Галька. Размеры 4,5 х 4 х 3 см.

6. Фрагмент точильного бруска. П/о № 57. К/о № 70. II,13/16. Пом. Б. Галька. Размеры 4,5 х 2,6 х 1,6 см.

7. Галька в виде яйца. П/о № 111. II,17. В кл. 46. Галька. Размеры 5 х 3,2 см.

8. Горлышко сосуда. П/о № 122. II, 13/19. Пом. В. Глина серо-коричневая. Изготовлен на гончарном круге. Размеры 4 х 3,5 см.

9. Яйцевидная галька. П/о № 150. II, 13/19. Пом. В. Галька. Размеры 6,7 х 4,8 см.

10. Аналогичная галька. П/о № 151. Там же. Размеры 5,3 х 3,7 см.

11. Окатанная стенка амфоры с точечными метками на обеих сторонах. П/о № 152. II,10/11. Пом. А. Размеры 4 х 3,5 см.

12. Пряслице плоское. П/о № 182. К/о № 64. II,17/16. Яма 49. Глина, в форме. Диаметр 3 см.

13. Стенка малоазийского сосуда. П/о № 193. II,10/16. Пом.А. Глина, круг, обжиг. Размеры 5,4 х 3,5 см.

В.Н. ЗИНЬКО, А.Н. ШАМРАЙ

ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗВЕДКИ У ГОРЫ ОПУК

Тема локализации археологических памятников, исчезнувших в результате изменения географической среды, неоднократно поднималась на протяжении всего периода развития археологической науки Северного Причерноморья. Но, как показано в работах М. Агбунова [Агбунов, 1984;1987], за этапом выдвижения зачастую взаимоисключающих гипотез должен следовать период практических комплексных поисков самих памятников. Попытки использовать ранее высказанные на эту тему предположения без практического их подтверждения приводят к тому, что, казалось бы, давно прошедшие научные споры повторяются снова и заканчиваются, в лучшем случае, выдвижением новых гипотез, или повторением уже известных. В частности, это касается и такого античного навигационного памятника как корабельная стоянка у берегов европейского Киммерика [Никонов, 1998; Горлов, Поротов, Столярова, 2005; Шамрай, 2008]. Положение вопроса усугубляется тем, что до настоящего времени в научном обороте отсутствуют какие-либо публикации, относящиеся к изучению названной категории памятников в этой части Чёрного моря, на берегу которого некогда располагался античный город. Практически не коснулся этого вопроса в своей объемной монографии и В.К. Голенко [Голенко, 2007]. Объясняется это, отчасти, тем, что данный район черноморской акватории вместе с прибрежной территорией до 90-х гг. прошлого столетия был военно-морским полигоном и, безусловно, являлся закрытым. Но отдельным группам аквалангистов все-таки удавалось побывать в этих местах. С пользой для будущих подводных изысканий мы хотели бы познакомить читателей с некоторыми результатами подводных наблюдений и археологических разведок у горы Опук.

Гора Опук находится на южном берегу Керченского полуострова, на расстоянии 50 км к юго-западу от г. Керчи. Она представляет собой обширное известняковое плато, которое вытянуто вдоль берега на 3 километра и приподнято над уровнем моря на 184 м. Южный склон горы выдвинут широким мысом к югу в сторону моря. Этот мыс носит одноимённое с горой название. На расстоянии 4,8 км от самого мыса к юго-западу расположен остров Элькен-Кая. Собственно остров – это четыре обособленных небольших скальных массива, которые в современной лоции именуются как группа Скал Корабль Камень (рис. 1.1.)

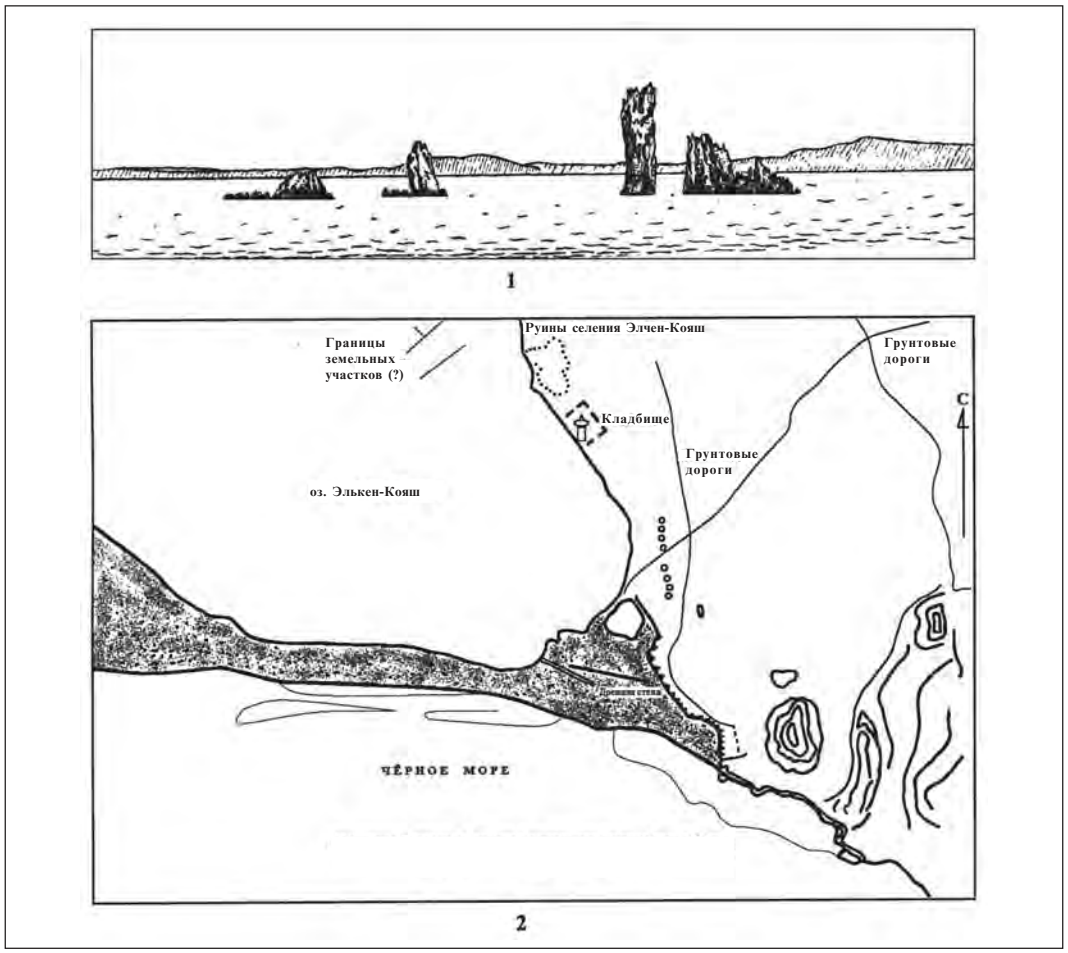


Рис. 1.

1 – Остров Скалы Корабль Камень. Гора Опук. Вид на 345^0. 2 – Контуры береговой линии у западного склона горы Опук (по аэрофотосъемке 1960-х годов)

Подводные краеведческие наблюдения у Скал Корабль Камень. Как уникальные для Чёрного моря природные объекты, одиночные и удалённые от берега скалы, безусловно, опасные для современного и древнего мореходства, всегда привлекали внимание искателей подводных приключений. Первыми аквалангистами, побывавшими у острова Корабль Камень, были сборщики раковин рапаны из группы ялтинца Ю. Данилевского [Случанко, 1977, с. 4]. Из сообщений газеты «Водный транспорт» известно, что группа работала в течение 11- ти лет, с 1966 по 1977 гг. Начав свою деятельность в районе г. Ялты, они год за годом продвигались в сторону г. Керчи. Можно предполагать, что в акватории горы Опук группа побывала в середине семидесятых годов. У острова, с его юго-западной стороны, аквалангисты обнаружили

«кладбище якорей». Среди них были античные (как каменные, так и свинцовые), множество средневековых железных якорей, а также современные якоря. Некоторые элементы древних якорей были подняты с морского дна и затем на протяжении многих лет демонстрировались отдыхающим у дома руководителя группы в г. Ялта.

В 1981 г. одному из авторов данной статьи стало известно о деятельности аквалангистов ленинградского клуба «Поиск» (председатель В. Каштанов), которые на гидрографическом судне воинской части г. Керчи проводили совместные мероприятия с военными гидрографами. Осматривая дно моря в 350 м к югу от скал, на месте установки светящегося буя Эльчан-Коя, они обнаружили поля обломков амфор, конгломератную форму [1] железного якоря (рис.4.1) и свинцовый шток деревянного античного якоря с коробчатой рамой посередине. Вес последнего составлял около 30 кг. Этот предмет был вывезен в г. Ленинград и демонстрировался в музее клуба.

Очередное «проникновение» в запретную зону было осуществлено в 1987 г. группой керченских аквалангистов, которые входили в состав БПАО [2] и занимались исследованиями Акры у села Заветное.

По плану совместных с пограничниками мероприятий, в течение четырёх дней небольшое судно экспедиции СМБ «Искатель» совершало многочасовые переходы к острову у горы Опук, а затем назад, к причалу у села Заветное [3]. Осмотры подводных склонов острова и прилегающих к ним участков морского дна велись в основном по его северной стороне.

В 100 м к востоку от большой скалы - «колонны» на глубине 13 – 14 м обнаружены конгломератные формы двух разнотипных якорей, лежащих рядом. Один из них был дугообразный (рис. 4.2), а другой вилообразный (рис. 4.4). Несколько южней от этой пары якорей, на склоне скалы, где глубина составляет 8 – 10 м, найден якорь тауобразного типа (рис. 4.3). Якорям сопутствовала керамика средневекового времени. В основном это были крупные обломки пифосов - горловины с массивными венцами и вдавлинами по налепному валику (XII – XIII вв.) – всего 4 экз. К тому же времени относилась и одна горловина амфоры с высоко поднятыми над корпусом (дуговидными)

---

[1] Мы придерживаемся мнения, что «Конгломератные формы» – это конфигурации, образованные длительным геохимическим и биологическим воздействием окружающей среды на железные предметы, попавшие на дно моря. В разломах таких форм наблюдается циклическая структура органических и геологических наслоений, сцементированных окислами железа.

[2] БПАО ЛОИА АН СССР - Боспорский подводно-археологический отряд Ленинградского Отделения Института Археологии Академии Наук СССР. Организован в 1982 г. Руководитель К.К. Шилик – геоморфолог, кандидат географических наук, научный сотрудник ЛОИА.

[3] На обратных маршрутах ныряльщики осмотрели подводные рифы к юго-западу от античного городища Китей. У основания одной из приметных подводных скал на глубине 6,5 – 7м найден съёмный свинцовый шток архаического деревянного якоря (см. рис. 3.3) На северо-восточной оконечности рифа обнаружен кованный адмиралтейский якорь парусного судна XVIII в.

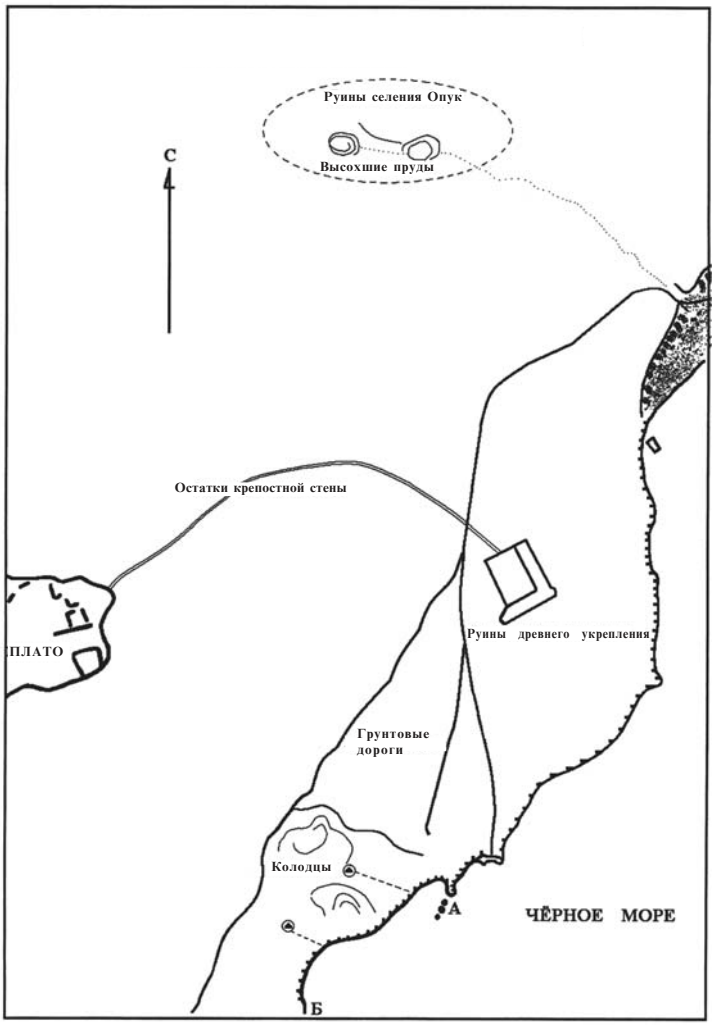


Рис. 2. Контуры береговой линии у восточного склона горы Опук (по аэрофотосъемке 1960-х годов)

ручками. Здесь же были найдены и плоские донья кувшинов узкой вытянутой формы (2 экз.), возможно, салтовского типа (IX – X вв.).

Большое количество железных якорей вилообразного типа открыто на северном склоне острова, в 100 – 120 метрах к северу от крайней северо-западной скалы. Якоря располагались на морском склоне острова среди нагромождений подводных скал полосой с юга на север четырьмя группами.

Первая группа состояла из пары вилообразных якорей, лежащих в разные стороны друг от друга, на глубине 6,5 – 7 м. Один из якорей имел размеры по веретену 1,6 м, по рогам 1,1 м и угол отгиба рогов назад - вниз 110 °. Другой был несколько меньших размеров – 1,2 м на 0,8 м с углом отгиба рогов 120 °.

Вторая группа, условно названная «свалкой якорей», располагалась в 5 – 6 м к северу от первой. В неё входили 15 вилообразных и два тауобразных якоря, они залегали на каменистом дне в пределах небольшой округлой площадки диаметром около 30 м, окружённой со всех сторон скалами, где глубина составляла 7 м . Среди вилообразных якорей имелись два образца размером 1,8 – 1,9 м по веретену и 1 – 1,5 м по рогам, но преобладали якоря небольших габаритов: 1,4 на 0,9 м. Восемь экземпляров якорей данного типа имели угол отгиба рогов 110 °, а семь – 120 °. Один из тауобразных якорей этой группы имел длину веретена 1,8 м и обломанные рога, другой – 1 м по веретену и 0,8 м по рогам. Многие из якорей данной группы лежали на дне парно, один на

другом, а некоторые в сцепленном состоянии. У одной из таких пар, под рогом нижнего якоря отмечен обломок плоскодонной амфоры или кувшина салтовского типа. Других сопутствующих предметов здесь не найдено.

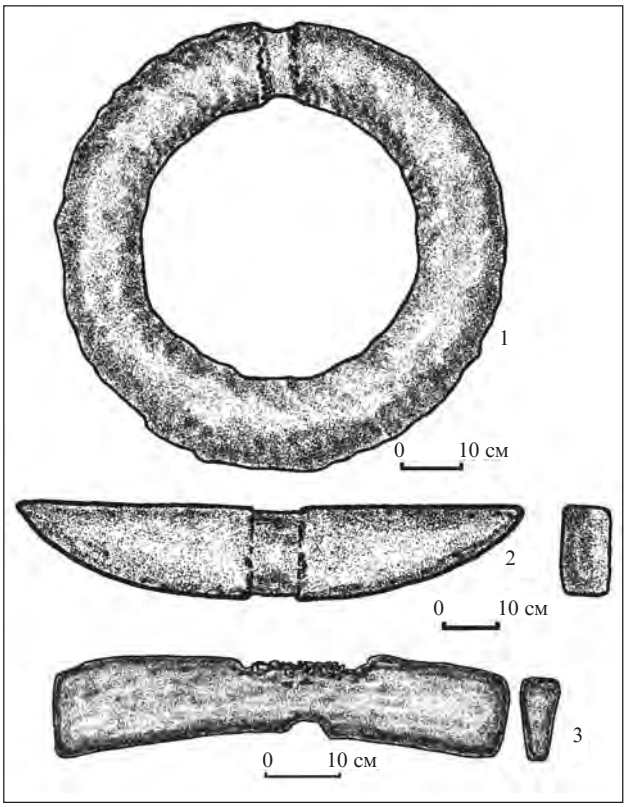


Рис. 3. Каменные якоря.

Третья группа располагалась через скалу в 10 м к северу от второй, на глубине 7 – 7,5 м. Она состояла из 5 вилообразных якорей и одного дугообразного якоря. Два вилообразных якоря данной группы имели размеры 1,5 м на 1 - 1,1 м и отгиб рогов 120 °, остальные якоря были 1,4 м на 0,9 м, два их них имели отгиб рогов 100 °. Дугообразный якорь имел длину веретена 1,9 м, развал рогов 1 м, а высоту отгиба рогов от мышки вверх 0,3 м. На незначительном расстоянии от этой группы к западу по склону скалы обнаружен каменный шток сегментовидной формы от деревянного якоря архаического времени [Gianfrotta, Pomey, 1980, с. 304]. Шток имел длину 0,8 м и наибольшую высоту плеча у центрального прямоугольного перехвата 0,15 м (рис.3.2). Несколько северо-западней от штока у основания скалы найден каменный якорь «кольцо» (рис.3.1). Внешний диаметр якоря около 0,8 м, а внутренний 0,5 м. На якоре имелось заглаженное углубление для крепления каната. Возможно, якоря такой формы производились на острове Крит в VIII в. до н.э. [Schmidt, 1982, с.10].

Четвёртая группа, состоящая из пары вилообразных якорей, располагалась в 30 м к северу от предыдущей группы, на глубине 8 м. Оба якоря почти одинаковых размеров – 1,4 м по веретену и 0,8 – 0,9 м по рогам, с отгибом последних на 110 °.

Подводные осмотры западного склона острова по азимуту 210 ° от крайней западной скалы позволили выявить ещё два вилообразных железных якоря, залегавших на глубине 14 м, и два тауобразных якоря. Последние находились неподалёку от предыдущей пары - один из них в 8 м к югу, другой у северного основания скалы на глубине 15 м. Конгломератная форма первого

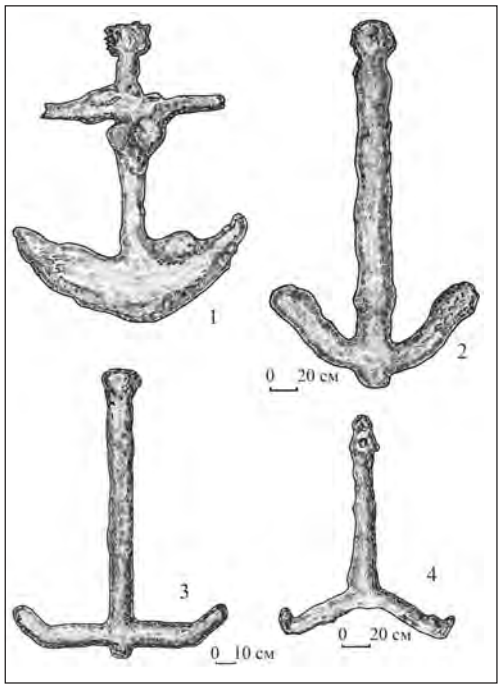


Рис. 4. Металлические якоря.

якоря была сцементирована с подстилающим песчано-каменистым грунтом. Второй залегал в плоскости рогов в расщелине скалы.

Всего по северной акватории острова в 1987 г. был обнаружен 31 железный якорь[4]. Среди них два якоря с дугообразными рогами, которые можно предварительно[5] датировать I – II вв. н.э. [Kapitan,1984: P. 43. Fig. 8B]. Пять тауобразных якорей относятся к римско-византийскому периоду раннего средневековья - IV – VII вв. [Jonchtray, 1977: 7f.; Wachsmann, Raveh, 1980: 260f.; van Doorninck, 1982: 121 – 140]. Якоря вилообразной формы находили применение в византийско-арабский период средневековья - VIII – XII вв. [van Doorninck, 1982: 9f; Kazianes,1990: Fig. 9a].

Совокупность обнаруженных под водой материалов показывает, что с северной стороны острова существовали древние корабельные (якорные) стоянки. В доколониальное время и архаический период освоения берегов Боспора здесь бросали якоря небольшие суда только в редких случаях. Такой же, очевидно, была посещаемость этого места и в римско-византийский период времени. Картина совершенно изменилась в византийско-арабский период средневековья, это место по каким-то причинам[6] стало привлекать мореплавателей. «Роза ветров», определивших положения якорей на грунте, свидетельствует о том, что 40% из них оставлены на дне при воздействии ветров юго-западных румбов, 30% - юго-восточных, 20% - северо-западных и всего 10% - северо-восточных. На

[4] Все археологические предметы без нарушения их первоначального положения оставлены на месте.

[5] Предварительность датировки обусловлена тем, что якоря подобной формы применялись в течение длительного времени, вплоть до господства в Средиземноморье италийских республик. Поэтому для точной датировки якорей этого типа необходимо детальное их изучение.

[6] Причиной этому могли служить сами формы железных якорей, которыми в то время было оснащено большинство плававших здесь небольших судов. По нашему убеждению, тауобразные и вилообразные якоря были созданы специально для стоянок на каменистых грунтах Восточного Средиземноморья, поэтому выбор места стоянки у скалистого острова был оптимальным. Главными критериями в этом выборе, очевидно, были надёжность постановки на якорь и удобная стартовая позиция при появлении ветра нужного направления.

основании этих показателей можно предположить, что в период средневековья с северной стороны острова функционировала корабельная стоянка, предназначенная для ожидания попутных ветров в сторону г. Кархе (Керчи), и в обратном направлении – в сторону г. Каффы (Феодосии). В навигационном отношении это мог быть географический ориентир, где парусные суда меняли направление курса.

Как было показано выше, краеведческие источники свидетельствуют о существовании корабельной стоянки и с юго-западной стороны острова, но здесь она, по всей видимости, больше использовалась в античное время. Данную особенность необходимо будет подтвердить или опровергнуть при будущих гидроархеологических исследованиях.

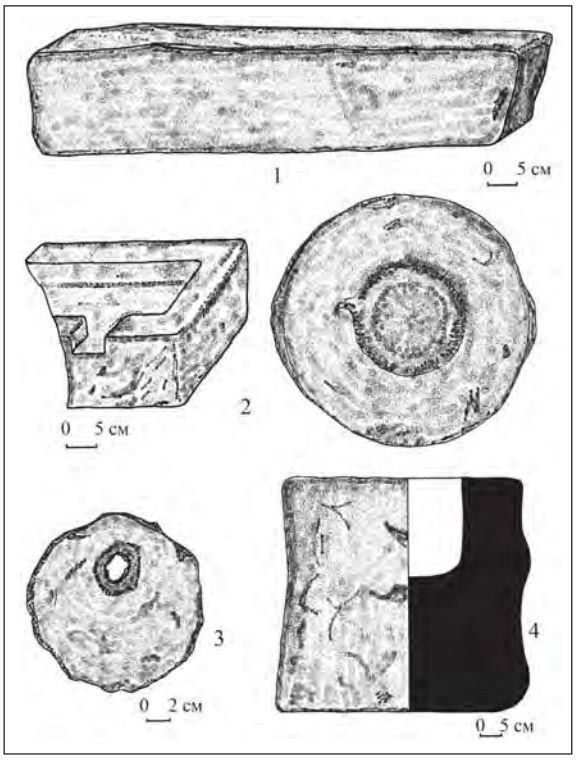


Рис. 5. Находки из камня.

Подводные разведки у юго-западного побережья горы Опук (рис. 1.2). Разведки под водой в акватории моря, непосредственно примыкающей к остаткам городища в юго-западной части горы, проведены в 1991 г. отрядом аквалангистов постоянно действующей комплексной охранной экспедицией КГИКЗ [Зинько, 1991]. Здесь, в полосе глубин от 0 до 4,5 м, наблюдались обширные развалы камней, многие из которых имели прямоугольные формы или носили следы обработки. Кроме того, в этих развалах отмечено множество привозных базальтовых пород, в том числе валуны окатанного и колотого диорита преимущественно зеленоватых оттенков. По изобате глубин в 4 м часто встречались узкие прямоугольные блоки известняка длиной не менее 0,8 м (рис.5.1) и обломки средневековой керамики (рис.6). Там же обнаружены: часть прямоугольного известнякового тарапана (рис.5.2), каменная ступа (рис.5.4), грузило из песчаника (рис. 5.3). Все выявленные признаки и археологические предметы, хотя и дают весьма общее представление о разрушенной части памятника, но, тем не менее, однозначно подтверждают факт такого разрушения. Можно предполагать, что участок, затопленный морем вместе с частью побережья, закрытого песком косы, когда-то представлял собой нижний прибрежный район Киммерика или средневекового

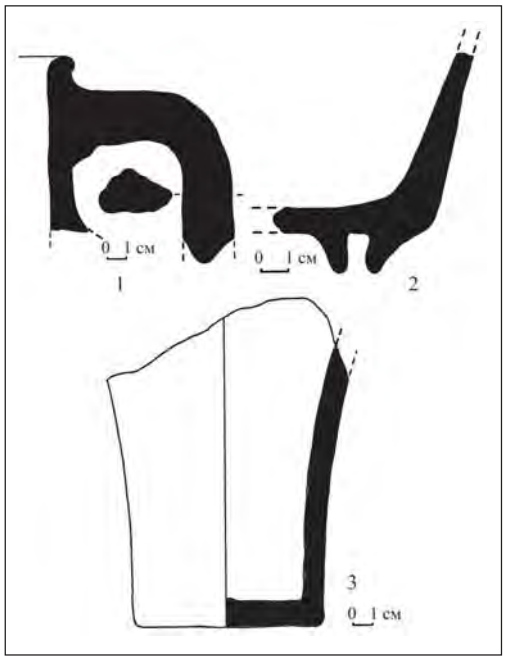


Рис. 6. Керамические находки.

поселения Чепико (см. Венецианскую карту-портолан 1321 г.). Не исключено также, что нижний район города (или поселения) был ещё обширней, о чём, вероятно, свидетельствуют видимые на аэрофотоснимках затемнённые участки морского дна к западу вдоль косы оз. Кояш. Это, очевидно, развалы камней, представляющие собой древние строительные остатки.

Подводные разведки в одной из восточных бухт горы Опук (рис. 2) (бухта А – Б). Как и на предыдущем объекте, разведки проведены тем же отрядом и в том же полевом сезоне. Современная небольшая бухта расположена в северо-восточной части побережья горы Опук, к юго-востоку от центральной цитадели. Бухту с востока прикрывает небольшой мыс. Он имеет продолжение и под водой в виде узкой каменной гряды, которая в южном направлении заканчивается тремя крутыми скалами, стоящими друг за другом. Глубины у основания скал 7 м, на вершинах 1,5 м, 2 м и 0,5 м. В самих скалах, по юго-восточной стороне, на уровне глубин от 4 до 5,5 м отмечаются выбитые волнами глубокие ниши – свидетельство относительно долгого стояния уровня моря на этих «отметках». При более низком уровне моря в разные периоды позднего голоцена, скалы, гряда и берег, очевидно, создавали естественную небольшую мелководную гавань, которая была открыта только юго-западным ветрам. Бухту могли использовать местные жители для лодочной стоянки. В подтверждение этого предположения на дне бухты, где глубины составляли 5,5 – 6 м, найдены небольшие примитивные якорные камни. Они имели уплощённые формы и заглаженные перехваты по середине на гранях для обвязки их канатами (рис. 7). Якорные камни таких форм и веса, вероятно, применялись на лодках местного населения. На берегу самой бухты в галечных наносах отмечались привозные породы базальтов окатанных «яйцевидных» форм, чёрного и зеленоватого оттенков. Функциональное назначение лодочной стоянки, очевидно, было связанно с источниками питьевой воды, которые располагались в устьях небольших балок, выходящих к бухте. От одного из источников к берегу бухты существовала дорога, отдельные участки которой были вымощены известняковым галечником. Следы обустройства дороги видны в срезе берегового обрыва на глубине от 0,5 м до 1,5 м от дневной поверхнос-

ти. Галечная отмостка уложена на линзовидную подсыпку из песка и мелкого щебня с включениями битой керамики. При закладке шурфа на глубину 0,6 м у иссякшего восточного источника были обнаружены обломки сосудов нового, средневекового и античного времени. Наиболее ранним и хорошо датированным фрагментом являлась ручка синопской амфоры с клеймом II в. до н.э. Изложенные выше, весьма общие, результаты наблюдений и разведок у горы Опук показывают, что в прилегающей к горе акватории моря имеются разнообразные типы подводных археологически памятников, изучение которых необходимо продолжить на основе комплексного подхода.

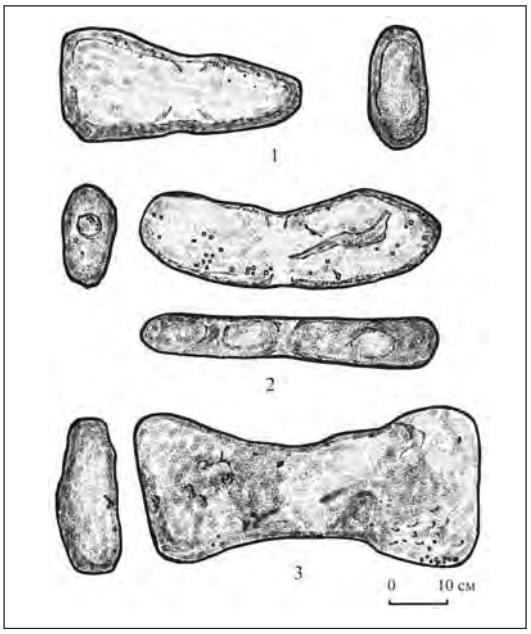


Рис. 7. Примитивные якорные камни.

ЛИТЕРАТУРА

Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского. - М., 1984.
Агбунов М.В. Античная лоция Чёрного моря. - М., 1987.
Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симферополь, 2007.
Горлов Ю.В., Поротов А.В., Столярова Е.В. Формирование системы обороны европейского Киммерика в контексте палеогеографического развития побережья Керченского полуострова в позднем голоцене //Материалы VI боспорских чтений. – Керчь, 2005.
Зинько В.Н. Отчёт о работе комплексной постоянно действующей охранно-археологической экспедиции в 1991 году. - Архив КГИКЗ, Оп.2, Ед. хранения 1075; 1077
Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора (в связи с проблемой изменения уровня моря) //ИПМА. – Вып. 3. - СПб., 1998.
Случанко Б.П. Крымские аквалангисты //Газета «Водный транспорт» от 23 июня 1977 г.
Шамрай А.Н. К вопросу о локализации корабельной стоянки у европейского Киммерика // Материалы IX Боспорских чтений. – Керчь, 2008.
Gianfrotta F.A., Pomey P. Archeologia subacqua. Storia, technice, scopetre e relitti. – Milan, 1980.
Jonchtray J. - P. Wreck from cape Dramont // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration (1977), 6.1

Kapitan G.1984. Ancient anchors – technology and classification // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration (1984), 13.1
Kazianes Et. Al.1990. Three amphora wrecks from the greek world // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. (1990), 19.3
Schmidt G. 1982. Der Schiffsanker im Wandel der Zeiten. VEB Hinstorff Verlag.- Rostok, 1982.
van Doorninck, F.H., Jr. An 11th century shipwreck at Serce Liman, Turkey: 1978 – 81. // IJNA. 1982. 11.1
Wachsmann S., Raveh K. Dor/Tantura (Notes and News) // The International Journal of Nautical Archaeology And Underwater Exploration (1980), 9.3

V.N. Zin'ko, A.N. Shamrai

UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL OBSERVATION AND PROSPECTING NEAR OPUK MOUNT

Summary

The topic of localization of archaeological monuments, which have disappeared in the result of environmental change, has been raised repeatedly during the entire period of the north Pontic area archaeological science development. Outskirts of Opuk Mount on the southern coast of the Kerch Peninsula situated 50 km south-west from Kerch are of great interest. The Bosporus city of Cimmeric was situated hear in ancient time. Southern side of the mount turns its wide promontory to the south towards the sea. The promontory is of the same name as the mount. The island El'ken-Kaya is situated at the distance of 4.8 km from the promontory. As a matter of fact, the island represents four solitary rocky massifs. They are called Stone Ship Cliff group. In early 90th the authors held underwater observations not far from the shore line of Cimmeric city site.

The results of archaeological prospecting near Opuk Mount make it clear that there are different types of underwater archaeological monuments in the defined area of water bordering to the mount. Their research must be continued on the basis of complex approach.

Н. И. ВИНОКУРОВ, А.И. ПАВЛОВСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГИДРОСИСТЕМЫ НА ОКРАИНЕ АНТИЧНОГО ГОРОДИЩА ТАСУНОВО (КОШ-КУЮ)[1]

В 2007 г. на поселении Тасуново международной Артезианской археологической экспедицией[2] выполнены топографические GPS-работы[3], снят топографический план городища; в центральной части городища привязаны к современной топографической основе старые оплывшие раскопы и расположенные на них античные строительные остатки; на северной и западной периферии городища с помощью спелестологов из Москвы[4] на длину около

---

[1] В окрестностях современного, в настоящий момент уже наполовину заброшенного, поселка Тасуново были открыты многослойная мезолитическая стоянка Тасуново I [Даниленко, Буров, Храпунов, Петрова, 1994], античное эллинистическое поселение Тасуново II IV-III вв. до н. э, где проводились в 50-х гг. XX столетия небольшие по объему раскопки разведочного характера.

Античное поселение Тасуново рубежа нашей эры- первых веков нашей эры открыто в ходе разведок в 1951 г. [Блаватский, Шелов, 1955, с. 102 и сл., с. 113]. Городище занимает природную возвышенность с довольно крутыми склонами и двумя вершинами (рис. 1-2). Возвышенность была террасирована. С трех сторон ее защищали заболоченные западная и северная балки и глубокое южное понижение. Доступ к городищу возможен только с восточной стороны – по узкому участку горного кряжа, по природе труднодоступному, имевшему значительную высоту над окружающими его более пологими участками. Удачное стратегическое расположение городища позволило первым исследователям назвать его «двойник Илурата» [Блаватский, Шелов, 1955, с. 102 и сл., с. 113; Кругликова И. Т., 1975, с. 6, прим. 8;16, 103]. Раскопки проводились в 50 и 80-х гг. XX века на юго-восточной вершине возвышенности. Здесь, на месте раскопок хорошо заметны два сильно оплывших раскопа общей площадью не более 150-200 кв. м. Меньший раскоп в виде узкой продольной, довольно глубокой траншеи В. Д. Блаватского находился на зольнике, второй (О. Д. Чевелева), больший по размерам, - с руинированными кладками античного времени – на верхней террасе. Городище Тасуново практически не изучено. По всей видимости, имело два основных узла обороны. Толщина культурного слоя не менее – 0,5-2,0 м. В позднеантичное время по склонам возвышенности – в сторону балок – прослежены мощные сбросы зольного грунта, образовавшиеся преимущественно во II-III вв.

Разграбленный северо-восточный грунтовый некрополь городища не исследовался, юго-восточный курганный и грунтовый некрополи (со склепами, высеченными в скале) на протяжении трех лет локальными участками раскапывал сотрудник Керченского музея О. Д. Чевелев.

[2] Работы проводились на основании Открытого листа по форме 1 №118/0864 от 17 апреля 2007 г. и Разрешения Министерства культуры и туризма Украины № 22-223/07 от 30.05.2007 г. на проведение археологических исследований (разведок, раскопок, исследований остатков жизнедеятельности человека под земной поверхностью и под водой).

[3] Топографические работы и GPS-привязку археологических объектов проводили инженер И.Н. Пархалин (Москва) и Д. А. Мызин (Киев). При проведении работ использовались следующие

200 метров исследована подземная водосборная система, действовавшая, как показали раскопки, со значительными перестройками с древности (с первых веков нашей эры?) вплоть до 70-х годов прошлого столетия (рис. 1-11). Она была заилена только на отдельных участках и перестроена на рубеже 19-20 столетий. В районе расположения водосборной системы – на северной и восточной периферии городища – были проведены к. и. н. С.Л. Смекаловым комплексные геофизические исследования: магниторазведка, а также - георадарные исследования с помощью прибора «Лоза-2М», выполненные группой ученых-геофизиков[5] из Института геофизических исследований Одесского отделения Инженерной академии Украины при содействии д. ф.-м. н. П.А. Морозова. В ходе работ удалось выявить заплывшие осадочными напластованиями склоны западной и северной балок, а также установить мощность илистых напластований и глубину залегания зеркала подземных вод.

В восточной части северной балки был расчищен древний (античный?) колодец, действовавший вне гидросистемы, автономно (рис. 1-3). В глубину он достигал около 3,80-3,86 м. В плане имел круглую форму. Внутренний диаметр его устья равнялся 1,26-1,30 м. Горловина выложена обломками квадров неправильной формы со следами подтесов под деревянные балки. Борта колодца выстроены насухо из среднего по размерам, хорошо подобранного бутового камня без применения вяжущего раствора. Начиная от древнего водоносного горизонта до современной поверхности, прослежено 17 вертикальных рядов кладки, сложенной по постелистой однолицевой однослойной схеме. Дном колодца служил выровненный материковый глинисто-песчаный грунт средней плотности. При его расчистке найдены полностью проржавевшие остатки отечественной техники, амуниции и вооружения времени начала Великой Отечественной войны (затворы, колеса, рессоры, запчасти машин, каска, детали стрелкового вооружения)[6]. Колодец от низа до устья заполнял темно-коричневый, иногда черный влажный, липкий глинистый грунт с большим количеством ломаного бутового камня и бытового мусора 40-х годов XX века (с обломками стеклянных бутылок, оцинкованных ведер, кусков кровельного железа, прутьев и проволоки, резины от колес, обуви и т. п.). Находок античного времени, за исключением нескольких амфорных стенок, колодец не содержал. Воды обнаружено не было, так как

профессиональные GPS приёмники: Trimble 4600LS и Trimble R3, управление ими осуществлялось с помощью контроллера Recon с ПО Trimble Digital Fieldbook. Согласно выбранной методике проведения работ, для получения сантиметровой точности один приёмник устанавливался над пунктом с известными координатами, выполнявшим функцию базовой станции, другой – рядом с объектами, положение которых требовалось определить – подвижный приёмник. Обработка измерений проводилась в программном обеспечении Trimble Geomatics Office.

[4] А.И. Павловский, О. С. Точилкина.

[5] В состав группы входили: Л. М. Криницкий, А. А. Пивторак, А. А. Ратушный, С. В. Марченко.

[6] Находки остатков вооружения переданы в Керченский музей.

в настоящий момент грунтовые воды опустились на 2-5 м ниже дна колодца. Скорее всего, колодец пересох к середине XX в. и был засыпан. Несмотря на позднее заполнение, конструкция колодца говорит о его древнем, вероятно, античном происхождении.

Исследование гидросистемы

Подземное водосборное сооружение было взломано грабителями из г. Керчи в 2000 г. в ходе тотального разграбления античного некрополя вокруг городища Тасуново. Они, очевидно, приняли подземную каменную галерею гидросистемы за дромос одного или нескольких склепов и в трех местах проломили ее каменный свод. Как оказалось, почти на всем протяжении галерея не была засыпана (за исключением участков, проломленных грабителями). Уникальность объекта, его хорошая сохранность, использование античных строительных элементов в ее конструкции, примыкание к периферийным участкам античного городища, наличие подъемного материала первых веков нашей эры предопределили необходимость более детального исследования данного объекта с целью выяснения его хронологии, конструктивных особенностей, предназначения и соотношения с культурными напластованиями античного городища (рис. 1-11). В ходе проведения научно-изыскательских работ на городище Тасуново было обнаружено небольшое количество массового материала (в основном стенок античной и средневековой посуды), коллекционных находок для сдачи в Керченский историко-культурный заповедник во время проведения раскопок не выявлено (рис. 9).

Описание конструкции гидросистемы

При исследовании подножия возвышенности, на которой расположено античное городище Тасуново, были выявлены следующие конструктивные элементы гидросистемы:

1. длинная подземная северная галерея с боковыми водосборными каналами, подведенными к галерее под прямым углом с юга;
2. короткая западная галерея, состыкованная под тупым углом с северной галереей;
3. каскад поилок для лошадей и крупного рогатого скота, расположенных последовательно друг за другом в низменной части западной балки и связанных с западной галереей (рис. 4-8, 10-11).

Северную галерею гидросистемы удалось исследовать под землей на длину около 164 м. Ее перекрытие находилось на глубине от 1,80-2,20 м (в восточной части) до 0,40-0,50 м (в западной части). Галерея идеально прямая на всем протяжении, даже из самого ее восточного торца хорошо виден угол стыка с западной галереей, освещаемый через просвет в перекрытии. Внутри ее короба, сложенного их камня, были произведены локальные расчистки затеков и придонных отложений, что позволило выполнить маркшейдерскую съёмку

объекта и получить детальное представление о труднодоступной подземной части объекта (рис. 4-6). Кроме того, с целью изучения устройства галереи и почвенных особенностей был сделан стратиграфический разрез метровой ширины на длину 3,50 м. Он располагался перпендикулярно трассе северной галереи, на 100 м отметке от угла поворота к западной галерее, и был ориентирован по оси – север-юг (рис. 1-2). Стратиграфическая траншея была остановлена на уровне плит перекрытия северной галереи, на глубине 1,78-1,80 м от поверхности.

Стратиграфическая ситуация в районе разреза была следующей (снизу вверх):

1. материковый глинистый песок – от 3,20 м до 1,78-1,80 м;
2. желтая плотная материковая глина от 1,80 и до 0,45 м;
3. слой строительного отеса в траншее под северную галерею от 1,80 (от поверхности плит перекрытия северной галереи) до 0,25 м;
4. золистый культурный слой от 0,25-0,15 м;
5. поддерновый темно-коричневый и коричнево-черный дерновый горизонты («В» и «А» современного почвообразовательного процесса) – от 0,25 и выше.

Выяснилось, что культурный слой с античными находками имеет здесь вторичное происхождение: он отложился ниже северного склона возвышенности в ходе постепенного размыва золистых культурных отложений первых веков нашей эры. Его мощность невелика – 0,10-0,15 м. Он представлял собой пылеватый средней плотности грунт серого цвета с мелким щебнем и фрагментами мелкоокатанной керамики I-III вв., следовал сразу под дерновым и поддерновыми горизонтами толщиной 0,06-0,25 м. Зольный слой перекрывал строительный отес, связанный с сооружением северной и западной галерей гидросистемы. На первый взгляд, это должно было свидетельствовать о сооружении гидросистемы в античное время. Однако, слой сформировался в новое время в результате эрозии вышерасположенных террас с культурными напластованиями первых веков нашей эры. Об этом говорят отдельные поздние находки стенок поливной керамики и гончарных кувшинов, датированные средневековым и новым временем, найденные в переотложенном золистом культурном слое. Важно отметить, что в ходе строительства гидросистемы культурный слой, который был синхронен времени бытования городища (но, возможно, также вторичного происхождения), оказался срезанным на значительной площади, так как при подготовке траншеи под галерею был спланирован участок у подножия склона шириной не менее 3-5 м по всей длине гидросистемы.

Северная подземная галерея представляет собой желоб, выстроенный из камня и перекрытый плитами из ломаного ракушечника (рис. 4-6). Для ее устройства была выкопана преимущественно в материковом грунте – желтой, очень плотной глине – узкая траншея, глубина которой увеличивалась с запада на восток в зависимости от рельефа поверхности от 1,5 м до 2,20-2,50 м. Галерея в плане четко следовала по прямой. Протяжённость ее с юго-запада на северо-восток (азимут 74 градуса) около 164 метров. В разрезе она имела форму перевернутой правильной трапеции. Ширина ее в верхней части 0,50-

0,52 м, в нижней 0,45-0,47 м. Такая конструкция естественна для галереи, построенной открытым способом: каменные стены на дне траншеи, сложенные насухо, должны были иметь некоторый, пусть незначительный уклон наружу. Они внешними фасами опирались на стенки траншеи и, будучи, придавленными тяжелым сводом, не заваливались внутрь. Вероятно, строители при расчетах траншеи под галерею гидросистемы руководствовались шириной хода в локоть 44,4-46,0 см. Она имела прямоугольную в разрезе форму, глубину 1,80-3,20 м при ширине в верхней части 1,50/1,60 м, в нижней – 1,60/ 1,70 м.

Дно галереи выложено из плит, но в некоторых местах, где имелись скальные массивы, дном служила подтесанная скала. Плиты уложены на спланированное под уклон дно траншеи – чрезвычайно плотные глинистые кварцевые пески. Высота галереи с придонными напластованиями достигала 0,50-0,90 м, но после их удаления оказалось, что в расчищенных местах - от пола до плит перекрытия – она составляла до 1,04 м (на месте просевших сводах – до 0,75 м). Выявленный уклон дна и перекрытия галереи – в юго-западном направлении – не менее 0,20-0,25 м на 100 м. Значительный уклон галереи способствовал быстрому водообмену, препятствовал накоплению осадков и облегчал их удаление естественным образом – с помощью течения воды. Не исключено, что дно галереи устроено небольшими уступами, что типично для подобных гидротехнических сооружений. Но определить это не удалось, так как дно галереи перекрыто наносами разной степени мощности и структуры. Удалить их в узком подземном коллекторе не представлялось возможным. В любом случае показательно, что в восточном тупике поперечная перегородка могла быть выстроена как раз на таком уступе. По крайней мере, один из придонных блоков северной стены галереи выдвинут на три-семь сантиметров внутрь ее створа. Подошва нижних камней, сохранивших на поверхности четкие следы действия инструментов каменотесов, осталась не расчищена, так как дно галереи перекрыто спекшимися, как бы окаменевшими комковатыми отложениями, напоминающими застывший раствор.

На дне галереи прослежены осадочные напластования различной мощности 0,34-0,60 м. В восточной, более возвышенной части галереи они имели минимальную мощность – 0,34 м. На плитах пола сначала отложилась черная вязкая глина толщиной 20 мм с пленкой белого кальцита на поверхности, поверх которой - черный глинистый затек толщиной 75 мм, далее – серый глинистый слой толщиной 73 мм. Все эти плотные вязкие отложения перекрывал более рыхлый слой желто- коричневых влажных наносов, без находок. Его толщина здесь достигала 0,17 м. На поверхности верхних наносов фиксировались углубления в виде бороздок, расположенных поперек короба галереи. Они имели глубину 3–4 см. Скорее всего, это следы просачивания глины по швам между плитами.

Стены галереи сложены насухо из подпрямоугольных хорошо подобранных пиленых и рубленых камней средних размеров по постелистой тычковой

однолицевой однорядной схеме с элементами мозаичной и полигональной кладок. Швы между камнями плотные, кладка довольно аккуратная, однако в ряде случаев прослеживалось нарушение рядности. Точный размер строительного блока определить невозможно: камни подгонялись по месту. Нередко в результате форма камней становилась полигональной за счет подтесок.

Пол и потолок галереи выполнены из огромных ломаных плит полигональных очертаний ракушечника, достаточно тщательно пригнанных. Длина их колеблется от одного до двух-трех метров, ширина - около метра, толщина - до 0,20-0,38 м. Важно отметить, что плиты перекрытия в момент строительства укладывались на подушку или маты из камыша. Такой способ предохранял плиты свода и борта галереи от жесткого соударения в момент монтажа. Между камнями бортов и плитами от камыша остался белесый легкий тлен толщиной до 3-5 мм.

Северная галерея следовала уклону северной балки, проходила немного выше ее русла по северному склону возвышенности, включенной в зону застройки античного городища. Ее восточный торец заложен глухой кладкой - перегородкой, а западный торец открывается в западную галерею аналогичной конструкции, состыкованную с северной галереей под углом 144,5°. Судя по всему, перегородка в восточном торце – поздняя, она сложена из разнокалиберного камня и пристыкована к бортам. В нижней ее части имелось отверстие водотока прямоугольной формы, заложенное небольшим прямоугольным камнем. Похоже, что северная галерея продолжается дальше на восток, но ее исследование будет делом будущего.

Под прямым углом от северной галереи на юг – вверх по склону возвышенности - отходили на уровне пола подземные (водосборные?) каналы, также облицованные камнем. Они синхронны северной галерее. Один из них прямоугольной формы, сечением 0,35х0,40 м – выявлен на 138 м от угла стыковки северной и западной галерей. Канал частично очень незначительно заплыл глинистыми наносами желто-коричневого цвета, не содержавшими находок. Мощность наносов составляла не более 5-10 см и уменьшалась по мере удаления от устья. Его удалось под землей проследить на 2,5 м. Вряд ли канал служил для оттока сточных вод с улиц античного города. Такие воды необходимо было предварительно отфильтровывать и отстаивать. В случае спуска их напрямую крытая галерея могла быстро забиться мусором и наносами. Скорее всего, в галерею отводился избыток воды из колодцев или накопительных цистерн - резервуаров, расположенных выше по склону. Дальнейшее обследование этого хода, которое целесообразно вести с поверхности, может привести к открытию в пределах городища колодца или резервуара выше уровня водовода.

В восточном торце, тупике северной галереи, выявлено ещё два канала подобного устройства, но меньших по размеру: 0,12х0,15 м (рис. 6.4, 10). Они находились на значительной глубине от поверхности и уходили под толщу

почвенного слоя на юг - вверх по склону. Их устья также открывались в северную галерею на уровне пола. Каналы не заилены, но полностью забиты белыми раковинами мелких сухопутных моллюсков, попавших внутрь явно с поверхности. В длину каналы просматривались на один-полтора метра, но для дальнейшего исследования под землей были недоступны. По предварительным данным георадарных исследований, такие каналы имелись по всему протяжению галереи, они отстояли друг от друга с шагом около пяти метров. Но проверить раскопками эти данные не удалось.

Гидросистема неоднократно ремонтировалась и перестраивалась. На одном из последних этапов бытования до 10% всех плитовых перекрытий северной галереи были по каким-то причинам удалены и заменены пилеными блоками белого ракушечника[7]. Судя по перекрытию свода галереи, реконструкция производилась если не спешно, то менее продуманно. Для ремонта использовался самый ходовой в XIX столетии товарный камень 5x5x16 вершков (21x21x70,5 см), так называемый «пятерик»[8]. Его длины (47-50 см) едва хватало для перекрытия галереи. Камень был рыхлый по структуре и опирался на боковые стены лишь краями. По этой причине в ряде случаев его пришлось поддерживать железными вставками – трубами, полосами и листами (см. ниже метрическую таблицу). Кое-где пиленые блоки перекрытия не выдержали нагрузки и надломились посередине, провиснув или даже обрушившись внутрь хода. Вряд ли старые плиты перекрытия пришли в негодность. Они имели очень большую толщину и прочность, так как были вырублены из крепкого ожелезненного известняка[9]. Не случайно в этой связи тогда же были сооружены квадратные

---

[7] Такие блоки резко отличаются от остального строительного материала галереи, имевшего желто- и серо-коричневую цветовую гамму, своим белым цветом и стандартным размером.

[8] Камень для ремонта возили, вероятно, с расположенных неподалёку собственных Оливинских каменоломен, которые в 1860 году уже действовали, их камень использовался при постройке Крепости Керчь (http://www.kerch.com.ua/articleview.aspx?id=3969). Это означает, что по меньшей мере с 1860 года семейство Олив располагало собственными ресурсами для ремонта водовода. Способ камнедобычи, принятый тогда, в точности описывает размеры штучного камня и особенности его получения: *«…ручными пилами, имевшими длину до двух с половиной аршин, выпиливали столбы шириной и толщиной до двух аршин (1 м. 42 см.), а высотой иногда до четырёх саженей (около 8 метров). Потом, подпилив снизу косяк – треугольную призму, опрокидывали столб. Из поваленного столба выпиливали штуки длиной в аршин (71 см), и сечением в четыре-пять вершков (18-22 см)… При постройке крепости, в основном, использовался камень размерами 5-5-16 вершков, называвшийся в XIX веке «пятериком» (http://www.kerch.com.ua/articleview.aspx?id=3971).* Не исключено, что последняя реконструкция водовода связана с Вивианом Оливом, и относится к 1857-1896 гг. Объективно же из вышеизложенного следует, что водовод был отремонтирован в период со второй половины XIX века до 1915 года.

[9] Впрочем, здесь не все понятно. Можно предположить, что с конца третьего до конца XIX века водовод стоял разрушенным. Похоже, что ремонт XIX века ликвидировал не только засоры, но и довольно значительные разрушения, при которых пострадал в основном плитовый свод. Многие сохранившиеся плиты перекрытий сдвинуты со своих мест, промежутки между ними заполнены вставками одного стандартного каменного блока, есть довольно много

смотровые колодцы. Они были необходимы для поддержания галереи в порядке и с целью своевременной санитарной очистке ее от засоров и мусора. Возможно, причиной перестройки гидросистемы послужило ее засорение наносами, и она перестала нормально функционировать.

Всего в северной галерее обнаружено шесть колодцев. С поверхности в настоящее время доступен лишь один из поздних колодцев, проломленный грабительским шурфом. Остальные, сохранившиеся непотревоженными, закрыты монументальными плитовыми крышками и толстым слоем грунта.

Пять колодцев размещены через более или менее правильные интервалы в 32-33 метра (32; 32; 32,9; 32,9), шестой, в самой дальней части восточной части галереи (наиболее ранней?), отстоит от предыдущего на 14 метров. Пять колодцев поздние. Они появились после перестройки гидросистемы, лишь один – самый восточный - остался от ранней конструкции. Он резко отличается от остальных отсутствием собственно ствола колодца: крышка положена непосредственно на плиты перекрытия. Кроме того, в его конструкции отсутствуют пиленые блоки штучного камня. Однако, это явно также смотровой люк, который имел те же внутренние размеры (около 0,50х0,50 м).

В плане ствол каждого колодца представлял собой прямоугольник, почти квадрат 0,47 на 0,52/0,54 метра, высота ствола колодца достигает 1,95 м и рассчитана на человека, стоящего в полный рост. Близкое к квадрату внутреннее сечение колодцев (0,5х0,5 м) получилось само собой при кладке вперевязь штучных блоков 21х21х71 см. Колодцы сложены насухо из тех же стандартных штучных блоков белого и серого мелкозернистого известняка, как и позднейшая часть свода, которая была переложена на самом позднем этапе бытования гидросистемы. Сверху колодцы закрыты крышками - большими грубо околотыми известняковыми плитами, аналогичными тем, которые использованы в перекрытии свода галереи (рис. 5, 6.3). Вероятно, при реконструкции гидросистемы плиты свода аккуратно снимались и использовались после сооружения колодцев повторно.

Правильное расстояние между пятью колодцами нужно было для того, чтобы при чистке гидросистемы легко отыскивать их с поверхности, так как крышки колодцев заглублены ниже уровня дневной поверхности и при визу-

---

лопнувших плит. Теоретически можно предположить, что при ремонте могли заменить плиты, обрушившиеся в проход при сейсмических подвижках. Галерея заложена в пластичном грунте с близкими к поверхности грунтовыми водами, а при землетрясении сооружения и фундаменты в таком грунте страдают меньше, так как такой грунт способен смягчать и гасить толчки. В этом случае разрушения стен могут быть минимальными, а вот потолок при вертикальных подвижках пострадает. Разрушения массивных плит перекрытия трудно объяснить чем-то ещё, кроме землетрясения: на глубине 1-2 метра давление пород не столь велико и сокрушительно, от него плиты не станут трескаться, а тяжелая техника в те времена ещё отсутствовала, да и слой грунта поверх трассы гидросистемы минимизировал давление на ее свод. Еще более невероятно разрушение водовода изнутри.

альном осмотре не видны (возможно, они попросту со временем заплыли грунтом). Дополнительным подтверждением позднего происхождения колодцев является то, что они расположены безотносительно потолочных плит. Кладка колодцев не вплотную примыкает к древним плитам, оставляя промежутки по 0,50-1,00 м, которые перекрыты стандартными блоками. Таким образом колодцы пытались встроить на место вынутой более ранней плиты большего размера, что приводило и к небольшим вынужденным подвижкам шахт колодцев по отношению друг другу. Иначе было невозможно без промежутков выложить стандартным камнем новое перекрытие галереи, ведь удаленные потолочные плиты достигали в длину двух-трех метров, при ширине – более метра.

Устройство колодцев означало некоторое упрощение первичного инженерного замысла: если раньше гидросистема самоочищалась во время дождей, то теперь наносы следовало с определенной периодичностью удалять вручную через колодцы. Однако, в таком виде система проработала до самого последнего времени.

Западная галерея, ориентированная с северо-востока на юго-запад, фактически являлась продолжением северной галереи. Она по устройству ничем существенным от нее не отличалась. Западную галерею исследовали открытым способом – через смотровой люк, проломленный грабителями, а резервуары, южнее от нее, были обнаружены в ходе работ на небольшом по площади раскопе 1, расположенном по створу западной галереи (рис. 7-8, 11). Важный в конструктивном отношении угол поворота от северной галерее к западной закрывала монументальная крышка полигональных очертаний, больше похожая на люк, из ожелезненного плотного известняка. Ее размер: 1,12х1,19 м, при толщине 0,13-0,17 м. Она имела заглаженные края и поверхность. Видимо, в какой-то период функционирования гидросистемы плита выходила на поверхность и служила вымосткой. Но в момент обнаружения ее перекрывал дерновый слой толщиной около 0,15 м, с бутовым камнем. Крышка сдвинута грабителями с целью проникновения в галерею (рис. 11.1). Они же пробили плитовой пол галереи шурфом и на 0,70 м ушли в материковый глинистый грунт желто-коричневого цвета. Внутри западную галерею заполнял рыхлый грунт с большим количеством современного бытового мусора. Угол поворота выполнен достаточно искусно. Разнокалиберные камни хорошо подтесаны.

Западная галерея под землей уцелела в длину на 1,95 м. Вероятно, изначально она имела существенно большую протяженность, но при позднейшей перестройке была разобрана и укорочена, а ее южный торец заложен поперечной перегородкой, в нижней части которой оставлено отверстие неправильной трапециевидной формы (0,18х0,17 м) для прохода воды к чугунному трубопроводу диаметром 0,12-0,14 м. Важно отметить, что эта перегородка отличилась небрежностью кладки и была пристыкована к бортам галереи, что говорит о ее позднем происхождении. Длина труб – видимо, не менее 9,00-9,40 м. Участок, где они проходили, остался не раскрытым,

выявлены только начало и конец трубопровода. Пространство в каменном лотке, где находились трубы, забито вязкой коричнево-черной жирной глиной, полностью пропитанной красно-оранжевыми железными окислами (рис. 6.5).

На юго-западе западная галерея сообщалась через систему сливов и труб с поилками для скота. Фактически, галерея, помимо основной функции по доставке воды, еще и подпирала западный склон возвышенности, частично подрезанный при ее сооружении. Этот довольно равнинный участок у западного склона возвышенности до осушения искусственного водоема в западной балке был скрыт зарослями густыми зарослями камыша и сильно заболочен. На его поверхности был выявлен во время разведок ААЭ 15 лет назад край кладки из больших, грубо околотых камней, напоминавших античную вымостку. Кладка на несколько десятков сантиметров выступала из-под почвы на протяжении 20-25 метров и была неправильно интерпретирована как участок набережной у искусственного водоема античного времени. На деле кладка была бортом подпорной стены или продолжением разобранной западной галереи гидросистемы.

В 2007 г. для разведки, как казалось, перспективного участка был разбит небольшой прямоугольный раскоп 1, вытянутый вдоль кладки с юго-запада на северо-восток (рис. 7-11). По причине малой площади раскопа для лучшего понимания стратиграфической ситуации к раскопу с восточной стороны были прирезаны под прямым углом две стратиграфические траншеи метровой ширины, параллельные друг другу. Общая площадь раскопа составила, таким образом, около 60 кв. м.

Стратиграфия напластований на раскопе не отличалась сложностью. С восточной стороны подпорной стены в бортах раскопа выявлены следующие слои:

1. материковый слой горизонта «С» современного почвообразовательного процесса – серо-желтая глина с большим количеством белых известковых включений, открытый на глубине 0,35-0,45 м;

2. поддерновый серо-коричневый грунт горизонта «В» мощностью до 0,15-0,20 м, выявленный на глубине 0,25-0,35 м; С этим слоем сопряжена отмостка из мелкого камня, примыкающая к подпорной стене и каскад поилок, датированных XIX-первой половиной XX вв.

3. дерновый горизонт – коричневый грунт горизонта «А» мощностью около 0,10-0,15 м. Он залегал от поверхности до глубины 0,15 м.

Как в дерновом, так и поддерновом горизонтах встречались отдельные находки античной керамики из разрушенного культурного слоя городища (рис. 9), обломки стенок поливной средневековой посуды XII-XV вв., осколки бутылок и остатки бытового мусора XIX-первой половиной XX вв.

В западной части раскопа (над поилками) материковый грунт достигнут не был. Работы здесь остановлены на глубине 0,40-1,70 м.

1. Наиболее ранним слоем являлся насыщенный водой илистый коричнево-черного цвета грунт, сопряженный с вымосткой под поилками, видимо, синхронной раннему этапу бытования западной галереи гидросистемы до пе-

рестройки. Он выявлен на глубине 1,40-1,50 м от поверхности. Мощность его не установлена. Находок не содержал.

2. Выше него располагался довольно гомогенный мощный слой глинистого черного и темно-коричневого влажного жирного грунта, насыщенного органикой, окислами железа. Он перекрывал и заполнял поилки и вымостку, западнее от них. Мощность слоя – 1,40-1,50 м. Его образование следует связывать с забрасыванием поилок, заболачиванием местности в связи с образованием здесь искусственного пруда после середины XX столетия. Этому не противоречат находки с поверхности вымостки и из толщи грунта. Все они датируются новым временем.

3. Его перекрывали поддерновый и дерновый горизонты, мощностью 0,10-0,35 м, темно-коричневого цвета, не содержавшие находок.

В ходе раскопок отчетного полевого сезона подпорная стена была вскрыта на протяжении около 20 м (рис. 7-11). Она уходит в северный и южный борта. Ее толщина достигала 0,98-1,19 м, высота 1,36-1,77 м. Прослежено 5-7 вертикальных рядов кладки (ниже начался уровень почвенных вод). Подошва ее не выявлена и уходит в насыщенный водой глинистый грунт. Она была сложена на черной илистой грязи из разнокалиберных блоков белого рыхлого пиленого известняка средних размеров по однолицевой, трехслойной, однорядной постелистой тычково-ложковой схеме. Кладка довольно небрежная, с неплотной притеской швов. Фас ее неровный, выстроен уступами. Ряды не выдержаны. Верхний ряд кладки смещен и нависает над остальными рядами. Вероятно, он был надстроен позднее, когда поилки уже были заброшены и затоплены водами рукотворного пруда. Таким образом на позднем этапе, когда западный участок гидросистемы уже не функционировал, стенка служила в качестве импровизированной набережной. С восточной стороны в один уровень со стеной была положена из среднего и мелкого камня и щебня вымостка шириной 3,60-3,77 м. Она была вытянута вдоль стены – с юго-запада на северо-восток. Ее перекрывал поддерновый горизонт, а основанием для нее послужил выровненный материковый грунт горизонта «С». При ее исследовании в поддерновом горизонте обнаружены несколько стенок амфорной посуды, поливной средневековой керамики и осколки от современных бутылок.

Изначально, подпорная кладка была выстроена ранее резервуаров и относилась к конструкции перестроенной западной галереи. Интересно, что уступ кладки (в северной ее части) был выложен вокруг щелевидного слива, направленного в сторону первой поилки, расположенней севернее остальных. С целью исследования конструкции слива и выяснения, откуда в него поступала вода, уступ и кладка были разобраны до уровня основания слива. При разборе кладки были обнаружены использованные в ее конструкции античное сильно оббитое надгробие с отломанным шипом и переносная полигональная монолитная винодельческая давильня с простой системой стока сусла через щелевидную прорезь в ее борту.

Размер давильни: 0,63х0,46х0,29 м. Высота бортиков – 0.12-0,16 м. Ее рабочая площадка, приспособленная для установки ящика с мезгой под рычаг пресса, не превышала 1,42 кв. м. Она находилась в гидросистеме во вторичном использовании в качестве основания распределительного лотка (рис. 7-8, 11.2-3).

Подвод воды к лотку осуществлялся с севера по каменному плитовому коробу, в который была вставлена асбестовая труба с внутренним диаметром около 120 мм. Для плотной фиксации трубы в коробе использованы куски черной резины от автомобильных камер. Короб и труба были забиты черными илистыми жирными отложениями, которые сочились влагой. Труба была вставлена в античную давильню через прорезь в ее северном борту (рис. 7-8, 11.5). Давильня лежала горизонтально, устьем развернута к западу - в сторону ванн. С востока ее подпирали две горизонтально лежавшие плиты, южная из них была античным надгробием (0,48х0,32х-0,12 м). Но извлечь его не удалось. По периметру давильня была обрамлена кладкой на глине и перекрыта крышкой и превращена тем самым в герметичный распределительный лоток, с помощью которого поддерживалось необходимое для функционирования системы давление воды и происходило перенаправление ее потока – к поилкам, под прямым углом по отношению к асбестовой трубе. Лоток внутри был полностью заполнен черным разжиженным грунтом. На самом дне поилки - в ее юго-восточном углу - обнаружена часть проржавевшей обоймы к пистолету с несколькими патронами 1939 г. выпуска. Обойма могла попасть в распределительный лоток только из западной галереи, будучи вынесенной потоком воды, или в момент последней реконструкции водовода (что, впрочем, маловероятно). Как бы там ни было, можно говорить о том, что система исправно функционировала накануне войны или в ее первые годы.

Вода из лотка поступала через щелевидный слив в борту давильни в желобчатый коллектор, прорезанный в центре распиленного продольно квадра (1,14х0,34/0,35х0,18/0,20 м), установленной орфостатно между давильней и резервуаром. Диаметр отверстия составлял 94 мм. Важно отметить, что внутри него сохранился сегмент толстого листа из свинца, возможно, остатки водопроводной трубы античного водопровода.

Проследовав через отверстие в камне, вода попадала по желобчатому сливу шириной 65 мм непосредственно в поилку 1. Слив находился почти по центру поилки, на высоте 0,27 м от ее дна. С северного торца, прямо из перекрытого поперечной перегородкой западной галереи, над поилкой 1 выходила еще чугунная труба такого же диаметра, что и асбестовая. Она находилась на высоте около 0,91 м. На первый взгляд, можно заключить, что наполнение ванн водой производилось сразу из двух труб. Но это, скорее всего, не так. Чугунная труба была положена напрямую из галереи тогда, когда уже боковой отводок, действовавший через распределительный лоток с античной давильней и асбестовой трубой, забился и перестал функционировать. Впрочем, этот участок не доследован. Не исключено, что под-

порная стена с асбестовой трубой имела собственную подземную подводку через другие каналы, не связанные с западной галерей. Но чтобы эту версию подтвердить, требуются дополнительные исследования.

С запада к подпорной стене подходила вымостка, сложенная из разнокалиберного камня. Предшествующая времени сооружения резервуаров, так как часть вымостки послужила основанием днища поилок. Возможно, вымостка появилась в период неперестроенной западной галереи гидросистемы.

Вдоль западного фаса подпорной стены удалось раскрыть три из шести поилок, попавших в пределы раскопа. Размер поилки 1: длина – около 2,92-3,02 м, ширина – 0,57-0,62, высота бортов – 0,24/0,46 м; поилки 2: длина – 2,60-2,62 м, ширина – 0, 67-0,77, высота бортов – 0,75/0,22 м, поилки 6: длина > 2,42 м (не доследована), ширина – 0,68-0,72 м. Интересно, что поилка 2 разделена небольшой поперечной перегородкой (0,82х0,24х0,15 м) надвое. Она не смыкалась с западным бортом и поэтому имела проток шириной в 40-60 мм. Возможно, перегородка была необходима для задержки наносов. Совокупный объем вмещаемой воды (по уровень сливов) в шести поилках в среднем мог достигать – 2,5-3,5 куб. м. Но если выходные отверстия в поилках закрывались, то они могли заполняться по верхний край и тогда вмещали в два-три раза воды больше. Судя по всему, поилок было больше, возможно, около 10-12. Поилки вытянуты вдоль стены и следовали друг за другом. Торцами они состыковывались между собой, а продольными длинными сторонами примыкали к стене, оставшейся от перестроенной западной галереи. Все поилки соединялись друг с другом округлыми сквозными или щелевидными сливами в перегородках. Поилки имели в плане неправильную трапециевидную, а в разрезе трапециевидную форму. Их внешний западный борт был выше внутреннего, восточного, вплотную пристроенного к основанию стены. Борта их сложены из пиленого камня на серо-желтом растворе, сужались книзу с помощью тяг из раствора. Поверхность поилок покрыта в два-три слоя гидроустойчивым бетоном, очень крепким, необычного сине-серого цвета, толщиной 0,02-0,07 м[10]. из пиленого камня на глинистом желто-сером растворе. Поверхность поилок перед покрытием

[10] Зав. геолого-минералогического отделом Одесского национального университета В. П. Усенко провел предварительные результаты исследования образца серого бетона: «Наполнитель: мелкозернистый песок с размерностью 0,5-0,1 мм, с примесью мелких раковин двустворчатых моллюсков и их обломков; зерна песка хорошо окатанные; распространены зерна халцедонового состава (халцедон оранжевато-желтового цвета с неоднородной окраской).

Цемент светло-серого цвета с голубоватым оттенком, матовый, местами полупрозрачный; наблюдаются вкрапления углистых(?) частиц черного цвета, в некоторых участках в виде рассеянного вещества в массе цемента, со стороны одной из плоскостей – в виде тонкого черного прослоя; в массе цемента встречаются каверны (пустоты).

Состав цемента - карбонатный (известковый), однородный, частично перекристаллизованный, мелкозернистый; с внешних сторон (плоскостей) образца – зоны (фронт) измененного цемента серого с грязно-желтым оттенком; более дисперсная масса зон по сравнению с неизмененным цементом в центральной части со следами переотложения карбонатного вещества».

серым бетоном выравнивалась более мягким светло-кремовым раствором в один слой 1-3 мм, напоминающим по структуре розовый шифер. Поилки растрескались, деформировались, их борта поведены. С внешней стороны бортов выявлено несколько вертикальных металлических штырей и труб, глубоко забитых вплотную к камням бортов. Возможно, это остатки коновязей или деталей опалубки. Их диаметр не превышал 20-30 мм. Они сильно проржавели.

Поилки до самого верха были заполнены жирной, вязкой, очень влажной плотной глинистой массой, богатой органикой, но совершенно без находок. Судя по всему, этот грунт образовался в период бытования здесь пруда.

Поилки были удобны для водопоя лошадей и крупного рогатого скота, так как имели высокий внешний борт, затруднявший подход мелкому рогатому скоту к воде (рис. 11). Они перестали функционировать в 1941 г., судя по найденным отечественным гильзам от винтовок и пистолетов на дне резервуаров. Косвенным подтверждением этой даты является несколько медных монет довоенной чеканки 1933 и 1937 годов выпуска, обнаруженных на западной вымостке.

Хронология и принадлежность гидросистемы

Отдельные элементы тасуновской гидросистемы могли существовать с глубокой древности, возможно, с античного периода. По меньшей мере, при ее сооружении в подземных галереях использованы рубленый камень и рубленые плиты перекрытий из разобранных античных конструкций. Водосток со свинцовой гидроизоляционной вставкой (или остатком трубы) и винодельческая давильня, примененная в качестве приемно-распределительного лотка, могут также датироваться античным временем. Обращают на себя внимание заметный контраст в строительной технике и технологии при постройке подземных галерей (особенно их ранней части), выделявшихся не только качеством конструкции, но большими финансовыми вложениями, и каскада поилок вдоль подпорной стены, весьма примитивных по инженерным решениям и дешевых по затратам. Противоречие снимается, если принять во внимание, что тасуновская гидросистема действовала на протяжении нескольких столетий, а отдельные ее элементы могут относиться даже к античному периоду. Впрочем, достоверно можно утверждать только то, что в целом она была сооружена не позднее XIX столетия и серьезно перестроена не позднее начала XX в. (в дореволюционный период), более мелкие реконструкции происходили при Советской власти в довоенное время.

Известно по данным краеведа Владимира Филипповича Санжаровца, что в XIX-XX вв. в Кош-Кую (современное Тасуново) было большое коневодческое хозяйство, принадлежащее весьма обеспеченному дворянскому роду Олив[11] французского происхождения. Хозяйство обслуживало пять семей

[11] «... Много сделано для процветания Крыма семейством Олив. Отец - Вильгельм Олив - из древнего рода французских дворян Бретани, впоследствии служил в России. Поселился в Кры-

наемных работников. В Керчи семейство Олив обосновалось ещё в 1840-х гг. Оливы были очень богаты: именно с них начался Керченский ЖРК, они были предводителями местного дворянства. Глава же семейства 60-90-х гг. Вивиан Олив был археологом-любителем, сыном строителя Ливадийского дворца и владельцем керченской каменоломни. Вполне возможно, что такой человек мог построить или реконструировать тасуновскую гидросистему типа «фонтан», вернуть ее в рабочее состояние и использовать для нужд своего хозяйства.

Кстати, размер использованного камня даёт также и верхнюю временную границу реконструкции: после революции с отменой русской системы мер «штуку» камня стали выделывать уже не аршинной (70,5 см), а лишь полуметровой длины. Расстояние между колодцами в северной галерее также указывает на то, что реконструкция была произведена не позднее 1920-х годов, до отмены русской системы мер: 32,5 м - длина, неудобная в метрической системе. Её можно было бы считать случайной, если бы расстояние между колодцами не было достаточно точно повторено несколько раз. 32,5 м - это примерно 15 саженей (сажень=3 аршина=3х71,12 см=2,1336 м; 15 саженей=15х2,1336 м=32,004 м). Полуметровое расхождение можно списать на размер самих люков: 32,5 м - расстояние между центрами двух люков, а между их краями - ровно 32 метра, или 15 саженей.

Предназначение и функционирование гидросистемы

Открытый в Тасуново необычный подземный объект явно имел гидротехническое назначение. В пользу этого говорят постоянный уклон галереи в сторону поилок и пересохшего водоёма, её сравнительно малая высота (1,04 м), четкая прямолинейная планировка, водосборный и водопроводный

му, купив под Керчью имение Камыш-Бурун, которое благоустроил и усовершенствовал. В 1840 году избирается ялтинским уездным предводителем дворянства. А в 1849 году - Таврическим губернским предводителем. Вильгельм Олив - председатель комиссии по сооружениям дворцовых зданий на Южном берегу Крыма. Дворец в Ореанде был выстроен с «примерной бережливостью, скоростью и отчетливостью», за что император Николай I выразил Вильгельму Оливу особое благоволение и пожаловал его в звание камергера…Сыновья его также отличились: Сергей жил в Петербурге, дослужился до генерала от кавалерии и члена Государственного Совета. Вивиан же очень любил Тавриду, и к концу XIX века был известным в Крыму человеком: предводителем дворянства Таврической губернии в чине действительного статского советника. В 1887 году Вивиан Олив становится одним из первых членов создавшейся в Крыму Таврической губернской ученой архивной комиссии (ТУАК), сдав в нее пожертвования в виде древних находок. У семьи Олив на Керченском полуострове было несколько владений, но основное - в Камыш-Буруне на месте древнего города и некрополя Тиритаки. В 1895 году он заключает контракт с французским горным инженером Баяр на разведку, а затем на разработку месторождений железных руд на Керченском полуострове в имении Камыш-Бурун и др. Вивиан Олив был избран председателем ТУАК. Но 3 апреля 1896 года на 50 году жизни скончался, не успев претворить в жизнь свои благородные начинания. Его сыновья продолжали пополнять коллекцию, собранную отцом, и занимали достойное место в жизнедеятельности Крыма…». http://www3.crimea.edu/crimea/etno/articles/fran/index.htm).

характер примыкающих к северной галерее боковых каналов, устья которых располагались на уровне пола галереи.

Внутренние размеры галерей гидросистемы, несмотря на относительно малые параметры, были рассчитаны на прием больших объемов воды, которую требовалось на первом этапе функционирования системы как можно быстрее удалить вниз по склону – в сторону искусственного водоема или резервуаров. Вода в желобе не могла застаиваться. Этому способствовали уклон дна галерей и их прямолинейная планировка. Однако, после реконструкции гидросистемы и сооружения запорных поперечных стен – перегородок в галереях, принцип ее работы несколько изменился, как, возможно, и напор воды. По законам гидродинамики вода под некоторым давлением проходила по трубам к каскаду поилок, но вполне могла на каком-либо определенном участке подниматься вверх на высоту (для системы водоснабжения) или работать в качестве фонтана (мельницы и пр.), но, по закону сообщающихся сосудов, никак не выше уровня ее источника. Однако рассчитать силу и кинетическую энергию воды проблематично, так как еще не все необходимые параметры гидросистемы получены.

Совершенно исключено, что северная и западная галереи использовались для канализации, но сомнения в их дренажных и водоснабженческих функциях излишни. Об этом говорят чрезвычайно высокая стоимость постройки, тщательность её исполнения, взаимосвязь с водоёмом, а на позднем этапе – и с поилками. Пребывание значительных масс животных около поилок привело к необходимости вымостить все пространство около западной галереи, ниже по склону – в балке, и выше него. Тем самым обеспечивалось надлежащее санитарное состояние около водозабора и существенно облегчался водопой скота.

Важным элементом в устройстве галереи являлась тырса – слой строительного отеса, которым была заполнена траншея выше свода гидросистемы. Причем следует указать, что слой отеса, который в изобилии образовывался при подтеске камней в траншее, выбрасывался по завершению каменотесных работ их траншеи вверх по склону (именно там прослежены его следы в борту стратиграфической траншеи), а затем после укладки плит перекрытия намеренно сбрасывался обратно вниз. Этот слой эффективно улавливал, дренировал и фильтровал воду, сбегавшую со склонов возвышенности во время дождей, кроме того, он хорошо пропускал воздух из галереи гидросистемы, что было особенно важным при быстром заполнении желоба водотока после интенсивных дождей. В противном случае давление вытесняемого водой воздуха могло привести к разрушению подземного водовода. Борта траншеи из гидроупорной плотной глины служили дополнительным фактором удержания накопленной воды в гидросистеме.

В целом вся гидросистема способствовала не только накоплению и сбережению воды, но и препятствовала заболачиванию и засолению балок. Балки, по которым проходит северная и западная галереи, до сих пор остаются са-

мым влажным местом в районе городища Тасуново, что хорошо видно даже и по характеру растительности. В древние же времена климат Крыма был значительно более мягким и влажным, и балка была довольно сильно заболочена. Таким образом, постройкой гидросистемы достигались сразу несколько целей: через сложенные насухо стены галерея дренировала избыточную влагу, превращая болота в пастбища и избавляя людей и скот от кровососущих насекомых и опасных болезней (прежде всего, малярии).

При этом проясняется и назначение каналов в восточной части галереи. Поверхность возвышенности (и, соответственно, террасированного городища) могла быть распланирована таким образом, чтобы в дождливое время в эти каналы направлялся сильный водоток, смывавший с пола галереи ил, неизбежно образующийся при дренировании. Такой механизм «самоочищения» позволял сооружению неограниченно долго функционировать безо всякого обслуживания.

Неясно, сколько времени сооружение эксплуатировалось в своём первоначальном виде. Пока нет достоверных данных утверждать, что ее появление можно связать периодом существования античного городища, но и нет полных оснований отрицать такую гипотетическую возможность.

Достаточно очевидно, что к XIX столетию система самоочищения вышла из строя, галереи замыло наносами, а потолок местами обрушился. Наиболее пострадала западная галерея, которая окончательно забилась, что привело к заболачиванию балки у пруда. Уже в поздние времена система была вычищена, частично разобрана, реконструирована и вновь введена в эксплуатацию. Произошло это никак не раньше второй половины-конца XIX века, возможно, тогда же или несколько позже появились поилки для скота. После революции гидросистема без надлежащего надзора вновь начала постепенно терять работоспособность и заиливаться. Западный участок с поилками забрасывается в период Великой Отечественной войны и позднее частично уходит под воду искусственного пруда. В результате поилки и западную вымостку довольно быстро перекрыло полутораметровыми отложениями черного ила. Северная галерея, хотя и обречённая на постепенное забивание наносами, не была разрушена, продолжала исправно аккумулировать воду вплоть до 80-х годов XX в., но вода уже не выходила самотеком, а качалась оттуда с помощью колонки, врезанной прямо в свод галереи. По отзывам местных жителей, она отличалась очень хорошим качеством, мягкостью и прекрасным вкусом. Вода из системы ушла лишь восемь-десять лет назад, когда в Либхкнехтовке начали бурить глубокие артезианские скважины, возможно, нарушившие обычный режим грунтовых вод. Хотя воды здесь и сейчас вполне достаточно. При исследовании западной галереи и поилок она начала просачиваться из-под строительных конструкций. Не случайно, в этой связи, что в западной части галереи (от пикета 0 до пикета 2) наносы на ее дне были очень мокрые и вязкие – вода пыталась течь согласно уклону галереи и скапливалась у забитого стока в поперечной перегородке, выполнявшей роль «естественной

плотины». Не исключено, что если убрать наносы из галерей, расчистить боковые каналы, подводившие воду к галереям со стороны возвышенности, гидросистема вновь заработает, как задумано проектировщиками, так часто бывает с древними дренажными сооружениями. Простота, правильный расчет, знание водоносных горизонтов и рациональность инженерного замысла делали такие гидросистемы очень надежными, они могли исполнять своё первоначальное предназначение до самого последнего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Даниленко В. Н., Буров Г. М., Храпунов И. Н., Петрова Э. Б. Крым древний. – Симферополь, 1994.
Блаватский В. Д., Шелов Д. Б. Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. - Вып. 58. – М., 1955.
Кругликова И. И. Сельское хозяйство Боспора. - М, 1975.

N.I.Vinokurov, A.I.Pavlovsky

RESEARCH OF A HYDROSYSTEM IN THE OUTSKIRTS
OF THE ANCIENT CITY SITE OF TASUNOVO (KOSH –KUYU)

Summary

Topographic GPS work has been done at the area of the city-site Tasunovo; a topographic plan of the city site has been made completely. More than 200 meters of an underground drained system has been examined on the north and west periphery of the city site. Archaeological digs show the system was functioning with significant reconstructions from the first centuries AD till the 70s of the 20th century. Constructive elements of the hydro system have been singled out in the process of research of the eminence foot where the ancient city site Tasunovo is situated.

One hundred sixty four meters of the underground north gallery of the hydro system have been examined. Its overlapping lies between 1.80 – 2.20m (in its east part) and 0.40 – 0.50m (in its west part) beneath surface. The gallery is ideally straight for the space of it. The corner of its joint with the west gallery is clearly seen from its eastern butt-end. Local clearings of stains and near-bottom sediments have been done inside its box made of stone. Besides, one meter wide and 3.5m long stratigraphic slit has been made to research the structure of the gallery and its soil peculiarities.

Complex geophysical studies - geomagnetics and georadar explorations - have been held in the area of location of the drain system – in the north and east periphery of the city-site. Silted vaults of an ancient gully, sludgy stratifications capacity, and the bedding depth of subterranean water mirror have been determined. The construction of the hydro system built in the lower south part of the gully in the end of the19th-20th century has been researched. A small excavation area of 100 m^2 has been studied. An ancient well has been unearthed in the east part of the gully. It functioned autonomously (outside the hydro system). It was four meters deep. Its walls are faced with quarry stone without cementing mortar starting from an ancient water-bearing argillaceous-silt sandstone stratum up to today surface. Now subterranean water is 2-5 m lower. Because of that the well had dried up by the 20th century and was filled up with earth. In the process of GPS work on the necropolis of the city site Tasunovo exact coordinates of the necropolis site, which is being destroyed actively recently, have been singled out.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнительные технические характеристики западной и северной галерей гидросистемы

№ пикета	Расстояние от пикета 0	высота (в скобках - высота колодца) до расчистки	ширина внизу	ширина вверху	Описание	Номер колодца
0	0		0,5		Каменная поперечная стенка с каналом для стока воды в нижней части в западной галерее	
	1	0,8		0,47	Начало вскрытой части, галерея расчищена до дна	
1	1,95	1,1	0,47		Поворот, галерея вскрыта и расчищена до дна	
	2,35	0,45	0,48		Конец вскрытой части, галерея не расчищена	
	4,63-7,55				Ремонт потолка, 13 пиленых белых блоков-пятериков	
	7,2				Потолочные пиленые блоки лежат на железной полосе	
	10,35-11,15				Ремонт потолка 3 блока-пятерика	
	11,15	0,71 (1,17)				
	11,15-10,6				Колодец, края потолочных плит лежат каждый на паре железных труб диаметром 5 см	I
2	11,6	0,8	0,5	0,54		
	12,9-13,8				Ремонт потолка 2 блока	
	13,95-16,35				На полу следы обвала - россыпь блоков-пятериков	
	14,45-14,95				Брешь в потолке закрыта железным листом	II

	18,15-18,35				Ремонт потолка, 1 пиленый блок	
	22,25				Начало ремонта 3 блока	
3	22,75	0,63	0,53	0,5		
	22,85				Конец ремонта	
	30,25-31,85				Ремонт пилеными штучными блоками	
	38,65-39,35				Ремонт пилеными штучными блоками	
4	42,75				Разрушенный грабителями смотровой колодец	III
	43,25	0,5	0,47			
	49,75	0,6	0,47			
5	62,75	0,7	0,47			
	72,75	0,83	0,49			
6	74,15	0,84 (1,7)	0,49		Смотровой люк, длина - 0,53	IV
7	94,15	0,97	0,45			
	102,75					
8	107,08	0,96 (1,86)	0,48	0,53	Смотровой люк с трещиной, длина - 0,52	V
	112,65	1	0,48		Ремонт 4 пилеными штучными блоками	
	113,45				Конец ремонта	
	119,25				Боковой канал влево, 0,15х0,05, прослежен на полметра вглубь	
	120,75				Ремонт потолка пилеными штучными блоками, 5 экз., пятый криво висит в щели	
	121,65				Конец ремонта	
9	127,08		0,51	0,57		
	132,75		0,5			
	139,88				Боковой канал на юг, короб с каменными дном и потолком, 0,33х0,40 м прослежен на 2-3 метра	
10	139,93	0,95(1,8)	0,53	0,52	Смотровой люк, длина - 0,54, за метр до и после - ремонт	VI
	145,45	0,9	0,5		Ремонт	
	148,55				Конец ремонта	

11	154,2	0,93 (1,18)	0,49	0,5 4	Смотровой люк, выглядит более старым, лежит на нескольких осколках камня, около 0,6 в длину	VII
	162,75	92			Зачищена галерея до дна, 0,17 см - наносы, серая глина – 0,073 см, черная глина – 0,075 см, белый кальцит, чёрная глина – 0,02 см, ниже - каменные плиты пола	
	165,15				Боковой канал вправо с улитками, 12 см	
	165,65				Боковой канал вправо с улитками, 10 см	
12	165,7				Тупик галереи, каменная поперечная стенка с заложенным каналом для стока воды в нижней части, не исключено продолжение северной галереи на восток	

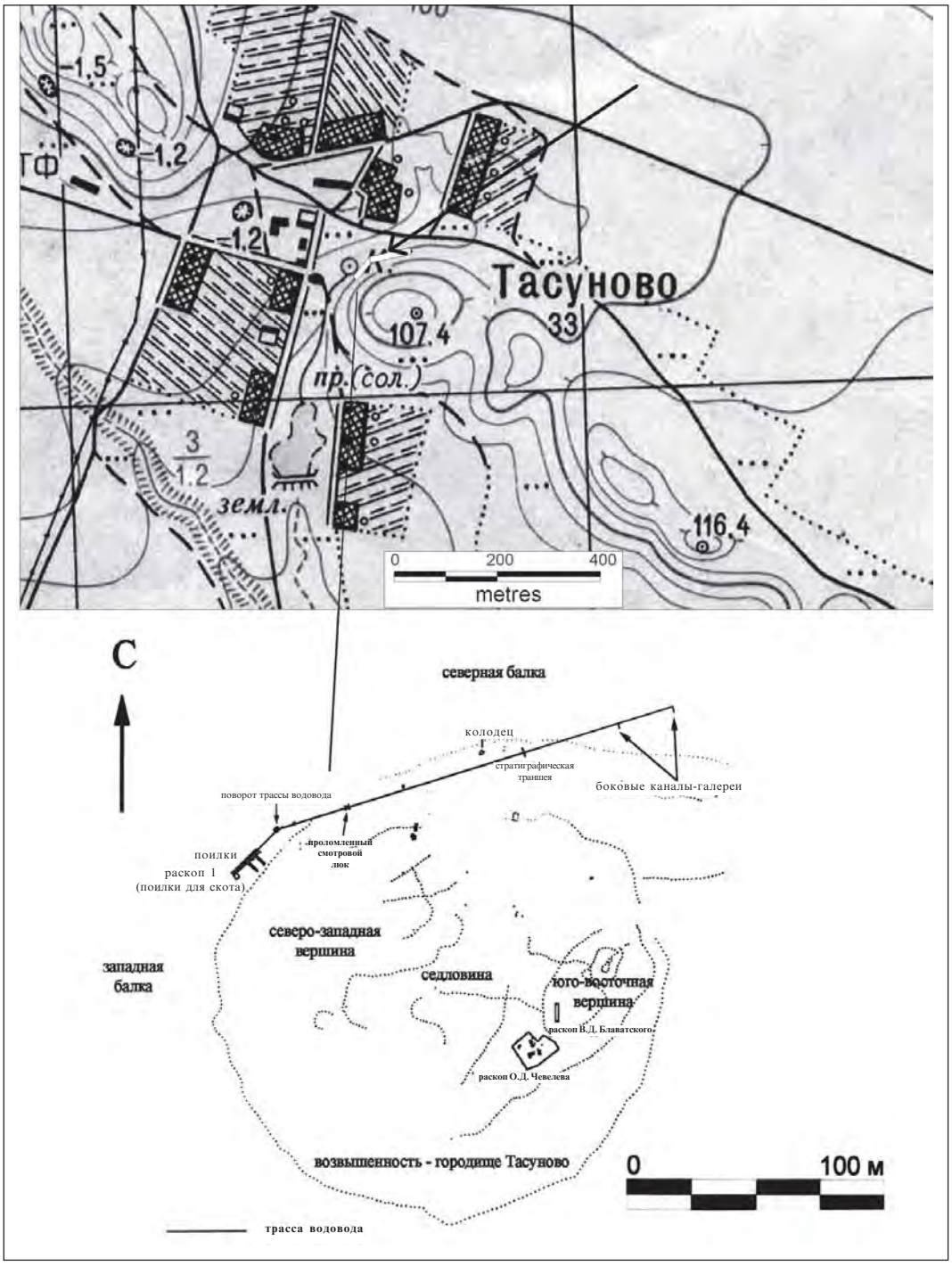


Рис. 1. План-схема расположения гидросистемы на окраине античного городища Тасуново.

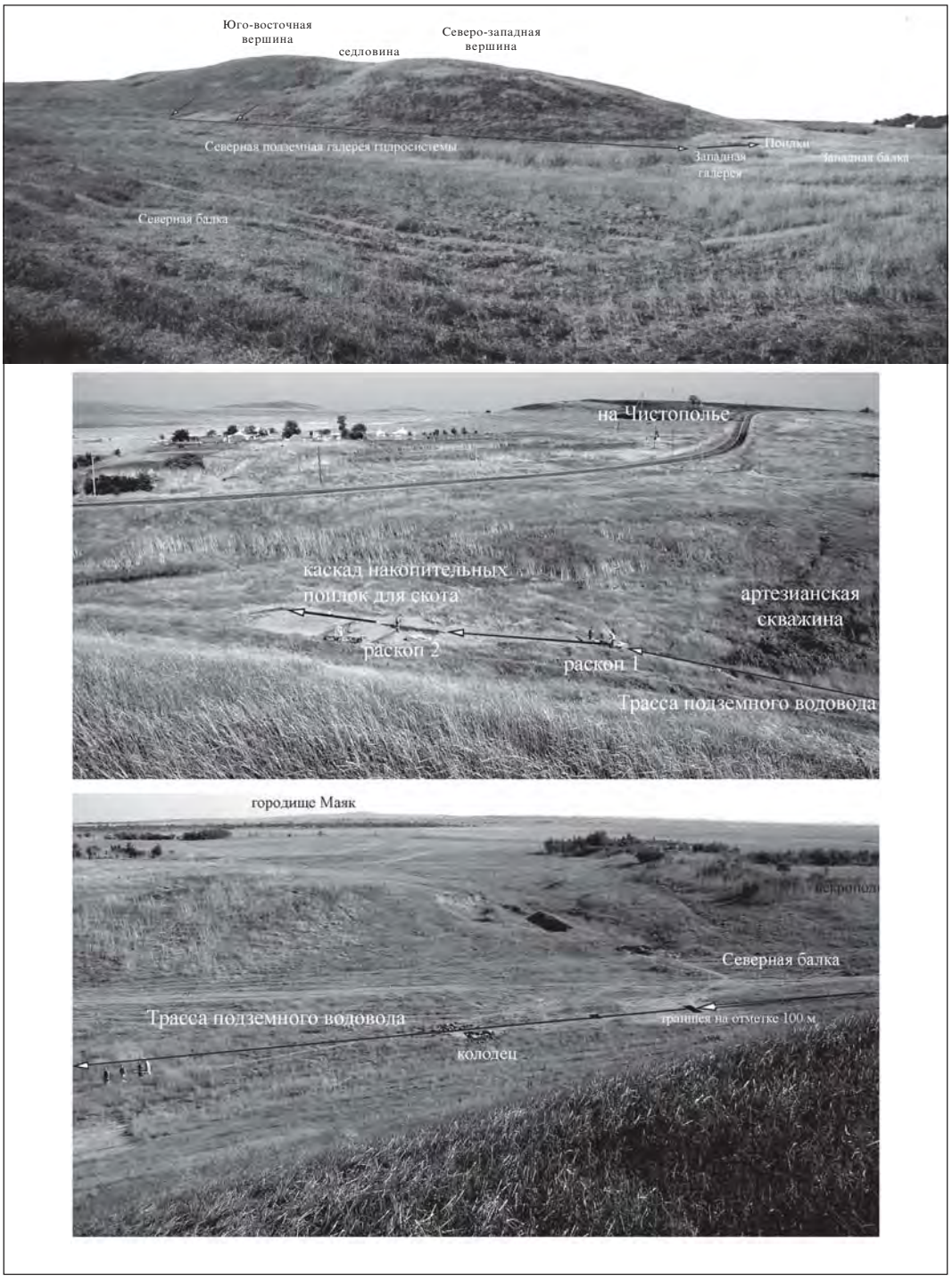
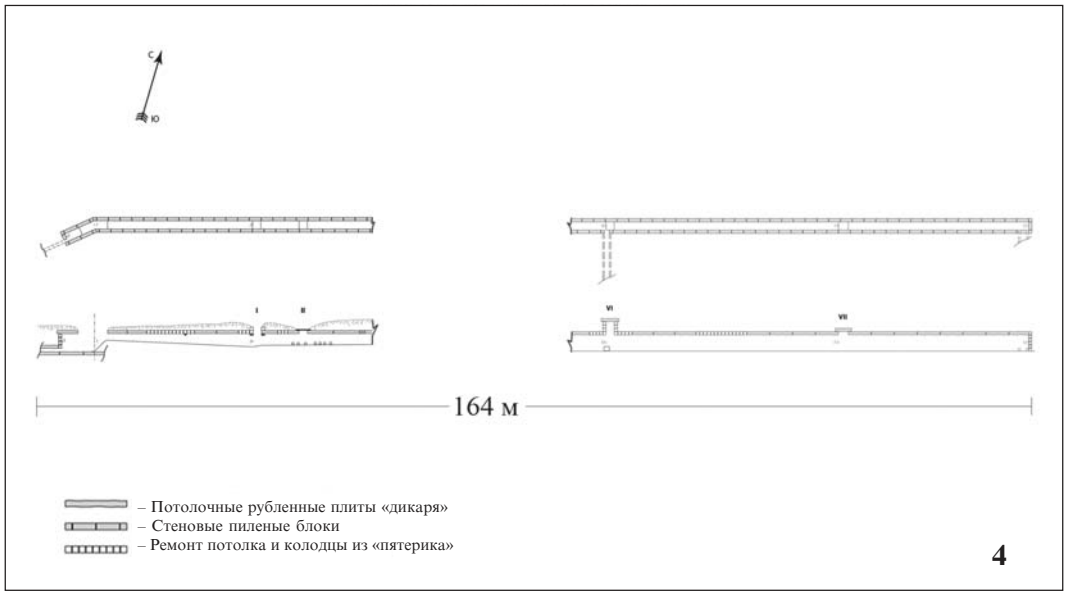


Рис. 2.1-3 Панорама городища Тасуново с северо-северо-запада, юго-востока и юго-запада.

Рис. 3. Колодец с севера.



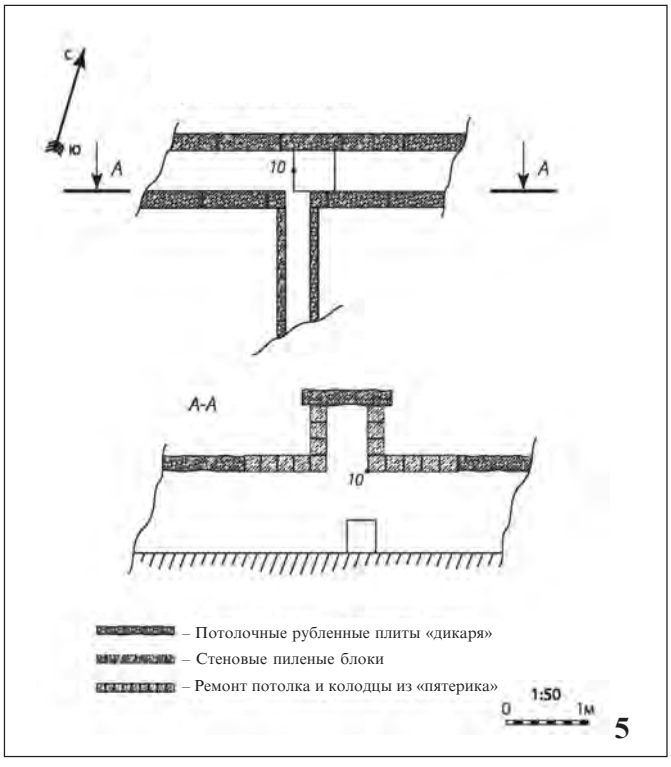


Рис. 4-5. План, разрезы, профили северной галереи тасуновской гидросистемы.

Рис. 6.1-2. Подземная северная галерея гидросистемы и следы ремонта ее перекрытия. Вид с востока.

Рис. 6.3. Смотровой колодец V в северной галерее гидросистемы.

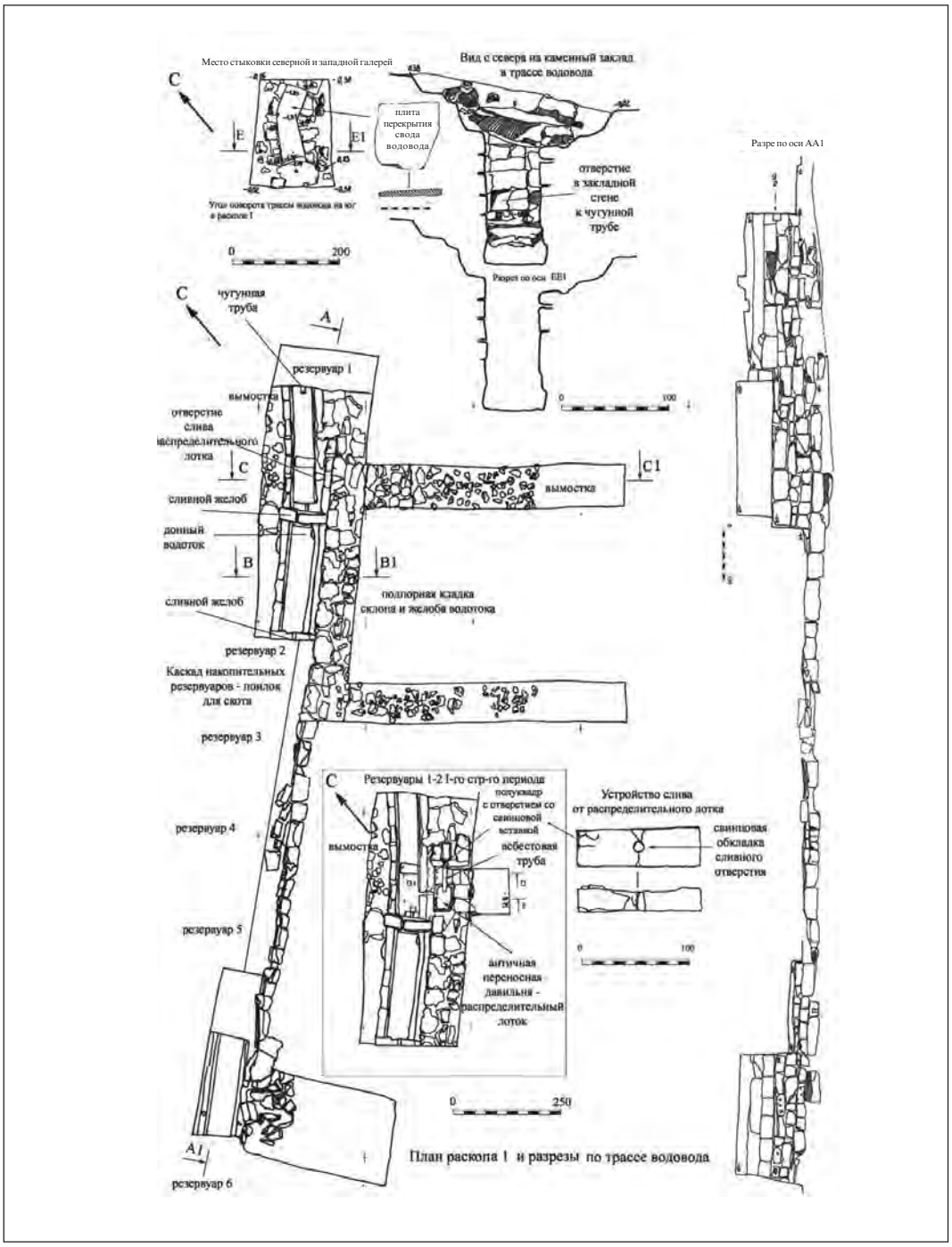


Рис. 7. План и разрезы раскопов в западной части гидросистемы.

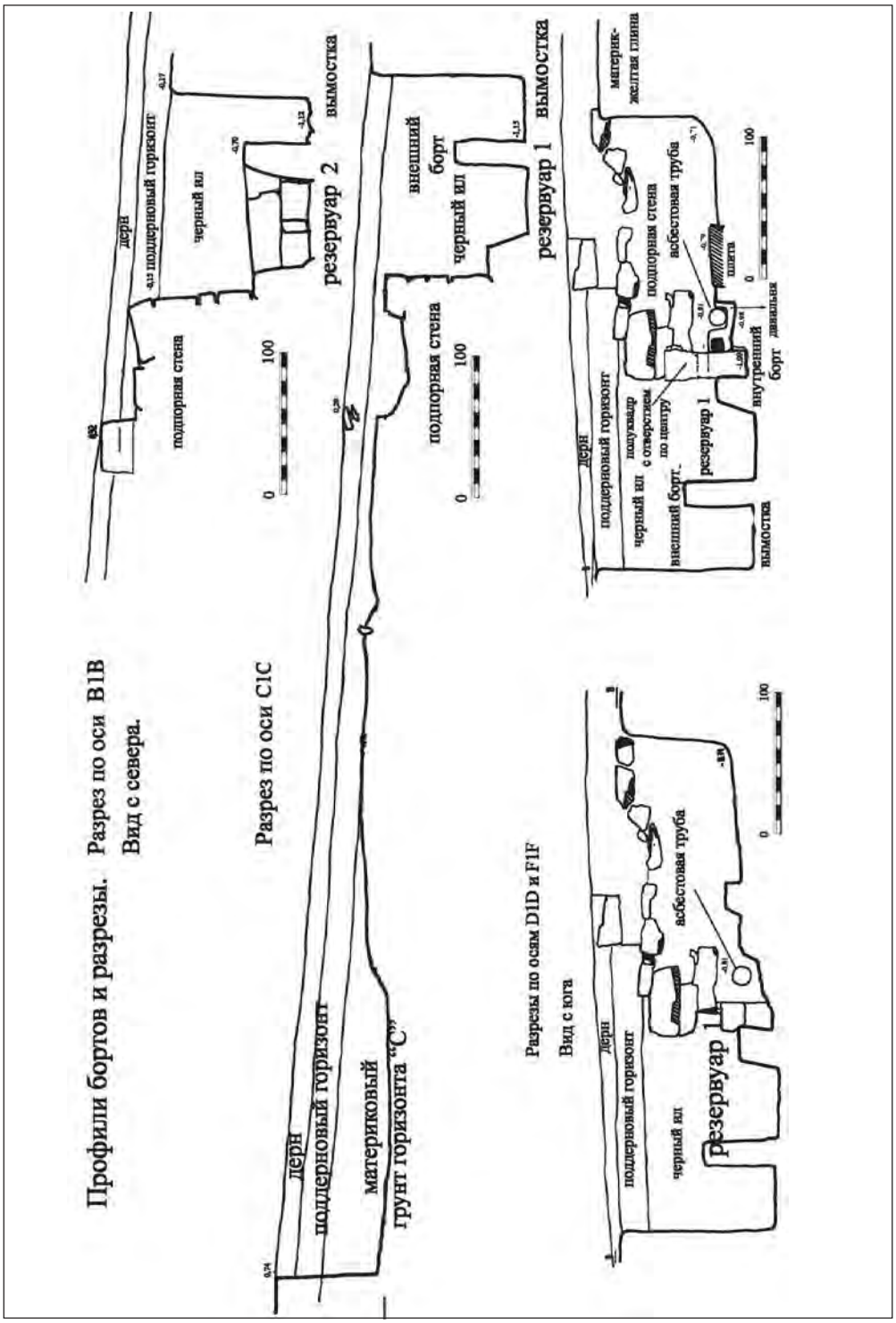
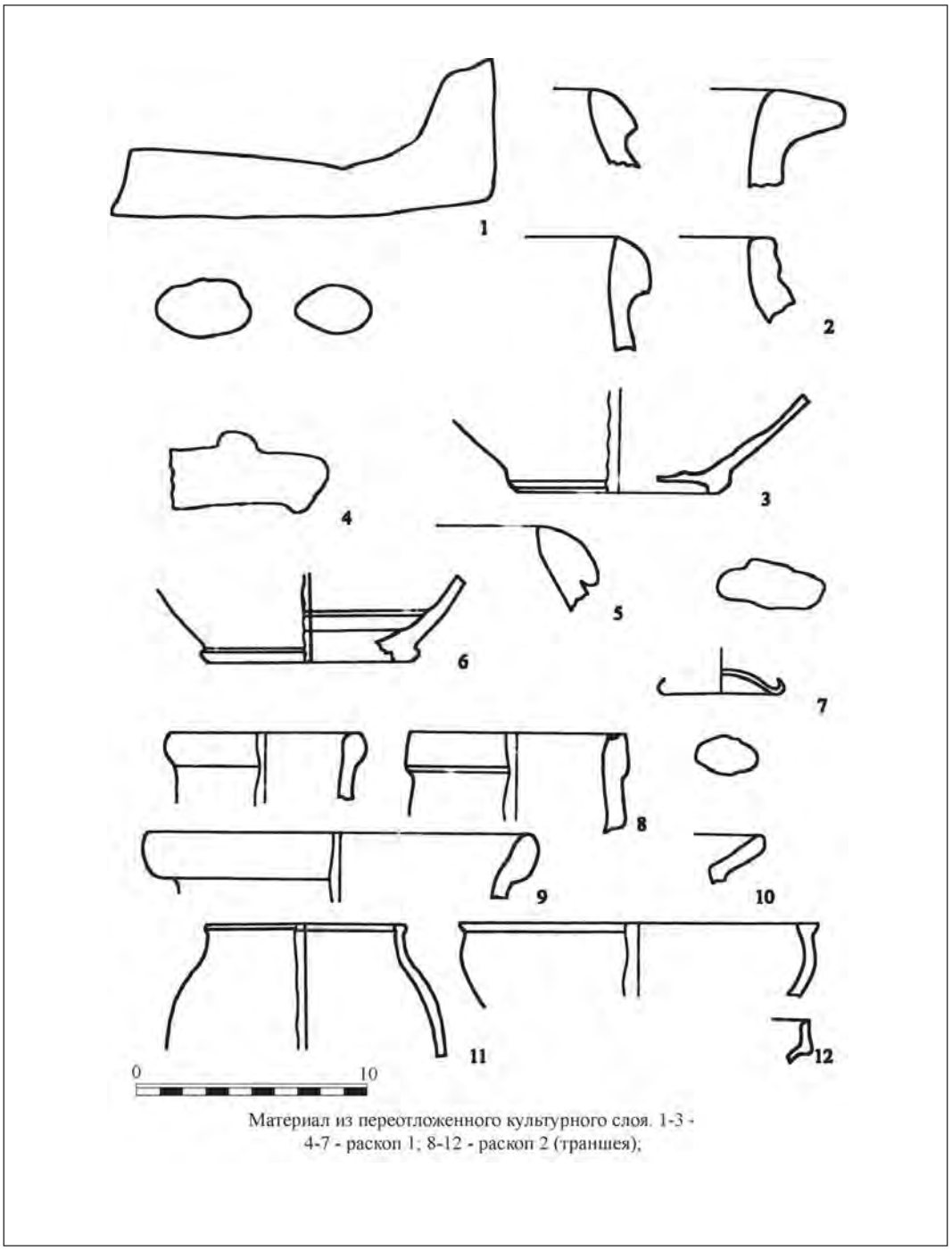


Рис. 8. План и разрезы раскопов в западной части гидросистемы.



Материал из переотложенного культурного слоя. 1-3 - 4-7 - раскоп 1; 8-12 - раскоп 2 (траншея);

Рис. 9. Находки из культурного слоя, найденные при исследовании гидросистемы.

Рис. 10. Устье бокового канала в восточной части северной галереи гидросистемы.

Рис. 11.1. Место стыковки северной и западной галерей до и после расчистки.

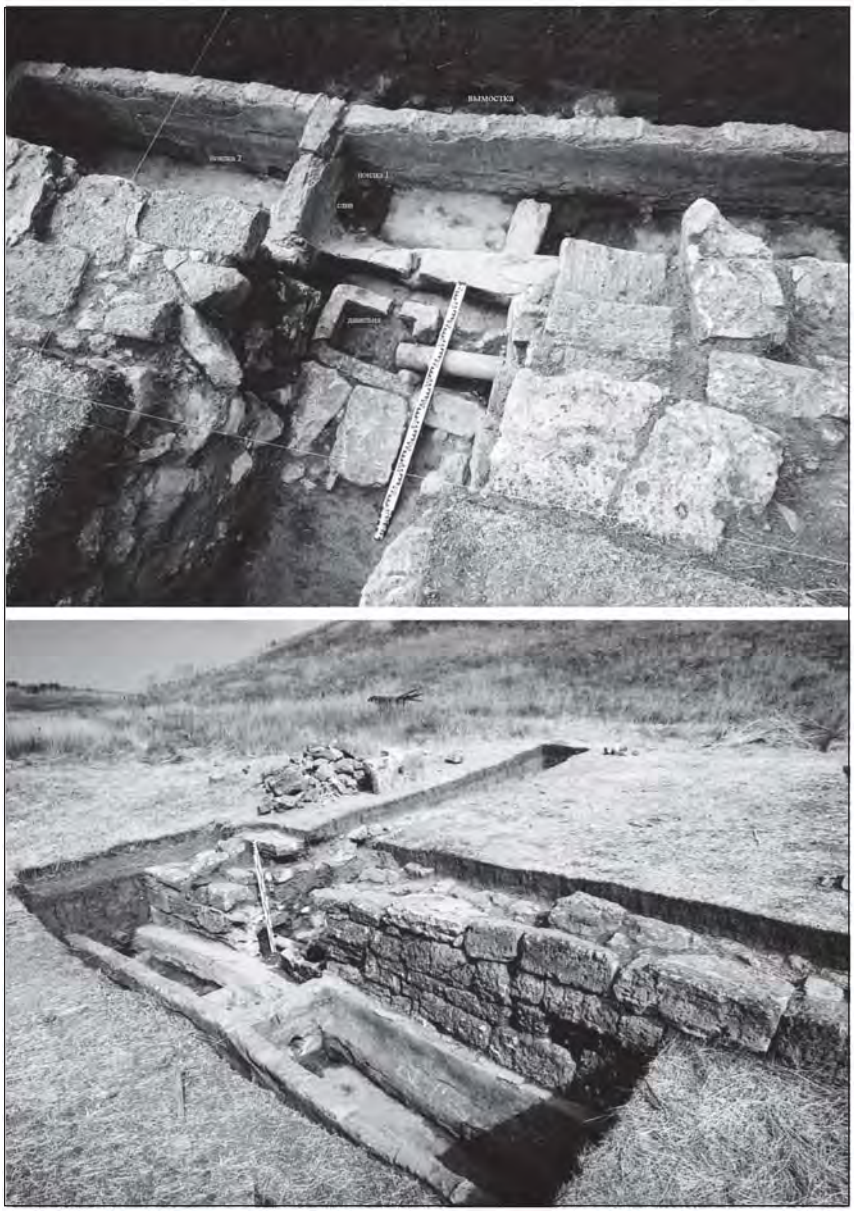


Рис. 11. 2-3. Система подвода воды к поилке 1 с юго-востока и поилки для скота с юго-запада.

Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ОКОНЕЧНОСТИ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Одной из нерешенных задач крымской медиевистики до сих пор остается отсутствие подробной археологической карты средневековых памятников полуострова. Впервые материалы к ней опубликовал А.Л. Якобсон, но ограничился неполным обзором раннесредневековых поселений [Якобсон, 1970, с. 10-29]. Примером комплексного подхода явились опубликованные в 1968 г. О. И. Домбровским результаты разведок горного массива Бойка [Домбровский, 1968, с. 86-96]. Позднее И. А. Барановым была составлена археологическая карта салтово-маяцких памятников Крыма [Баранов, 1981, рис. 1]. В 1989 г. в научный оборот введены материалы археологических разведок (1976-1984 гг.) Карадага, в окрестностях которого удалось обнаружить 47 поселений VI-XVII вв. [Щепинский, Клюкин, 1989, с. 253-256, 267-269]. В последние годы опубликованы своды средневековых и раннесредневековых памятников Северо-Западного, Юго-Восточного Крыма, западной, юго-восточной и южной (окрестности мыса Чауда) оконечности Керченского полуострова [Майко, 2007, с. 159-180; Гаврилов, 2008а, с. 331-384; Гаврилов, 2008б, с. 132-142; Кутайсов, 2002, с. 175-180; Кутайсов, 2003, с. 274-286; Кутайсов, 2005, с. 57-61; Голенко, 2007, с. 233-243, 264-265].

Задачей нашей публикации является введение в научный оборот средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова. Рассматриваемый район, площадью около 135 кв. км, ограничен с севера Митридатской грядой, а с запада балками Терновая, Чурубашская и южным склоном урочища Джанкойский бугор. Южная граница условно проходит по северному берегу Тобечикского озера. Природной восточной границей является южная часть акватории Керченского залива и побережье Керченского пролива (рис. 1).

Условно этот район можно разделить на три участка. Первый, площадью около 15 кв. км, ограничен с севера Митридатским хребтом, с запада холмистой грядой с грязевым вулканом Джерджава, а с юга скалистой грядой Юз-Оба. Представляет собой обширную, широтного простирания и обращенную к морю долину, обводненную речками Джерджава и Керчав-Игласы. Северную и юго-восточную части долины занимают жилые микрорайоны и дачные поселки, а южную и юго-западную – искусственные лесонасаждения, участки

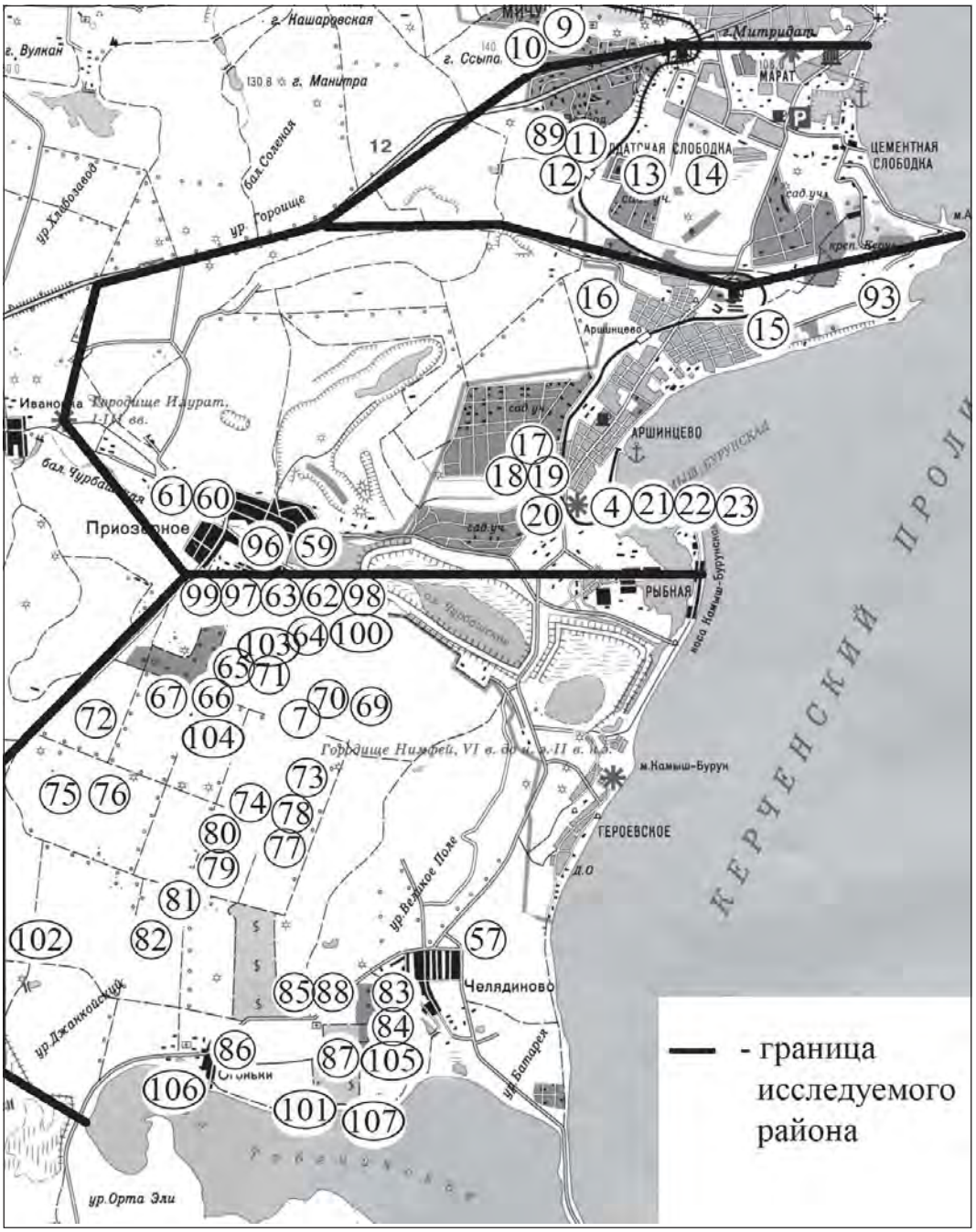


Рис. 1. Карта средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова.

целинной степи, дачные поселки, промышленная зона завода «Альбатрос» и стекольного комбината. Таким образом, для исследователей остается доступной лишь небольшая ее часть.

Второй участок, площадью около 50 кв. км, расположен к югу от Юз-Обинской гряды, ограничен с запада балками Терновая и Чурубашская, а с юга Чурубашским озером и гидротехническими сооружениями железорудного комбината. Представляет собой плавно понижающуюся в южном направлении равнину с перепадом высот в направлении север-юг до 83 м. Ее обращенные к Чурубашскому озеру склоны изрезаны балками и небольшими оврагами. Наиболее крупные из балок - Васильевская, Александровская, Камыш-Бурунская и Духоборская, достигают длины более 1,5 км. Само озеро, по крайней мере, еще в античную эпоху представляло собой обводненную балку, устьевую часть которой, возможно, подтапливало море [Науменко, Кривошеева, 1979, с. 21]. С 30-х гг. XX в. рассматриваемый участок подвергается, губительному, для памятников, антропогенному воздействию. Побережье Керченского пролива, между мысом Ак-Бурун и Чурубашским озером, на глубину до 1-2 км целиком занято городской инфраструктурой. На южных склонах Юз-Обинской гряды находятся действующие и заброшенные, опоясанные мощными отвалами, известняковые карьеры, а к северу от Чурубашского озера до недавнего времени разрабатывались железорудные карьеры, полностью изменившие ландшафт на площади до 7 кв. км. Не затронутые карьерами равнинные участки распахиваются или же заняты дачными поселками. Активная хозяйственная деятельность привела к тому, что большая часть расположенных здесь памятников уничтожена или же недоступна для исследования.

И, наконец, третий участок, площадью около 70 кв. км, располагается между Чурубашским и Тобечикским озерами. Восточная часть Тобечикского озера некогда представляла собой глубокий морской залив, в который с запада по балке Ичкил-Джилга впадала крупная река [Куликов, 1995, с. 102]. Прибрежная часть участка сформирована изрезанными балками и оврагами, береговыми террасами, высота которых местами достигает 11-12 м, а к западу простирается делювиальная полого-наклонная равнина, частично прикрытая с севера скалистыми холмами урочища Чурбашские скалки [Благоволин, 1962].

История археологического изучения средневековых памятников Восточного Крыма насчитывает уже более семидесяти лет и условно может быть разделена на три периода. Предвоенный период связан с именами таких крупных специалистов в области античной археологии, как Ю. Ю. Марти, Л. М. Славин и В. Ф. Гайдукевич. В 1932 г. в окрестностях Тиритаки Ю. Ю. Марти открыл два салтово-маяцких могильника и одновременное им ритуальное захоронение [Марти, 1941а, с. 32-36]. Позднее на городище Л. М. Славиным и В. Ф. Гайдукевичем был выделен горизонт, связанный с функционировавшим на его территории салтово-маяцким поселением [Книпович, Славин, 1941, рис. 80; Гайдукевич, 1952а]. В эти же годы в юго-западной части Тирита-

ки Ю. Ю. Марти открыл биритуальный плитово-грунтовый могильник [Марти, 1941б, с. 11, 24]. Одновременно с раскопками В. Ф. Гайдукевич предпринял ряд маршрутных разведок, в процессе которых, помимо античных памятников, в поле зрения исследователя попало позднесредневековое поселение, обнаруженное на южной окраине с. Приозерное [Гайдукевич, 1940а, с. 317].

Второй период приходится на 40 – 60-е гг. XX в., когда была открыта едва ли не половина известных на сегодняшний день, средневековых памятников восточной части Керченского полуострова. Первыми в послевоенные годы возобновились работы на городище Тиритака. На одном из раскопов В. Ф. Гайдукевич открыл остатки нескольких салтово-маяцких построек, а в северо-восточном углу городища – одиночную плитовую могилу [Гайдукевич, 1958, с. 165].

В пятидесятые годы к исследованиям на полуострове приступила И. Т. Кругликова. В работах, возглавленного ею Восточно-Крымского отряда ИА АН СССР активное участие принял бывший инженер-путеец и археолог-любитель В. В. Веселов. На протяжении многих лет он осуществлял археологические разведки, постепенно охватившие всю территорию Керченского полуострова. С 1956 по 1964 гг. В. В. Веселов неоднократно обследовал рассматриваемый район. В результате на археологическую карту были нанесены десятки средневековых поселений. В составленной им сводной ведомости результатов археологических разведок на Керченском полуострове они были хронологически разделены на раннесредневековые и средневековые [Веселов, 2005]. Первая группа памятников первоначально датировалась V-X вв. и связывалась с расселением на полуострове славян [Веселов, 1962]. Позднее, не без влияния Д. Л. Талиса и А. В. Гадло, В. В. Веселов изменил их хронологические рамки, обозначив в пределах VIII-X (VII-IX) вв. Тогда же он окончательно определился с их этнокультурной принадлежностью, назвав в качестве основной составляющей праболгар и алан [Веселов, 1965]. Памятники второй группы В. В. Веселов отнес к позднему средневековью, но их хронологические рамки оставил открытыми. К сожалению, результаты разведок В. В. Веселова, вскоре после его смерти, были преданы забвению, большая же часть его культурного наследия в научный оборот введена недавно.

В 1962 г. разведки на Керченском полуострове провел средневековый археологический отряд ЛГУ под руководством А. В. Гадло. В план работ был включен и участок побережья Керченского пролива между Тобечикским и Чурубашским озерами. В итоге следы раннесредневековых поселений удалось выявить на протяжении 3,5 км и на площади около 160 га. Собранный подъемный материал позволил исследователю отнести их к салтово-маяцкой культуре [Гадло, 1962]. Спустя год на одном из поселений – на современной археологической карте Героевка-3 – А. В. Гадло предпринял раскопки, которые продолжились и в следующий полевой сезон. На трех, отдаленных друг от друга, участках он заложил 8 раскопов, где было исследовано 13 жилищно-хозяйственных комплексов, включая различной конструкции полуземлянки

и наземные жилища [Гадло, 1968; Гадло, 1969]. Результаты, полученные в ходе раскопок, подтвердили принадлежность раннесредневековых памятников Керченского полуострова тюрко-болгарам и позволили отойти от формального подхода при определении их хронологических рамок. Впервые была предпринята попытка реконструировать инфраструктуру и планировку поселений, а также разработана типология жилищ и прослежена их эволюция.

Третий период охватывает несколько последних десятилетий, начиная с 70-х годов прошлого столетия. В этот период средневековые памятники, за редким исключением, целенаправленно не изучались, но благодаря тому, что многие из них находились на территории античных памятников, они время от времени раскапывались. Одновременно десятки новых поселений и могильников были выявлены в ходе разведок. К сожалению, материалы их исследований не издавались в полном объеме. Чаще всего информация о них ограничивалась краткой характеристикой открытых раннесредневековых комплексов или же констатацией самого факта наличия, на том или ином памятнике, соответствующего им горизонта. Отсутствие целенаправленных научных программ привело к тому, что большая часть накопленного за последние десятилетия средневекового материала и до сих пор не введена в научный оборот.

В 70-е гг. несколько ранее неизвестных средневековых памятников были открыты в окрестностях пос. Эльтиген. На одном из участков некрополя городища Нимфей Н. Л. Грач зафиксировала горизонт со строительными остатками салтово-маяцкого поселения и раскопала три конских захоронения. Два из них отнесли к VIII-IX вв., одно к XIII-XIV вв. На самом городище, расположенном на северной окраине поселка, были исследованы несколько плитовых могил [Грач, 1989, с. 67; Грач, 1999, с. 43, 45, 46, 49, 64, 69, 70, 74, 97, 99, 100]. В 1974 г. возобновились раскопки Тиритаки. В северо-западной ее части Д. С. Кирилиным обнаружены две полуземлянки и хозяйственные ямы, датированные VIII-IX вв. [Кирилин, Молев, Гладкова, 1975, с. 286]. В 1983-1985 гг. городище раскапывалось О. Д. Чевелевым, но строительных остатков в пределах салтовского горизонта обнаружено не было [Чевелев, 1985, с. 371; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 87].

Последние два десятилетия связаны в основном с работами Боспорской охранно-археологической экспедиции (далее по тексту - БОАЭ) под руководством В. Н. Зинько. В 1991 г. им было исследовано салтово-маяцкое поселение Героевка-6, расположенное в окрестностях пос. Эльтиген, а спустя год раннесредневековый горизонт проследили на поселении Героевка-2. Здесь же была раскопана усадьба, датированная IV-VI вв. Помимо поселений к югу и западу от пос. Эльтиген, были открыты одиночные погребения VIII – первой половины X вв. и ритуальные ямы этого же времени, устроенные в одном из античных курганов [Зинько, 1994а, с. 19-20; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189-192]. Позднее, в рамках реализации международной научной программы «Нимфей – история и структура греческого полиса», БОАЭ совместно с Институтом

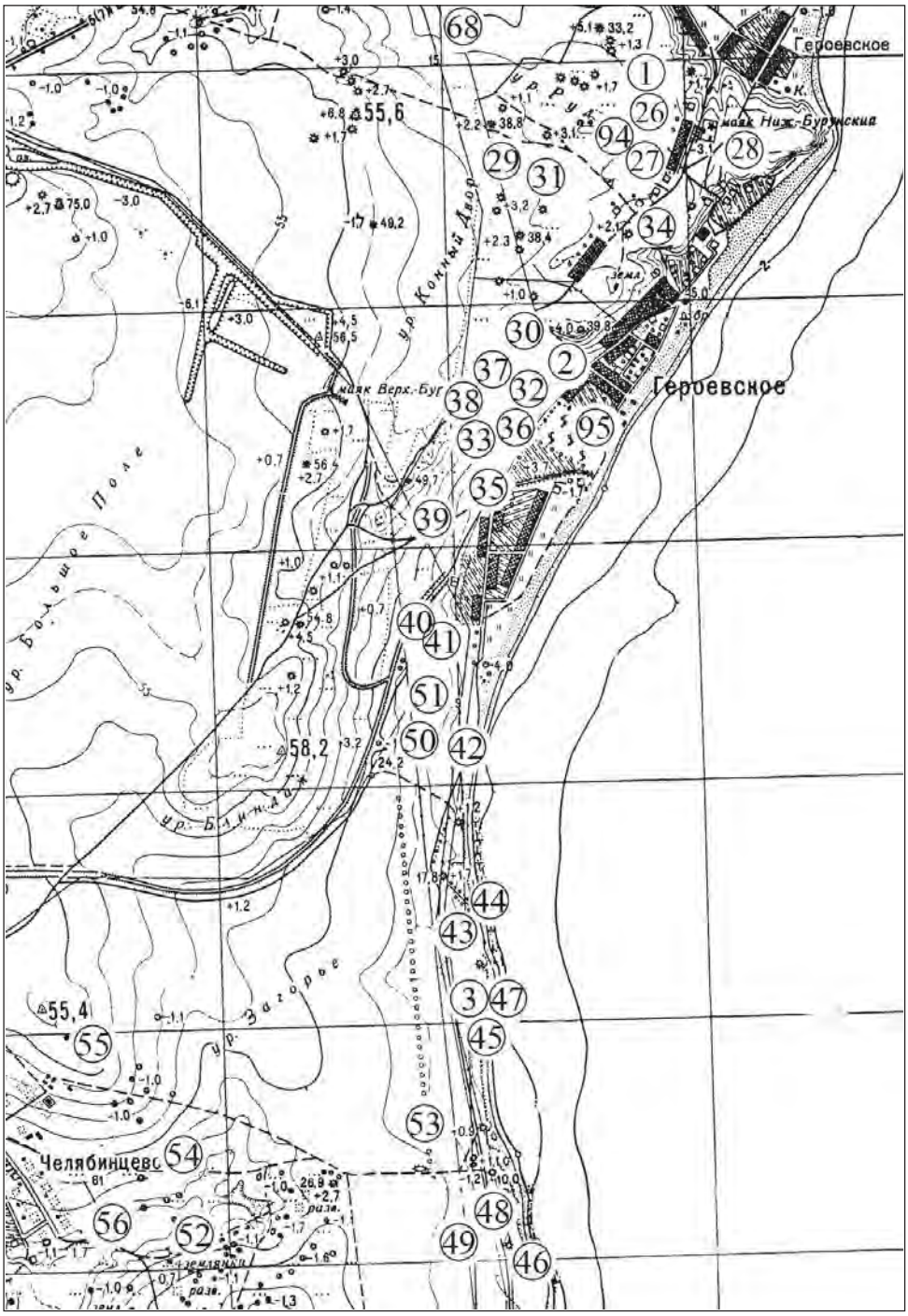


Рис. 2. Карта средневековых памятников в окрестностях пос. Эльтиген.

археологии и этнологии Польской Академии Наук (А. Вансович, Т. Шолль) на территории между Тобечикским и Чурубашским озерами провела сплошные археологические разведки [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15-114; Зинько, 2003а, с. 11-12]. В итоге на археологическую карту были нанесены десятки неизвестных памятников неолита, эпохи бронзы, античности и средневековья. Среди последних заметно преобладали салтово-маяцкие поселения. С 2002 г. БОАЭ приступила к раскопкам городища Тиритака, продолжающимся и по нынешний день. В центральной его части, практически по всей площади раскопа XXVI, удалось проследить горизонт салтово-маяцкого поселения, на уровне которого были раскопаны остатки пяти наземных построек, полуземлянка, хозяйственные ямы и зольник [Зинько, Пономарев, Зинько, 2004, с. 131; Зинько, Пономарев, Зинько, 205, с. 139]. В 2006 г., в рамках программы комплексного изучения Тиритаки, БОАЭ провела разведки на хоре городища, исследовав территорию около 50 кв. км. Средневековых памятников, которые с уверенностью трактовались как поселения, обнаружить не удалось, но было зафиксировано несколько мест скопления керамики VIII-X вв. [Зинько, Пономарев, Бейлин, 2007, с. 298, 300].

Помимо БОАЭ, исследования в окрестностях пос. Эльтиген проводились и другими экспедициями. В 1994 г. на территории некрополя Нимфея А. А. Аветиков проследил жилой горизонт салтово-маяцкого поселения [Аветиков, 1997, с. 10]. Спустя год, в северо-западной части некрополя С. Л. Соловьевым раскопана полуземлянка, время функционирования которой определено в пределах VIII-IX вв. [Новоселова, 2003, с. 170-171]. В 2001 г. Эльтигенской охранно-археологической экспедицией частично раскопан биритуальный, плитово-грунтовый могильник Эльтиген-I, датированный второй половиной IX – первой половиной X вв. [Пономарев, 2001]. Поблизости от него обнаружены еще два плитовых салтово-маяцких могильника. Список ранее неизвестных средневековых памятников пополнило открытое в 2005 г. Н. Ф. Федосеевым салтово-маяцкое поселение, располагавшееся на территории пос. Эльтиген.

ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ IV-VII вв.

1. НЕКРОПОЛЬ НИМФЕЯ. Некрополь расположен к югу от Чурубашского озера и западнее городища Нимфей. Из верхних слоев на участке к юго-западу от «Аллеи склепов» происходят фрагменты амфор ранневизантийского времени, в том числе с рифлением на тулове в виде «набегающей волны» [Аветиков, 1997, с. 10]. По мнению Н. З. Куниной, из некрополя могут происходить стеклянные кувшины, датированные по аналогиям IV в. н.э. и второй половиной VI – началом VII вв. [Кунина, 2005, с. 196-200; Кунина, 2004, с. 82-86]. Эти сосуды, ныне хранящиеся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, до 1900 г. находились в составе частной коллекции А. В. Новикова, имение которого находилось в непосредственной близости от некрополя Нимфея. Однако, в коллекцию этого известного керченского собирателя древностей вещи поступали из разных, ограбленных

местными «счастливчиками», некрополей. Поэтому установить, откуда действительно они происходят, на данный момент уже невозможно.

2. ПОСЕЛЕНИЕ «ЭЛЬТИГЕН - ПАМЯТНИК». Открыто и частично исследовано в 2005 г. Н. Ф. Федосеевым. Расположено на западной окраине пос. Эльтиген, между домовладениями 50 и 52, на второй приморской террасе. В раннесредневековом, предварительно датированном VIII – первой половине X вв., слое обнаружено несколько фрагментов ранневизантийских амфор, в том числе типа Газы и с рифлением на тулове в виде «набегающей волны», время бытования которых относят к IV-VII вв.

3. УСАДЬБА НА ПОСЕЛЕНИИ ГЕРОЕВКА-2. Расположена на высоком, подверженном абразии, морском берегу, в 1,7 км к югу от пос. Эльтиген. Исследована в 1992-1993 гг. Состояла из нескольких разнофункциональных помещений и внутреннего двора. При этом двор был устроен в нижней части балки, а помещения врезаны в ее склоны. К северу от балки находился трехкамерный жилой дом с каменной печью, а к югу от двора хозяйственные постройки, предназначенные для переработки и хранения зерна. Керамический комплекс представлен находками амфор, краснолаковой посуды и лепных сосудов, а нумизматический материал – фоллисом Юстиниана-I, обнаруженным в слое пожара, уничтожившего усадьбу [Зинько, Соловьев, 1994, с. 160; Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 154, № 6]. В целом, памятник датирован IV - концом VI вв. [Зинько, 1994а, с. 19-20; Зинько, 1996, с. 18-19; Зинько, 2003а, с.191-195, рис. 111].

4. ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА. Остатки комплексов ранневизантийского времени впервые прослежены Л. М. Славиным в юго-западной части городища, на участке V-VI [Книпович, Славина, 1941, с. 52-56]. В 1937 г. в юго-восточной части Тиритаки Ю. Ю. Марти раскопана базилика, время функционирования которой В. Ф. Гайдукевич отнес к концу V-VI вв. [Марти, 1939, с. 129-131; Гайдукевич, 1940а, с. 309-310, рис. 8; Гайдукевич, 1940б, с. 190-204; Гайдукевич, 1952а, с. 55, 67-72]. На участке XIV, заложенном В.Ф. Гайдукевичем в западной части городища, слои ранневизантийского периода были выражены слабо, главным образом, в виде отдельных находок [Гайдукевич, 1952б, с. 100-101, рис. 120, 121]. Гораздо лучше строительные остатки этого периода сохранились на участке XV, работы на котором проводились в предвоенные и послевоенные годы. Здесь был раскопан жилищно-хозяйственный строительный комплекс, состоящий из нескольких помещений. В процессе его исследований было выделено два периода его функционирования. Первый, по мнению В.Ф. Гайдукевича, относился к III-IV вв., а второй, отделенный от него слоем пожара, – к концу IV-V вв. [Гайдукевич, 1952б, с. 109-127, рис. 127, 128; Гайдукевич, 1958, с. 172-177].

В 1983-1985 гг. раскопки на городище проводились Тиритакским отрядом археологической экспедиции КИАМ. На раскопах XXIV, XXV были выявлены остатки квартальной застройки, датированные V – второй четвертью VI вв. [Чевелев, 1985, с. 371; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 87-99].

Мощные, до 1,4 м, напластования ранневизантийского времени зафиксированы в центральной части городища на раскопе XXVI, исследуемом с 2002 г. Боспорской охранно-археологической экспедицией. Обнаруженные в них археологические комплексы разделены на три жилых горизонта. Второй (верхний) горизонт отражает заключительный этап функционирования городища и предварительно может быть датирован третьей четвертью VI - VII вв. Относящиеся к нему строительные и хозяйственные комплексы прослежены в северной и западной части раскопа, но реконструировать планировку этого участка городища на данном этапе невозможно, поскольку постройки и другие элементы инфраструктуры сохранились фрагментарно. Ниже, на уровне третьего жилого горизонта, датирующегося второй половиной V – третьей четвертью VI вв., по всей площади раскопа зачищен участок квартальной застройки, располагавшийся на двух террасах. На верхней террасе раскопано несколько жилищно-хозяйственных комплексов, мощеные известняковыми плитами и битой керамикой, улицы, хозяйственный двор с зерновыми ямами и вкопанным в грунт пифосом. Четвертый жилой горизонт датируется второй половиной III – первой половиной V вв. В западной части раскопа к этому периоду относится крупный жилищно-хозяйственный комплекс, в состав которого входили две постройки, одна из трех, сооруженных в первые века нашей эры, рыбозасолочных цистерн и четыре небольшие смежные цистерны, возможно, связанные с кожевенным производством. На верхней террасе, помимо обычных построек, раскопано святилище, заброшенное не позднее середины V в. н.э. [Зинько, Пономарев, Зинько, 2004, с. 132-133; Зинько, Пономарев, Зинько, 2005, с. 131-133; Зинько, 2007, с. 137-140, рис. 2].

Несмотря на то, что Тиритака в сравнении с другими ранневизантийскими памятниками Керченского полуострова изучена гораздо полнее, дискуссионным до сих пор остается вопрос о времени прекращения жизни на городище. В свое время В. Ф. Гайдукевич считал, что Тиритака погибает в конце VI в. и связывал это событие с вторжением тюркских племен [Гайдукевич, 1952б, с. 41]. А. В. Сазанов отнес прекращение жизни на ней к третьей четверти VI в., но за десятилетие раньше тюркского похода 576 г. [Сазанов, 2000; Сазанов, 2004, с. 176; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 128]. Иной точки зрения придерживается А. И. Айбабин, согласно которому заключительный этап функционирования Тиритаки приходится на VII в. [Айбабин, 1999 с. 137]. В пользу предложенной им даты свидетельствуют археологические материалы и стратиграфическая ситуация, прослеженная в центральной части городища, на раскопе XXVI. В северной его части на уровне второго (верхнего) жилого горизонта была зачищена яма, в заполнении которой оказались детали поясного набора VII в., а в заполнении одной из построек третьего (предшествующего) жилого горизонта была найдена краснолаковая миска типа ARSW-99B, датирующаяся не ранее третьей четверти VI в. [Зинько, Пономарев, Зинько, 2004, с. 132-133].

6. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА МОНЕТЫ (Керчь, р-н Аршинцево). В 1947 г., в окрестностях Тиритаки, обнаружен фоллис Константина IV Погоната (668-685). Точное место и условия находки неизвестны [Якобсон, 1958, с. 470, прим. 2; Кропоткин, 1962, с. 33, № 201].

7. СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА МОНЕТЫ В С. ПРИОЗЕРНОЕ. В 1958 г., на территории с. Приозерное обнаружена монета – фоллис Юстина I. Точное место и условия находки неизвестны [Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 153, № 1].

8. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на юго-западном склоне урочища Чурбашские скалки, в 0,3 км к северо-западу от господствующей в этом районе высоты 102,2. Раннесредневековая подъемная керамика представлена немногочисленными фрагментами красноглиняных амфор типа 98а, по И. Б. Зеест, и обломками красноглиняных кувшинов [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 04-07, № 7].

ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X вв.

9. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1960 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,5 км к западу от Золотого кургана и 0,5 км к северу от с. Восход (совр. Джерджава). Территория поселения ныне занята дачными участками. На размытых участках полевых дорог обнаружены фрагменты причерноморских амфор и салтовских горшков [Веселов, 2005, с. 142, № 327].

10. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1960 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,55 км юго-западнее Золотого кургана. Территория поселения ныне занята дачными участками. Собранный на размытых участках полевой дороги подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Веселов, 2005, с. 143, № 329].

11. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1960 г. В. В. Веселовым. Расположено на территории с. Джерджава. Подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Веселов, 2005, с. 143, № 330].

12. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1961 г. В. В. Веселовым. Расположено в 1,3-1,5 км к юго-западу от с. Джерджава, западнее «Тиритакского» вала [Веселов, 2005, с. 157, № 477].

13. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1963 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,4 км к востоку от предыдущего и 0,8 км к югу от с. Джерджава [Веселов, 2005, с. 173, № 626].

14. ПОСЕЛЕНИЕ СОЛДАТСКАЯ СЛОБОДКА. Открыто в 1963 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,4 км к западу от окраины с. Солдатская слободка (г. Керчь) [Веселов, 2005, с. 173, № 627].

15. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Выявлено в 2005 г. в ходе разведок БОАЭ. Расположено на склоне обрыва, в 100 м от берега Камыш-Бурунской бухты, у южного основания мыса Ак-Бурун. Раннесредневековый подъемный материал

представлен единичными фрагментами причерноморских бороздчатых амфор. Не исключено, что само поселение уничтожено береговой абразией [Зинько, Пономарев, Бейлин, 2007, с. 296].

16. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено в 2005 г. в ходе разведок БОАЭ. Расположено на распахиваемом поле в 100 м к западу от «Тиритакского» вала, в районе курганной группы № 2. На пашне собраны немногочисленные фрагменты причерноморских бороздчатых амфор. Следы построек не прослеживаются [Зинько, Пономарев, Бейлин, 2007, с. 298].

17. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено в 2005 г. в ходе разведок БОАЭ. Расположено на западной окраине бывшего поселка Красная Горка (совр. р-н Аршинцево г. Керчи) на распахиваемом поле в 200 м к северу от заброшенного железорудного карьера - «А». На пашне собраны немногочисленные фрагменты раннесредневековой керамики, в том числе высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой баклинского типа и горшка с пальцевым вдавлением на ручке [Зинько, Пономарев, Бейлин, 2007, с. 300].

18. ПЛИТОВЫЙ МОГИЛЬНИК В ОКРЕСТНОСТЯХ ТИРИТАКИ. Частично раскопан в 1932 г. Ю. Ю. Марти. [Марти, 1941а, с. 31-36, рис. 44-48, мог. №№ 5-9]. Располагался на холме в 0,7 км к западу от городища Тиритака, впоследствии уничтожен одним из железорудных карьеров. Могилы сооружены из отесанных плит известняка. Содержали одиночные, парные и тройные захоронения. В могилах №№ 6-9 костяки ориентированы головой на запад, в могиле № 5 головой на восток. Немногочисленный инвентарь представлен бронзовыми салтовскими украшениями, амулетами, бусами, изделиями из железа, кости и кремня. По аналогиям с инвентарем из Верхне-Салтовского могильника Ю.Ю. Марти датировал его VII-VIII вв. В последнее время могильник относят ко второй половине VIII – первой половине IX вв. [Айбабин, 1993, рис. 2].

19. ПОГРЕБЕНИЕ НА УЧАСТКЕ «ЭНЕРГОСТРОЯ» В ОКРЕСТНОСТЯХ ТИРИТАКИ. Раскопано в 1932 г. Ю. Ю. Марти. Обнаружено на строительной площадке «Энергостроя» Керченского железорудного комбината, юго-западнее городища Тиритака. В могиле зачищены два костяка и фрагменты двух круглодонных амфор. Конструкция могилы и особенности погребального обряда Ю. Ю. Марти описаны не были [Марти, 1941а, с. 31].

20. РИТУАЛЬНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ТИРИТАКИ. Раскопано в 1932 г. Ю. Ю. Марти. Находилось в нескольких десятках метров к западу от городища Тиритака. Ю. Ю. Марти рассматривал его как обычное погребение. Однако, от обычных салтовских грунтовых захоронений его отличают не только размеры (длина 1,7 м, ширина 2,0 м), но и необычный состав находок. На полу ямы, вокруг известнякового ротационного жернова и вдоль ее бортов, были уложены девять человеческих черепов и два собачьих. Здесь же было найдено бронзовое кольцо с четырьмя лапками-зажимами, надетое на фалангу пальца [Марти, 1941а, с. 32, мог. № 3]. Судя по всему, открытый Ю. Ю. Марти комплекс представлял собой риту-

альное захоронение, возможно, связанное с аграрными культами [Пономарев, 2001а, с. 30-31; Пономарев, 2006, с. 242].

21. ПЛИТОВО-ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА. Частично раскопан Ю. Ю. Марти в 1932-1934 гг. Расположен на юго-западной окраине городища Тиритака (раскоп I). Несколько исследованных грунтовых могил оказались безынвентарными. Подробное их описание в публикации Ю. Ю. Марти отсутствует. Плитовые могилы так и не были раскопаны [Марти, 1941б, с. 11, 24].

22. ПЛИТОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА. Раскопано в 1950 г. В. Ф. Гайдукевичем на участке XXI в северо-восточном углу городища Тиритака (кв. II). Могила сооружена из прямоугольных известняковых плит, на одной из них высечен крест. Костяк уложен головой на юго-запад, на спине, в вытянутом положении. Инвентарь отсутствовал [Гайдукевич, 1958, с. 165, рис. 9].

23. ПОСЕЛЕНИЕ НА ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА. Археологические комплексы VIII-X вв. впервые выявлены Л. М. Славиным в юго-западной части городища (1933-1936 гг., раскопы V-VI) [Книпович, Славин, 1941, с. 37, рис. 81]. На соседних с ними, исследуемых с 1932 г. Ю. Ю. Марти, раскопах I-II раннесредневековые напластования оказались полностью уничтоженными, а керамика VIII-X вв. встречалась только в переотложенном состоянии [Марти, 1941б, с. 17]. Большая часть строительных комплексов салтово-маяцкого поселения на городище была открыта В. Ф. Гайдукевичем. В 1935 г. на раскопе X, в юго-восточной части городища им исследовался жилищно-хозяйственный комплекс, изначально представлявший собой двухкамерную постройку, к которой впоследствии пристроили еще три помещения [Гайдукевич, 1952а, с. 49-52, рис. 54]. В 1936-1937 гг. на раскопе XIII, в юго-восточной части городища была открыта ранневизантийская базилика. После ее гибели в центральном нефе устроили жилище, датированное В. Ф. Гайдукевичем VII-VIII вв., а затем VIII-IX вв. [Гайдукевич, 1940б, с. 191, 203]. В 1937 г. на раскопе XIV в западной части городища были раскопаны пять разновременных салтовских построек, но, к сожалению, ни одну из них реконструировать не удалось [Гайдукевич, 1952а, рис. 122; 123]. Еще один, практически полностью разрушенный, салтовский дом обнаружили в 1939 г. на раскопе XV [Гайдукевич, 1952а, с. 126-127]. Здесь же в 1946 г. были прослежены еще несколько разрозненных кладок, каменная вымостка и хозяйственная яма [Гайдукевич, 1952а, рис. 163]. В послевоенные годы, на новых раскопах – XVI-XXI, раннесредневековых строительных комплексов обнаружено не было. В 1974 г. исследования на городище продолжил Д. С. Кирилин (Тиритакская охранно-археологическая экспедиция КИАМ). На раскопе XXII, заложенном в северо-западной части Тиритаки, было выявлено несколько раннесредневековых комплексов, в том числе две полуземлянки и хозяйственные ямы [Кирилин, Молев, Гладкова, 1975, с. 286]. В 1983-1985 гг.

работы на городище проводились Тиритакским отрядом археологической экспедиции КИАМ (О. Д. Чевелев). Слой VIII-X вв. был прослежен на обоих разбитых в западной и северо-восточной частях Тиритаки раскопах XXIV и XXV, но строительных комплексов на этих участках обнаружить не удалось [Чевелев, 1985, с. 371; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 87]. С 2002 г. комплексную научно-исследовательскую программу на Тиритаке осуществляют Крымское отделение института востоковедения НАНУ совместно с Фондом «Деметра». Новый раскоп XXVI был заложен в центральной части городища. Салтовский горизонт здесь удалось проследить практически по всей площади. Стратиграфически ему соответствует золистый серый и рыхлый коричневый слои, откуда происходит керамика VIII-X вв., в том числе гладкостенные и желобчатые пифосы, причерноморские амфоры, высокогорлые кувшины, фляги, столовая красноглиняная и лощеная сероглиняная посуда, салтово-маяцкие тарные, кухонные и столовые сосуды. В течение четырех полевых сезонов (2002-2005 гг.) на раскопе XXVI были открыты остатки пяти, в том числе двух однокамерных построек, полуземлянка, хозяйственные ямы, вымостки и зольник. Регулярной и плотной застройки прослежено не было. Судя по всему, поселение представляло собой группу обособленных и хаотично расположенных построек, между которыми находились хозяйственные ямы и зольники. Рядом с одной из построек, выявленной в юго-западном углу раскопа, раскопан ритуальный комплекс, представлявший собой небольшую яму, в заполнении которой оказались челюсть ребенка и череп овцы со следами воздействия двух рубящих орудий [Зинько, Пономарев, Зинько, 2004, с. 131; Зинько, Пономарев, Зинько, 2005, с. 139; Зинько, Пономарев, 2006, с. 531-549].

24. МОНЕТА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТИРИТАКИ. Солид Василия I и Константина (чеканен в 869-876 гг.). Точное место находки неизвестно [Кропоткин, 1961, с. 174, № 49].

25. МОНЕТА ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ТИРИТАКИ. Медная монета Константина VII (чеканена в 945 г.). Точное место находки неизвестно [Кропоткин, 1961, с. 174, № 50].

26. ПОСЕЛЕНИЕ ЭЛЬТИГЕН-ЗАПАДНОЕ. Открыто в 1962 г. А. В. Гадло. Расположено на северо-западной окраине пос. Эльтиген, в северной части античного курганно-грунтового некрополя городища Нимфей [Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1,10]. В 1973-1974, 1976-1978 гг. Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством Н. Л. Грач проводила исследования в северо-восточной части некрополя. В верхних слоях на участке «А» были открыты невыразительные фрагменты каменных оград и стен (объекты А108, А109), часть которых сложены «в елочку». Здесь же были прослежены остатки жилищ, атрибутированные исследовательницей как полуземлянки (объект А137), и хозяйственные ямы, заполненные золой и керамикой VIII-X вв. (объекты А49, А50, А54, А62, А144, А145, А172, А172а, А173, А174). Еще три, одновре-

менные им, хозяйственные ямы были раскопаны на участке «Г» (объекты Г1, Г5, Г9) [Грач, 1999, с. 38, 40, 43-45, 46, 49, 64, 69, 70, 74, 97, 99, 100, табл. 12, 24, 3-10, 83, 95, 96, 141, 144]. В 1994 г. А.А. Аветиков (Охранно-археологическая экспедиция КГИКЗ) исследовал еще один участок поселения, расположенный в юго-западной части некрополя, в районе т. н. «Аллеи склепов». Сразу под дерновым слоем были открыты скопления камней в сырцовом развале. Сопутствующий керамический материал исследователь отнес к VI-VIII вв. [Аветиков, 1997, с. 10]. Спустя год в северо-западной части некрополя С. Л. Соловьевым (Керченская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа) была открыта квадратная в плане полуземлянка. Первоначально ее датировали IV-VI вв., а затем VIII- IX вв. [Власова, Соловьев, 1998, с. 202, рис. 12; Новоселова, 2003, с. 170-171], но время ее функционирования и до сих пор остается предметом дискуссий, поскольку надежно датируемого материала в заполнении полуземлянки не оказалось [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 117-118].

27. КОНСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭЛЬТИГЕН-ЗАПАДНОЕ. Раскопаны Н. Л. Грач в северо-восточной части курганно-грунтового некрополя городища Нимфей. В погребениях - А12, А19 зачищены лошади, уложенные головой на Ю-В, на правом боку и подогнутыми ногами. Датируют захоронения части уздечного набора – железное кольцо и удила [Грач, 1999, с. 38, 40, табл. 12].

28. ПЛИТОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ГОРОДИЩЕ НИМФЕЙ. Выявлен в верхних слоях античного городища Нимфей, расположенного на мысе Кара-Бурун, в 17 км к югу от Керчи. Частично исследован Н. Л. Грач и датирован VIII-IX вв. [Грач, 1975, с. 271; Грач, 1978, с. 315; Грач, 1989, с. 67; Соколова, 1999, с. 71]. Результаты раскопок не опубликованы.

29. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено в 1995 г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на западной окраине пос. Эльтиген, на поле к югу от асфальтной дороги, ведущей к поселку. На небольшой площади выявлено несколько фрагментов причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 05-03, № 1].

30. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено в 1995 г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в пос. Эльтиген к югу от глубокой балки, пересекающей в широтном направлении вторую приморскую террасу в районе мемориального комплекса. Раннесредневековая керамика выявлена на площади около 0,5 га [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 06-03, № 4].

31. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,5 км к западу от пос. Эльтиген и 0,1 км к востоку от трассы Керчь – с. Заветное. Периодически распахивается. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамикой [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 05-03].

32. ПОСЕЛЕНИЕ ЭЛЬТИГЕН - «ПАМЯТНИК». Открыто и частично исследовано в 2005 г. Н. Ф. Федосеевым. Расположено на западной окраине пос. Эльтиген (между домовладениями 50 и 52 по ул. Г. Петровой),

на склоне второй приморской террасы. Раннесредневековая керамика из слоя представлена причерноморскими амфорами, ойнохоями «баклинского» типа, лощеной посудой и салтово-маяцкими горшками. В процессе раскопок на поселении исследованы остатки двухкамерного или однокамерного жилища и хозяйственного сооружения.

33. МОГИЛЬНИК ЭЛЬТИГЕН-I. Открыт в 1997 г. разведками БОАЭ [Зинько, Пономарев, 2000, с. 190, рис. 1,18]. В 2001 г. исследовался Эльтигенской охранно-археологической экспедицией (далее по тексту, ЭОАЭ) [Пономарев, 2001б, с. 106-107]. Расположен на западной окраине пос. Эльтиген, в пределах второй приморской террасы. На площади свыше 300 кв. м. раскопано 15 погребений. Восемь из них представляют собой плитовые могилы, а семь - грунтовые захоронения. В плитовых могилах выявлены одиночные, парные и тройные захоронения, совершенные по христианскому обряду. На плитах двух могил высечены кресты. В грунтовых могилах зачищены разрушенные костяки, свидетельствующие о совершенном над ними обряде обезвреживания погребенных. Немногочисленный погребальный инвентарь – бронзовые перстни, кольца и серьги, а также обнаруженный в одной из плитовых могил фрагмент высокогорлого кувшина с плоской ручкой, позволяют датировать могильник второй половиной IX – первой половиной X вв. [Пономарев, 2004а, с. 460; Пономарев, 2004б, с. 278-285].

34. МОГИЛЬНИК ЭЛЬТИГЕН-III. Открыт в 2001 г. в процессе работ ЭОАЭ. Расположен в пос. Эльтиген, на второй приморской террасе, к востоку от ул. Рубежной. Южный участок могильника разрушается оползнями. На обрывистом склоне террасы зафиксированы две, частично сохранившиеся плитовые могилы, ориентированные по оси юго-запад – северо-восток. Ниже по склону обнаружены сползшие плиты перекрытия. Здесь же собран немногочисленный подъемный материал, представленный причерноморскими амфорами, салтово-маяцкой керамикой, берцовой костью и фрагментами человеческого черепа [Пономарев, 2004а, с. 445].

35. МОГИЛЬНИК ЭЛЬТИГЕН-II. Открыт в 2001 г. в процессе работ ЭОАЭ. Расположен на западной окраине пос. Эльтиген, в пределах второй приморской террасы. На размытом участке полевой дороги обнажилось одно из погребений, представляющее собой плитовую могилу, ориентированную по оси север-юг. Костяк и инвентарь не сохранились. Рядом с могилой прослеживаются плиты перекрытия других могил [Пономарев, 2004а, с. 445].

36. ПОСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕ-БУРУНСКИЙ МАЯК ВОСТОЧНОЕ. Обнаружено в 1997 г. разведками БОАЭ. Расположено на вершине скалистой гряды, в пределах второй приморской террасы, в 0,2 км к востоку от ограды маяка. В восточной части поселения выявлен грабительский шурф, в борту которого обнажилась стена одной из построек. В отвалах собрана раннесредневековая керамика, представленная в основном фрагментами причерноморских бороздчатых амфор. Среди подъемного материала отметим фрагменты

высокогорлых кувшинов, пифосов и салтово-маяцких горшков [Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1,7; 4, 1-14].

37. ПОСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕ-БУРУНСКИЙ МАЯК СЕВЕРНОЕ. Открыто в 1997 г. разведками БОАЭ. Расположено в 0,2 км к северу от ограды маяка. Занимает площадь около 2 га. Поверхность задернована. На размытых участках идущей через поселение полевой дороги прослеживаются кладки, ориентированные в направлении СЗ-ЮВ. Немногочисленный подъемный материал представлен фрагментами гладкостенных пифосов, причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1,9].

38. ПОСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕ-БУРУНСКИЙ МАЯК, ЗАПАДНОЕ. Открыто в 1963 г. В. В. Веселовым [Веселов, 1963, с. 5]. Расположено на территории маяка и к западу от него. Занимает площадь около 3 га. Большая часть поселения занята огородами и пашней. Подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой посуды [Зинько, Пономарев, 2000, рис. 1,8].

39. ПОСЕЛЕНИЕ ЭЛЬТИГЕН ЮГО-ЗАПАДНОЕ. Открыто в 1956 г. В.В. Веселовым [Веселов,2005, с. 41-42, 116, пункт 84]. Расположено на юго-западной окраине пос. Эльтиген в пределах второй приморской террасы. Занимает территорию около 3 га и полностью распахивается. На пашне визуально прослеживаются локальные развалы камней, представляющие собой остатки наземных построек. Многочисленный подъемный материал представлен гладкостенными и желобчатыми пифосами, причерноморскими амфорами, высокогорлыми кувшинами, флягами, ойнохоями баклинского типа, поливной и лощеной посудой, салтово-маяцкой керамикой и стеклянными бокалами [Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 6]. Среди других находок отметим глиняную «лепешку» в виде зубчатого кружка, орнаментированную косыми насечками [Пономарев, 2005, с. 98].

40. ПОГРЕБЕНИЕ НА ПОСЕЛЕНИИ ГЕРОЕВКА-6. Обнаружено в 1991 г. В. Н. Зинько. Расположено в восточной части поселения. Представляет собой грунтовое погребение, перекрытое несколькими известняковыми плитами. Погребенный находился в вытянутом положении, на спине, головой на восток. В могиле обнаружен многочисленный инвентарь: нож, кинжал, железная пряжка, бусина, оселок, костяное и кремневые изделия, бронзовые заклепки и пластина [Зинько, Пономарев, 2000, с. 190-191, рис. 8; 9]. Предварительно погребение можно датировать VIII в.

41. ПОСЕЛЕНИЕ ГЕРОЕВКА-6. Открыто в 1962 г. А.В. Гадло, но как самостоятельный памятник им не рассматривалось. Расположено на юго-западной окраине пос. Эльтиген, в 230 м к западу от берега Керченского пролива и занимает относительно пологий (с уклоном к востоку), ограниченный с севера и юга неглубокими оврагами, участок второй приморской террасы. Площадь поселения около 3 га. В последние десятилетия, вследствие ежегодной распашки, занимаемая им территория подвергается губительному антропогенному

воздействию. В результате переотложенными оказались культурные напластования глубиной до 0,4 м. Пострадали и остатки строительных комплексов, локализуемые в пределах вытянутых в меридиональном направлении каменных развалов, откуда происходит массовый подъемный материал [Зинько, Пономарев, 2000, рис. 4, 19-33]. Таких, хорошо заметных на дневной поверхности, развалов насчитывается семь. В 1991 г. охранные раскопки на поселении провел В. Н. Зинько. Раскопы, общей площадью около 260 кв. м., были заложены в пределах трех каменных развалов. Восточный край террасы исследовался шурфами. В процессе раскопок открыты остатки трех наземных построек. Планировку одной из них – СК-I (раскоп I) реконструировать не удалось. Вторая постройка – СК-III (раскоп III) представляла собой двухкамерную постройку. Особый интерес вызывает СК-II (раскоп II). Он, как и многие другие жилища на раннесредневековых поселениях Керченского полуострова, состоял из двух помещений, но в отличие от них, с запада к нему примыкала еще одна, округлая в плане, пристройка. Керамический комплекс из слоев и строительных комплексов представлен фрагментами гладкостенных и желобчатых пифосов, причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов, фляг, ойнохой баклинского типа, белоглиняной поливной посуды, покрытой прозрачной оливковой глазурью, лощеной керамикой, кухонной и тарной салтово-маяцкой посудой. Особый интерес представляет целая причерноморская бороздчатая амфора из заполнения СК-II, на стенке которой было прочерчено два граффити. В целом открытые строительные комплексы датированы второй половиной IX – первой половиной X вв. [Зинько, 1994а, с. 19; Зинько, 1997б, с. 41; Зинько, Пономарев, 2000, с. 188, рис. 1,5].

42. ПОСЕЛЕНИЕ ГЕРОЕВКА-4. Открыто в 1956 г. В. В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 42, 116, пункт 85]. Расположено на высоком, подверженном интенсивной абразии, морском берегу, в 0,5 км к северу от поселения Героевка-3. В береговом обрыве прослеживается культурный слой мощностью 0,3-0,4 м, содержащий античную и раннесредневековую керамику. Восточная часть поселения задернована, а западная распахивается. На пашне прослеживаются развалы камней от разрушенных построек. Подъемный материал представлен фрагментами гладкостенных пифосов, причерноморских амфор и салтовских горшков [Зинько, Пономарев, 2000, с. 188, рис. 1,4; 4,15].

43. ПОСЕЛЕНИЕ ГЕРОЕВКА-3. Открыто в 1956 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,3 км к северу от поселения Героевка-2 и отделено от него глубокой балкой [Зинько, Пономарев, 2000, с. 188, рис. 1,3]**.** Восточная часть поселения уничтожена береговой абразией. В 1962 г. поселение обследовано А. В. Гадло [Гадло, 1962, с. 13-14], а спустя три года он приступил к его раскопкам. В 1963 г., в центральной и южной части поселения, он заложил три раскопа. На раскопах I и III были открыты остатки двухкамерной постройки и полуземлянка [Гадло, 1968, с. 79-81]. На раскопе II-IV А. В. Гадло зачистил несколько, последовательно сменивших друг друга построек, отнесенных им к

трем строительным периодам. Наиболее раннее жилище на этом участке представлено полуземлянкой. Позднее рядом возвели две наземные постройки, которых в свою очередь сменили три наземных постройки. [Гадло, 1968, с. 81-83]. В каменном завале, разделявшем строительные остатки второго и третьего строительных периодов, обнаружили мраморную капитель колонны от алтарной преграды и обломки керамических плиток пола. По мнению А. В. Гадло, эти архитектурные элементы составляли часть внутреннего убранства сельского храма [Гадло, 1980, с. 139, рис. 5]. Сам храм обнаружить так и не удалось. В 1964 г. раскопки были продолжены в южной части поселения. На раскопе VIII были открыты остатки двух однокамерных наземных построек, а на раскопе V – двухкамерный дом с мощеным двором и хозяйственными ямами. На раскопе VII вскрыли остатки углубленного в материк жилища, печь и зольник [Гадло, 1969, с. 160-168]. Обнаруженная в слоях и жилищно-хозяйственных комплексах керамика представлена пифосами, причерноморскими амфорами, ойнохоями баклинского типа, лощеной посудой, салтово-маяцкими горшками и котлами с внутренними ручками-ушками. Особо следует отметить редкие для Керченского полуострова находки фрагментов столовой керамики, покрытой зеленой (пятнистой) поливой, в том числе со штампованным орнаментом [Макарова, 1967, с. 10]. Нумизматический материал представлен единственной монетой Константа II (641-668), обнаруженной на уровне древней дневной поверхности, рядом с одной из построек (IX). Однако, к числу датирующих находок она не относится, поскольку в слой попала позже времени обращения и использовалась как украшение или амулет, о чем свидетельствует просверленная в ней дырочка для подвешивания. Среди других, редких для салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, находок, отметим небольшой красноглиняный кувшинчик с граффити, обломок глиняной статуэтки животного, железную мотыгу и бронзовый перстень с лапками-зажимами [Гадло, 1969, с. 164,167, рис. 6]. Материалы, полученные в ходе раскопок, позволили А. В. Гадло датировать поселение концом VII в. (рубежом VII-VIII вв.) - рубежом IX-X вв. (началом X в.). Длительное время предложенные им хронологические рамки сомнений не вызывали, но в последние годы стали предметом дискуссии [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 114-117].

В 1996 г. раскопки на поселении продолжил В. Н. Зинько. В южной его части была открыта двухкамерная наземная постройка. Восточная часть жилища представляет собой обычное прямоугольное помещение, в то время как западное помещение имеет округлую форму. Обнаруженный на полах керамический комплекс включал причерноморские амфоры, высокогорлые кувшины, корчагу, салтово-маяцкие горшки, маслобойку, ойнохойю и светильник. Отметим также уникальную для этого региона находку железного колокольчика для крупного рогатого скота [Зинько, 1997а, с. 41; Зинько, Пономарев, 2001, с. 151-157, рис. 3]. Обнаруженный материал позволил датировать постройку второй половиной IX - первой половиной X вв.

44. ПЛИТОВО-ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК НА ПОСЕЛЕНИИ ГЕРОЕВКА-3. По всей видимости, открыт в 1956 г. В. В. Веселовым, отметившим в разрушаемом береговой абразией береговом обрыве к югу от пос. Эльтиген плитовые могилы. Однако, датировал их он эллинистическим временем [Веселов, 2005, с. 42, 116, № 88]. В 1962 г., в отчете о разведках, о них упоминает А. В. Гадло [Гадло, 1962, с. 4]. Спустя два года могильник был им частично исследован. В процессе раскопок было открыто 11 грунтовых и плитовых могил. Немногочисленный инвентарь и, прежде всего, бронзовое кольцо с уплощенным верхом и перстень с круглым плоским щитком позволили датировать могильник IX в. [Гадло, 2004, с. 106-107]. Позднее, на опубликованных И.А. Барановым археологических картах он по неизвестной причине был причислен к грунтовым [Баранов, 1989, с. 159; Баранов, 1990, с. 109, рис. 37,3].

45. ПОСЕЛЕНИЕ ГЕРОЕВКА-2. Открыто в 1956 г. В. В. Веселовым [Веселов, 1956, с. 11-12; Кругликова, 1975, с. 269, № 170]. Расположено на высоком, подверженном береговой абразии, морском берегу, в 1,7 км к югу от пос. Эльтиген. С севера ограничено глубокой, вдающейся в море, балкой, а с юга неглубоким молодым оврагом. Культурный слой прослежен на площади 4 га. Большая часть поселения, за исключением прибрежной полосы шириной до 20 м, распахивается. В 1992-1996 гг. раскопки на поселении проводились БОАЭ. Площадь исследованного участка составила 1200 кв. м, а мощность раннесредневековых напластований 0,3-0,4 м. Раннесредневековая керамика с поселения представлена фрагментами пифосов, причерноморских амфор, высокогорлых кувшинов, фляг, ойнохой баклинского типа, лощеной керамикой и кухонной салтово-маяцкой посудой. На поселении также собрана наиболее крупная на Керченском полуострове коллекция граффити на стенках причерноморских амфор. К числу наиболее ранних находок относятся две детали поясного набора, датирующиеся первой половиной VIII в. В процессе исследований раннесредневекового горизонта была раскопана обособленная и огороженная усадьба, в пределах которой прослежены остатки трех наземных построек, зольник и хозяйственные ямы. Одна из построек представляла собой двухкамерный дом, планировку двух других восстановить не удалось. К северо-западу и югу от жилищ располагались хояйственные комплексы. Среди них особый интерес представляют хозяйственные ямы №№ 14, 15, которые на последнем этапе функционирования были использованы в ритуальных целях. В их заполнении были обнаружены скелеты и кости семи собак, кости быка и ротационный жернов. Не исключено, что эти ритуальные захоронення были связаны с земледельческими культами. На северной окраине поселения, за пределами усадьбы, раскопана еще одна наземная постройка, которая была сооружена на вершине кургана. Небольшие ее размеры, необычное расположение и стерильность окружавшего слоя позволяют предположить, что использовалась она как дозорно-наблюдательный пункт. [Зинько, 1997а, с. 41; Зинько, 1997б, с. 122-123, рис. 71; Зинько, Пономарев, 2005, с. 236-244; Зинько, Пономарев, 2001, с. 147-151].

46. ПОСЕЛЕНИЕ ГЕРОЕВКА-1. Обнаружено в 1956 г. В. В. Веселовым. Расположено в 1 км к северу от Тобечикского озера, на обрывистом, подверженном интенсивной абразии, морском берегу [Зинько, Пономарев, 2000, с. 187, рис. 1,1]. Позднее раскопки на нем провела И. Т. Кругликова, тогда же был выделен раннесредневековый слой, содержащий немногочисленную керамику VIII-X вв. Возможно, к этому же периоду относится полуземлянка, раскопанная в 1992 г. В. А. Горончаровским. Стены ее были укреплены каменной кладкой, некоторые участки которой уложены в «елочку». К сожалению, материал из ее заполнения до сих пор не опубликован, но исследователем она датирована IV вв. н.э. [Горончаровский, 1995, с. 141]. Дополнительные сборы подъемного материала (1995-1996 гг.) предоставили в распоряжение исследователей небольшой керамический комплекс, представленный причерноморскими бороздчатыми амфорами и салтовскими горшками.

47. ПОГРЕБЕНИЕ В АНТИЧНОМ КУРГАНЕ НА ПОСЕЛЕНИИ ГЕРОЕВКА-2. Курган располагался в северной части поселения Героевка-2. Помимо погребений IV в. до н.э., в центральной его части обнаружена плитовая могила раннесредневекового времени [Зинько, 1994б, с. 126; Зинько, Пономарев, 2005, с. 245]. Погребение представляет собой каменный ящик, сооруженный из массивных и хорошо обработанных известняковых плит. Костяк уложен на спине в вытянутом положении, головой на юго-запад. Погребальный инвентарь отсутствовал, но в засыпи найдены фрагменты раннесредневековой керамики. Рядом с погребением зачищено ритуальное захоронение двух черепов лошадей и пяти черепов коров.

48. ПОГРЕБЕНИЕ В АНТИЧНОМ КУРГАНЕ (КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЧЕЛЯДИНОВО-ВОСТОЧНОЕ). Впущено в центральную часть кургана № 16 курганного могильника Челядиново-Восточное, расположенного на западной окраине поселения Героевка-1 [Зинько, Пономарев, 2000, с. 190 рис. 1,17]. Частично разрушено грабительской ямой. Ориентировано по линии запад-восток с небольшим отклонением к югу. Стены могилы выложены плоскими камнями. Судя по размерам (ширина 0,27 м), в ней был погребен ребенок. Кости и инвентарь отсутствовали, однако в грабительских отвалах выявлена салтово-маяцкая керамика. Рядом с погребением зачищены ритуальные ямы-зольники с раннесредневековой керамикой [Зинько, 1998, с. 179, рис. 3, мог. 2].

49. РИТУАЛЬНЫЕ ЗОЛЬНИКИ В АНТИЧНОМ КУРГАНЕ (КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ЧЕЛЯДИНОВО-ВОСТОЧНОЕ). Устроены в ограбленном и разобранном к тому времени каменном склепе IV в. до н.э. и юго-западной поле кургана № 16. Представляют собой овальные в плане и прямоугольные в разрезе ямы-зольники, заполненные печиной, золистым грунтом, раннесредневековой керамикой и костями животных. Керамика представлена причерноморскими амфорами с мелким зональным рифлением,

в том числе с граффити, высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой, флягами, ойнохоями баклинского типа и салтово-маяцкой посудой. Среди других находок можно отметить свинцовое грузило и поддон стеклянной рюмки [Зинько, 1998, с. 177, 179, рис. 7].

50. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,1 км от берега Керченского пролива и 0,5 км к югу от пос. Эльтиген. Площадь около 0,3 га. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамикой [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 07-04, № 1].

51. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,2 км к югу от поселения Эльтиген Юго-Западное, на юго-западной окраине пос. Эльтиген. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамикой [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 07-04, № 3].

52. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,25 км от берега Керченского пролива и 1 км к востоку от с. Челядиново. Площадь около 0,5 га. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамикой [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 08-04, № 2].

53. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,15 км от берега Керченского пролива и 1,5 км к ВСВ от с. Челядиново. Площадь около 0,5 га. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 08-04, № 3].

54. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1 км от берега Керченского пролива и 0,8 км к востоку от с. Челядиново. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор, ойнохой баклинского типа и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 09-04, № 1].

55. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на восточном, пологом склоне возвышенности (высота 54,5), в 0,2 км к юго-востоку от с. Челядиново. Раннесредневековый подъемный материал встречается на площади 200 кв. м и представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 09-04, № 2].

56. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,2 км к юго-востоку от с. Челядиново и 0,1 км к востоку от трассы Керчь – с. Заветное. Раннесредневековый подъемный материал встречается на площади около 0,5 га и представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 09-04, № 3].

57. ПОСЕЛЕНИЕ ТОБЕЧИК-7. Открыто в 1995 г. В.Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на северной окраине с. Челядиново (бывш. Тобечик), в 1,5 км от берега моря. Занимает площадь около 0,5 га. Немногочисленный подъем-

ный материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой посудой. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 20, 59-60, fig. 88, кв. 08-05, № 1].

58. МОГИЛЬНИК ОГОНЬКИ. Открыт в 1963-1964 гг. Д. С. Кирилиным в ходе раскопок поселения Огоньки-1, в пределах которого выявлены как античные, так и раннесредневековые напластования. Расположен на юго-западной окраине с. Огоньки. В процессе исследований было зачищено несколько плитовых могил. Погребенные были уложены в вытянутом положении, головой на запад. Погребальный инвентарь до сих пор не опубликован [Кирилин, 1966, с. 16].

59. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1959 г. В. В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 41, 116, № 81]. Расположено на берегу Чурубашского озера, на юго-западной окраине с. Приозерное (бывш. с. Васильевка). Площадь распространения керамики около 1-1,5 га. Подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор.

60. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто В. В. Веселовым в 1964 г. Расположено на пологом склоне возвышенности, в 2,5 км юго-западнее бывш. с. Огородное. [Веселов, 2005, с. 170, № 605].

61. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1964 г. В. В. Веселовым. Расположено на юго-западной окраине бывш. с. Огородное, в 1,8 км от Чурубашского озера [Веселов, 2005, с. 171, № 610].

62. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-2. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на южной окраине с. Приозерное. Раннесредневековая керамика встречается на площади 10 га. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 24-25, fig. 4, кв. 02-08, № 1].

63. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-1. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,5 км к югу от с. Приозерное. Раннесредневековый подъемный материал выявлен на площади 1 га и представлен фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 24, fig. 1, кв. 02-09, № 1].

64. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-9. Расположено к югу от Чурубашского озера, в урочище Чурбашские скалки. Исследовалось в 1938 и 1963 гг. В.Ф. Гайдукевичем и И. Т. Кругликовой. В 1995 г. разведки на нем провели В. Н. Зинько и Т. Шолль. Тогда же среди подъемного материала выявлена раннесредневековая керамика, представленная фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 28, fig. 14, кв. 03-07, № 2].

65. ПОСЕЛЕНИЕ (?) ЧУРУБАШ-5. Открыто в 1995 г., в ходе разведок В.Н. Зинько и Т. Шолля. Расположено к юго-западу от урочища Чурбашские скалки, в 0,1 км к северо-востоку от водохранилища. Периодически распахивается. В северной части поселения найдены фрагменты причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 26-27, fig. 9, кв. 03-09, № 1].

66. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-4. Открыто в 1995 г. г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на южном берегу водохранилища, в 2 км к юго-западу от с. Приозерное [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15-16, 26, fig. 8, кв. 03-09, № 2].

67. ПОСЕЛЕНИЕ (?) Открыто в 1995 г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1,5 км к западу от поселения Чурубаш-4 [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 16, кв.

03-10, № 1]. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор.

68. ПОСЕЛЕНИЕ НИЖНЕ-ЧУРУБАШСКОЕ-1. Открыто в 1989 г. В. Н. Зинько и Н. Ф. Федосеевым. Расположено на южном берегу Чурубашского озера, восточнее трассы Керчь - с. Заветное. Частично распахивается. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор, ойнохой баклинского типа и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 16, 26, fig. 28, кв. 04-04, № 2].

69. КОНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА ЮЖНО-ЧУРУБАШСКОМ ПОСЕЛЕНИИ. Раскопано в 2002 г. В. Н.Зинько. Зачищено в заполнении помещения III античной усадьбы. Скелет коня, уложенного головой на север, сохранился в анатомическом порядке [Зинько, 2003б, с. 38].

70. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто в 1995 г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на юго-западном склоне урочища Чурубашские скалки, в 1,6 км к ВЮВ от поселения Чурубаш-4. Немногочисленный подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 04-08, № 1].

71. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто в 1995 г. В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено к юго-западу от урочища Чурубашские скалки и 0,5 км к юго-востоку от поселения Чурубаш-5. На площади около 1 га собрано несколько фрагментов причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 04-09, № 3].

72. ПОСЕЛЕНИЕ (?) ЧУРУБАШСКИЙ МАЯК-2. Открыто в 1996 г. В.Н. Зинько и Т. Шоллем. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, 33, fig. 25, кв. 04-12, № 1]. Расположено к западу от Чурубашского маяка, по обе стороны от пролегающей в меридиональном направлении полевой дороги. Полностью распахивается. На площади около 3 га собрано несколько фрагментов раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков.

73. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ-7. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено к югу от урочища Чурубашские скалки, на южном склоне возвышенности, в 0,8 км к югу от высоты 102,2. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 18, 56, fig. 76, кв. 05-07, № 3].

74. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено к югу от урочища Чурбашские скалки, в 0,5 км к ЗЮЗ от поселения Огоньки-7 [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 06-08, № 4].

75. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В.Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 3,3 км к юго-западу от урочища Чурбашские скалки, на юго-западном склоне возвышенности. Раннесредневековый подьемный материал представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамики [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 18, кв. 05-12, № 1].

76. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1 км к северо-востоку от предыдущего памятника. На небольшой площади

обнаружено несколько фрагментов причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 18, кв. 05-12, № 6].

77. ПОСЕЛЕНИЕ (?) ОГОНЬКИ-6. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 4,3 км к северо-востоку от с. Огоньки, на южном, пологом склоне возвышенности. Раннесредневековый подъемный материал представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 18, 56, fig. 75, кв. 06-08, № 1].

78. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,5 км к северо-западу от поселения Огоньки-6 [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 06-08, № 4]. На небольшой площади выявлены фрагменты причерноморских амфор.

79. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ-5. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 4 км к ССВ от с. Огоньки, на южном, пологом склоне возвышенности. Площадь 0,3 х 0,1 км. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор, в том числе с зональным рифлением на плечиках[Scholl, Zin'ko, 1999, p. 18, 56, fig. 74, кв. 06-09, № 1].

80. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 2,9 км к северо-востоку от с. Огоньки, на южном, пологом склоне возвышенности. Раннесредневековый материал представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 07-09, № 2].

81. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ-3. Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на восточном склоне урочища Джанкойский бугор, в 2 км к северу от с. Огоньки. Подъемный раннесредневековый материал представлен фрагментами амфор и кувшинов [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, 54, fig. 69, кв. 08-10, № 1].

82. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1,5 км к ССЗ от с. Огоньки и в 0,9 км к юго-западу от поселения Огоньки-3. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 20, кв. 08-10, № 2].

83. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на западной окраине с. Огоньки, на пашне. На площади около 1 га встречается раннесредневековая керамика, представленная фрагментами причерноморских амфор и салтовских горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, кв. 09-06, № 1].

84. ПОСЕЛЕНИЕ ТОБЕЧИК-4. Открыто В. Н. Зинько в 1990 г. Расположено на западной окраине с. Огоньки, на южном склоне, господствующего в этом районе холма (высота 43,3). Подъемный раннесредневековый материал представлен фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, 58, fig. 83, кв. 09-06, № 5].

85. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1 км к западу от с. Огоньки. Подъемный раннесредневековый материал представлен немногочисленными фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, кв. 09-07, № 1].

86. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ-1. Открыто В. В. Веселовым в 1956 г. [Кругликова, 1975, № 163]. В 1964-1965 гг. исследовалось Д. С. Кирилиным,

открывшим в верхних его слоях плитовый могильник, ошибочно датированный X-XII вв. [Кирилин, 1966, с. 16-18]. Расположено на юго-западной окраине с. Огоньки. В ходе разведок 1995-1996 гг. на его территории собран раннесредневековый подъемный материал, представленный фрагментами причерноморских амфор и салтово-маяцкой керамики [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, 53, fig. 65, кв. 10-10, № 2].

87. ПОСЕЛЕНИЕ ТОБЕЧИК-8. Открыто В. В. Веселовым в 1956 г. [Кругликова, 1975, № 162; Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21-22, 60, fig. 90, кв. 10-06, № 2]. Расположено в 0,3 км к юго-западу от с. Челядиново. Полностью распахивается. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор.

88. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 1,7 км к юго-западу от с. Челядиново и 1 км к северу от Тобечикского озера. Раннесредневековый подъемный материал представлен фрагментами причерноморских амфор [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 22, кв. 10-07, № 3].

ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ XI-XVIII вв.

89. ПОСЕЛЕНИЕ ВОСХОД. Открыто в 1960 г. В. В. Веселовым. Расположено на территории с. Джерджава. Подъемный материал представлен керамикой XVI-XVIII вв. [Веселов, 2005, с. 143, № 330].

90. ПОСЕЛЕНИЕ АРШИНЦЕВО. Открыто в 1961 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,5 км северо-западнее городища Тиритака. В настоящее время территория поселения полностью застроена [Веселов, 2005, с. 157, № 479].

91. ПОСЕЛЕНИЕ АРШИНЦЕВО. Открыто в 1964 г. В. В. Веселовым. Расположено в 1,0 км к югу от 2-го Змеиного кургана. Повторно поселение обнаружить не удалось [Веселов, 2005, с. 179, № 692].

92. МОНЕТА С ГОРОДИЩА ТИРИТАКА. В 1934 г. на раскопе I (кв. 7, сл. II) в юго-западной части городища обнаружена херсоно-византийская монета Василия II и Константина VIII (976-1025) [Зограф, 1941, с. 170, № 207; Кропоткин, 1967, с. 33, № 200]. Культурного слоя и каких-либо других находок, соответствующих времени обращения монеты, на городище выявить не удалось.

93. ПОСЕЛЕНИЕ НА МЫСЕ АК-БУРУН (АСПРОМИТИ?). Пункт, указанный на средневековых картах-портоланах и локализуемый на месте татарской деревни Канлы-Пелга, которая располагалась в 0,2 км юго-западнее Павловской бухты на мысе Ак-Бурун. Упоминается в османской переписи первой четверти XVI в. [Бочаров, 2001, с. 158]. В ходе разведок в этом районе обнаружены фрагменты красноглиняной столовой посуды и поливной керамики, датирующейся в пределах XV-XVIII вв.

94. КОНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ НА НЕКРОПОЛЕ НИМФЕЯ. Захоронение (А111) выявлено Н. Л. Грач в северо-восточной части курганно-грунтового некрополя городища Нимфей. Сохранился череп лошади, ориентированный на восток. Железные удила и псалии позволили датировать комплекс XIII-XIV вв. [Грач, 1999, с. 64, рис. 25].

95. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в пос. Эльтиген, в 0,3 км к северу от насыпи бывшей узкоколейной железной дороги и 0, 2 км от берега Керченского пролива. Подъемный позднесредневековый материал представлен столовой посудой и черепицей XVI-XVIII вв. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 19, кв. 06-03, № 3].

96. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1959 г. В. В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 41, 116, № 81]. Расположено на берегу Чурубашского озера, на юго-западной окраине с. Приозерное (бывш. с. Васильевка). Площадь распространения керамики 1-1,5 га. Подъемный материал представлен красноглиняной столовой керамикой, в том числе поливной посудой желтого, зеленого и коричневого оттенка, датирующейся XV-XVIII вв.

97. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1959 г. В. В. Веселовым [Веселов, 2005, с. 42, 116, № 82]. Расположено в 0,5 км юго-западнее восточной окраины с. Приозерное. На вспаханном поле прослежены развалы камней и мощные зольники. Среди подъемного материала исследователь отметил фрагменты амфор, афтоб, поливных сосудов зеленого, желтого, голубовато-зеленого, коричневого цветов и оттенков, курительных трубок и обломок водопроводной трубы.

98. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1962 г. В. В. Веселовым. Расположено в 0,6 км юго-восточнее с. Приозерное [Веселов, 2005, с. 165, № 568]. Хронологические рамки не установлены.

99. ПОСЕЛЕНИЕ ПРИОЗЕРНОЕ. Открыто в 1964 г. В. В. Веселовым. Расположено в 1,3 км юго-западнее с. Приозерное [Веселов, 2005, с. 169, № 602]. Хронологические рамки не установлены.

100. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-2. Открыто в 1938 г. В. Ф. Гайдукевичем [Гайдукевич, 1940а, с. 317, рис. 16]. В 1995 г. повторно исследовано В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на южной окраине с. Приозерное. Позднесредневековый подъемный материал, в том числе столовая керамика, покрытая зеленой глазурью, выявлен на площади около 10 га. За исключением нескольких фрагментов, которые могут быть отнесены к XIV-XV вв., большая часть находок датируется XVII-XVIII вв. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 24-25, fig. 4, кв. 02-08, № 1].

101. ПОСЕЛЕНИЕ ЧЕЛЯБИНКА (ЧЕЛЯДИНОВО). Открыто в 1956 г. В.В. Веселовым. Расположено в 2,5 км к юго-западу от с. Челядиново, на небольшом мысу, в пределах которого, помимо эллинистической керамики, собрана «позднейшая, возможно татарская посуда» [Веселов, 2005, с. 43,117, № 92].

102. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ. Обнаружено в 1956 г. В. В. Веселовым. Расположено в пределах ныне не существующего с. Джанкой-Ортель в 3,2 км к северо-западу от с. Огоньки. Подъемный материал представлен фрагментами поливной керамики. Хронологические рамки не установлены [Веселов, 2005, с. 43, 117, № 96].

103. ПОСЕЛЕНИЕ ЧУРУБАШ-7. Обнаружено в 1995 г. в процессе разведок В. Н. Зинько и Т. Шолля. Расположено на юго-западном склоне урочища

Чурубашские скалки, в 1,2 км к югу от с. Приозерное. На площади 80 х 20 м собрана позднесредневековая керамика, в том числе фрагмент столового сосуда, покрытого зеленой и светло-коричневой глазурью. Предварительно может быть датировано XV-XVIII вв. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 15, 27, fig. 12, кв. 03-08, № 1].

104. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 3 км к юго-западу от с. Приозерное, на пологом склоне возвышенности. В процессе разведок выявлены фрагменты амфор, датированные XIV-XVI вв. [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 17, кв. 04-09, № 4].

105. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Обнаружено В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено в 0,3 км к юго-западу от с. Челядиново. Хронологические рамки позднесредневекового подъемного материала не установлены [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, кв. 09-06, № 1].

106. ПОСЕЛЕНИЕ ОГОНЬКИ-1. Обнаружено в 1956 г. В. В. Веселовым [Кругликова, 1975, № 163]. Расположено на западной окраине с. Огоньки. В ходе разведок 1995-1996 гг. на его территории собран позднесредневековый подъемный материал, представленный фрагментами поливной керамики. Хронологические рамки поселения не установлены [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 21, 53, fig. 65, кв. 10-10, № 2].

107. ПОСЕЛЕНИЕ (?). Открыто В. Н. Зинько и Т. Шоллем. Расположено на мысу, вдающемся с севера в Тобечикское озеро. Позднесредневековый подъемный материал встречается на площади 0,2 га. Хронологические рамки памятника не установлены [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 22, кв. 11-03, № 1].

Таким образом, на сегодняшний день в рассматриваемом районе выявлено 107 средневековых памятников и отдельных находок монет, из них 82 на участке между Тобечикским и Чурубашским озерами. Памятники и артефакты IV-VII вв. представлены одним городищем, 3 поселениями, 1 усадьбой и двумя, случайно найденными, монетами (6,54%). Крупнейшим и наиболее хорошо исследованным среди них, несомненно, является городище Тиритака, другие же или не раскапывались или же требуют полной публикации археологических материалов. Памятники VIII-X вв. более многочисленны, но исследовались они в основном разведками. К ним относятся: 33 поселения; 28 пунктов (поселений-?), представляющих собой небольшие скопления керамики; 8 плитовых и биритуальных могильников; 5 одиночных - плитовых, грунтовых и подкурганных погребений; 2 ритуальных комплекса; 3 конских захоронения и 2 случайно найденные монеты (75,70%). Прибрежные раннесредневековые памятники тяготеют к мысам и морским террасам, остальные – к долинам и южным склонам холмов и возвышенностей. На месте большинства из них в античную эпоху находились поселения и городища. Хуже всех изучены позднесредневековые памятники, представленные 14 поселениями, 4 небольшими скоплениями керамики, 1 конским захоронением и 1 монетой (17,76%). Большая часть поселений XV-XVIII вв. расположена в окрестностях с. Приозерное, Огоньки, Челядиново и Эльтиген, но ни одно из них еще не раскопано. Памятников X-XIII вв. выявить пока не удалось [Пономарев, 2004в,

с. 167-168], поэтому вполне закономерным и актуальным представляется вывод А. Л. Якобсона, считавшего, что Восточный Крым оставался «запустевшим и обезлюдевшим» вплоть до XIV в., когда он был «включен в международную торговлю с востоком» [Якобсон, 1958, с. 501]. Со второй половины X в. степные районы Керченского полуострова оказались под властью печенегов, а затем половцев [Константин Багрянородный, 1989, гл. 37, с. 157; Айбабин, 2003, с. 74]. С их пребыванием здесь связаны находки обломков нескольких половецких изваяний, немногочисленные впускные подкурганные погребения и единичные обломки лепной кочевнической керамики с «пышным» орнаментом [Плетнева, 1974, с. 106; № 1164; Айбабин, 2003, с. 80; Бессонова, 1971, с. 59, 63; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 5, 6, рис. 40; Гадло, 2004, с. 116]. Таким образом, нельзя исключать, что и в рассматриваемом нами районе, где из десятков обнаруженных курганов, раскопаны пока единицы, следы пребывания средневековых кочевников в дальнейшем будут найдены.

ЛИТЕРАТУРА

Аветиков А.А. Охранные раскопки некрополя Нимфея // Археологические исследования в Крыму, 1994 год. Симферополь, 1997.

Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Крым в X – первой половине XIII вв. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII вв. М., 2003.

Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. София, 1981. Вып. 2.

Баранов И.А. Грунтовые могильники второй половины VII – X вв. в Крыму // Проблеми на прабългарската история и културa. София, 1989.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.

Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. К., 1988.

Бессонова С.С. Раскопки курганов у с. Луговое на Керченском полуострове // Археологические исследования на Украине 1968 г. К., 1971.

Благоволин Н.С. Геоморфология Керченско-Таманской области. М., 1962.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV-XV веков // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции. Керчь, 2001.

Веселов В.В. Восточно-Крымский отряд Причерноморской экспедиции ИИМК АН СССР. 1956. Дневник Веселова В. В. Разведки // НА КГИКЗ. Рукопись.

Веселов В.В. Ранние славяне на Керченском полуострове // «Знамя коммунизма». – 8. 04. 1962. - № 70.

Веселов В.В. Дневник археологических изысканий на Керченском полуострова и работы в Анапе в 1963 г. // НА КГИКЗ. Рукопись.

Веселов В.В. Из средневековой истории Керченского полуострова // Архив автора. Рукопись, 1965.

Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum II. М., 2005.

Власова Е.В., Соловьев С.Л. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992-1995 гг. // Археологические вести 1996-1997 гг. СПб., 1998. - № 5.

Гаврилов А.В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. К. - Судак, 2008а. Вып. III.

Гаврилов А.В. Население раннего средневековья в юго-восточном Крыму (материалы к археологической карте) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 2008б. Вып. 3.

Гадло А.В. Отчет о работе средневекового археологического отряда ЛГУ на территории Керченского полуострова в 1962 году // НА КГИКЗ. Опись № 2. Ед. хр. № 347.
Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968. Вып. 113.
Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.
Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.
Гайдукевич В.Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940б. Т. VI.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937-39 гг. // ВДИ. 1940а. № 3 – 4.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952а. № 25.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
Гайдукевич В.Ф. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952б. Т. I.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 1958. № 85.
Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
Горончаровский В.А. Работы Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК // Крымский музей. Симферополь, 1995. № 1/94 год.
Грач Н.Л. Раскопки некрополя Нимфея // АО 1974 г. М., 1975.
Грач Н.Л. Раскопки некрополя Нимфея // АО 1977 г. М., 1978.
Грач Н.Л. Нимфейская археологическая экспедиция (основные итоги исследований за 1973-1987 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989.
Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
Домбровский О.И. Средневековые памятники Бойки // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968.
Зинько В.Н. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка - II и Героевка – VI // Международная конференция «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в ранее средневековье (IV-IX вв.)». Тезисы докладов. Симферополь, 1994а.
Зинько В.Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму 1993 год. Симферополь, 1994б.
Зинько В.Н., Соловьев С.Л. Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 году // БС. М., 1994. № 4.
Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. – Симферополь, 1996. Вып. V.
Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Тез. докл. конф. Симферополь, 1997а.
Зинько В.Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму 1994 год. Симферополь, 1997б.
Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. Симферополь, 2001. Вып. I.
Зинько В.Н. Хора Боспорского города Нимфея // БИ. Симферополь-Керчь, 2003а. Вып. IV.
Зинько В.Н. Отчет об охранно-археологических исследованиях в г. Керчи и окрестностях в 2002 г. Керчь, 2003 // НА ИА НАНУ.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Исследование хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття на Україні 2002-2003 рр. К., 2004.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. X.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В. Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. //Археологічні відкриття на Україні 2003-2004 рр. Запоріжжя, 2005.
Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Салтовская полуземлянка на городище Тиритака // МАИЭТ. Симферополь, 2006. Вып. XII. Ч. 2.

Зинько В.Н. Культово-сакральные объекты Тиритаки первых вв. н. э. (предварительное сообщение) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральные объекты. Боспорские чтения. Вып. VIII. Керчь, 2007.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Археологические разведки на хоре Тиритаки // БИ. Симферополь-Керчь, 2007. Вып. XVI.

Иванина О.А., Куликов А.В., Холодков В.Н. Византийские монеты VI-VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья) // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I (к 180-летию Керченского Музея Древностей).

Кирилин Д.С. Археологические исследования Ортельской экспедиции Керченского музея в 1965 г. (район Тобечикского озера) // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Тезисы докладов секции античной археологии. М., 1966.

Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А. Раскопки Тиритаки // АО 1974 года. М., 1975.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Кропоткин В.В. Новые находки византийских монет на территории СССР // САИ. 1961. Г4-4.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. 1962. Вып. Е4-4.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Куликов А.В. К реконструкции природных условий Керченско-Таманского района в античную эпоху // ПИФК. М. - Магнитогорск, 1995. Вып. II.

Кунина Н.З. Стеклянный кувшин с христианскими символами из Эльтигена // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. В. Банк СПб., 2004.

Кунина Н.З. Стеклянный кувшин IV в. н.э. из некрополя Нимфея // БИ. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. X.

Кутайсов С.В. Салтовские памятники Северо-Западного Крыма // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории Руси-Украины. Материалы научной конференции. К., 2002.

Кутайсов С.В. Археологическая карта раннесредневековых памятников Северо-Западного Крыма //Хсб. Севастополь, 2003. Вып. XII.

Кутайсов С.В. Материалы к археологической карте Северо-Западного Крыма XI-XV веков // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.

Майко В.В. Памятники VII-X вв. Судакского района АР Крым (дополнение к археологической карте) // Хазарский альманах. К. – Харьков, 2007. Т. 6.

Макарова Т.И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ. 1967. Вып. Е1-38.

Марти Ю.Ю. Научно-исследовательская работа Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина в 1937-1938 гг. // ВДИ. 1939. № 2.

Марти Ю.Ю. Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // МИА. 1941а. № 4.

Марти Ю.Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий к ним комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 1941б. № 4.

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарського периода». Симферополь, 2007.

Науменко П.И., Кривошеева Н.П. Геология Чурбашского озера // Литолого-геохимические условия формирования донных обложений. К., 1979.

Новоселова Н.Ю. Археологические памятники раннего средневековья // *Соловьев С.Л.* Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. Приложение № 4. СПб., 2003.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. 1974. Вып. Е4-2.

Пономарев Л.Ю. Салтовский ритуальный комплекс в окрестностях Тиритаки // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2001а.

Пономарев Л.Ю. Новый раннесредневековый могильник в окрестностях Керчи // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции посвященной 10-летию независимости Украины. Харьков, 2001б.

Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. Симферополь, 2002. Вып. II.

Пономарев Л.Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. Симферополь, 2004а. Вып. V.
Пономарев Д.Ю. Демографическая ситуация и эпидемиология болезни Бехтерева-Штрюмпеля-Мари в палеопопуляции «Эльтиген-1» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Боспорские чтения. Вып. V. Керчь, 2004б
Пономарев Л.Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X-XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. К. - Судак, 2004в. Ч. II.
Пономарев Л.Ю. Глиняные лепешки с солярно-небесной символикой из салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в религии и философии. Сб. науч. трудов по Материалам VI Международной Крымской Конференции по религиоведению. Севастополь, 2005.
Пономарев Л.Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцкого поселения на городище Тиритака // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Οικος. Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006.
Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1.
Сазанов А.В. Керамические комплексы Боспора 570-580 гг. // ДБ. М., 2000. Вып. 3.
Сазанов А.В. К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI-VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. К. - Судак, 2004. Ч. II.
Соколова О.Ю. Основные итоги раскопок Нимфея (1939-1998 гг.) // Боспорский город Нимфей: Международная научная конференция, посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н.Л. Грач. Тез. докл. СПб., 1999.
Чевелев О.Д. Исследования Керченской экспедиции // АО 1983 года. М., 1985.
Щепинский А.А., Клюкин А.А. Археология и история // Природа Карадага. К., 1989.
Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.
Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

L.Y. Ponomaryov

TO ARCHAEOLOGICAL MAP OF MEDIEVAL MONUMENTS OF THE EASTERN EXTREMETY OF THE KERCH PENINSULA

Summary

The materials to the archaeological map of medieval monuments of the eastern extremety of the Kerch Peninsula are summarized. The region of research borders on the Mithradates range in the north, Lake Tobechik in the south, Ternovaya gully and Churubash gully, and Dzhankoisky Bugor tract in the west. The region occupies one hundred thirty five square kilometers. The medieval monuments were found there in the 30s of the 20th century for the first time. One hundred and three medieval monuments have been found by now in this territory, a city-site, settlements, graves with slabs facing their walls, underground graves with slabs, individual burials and ritual complexes among them. Five monuments are dated back to the 4th-5th (7th) cc. Seventy nine monuments are dated back to the 7th (8th) – the first half of the 10th century. Nineteen ones are dated back to the 13th-18th cc. Six coins come from here. History of five coins is unknown. The earliest coin is dated back to the time of Justin I, and the latest – to the time of Basil II and Constantine VIII (976-1025). No monuments which could be dated back to the second half of the 10th-the 12th cc. have been found yet. Nomad burials of that period have not been found either. The number of discovered medieval monuments will grow of course, as future research continues, but some of them are lost irreparably as the result of man-made influence and natural factors.

ИСТОРИЯ НАУКИ

С.Б. БУЙСКИХ

СЛОЖЕНИЕ, ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНТИЧНОЙ ХОРЫ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ

Часть II. «Хора Борисфена» или «хора Ольвии»? Разработка проблемы киевской школой антиковедения в последней трети XX ст.[1]

Памяти В. В. Лапина

Рассмотрение различных аспектов сложения античной хоры Нижнего Побужья в общем контексте колонизационного процесса в нашей историографии последней трети XX ст. проходило в рамках двух основных направлений [Буйских, 2008, с. 25], получив в ней широкое освещение.

Разработка указанных проблем осуществлялась, главным образом, представителями трех ведущих школ восточноевропейского антиковедения – киевской, московской и ленинградской (петербургской). Для удобства изложения, возможности проведения более глубокого сравнительно-ретроспективного анализа различных мнений и позиций, выработанных исследователями трех этих крупнейших научных центров бывшего СССР (а ныне – СНГ), а также, учитывая значительный объем информации, содержащейся в их трудах, развитие представлений о хоре Борисфена – Ольвии в 70 – 90-е гг. XX ст. будет рассмотрено нами (за некоторыми необходимыми исключениями), не по традиционному хронологическому принципу, а по каждому из указанных центров – с как можно более детальным изложением позиций всех тех исследователей, которые приняли участие в общей дискуссии по рассматриваемой проблеме. Данная часть нашей работы посвящена освещению истории разработки проблемы раннеантичной хоры в Нижнем Побужье представителями киевской школы антиковедения.

x x x

Киевская школа. В сложении концепции возникновения раннеантичной хоры, формирования Ольвийского полиса и протекания процесса греческой колонизации Нижнего Побужья в целом, для киевской школы антиковедения определяющую

[1] См.: *Буйских С.Б.* Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье. Часть I. Появление темы и основные аспекты ее решения в 1940-е – середине 1970-х гг. // БИ. – 2008. – Вып.XIX. – С. 13-32.

В.В. Лапин на о. Березань, 1978 г.

методологическую роль, как нам представляется, сыграли труды Владимира Васильевича Лапина (1928-1981), о чем уже говорилось в 1-й части нашей работы [Буйских, 2008, с. 21]. Все основные черты, отмеченные исследователем как наиболее характерные для колонизации и Нижнего Побужья и всего Северного Причерноморья (аграрно-ремесленная направленность, относительная стихийность, единовременность, односторонний характер и массовость процесса, социальная однородность движущих сил и т.д.) и раскрытые им в работах 60 – начала 70-х гг. [Лапин, 1963; 1963 а; 1966; 1971; 1975], получили затем дальнейшее развитие в последующих исследованиях киевской школы середины 70 – 90-х гг., а также в работах ученых других научных центров.

В этом плане большое значение имела фундаментальная работа В.В. Лапина «Березань и проблемы генезиса античной северо-причерноморской цивилизации» [Лапин, 1978]. Здесь ученый подводил качественные итоги своих многолетних, полевых и кабинетных, исследований, представив оригинальное видение процесса колонизации Северного Причерноморья (на примере ольвийско-березанского региона) и дальнейшей трансформации принесенной сюда греческой культуры в одну из своеобразнейших (и во многом реликтовых) ветвей развития античной цивилизации.

Под «северопричерноморской античной цивилизацией» В.В. Лапин понимал устойчивую этнографическую общность, относящуюся к единому древнегреческому этническому пласту, но имеющую свое своеобразие, выражающееся в единстве происхождения и последующей социально-политической истории и характеризующуюся относительной изолированностью, удаленностью от эпицентра греческой цивилизации. Основную черту, определяющую эту этнографическую общность, В.В. Лапин усматривал в наличии множества реликтов материальной и духовной культуры состояния протогреческого этноса, которое предшествовало сложению общегреческого койнэ [Лапин, 1975, с. 101; 1978, с. 3-4; 252 сл., 306 сл.]. В тезисном плане эта проблема была заявлена в 1975 г. [Лапин, 1975], в виде монографии работа была сдана в печать в декабре 1976 г. и должна была выйти в свет весной 1978 г.

Однако, как известно, свое «видение» советской исторической наукой тех лет тогда не приветствовалось. После отрицательно воспринятой первой книги В.В. Лапина «Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966» [см.: Захарук, 1968; Тереножкин, 1968; Шелов, Брашинский, 1969] было сделано всё, чтобы его вторая книга не была опубликована. И монографию, которая открывала

оригинальные подходы в решении актуальных проблем античной археологии, истории и культуры Причерноморья, просто зарубили. После серии закрытых «черных» рецензий, незамедлительно последовали соответствующие указания, и полностью готовый типографский набор книги рассыпали, а два машинописных экземпляра, что находились в издательстве – уничтожили. Новый вариант рукописи, предложенный В.В. Лапиным в декабре 1978 г., там не приняли. Прямо или косвенно, но это, безусловно, сказалось на судьбе самого В.В. Лапина – 19 апреля 1981 г. его унесла неожиданная и до сих пор остающаяся крайне загадочной смерть…

К счастью, в личном архиве В.В. Лапина сохранились еще один машинописный экземпляр работы и альбом иллюстраций к ней, которые были переданы на хранение в Научный архив Института археологии АН УССР [Станицына, 1998, с. 23], став доступным и для знакомства широкому кругу исследователей[2]. И постепенно произошло то, чего никто не мог ожидать – неизданный и фактически запрещенный труд, тем не менее, стал заметным явлением и непреложным фактом историографии. Без ссылок на него не обходилось в 80 – 90-е гг. и не обходится сейчас ни одна сколь-нибудь серьезная работа как по общим вопросам колонизации Северного Причерноморья, так и по отдельным сторонам материальной и духовной культуры античных причерноморских государств, не говоря уже об исследованиях Ольвии и Березани. Вопреки превентивным мерам, идеи В.В. Лапина пришли в науку, были восприняты ею и живут в ней теперь полнокровной жизнью. В силу этого мы считаем необходимым привести здесь основные концептуальные положения из книги В.В. Лапина 1978 г., непосредственно имеющие отношение к рассматриваемым в нашей статье вопросам.

В заключительной главе своей работы В.В. Лапин [1978, с. 252-305] подробно останавливается на характеристике двух основных подходов в решении проблемы греческой колонизации. Первый из них, по его словам, четко определившийся еще во второй половине XIX в., заключается в представлении греческой колонизации как «продукта торговой деятельности экономически наиболее развитых греческих полисов» [Лапин, 1978, с. 252]. Схема развития греческой колонизации,

[2] К сожалению, это имело и свою обратную сторону – работу В.В. Лапина просто растаскали как в прямом, так и в переносном смысле, не всегда чистые на руку ее читатели. Помимо прямых заимствований, на сегодняшний день имеет место отсутствие некоторых частей работы и полная утрата всех иллюстраций. Но даже в таком виде монография В.В. Лапина, отнюдь не утратившая со временем свою актуальность, заслуживает публикации в полном объеме. Сейчас другие времена, и будем надеяться, что книга В.В. Лапина в конце–концов увидит свет. Нет смысла пересказывать ее содержание, ее нужно читать целиком. Скажем только, что структурно она состоит из Предисловия, 7 отдельных исследовательских глав и Заключения. Во введении В.В. Лапин определяет основную задачу своей работы – показать, что дает Березань в плане изучения проблем становления и развития античной северопричерноморской цивилизации и определяет круг этнизирующих источников, позволяющих с наибольшей полнотой раскрыть ее специфические черты. Главы монографии имеют следующие названия: 1. Очерк историографии; 2. Вопросы топографии и геологии; 3. Строительные сооружения; 4. Некрополь. Погребальный обряд; 5. Лепная керамика; 6. Письменность; 7. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации.

исходя из такой концепции, представлялась ее сторонникам как процесс медленного проникновения греков в аборигенную этническую среду путем организации сначала временных, затем постоянных торговых факторий (эмпориев) с последующим преобразованием их в торговые города и даже города аграрно-ремесленного профиля [Лапин, 1978, с. 258]. Поскольку торговля – процесс двусторонний, то и колонизация в соответствии с этим подходом рассматривалась как «процесс двусторонний, обусловленный не только внутренним развитием греческого общества, но и соответствующим развитием обществ, в районы обитания которых устремлялся колонизационный поток» [Лапин, 1978, с. 253]. Таким подходом к проблеме колонизации, подчеркнул В.В. Лапин, определяется и решение проблематики, связанной с генезисом античной северопричерноморской цивилизации. Он предусматривает «изначальный симбиоз греков и варваров», взаимозависимость которых ведет к созданию органически единой греко-варварской культуры, шире – греко-варварской цивилизации [Там же, с. 253]. Добавим, что такой подход, как известно, был характерен для советской археологической науки 40 – 50-х гг. Правда, некоторые исследователи продолжают оставаться в плену подобных идей до сих пор.

Суть другого подхода к проблеме состоит, по В.В. Лапину, в признании того, что «греческая колонизация являлась продуктом имманентного развития древнегреческого общества в период становления классового общества и оформления полисного строя» и была ярким проявлением действовавшего в античном мире закона народонаселения [Там же, с. 254]. Именно в силу своей имманентности двусторонне обусловленным процессом колонизация не являлась. «Негреческие общества, в районы обитания которых устремлялся колонизационный поток, их экономический и социальный уровень по отношению к процессу колонизации играли внешнюю роль и не являлись источником его импульсов» [Там же, с. 255-256]. При таком подходе, считал В.В. Лапин, греческая колонизация должна рассматриваться не иначе как «явление подлинно массовое, народное, развертывающееся широким фронтом и распространяющееся на сравнительно обширные районы. Уже сама эта массовость должна была приводить к безусловному и изначальному доминированию греческого этнического элемента в районах расселения» [Там же, с. 256]. Процессов взаимодействия и взаимовлияния с местным населением В.В. Лапин не исключал, но подчеркивал, что «в таком взаимодействии греческий элемент выступает не как конгломерат индивидуумов, а именно как коллектив, как устойчивая этническая и социальная определенность» [Там же, с. 256]. Наконец, в силу того, что периодические эмиграции населения отражали действия закона регуляции народонаселения, В.В. Лапин допускал возможность не одного, а нескольких хронологически разделенных по времени колонизационных импульсов в районы расселения [Там же, с. 256].

Изложив базисные, общетеоретические основы второй концепции в деле изучения греческой колонизации, В.В. Лапин далее продолжал разрабатывать ее, уже опираясь на конкретную ситуацию в березанско-ольвийском

регионе. Это место из его работы имеет смысл привести здесь целиком, выделив курсивом наиболее важные моменты.

«*Исследования последних десятилетий в районе Нижнего Побужья,* - писал В.В. Лапин, - *дают основания рассматривать открытые здесь ранние поселения как* ***греческие,*** *непосредственно связанные с Ольвией своим происхождением, своей экономической и политической жизнью.* Вырисовывается картина колонизации, во многом противоположная той, которая следует из теории торговой колонизации: *вместо медленного проникновения, вместо постепенной диффузии в туземную среду – акт более или менее единовременного овладения сравнительно широким районом*. С наименьшей определенностью, чем в районе Нижнего Побужья, интенсивность расселения греков прослеживается в другом крупнейшем узле колонизации Северного Причерноморья – на Боспоре.

Отмеченная особенность может считаться типичной для Северного Причерноморья в целом. В этом нашло выражение требование определенной количественной нормы переселенцев, необходимой для основания колоний. *Заселение греками Северного Причерноморья осуществлялось не путем постепенного просачивания в аборигенную среду. Оно было процессом более или менее единовременным.* Как показывают новейшие исследования архаической Ольвии, на этом начальном этапе существования (античной северопричерноморской – С.Б.) цивилизации говорить о городах, в обычном понимании этого термина, вряд ли возможно. Отличие городов от сельских поселений на этом этапе не столько качественное, сколько количественное. Города не были единственными и изолированными поселения греков. Одновременно с ними возникали и сельские поселения. *Именно возникновение этих сельских поселений и являлось основным содержанием имманентного колонизационного процесса.* Город еще находился в процессе становления: ряд мелких поселений группируется вокруг одного, более крупного. Завершающий этап оформления города мыслится нами как синойкизм этих поселений. Другими словами, *возникновение и оформление города и его хоры – это естественный двуединый процесс, растягивающийся во времени на десятилетия. Город и хора представляли собой единство экономической и социальной жизни*. Если можно говорить о противоположности между городом и деревней, то в основном она выражалась в некоторой специализации, преобладании ремесла в первых и сельского хозяйства во вторых, противоположность эта и находится в процессе становления: жители города еще тесно связаны с землей, а село имеет еще и ремесла, включая и металлообработку.

Такова вторая концепция греческой колонизации Северного Причерноморья в ее позитивном изложении» [Лапин, 1978, с. 261-262].

Таким образом, по В.В. Лапину, античные сельские поселения Нижнего Побужья ко времени колонизации своим происхождением, а также политически и экономически были неразрывно связаны с Ольвией. Что же в таком случае, являла собой Березань, и каков был характер ее взаимоотношений с Ольвией? «Мы можем говорить, - пишет В.В. Лапин, - о зависимости Березани

от Ольвии, но зависимости прямой, зависимости родственных, а не противоборствующих поселений» [Лапин, 1978, с. 276]. В сложном вопросе о статусе ранней Березани в этой работе исследователь, видимо, точки не поставил. С одной стороны, он горячо выступил против т.н. эмпориальности ранней Березани, считая ее не эмпорием [Там же, с. 259], а обычным колонизационным поселением производящего аграрно-ремесленного профиля [Там же, с. 268, 269]. «С другой стороны, - писал В.В. Лапин, - трудно представить большой и сложный общественно-экономический организм, подобный Березанскому поселению…, лишенным хотя бы элементарных форм самоуправления, а следовательно и зачатков государственности» [Лапин, 1978, с. 259].

В плане же наличия или отсутствия у Березанского поселения собственной аграрной территории большой интерес представляет предложенная В.В. Лапиным реконструкция палеогеографических условий района Березани в эпоху колонизации. Как известно, в первой своей книге В.В. Лапин, вслед за С.Д. Пападимитриу, отстаивал мнение о полуостровном положении Березани во время греческой колонизации региона [Лапин, 1966, с. 128-137]. Однако, в рассматриваемой работе он привел целый ряд оригинальных соображений и фактов в пользу того, что Березанское поселение было основано и располагалось в архаическое время в излучине речной долины [Лапин, 1978, с. 80-81]. Долина эта была образована слиянием Тузлинской долины с долиной р. Березани и фактически полуостровом не являлась. «Отсюда следует, - делает вывод В.В. Лапин, - что географическое положение Березанского поселения было принципиально иным, чем представляется сейчас… Дело не только в том, что *поселение получает собственную достаточно обширную сельскохозяйственную территорию* [курсив наш – С.Б.], обеспечивавшую ему экономическую независимость. Поселение обретает условия, типичные для всех греческих поселений Нижнего Побужья. Оно превращается в «приречное», «приманное» поселение, обращенное к материку, а не к морю, расположенное внутри небольшого лимана, а не на крупной водной магистрали, в сравнительном уединении от места следования морских судов… Будучи расположенным в излучине речной долины… поселение попросту было скрыто от этих кораблей высоким (не менее 30 м) берегом…» [Лапин, 1978, с. 81]. Крайняя южная точка этого участка суши, в котором нынешний березанский останец составлял одно целое с материковым берегом в районе Рыбаковского мыса, находилась, по В.В. Лапину, примерно в 1 км южнее современного острова; юго-западный его берег был обращен непосредственно к морю. Восточный же выходил в сторону неширокого лимана, располагавшегося в устье Тузлинско-Березанской долины [Там же].

Построения В.В. Лапина спорны, и вместе с тем, неожиданны и интересны. В задачу нашей статьи, однако, не входит критический разбор достоинств или недостатков его палеогеографической реконструкции. Для нас здесь важно другое – В.В. Лапин в данной работе повторил мысль о возможном наличии у Березани собственной (и даже «обширной») сельскохозяйственной территории, высказанную им раньше, в первой своей монографии [Лапин, 1966, с. 183].

В дальнейшем первым, кто в научной печати 70 – 90-х гг. XX ст. снова заговорил о возможности существования хоры Березанского поселения, также был ученый киевской школы – В.М. Отрешко. Удивительный факт, но как в свое время В.В. Лапин [1966, с. 183] поднял этот вопрос лишь спустя десять лет после того, как он был в весьма предположительной форме поставлен Л.М. Славиным [Славін, 1956, с. 161], так и В.М. Отрешко снова вернулся к нему так же ровно через десять лет после выхода в свет первой монографии В.В. Лапина, т.е. в 1976 г.

В краткой публикации, подводившей первые итоги исследования архаических поселений побережья Березанского лимана, В.М. Отрешко пришел к выводу о том, что в силу своего географического расположения эта локальная группа памятников эпохи греческой колонизации Нижнего Побужья была экономически и политически связана с Березанью [Отрешко, 1976, с. 33]. Развивая мысли предшественников, он счел возможным рассматривать эти поселения «как своего рода сельскохозяйственную округу Березани» [Там же]. Существенно, что при этом исследователь подчеркнул – «вместе с Березанью данные поселения, очевидно, должны были входить в состав Ольвийского государства» [Там же].

Немного позднее в другой работе В.М. Отрешко писал, что колонизация Нижнего Побужья, в которой он выделил два последовательных этапа, скорее всего, «проходила в рамках единого политического образования, центром которого первоначально была Березань, а затем Ольвия» [Отрешко, 1979, с. 151]. На первом этапе (вторая половина VII – начало VI вв. до н.э.) существовала только Березань, а на протяжении второго (первая половина VI – первая четверть V вв. до н.э.) по берегам лиманов и Черноморского побережья возникают многочисленные населенные пункты, охватившие сравнительно обширные территории [Там же, с. 151-152]. Хронологически первым после Березани в начале VI в. до н.э. появляется Ягорлыцкое поселение, а несколько позднее его, во второй четверти VI в. до н.э. возникают греческие аграрные поселения и в Очаковской степи [Там же, с. 154]. В течение второй – третьей четвертей VI в. до н.э. поселения занимают низовья Березанского, правый берег Днепро-Бугского и оба берега Бугского лиманов. До последней трети VI в. до н.э. экономическим, религиозным и политическим центром Нижнего Побужья была Березань, Ольвия же из общей массы поселений ничем не выделялась.

Функции главного центра региона переходят к ней только после указанного времени, о чем свидетельствует появление в Ольвии теменоса и агоры [Там же, с. 156]. По мысли ученого, «возвышение Ольвии явилось следствием ведущей роли аграрного производства в Нижнем Побужье и преобладанием крестьян среди жителей полиса» [Там же, с. 156]. В первой четверти V в. до н.э. сельские поселения прекращают свое существование, а их население концентрируется в Ольвии [Там же, с. 157]. Подобная концентрация, как считал В.М. Отрешко, неизбежно должна была изменить организацию сельскохозяйственной территории Ольвийского полиса, в частности, вызвать размежевание ближайших окрестностей Ольвии на земельные участки ее граждан – клеры [Отрешко,

1975, с. 94; 1981, с. 76], что, в свою очередь, должно было сопровождаться «радикальной перестройкой всей полисной организации» [Отрешко, 1990, с. 15].

Таким образом, согласно В.М. Отрешко, на начальном этапе заселения сельской территории Нижнего Побужья аграрные поселения, возникающие на западе региона (Березанский лиман), принадлежали березанской округе, сама Березань представляла собой центр полиса, а Ольвия была одним из «подчиненных березанцам периферийных пунктов» [Отрешко, 1990, с. 14]. Затем, когда в конце второй – начале последней трети VI в. до н.э. центром полиса становится Ольвия, она включает в состав государства Березань и все сельские поселения региона[3]. В основу этой схемы был положен доклад В.М. Отрешко на I Цхалтубском симпозиуме в 1977 г. «К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху» [Отрешко, 1979, с. 151-158].

Представляет большой интерес мнение ряда ученых, принявших тогда участие в дискуссии по докладу В.М. Отрешко. Так, Ю.Г. Виноградов не согласился с высказанной в докладе В.М. Отрешко гипотезой о том, что наиболее ранние поселения хоры Березани могли располагаться на противоположном от Березани берегу и были разрушены с наступлением моря на сушу. «Мы видим, - подчеркнул он, - что сельские поселения по берегам Березанского лимана выстраиваются ныне в цепочку, следуя его очертаниям, что имело место, по всей видимости, и в древности» [Виноградов, 1979, с. 362]. По мнению Ю.Г. Виноградова, ни во второй половине VII, ни в начале VI вв. до н.э. такой ярко выраженной хорой, которая фиксируется для Ольвийского полиса во второй половине VI в. до н.э., Березань не обладала. Массовое создание хоры Ольвии он датировал серединой VI в. до н.э. [1979, с. 362]. К середине VI в. до н.э. отнесла возникновение сельских поселений, причем одновременно с Ольвией, и В.И. Пругло [Пругло, 1979, с. 363]. Хора, по ее мнению, исчезает, когда формируется как полис. Нижнебугские поселения в основе своей, в отличие от В.М. Отрешко, она считала негреческими. Напротив, И.Т. Кругликова поддержала В.М. Отрешко в том, что сельские поселения времени колонизации Нижнего Побужья были греческими [Кругликова, 1979, с. 363]. По ее мнению, их возникновение в регионе было связано с Ольвией. Об этом же говорил и С.Д. Крыжицкий: «Если бы хора была местной, это сказалось бы и на облике Ольвии V в. и позднее, а мы этого в догетское время не наблюдаем [Крыжицкий, 1979 а, с. 364]. На его взгляд, втягивание населения хоры в Ольвию говорит об окончательном формировании полиса. События начала V в. до н.э. в Нижнем Побужье,

[3] Занимаясь демографическими исследованиями архаической хоры, В.М. Отрешко пришел к выводу, что подавляющее большинство «населенных пунктов составляли поселения малой площади, состоявшие из одного домохозяйства. Основная же масса сельского населения на Бугском лимане концентрировалась на трех крупных поселениях в ближайших окрестностях Ольвии» [Отрешко, 1990 а, с. 84]. В этно-культурном плане у исследователя не было никаких сомнений в том, что архаические аграрные поселения, расположенные по берегам Бугского, Буго-Днепровского и Березанского лиманов, принадлежали грекам [Отрешко, 1981, с. 40].

о которых шла речь в докладе В.М. Отрешко, привлекли внимание Я.В. Доманского. Он привел свои соображения в пользу того, что, несмотря на прекращение существования многих поселений ольвийской хоры, Ольвия разрешила аграрную проблему, и земледельческая функция ее экономики в это время продолжала существовать, «хотя и в иных формах» [Доманский, 1979, с. 366].

А.Н. Щеглов высказал предположение о том, что «у Ольвии и Березани после прекращения существования поселений наделы сосредотачивались вокруг города, но мы еще не можем их обнаружить» [Щеглов, 1979, с. 364]. К.К. Марченко отверг саму возможность занятием земледелием для жителей архаической Березани, допуская только торговую направленность поселения [Марченко, 1979, с. 362]. Л.В. Копейкина усомнилась в ранней датировке В. М. Отрешко первых сельских поселений началом VI в. до н. э. [Копейкина, 1979, с. 363], на что В.М. Отрешко ответил ей, что на поселениях имеется керамический материал, датирующийся этим временем достаточно точно [Отрешко, 1979 а, с. 364]. В отношении мнения К.К. Марченко о невозможности сельского хозяйства на Березани, В.М. Отрешко высказался так: «Как можно об этом говорить, если мы не знаем ни количества населения в первые десятилетия существования там поселения, ни тогдашней площади острова или полуострова. Не знаем ни того, сколько было нужно березанцам земли, ни того, сколько они ее имели» [Там же]. Как «перспективную методику» отметил предложенные в докладе В.М. Отрешко принципы экономического районирования Нижнего Побужья в колонизационную эпоху – В.П. Яйленко [1979, с. 363]. Завершая дискуссию, важность доклада В.М. Отрешко в этом плане отметила и А. Вонсович [1979, с. 367].

Вышеприведенная концепция В.М. Отрешко практически без существенных изменений сохранилась и в более поздних работах исследователя, в частности, в написанном им разделе «Хора Ольвии» для 2-го тома «Археологии УССР» [Отрешко, 1986, с. 317-328] и в кандидатской диссертации, посвященной ольвийской хоре VI-V вв. до н.э. [Отрешко, 1990].

В своей последней крупной опубликованной работе, где рассматривались проблемы сложения основ экономики ранней Березани [Отрешко, 1994], В.М. Отрешко предложил теоретическую схему развития архаической хоры в Нижнем Побужье. Согласно ему, - «периферийных аграрных поселений, которые бы возникли одновременно с Березанью, не было и быть не могло» [Там же, с. 113]. Древнейшие же наделы самих березанцев размещались на Березанском полуострове или на прибрежном материковом побережье. В дальнейшем сельские поселения Нижнего Побужья могли основывать выходцы с Березани или, скорее всего, вновь прибывавшие колонисты, но только за пределами территории, занятой наделами первопоселецев [Там же]. Уже на первом этапе своего существования Березань, по определению В.М. Отрешко, «выглядит как полугородское поселение, экономика которого была многоотраслевой и не ориентировалась на одностороннее развитие какой-либо конкретной сферы хозяйственной деятельности» [1994, с. 119]. Начиная с раннего времени, как считал В.М. Отрешко,

березанцы могли заниматься и товарным производством зерна, объем продукции которого в рамках всего Нижнего Побужья увеличивался по мере появления все новых и новых периферийных поселений [Отрешко, 1994, с. 114].

Вопросов сложения античной хоры в Нижнем Побужье в рамках разрабатывавшейся им гипотезы о двух линиях греческой колонизации Северного Причерноморья, - организованной и стихийной, в ряде работ непосредственно касался С.Д. Крыжицкий [1979; 1982, 1985; 1989]. В ранних работах на эту тему о хоре Березани исследователь почти не писал, отмечая только, что следы землепользования ранней Березани могли не сохраниться, учитывая изменения береговой линии [Крыжицкий, 1982, с. 75][4]. Что же касается хоры Ольвии, то появление сельских поселений в VI в. до н.э. в Нижнем Побужье он рассматривал «не как освоение сельской округи Ольвийского государства, а как этап формирования государства – города» [Крыжицкий, 1979, с. 123]. Однако общий характер колонизации был аграрным [Крыжицкий, 1982, с. 75]. Березанское поселение, по С.Д. Крыжицкому, было основано в результате организованной, целенаправленной колонизации [Крыжицкий, 1989, с. 49]. Акт же основания Ольвийского поселения носил, по его мнению, не целенаправленный, а стихийный характер [Крыжицкий, 1985, с. 67]. В силу этого поселения Нижнего Побужья «в принципе не могли быть хорой Ольвии, ее сельской округой, поскольку ни городом, ни государством Ольвия в это время не являлась» [Там же].

В его совместной статье с А.С. Русяевой к переломному моменту в истории Ольвии был отнесен конец VI – начало V вв. до н.э., когда в Ольвии происходит переход от земляночного к массовому наземному сырцово-каменному домостроительству, а к первой половине V в. до н.э. относится и прекращение жизни на большинстве поселений ольвийской хоры [Крижицький, Русяєва, 1978, с. 23-24]. Эта связь, а также характер комплекса материальной культуры (в том числе, жилищ), идентичный у населения ольвийских полуземлянок и жителей сельских поселений, по мнению С.Д. Крыжицкого и А.С. Русяевой, дают возможность предполагать, что жизнь на хоре прекратилась в связи с оттоком населения в Ольвию и, возможно, частично на Березань [Там же, с. 24].

Выводы С.Д. Крыжицкого часто менялись. Так, формирование Ольвии как полноценного государства он относил сначала к концу VI – началу V вв. до

---

[4] Отметим, что подобную точку зрения никогда не разделял Ю.Г. Виноградов, подчеркивая в своих работах, что «невозможно полагать, что самые ранние поселения березанской и ольвийской хоры второй половины VII – начала VI вв. до н.э. не дошли до нас в результате разрушительной абразии берега, коль скоро эта абразия пощадила не один, а свыше полусотни памятников, возникнувших всего на 100 лет позже» [Виноградов, 1983, с. 380; 1989, с. 53]. В последнее время для подтверждения своей концепции о преимущественно варварском населении ранней Березани использует береговую абразию С.Л. Соловьев. На ее счет он списал т.н. «зимники» местного населения в Нижнем Побужье, а также наиболее древние части Березанского поселения и его некрополя, включая и «древнейший могильник негреческого населения» [Соловьев, 2000, с. 292, 293, 296]. Аналогичным образом привлекается им фактор «сильных природных разрушений» и при интерпретации известного приольвийского поселения Широкая Балка [Соловьев, 2000 а, с. 98, прим. 9].

н.э. [Крыжицкий, 1985, с. 67], потом – к концу третьей четверти VI в. до н.э. [Крижицький, 1989, с. 46], позднее, вместе с Н.А. Лейпунской – к концу второй четверти VI в. до н.э., «когда уже почти весь нижнебугский регион был заселен греческими переселенцами в результате стихийной колонизации» [Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 22]. В другой их совместной работе вторая четверть – середина третьей четверти VI в. до н.э. были определены как время, «когда Ольвия не являлась ни городом, ни государством, а была просто поселением» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 88]. В своей личной работе 1982 г. С.Д. Крыжицкий писал, что, не отличаясь от окружающих поселений, Ольвия около середины VI в. до н.э. могла представлять собой тип спартанского полиса, не имевшего городского центра и состоявшего из объединения пяти селищ [Крыжицкий, 1982, с. 74]. Ольвийское государство в системе «город – хора» могло сформироваться, по его мнению, не ранее конца VI – начала V вв. до н.э., скорее всего, путем синойкизма [Там же, с. 75].

В этой связи он высказал предположение, согласно которому «на каком-то раннем этапе» некоторые скопления поселений, достаточно значительная концентрация которых, в первую очередь, заметна в районе с. Козырки и Аджигольской балки, могли представлять собой самостоятельные государственные образования [Крижицький, 1982, с. 75; см. также: Kryjickij, 1999, p. 271]. Что же касается Березанского поселения, то, по мнению С.Д. Крыжицкого, ни его размеры, ни уровень развития экономики, а также отсутствие каких-либо комплексов общественного назначения не дают достаточных оснований считать Березань центром большого и густо заселенного во второй половине VI в. до н.э. района побережий Буго-Днепровского и Березанского лиманов. Речь в этом плане, на его взгляд, может идти только о поселениях Березанского лимана [Крижицький, 1982, с. 75].

Позднее он отказался от идеи конституирования козырского и аджигольского мест концентрации архаических поселений в отдельные полисные структуры, подчеркнув, что и в этих районах Нижнего Побужья процесс заселения также имел стихийный характер и никаких признаков наличия полисных структур здесь не выявлено [Крижицький, 1989, с. 48]. Отстаивая стихийный характер колонизации Нижнего Побужья, он в то же время вынужден был признать однотипность и неслучайность широкого распространения поселений, включавших в себя несколько ойкосов [Крижицький, 1989, с. 46]. В колонизационном потоке он выделяет городской, т.е. целенаправленный, в ходе которого возникла ранняя Березань, в позднее (в начале последней трети VI в. до н.э. сформировалась Ольвия) и сельский, т.е. стихийный, в ходе которого возникли рядовые поселения Нижнего Побужья и, в первую очередь, агломерации [Крижицький, 1989, с. 47-49]. Заключает эту его программную статью о стихийности колонизационного процесса в нижнебугском регионе следующая схема формирования здесь античной хоры. С.Д. Крыжицкий пишет: «Нижньобузькі поселення і окремі ойкоси району Березані одночасно з своїм виникненням або ж зразу після того ввійшли до складу Березанського поліса. Те саме

стосується і поселень поблизу Ольвії. Але і в тому, і в іншому випадках це не була заздалегідь організована цілеспрямована колонізація. Всі ці поселення склали в останній чверті VI ст. до н.е. хору Ольвії» [Крижицький, 1989, с. 49].

В последовательной и законченной форме идеи С.Д. Крыжицкого и В.М. Отрешко относительно греческой колониальной хоры Нижнего Побужья нашли отражение в их совместной работе «К проблеме формирования Ольвийского полиса» [1986]. Здесь Березань совершенно однозначно приводится в качестве примера колонизации организованной, а Ольвия – стихийной. По мнению авторов статьи, контингент первопоселенцев Березани, основанной между 646-625 гг. до н.э. [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 11], «с самого начала был организован в гражданскую общину – полис. Ближайшие к поселению земельные угодья (на полуострове или материковом плато) были размежеваны на наделы. Спустя некоторое время, за пределами собственно березанской хоры (территории, занятой наделами жителей Березани) возникает ряд небольших поселений по берегам Березанского, Днепровского и Бугского лиманов. Значительную часть их обитателей составляли выходцы с Березани, а сами поселения находились в прямой зависимости от нее [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 12]. Ольвия, основанная, по мнению авторов, около середины VI в. до н.э. [Там же, с. 8], до конца третьей четверти этого столетия (между 535-525 гг.) [Там же, с. 12], полисом не являлась и главенствующего положения в регионе не занимала. По этой причине сельские поселения близ нее не могли составлять ее хору «в классическом понимании этого термина» [Там же, с. 6].

С конца третьей четверти VI в. до н.э., подчеркивают С.Д. Крыжицкий и В.М. Отрешко, ситуация резко меняется, и Ольвия становится центром «нижнебугской агломерации», приобретая статус полиса [Там же, с. 12]. С этого момента активизируется и аграрное освоение региона, которое авторы статьи в отличие, например, от К.К. Марченко [1980, с. 139, 141], целенаправленным не считают. Они предлагают рассматривать Ольвию в последней четверти VI – начале V вв. до н.э. как «полис со стихийно формирующейся хорой» [Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 13]. Причины исчезновения приольвийских аграрных поселений на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э. авторы видят в следующем: «К сокращению хоры привело отсутствие надлежащей ее организации и, следовательно, четкой связи, защиты и др., что явилось результатом стихийности ее создания» [Там же, с. 15]. В дальнейшем, в классическое время, вместо стихийности и раздробленности периода архаики развитие хоры, по их мнению, основывается на базе более четкой регламентации и целенаправленности [Там же, с. 15].

Существенный вклад в разработку научных представлений о становлении и развитии греческой хоры Нижнего Побужья внес В.В. Рубан. На базе предложенной им периодизации основных этапов ионийской колонизации Северо-Западного Причерноморья [Рубан, 1975; 1978; 1990], в ряде работ 1970-80-х гг. [Рубан, 1975 а; 1977; 1977 а; 1978; 1978 а; 1979; 1980; 1980 а; 1981; 1981 а; 1982; 1988; 1988 а; см. также: Рубан, Урсалов, 1986], он разработал

дробную периодизацию истории античных сельских поселений и в целом пространственного развития «эллинского полиса в Нижнем Побужье догетского времени» [Рубан, 1988, с. 16]. Эта хронологическая шкала насчитывала девять основных этапов, из которых к эпохе колонизации исследователь отнес пять. Существенно отметить, что глава кандидатской диссертации В.В. Рубана, отведенная детальному построению этой шкалы, имела следующее название – «Эволюция территории хоры Березани и Ольвии как структурообразующего элемента полиса» [Рубан, 1988, с. 13].

Итак, по В.В. Рубану на *первом* этапе (вторая половина VII в. до н.э.) около 647 г. до н.э. [Рубан, 1988, с. 16] была основана Березань (Борисфен), с самого начала являвшаяся организованной общиной – полисом, куда входили и прилегающие земли – хора [Рубан, 1979, с. 66]. Первичное размежевание земель происходило в непосредственном окружении Березанского поселения [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47] и имело своей целью сельскохозяйственное обеспечение апойкии. Обработка земли велась самими жителями Березани, а стационарных сельских поселений как таковых еще не было [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 16]. В силу этого Березань на данном начальном этапе являлась, по мнению В.В. Рубана, не эмпорием, а полисом, не имевшим заселенной хоры [1979, с. 66; 1988, с. 16], как и Истрия того же времени [1988 а, с. 33], что, как он считал, «не оставляет в науке места концепции полиса без хоры» [Рубан, 1988 а, с. 33]. Археологический материал говорит об аграрно-ремесленном характере обеих апойкий с высоким уровнем развития торговли с метрополией [Рубан, 1978, с. 78]. После основания Березани к востоку от нее, у Ягорлыцкого залива, со второй половины VII в. до н.э. возникает сезонный «ремесленный очаг» березанцев [Рубан, 1980, с. 104 сл.], функции которого были обусловлены наличием соответственных сырьевых ресурсов [Рубан, 1979, с. 66].

На *втором* этапе (первая половина VI в. до н.э.) аграрная территория Березани претерпевает существенные изменения – количественные и качественные. Площадь обрабатываемых земель растет, и они появляются теперь вдали от города, что вызывает необходимость создания стационарных сельских поселений [Рубан, 1978, с. 78; 1988, с. 16; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47]. В это время на побережье Березанского и Днепровского лиманов (до устья Бугского) появляется целый ряд стационарных поселений. Таким образом, хора растет в восточном направлении, она становится заселенной. В результате – аграрная база полиса расширяется, стимулируя тем самым его дальнейшее развитие. Создание и расширение заселенных земледельческих территорий[5] на этом этапе характерны не только для района Борисфена, но и Истрии [Рубан, 1978, с. 78]. Причину создания обширной заселенной хоры Борисфена

[5] Как подчеркнула Н.А. Лейпунская, приведенная характеристика первых двух этапов колонизации нижнебугского региона по В.В. Рубану «в целом соответствует данным археологии, все же необходимо заметить, что для района Ольвии – Березани кажется несколько преувеличенным

(как и Истрии) В.В. Рубан видел не только в росте экономического и демографического потенциала Березанского и Истрийского полисов. Он считал, что это также напрямую было связано с притоком новых колонистов из Восточной Греции вследствие экспансии Лидийского царства и расселением их в качестве эпойков на территории государства [Рубан, 1978, с. 78; 1988, с. 16-17]. В этот период на территории полиса Борисфена (и соответственно, его хоры) имеют хождение монеты – стрелки, отливавшиеся на Березани [Рубан, 1981 а, с. 71; 1982 а, с. 16-18; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; 1990, с. 35].

Третий этап (вторая половина VI в. до н.э.), выделенный исследователем, знаменует собой основание около 545 г. до н.э. при устье Гипаниса города Ольвии [Рубан, 1979, с. 66], на месте которого в первой половине VI в. до н.э. находилось небольшое рядовое сельское поселение березанской хоры, безусловно, уступавшее поселению на Березани [Рубан, 1982 а, с. 18; 1988, с. 8; Рубан, Урсалов, 1986, с. 36]. На этом этапе происходит стремительный рост нового города, быстрое возвышение Ольвии и перенос туда столицы полиса [Рубан, 1982 а, с. 18; 1988, с. 8]. Это событие сопровождается прекращением деятельности Ягорлыцкого ремесленного центра, изменением формы внутриполисной денежной единицы – переход к дельфиновидным монетам[6] (центром эмиссий которых стала Ольвия) [Рубан, 1982 а, с. 16-18; Рубан, Урсалов, 1990, с. 35] и значительным расширением сельской территории [Рубан, 1979, с. 66; 1981, с. 71; 1982 а, с. 18; 1988, с. 17; Рубан, Урсалов, 1986 с. 47]. Хора растет за счет заселения новых земель по правобережью Бугского лимана к северу от Ольвии. Существенно

и преждевременным говорить о создании и расширении заселенной земледельческой территории в первой половине VI в. до н.э., во всяком случае – его начале, для которого нам пока известны единичные поселения» [Лейпунская, 1981, с. 149-150].

[6] Исследуя ранние этапы античного денежного обращения в Нижнем Побужье архаического времени и критически рассматривая историографию, посвященную стрело- и дельфиновидным монетам, В.В. Рубан и В.Н. Урсалов пришли к выводу о несовпадении ареалов их циркуляции [Рубан, Урсалов, 1986, с. 35]. Признав возможное предположение о существовании на территории одного полиса двух синхронных денежных систем, одна из которых предназначалась бы для обращения в каком-либо обособленном, узко ограниченном районе, невероятным [Там же, с. 35], а факт длительного синхронного существования двух независимых полисов в Нижнем Побужье таким, что «не подтверждается имеющимися источниками» [Рубан, Урсалов, 1990, с. 35], исследователи предложили свою схему эволюции раннего монетного дела в регионе. Согласно ей, Березань уже на раннем этапе (во второй половине VII – первой половине VI вв. до н.э.) была центром полиса в Нижнем Побужье, где функционировала государственная магистратура и выпускались (в первой половине VI в. до н.э.) стрело- или листовидные монеты, символизировавшие верховное божество общины– Аполлона Иетроса [Рубан, Урсалов, 1986, с. 49; 1990, с. 35]. Во второй половине VI в. до н.э. изменения в пространственной организации греческой общины в Нижнем Побужье, наиболее значительным проявлением которых стал переход функции центра полиса в Ольвию, перенос туда столицы из Борисфена и полная интеграция Березанского полиса в Ольвийский, привели и к изменению места выпуска государственных монет и их символики [Рубан, Урсалов, 1986, с. 49; 1990, с. 35]. Вместо прежних денежных знаков последовали эмиссии бронзовых «дельфинчиков», связанных с верховным культом вновь созданного Ольвийского полиса, т.е. с Аполлоном Дельфинием и ставших непосредственными предшественниками круглых монет [Рубан, Урсалов, 1990, с. 35].

увеличивается и ее демографический потенциал, что особенно заметно по таким наиболее крупным поселениям, как Чертоватое II и VII. В.В. Рубан связывает их появление с наиболее многочисленными контингентами переселенцев из метрополиии за все время греческой колонизации региона, спасавшимися от персидского порабощения. Итог этапа заключается в том, что именно с этого времени античный полис в Нижнем Побужье правомерно именовать уже Ольвийским, равно как и совокупность сельских поселений региона можно считать не березанской хорой, а ольвийской [Рубан, 1988, с. 17; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47].

Четвертый этап в развитии античной хоры в Нижнем Побужье догетского времени В.В. Рубан датировал первыми двумя третями V в. до н.э. [Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 17]. Для него (особенно в начале столетия) характерно дальнейшее расширение ольвийской хоры за счет появления новой серии поселений и усадеб в северной части правобережья и на всем восточном берегу Бугского лимана, а также вдоль склонов крупных обводненных степных балок. Новый приток колонистов в регион связан с поражением ионийского восстания в 494 г. [1988, с. 17]. На этом этапе сельская округа Ольвии занимает максимальную территорию за весь архаический период, «а столица полиса оказывается в самой оптимальной географической ситуации, канонизированной античными теоретиками, – в геометрическом центре полиса» [Рубан, 1988, с. 17][7]. Кроме территориальных изменений, аграрная зона Ольвии претерпевает в это время и существенные качественные преобразования. Повсеместно происходит переход от земляночного домостроительства к наземному сырцово-каменному. Наблюдается и углубление дифференциации в типологии сельских населенных пунктов, которые представлены крупными мегакомами, комами среднего ранга и мелкими частными усадьбами на земельных наделах [Рубан, 1988, с. 17]. Все эти явления, с одной стороны, свидетельствуют об общем росте экономического потенциала полиса, а с другой – об углублении социального расслоения в нем [Рубан, 1988, с. 18].

---

[7] Впервые идея о т.н. «геометрической» модели пространственного развития или «программирования» границ Ольвийского полиса была высказана А. Вонсович [W¹ sowicz, 1975, p. 84]. По ее мнению, центр полиса, который составляли теменос и агора, был гармонично вписан в треугольную площадь города. Треугольник города в еще большем масштабе дублировался некрополем, а два эти треугольника окружены третьим – составляющим ближайшую хору. Всю фигуру, в центре которой неизменно оставались теменос и агора, как полагала А. Вонсович, можно рассматривать как большой треугольник, основанием которого служил Днепро-Бугский лиман, а боковыми сторонами – условные линии от Варваровки (север) до м. Станислав (юго-восток) и от Варваровки – на Березань (юго-запад). С критикой этой точки зрения выступили И.Б. Брашинский [1977, с. 306] и Дж. Хайнд [Hind, 1980, p. 270]. Согласился с идеей первоначального выбора местоположения Ольвии и определения примерных границ будущего государства Ю.Г. Виноградов, однако идею о геометрическом принципе треугольника, лежавшего, по А. Вонсович, в основе этого, не принял [Виноградов, 1989, с. 43]. Спустя десять лет тезис о том, что Ольвия являлась геометрическим центром расположения поселений своей сельской округи второй половины VI – начала V вв. до н.э., появился в работе других авторов [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 55].

Пятый этап, который исследователь отнес к последней трети V в. до н.э.[8], он назвал этапом деколонизации хоры [Там же, с. 18]. По его мнению, именно в это время прослеживается прекращение жизни населенных пунктов ольвийской сельской территории и резкое сокращение площади Березанского поселения. Не разделяя точек зрения, согласно которым население покинуло хору либо под давлением скифов (К.К. Марченко, Я.В. Доманский, Ю.Г. Виноградов), либо в силу стихийного характера организации ранней хоры (С.Д. Крыжицкий, В.М. Отрешко, С.Б. Буйских), В.В. Рубан высказал свои соображения по поводу причин концентрации демографического потенциала полиса в его столице. С одной стороны, он считал прекращение существования поселений и рост города материальным выражением синойкизма, в процесс которого и было втянуто практически все население Нижнего Побужья [Рубан, 1977, с. 43]. Более того, «в свою очередь это повлекло за собой реорганизацию земледельческой территории (возможно, концентрацию возделываемых земель в ближайших окрестностях Ольвии), которую в архаическое время еще невозможно рассматривать как хору в историческом смысле этого слова» [Там же, с. 43]. С другой же стороны, В.В. Рубан не исключал, что возможной причиной деколонизации хоры являлась эмиграция ионийских переселенцев из Нижнего Побужья на родину после обретения ею независимости [Рубан, 1988, с. 18].

Нужно отметить еще одно обстоятельство. Практически первым в отечественной историографии В.В. Рубан акцентировал внимание на идентичности некоторых существенных моментов протекания колонизации в Нижнем Побужье и Северной Добрудже [Рубан, 1990, с. 85], что нашло выражение, в частности, в демографической ситуации в момент колонизации обоих регионов, хронологии и облике материальной культуры античных сельских поселений округи Истрии и округи Ольвии. В свою очередь, это дало ему основание «для применения в Северной Добрудже исследовательской модели, выработанной в процессе многолетнего изучения архаической хоры Березани и Ольвии» [Там же, с. 85-86], и привело к следующим заключениям.

На начальном этапе колонизации (вторая половина VII в до н.э.) аграрная территория Истрии была *незаселенной*, в ближайшем окружении города располагались лишь земельные наделы его жителей. С начала же VI в. до н.э., на которое, по словам В.В. Рубана, «приходится вторая фаза ионийской колонизации Западного и Северного Понта (возникновение первых аграрных поселений на хоре Березани, основание новых апойкий – Аполлонии, Одессы, Пантикапея, Гермонассы, Нимфея и др.)» [Там же, с. 86], хора Истрии заметно

[8] В действительности же, для подавляющей массы поселений Нижнего Побужья архаический (колонизационный) этап завершается в конце первой трети V в. до н.э. [Крыжицкий и др., 1989, с. 22, 95; Крыжицкий и др., 1990, с. 43], возрождается же жизнь на хоре в последней трети V в. до н.э. [Крыжицкий и др., 1989, с. 99, 150; Крыжицкий и др., 1990, с. 75]. Как отмечалось в литературе, В.В. Рубан ошибочно принял начала следующего этапа в жизни ольвийской хоры за конец предыдущего [Крыжицкий и др., 1990, с. 43].

расширяется и становится *заселенной*. Аналогично нижнебугским памятникам, сельские поселения истрийской хоры были неукрепленными. Во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. наблюдается расцвет самой Истрии (как города) и ее ранней хоры. В это время здесь прослеживаются следы весьма интенсивной жизнедеятельности сельского населения. Далее ко второй половине V в. до н.э. так же, как и земледельческая территория в Нижнем Побужье, хора Истрии снова становится *незаселенной*. Эта во многом еще загадочная особенность, подчеркнул В.В. Рубан, в целом характерна для всех ионийский полисов Северо-Западного Причерноморья и «подлежит дальнейшему исследованию в рамках всего региона» [Рубан, 1990, с. 86].

Одну из своих работ В.В. Рубан посвятил выяснению роли внешнеполитического фактора в истории населения ольвийской хоры [Рубан, 1980 а]. В ней история хоры Ольвии догетского времени в Нижнем Побужье была разделена им на три основных стадии. По его мнению, последовательно сменили друг друга: 1) *стадия формирования* (вторая половина VII – V вв. до н.э.; 2) *стадия расцвета* (IV – первая половина III вв. до н.э.); 3) *стадия упадка* (вторая половина III – первая половина I вв. до н.э.) [Там же, с. 110]. Для каждой стадии было характерно влияние различных внешнеполитических факторов. Для первой стадии – это особенности исторического развития метрополии, заключавшиеся в нестабильной политической ситуации в ионийских полисах, «периодически иррадировавших в колонии контингенты эпойков под давлением соседних восточных монархов», а также отсутствие местного оседлого населения в Нижнем Побужье [Там же, с. 110]. На второй стадии основным внешнеполитическим фактором, способствовавшим упрочению благосостояния ольвийской хоры, было поддержание стабильного мирного соседства с кочевой варварской степью. Упадок хоры на третьей стадии был вызван военной активизацией варварских племен Юго-Восточной Европы.

В.В. Рубан констатировал, что развитие хоры догетской Ольвии в некоторых моментах совпадает с историей сельских территорий ионийских полисов, благосостояние которых зависело от их политических отношений со своими восточными соседями [Там же, с. 111]. Среди таких показательных параллелей исследователь отметил вынужденную эмиграцию населения ионийских государств вследствие сокращения их хоры в архаическое время и отток населения из Ольвийского полиса по тем же причинам в эпоху эллинизма [Там же]. Он заключил, что, вероятно, в этом состоит «одна из исторических закономерностей, проявлявшихся на определенном этапе развития хоры греческого периферийного полиса» [Там же, с. 111]. Эта закономерность, по его мнению, состояла в том, что в отличие от Балканской Греции, где безопасность и процветание хоры зависели преимущественно от состояния межполисных отношений и лишь изредка от воздействия варваров, на периферии греческого мира роль этих факторов была иной [Там же].

Говоря об освоении греками обширных территорий Северо-Западного Причерноморья, В.В. Рубан в другой своей работе отмечал, что в период колонизации

здесь формировались две основные системы расселения: 1) *одноуровневая* или моноцентричная с единственным урбанистическим центром, являвшимся центром полиса (Истрия, Никоний) и 2) *двухуровневая* или полицентричная [Рубан, 1988 а, с. 32-33]. В Нижнем Побужье на первых двух этапах колонизации существовала одноуровневая система расселения (Березань), затем трансформировавшаяся в двухуровневую (Березань плюс Ольвия). Березанская система стала структурообразующим элементом ольвийской на уровне микросистемы [Там же, с. 33].

Среди системообразующих насселенных пунктов, т.е. городов, В.В. Рубан выделил два этапа: 1) города систем расселения полисного уровня, а именно: Истрия, Никоний, Ольвия и 2) города, на первых двух этапах являвшихся главным звеном полисной системы, а затем ставшие микросистемами, инкорпорированными в полисную систему (Березань). К несистемообразующим населенным пунктам, исходя в первую очередь, из материалов Нижнего Побужья [Рубан, 1981; 1988, с. 17-18], исследователь отнес 1) поселения хуторского типа (*хорионы*), состоявшие из одного ойкоса (Козырка XV); 2) поселения среднего ранга (*комы*), включавшие в себя несколько ойкосов (Ст. Богдановка-II); 3) поселения высшего ранга (*мегакомы*), структурно насчитывавшие несколько десяткой ойкосов (очевидно, Чертоватое-II и VII); 4) служебные населенные места – сезонные пастушеские стоянки и Ягорлыцкий агломерат ремесленных мастерских [Рубан, 1988 а, с. 33].

Для сравнения приведем классификацию С.Д. Крыжицкого, который считал возможным населенные пункты Ольвийского государства в последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э. в терминологическом выражении определять так: Ольвия – *полис* (в значении большой город); Березанское поселение – *полихниoн* (в значении небольшой городок); агломерация – *комэ* (неукрепленное село); поселение, которое состоит из одного или нескольких ойкосов – *комион* (сельцо) [Крыжицький, 1989, с. 49].

В целом для Северного Причерноморья второй половины VII – начала V вв. до н.э. в его работах и работах с соавторами были выделены следующие категории населенных пунктов. Это: 1) города; 2) сельские поселения, среди которых различаются: а) коллективные усадьбы или дома – коммуны (типа Торика и Киммерика); б) отдельные хутора; в) агломерации, состоявшие из групп хуторов или усадеб; 3) эмпории (в понимании торговой фактории) [Крижицький, Буйських, 1988, с. 6; Крижицький, 1989, с. 43-44; Крыжицкий и др., 1989, с. 37-39][9].

Таким образом, несмотря на некоторые отличия терминологического, хронологического и интерпретационного плана между работами В.М. Отрешко, С.Д. Крыжицкого и В.В. Рубана, в целом из них вытекало, что становление

[9] Впоследствии, исходя из архитектурного аспекта, С.Д. Крыжицкий предложил следующую типологию античных населенных пунктов Северного Причерноморья: 1) *полис* – город, столица полиса в значении государства: 2) *полихниoн* – город, не имеющий статуса государства; 3) *комэ* – крупная деревня; 4) *комион* – деревушка, состоящая из одного или нескольких ойкосов; 5) *хорион* – включающий одну или несколько индивидуальных усадеб; 6) *эмпорий* – торговая фактория [Крыжицкий, 1993, с. 33-34].

раннеантичной хоры в Нижнем Побужье прошло три основных этапа. Вначале возникла незаселенная аграрная зона Березани, затем появилась заселенная хора Березанского полиса, включавшая в себя сеть поселений в районе Березанского лимана, а, возможно, доходившая и до устья Аджигола. Наконец, около последней трети VI в. до н.э. формируется хора Ольвийского полиса, территориально охватившая сельскими поселениями побережье Березанского, Днепровского и Бугского лиманов.

Двухэтапный вариант – вначале локальная хора Березанского полиса, затем большая, занявшая все Нижнее Побужье, хора Ольвийского полиса – поддержали и другие представители киевской школы, в первую очередь, А. С. Русяева [Русяєва, 1979, с. 4; Русяева, 1986, с. 296; 1986 а, с. 301; 1986 б, с. 49; см. также: Русяева, Скржинская, 1979, с. 26] и В. А. Анохин [Анохин, 1986, с. 77; 1988, с. 134].

Как указывалось в I-й части данной работы [Буйских, 2008, с. 24], А.С. Русяева, впрочем, так же, как Ю.И. Козуб [1979, с. 316] и М.В. Скржинская [1981, с. 149], поначалу считала, что Ольвия, основанная в начале VI в. до н.э. вместе с другими поселениями Днепро-Березанского района, мало чем отличалась от их основной массы [Русяева, 1979, с. 6; 1979 а, с. 28; 1979 б, с. 106]. Своеобразным же форпостом и «местным организатором» в процессе первоначального заселения берегов нижнебугских лиманов конца VII – первой половины VI вв. до н.э. выступало Березанское поселение, которое, по А.С. Русяевой, вместе с Истрией было «первым микрополисом» Северо-Западного Причерноморья и представляло собой «небольшой своеобразный полис-государство» [Русяєва, 1979, с. 3-4]. Возвышение Ольвии, массовое заселение греками берегов Бугского и Березанского лиманов и создание Ольвийского полиса она относила к середине – второй половине VI в. до н.э. [1979, с. 4-5; 1979 б, с.106-107]. Однако, подчеркивала А.С. Русяева, такие вопросы, как «роль Березанского поселения в колонизационном процессе Днепровско-Березанского бассейна, детальное изучение всех аспектов его исторического развития остаются все еще не решенными. В такой же мере это касается и вопроса о времени устройства непосредственно Ольвией своей сельскохозяйственной округи. Во-первых, немало поселений возникло одновременно с Ольвией или в тот период, когда про нее как про город вряд ли можно говорить. Во-вторых, так сказать, налаженная во всех отношениях экономическая база города почти полностью прекратила свое существование в первой четверти V в. до н.э., т.е. в то время, когда Ольвия уже сформировалась как город и требовала, казалось бы, наличия сельской округи, которая действительно была создана, но значительно позднее» [Русяева, 1979 б, с. 107].

В другой работе А.С. Русяева высказала весьма интересную мысль о том, что в процессе становления Ольвийского полиса стабильности его существования и дальнейшего развития мешали система организации аграрного хозяйства, т.е. основной экономической базы, а также отсутствие четко налаженных аграрных отношений и относительно слабое развитие ремесленного производства [Русяева, 1987, с. 170-171]. Завершающий этап архаической истории

Ольвийского полиса и был, по ее мнению, «связан с коренной реорганизацией сельскохозяйственной округи, формированием близлежащей хоры, способствовавшим более тесной экономической консолидации города с его аграрной зоной и относительной стабилизации его социально-экономического положения» [Русяева, 1987, с. 171]. Одним из поселений этой ближней хоры, по мнению А.С. Русяевой, была Широкая Балка к югу от Ольвии, раскопки которой показали, что оно «было основано и заселено эллинами в процессе общей колонизации Нижнего Побужья в VI в. до н.э.» [Русяева, Мазарати, 1986, с. 58].

Появление новых материалов и, в первую очередь, открытие и результаты раскопок древнейшего (Западного) теменоса в Ольвии, который, как установлено, возник не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Русяева, 1986 б, с. 51-52; 1988, с. 170-171; 1991, с. 124, 135], заставили А.С. Русяеву пересмотреть свою точку зрения относительно статуса ранней Ольвии. В своей большой программной статье, посвященной проблемам греческой колонизации Нижнего Побужья, время смены ведущих ролей в регионе исследовательница выделяла уже несколько иначе: вторая половина VII – первая четверть VI вв. до н.э. – за Борисфеном, а со второй четверти VI в. до н.э. (а не со второй половины, как она считала ранее) «на эту роль, очевидно, начинает претендовать и Ольвия» [Русяева, 1986 б, с. 51]. Более того, на основании того факта, что не позже этой даты в Ольвии был выделен теменос Аполлона Врача, она признала, что с самого начала Ольвийское поселение выделялось среди других синхронных памятников региона и здесь с самого начала было запрограммировано не сельское поселение, а город [Там же, с. 52; с. 62-63, прим. 163]. Выводы А.С. Русяевой подтвердили ранее высказывавшуюся точку зрения об особом положении ранней Ольвии в регионе [Брашинский, 1977, с. 302; Виноградов, 1983, с. 389].

В данной статье А.С. Русяевой была выдвинута оригинальная гипотеза об основных стадиях протекания процесса формирования Ольвийского государства, основанная на прочтении граффити второй половины VI в. до н.э., прочерченном на костяной березанской пластинке из раскопок В.В. Лапина. Надпись, по мнению издателя, представляет собой своеобразную запись символического изречения дидимейского оракула, в котором отражены этапы становления в ольвийско-березанском регионе культа Аполлона и роста количества переселенцев [Русяева, 1986 б, с. 32, 33]. Она гласит: «*Семь*: волк слаб (немощен, бессилен); *семьдесят*: лев грозен (могуч, страшен); *семьсот*: лучник (стрелец) дружественен – дар силой врачевателя; *семь тысяч*: дельфин разумен (мудр) – мир Ольвийскому полису; благословляю (считаю счастливыми вас) там, я сам благословлен Лето (?)№ [Русяева, 1986 б, с. 26].

По мнению А.С. Русяевой, березанская надпись «засвидетельствовала последовательность и длительность колонизационного процесса в Нижнем Побужье» [Там же, с. 62]. Содержащиеся в ней данные позволяют, на ее взгляд, выделить четыре этапа этого процесса с характерным для каждого из них культом [Русяева, 1986 б, с. 49-50, 62-63]:

1) выбор ионийцами места для переселения, «первоначальное основание» Борисфена, где гегемоном выступал Аполлон Дидимейский в ипостаси Ликея (середина – третья четверть VII в. до н.э.);

2) «окончательное основание» Борисфена под эгидой того же божества, но с расширением его функций (символика льва), закрепление колонистов в Нижнем Побужье и проникновение их в Лесостепь (последняя треть VII в. до н.э.);

3) расширение греческой колонизации региона за счет новой колонизационной волны, что совпадает с символикой числа 700 (усиление Борисфена, зарождение здесь полисной структуры), интенсивное земляночное строительство на Березани, широкое освоение Борисфеном окружающей территории, расширение его сельскохозяйственной округи – хоры, возникновение Ольвии и других поселений, первоначальное освоение и эксплуатация территории Нижнего Поднепровья (Гилея) с целью способствования экономическому росту зарождающегося Борисфено-Ольвийского полиса, расширение торговой экспансии в Лесостепь, начало выпуска собственных денежных знаков – монет-стрелок под эгидой Аполлона Врача (первая четверть VI в. до н.э.);

4) широкое освоение ионийцами обширной области в Днепро-Березанском бассейне, количественное увеличение гражданской общины (число 7000, по А.С. Русяевой, близко к реальной демографической ситуации в Нижнем Побужье этого времени), обширное заселение Ольвии, возникновение множества поселений по обоим берегам Бугского лимана, расширение жилой застройки Березани, установление окончательного названия и места политического, экономического и культурного центра в регионе – Ολβίη πόλις, утверждение его главным покровителем Аполлона Дельфиния, по предсказанию дидимейского оракула, дальнейшее формирование Ольвийского полиса и его хоры, расширение его взаимоотношений с варварским миром, культурное устройство города – столицы государства (третья четверть VI в. до н.э.).

Как пишет исследовательница, к этому времени «Борисфен, как в силу своих размеров, так, вероятно, и географического положения (в особенности, что касается обширности сельскохозяйственной территории)», не отвечал уже нормам политического, экономического и культурного центра в Нижнем Побужье [Русяєва, 1986 б, с. 50]. Что же касается надписи, то ее цифровая символика с постоянной мультипликацией, на ее взгляд, совпадает с этапами колонизационного процесса в Нижнем Побужье и иносказательно отражает демографическую ситуацию в этом регионе на протяжении почти целого столетия, т.е. в конце VII – конце VI вв. до н.э. [Там же]. Этим, однако, не исключается, что в последней четверти VI – начале V вв. до н.э., особенно после разгрома персами Милета, в Нижнем Побужье появилась новая волна колонистов [Там же]. По А.С. Русяевой, формирование Ольвийского полиса при благоприятном (до первой четверти V в. до н.э.) внешнем факторе, сопровождалось внутренним социально-политическим конфликтом между первопоселенцами и эпойками, который и был разрешен получением Дидимейского оракула [Русяева, 1986 б, с. 52, 63].

Длительный и поэтапный процесс колонизации Нижнего Побужья, согласно А.С. Русяевой, не мог иметь беспорядочный характер. «Постепенное и методическое освоение сравнительно обширной, в основном сельскохозяйственной, зоны[10] вело и к постепенному развитию полиса с его все большим усовершенствованием во всех сферах жизни: экономической, социально-политической и культурной, что в итоге составило целостную государственную систему» [Русяева, 1986, с. 63; см. также: 1990, с. 59].

Вышеприведенная схема греческой колонизации Нижнего Побужья, включавшая четыре последовательных этапа, была расширена и детализирована А.С. Русяевой в работе, посвященной развитию идеологических представлений колонистов [Русяева, 1990, с. 57-60]. Здесь ею был добавлен заключительный (пятый) этап колонизационной деятельности ионийской в регионе, который исследовательница отнесла к последней четверти VI – первому десятилетию V вв. до н.э. подчеркнув, что «в это время происходит формирование границ Ольвийского полиса, укрепление его энономической и социально-политической системы» [Русяева, 1990, с. 59]. В этой работе А.С. Русяева также отметила, что в течение VI в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье было основано большое количество поселений, среди которых в политическом, экономическом и культурном отношениях с самого начала выделились такие самостоятельные полисы, как Ольвия, Тира и Истрия, подчинившие себе обширные сельскохозяйственные округи. «Причем Ольвия на раннем этапе доминировала в этой области» [Русяева, 1990, с. 40].

Таким образом, по А.С. Русяевой, на раннем этапе развития Березанского поселения (во второй половине VII – первой четверти VI вв. до н.э.) оно являлось политически независимым образованием – полисом, обладавшим собственной сельскохозяйственной округой с налаженным бронзолитейным и железоделательным производством и выпускавшим собственную полисную монету в виде литой бронзовой стрелы – атрибута Аполлона Врача [Русяєва, 1986 а, с. 301; 1986 б, с. 49-50]. Затем, «со второй четверти, а тем более с середины VI в. до н.э.», роль организующего фактора в регионе переходит к Ольвии, сразу основанной еще во второй четверти VI в. до н.э. в качестве городского центра [Русяева, 1986 б, с. 51-52].

В.А. Анохин, напротив, считал, что Ольвия поначалу была одним из рядовых поселений березанской хоры, на территории которой имели обращение стреловидные монеты, сакрально связанные с главным полисным богом – Аполлоном Врачем [Анохин, 1988, с. 134]. Выделение Ольвии из состава березанской хоры началось, по его мнению, около середины VI в. до н.э., и уже примерно в третьей четверти столетия она начала выпускать свой вид денежных знаков –

---

[10] А.С. Русяева предполагала, что в Нижнем Побужье архаического времени в соответствии с колонизационной практикой, помимо полисной хоры, существовала и так называемая ἱερά χώρα, т.е. храмовые земли, которыми, по ее мнению, владела храмовая организация культа Аполлона Дельфиния [Русяева, 1986, с. 63].

т.н. «дельфины», приуроченные Аполлону Дельфинию [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 8-9]. Вслед за В.В. Рубаном [Рубан, 1981 а, с. 71; 1982, с. 16] В.А. Анохин считал, что они имели хождение на территории к северу от Ольвии, и заключал, что в Нижнем Побужье какое-то время сосуществовали два экономических района, обслуживавшиеся двумя разными формами денег – березанский (стрелы) и ольвийский (дельфины) [Анохин, 1988, с. 134]. Те и другие исследователь считал стихийно сложившимися в среде греческих переселенцев видами частных (либо храмовых) денег [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 9]. Выдвижение Ольвии в качестве ведущего полиса Нижнего Побужья В.А. Анохин относил лишь к первой четверти V в. до н.э., когда Ольвия, осознав необходимость перевода денежного обращения обоих экономических районов на единую форму денег, начала выпуск первой общегосударственной (полисной) монеты – т.е. «ассов» [Анохин, 1988, с. 134; 1989, с. 13]. Их дату он определял «временем синойкизма» - около 480-470 гг. до н.э. [Анохин, 1989, с. 13], в котором, в отличие от сторонников «варварской» и «стихийной» гипотез, видел основную причину прекращения существования почти всех поселений хоры на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э., поддержав, таким образом, мнение В.В. Лапина [1966, с. 176] и В.В. Рубана [1977, с. 42-44]. В этой связи он писал: «Синойкизм был осуществлен в виде одновременного переселения в Ольвию жителей всех или большей части поселений с наделением свободных правами гражданства и участками земли под застройку и для занятия сельским хозяйством… Проведение синойкизма уже предполагает определенную государственную организацию Ольвии» [Анохин, 1989, с. 13].

В нашей работе того же времени, что и вышерассмотренные, специально посвященной вопросам пространственно-структурного развития античной хоры в Нижнем Побужье VI-II вв. до н.э. [Буйских, 1986], прямо о хоре Борисфена не говорилось. Схема освоения региона, как мы тогда это себе представляли, в наиболее общих чертах выглядела так.

Во второй половине VII – начале VI вв. до н.э. ионийское поселение на Березани, с появлением которого началась греческая колонизация региона, являлось здесь единственным населенным пунктом. На протяжении всего VI в. до н.э. происходил процесс освоения греками прибрежной материковой зоны. Постепенно берега Бугского, Днепровского и Березанского лиманов покрылись густой сетью сельских поселений. В начале VI в. до н.э. возникло и ольвийское поселение.

Для этого периода говорить о хоре как о составной части Ольвийского государства нет оснований, поскольку оно само находилось еще в процессе становления. К тому же, вопрос о выборе столицы полиса был тогда еще не решен. В силу своего географического расположения группа поселений (или, возможно, система поселений) Березанского лимана была в экономическом и политическом отношении тесно связана с Березанью, тогда как памятники правого берега Бугского лимана тяготели к Ольвии. Возможно, допускали

мы, что на каком-то этапе доминирующее положение в регионе (уже при наличии Ольвии) могла сохранять за собой Березань.

По-видимому, ольвийская полисная хора сформировалась во второй половине VI в. до н.э. [Буйских, 1986, с. 18]. Она имела такие территориальные пределы: на западе – правобережье Березанского лимана, на востоке – левый берег Бугского лимана к северу от Ольвии граница хоры проходила на широте современного г. Николаева, на юге – ее фиксировало Ягорлыцкое поселение в районе Гилеи (Кинбурнский п-ов). Хора успешно функционирует во второй четверти V в. до н.э. Затем жизнь на большинстве поселений Нижнего Побужья прекращается. «Ко второй половине – концу V в. до н.э. население полностью сосредоточилось в Ольвии и на Березани, составившими единый государственный организм – полис» [Буйских, 1986, с. 18].

Точку зрения, согласно которой жизнь на приольвийских поселениях оборвалась в результате миграционного потока скифов [Доманский, Марченко, 1975], либо даже установления над Ольвией и ее округой особого протектората[11] Скифского царства [Островерхов, 1980, с. 33-34; Виноградов, 1983, с. 400], в этой статье мы отвергли как такую, что не подтверждается абсолютно никакими археологическими данными [Буйских, 1986, с. 21]. В противовес – мы высказали соображение, что известная активизация военно-политической деятельности скифов в Северном Причерноморье после похода Дария в 514 г. до н.э. и, как следствие ее, ухудшение греко-скифских взаимоотношений, могли лишь привести к ускорению строительства надежно защищенного крепостными стенами военного, политического, экономического и культового центра полиса, т.е. Ольвии. По нашему мнению, именно это явилось причиной того, что население оставило сельскую округу [Буйских, 1986, с. 21]. Концентрация всех людских ресурсов полиса в районе Ольвии позволила, на наш взгляд, осуществить интенсивные работы по налаживанию системы водоснабжения, сооружению городских кварталов, зданий социального и общественного назначения и особенно – фортификационных сооружений, т.е. сокращение большой хоры Ольвии было вызвано, на наш взгляд, причинами внутригосударственного, а не внешнего происхождения.

---

[11] Гипотеза о т.н. «скифской угрозе» и вопрос об установлении скифского протектората над Ольвией в качестве одного из решающих аргументов в пользу реального существования которых приводится и факт прекращения жизни на поселениях ольвийской хоры к концу первой трети V в. до н.э., имеют уже достаточно обширную историографию, на обсуждении которой здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться. Это – задача отдельной специальной работы. Скажем только, что эти идеи в свое время были выдвинуты и развиты в основном представителями московской [Виноградов, 1981, с. 138 сл.; 1981 б, с. 57 сл.; 1983, с. 400 сл.; 1989, с. 82-121] и ленинградской [Марченко, 1979, с. 136; 1993; 1999; Доманский, 1981, с. 159] школ антиковедения. Основные контраргументы исследователей киевской школы, объясняющие процесс запустения хоры Ольвии не внешними, а внутренними причинами развития полиса, даны в работах 1980-90-х гг. В.А. Анохина [Анохин, 1989, с. 11-13, 15-17], А. С. Русяевой [1992, с. 125-127], С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской [Крижицький, 1998, с. 97-100; Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 23-24; 1999, с. 94-97; 1999 а, с. 152-154].

Помимо меня, о существовании в Нижнем Побужье архаического времени только единственной, т.е. ольвийской хоры, писала также Н.А. Лейпунская в известной работе об экономике ранней Ольвии [Лейпунская, 1979]. Она считала, что вторая половина VI в. до н.э. была своеобразным этапом «накопления сил» Ольвийского полиса, постепенного роста его экономики и внутреннего благосостояния. Этим целям были подчинены и торговые связи, и производственная деятельность и «сельскохозяйственная округа Ольвии» [1979, с. 128], в которой, по мнению исследовательницы, Ольвия имела все необходимое для развития своей экономики.

Сельские поселения, которые возникали параллельно с развитием Ольвии, располагались на периферии полисных земель. Кроме населения хоры, отмечала Н.А. Лейпунская, и жители города уже в VI в. до н.э. имели источники получения сельскохозяйственной продукции за его пределами [1979, с. 127]. В этой статье Н.А. Лейпунская резко выступила против отношения ряда поселений Нижнего Побужья к варварским и, в соответствии с этим, против включения их в сферу внешней торговли Ольвии. Она недвусмысленно высказалась в пользу того, что такие известные нижнебугские поселения, как, например, Широкая Балка, Закисова Балка и Петуховка, определенно «входили в состав хоры Ольвии» [Лейпунская, 1979, с. 126].

Вторая половина VI в. до н.э., по Н.А. Лейпунской, подготовила тот качественный «взрыв», который наблюдается в Ольвии в начале V в. до н.э. Однако, наряду с явной картиной процветания города, развития ремесел, укрепления внешних связей, заметного возрастания роли торговли, как было подчеркнуто автором, - «одновременно происходит и иной процесс – резкое сокращение хоры Ольвии» [1979, с. 129]. По мнению исследовательницы, этот факт привел к развитию торговых отношений Ольвии с районами Приднепровья.

В следующей своей работе, развивая тему определения экономических основ колонизационного процесса в Нижнем Побужье, Н.А. Лейпунская коснулась и некоторых важных аспектов освоения здесь аграрной зоны. Согласно ее представлениям, в конце VII – начале VI вв. до н.э. Березань была единственным греческим поселением в регионе. Другие, еще «единичные» поселения появляются близ нее лишь в начале VI в. до н.э. [Лейпунская, 1981, с. 150-151]. В течение второй – третьей четвертей шло постепенное, но активное заселение берегов Березанского лимана. Этот процесс, имея направление с запада на восток, со временем охватил весь Днепро-Бугский район. Его основой «было необходимое для поселенцев освоение нового пространства с целью создания достаточно высокого уровня земледельческой экономики, оформления «экономического ландшафта», упрочение базиса античного общества на новом месте» [Там же, с. 150]. Основным направлением интенсивного развития экономики новых поселений «могло быть и было земледелие» [Там же, с. 151].

Поселения VI в. до н.э. в регионе не отличались от синхронной им Ольвии ни по характеру застройки, ни по облику материальной культуры, ни по особенностям

быта, ни по числу жителей. Не отличалась от них и Ольвия, будучи разве что «несколько более крупным поселком» [Там же, с. 153]. Такая ситуация сохранялась до рубежа VI - V вв. до н.э. Однако, подчеркнула Н.А. Лейпунская, если ольвийское поселение постепенно росло и во второй половине VI в. до н.э. уже резко превосходило (судя по росту площади города и плотности застройки) «все остальные места обитания колонистов», то «поселения хоры, в общем, оставались в тех же границах – очевидно, их размеры были оптимальными для данного экономического сообщества» [Там же]. В то же время «сельскохозяйственная продукция многочисленных античных поселений Ольвийского района этого времени могла уже полностью обеспечить потребности города» [Там же].

В другой работе, исследуя особенности экономического развития Ольвии в позднеархаическое время, Н.А. Лейпунская отмечала, что «к концу VI в. до н.э.» закономерное развитие и расширение экономики Ольвии и поселений ее округи привело к созданию полноценного базиса для оформления и дальнейшего роста аграрного античного полиса с высоким уровнем развития ремесла и обмена» [Лейпунская, 1985, с. 45]. С начала же V в. до н.э. фиксируются изменения как в демографической ситуации, так и во всех отраслях хозяйства Ольвии. В первую очередь, по мнению Н.А. Лейпунской, это нашло отражение в резком изменении облика сельского хозяйства Ольвийского полиса. «В течение первой половины V в. до н.э., - отмечала исследовательница, - исчезает большинство поселений, и территория используемых угодий находится, очевидно, лишь в непосредственной близости от города. В городе возрастает число зернохранилищ. Изменяется даже состав стада. Очевидно, этот вид экономической деятельности испытывает значительные трудности» [Там же, с. 45]. Вместе с тем, синхронно с этим в городе ведется активное строительство, переживает подъем ремесленная деятельность, отмечается укрепление денежного хозяйства, значительно интенсифицируются торгово-обменные отношения Ольвии, особенно с варварским миром Степи и Лесостепи. По мнению Н.А. Лейпунской, это, очевидно, свидетельствует о тех трудностях, которые испытывало в это время сельское хозяйство Ольвийского полиса [Там же, с. 46]. Первые признаки преодоления этих трудностей наблюдаются, по Н.А. Лейпунской, в конце V в. до н.э., полное же возрождение хоры она отнесла к началу IV в. до н.э. [Там же, с. 46].

Вопросов греческой колонизации Нижнего Побужья, в частности, причин и этапов возникновения Березани и Ольвии в ряде своих работ коснулась М.В. Скржинская, в частности, в статье, посвященной происхождению названия Ольвии [Скржинская, 1981]. Согласно ее представлениям, поселение на о-ве Березани было основано милетянами во второй половине VII в. до н.э. и его появление на несколько десятилетий опередило основной колонизационный поток из Милета в Северное Причерноморье [Там же, с. 145]. Ответ на вопрос о конкретной причине массового переселения жителей Милета в колонии около середины VI в. до н.э., по ее мнению, отчасти содержится в сообщении Геродота [Herod. V, 28-29] о том, что за

два поколения до ионийского восстания (500-499 г.) Милет был раздираем распрями, а его хора – разорена.

Следующий этап колонизации региона состоял в том, что на рубеже VII-VI и в первой половине VI вв. до н.э. невдалеке от Березани, а затем по берегам Березанского и Бугского лиманов «возникают новые сельские поселки» [Там же, с. 145]. Такое же поселение существовало сначала и на месте Ольвии. Впоследствии там образовался «центр новых переселений», который назвали Милетополем (милетским городом). Так, по мнению М.В. Скржинской, можно объяснить известное сообщение Плиния [Plin. NH IV, 82-83] о древнейшем названии Ольвии. И, наконец, во второй половине VI в. до н.э. сюда было решено перенести центр государства. Этот акт, закреплявший «рождение нового, более обширного государства», как предположила исследовательница, по логике вещей должен был быть санкционирован Дельфийским оракулом[12], благодаря которому, возможно, оно и получило в итоге наименование Ὀλβίη πόλις [Там же, с. 146]. «Березанское поселение, - пишет М.В. Скржинская, - существовало уже несколько десятилетий, и было известно, какие плодородные земли его окружали, какие огромные, богатые рыбой реки впадают там в Понт, какие это великолепные пути для торговли с населением восточноевропейских степей и сколь мирные отношения сложились у греческих колонистов с соседними кочевниками. Поэтому оракулу легко было одобрить появление нового полиса в этой области Причерноморья и сказать, что счастливая участь суждена не только его основателям, но и их потомкам» [Там же, с. 146].

Несколько слов необходимо сказать и о работах Ю.И. Козуб. Специально никогда не занимавшаяся проблемами хоры, она вместе с тем в 1960-70-х гг. исследовала памятник, который многими исследователями активно использовался и используется в их исторических реконструкциях ранней истории как Ольвии, так и ее сельской округи. Речь идет об ольвийском предместье (или предградье), где в ходе многолетних раскопок были открыты земляночные сооружения жилого, хозяйственного и культового назначения позднеархаического – классического времени [Козуб, 1975; 1976; 1979; 1979 а]. По мнению исследовательницы, предместье сформировалось на основе поселения конца VI – начала V вв. до н.э., значительно разрослось и было подвергнуто перестройке в середине V в. до н.э., а наиболее интенсивную жизнь переживало в середине – второй половине V в. до н.э., прекратив существование на рубеже V-IV вв. до н.э. [Козуб, 1979, с. 316-317; 1979 а, с. 3, 4, 7, 32-33].

На основе результатов многолетних раскопок и интерпретации значительного массива вещественного материала Ю.И. Козуб пришла к весьма убедительному и важному выводу о греческом характере всего комплекса

[12] Это М.В. Скржинская предполагала теоретически. Впоследствии же полученные новые конкретные материалы дали основание говорить о том, что обращение к оракулу действительно имело место, только не к Дельфийскому, а Дидимейскому [Русяева, 1986 б, с. 29 сл.; 1990, с. 58].

Ольвийского предместья[13]. Она подчеркнула, что теснейшие связи предместья с городом, схожесть всех сторон их материальной и духовной культуры свидетельствуют о том, что «предместье являлось составной частью Ольвийского полиса, представляя неразрывное единство с территорией собственно города, некрополя, ближней и дальней сельскохозяйственной хоры» [Козуб, 1979, с. 322; ст. также: Козуб, 1979 а, с. 29, 34].

Результаты разработок киевской школы античной археологии в 1970-80-х гг. нашли отражение в согласованном коллективном мнении ведущих исследователей хоры по рассматриваемой проблеме. В кратком, предварительном варианте оно было апробировано сначала в небольшой статье, подводившей некоторые итоги разведочно-раскопочных работ в Нижнем Побужье [Крыжицкий, Бураков, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980], а затем, более основательно, изложено в двух специальных монографических исследованиях, впервые в отечественной историографии, предметно посвященных хоре Ольвии [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990[14]].

В наиболее общих чертах картина сложения и ранних этапов развития античной хоры в Нижнем Побужье в соответствии с этими работами, выглядит следующим образом:

Во второй половине VII – самом начале VI вв. до н.э. единственным ионийским поселением в Нижнем Побужье являлась Березань (Борисфенида). С его появлением, с момента прибытия сюда греческих переселенцев, исходя из колонизационной практики, можно предполагать возникновение здесь античного государства полисного типа [Крыжицкий, Буйских, Отрешко, Рубан, 1980, с. 7; Крыжицкий и др., 1989, с. 94]. В таком случае, сельские поселения, хронологически появившиеся в регионе после Березани и располагавшиеся рядом с ней, могут рассматриваться как результат создания березанской хоры [1980, с.7; 1989, с. 94; 1990, с. 42]. На первом же этапе сельская территория была еще не заселена, и какая-то ее часть эксплуатировалась жителями Березани [1989, с. 20].

Начало активного освоения сельской округи в Нижнем Побужье относится к первой половине VI в. до н.э., когда появляются Ягорлыцкое поселение с ярко выраженной ремесленной направленностью и первые аграрные поселения на берегах Березанского лимана. Эти поселения, очевидно,

---

[13] Выводы непосредственной исследовательницы этого интересного памятника вызывают больше доверия, чем построения некоторых его интерпретаторов. Так, в частности, К.К. Марченко предложил для предместья функцию «резервации», устроенной Ольвийским полисом для сохранения своих «сельскохозяйственных рабочих», собранных под стены Ольвии со всех поселений Нижнего Побужья. Не трудно догадаться, что основу этого бесправного социального контингента составляли, по мнению К.К. Марченко, потомки «представителей различных аборигенных племен Северного и Северо-Западного Причерноморья» [Марченко, 1982, с. 135-136]. Возникает естественный вопрос – как тогда быть с многочисленными греческими граффити из комплексов предместья и тем красноречивым фактом, что соотношение групп керамики в синхронных слоях и комплексах и предместья, и самой Ольвии практически идентично [Козуб, 1979 а, с. 29]?

[14] Далее – Крыжицкий и др.

и составили хору Борисфениды [1980, с. 7; 1989, с. 94; 1990, с. 42]. Массовый процесс освоения греками региона начинается со второй четверти VI в. до н.э. и к концу столетия практически заканчивается [1989, с. 20-21]. Освоение сельской территории происходило стихийно – какие-либо признаки регламентации этого процесса отсутствуют [1989, с. 90].

Вырисовывается картина постепенного заселения региона в направлении с запада на восток на протяжении первой – третьей четвертей VI в. до н.э. [1980, с. 7]. К середине VI в. до н.э. сельские поселения распространяются по правому берегу Днепровского, а затем и Бугского лиманов вплоть до Ольвии [1990, с. 42]. Во второй половине VI в. до н.э. поселения достигают широты Николаева, и греки осваивают также левый берег Бугского лимана. Входили ли эти новые поселения в состав хоры Березани, определить трудно [1989, с. 94]. Скорее всего, они связаны уже с Ольвией, которая была основана около второй четверти – середины VI в. до н.э. [1989, с. 21; 1990, с. 42, 120]. В целом вторая четверть VI – первая четверть V вв. до н.э. соответствует времени сложения Ольвии как античного государства [1990, с. 120]. По-видимому, уже в 30-е гг. VI в. до н.э. к ней полностью переходит роль полисного центра в регионе и в основных чертах заканчивается формирование ее хоры [1990, с. 42]. Количество населенных пунктов, основанных в начале V в. до н.э., невелико. Последнюю четверть VI – первую треть V вв. до н.э. в целом можно охарактеризовать как этап максимального развития архаической сельской округи Ольвии, время ее стабилизации, расцвета и закрепления в статусе полисной хоры [1989, с. 22, 94; 1990, с. 42]. Исходя из размеров поселений на хоре, среди них выделяются три основные группы: небольшие хутора (или усадьбы) площадью 0,2 га; поселения средних размеров – от 2-3 до 5-8 га; крупные поселения площадью до 50-80 га [1989, с. 25; 1990, с. 42]. Все три типа отличаются друг от друга лишь различным количеством структурно составлявших их отдельных жилищно-хозяйственных модулей (усадеб). Одна такая «усадьба» занимала в среднем около 0,2 га и включала в себя ряд землянок и полуземлянок, зерновых и хозяйственных ям, цистерн и других подсобных сооружений [1989, с. 29; 1990, с. 42]. Помимо стационарных поселений, выделяется также категория временних сезонных стоянок рыбаков и пастухов.

Примерно на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. [1980, с.7] или в конце первой трети [1989, с. 22, 94; 1990, с. 42] жизнь на большинстве поселений Нижнего Побужья прекращается. Большая ольвийская хора исчезает, и сельское население почти полностью сосредотачивается в районе Ольвии. Ольвия таким образом становится не только религиозно-политическим, но и демографическим центром всего Нижнего Побужья [1980, с. 7]. Березань же в это время, по-видимому, выполняет, скорее лишь функции морского порта Ольвийского государства.

Концентрация населения ольвийской хоры в районе Ольвии и временное сокращение ее аграрной территории в большей степени следует объяснять не внешними процессами военно-политического порядка, а внутренними, имевшими социально-экономическую подоплеку. Причины коллапса (или редукции)

хоры логичнее искать в самих особенностях развития Ольвийского полиса в колонизационную эпоху. Этот феномен, скорее всего, был связан с завершением процесса формирования Ольвийского государства. Конкретно он вызывался необходимостью неотложных и масштабных работ по устройству урбанистического центра полиса, стремлением сохранить экономический потенциал государства и желанием реорганизовать стихийно сложившуюся в процессе освоения региона хору [1989, с. 94, 140; 1990, с. 42]. Исходя из этого, становится понятной дальнейшая динамика устройства хоры. Ее пространственно-структурное развитие в эпоху классики – эллинизма происходит на базе более четкой упорядоченности и целенаправленности [1989, с. с. 99; 1990, с. 120].

В конце же архаического периода сельская округа Ольвии уплотняется до размеров небольшого пригородного земледельческого района, который был размежеван на клеры и мог обеспечивать хлебом жителей города и предместья [1989, с. 99, 139-140]. Скорее всего, система клеров была сформирована именно на такой территории, размеры которой соответствовали тогдашнему экономическому потенциалу Ольвийского полиса [1989, с. 139-140]. В таком виде хора существует примерно до последней трети V в. до н.э. [1989, с. 99; 1990, с. 75]. Новое освоение приольвийских земель начинается в это время и к рубежу V-IV вв. до н.э. приобретает массовый характер [1989, с. 99; 1990, с. 75], служа показателем неуклонного роста и развития экономического потенциала полиса [1989, с. 140].

В дальнейшем, в 1990-е гг. понятие «хора Борисфена/Березани», схема, по которой в начале колонизационного периода возникает хора Березанского поселения, прежде всего, занимавшая побережье Березанского лимана и которую позднее сменяет значительно более масштабная хора Ольвии, а также приведенные выше основные хронологические этапы становления ольвийской сельской округи в архаическое и раннеклассическое время – получают в работах исследователей киевской школы постоянную прописку. Среди них, прежде всего, необходимо назвать следующие [см. например: Лейпунська, 1991, с. 115; 1991, с. 77; Крижицький, 1994, с. 167 сл., 179 сл.; Крижицький, Крапівіна, Лейпунська, 1994, с. 20-22, 40; Буйских, 1997, с. 6-9; Назаров, 1997, с. 12, 16-18; Крыжицкий, Лейпунская, 1997, с. 22 сл.; Крижицький, Лейпунська, 1998, с. 300 сл.; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 37-38, 55-57, 83, 90, 91-96; 1999 а, с. 112-119; Крижицький, 1998, с. 69-73; Русяева, 1994, с. 101 сл.; Русяєва, 1998, с. 205-206; 214-217; 1999, с. 400-407; Снытко, 1999; см. также; Vinogradov, Kryzickij, 1995, S. 67 ff.; Kryjickij, 1999, p. 259 ff.; Kryjickij, Bujskih, 1999, S. 67 ff.].

Существенных методологических или фактологических изменений к разработанной в монографических исследованиях 1989 и 1990 гг. концепции в этих работах предложено не было, однако на некоторых затронутых в них «болевых точках» историографии по рассматриваемой проблеме все же имеет смысл остановиться подробнее.

Так, большое внимание вопросам хронологии и периодизации греческой колонизации Нижнего Побужья в цикле работ уделила А.С. Русяева. Период

колонизации «в истории эллинов Нижнего Побужья» она отнесла к промежутку времени от даты основания Борисфена (по Евсевию) – 647/646 гг. до конца переселения сюда ионийцев после разгрома персами Милета в 494 г. до н.э. [Русяева, 1994, с. 100]. Этот период она разделила на два последовательных хронологических этапа с присущими каждому из них особенностями развития.

Первый этап (647/646 гг. – середина VI в. до н.э.) – основание Борисфена – «полиса со всеми элементами экономического обеспечения», поэтапное освоение нового пространства, создание аграрной зоны Борисфена и производственно-ремесленных комплексов Нижнего Поднепровья, проникновение в Лесостепь, расширение торговли со Средиземноморьем и «автохтонами» Лесостепи, выпуск полисной монеты в виде стрелы с символом главного полисного покровителя – Аполлона Врача [Русяева, 1994, с. 100-102].

Второй этап (546 г. до н.э. – первое десятилетие V в. до н.э.) – новая массовая волна колонистов из Ионии после подчинения ее в 546 г. до н.э. персами, значительно пополнившая население Нижнего Побужья [Там же, с. 102]. В третьей четверти VI в. до н.э. новый полис, по предсказанию Дидимейского оракула, получает свое постоянное название «Ольвийский» и обретает нового сакрального патрона – Аполлона Дельфиния. В соответствии с этим монеты-стрелки вытесняются литой монетой в виде дельфина – его атрибута и символа. На этом этапе Ольвией осуществляется систематическое освоение обширной, преимущественно сельскохозяйственной округи, расширение торговли с оседлыми и кочевыми племенами, что ведет «к постепенному усовершенствованию государственной структуры Ольвийского полиса» [Русяева, 1944, с. 103]. Первопоселенцы в данном регионе, по мнению А.С. Русяевой, сами регулировали дальнейшее расселение, принимая в свою общину преимущественно выходцев из Милета и его области» [Там же, с. 103]. Этап заканчивается ок. 494 г. до н.э., когда какая-то часть жителей метрополии переселяется в Ольвию после разгрома персами Милета. С этим процесс колонизации Нижнего Побужья завершается [Там же].

Для самой Ольвии А.С. Русяева также предложила концепцию двухэтапности основания. Нижняя граница начала этого процесса была датирована ею 90-70-и гг. VI в. до н.э. [Русяева, 1995, с. 74; 1998 а, с. 169], когда на месте будущего города появляется первая группа поселенцев и на этой территории возникает небольшая апойкия «искони названная Борисфен, но, вероятно, самими колонистами именовавшаяся Милетополем» [Русяева, 1998 а, с. 169]. Верхняя же граница, т.е. начало второго этапа основания Ольвии, по ее мнению, относится к 60-50м гг. VI в. до н.э. [Русяева, 1995, с. 74; 1998 а, с. 69], когда сюда прибывает новая партия колонистов – первых эпойков, что изменило всю ситуацию в нижнебугском регионе. Это выразилось в переименовании поселения, введении культа нового полисного покровителя и связанного с ним нового денежного знака. Последнее обстоятельство способствовало, по А.С. Русяевой, политическому обособлению Ольвии от других милетских колоний на Понте [1994, с. 102-103; 1998 а, с. 169].

В большом разделе, посвященном Северному Причерноморью во время греческой колонизации, опубликованном во 2-м томе «Давньої історії України», исследовательница отметила, что колонизационная практика греков на раннем этапе обычно проходила две фазы [Русяєва, 1998, с. 203]. *Первая* включала в себя основание апойкии на новых землях, как правило, в месте, имевшем естественную защиту – на островах, полуостровах, мысах и т.п. Через определенное время, с увеличением числа колонистов и подтверждением уверенности в безопасности, начиналась *вторая* фаза – широкое освоение удобных для расселения территорий. Эти фазы колонизационной практики на Понте наиболее выразительно проявились, в первую очередь, в Нижнем Побужье на примере Ольвии и Борисфена, а также на Боспоре [Русяева, 1998, с. 203].

Она считает, что Борисфен был не эмпорием, а самым ранним полисом Северного Причерноморья, основанном, согласно Евсевию, ок. 647/646 г. до н.э. [Там же, с. 203]. При этом в VII в. до н.э. он являлся неким опорным пунктом, «в якому лише якась частина чоловіків займалася торгово-розвідувальною діяльністю» [Там же, с. 214]. Однако, уже в конце VII – начала VI вв. до н.э. здесь произошли существенные изменения – Борисфен стал выпускать свою монету (стрела), он основал поселения на побережье Березанского лимана, составившие в первой половине VI в. до н.э. его хору [Там же, с. 205, 214]. Во второй четверти VI в. до н.э. основывается и поселение на месте будущей Ольвии – как будущий полис и главный центр нижнебугского региона [Там же, с. 206]. Борисфенцам же было подчинено и Ягорлыцкое поселение [Там же, с. 214]. Создание собственной хоры, имевшее целью увеличение производства сельхозпродуктов, по мнению А.С. Русяевой, подтверждает, что экономической основой Борисфена было сельское хозяйство, а не торговля [Там же, с. 214] и он имел «полисно-аграрный институт» [Там же, с. 213].

Максимальную силу Борисфенский полис набрал к середине VI в. до н.э. [Там же, с. 214], однако уже во второй половине VI в. до н.э. главным политическим, экономическим и культурно-религиозным центром Нижнего Побужья с большой сельскохозяйственной округой стала Ольвия [Там же, с. 214]. Борисфенский полис был подчинен более сильному, получившему название ΟΛΒΙΗ ΠΟΛΙΣ [Там же, с. 215-216]. Столь интенсивное развитие региона в продолжение двух основных этапов колонизации стало возможным, как подчеркнула исследовательница, потому что все прибрежные земли в это время не были заселены здесь местным населением [Там же, с. 217].

Кроме того, в другой работе А.С. Русяева высказала сомнение в том, что такой «длительный и поэтапный процесс колонизации Нижнего Побужья вряд ли был беспорядочным и стихийным [1994, с. 103]. Она привела убедительные данные в пользу того, что при наличии в регионе с самого начала социально-политического, экономического и культурного центра полиса, каким была сначала Березань, а затем Ольвия, процесс колонизации мог идти только по установленным еще в метрополии правилам и законам, согласно принятой колонизационной практике и политике формирующегося полиса [Русяева, 1994, с. 103].

Проблемы становления античной хоры в Нижнем Побужье получили дальнейшее освещение в разделе А.С. Русяевой для коллективной монографии по Ольвии (1999 г.). Здесь она, в частности, отметила, что в ходе «милетско-понтийской» колонизации в течение последней четверти VII – VI вв. до н.э. «обширная территория в Днепровско-Березанском бассейне была заселена эллинами» [Русяева, 1999, с. 391]. В этом процессе она выделили два основных этапа: 1) вторая половина VII – первая половина VI вв. до н.э. – появление небольших гражданских общин в основных греческих центрах региона, Ольвии и Борисфене [Там же, с. 399]; 2) третья четверть VI в. до н.э. – массовое переселение ионийцев в Нижнее Побужье [Там же, с. 400]. Массовость колонизационной волны, по ее мнению, во многом объяснялась, с одной стороны, оттоком населения из Ионии в связи с разорением персами милетской хоры, а с другой, «дефицитом в рабочей силе в связи с освоением ольвиополитами и борисфенитами хоры» в Нижнем Побужье [Там же, с. 400].

Ко времени второй волны, как предполагала А.С. Русяева, уже все лучшие земли в ближайшей округе Борисфена и Ольвии были разделены между обосновавшимися здесь ранее колонистами. Поэтому, согласно колонизационной практике, эпойки получили землю только на свободных территориях, т.е. уже отдаленных от центра полиса. С этим она связывает «более позднее возникновение значительно удаленных от Ольвии и Борисфена поселений – особенно к северу от них и на левобережье Буга» [Там же, с. 400]. Следствием этого, на ее взгляд, явилось и возникновение в конце VI – начале V вв. до н.э. ольвийского предместья, т.е. тогда «когда все участки под жилища в городе уже были заняты апойками и первыми эпойками» [Там же, с. 401].

В конце позднеархаического – раннеклассического времени в системе расселения и демографическом потенциале Ольвийского полиса произошли два знаменательных события, которые оказали существенное воздействие на его этно-социальную структуру. Первое, по мнению А.С. Русяевой, выразилось во второй четверти V в. до н.э в «перебазировании» эллинов, обитавших до того на обширной территории в Днепро-Березанском районе, в Ольвию и ее ближайшую округу [Русяева, 1999, с. 407]. Второе же знаменовало собой через полстолетия (в конце V – начале IV вв. до н.э.) обратный процесс, т.е. массовую реколонизацию большой ольвийской хоры. Последняя осуществлялась как за счет внутреннего демографического потенциала полиса, так и с участием переселенцев из метрополии [Там же, с.407].

Краткая схема развития Нижнего Побужья в колонизационный период была дана в работе М.В. Скржинской [1998]. Она подчеркнула, что Борисфен как «первое небольшое поселение» был основан около 647/646 г. до н.э. Кроме того, что он был первым из северопричерноморских колоний, только ему также «посчастливилось сохранить дату своего основания», т.к. время возникновения остальных колоний определяется исключительно по археологическому материалу [Скржинская, 1998, с. 29]. В середине VI в. до н.э. сюда, в Борисфен, прибыла

новая волна колонистов. «Так как им не хватало места на небольшом полуострове с ограниченным запасом питьевой воды, они продвинулись севернее и обосновались в новом центре на берегу Южного Буга (Гипаниса) немного выше его слияния с Днепром» [Скржинская, 1998, с. 27]. Позднее, в V в. до н.э. политический центр региона переместили из Борисфена в Ольвию. К этому времени относится образование Ольвийского государства, в состав которого был включен и Борисфен. Статус самостоятельного полиса, войдя туда, он, однако, не сохранил [Там же, с. 28].

Проблемы формирования Ольвийского государства и связанные с ними процессы становления и развития хоры продолжали занимать в это время одно из центральных мест в работах С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской. В отличие от вышеприведенного мнения А.С. Русяевой о невозможности стихийного характера колонизации Нижнего Побужья, С.Д. Крыжицкий продолжал отстаивать обратное. Так, в разделе об Ольвии коллективной монографии «Античні держави Північного Причорномор'я» он пишет о том, что колонизация была организованной только в отношении Березанского поселения и могла носить здесь торговый характер [Крижицький, 1998, с. 67]. Что же касается Ольвии и тем более окружавших ее поселений, то здесь колонизация была стихийной и носила аграрный характер [Там же]. Во второй – середине третьей четвертях VI в. до н.э. Ольвия, по его мнению, не была ни городом, ни государством, а «просто поселением» и, учитывая ее отдаленность от Березани, не могла входить в состав «організованої березанської хори» [Там же, с. 69]. Позиция автора весьма противоречива. Вслед за этим утверждением говорится о том, что, поскольку Березанское поселение в это время не отличается от других сельских поселений, то руководство процессом колонизации со стороны небольшого «містечка на Березані» представляется ему маловероятным, характер же сельских поселений, которые появляются в эту пору вокруг него, говорит о стихийности процесса колонизации [Там же, с. 69].

В свою очередь, поселения Бугского лимана, которые стали появляться к северу от Ольвии в третьей четверти VI в. до н.э., а также синхронные с Ольвией поселения Днепровского лимана, по мысли С.Д. Крыжицкого, «навряд чи могли складати і хору Ольвії» [Там же, с. 69]. Он исходит из того, что для указанного времени в Ольвии не прослеживается никаких признаков государственности, а структура и застройка сельских поселений носит стихийный характер [Там же]. Положение в регионе изменяется в период между последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. В это время ольвийское поселение приобретает черты, присущие центрам государственных образований, одновременно резко усиливается аграрное освоение региона, и, таким образом, Ольвия становится типичным полисом, «що складався з власне міста та його сільської округи – хори» [Крижицький, 1998, с. 71].

Архаический этап в истории Ольвии завершается в конце первой четверти V в. до н.э., когда население сельских поселений большой хоры сосредотачивается вокруг Ольвии, и приблизительно в это же время за пределами города

возникает предместье [Там же, с. 72-73]. В отличие от сторонников т.н. «скифской военной угрозы», будто бы приведшей к сокращению большой хоры, С.Д. Крыжицкий считает, что причины этого факта нужно искать в другом. По его мнению, они состояли: 1) в необходимости преобразования Ольвии из земляночного поселка в типично античный город, что требовало притока рабочей силы; 2) в понятном желании реорганизовать хору от аморфно и рассредоточено расположенных многочисленных небольших поселений к хорошо организованной и плотно освоенной пригородной хоре в радиусе 5-7 км от города [Там же, с. 73]. О сознательном желании реорганизации большой хоры свидетельствует, согласно автору, тот факт, что и после сокращения здесь все же сохраняется несколько поселений [Крижицький, 1998, с. 73].

Проблем исторического развития ольвийской хоры в самом конце позднеархаического – начале классического периода С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская специально коснулись в работе, подготовленной для «Давньої історії України» [Крижицький, Лейпунська, 1998]. Здесь они, в частности, пишут, что процессы сосредоточения населения большой хоры в городе около второй четверти V в. до н.э. окончательно закрепили социально-экономическое районирование и государственно-политическую структуру Ольвии [Там же, с. 300]. Начиная с этого времени, происходит становление ее как «типового античного міста-поліса з розташованою навколо нього невеликою компактною сільською округою – хорою» [Там же].

О концентрации сельского населения в городе свидетельствует прекращение жизни на большинстве поселений (продолжает функционировать лишь несколько населенных пунктов возле Ольвии), сокращение жилой территории Березанского поселения и возникновение ольвийского предместья [Там же, с. 301]. Однако катастрофическим запустение сельской округи Ольвии не было – ни на одном из поселений не выявлено следов разрушений и пожарищ. Сосредоточение населения хоры в Ольвии не было обусловлено «скифской угрозой» и тем более т.н. «скифским протекторатом» над городом [Там же, с. 301]. В этой связи авторы подчеркивают, что концентрация сельского населения в Ольвии произошла как минимум на два десятка лет раньше, чем начало чеканки монет с именем Эминака, привлекаемой некоторыми исследователями для обоснования идеи скифского протектората, и уж никак не могла быть его следствием [Там же, с. 302].

Наиболее вероятной причиной сосредоточения сельского населения Ольвийского государства в указанное время в его центре авторам представляется потребность внутреннего развития государства. Упадок большой хоры при отсутствии следов скифской военной угрозы, как они считают [Там же], хорошо согласуется с идеей формирования полиса на принципах синойкизма, высказанной в свое время В.В. Лапиным [1966, с. 176]. Объединение независимых сельских поселений, которые стихийно возникали вокруг Ольвии, было обусловлено также желанием их жителей иметь ойкосы в черте самого города,

а именно при синойкизме они могли на это рассчитывать. Многих рабочих рук зависимого или полузависимого населения требовали перестройка города, развитие городского хозяйства, ремесел и т.д. Учитывая вышесказанное, авторы делают вывод, что, начиная со второй четверти V в. до н.э., Ольвия окончательно становится на путь консолидации всех сил для построения независимого полиса [Там же].

Новое массовое освоение большой хоры начинается в конце V в. до н.э. [Там же, с. 305]. А поскольку оно не могло осуществляться только благодаря усилиям самих жителей Ольвии, то есть основания предполагать, что освоение хоры было связано как с внутренней реколонизацией, так и с притоком новой волны эмигрантов из Средиземноморья [Там же, с. 306]. Авторы отвергают другие точки зрения относительно факторов, обусловивших новое освоение хоры, в частности, - интенсивный процесс седентаризации варваров в регионе [Доманский, 1981, с. 162] и ликвидацию скифского протектората и тирании в Ольвии [Виноградов, 1981 а, с. 87-88; 1981 б, с. 59, 65]. Против первого, считают они, свидетельствует характер культуры жителей сельской округи, против второго – большое количество поселений и необходимого для их функционирования населения [Там же, с. 306].

Представляет интерес предложенная авторами структура владений Ольвийского полиса в V – IV вв. до н.э., что включала в себя город, предместье, ближнюю хору (первые две трети V в. до н.э.), дальнюю хору (последняя треть V – первые две трети IV вв. до н.э.) и святилища (Гипполаев мыс, Тендра, Левка и др.) [Там же, с. 308]. Главным собственником земель выступал полис, который на тех или иных правах (аренда, купля-продажа, надел, откуп) передавал землю в пользование общин (храмовые объединения, сельские поселения) или отдельных полноправных граждан. Земля в городе, после выделения участков для теменоса, храмов, агоры, общественных сооружений, разбивалась на ойкопедоны[15], на ближней хоре – на клеры, на дальней хоре – земля выделялась для селищ разного размера, их сельскохозяйственных территорий и усадеб [Там же, с. 308]. Возможно, жители сельских поселений на хоре входили в небольшие общины, которые также контролировали использование земель. Появление в V в. до н.э. небольших отдельно стоящих усадеб [см.: Буйских, 1990; Крыжицкий и др., 1989, с. 122-123] свидетельствует о том, что с этого времени в Нижнем Побужье начался процесс концентрации земель во владении отдельных граждан [Крижицький, Лейпунська, 1998, с. 308].

Возвращаясь к вышерассмотренной работе С.Д. Крыжицкого 1998 г., следует особо отметить, что, не отказываясь в целом от своей идеи о стихийности

[15] Ранее об этом писала А.С. Русяева: «Вследствие колонизационной практики избранная для поселения территория была разделена на ойкопедоны – определенные площади земли под строящийся дом с соответствующими хозяйственными пристройками. При этом, в первую очередь, десятая часть всей территории отводилась под священный участок» [Русяева, 1990, с. 58].

колонизационного процесса в Нижнем Побужье вообще и стихийном формировании как хоры Березани, так и Ольвии в частности [Крыжицкий, 1998, с. 67-69], он все же отмечает, что в конце архаического периода, когда процесс освоения нижнебугских земель приобретает массовый характер, в заселении хоры появляются элементы государственной регламентации [Там же, с. 70]. Эта же мысль была повторена затем и в совместном большом разделе С.Д. Крыжицкого и Н.А. Лейпунской о Нижнем Побужье архаического времени коллективного монографического исследования об Ольвии [1999, с. 91]. В частности, говоря о процессе освоения греками нижнебугского региона, они пишут, что он характеризовался малочисленностью каждой из прибывавших групп колонистов, стихийностью или, по крайней мере, весьма слабой его организацией [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 91; см. также: Крижицький, 1998, с. 70]. И «только в позднеархаическое время, когда процесс формирования хоры расширяется и приобретает массовый характер, можно предполагать появление элементов определенной государственной регламентации заселения сельской округи» [Там же]. В остальном же эта работа во многих положениях повторяет те идеи, что в свое время нашли отражение в «Сельской округе Ольвии» [1989].

Так, авторы говорят о том, что процесс колонизации в Нижнем Побужье мог быть организованным только в отношении Березани. Что же касается Ольвии и особенно окружавших ее поселений, то здесь она носила стихийный характер [Крыжиций, Лейпунская, 1999, с. 37-38]. Хору Березани (Борисфена) составили сельские поселения, появившиеся на берегах Березанского лимана уже во второй четверти VI в. до н.э. [Там же, с. 82]. Ольвия же во второй четверти – середине третьей четверти этого столетия не являлась ни городом, ни государством, а была «просто поселением» [Там же, с. 88]. Поэтому синхронные ей поселения по берегам Днепровского и Бугского лиманов не могли составлять ее хору [Там же, с. 90]. Положение изменяется ко времени около конца третьей – начала последней четвертей VI в. до н.э., к которому относится период окончательного становления Ольвийского государства и вхождение в его состав Борисфена [Там же, с. 90]. Стихийно формирующаяся сельская округа Ольвии составляет ее хору только к рубежу VI-V вв. до н.э. [Там же, с. 91-92]. Архаический этап в жизни Ольвийского государства заканчивается в первой четверти V в. до н.э., когда происходит стягивание населения сельских поселений большой хоры в Ольвию [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 94].

Основная масса поселений хоры «исчезает» не позднее второй трети V в. до н.э. После этого сельская округа ограничивается, главным образом, пригородной зоной, а сельское население сосредотачивается в Ольвии и на Березани [Крыжицкий, Лейпунская, 1999 а, с. 112]. Авторы солидаризируются с мнением В.М. Отрешко [1981, с. 76] о том, что земельные наделы ольвиополитов в это время размещались близ города – между радиальными дорогами, шедшими из Ольвии. Авторы отмечают, что «хотя конкретные следы этих наделов пока не найдены, представить себе процветающую и прогрессивно

развивающуюся Ольвию V в., особенно первой его половины, без какой-либо аграрной зоны трудно» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999 а, с. 113]. Одним из поселений такой ближней хоры была, на их взгляд, Широкая балка, располагавшаяся сразу же за южной границей ольвийского некрополя. В причинах же сокращения большой хоры С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская видят «стремление ольвиополитов к ее реорганизации – редукция аморфно и разреженно заселенных земель большой хоры к хорошо организованной и плотно освоенной приольвийской хоре небольшого радиуса» [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 96].

С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская отмечают, что «картина землевладения и землепользования в Ольвии изменялась в течение V в. до н.э. не менее двух раз – резкое сокращение большого сельскохозяйственного района до пределов пригородной хоры в первой трети столетия и начало ее нового расширения с последней трети того же V в. до н.э. [1999, с. 113]. Массовое же, вторичное освоение большой хоры начинается от рубежа V-IV вв. до н.э. [1999 а, с. 113, 155] и носит, по их мнению, постепенный и более замедленный характер, чем в позднеархаическое время [1999 а, с. 155].

Понятие «большая хора» было впервые применено в отношении сельской округи Ольвии в одноименной монографии 1989 г. [Крыжицкий и др., 1989, с. 94, 220]. Там же в качестве главного признака определения ее границ был выбран критерий плотности освоения территории [Там же, с. 9]. Признавая этот критерий, С.Д. Крыжицкий и Н.А. Лейпунская подчеркивают, что именно сплошное освоение земель и определяет большую хору Ольвии [Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 93]. Представляет интерес, что в ее составе они структурно выделяют: 1) ближнюю, собственно городскую хору, которая определяется радиусом реально возможной обработки земель жителями города и его пригорода – около 5-7 км; 2) более отдаленные сельские поселения, которые, по их мнению, следует относить «к зоне сферы влияния полиса» [Там же, с. 93].

Границы устанавливаемой в свете вышеизложенного критерия большой хоры Ольвии позднеархаического времени в принципе совпадают с теми, что и были намечены в «Сельской округе Ольвии» [ср.: Крыжицкий и др., 1989, с. 9, 21-22; Крыжицкий, Лейпунская, 1999, с. 93]. Единственное отличие – у авторов возникли трудности с определением западной границы ольвийской хоры. По их мнению, ее местоположение определяется только, исходя из гипотезы о том, что к концу позднеархаического этапа Березань уже находилась в составе Ольвийского полиса [Там же, с. 93; см. также: Крижицький, 1998, с. 72]. «В противном случае, - отмечают они, - поселения, в первую очередь, Березанского лимана и, возможно, правого берега Днепровского лимана логично связывать с хорой Березани» [Там же, с. 94]. С этим согласиться нельзя. В позднеархаическое время все сельские поселения Нижнего Побужья, включая и памятники Березанского лимана, а тем более Днепровского лимана, относятся к хоре Ольвии, а не Березани. Этот вопрос достаточно полно и аргументированно освещен в предыдущей литературе, к которой я и отсылаю читателя

[см.: Буйских, 1986, с. 18; Отрешко, 1986, с. 317; Рубан, Урсалов, 1986, с. 47; Рубан, 1988, с. 17; Крыжицкий и др., 1989, с. 94-95; Крыжицкий и др., 1990, с. 42; Буйских, 1997, с. 6].

Мы не можем также согласиться с картиной истории березанской хоры, которая нарисована С.Д. Крыжицким в другой работе [Крижицький, 1994]. По его словам, Березанское поселение, основанное во второй половине (а возможно, и около середины VII в. до н.э.), на определенной стадии своего развития «було полісом, який згодом – можливо наприкінці третьої чверті VI ст. до н.е. – був перенесений до поселення, що одержало назву Ольвія» [Крижицький, 1994, с. 167]. Дальше С.Д. Крыжицкий пишет, что в первой половине VI в. до н.э. на берегах Березанского лимана возникли *многочисленные* (курсив наш – С.Б.) небольшие поселения, которые представляли собой хору Борисфениды [Там же].

В этой связи напомним, что из 107 известных к настоящему времени в Нижнем Побужье населенных пунктов архаического времени [Крыжицкий и др., 1990, с 41] в районе Березанского лимана зафиксировано только 18 [Крыжицкий и др., 1990, с. 18]. Из них к стационарным поселениям относится 7, 1 пункт является святилищем и 10 – сезонными пастушескими стоянками [Крыжицкий и др., 1990, с. 12-18]. Исходя из этих объективных данных, вряд ли можно серьезно говорить о «многочисленности» поселений, составлявших здесь березанскую хору. Тем не менее, по С.Д. Крыжицкому, она полнокровно существует в V в. до н.э., а с конца IV в. до н.э. жизнь в ней замирает на длительное время и возрождается только в первые века нашей эры, хотя уже и никогда не достигает уровня второй половины VI-V вв. до н.э. [Крижицький, 1994, с. 167]. В этой связи следует подчеркнуть, что большинство исследователей считают, что около последней четверти VI в. до н.э. Березань вошла в состав Ольвийского полиса, и ее хора с этого момента стала составной и неотъемлемой частью ольвийской хоры [Отрешко, 1979, с. 156; 1990, с. 14; Крыжицкий, Отрешко, 1986, с. 12-13; Буйских, 1986, с. 18; Рубан, 1988, с. 17; Крижицький, 1989, с. 49; Крыжицкий и др., 1989, с. 22; 1990, с. 42]. Никакими данными о независимой Березани V в. до н.э., IV в. до н.э., и тем более, первых веков н.э., со своей полнокровно функционирующей хорой, наука на сегодняшний день не располагает.

В заключение обзора историографии по киевской школе хотелось бы отдельно отметить работы О.П. Журавлева. Всегда разделявший мнение о существовании в Нижнем Побужье единственной античной сельской округи, а именно – Ольвийской [Журавлев, 1983; 1987; Журавлев и др., 1990], в конце 1990-х гг. он значительно подкрепил и конкретизировал свою точку зрения новыми данными. На основе биометрической обработки остеологического материала, засвидетельствовавшей достоверные отличия между костями крупного рогатого скота из Березани, Ольвии и рядовых античных сельских поселений Нижнего Побужья, исследователь пришел к выводу о наличии здесь в архаическое время нескольких отдельных пород скота, завезенных разными волнами греческих колонистов. По мнению О.П. Журавлева, в ходе первой

из них была основана Березань, позднее появилась Ольвия и некоторые наиболее ранние поселения региона. Наиболее мощной была третья волна второй половины VI в. до н.э., когда, по его мнению, было основано большинство аграрных поселений Нижнего Побужья [Журавлев, 1993, с. 13; 1998, с. 30; 2000, с. 26].

x x x

Таким образом, в 1970-90-е гг., учеными киевской школы отечественного антиковедения в многочисленных статьях, заметках, публикациях, докладах на конференциях, а также в диссертационных и монографических исследованиях активно разрабатывалась проблема становления античного полиса в Нижнем Побужье и его важной составной части – хоры. Максимально используя новые материалы, регулярно поступавшие тогда в распоряжение исследователей в ходе широкомасштабных раскопок и разведок античных поселений региона, они завершили работу своих предшественников по идентификации причерноморской части Нижнего Побужья в качестве *хоры* (земледельческой территории) античного полиса [Буйських, 2007], вначале, по их мнению, Березанского, затем, несколько позднее, Ольвийского. Ими было высказано немало интересных и важных (хотя порою, спорных и даже декларативных) суждений по поводу сложения, принадлежности и ранних этапов ее развития.

Основополагающими в исследовательской деятельности киевской школы по проблемам сложения полиса и хоры в Нижнем Побужье стали работы В.В. Лапина [1966; 1971; 1975; 1978]. Значительный вклад в их разработку внесли А.С. Русяева, С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская, В.В. Рубан, В.М. Отрешко и др. Итогом этого этапа разработки рассматриваемой проблемы как для киевской школы, так и для античной археологии Северного Причерноморья в целом, как представляется, стали два монографических исследования [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990]. Здесь в соответствии с достигнутым уровнем наших знаний была изложена согласованная и оригинальная концепция киевской школы относительно эволюции сельской округи Ольвии.

За исключением некоторых особо дискуссионных моментов, в частности, тезиса о стихийном характере колонизации Нижнего Побужья [критику см.: Марченко, 1994], в остальном эта концепция (в т.ч. и в методологическом плане) была оценена и поддержана коллегами из других научных центров [см. например: Безрученко, 1991, с. 26-27; Паромов, 1991, с. 1; Виноградов, Рогов, 1997, с. 78; Масленников, 1998, с. 277; Марченко, 1999 а, с. 344; Кутайсов, 2001, с. 134, 141; Бутягин, 2001, с. 39, 41; Гаврилов, 2004, с. 67; Зінько, 2005, с. 6; Зинько, 2007, с. 25; Былкова, 2007, с. 20] и прочно вошла в науку. Существенных изменений появившиеся позднее, в 1990-е гг., работы представителей киевской школы в эту концепцию не внесли, подтверждая, детализируя, либо оспаривая лишь ее отдельные стороны.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980-1982 гг.) // АДСП. К., 1988.
Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
Безрученко И.М. Основные итоги изучения истории и культуры Ольвии и ее округи (1980-1989) // ПИКСПАЭ. М., 1991.
Брашинский И.Б. Рецензия на книгу: A. W¹ sowicz. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975 // СА. 1977. № 3.
Буйских С.Б. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры (VI-II вв. до н.э.) // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Буйских С.Б. Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч. 2. Херсон, 1990.
Буйских С.Б. Античные земледельцы Нижнего Побужья. Николаев, 1997.
Буйських С.Б. Хора Ольвійського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // Археологія. 2007. № 1.
Буйских С.Б. Сложение, принадлежность и ранние этапы развития античной хоры в Нижнем Побужье. Часть I. Появление темы и основные аспекты ее решения в 1940-е – середине 1970-х гг. // БИ. 2008. Вып. 19.
Бутягин А.М. Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // БФ. Ч. 1. СПб., 2001.
Былкова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон, 2007.
Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Некоторые закономерности становления и развития греческих государств в Северном Причерноморье // Stratum + ПАВ. СПб – Кишинев, 1997.
Виноградов Ю.Г. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Виноградов Ю.Г. Варвары в просопографии Ольвии // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. (часть I) // ВДИ. 1981 а. № 2.
Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. (часть II) // ВДИ. 1981 б. № 3.
Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. Т. 1. М., 1983.
Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. М., 1989.
Вонсович А. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
Доманский Я.В. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Доманский Я.В. Ольвия и варвары в V в. до н.э. // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Доманский Я.В., Марченко К.К. Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья // 150 лет ОАМ. Тез. докл. конф. К., 1975.
Журавлев О.П. Животноводство, охота и ландшафтные особенности античного Ольвийского государства // Морфологические особенности позвоночных животных Украины. К., 1983.
Журавлев О.П. Остеологические данные и история животноводства Нижнего Побужья в античное время // Методы естественных наук в археологии. М., 1987.
Журавльов О.П. Історія фауни і тваринництва Нижнього Побужжя в античний час. Автореф. дис… канд.. іст. наук: спец. 07.00.04 – археологія. К., 1993.
Журавльов О.П. Фауна Ольвії // Науковий світ. 1998. № 4.
Журавльов О.П. Мисливство і тваринництво античної Ольвійської держави // Пульсар. 200. № 4.
Журавлев О.П., Маркова Е.В., Сычева Л.В. К истории животноводства Ольвийской сельской округи // Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья. К., 1990.
Захарук Ю.Н. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // СА. 1968. № 4.
Зінько В.М. Сільська округа міст Європейського узбережжя Боспору Кіммерійського (VI-I ст. до н.е.). Автореф. дис.…канд. іст. наук: спец. 07.00.04 – археологія. К., 2006.

Зинько В.Н. Хора городов Европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) (БИ. Вып. 15). Симферополь – Керчь, 2007.
Козуб Ю.И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // ХКААМ. М., 1976.
Козуб Ю.И. Древнейшее святилище Ольвии // Ольвия. К., 1975.
Козуб Ю.И. Предместье Ольвии // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV конф. «Эйрене». Ереван, 1979.
Козуб Ю.І. Передмістя Ольвії // Археологія. 1979 а. Вип. 29.
Копейкина Л.В. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-І. Тбилиси, 1979.
Крыжицкий С.Д. О развитии городской территории Ольвии в первом тысячелетии до нашей эры // Цхалтубо-І. Тбилиси, 1979.
Крыжицкий С.Д. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-І. Тбилиси, 1979.
Крижицький С.Д. Вивчення античної культури Північного Причорномор'я // Археологія. 1982. Вип. 40.
Крыжицкий С.Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К., 1985.
Крижицький С.Д. До історії колонізації Нижнього Побужжя // Археологія. 1989. № 3.
Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., 1993.
Крижицький С.Д. Античні держави Північного Причорномор'я // Давня історія України. Кн. 1. К., 1994.
Крижицький С.Д. Ольвія Понтійська // С.Д. Крижицький, В.М. Зубар, А.С. Русяєва. Античні держави Північного Причорномор'я (Україна крізь віки. Т. 2). К., 1998.
Крижицький С.Д., Буйських С.Б. Структура архаїчного поселення Нижнього Побужжя // Археологія. 1988. Вип. 63.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков В.М., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К., 1990.
Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. К истории ольвийской сельской округи // ИААСП. К., 1990.
Крижицький С.Д., Крапівіна В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Ольвия. Раскопки. История. Культура. Николаев, 1997.
Крижицький С.Д., Лейпунська Н.О. Ольвія у другій чверті V ст. до н.е. – 331 р. до н.е. // Давня історія України. Т. 2. К., 1998.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Нижнее Побужье в архаическое время // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. Нижнее Побужье в классическое время // Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Анохин В.А., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Крижицький С.Д., Русяєва А.С. Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. вип.28.
Кутайсов В.А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) // ПИФК. – М. – Магнитогорск, 2001.
Лапин В.В. Экономическая характеристика Березанского поселения // Античный город. М., 1963.
Лапин В.В. Проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья. Автореф. дисс… канд. ист. наук. Л., 1963 а.
Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966.
Лапін В.В. Хора Ольвії // Археологія УРСР. Т. II. К., 1971.
Лапин В.В. Проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации // 150 лет ОАМ, Тез. докл. конф. К., 1975.
Лапин В.В. Березань и проблемы генезиса античной северопричерноморской цивилизации. К., 1978 // НА ИА НАНУ. Ф. 24. № 58.
Лейпунская Н.А. О роли торгово-обменных отношений в экономике Ольвии второй половины VI в. до н.э. // Цхалтубо-І. Тбилиси, 1979.

Лейпунская Н.А. Экономические основы взаимоотношений Ольвии с местными племенами Северного Причерноморья // Цхалтубо-II. Тбилиси, 1981.
Лейпунская Н.А. Особенности экономического развития Ольвии в V в. до н.э. // ПИО. Парутино, 1985.
Лейпунська Н.О. Становлення античного способу виробництва у Нижньому Побужжі (за археологічними даними). Частина I // Археологія. 1991. № 1.
Лейпунська Н.О. Становлення античного способу виробництва у Нижньому Побужжі (за археологічними даними). Частина II // Археологія. 1991 а. № 3.
Марченко К.К. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Марченко К.К. Взаимодействие эллинских и варварских элементов на территории Нижнего Побужья в VII-V вв. до н.э. // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979 а.
Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1.
Марченко К.К. К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. № 3.
Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ПАВ. 1993. № 7.
Марченко К.К. «Стихийная линия» греческой колонизации или к вопросу о характере и путях формирования сельского населения Северо-Западного Причерноморья позднеархаического периода // ВДИ. 1994. № 4.
Марченко К.К. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V-IV вв. до н.э. // Stratum-Plus. 1999. № 3.
Марченко К.К. Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Stratum-Plus. 1999 а. № 3.
Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
Назаров В.В. Древнегреческое поселение на острове Березань. Николаев, 1997.
Островерхов А.С. Этапы и характер греко-скифских экономических связей в Поднепровье и Побужье // ИААЮЗУ. К., 1980.
Отрешко В.М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время // НОСА. Ч. II. К., 1975.
Отрешко В.М. Позднеархаические поселения Березанского лимана // ОМАУ. Ч. 1. К., 1976.
Отрешко В.М. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Отрешко В.М. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Отрешко В.М. О клерах Ольвии // АПАИ УССР. Тез. докл. респ. конф. молодых ученых. К., 1981.
Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981 а. № 1.
Отрешко В.М. Хора Ольвии // Археология УССР. Т. 2. К., 1986.
Отрешко В.М. Ольвийская хора VI-V вв. до н.э. Автореф. дисс…канд. ист. наук: спец. 07.00.06 – археология. К., 1990.
Отрешко В.М. Демографический потенциал архаических крупных поселений ольвийской хоры // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990 а.
Отрешко В.М. Про основи економіки Березанського поселення // Археологія. 1994. № 2.
Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. Автореф. дисс… канд.ист. наук: спец. 07.00.04 – археология. СПб., 1994.
Пругло В.И. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Рубан В.В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени // 150 лет ОАМ. Тез. докл. конф. К., 1975.
Рубан В.В. Исследования античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973-1974 гг. // НОСА. Ч. II. К., 1975 а.
Рубан В.В. Рецензия на книгу: A. W¹ sowicz. Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975 // ВДИ. 1977. № 2.
Рубан В.В. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья // Древние города. Матер. к Всесоюзн. конф. Пенджикент, 1977. Л., 1977 а.
Рубан В.В. Основные этапы ионийской колонизации Западного и Северо-Западного Причерноморья // АИУ в 1976-1977 гг. Тез. докл. XVII конф. ИА УССР. Ужгород, 1978.

Рубан В.В. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Полис и хора. Вопросы экономики, политики и культуры. Конф. ВДИ. Тез. докл. М., 1978 а.
Рубан В.В. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья // Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации. Матер. II Всесоюзн. симпоз. Тбилиси, 1979.
Рубан В.В. О датировке Ягорлыцкого поселения // ИААСП. К., 1980.
Рубан В.В. Внешнеполитический фактор в истории населения хоры греческого периферийного полиса (на примере Ольвии догетского времени) // АИУ в 1978-1979 гг. Тез. докл. XVIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980 а.
Рубан В.В. Типы античных памятников Правобережья Бугского лимана // АПАИ УССР. Тез. докл. конф. К., 1981.
Рубан В.В. Археологический комплекс поселения Чертоватое-II на Бугском лимане // ПДКСЗП. К., 1981 а.
Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана (по материалам хиосских амфор) // МХАПУ. К., 1982.
Рубан В.В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // НАП. К., 1982 а.
Рубан В.В. Основные этапы пространственного развития Ольвийского полиса (догетское время). Автореф. дисс… канд. ист. наук: спец. 07.00.04 – археология. К., 1988.
Рубан В.В. Расселение на территории Северо-Западного Причерноморья в VII-V вв. до н.э. // Первая правобережная краеведческая конф. Тез. докл. Кировоград, 1988 а.
Рубан В.В. Хора Истрии в VII-V вв. до н.э. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990.
Рубан В.В., Урсалов В.Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. 1986. № 4.
Рубан В.В., Урсалов В.Н. Из истории денежного обращения в Нижнем Побужье доримского времени // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.
Русяєва А.С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. 1979. Вип. 30.
Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К., 1979 а.
Русяєва А.С. До питання про початкове заселення греками Північно-Західного Причорномор'я // УЇЖ. 1979 б.
Русяева А.С. Греческая колонизация Северного Причерноморья // Археология УССР. Т. 2. К., 1986.
Русяева А.С. Борисфен (Березанское поселение) // Археология УССР. Т. 2. К., 1986 а.
Русяева А.С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986 б. № 2.
Русяева А.С. К проблеме этнической и социально-экономической истории Ольвийского полиса в период архаики // 10-я авторско-читат. конф. ВДИ. Тез. докл. М., 1987.
Русяева А.С. Новые данные о культе Аполлона Врача в Ольвии // АДСП. К., 1988.
Русяева А.С. Идеологические представления древних греков Нижнего Побужья в период колонизации // Обряды и верования древнего населения Украины. К., 1990.
Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии (предварительные итоги) // ВДИ. 1991. № 4.
Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. К., 1992.
Русяева А.С. Основные черты и особенности культурно-исторического развития Нижнего Побужья в период колонизации // ВДИ. 1994. № 4.
Русяева А.С. Так когда же ионийцы основали Ольвию? // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Харьков, 1995.
Русяєва А.С. Північне Причорномор'я під час грецької колонізації // Давня історія України. Т. 2. К., 1998.
Русяева А.С. К вопросу об основании ионийцами Ольвии // ВДИ. 1998 а. № 1.
Русяева А.С. Население Ольвии // Крыжицкий С.Д. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. К., 1999.
Русяева А.С., Мазарати С.Н. Археологические исследования у Широкой Балки близ Ольвии // Ольвия и ее округа. К., 1986.
Русяева А.С., Скржинская М.В. Ольвийский полис и каллипиды // ВДИ. 1979. № 4.

Скржинская М.В. О происхождении названия города Ольвии // ВДИ. 1981. № 3.
Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
Славін Л.М. Древньогрецьке поселення на острові Березань // Наукові записки КДУ. 1956. Т. 15. Вип. 6. Історичний збірник № 7.
Снытко И.А. Новые сведения о погребальных сооружениях хоры Ольвии архаического времени // Слов'янський світ та античні традиції. Миколаїв, 1999.
Соловьев С.Л. Архаическая Березань: историко-археологический очерк // АВ. 2000. № 7.
Соловьев С.Л. Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб., 2000 а.
*Станицына Г.*А. Личный фонд В.В. Лапина (обзор документов) // BORYSTHENIKA. Тез. чтений к 70-летию В.В. Лапина.- К., 1998.
Тереножкин А.И. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // СА. 1968. № 4.
Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. Рецензия на книгу: В.В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К., 1966 // ВДИ. 1969. № 3.
Щеглов А.Н. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Яйленко В.П. Выступление в дискуссии по проблемам греческой колонизации Северного Причерноморья // Цхалтубо-I. Тбилиси, 1979.
Hind J.G.F. Book review on A. W¹sowicz // JHS. 1980. 100.
Kryjickij S.D. Les particularités de la colonisation grecque dans la territoire d'Olbia Pontique // BCH. Suppl. 34. 1999.
Kryjickij S.D., Bujskih S.B. La dymanique d'aménagement du territoire rural d'Olbia Pontique // BCH. Suppl. 34. 1999.
Vinogardov Ju.G., Kryzickij S.D. Olbia. Eine altgriechische Stadt im nordweslichen Schwarzmeerraum.- Leiden, 1995.
W¹sowicz A. Olbia Pontique et son territoire. - Paris, 1975.

S.B.Buiskikh

FORMATION, AND EARLY SYAGES IN THE DEVELOPMENT OF ANCIENT CHORAE IN THE LOWER BUG AREA PART 2

Summary

This part covers the history of the working out the problem by Kyiv school of ancient studies in the last third of the 20th century. The works of V.V.Lapin were basic [1966; 1971; 1975; 1978]. A.S.Rusyajeva, S.d.Kryzhitsky, N.A.Leipunskaya, V.V.Ruban, V.M.Otreshko, etc. have made an important contribution into studying and working out of different aspects of ancient polis and its chora in the Lower Bug area. As the result, two monographic researches devoted to the rural neighbourhood [Kryzhitsky, 1089; Kryzhitsky in 1980]. The conception, according to which early ancient *chora* in the Lower Bug area passed three main stages of evolution has been developed in the article.

At the first stage (the second half of the 7th – the first quarter of the 6th century BC) there was polis Borusthenes with unsettled agricultural zone. Borusthenes got a settled *chora* in the form of some rural settlements at the second stage (the second-the third quarter of the 6th century BC). At the third stage (the last quarter of the 6th – the first quarter of the 5th century BC) Borusthenes belonged to Olbian polis. Its *chora* spread over the territory of the Lower Bug area. Reduction of the *chora* at the end of the first quarter of the 5th century BC was due to the fact that there were objective domestic needs of the Olbian state, connected with the completion of the process of its formation.

Н.П. АНДРУЩЕНКО

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЕССА АНТИЧНОЙ ВИНОДЕЛЬНИ НА ТЕМИР-ГОРЕ

Античная винодельня на Темир-горе была одной из первых среди раскопанных на территории Северного Причерноморья. К сожалению, А.Е. Люценко, проводивший в 1870 г. археологические исследования этого памятника, не смог правильно идентифицировать остатки древнего сооружения. Каменные остатки технических устройств, используемые при выдавливании виноградного сока, он принял «...за приспособления для сбора дождевой воды» [Гайдукевич, 1958, с. 354]. Ошибку можно объяснить отсутствием в то время находок античных виноделен в Крыму. А.Е. Люценко даже не догадывался, что ему посчастливилось сделать сенсационное открытие.

Следует отметить, что А.Е. Люценко не был исключением. В подобной ситуации оказались и другие исследователи. Так, в 1928 году К.Э. Гриневич раскопал каменный груз рычажного пресса античной винодельни Херсонесской хоры, который был обнаружен им на территории бывшей античной усадьбы, расположенной в так называемой балке Бермана на окраине Севастополя. Он не смог распознать в археологической находке элемент прессового устройства, так как на тот момент аналогичных находок в Крыму еще не было. Найденное изделие К.Э. Гриневич охарактеризовал как «орудие производства неизвестного назначения» [Гриневич, 1929, с. 49].

А.А. Миллер в 1931 г. проявил излишнюю осторожность в определении открытой им винодельни на античном городище в Патрасии, расположенном на Таманском полуострове, считая, что «...только лабораторным исследованием образцов цемента возможно будет проверить предположение о винодельческом назначении сооружения» [Миллер, 1932, с. 68]. Надо отдать должное А.А. Миллеру, он сумел высказать верную догадку по поводу того, что раскопал, однако довести дело до конца не смог. Вместо него это сделал В.Ф. Гайдукевич. В 1930-е годы на территории боспорских поселений Мирмекия и Тиритаки В.Ф. Гайдукевичем были раскопаны и впервые идентифицированы античные винодельни. Стало ясно, что на территории Крыма в античное время были винодельни. После этого, он сделал вывод, что следует без всяких колебаний «...признать в открытом на городище Патрасии в 1931 г. сооружении остатки большой винодельни первых веков нашей эры» [Гайдукевич, 1958, с. 355].

Еще большая заслуга В.Ф. Гайдукевича состоит в том, что он ввел в научный

обиход античную винодельню, открытую в далеком 1870 г. Дело в том, что А.Е. Люценко, не догадываясь об открытии им винодельни, результаты раскопок на Темир-горе не опубликовал.

Как часто случается, не обошлось без недоразумений. Так, Н.И. Винокуров выразил необъяснимую озабоченность по поводу того, «... что винодельня ТГ-1 была реконструирована В.Ф. Гайдукевичем по рисунку. Реконструкция раскопками не проверялась» [Винокуров, 2007, с. 137]. Интересно, стал бы Н.И. Винокуров настаивать на проверке раскопками, если бы вместо рисунка была фотография археологического раскопа на Темир-горе. Однако в 1870-е годы фотографических методов фиксации результатов археологических раскопок еще не существовало. Поэтому прибегали к услугам художников. Можно упомянуть в этой связи, что знаменитый поэт и художник Т.Г. Шевченко привлекался к работе в археологических экспедициях. В то время это было обычной практикой. Поэтому В.Ф. Гайдукевичу не могло прийти в голову не доверять художнику Ф.И. Гроссу. Именно внимательное рассмотрение рисунка археологического раскопа на Темир-горе позволило В.Ф. Гайдукевичу догадаться, что А.Е. Люценко открыл никакой не «сборник дождевой воды», а самую настоящую винодельню.

Бездоказательные сомнения, вольно или невольно умаляющие достижение выдающегося исследователя, ничего кроме недоумения вызвать не могут. Что касается археологических проверок, то в своё время В.Ф. Гайдукевич сообщил, что ещё в 1936 г. проводилось обследование «...на Темир-горе места раскопок 1870 г.» [Гайдукевич, 1958, с. 407]. Так что, проверка была, и выводы относительно винодельни были сделаны В.Ф. Гайдукевичем с учетом её результатов. Несмотря на это, надо отдать должное Н.И. Винокурову, который вопреки всем своим сомнениям не забывает регулярно публиковать в своих трудах реконструкцию плана винодельни ТГ 1, выполненную В.Ф. Гайдукевичем [Винокуров, 1999, с. 33; 2007, с. 136].

История открытия античной винодельни на Темир-горе носит в буквальном смысле слова детективный характер. По сути дела, она была второй раз «раскопана» в архиве. Это обстоятельство и то, что она была самой первой из найденных на территории Крыма, объясняют повышенный интерес, проявляемый к данному археологическому памятнику.

Какой была эта античная винодельня без находки пресса очень трудно представить. На рисунке Ф.И. Гросса пресса нет по очень простой причине - не сохранился. Однако, по косвенным данным, можно предположить, каким он был. В.Ф. Гайдукевич дал подробное описание работы прессового устройства винодельни на Темир-горе. Однако никакое описание не может заменить изображения. Поэтому предполагается дополнить словесное описание графической реконструкцией рычажного пресса, используемого на античной винодельне (рис. 1).

Кроме того, следует отметить, что В.Ф. Гайдукевич назвал реконструированный им план винодельни ТГ 1 на Темир-горе приблизительным [Гайдукевич, 1958, с. 408]. Дело в том, что на этом плане он дал только схему центрального

ядра винодельни ТГ 1. На схематическом плане показано размещение двух винодавильных площадок и двух резервуаров для сбора виноградного сусла. На схеме не разграничены стены винодавильного помещения и стенки резервуаров. Те и другие одинаково заштрихованы, что затрудняет прочтение чертежа. Можно только посетовать на то обстоятельство, что В.Ф. Гайдукевич по каким-то причинам не сделал более подробную реконструкцию плана винодельни ТГ 1. Однако, опираясь на рисунок Ф.И. Гросса, представляется возможным детализировать эту графическую реконструкцию (рис. 2).

В.Ф. Гайдукевич обратил внимание на общие черты в планировочных структурах боспорских виноделен ТГ 1 на Темир-горе и Т 2 на Тиритаке. В той и другой винодельне - две винодавильные площадки. Одна - для растаптывания винограда ногами. Другая - для отжима виноградной мезги с помощью пресса. Для сбора виноградного сусла в обеих винодельнях предусматривалось устройство двух резервуаров, разделенных вертикальной стенкой. Для организации стока виноградного сусла в резервуары использовались однотипные каменные сливы. В этих винодельнях оказались очень похожими бортовые каменные ограждения, образованные плитами высотой 0,5 - 0,6 м, которые отделяют винодавильные площадки от суслоприемников. В.Ф. Гайдукевич предположил, что на винодельне ТГ 1, по аналогии с винодельней Т 2, был установлен рычажно-винтовой пресс. Точка опоры заднего конца рычага была устроена в нише, образованной в стене винодельни. Не прошла мимо внимания исследователя очень важная деталь на рисунке Ф.И. Гросса - вырез в каменном борту винодавильной площадки, необходимый для свободного движения рычага при работе пресса. Этот вырез является убедительным свидетельством наличия рычажного пресса на винодельне.

В итоге следует отметить, что графическая реконструкция прессового оборудования винодельни ТГ 1 на Темир-горе дает возможность:

- сделать более наглядным представление о первоначальном виде античной винодельни, раскопанной А.Е. Люценко на Темир-горе в 1870 г.

- достойно оценить вклад, внесенный В.Ф. Гайдукевичем в исследование винодельни ТГ 1, по сути дела, заново открывшим ценнейший археологический памятник.

ЛИТЕРАТУРА

Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. - М. 1999.

Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. - Симферополь-Керчь. 2007.

Гайдукевич В.Ф. Укрепленная villa rustica на Темир-горе. //СА, VII, 1941.

Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре. // МИА 85. - 1958.

Гриневич К.Э. Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района. // Крым, №2 (10). - М-Л. 1929.

Миллер А.А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. //Сообщения ГАИМК. - 7/8. - 1932.

N.P.Andryushchenko

TO THE RECONSTRUCTION OF THE PRESS
FROM THE ANCIENT WINERY ON TEMYR MOUNTAIN

Summary

The ancient winery on Temyr Mountain was one of the first wineries excavated on the territory of the north Pontic area. In 1870, A.E.Lyutsenko made archaeological research of this monument but he could not identify the remains of the ancient construction correctly.

Only in the 30s of the 20th century V.F.Gaidukevich put that ancient winery into scientific circulation. Performed graphic reconstruction of the press equipment of the winery on Temyr Mountain gives a new idea of this ancient monument.

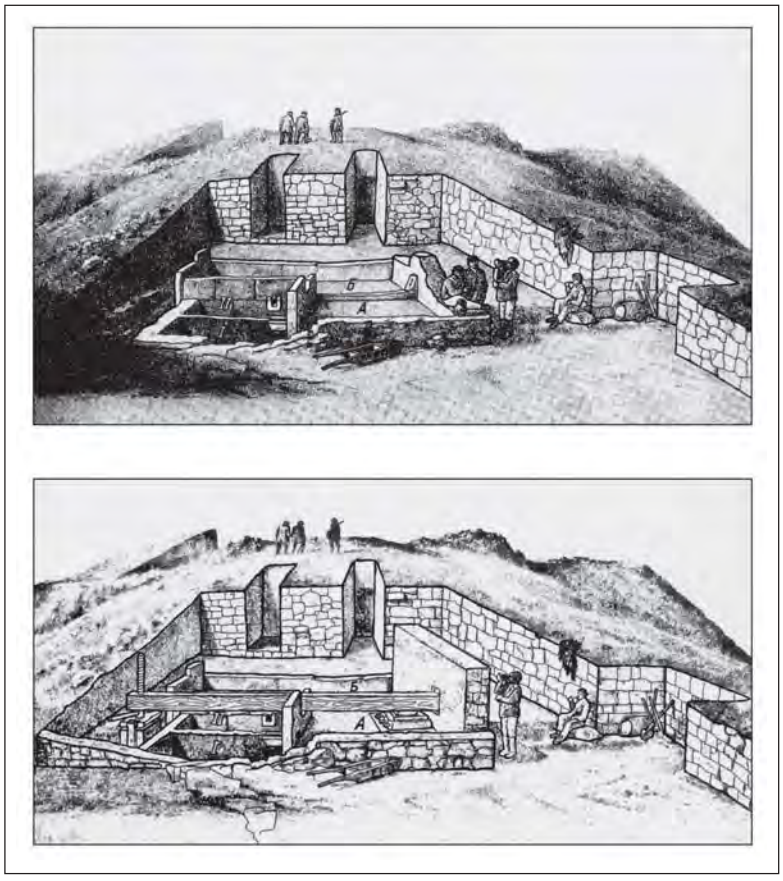


Рис. 1. Общий вид раскопа античной винодельни на Темир-горе.

1. – Рисунок Ф.И. Гросса. 1870 г. (по В.Ф. Гайдукевичу).

2. – Прорисовка рисунка Ф.И. Гросса с добавлением изображения античного пресса (по Н.П. Андрущенко).

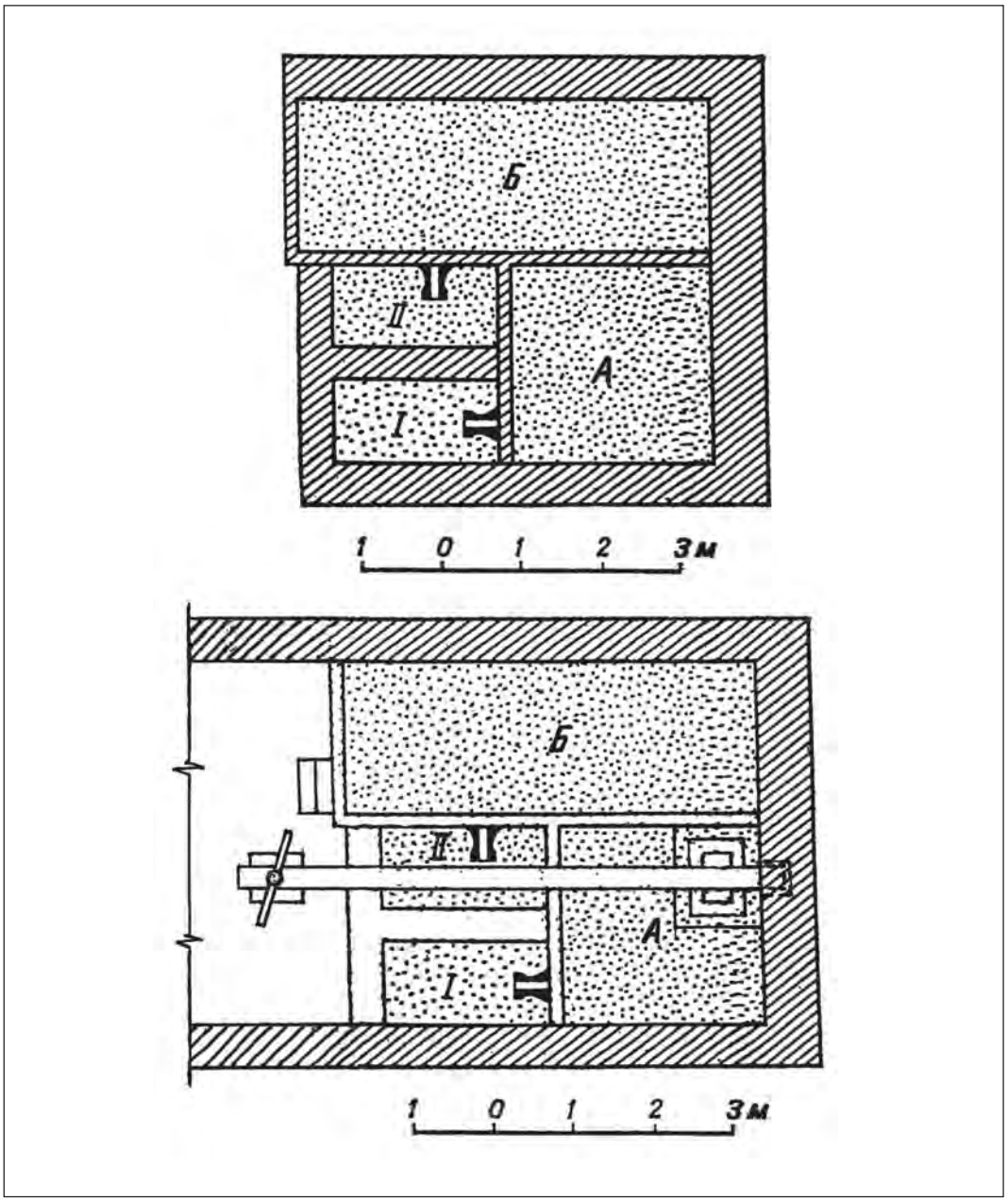


Рис. 2. Реконструкция плана античной винодельни на Темир-горе.

1.– План винодельни ТГ1 на Темир-горе (по В.Ф.Гайдукевичу)

А, Б - давильные площадки;

I, II – резервуары.

2 – Реконструкция прессового устройства на винодельни ТГ1 (по Н.П. Андрущенко)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
AE	– L' Année Épigraphique
AJA	– American Journal of Archaeology
AMV	– Acta Musei Varnensis Analele ANTIM Analele Asociatiei Nationale a Tinerilor Istorici din Moldova, Chsinau
ARV	– Beazley J.D. Attic Red-figure Vase-painters. 2 edition. Oxford, 1963
BAR	– British Archaeological Reports
BCH	– Bulletin de Correspondance hellénique
CAH	– Cambridge Ancient History
CVA	– Corpus vasorum antiqorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moskow. 1996
EAD	– Exploration archéologique de Délos GCA. Greek and Cypriote Antiquities in the Archaeological Museum of Odessa. Nicosia, 2001
IOSPE, I2	– Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - 2-ed. - Petropolis, 1916
JHS	– Journal of Hellenic Studies PG Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurente J. P.Migne. Patrologiae graeca
RE	– Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung / Hrsg. V. G. Wissowa, W. Kroll u. a. Stuttgart
REB	– Revue des Études Byzance
SBS	– Studies in Byzantine Sigillography
UKV	– Schefold K. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen//Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen. Berlin- Leipzig. 1934. Bd.4
АВ	– Археологические вести. СПб.
АДЖ	– Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск-Екатеринбург
АДУ	– Археологічні дослідження на Україні
АИК	– Археологические исследования в Крыму
АИМ	– Археологические исследования в Молдавии
АМ	– Штітельман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977
АМА	– Античный мир и археология
АНО	– Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988
АО	– Археологические открытия. Москва
АП	– Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Л., 1973
АП УРСР	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРК	– Античная расписная керамика из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 1985
АС	– Античная скульптура. Из собрания Керченского историко- культурного заповедника. Киев, 2004
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.

Список сокращений

БИ	– Боспорские исследования
БИАС	– Бахчисарайский историко-археологический сборник
БС	– Бахчисарайский сборник
БС	– Боспорский сборник
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ГЗ	– Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи У-IУ вв. до н. э. СПб., 1995
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ДБ	– Древности Боспора
ДБК	– Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГН	– Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб., 1999
ДТОП	– Древнейший теменос Ольвии Понтийской
ЗОАО	– Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии
КБН	– Корпус боспорских надписей
КПКЖ	– Лукьянов С.С., Гриневич Ю.П. Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // МАР. № 35. 1915
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России
МГПИ	– Московский государственный педагогический институт
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ	– Научный архив Института археологии НАН Украины
НА КГИКЗ	– Научный архив Керченского государственного историко-культурного заповедника
НА НЗХТ	– Научный архив национального заповедника «Херсонес Таврический»
НЗХТ	– Национальный заповедник “Херсонес Таврический”
НС	– Нумизматика и сфрагистика
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии.
ОАМ	– Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983
ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ПАК	– Проблемы античной культуры
ПБП	– Кобылина М.М. Поздние боспорские пелики// МИА. № 19. 1951
ПГКСВП	– Проблемы греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья. Тбилиси
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. Москва — Магнитогорск
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.
СС	– Сугдейский сборник
СХМ	– Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа. СПб.
ТС	– Терракоты Северного Причерноморья. Свод археологических источников. Вып. Г 1- 11. М.,1970. Т.1, 2
Хсб	– Херсонесский сборник. Севастополь

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Русяева А.С. К вопросу о происхождении названия «Борисфен» 3
Скржинская М.В. Реальные и мифические народы
в изображениях на памятниках искусства из античных городов
Северного Причерноморья (VI- IV вв. до н. э.) 13
Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья.
I. Предгорный Крым 42
Трейстер М. Ю. Бронзовый нагрудник панцыря с изображением головы
Медузы из кургана № 6/1914-1915 у ст. Елизаветинской в Прикубанье 120
Быковская Н.В. Изделия из стекла из женского погребения IV в. до н.э.
из Старшего кургана курганной гряды Три брата..... 135
Шамрай А.Н. Локализация узлового навигационного пункта
Азиатского Боспора – Корокондамы 144
Терещенко А.Е. Ситуация на западных границах Боспорского царства
в конце IV – III вв. до н.э. по материалам монетных находок 164
Крыжицкий С.Д. Опыт реконструкции жилых домов
центрального квартала на участке НГС в Нижнем городе Ольвии..... 182
Парфенов В.Н. Боспорская хронология: несколько замечаний 212
Зубарь В.М. Из истории экономического развития Херсонеса-Херсона
во второй половине I в. до н.э. - VI в. н.э. 226
Грацианская Л.И. Место теологии в светском литературном
памятнике (теологические изыскания Страбона) 296
Строков А.А. Ременные гарнитуры
гуннской эпохи Азиатского Боспора 303
Магомедов Б.В., Диденко С.В. Краснолаковая керамика
в черняховской культуре 320
Алексеенко Н.А. «Militaria Byzantina» в Таврике
(по данным моливдовулов) 350
Бубенок О. Б. Адыги на Нижнем Дону (относительно первого
упоминания о касогах в древнерусских летописях) 357
Сейдалиев Э. И. Эволюция клинкового оружия
средневековых кочевников в степях Южной Украины
и Крыма до вторжения монголо-татар 364

ПУБЛИКАЦИИ

Молев Е.А. Общие итоги раскопок городища Китей в 2004-2006 гг. 375
Зинько В.Н., Шамрай А.Н. Подводные археологические
наблюдения и разведки у горы Опук 449
Винокуров Н.И., Павловский А.И. Исследование гидросистемы
на окраине античного городища Тасуново (Кош-Кую)..... 459
Пономарев Л.Ю. К археологической карте средневековых
памятников восточной оконечности Керченского полуострова 490

ИСТОРИЯ НАУКИ

Буйских С.Б. Сложение, принадлежность и ранние этапы развития
античной хоры в Нижнем Побужье 521
Андрющенко Н.П. К реконструкции пресса
античной винодельни на Темир-горе 566

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 571

CONTENTS

ARTICLES

Rusyayeva A.S. To the Question of the Name «Borusthenes» Etymology 3
Skrzhinskaya M.V. Real and Mythical Peoples in Representations on Art Monuments from Ancient North Pontic Area Cities (the 6th-the 4th century BC) 13
Smekalova T.N. Tumuli in the North Pontic Area Landscape I. Piedmont Crimea 42
Treister M.Y. Bronze Coat of Mail Breastpate Representing the Head of Medusa from the Tumulus 6\1914-1915 near Elizavetinskaya in the Kuban Region 120
Bikovskaya N.V. Glass Ware from Female Burial Dated Back to the 4TH Century BC from Starshy Kurgan of «Three Brothers » Ridge 135
Shamrai A.N. Localization of Main Navigation Point of Asian Bosporus – Korokondama 144
Tereshchenko A.E. Situation on the Western Borders of the Bosporus Kingdom in the End of the 4TH – 3RD Century BC According to the Numismatic Finds 164
Kryzhitsky S.D. Experience of Reconstruction of Central Residental Area Dwelling Houses at the Site NGS in the Low Town of Olbia 182
Parfenov V.N. The Bosporos Chronology: Some Notes 212
Zubar V.M. From the History of Economic Development of Chersonesos-Kherson in the Second Half of the 1st c. BC – the 6th c. AD 226
Gratsianskaya L.I. The Place of Theology in Temporal Literary Sources (Theological Survey of Strabo) 296
Strokov A.A. Belt Fittings of Hun Age from Asian Bosporus 303
Magomedov B., Didenko S. Red Slip Ware in the Chernyakhov Culture 320
Alexeyenko N. «Militaria Byzantina» at Taurica 350
Bubenok O.B. Adygeis on the Lower Don (Concerning the First Mentioning of the Kasogs in Ancient Russian Chronicle) 357
Seidaliev E.I. Evolution of Blade Weapon of Medieval Nomads in the Steppes of Southern Ukraine and the Crimea before Mongol-Tatar Horde 364

PUBLICATIONS

Molev E.A. General Results of Archaeological Digs of Kytaia City Site in 2004-2006 375
Zin'ko V.N., Shamrai A.N. Underwater Archaeological Observation and Prospecting near Opuk Mount 449
Vinokurov N.I., Pavlovsky A.I. Research of a Hydrosystem in the Outskirts of the Ancient City Site of Tasunovo (Kosh–Kuyu) 459
Ponomaryov L.Y. To Archaeological Map of Medieval Monuments of the Eastern Extremety of the Kerch Peninsula 490

HISTORY OF SCIENCE

Buiskikh S.B. Formation, origin and Early Stages in the Development of Ancient Chorae in the Lower Bug Area Part 2 521
Andryushchenko N.P. To the Reconsrtuction of the Press from the Ancient Winery on Temyr Mountain 566

ABBREVIATIONS 571

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXI

Сборник

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.Н. Зинько

Перевод на английский *Н.М. Красиной*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректор *В.Н. Солин*

575

Наукове видання

Боспорські дослідження

Вип. XXI

Збірник
(російською мовою)

Відповідальний редактор
доктор історичних наук В.М. Зінько

Здано на виробництво 31.03.2009 р.
Підписано до друку 06.05.2009 р.
Формат 70х100 $^{1}/_{16}$. Умов. друк. арк. 46,8 + 0,16 укл.
Папір офсетний + крейдований укл.
Гарнітура Times New Roman.
Друк офсетний. Тираж 600. Замов. 938.
Ціна договірна.

ТОВ «Керченська міська друкарня»
свідоцтво держ. реєстрації, серія КМ, ц 002, 05.05.2000 р.
98300, м. Керч, вул. Кірова, 13